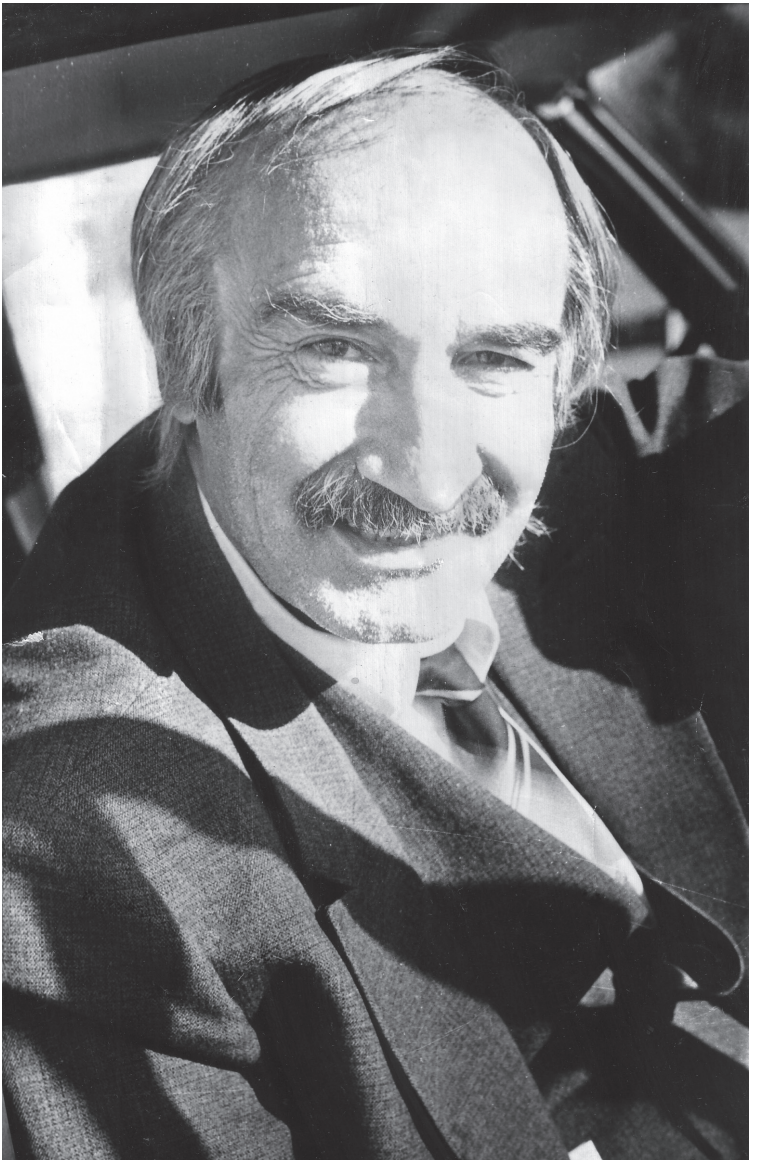
История Балкарии и Карачая
в трудах Исмаила Мизиева

История **Балкарии и Карачая** в трудах Исмаила Мизиева

В трех томах

Том I

Нальчик
Издательство М. и В. Котляровых
2010

УДК 902.7 (С 16)
ББК 63.3 (2Р–К-Б) 4
И 90

История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3 т. –
И 90 Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Т. 1. – 472 с.

ISBN 978–5–93680–336–9

Известный ученый, археолог и этнограф, Исмаил Мусаевич Мизиев (1940–1997) разработал оригинальную концепцию древней истории и этнической культуры тюркских народов, посвятив свою жизнь исследованию научных проблем средневековой истории балкарцев и карачаевцев. В результате многолетних археологических экспедиций, анализа этнографических, исторических и лингвистических источников, трудов российских и зарубежных авторов ученый вынес твердое убеждение, что балкарцы и карачаевцы являются автохтонными народами Центрального Кавказа.

В трехтомник, приуроченный к 70-летию со дня рождения самобытного ученого-кавказоведа, вошли все опубликованные им книги.

© Издательство М. и В. Котляровых, 2010

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемый вниманию читателей трехтомник включает в себя все опубликованные книги Исмаила Мусаевича Мизиева начиная с 1970 г. При жизни автора увидели свет десять работ, одна («Следы на Эльбрусе») вышла в 2000 г., уже после его смерти.

Верность одной теме (истории Карачая и Балкарии), естественно, отразилась на том, что многие из приводимых фактов, документов, источников «перекочевывают» (если позволительно так выразиться) из одной работы в другую. Руководствуясь тем, что устранение данных повторов лишает работы их законченности и цельности, издатели приняли решение не вмешиваться в ткань повествования. В то же время убраны все повторы в иллюстративном материале – он суммирован, обобщен и представлен цельной вкладкой (публикуется во втором томе) с отсылкой в каждой из работ к конкретному рисунку или фотографии, сведенным единой нумерацией. Ссылки на источники, используемые в каждой из книг, соответствуют оригиналам, а списки литературы объединены в один общий, публикуемый в третьем томе.

Также в процессе подготовки издания к печати решено было оставить в каждой из работ авторскую редакцию написания географических названий и различных терминов (т. е. в одних – в русской транскрипции, в других – в карачаево-балкарской); географических объектов оканчивающихся на *-су, -баши, -сырт, -тау* и т. д. (по современным правилам иноязычные названия рек и гор пишутся слитно). Это же касается и названий аулов.

Устранен, в пределах возможного, разнобой в написании собственных имен и сокращений слов; внутри каждой из работ они приведены к единообразию.

Сведение в единый информационный контекст всех работ ученого позволило выявить ряд неточностей, опечаток (к примеру, при цитировании альпиниста Грове неверно было указано расстояние между объектами – 400 вместо 4000 футов и т. д.).

Публикация всех книг Исмаила Мизиева видится издателям значительным вкладом в дело написания подлинной истории Балкарии и Карачая.

НЕЗАМЕНИМОЕ НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

В нынешнем году исполняется 70 лет со дня рождения замечательного человека и самобытного ученого-кавказоведа Исмаила Мусаевича Мизиева (1940–1997).

Пять лет назад был опубликован сборник, вместивший в себя, кроме подробного биографического очерка вкупе с обзором научного наследия, воспоминания тех, кто близко знал и искренне ценил выдающегося сына балкарского народа [1]. Горько сетую, что в силу ряда обстоятельств не смог принять в нем участия, хотя сам стоял у истоков (будучи научным редактором и автором предисловия) концептуально-знаковой монографии И. М. Мизиева [2], переданной мне 31 мая 1986 г. с дарственной надписью: «Дорогому Виталию Виноградову с глубочайшей благодарностью за теплые слова и братскую поддержку». В этих словах – суть наших долгих человеческих и научных отношений и нынешней моей неизбывной памяти, прошедшей через немалые испытания на прочность…

Уроженец сел. Нижний Чегем, малым ребенком пережил драму выселения (1944–1957), которая, к счастью, не убила и не лишила его тяги к образованию. Вернувшись в родное селение, Исмаил завершил учебу в школе-десятилетке и в 1958 г. поступил на историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского университета, где проявил себя толковым, инициативным студентом с научными наклонностями. Здесь нашел свою верную избранницу Галину Шкаровскую; вернулся, уже в качестве учителя, в сельскую школу. Чуть позже поступил в аспирантуру Института археологии АН СССР, где его научным руководителем был крупнейший ученый, лидер кавказской археологии, впоследствии лауреат Ленинской премии Е. И. Крупнов.

Успешно защитив в декабре 1967 г. кандидатскую диссертацию, опубликовав к этому времени ряд исследовательских статей, И. М. Мизиев начал свою трудовую деятельность в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте. С необычайным рвением и высокой результативностью он участвует в раскопках древностей в горных районах республики, активно публикуется в местных и академических изданиях. В эти же годы (1970–1976) выходят в свет и его первые монографии, адресуемые, прежде всего, читателям Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Молодой ученый предстает в них как классный знаток обширного хронологического диапазона, глубоко озабоченный приобщением широкой северокавказской общественности к делу изучения и пропаганды памятников истории и культуры. Отмечены данные труды и особым вниманием к этнокультурной атрибуции исследуемых объектов, смелой и доказательной полемикой с высказанными ранее научными версиями и суждениями. Одним словом, на небосклоне региональной отечественной археологии появилась личность неординарная, перспективная, внушающая большие надежды и ожидания.

Но в середине 1978 г. в судьбе ученого происходит трагическое событие, которое могло перечеркнуть мощно и красиво складывающийся жизненный и творческий путь: Исмаил Мусаевич становится жертвой производственной автокатастрофы. В результате – тяжкое повреждение позвоночника, неподвижность, полная невозможность продолжать занятия полевой и камеральной археологией. Любому другому этого сполна хватило бы для отчаяния!

Однако уже в 1981 г. публикуется новая книга И. М. Мизиева «Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории», которая знаменует перемещение его научных интересов в область скрупулезного изучения всего историко-культурного комплекса двух малоисследованных и близкородственных центральнокавказских народов, с акцентом на письменные, этнографические и лингвистические источники.

Незадолго до этого на первой региональной конференции по северокавказской историографии в качестве назревшей задачи было поставлено: «Одной из кардинальных проблем, требующих решения, является необходимость создания новой этнополитической карты Северного Кавказа, на которой, кроме ираноязычных аланов, должны занять подобающее место и тюркоязычные этносы и группы, включая и племена горных и предгорных районов (в том числе балкарцы и карачаевцы). Вопросы взаимоотношений ирано-,тюрко- и кавказоязычных этнических образований, возможно, более объективная трактовка вклада этносов в местную историю – стержневая задача сегодняшнего этапа изучения региона»[3].

Будучи компетентным, тонким знатоком истории вопроса, И. М. Мизиев самоотверженно работает в этом направлении, предприняв попытку освещения этногенетического пути балкарцев и карачаевцев, начиная с многовековых глубин. Спустя несколько лет он представляет читателям беспрецедентный труд «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа», за которым последовал ряд монографий, привлекших к себе пристальное внимание ученых Российской Федерации и ближнего зарубежья. Не будем здесь излагать суть постоянно углубляющихся построений автора, заметим лишь, что все они заслуживают обнародования и спокойного, трезвого обсуждения в общерегиональном контексте крайне противоречивого состояния современной историографии. Причем решающее слово должны сказать специалисты по тюркскому языкознанию. А носителям альтернативных взглядов, не говоря уже о малоосведомленной историко-политизированной окружающей среде, с этим следует считаться.

К сожалению, подобная дискуссия так и не состоялась. Ее место заняла безудержная, огульная критика, откровенное поношение со стороны некоторой части ученой (в том числе титулованной) публики, пребывающей в плену собственных амбиций и претензий на обладание истиной в последней инстанции. Происшедшее можно характеризовать всего лишь одним словом: травля!

Предвидя взвинченно-негативную реакцию «ангажированных» коллег по кавказоведению, выстрадавший свою концепцию ученый всеми способами (публикациями, докладами на конференциях, участием в дебатах) буквально взывает к необходимости рассмотрения исторических фактов, явлений и процессов «не только с одной, заранее выбранной и очень удобной, а кому-то, может быть, и приятной для глаза стороны». Но не знающие моральных запретов «оппоненты» и их малообразованные адепты используют все доступные (в том числе и недостойные) средства научно-общественной дискредитации,

опорочивания и даже демонизации нестандартно мыслящего российского историка-патриота.

Не поднимается рука назвать их поименно [4], Бог, как говорится, им судья! Впрочем, и сам И. М. Мизиев, умный и честный полемист, с присущей ему корректностью и в то же время строгой доказательностью подверг прозвучавшие в его адрес нападки аргументированной критике в монографии «История рядом», недавно переизданной в сборнике его избранных трудов «Средневековая Балкария» (Нальчик: Эльбрус, 2009).

Притом, однако, нельзя не подчеркнуть, что время и различные обстоятельства (особенно после кончины Исмаила Мусаевича) [5], сделали его главные работы библиографической редкостью для нового поколения пытливых читателей. Это прискорбно и в высшей степени несправедливо. Поэтому-то столь своевременно и похвально переиздание трудов безвременно покинувшего нас блестящего кавказоведа-тюрколога. Впечатляющая публикация инициирована стараниями преданной светлой памяти отца И. И. Маремшаовой, доктора исторических наук, и группой лиц, исповедующих истинный смысл крылатой фразы: «Мертвые живы, пока есть живые, чтобы о них вспоминать». Люди эти достойны сердечной благодарности за то, что предоставили всем нам бесценную возможность оценить большое научное наследие крупного исследователя многоцветной этнической палитры российского Кавказа – Исмаила Мусаевича Мизиева.

В. Б. Виноградов,
доктор исторических наук,
профессор Армавирского государственного педагогического университета,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, Кубани,
Чечено-Ингушской АССР,
академик-руководитель научной школы Международной академии наук,
член президиума Общественной академии наук, культуры и образования
Кавказа, академик Международной академии информатизации

Примечания:

[1] Исмаил Мизиев: путь к истокам / Авт.-сост. И. Маремшаова, Ю. Мурзаханов. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых («Полиграфсервис и Т»), 2005. – 135 с.

[2] *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа / Под ред. и с предисл. В. Б. Виноградова. Нальчик: Эльбрус, 1986. – 183 с.

[3] Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1978. Вып. 1. С. 137.

[4] Их имена, действия и позиции частично отражены, см., напр.: Энциклопедия культур народов Юга России. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦВШ, 2005. Том 1. С. 23–27; *Шнирельман В. А.* Быть аланами // Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 492–527; Исмаил Мизиев: путь к истокам. С. 11–12.

[5] Часть тенденций и процессов см.: Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы // Материалы 13-го научно-педагогического семинара. М.; Армавир, 2009; *Виноградов В. Б., Люфт Е. Г., Чарыкова Ю. Е.* Эскизы принципов и практики кавказской «российскости». М.; Армавир, 2009.

ВЗГЛЯД, ПРИОТКРЫВАЮЩИЙ ЗАВЕСУ НАД ПРОШЛЫМ

Выдающийся ученый, археолог и этнограф, Исмаил Мусаевич Мизиев, разработавший оригинальную концепцию древней истории и этнической культуры тюркских народов, посвятил свою жизнь исследованию научных проблем средневековой истории карачаевцев и балкарцев. Он исколесил все горные ущелья Карачая и Балкарии, производил археологические раскопки на аланских городищах и в крепостях, изучал материальную культуру предков карачаевцев и балкарцев. В результате многолетних археологических экспедиций, исследования этнографических, исторических и лингвистических источников, трудов российских, зарубежных, древних, средневековых и современных авторов – ученый вынес твердое убеждение, что карачаевцы и балкарцы являются автохтонными народами Центрального Кавказа, сохранившими в чистоте самобытную, отличную от других народов региона, культуру и тюркский язык. Показал, что карачаево-балкарцы являются единственным народом, представители которого испокон веков друг к другу обращаются как к аланам – со словом «алан».

Исследователя глубоко волновало, что происхождение тюркских народов и их этнокультурные традиции являются одной из наименее изученных проблем этнографической науки. Ее неразработанность объясняется не столько слабостью научной базы и другими причинами, сколько предвзятым отношением многих ученых, в особенности иранистов. Индоевропеисты диктовали и продолжают диктовать сегодня тюркологам пути и методы исследования этногенеза и других проблем истории и лингвистики тюркских народов. При этом некоторые из них сознательно искажают, а порой просто игнорируют их историко-культурное богатство.

Одной из причин этого негативного явления крупнейший татарский тюрколог профессор М. З. Закиев считает то, что языковой материал тюрков дохуннского периода – скифов, саков, сарматов, кушанов и других – изучался главным образом иранистами. И «в результате их активных этимологических изысканий скифы, саки, сарматы, тохары и некоторые другие группы племен были признаны в основном ираноязычными. Признание скифов и их соседей ираноязычными до сих пор лежит в основе некоторых этногенетических теорий. Отсюда археологические культуры Северного Кавказа, Поволжья, Приуралья, Западной Сибири, Средней и Центральной Азии, Казахстана и Алтая отнесены к иранскому этносу»*. С точки зрения иранистов, тюркские народы

* *Закиев М. З.* Проблемы языка и происхождение волжских татар. Казань, 1986. С. 23

на этих территориях были не аборигенами, а пришельцами. В таком случае закономерен вопрос: откуда и как вдруг оказались в этих регионах многочисленные тюркские племена, которые к началу I тыс. н. э. занимали огромную территорию от Охотского моря до Центральной Европы?

В основе означенной позиции, считал И. М. Мизиев, лежат скорее политические установки, чем объективное изучение научных фактов. Нет сомнения в том, что в свое время они (установки) спускались ученым партийными идеологами. В условиях командно-административной системы науку, даже древнейшую историю, они направляли в нужное для своих интересов русло. Те исследователи, которые отклонялись от утвердившихся стереотипов и «позволяли себе» иметь собственное мнение, подвергались давлению, преследовались за свои научные убеждения.

Тем не менее, были ученые, которые придерживались научной истины. Среди них С. Е. Малов, А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, А. Н. Бернштам, Л. Н. Гумилев, А. С. Аманжолов, М. Ш. Ширалиев, А. А. Иессен, М. З. Ямпольский, М. З. Закиев, Л. Р. Кызласов, М. А. Хабичев, С. С. Алияров, А. М. Щербак и др.

Наиболее наглядно роль партийной номенклатуры в отношении инакомыслящих видна на примере истории с книгой О. О. Сулейменова «Аз и Я» (Алма-Ата, 1975), в которой автор объективно показал прогрессивную роль тюркских народов в развитии мировой культуры. Руководство тогдашней Академии наук СССР признало ее необъективной, даже вредной, подлежащей изъятию из обращения.

Прошел через подобные нападки, проработки, обвинения в пантюркизме и И. М. Мизиев. Несмотря на это, на предательство некоторых коллег и «законопослушных» «друзей», на удары судьбы (много лет ученый был прикован к инвалидной коляске), он не был сломлен, работал до последних дней, сумев разорвать плотную завесу, которой была окутана история древних тюрков, расчистив дорогу тем, кто занимался и будет заниматься восстановлением древней истории тюркских народов, средневековой истории непосредственных предков карачаево-балкарцев – аланов.

На наш взгляд, основные положения научного наследия И. М. Мизиева, за исключением отдельных позиций, трудно оспорить. Но призыв ученого, обращенный к оппонентам, призыв к подлинной научной дискуссии, являющейся движущей силой науки, остается по-прежнему актуальным.

А. Д. Койчуев,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории

ВВЕДЕНИЕ

Балкарцы и карачаевцы – немногочисленные тюркоязычные народы, проживающие на северном склоне Главного Кавказского хребта. Балкарцы занимают высокогорные районы Кабардино-Балкарии по ущельям рек Черек, Чегем, Баксан, Малка. Карачаевцы населяют подобные же районы Карачаево-Черкесии по верховьям рек Кубань, Теберда, Зеленчук.

Балкарцы и карачаевцы являются аборигенными обитателями Северного Кавказа, и их предки на протяжении многих столетий прошли общий путь развития вместе с другими народами края. В их формировании решающую роль сыграло смешение коренных северокавказских племен – носителей кобанской культуры, зародившейся в горах Кавказа еще в первом тысячелетии до н. э.*, – с ираноязычными и тюркоязычными племенами, среди которых основными компонентами являлись аланы, болгары и половцы, как было установлено на Всесоюзной научной сессии по происхождению балкарцев и карачаевцев в 1959 г.

Балкарцы и карачаевцы граничат с юга с абхазцами и сванами в Грузии, с юго-востока с осетинами (дигорцами и иронцами) в Северной Осетии.

В истории балкарцев и карачаевцев, как и их соседей, все еще недостаточно освещен период, наиболее близкий к нам, – от монголо-татарского нашествия до XVIII в. – период, когда на Северном Кавказе проходил непосредственный процесс становления современной этнографической карты края и формирования упомянутых народов, их материальной и духовной культуры.

Однообразные географические условия, зачастую одинаковые условия жизни, тесные экономические и культурные контакты на протяжении многих столетий привели к тому, что народы, далекие друг от друга по языку, создали очень близкую между собой культуру. Поэтому трудно уловить специфику материальной и духовной культуры того или другого народа и на примере их развития воссоздать историческую картину. Задача эта осложняется и тем, что имеющиеся крайне скудные письменные источники не всегда прямо относятся к истории того или иного народа, а затрагивают их попутно или косвенно.

---

* Археологическая культура раннежелезного века. Получила название от осетинского сел. Кобан, у которого впервые были найдены характерные для этой культуры предметы.

В числе таких народов оказались балкарцы и карачаевцы. Большинство письменных свидетельств о них относятся к XVII–XVIII вв. Почти полное отсутствие подобных источников, относящихся к предшествующим эпохам, с которыми можно было бы сопоставить данные этнографии и фольклора, крайне осложняет освещение исторических путей развития балкарского и карачаевского народов и выдвигает археологические источники – памятники материальной культуры – на одно из ведущих мест. При всей важности привлечения к историческому исследованию лингвистических и фольклорных данных, как писал археолог-кавказовед А. А. Иессен, все же основные опорные точки и хронологию пройденных этапов исторического развития мы скорее всего и наиболее надежным способом можем получить только путем исследования археологических памятников.

В сохранении письменных источников прошлого часто есть доля случайности и преднамеренности господствующей общественной группы, по крайней мере, той группы, которая имеет отношение к записям или составляет их. В силу этого запись может превратно осветить события, но то, «во что одевался, в каком жилище жил и во что верил народ, не может быть случайностью, оно покажет действительную сущность прошлого народов». Поэтому зачастую выводы археологии и этнографии объясняют исторические судьбы и формирование народов неопровержимее и объективнее письменных источников.

Однако многочисленные памятники материальной и духовной культуры балкарцев и карачаевцев, относящиеся к периоду их непосредственного формирования как народностей, – поселения, могильники, культовые сооружения – до сих пор слабо изучены. Поэтому еще остаются недостаточно освещенными важные вопросы истории балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII вв., касающиеся поселений и жилищ, одежды и украшений, хозяйства и быта, зарождения и развития феодальных отношений, внешних связей и мировоззрения, хотя в последние годы и вышло в свет несколько серьезных работ, посвященных отдельным вопросам XVIII–XIX вв.

Наличие пробелов по вопросам истории балкарцев и карачаевцев можно объяснить рядом причин. Все, что мы находим в дореволюционной литературе по интересующим нас вопросам, составлено в виде путевых заметок, очерков, статистических описаний балкарцев и карачаевцев в основном XVIII–XIX вв.

К сожалению, эти работы чаще всего носили случайный характер и проводились людьми различных профессий, путешественниками и горовосходителями. Их авторы посещали наиболее живописные ущелья, где сохранились христианские храмы, церкви, каменные кресты с надписями и пр. И лишь наряду с ними они отмечали наиболее бросающиеся в глаза памятники – башни, склепы и т. п.

Большое число поселений, места производственной деятельности, которые являются важнейшим источником для воссоздания социальной и экономической структуры общества, оставались незамеченными, а вопрос об их изучении даже не ставился...

Одним словом, эпоха позднего Средневековья до сих пор остается одной из малоизученных страниц истории народов Северного Кавказа.

В этой книге, написанной в основном на археологическом материале, автор рассказывает о балкарцах и карачаевцах XIII–XVIII вв., освещая в какой-то мере и малоизученные стороны в их истории и материальной культуре.

ПОСЕЛЕНИЯ

Многолетняя работа по изучению балкарских и карачаевских поселений приводит к возможности разделить их в общей массе на две большие группы. В первую входят поселения типа Верхне-Чегемского, Верхне- и Нижне-Архызских городищ XIII–XIV вв.; во вторую объединяются городища типа Эль-Джурт XV–XVIII вв. и этнографически известные поселения типа Кюнлюм, Коспарты, Шканты, Шики, Эль-Тюбю, Булунгу (в Балкарии) и Хурзук, Карт-Джурт, Учкулан (в Карачае). Многие из них уже давно заброшены, в других продолжают жить люди, но эти населенные пункты превратились в современные горные поселки со всеми удобствами городского типа. В то же время они красноречиво свидетельствуют о многовековой традиционной преемственности горских аулов Балкарии и Карачая.

Включение некоторых из таких поселений в эту группу оправдано, т. к. почти во всех из них размещаются архитектурно-археологические памятники позднего Средневековья, относящиеся в основном к XIII–XVIII вв., как и поселения первой группы; в каждом из них или в непосредственной близости от них имеются крупные могильники со склепами, мавзолеями, также относящиеся к интересующей нас эпохе (таковы могильники Шканты, Коспарты, Ташлы-Тала, Байрым, могильник у сел. Карт-Джурт и другие). Со времени существования городища Эль-Джурт, когда оно было отмечено в русских документах начала XVII в., появляются сведения и об обществах Малкар, Чегем, Карачай, жители которых и размещались в основной своей массе в названных поселениях. О древности современных поселений говорят и названия некоторых из них, как, например, Карт-Джурт – «старая родина», Эль-Джурт – «родина общины» (эля), Эски-Джурт – «старое жилище», так называлось Верхне-Архызское городище (*ил. 36, 41, 46, 66, 83, 84, 89, 92, 97, 107*)*. Эти факты позволяют говорить о том, что такие поселения возникли в период XV–XVI вв. и бытуют до настоящего времени.

Глубокую традицию преемственности горских поселений и могильников не раз отмечали многие исследователи древностей Кавказа. Все это, прежде всего, объясняется причинами традиционного многовекового

* Все иллюстрации см. во 2-м томе настоящего издания. – *Изд.*

горно-скотоводческого уклада хозяйства и экономики в условиях бессемелья в горах Центрального Кавказа, где жили балкарцы и карачаевцы. Лишь во второй половине XIX в. из этих древних мест обитания выселяются в предгорья балкарцы и образуют такие села, как Нижний Чегем, Гунделен, Хабаз, Герпегеж и др.

Большинство из недавно оставленных аулов вполне доступны этнографическому обследованию, и им уже посвящено несколько обстоятельных и интересных работ, поэтому мы будем прибегать к ним как к материалу, позволяющему наблюдать преемственную связь поселений отмеченных групп.

Однако средневековые поселения балкарцев и карачаевцев все еще остаются слабоизученными. Археологические работы на них были преждевременно прерваны развернувшимися массовыми раскопками курганов различных эпох на равнинной территории Кабардино-Балкарии в связи с огромными ирригационными работами. По существу в девятой и десятой пятилетках не было проведено ни одной экспедиции по изучению материальных памятников в горной части республики. Малочисленность исследованных городищ определяет и их чрезвычайную ценность для истории балкарского и карачаевского народов. Обратимся к характеристике этих поселений.

Верхне-Чегемское городище. Находится в верховьях реки Чегем, в 2,5 км к западу от сел. Верхний Чегем, на левом, довольно крутом берегу реки Джилги-су, в местности, называемой Лыкарилги *. Городище со всех сторон окружено скалами и горными массивами.

Раскопанные на поселении жилища были расположены близко одно к другому, что может свидетельствовать об определенной плотности населения. Они расположены в три ряда. В первом – два жилища, во втором и третьем – по три. Ряды их, идущие вдоль склона, образуют террасы, характерные для планировки почти всех горных поселений народов Центрального Кавказа вплоть до XX в.

Жилища представляют собой неправильные четырехугольные в плане сооружения, построенные в срезе склона из горного рваного камня без связующего материала. Фасады их обращены к югу и почти весь день находились под лучами солнца. В каждом из них имеется очаг, расположенный в центре жилища или в одном из его углов. Вдоль продольных стен почти во всех домах устроены лежанки. Внутри жилищ, в земляном полу устраивались продуктовые ямы, выложенные каменными плитами. Хозяйственных построек вблизи не обнаружено.

Поскольку территория городища покрыта сплошным камнепадом, кровли в жилищах не сохранились, но нет сомнения в том, что они были плоскими, деревоземляными, как и в поздних горских саклях (*ил. 27*).

Приведем для иллюстрации описание нескольких жилищ, имеющих некоторые особенности. Так, в жилище № 1 (первый ряд) в центре по-

* Верхне-Чегемское городище исследовано в 1960–1961 гг. археологической экспедицией Кабардино-Балкарского института (ныне КБИИФЭ) под руководством Г. И. Ионе. Автор книги был участником этой экспедиции.

мещения находилась каменная выкладка высотой до 30–40 см, имеющая форму вытянутого овала. Внутри она была заполнена землей, в массе которой встречались обгорелые кости животных, фрагменты красноглиняной керамики, игральные кости (астрагалы-альчики). Промежуток между выкладкой и северной стеной жилища был заполнен золой и мелким древесным углем. Земляной пол и нижние ряды кладки стены имели следы копоти и огня. По всем признакам это были остатки очага, примыкавшего к описанной овальной выкладке, которая, вероятно, являлась лежанкой, обогреваемой очагом.

Жилище № 4 (третий ряд). Представляет собой однокомнатное сооружение, устроенное в срезе склона. В плане имеет форму прямоугольника с размером стен – южной и северной до 5,15 м, восточной и западной до 4,5 м. В южной стене, в западной ее части, имеется дверной проем шириной около метра. Другие стены жилища глухие. Внутри его вдоль западной и северной стен устроена лежанка, облицованная уплощенными камнями. Пол жилища земляной.

Отличительной особенностью этого жилища является наличие в нем двух очагов (размером 1 х 0,9 м и 0,7 х 0,6 м). Каждый из них выложен из четырех каменных брусьев, поставленных на ребро, и имеет форму четырехугольника. В меньшем очаге дно состоит из каменной слегка выпуклой плиты. Зола в нем была скоплена по углам. По-видимому, на этой плите, после того как она накалялась, жар разгребали по углам, а на плите пекли хлеб, жарили мясо. В большом очаге готовили другую пищу (варили и т. п.). То же самое мы наблюдаем и в очаге жилища на раннесредневековом поселении Багыул (VIII–XII вв.) в сел. Нижний Чегем.

Планировка и детали жилища № 7 однотипны с прочими, но значительная часть его сооружена в вырытом на склоне горы четырехугольном углублении. В южной стене имеется дверной проем шириной в 1 м. Вдоль северной и западной стен внутри жилища находится лежанка шириной 0,9 м и высотой 0,6 м. Очаг представляет круглую очажную яму, стены которой не закреплены камнями, как в прочих домах.

Важным и интересным открытием на городище является система водоснабжения. В 200 м к северо-востоку от описанных жилищ были выявлены остатки овального в плане строения (6,25 х 1,6 м). От него остались части почти прямой северной и дугообразных восточной и западной стен, которые сохранились до высоты 1,5 м. Сложены они всухую из камней различных размеров. Пол строения земляной. Вблизи северной стены были обнаружены две очажные ямы, а в юго-восточной части сооружения на полу лежала каменная плита, прикрывавшая небольшое углубление, представляющее собой засыпанную яму – отстойник. В срезах внутри его имеются боковые отверстия трех подземных каналов.

Канал № 1 в сечении имеет форму равностороннего треугольника, с округлыми углами (диаметр сечения около 0,2 м). Общее направление его с северо-востока на юго-запад. Стенки канала сооружены из плотной бетонирующей массы и закреплены камнями. Каналы № 2 и 3 в сечении круглые

(диаметром 12 см), направление их с северо-востока на юго-запад и восток.

Трубы каналов сделаны из очень твердой «бетонной» массы, в которой находится мелкий гравий, песок и известь. Толщина стенок этих труб 3–5 см. Снаружи они обложены булыжником, скрепленным той же цементирующей массой, длина труб доходит до 15 м.

Для точного определения направлений каналов и их выхода к источнику разводился костер в описанной яме отстойника. Дым от костра с большой силой втягивался в канал № 1, а через пять-семь минут часть дыма выходила из канала № 3. На основании этого можно утверждать, что каналы № 1 и 3 в каком-то месте соединяются. Канал № 1 представляет собой мощную и главную магистраль всей сети.

Установив, что в трубах для водоснабжения очень сильная тяга воздуха, мы по очереди в каждый канал вкладывали по нескольку подожженных дымовых шашек. Дым уходил вверх по трубам и возвращался через боковые ответвления магистрального канала № 1. Когда замуровывали эти боковые трубы, дым уходил по главной трубе и назад не возвращался. Учитывая скорость засасывания дыма в магистрали, полагаем, что соединение труб № 2 и 3 находится в 30–50 м от отстойника.

С целью установления источника, который питал эту систему водоснабжения, был обследован весь район. В результате удалось узнать, что на горе, примерно в 1,5 км на северо-восток от городища, находится небольшой ручеек, уходящий сейчас в завалы камней. Видимо, он и питал водой городище.

Эта система водоснабжения имела большое значение для жителей городища при частых вражеских набегах, а также при обильных дождях, когда вода в реке Джилги-су загрязнялась и становилась совершенно непригодной для питья. Очень интересно сравнить эту водопроводную систему с подобными же сооружениями средневековых городищ Дагестана, и, что особенно интересно для истории культуры балкарцев, она имеет почти полное сходство с водопроводными сооружениями болгарских средневековых городов на Волге.

На Верхне-Чегемском городище находится значительное число различных укреплений и крепостных сооружений. В настоящее время оборонительная система городища представлена остатками дозорных и оборонительных башен, мощных оборонительных стен, остатками крепости с известной наскальной лестницей «Битикле», вырубленной в отвесной скале массива Ак-Кая (*ил. 77*).

От башен сохранилось только несколько нижних рядов кладки стен. Всего в районе городища насчитывается 11 башен. Шесть из них имеют в плане прямоугольную форму, а пять остальных круглые, с диаметром от 8 до 10 м. Одна из круглых башен имеет диаметр 20 м (по внешним замерам). Фундаментный ряд кладки стен сложен из огромных, почти прямоугольных каменных глыб. Массивные, вплотную подогнанные друг к другу, но не скрепленные цементирующим раствором, они образовывали очень устойчивый фундамент, который, судя по навалам камней вокруг, выдер-

живал достаточно большую нагрузку стен. Высота сохранившейся части башни местами доходит до 2,5 м.

Под завалами камней внутри башни была обнаружена яма диаметром 0,9 м, глубиной 1 м. Ее основание выложено камнями. В яме находились кости различных животных и фрагменты красноглиняных слабообожженных сосудов с продольными линиями на поверхности.

Дозорные башни находятся на господствующих над местностью высотах. Они расположены за пределами общей оборонительной системы городища. Одна из групп дозорных башен Донгат-кала состоит из фундаментов двух круглых башен диаметром (до четырех метров и одного прямоугольного помещения (размерами 4 х 5 м) между ними. Эта группа расположена на плато вершины горы Донгат-Кая на правом берегу реки Чегем. Бурная река Чегем с запада, речка Кардан с юга, крутые склоны Донгата делают эти башни неприступными. С этой вершины хорошо просматривается ущелье реки Чегем вверх и вниз по ее течению, а также хорошо видно ущелье Джилги-су, вплоть до жилой части городища. Из этих башен не только велось наблюдение, но, по-видимому, подавались сигналы дымом и костром, которые были видны со значительного расстояния.

На восточной окраине поселения, на скале Ак-Кая, выступающей на западе мысом от левобережного горного массива Кызла-Кюйген-Кая, находятся остатки круглой каменной башни Хырджауат-кала. С этой скалы хорошо просматривается ущелье реки Джилги-су, особенно по ее нижнему течению до впадения в Чегем. Между Донгат-кала и Хырджауат-кала на правом берегу реки Джилги-су, на склоне массива Башиль, находятся остатки еще одной дозорной башни Личиу-кала.

Названные башни, которые находились на труднодоступных и хорошо защищенных местах, служили главным образом для наблюдения и подачи сигналов. Из указанных башен Донгат-кала имела наиболее важное значение, потому что из нее хорошо наблюдается ущелье Чегема вверх по течению, где находится Твиберский перевал, ведущий в Сванетию.

Группа дозорных башен дополняется рядом боевых башен, расположенных уже непосредственно на подступах к городищу.

Боевые башни – это вторая важная группа сооружений оборонительной системы городища. Они являлись опорными узловыми пунктами, у которых происходили основные боевые действия при осаде и защите поселения.

Остатки этих башен известны до сих пор у жителей сел. Верхний Чегем под разными названиями, в которых отразились различные исторические события и периоды. Так, например: Асы-кала – Асская крепость, Джияк нарт-кала – боковая нартская крепость, Авсат-кала – крепость Авсаты, Трам-кала – крепость Трама, Тотур-кала – крепость Тотура. От первой башни сохранилась часть фундамента под навалом камней, почти в центре сел. Верхний Чегем, вблизи хорошо сохранившейся башни Балкаруковых.

Западнее, примерно в километре от башни Балкаруковых, сохранились остатки второй и третьей башен – Четвертая и пятая башни находятся на западной окраине местности Лыгыт.

Из описанных сооружений выделяется Тотур-кала, расположенная на левом берегу Джилги-су, у входа в городище. Вблизи нее находятся остатки массивной стены, идущей от берега реки. Это может говорить о том, что башня и стена были соединены и составляли одно укрепление. Видимо, в этой стене были ворота городища. Протяженность ее прослеживается до 35 м. Стена проходит по обе стороны от башни Тотур-кала.

Особый интерес представляют две искусственные наскальные лестницы, сооруженные на отвесной стене левобережного горного массива. Они начинаются у самого его основания и поднимаются на высоту 30–40 м от поверхности земли. Сооружены они из камней, на цементирующем растворе и выводят на естественный скалистый карниз шириной до 60 см.

Протяженность большого карниза некогда достигала двухсот метров. Оканчивался он небольшой пещерой, которая сейчас недоступна. Сохранившиеся участки карниза, ведущие к ней (как и всего карниза), были закреплены камнями на известковом растворе.

Балкарские предания говорят, что в пещере в далеком прошлом прятали драгоценности и старинные книги. Об этом же сообщал в 1736 г. А. Тузов. Известный ориенталист Клапрот писал, что он достал семь листов пергамента, на котором написаны были отрывки греческого Евангелия, рукопись которого относится ко второй половине XV в. Сведения об этой лестнице и пещере мы находим в путевых записках В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского, которые пишут, что эта пещера, вероятно, была караульной.

Особого внимания заслуживает центральная крепость. Это сооружение являлось последним укреплением на подступах к жилой части городища и было центром оборонительной системы. Находится оно в самом узком месте ущелья Джилги-су, где ширина его всего около сорока метров. Размещение здесь мощного укрепления затрудняло доступ к городищу. Крепость располагалась у основания наскальной лестницы и одной стороной примыкала к отвесному срезу горного массива Ак-Кая, по которому идет лестница.

В плане крепость имела сложную и своеобразную конфигурацию. Северную стену представлял скальный массив, западная и восточная стены были сооружены на стык с ней. Юго-западную часть укрепления составляли две стены, сооруженные под прямым углом друг к другу. Первая стена, западная, примыкает встык к массиву Ак-Кая. Верхний ряд ее кладки на 2,5 м ниже первой лестницы. Длина стены 5,1 м, высота на стыке с массивом 1,9 м, на стыке с другой стеной – 1,4 м. Сложена стена из громадных глыб.

Южная стена (толщиной до 1,3 м) была укреплена контрфорсами, выступающими до 1,5 м.

В крепости при расчистке найдены бараньи игральные кости (астрагалы-альчики) с нарезными штрихами и кружками, круглые каменные и глиняные пряслица, фрагменты красноглиняной лощеной керамики, украшенной врезными, вдавленными линиями и желобками, несколько

сломанных однолезвийных железных широколистных черенковых ножей, большое количество костей различных животных – барана, быка, свиньи, дикого козла, части оленьих рогов и т. д., кости и шипы осетровых рыб, яичная скорлупа, древесный уголь.

Остатки описанного сооружения образуют вытянутое вдоль массива Ак-Кая укрепление длиной 25 и шириной 8 м.

Западнее описанного укрепления у основания мыса Хырджауат, на южной стороне Ак-Кая, обнаружены остатки полукруглой башни, от которой сохранилась юго-западная часть фундаментной кладки из тесаных камней различных размеров, сложенных всухую двумя рядами. Толщина стен – 1 м, диаметр основания башни – 3 м. Начинается кладка непосредственно от скалы и примыкает к ней встык. Эта башня служила для защиты лестницы Битикле, через нее же вел вход на лестницу.

Описанное укрепление, снабженное такой труднодоступной лестницей, окруженное системой дозорных и оборонительных сооружений и мощных стен, делало городище неприступной крепостью. О существовании здесь крепости говорит и название грота, расположенного в шестидесяти метрах восточнее по ущелью. Грот этот у балкарцев называется *Кала-Тюбю*, что означает «Низ крепости». Наименование географически вполне оправдывается, так как по отношению к укреплению он расположен ниже по ущелью. Название этого грота, передаваясь из поколения в поколение, и дошло до наших дней. Многие теперь забыли, с чем оно связано, и только археологические раскопки помогли установить его происхождение.

Название грота «Низ крепости», бытующее у балкарцев до сих пор, говорит о том, что народ знал о существовании вблизи него крепости или укрепленного города. О том, что жителям этого района было известно о существовании здесь поселения, свидетельствует и бытующее в народе название сел. Верхний Чегем, расположенного у выхода из ущелья реки Джилги-су, – *Эль-Тюбю* (низ поселения или села). Название грота и современного села географически оправдано по отношению к средневековому городищу, так как они находятся ниже по течению реки.

Керамический материал, найденный на городище, разделяется на две группы. В первую входит сероглиняная, слабого обжига керамика, из грубого зернистого теста, в изломе которого видны частицы кварца и песка. Большинство из них не орнаментировано. В тех случаях, когда встречается орнамент, он представляет собой нарезные насечки по венчику, остроребериые налепные валики, нарезные и вдавленные прямые либо волнообразные линии, идущие по тулову сосудов. На лощеных фрагментах встречается сетчатый орнамент в виде ромбиков или треугольников. Но эта группа керамики представляет сравнительное меньшинство в общей массе керамики городища. Многочисленные аналогии с ней в домонгольских слоях средневековых городищ Северного Кавказа позволяют датировать ее в пределах X–XIII вв.

Вторая, относительно многочисленная группа керамики, представлена образцами красноглиняной звонкой керамики отличного обжига, изго-

товленной из хорошо отмученной глины. Поверхность ее зачастую покрыта линейным, линейно-волнистым орнаментом и желобчатыми линиями. Эта группа керамики очень близка к керамике золотоордынских городов XIII–XIV вв.

К указанной эпохе может быть отнесен и найденный в одном из жилищ небольшой бронзовый литой нательный крест кавказо-византийского типа, высотой 5 см. По своей форме он напоминает крест, изображенный на Этокском памятнике XII в., и кресты, высеченные на камнях Верхне-Архызского городища (*ил. 110*).

О времени существования Верхне-Чегемского городища свидетельствует могильник, размещавшийся вблизи него. В погребениях были найдены серебряные и бронзовые серьги в форме вопросительного знака с нанизанными на стержень жемчужинами, халцедоновые бусы, бусины из горного хрусталя, подвески из зубов животных, бронзовые полые бубенчики и пр. Серьги упомянутого типа на Северном Кавказе известны в памятниках Адыгеи X–XII вв., Чечено-Ингушетии XIII–XIV вв. Встречаются они в более ранних могильниках Северной Осетии от VII до X в. На Волге такие серьги находили в комплексах с татарскими монетами XIV в. (*ил. 86*).

Наиболее близким к этому могильнику является могильник Байрым, датируемый XIII–XIV вв., расположенный у сел. Верхний Чегем. Но, учитывая архаичный облик погребального обряда (по сравнению с захоронениями Байрым), можно датировать этот могильник более ранним временем XII–XIII вв.

Безусловно, основное развитие городище получило в XIII–XIV вв. Когда же оно прекратило свое существование, население его спустилось несколько ниже по ущелью, где и основало новое поселение под названием Эль-Тюбю (низ села). Здесь же возникает новое кладбище Байрым.

Верхне-Архызское городище, известное карачаевцам под названием *Эски-Джурт,* или «старое жилище», расположено у истоков реки Большой Зеленчук. Здесь, в верховьях Кубани, скрещивались средневековые торговые пути, ведущие из Средней Азии к побережью Черного моря, знаменитый путь из Хорезма в Византию, с Кавказа в Восточную Европу. Один из основных путей из Хорезма в Византию проходил по верховью Кубани и был известен в Византии еще в XI в. как «Хоручон», восходящий, по предположениям Г. Кокиева и П. Буткова, к названию карачаевцев. Укреплению этого пути в раннем Средневековье, и особенно в Хазарскую эпоху VII–X вв., Византийская империя придавала особое значение в связи с набегами кочевников, обитавших в степях Предкавказья. Именно через Клухорский и Марухский перевалы попадали к Черноморскому побережью большинство центрально-кавказских племен, о которых писал еще римский географ I в. Страбон.

Нет сомнения в том, что эти пути играли существенную роль в международной жизни и в эпоху Золотой Орды. Ведь в XIII–XIV вв. получают расцвет такие города Северного Кавказа, как Маджары на Куме, Верхний и Нижний Джулат на Тереке, расположенные у самых узловых пунктов

международных путей. Еще задолго до образования Золотой Орды перевальным путям через Кавказ как воротам в восточно-европейские районы уделяли самое серьезное внимание государства Передней Азии и Ближнего Востока. Общеизвестно, какое значение придавали овладению перевалами через Кавказский хребет монголо-татары при первых же походах и столкновениях с аланами и кипчаками для укрепления своего тыла. Немаловажно отметить, что уже они застают ущелья Центрального Кавказа достаточно укрепленными. А при походах Тимура неоднократно говорится о «недоступных крепостях обитателей Эльбруса», против которых эмир вынужден был неоднократно снаряжать отдельные походы.

Археологические материалы свидетельствуют о том, что ущелья Центрального Кавказа в домонгольское время были довольно густо населены племенами, создавшими своеобразную местную культуру, отличную от аланской культуры (IV–XIII вв.) Северного Кавказа. В позднесредневековую эпоху (XIII–XVIII вв.) эта культура получает свое дальнейшее развитие в горах Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Балкарии и Карачая как горнокавказская башенно-склеповая культура народов Центрального Кавказа. Аланская же культура со всеми присущими ей чертами затухает, и позже XIII в. в археологии уже неизвестны даже основные определяющие ее элементы – катакомбы, городища с валами и рвами и т. п. Поэтому не всегда можно согласиться с выводами исследователей, связывающих с аланами различные памятники с башнями, каменными ящиками, склепами от XIII–XIV вв. до XVIII в., т. е. именно такие памятники, которые даже в пору расцвета аланской культуры не были им свойственны. Одним из таких памятников или даже археологических объектов, относимых к аланам, являются верховья Кубани и Зеленчука, где, кстати, неизвестно ни одного аланского памятника позже катакомб IV–V вв. в урочище Байтал-Чапхана, которые находились на одном могильнике с синхронными каменными склепами.

Основным аргументом авторов является тот факт, что в X–XII вв. здесь находился центр Аланской епархии. В данном случае ими забывается, что под аланами византийские авторы почти всегда подразумевали все северокавказские племена, входящие в состав Аланского союза племен или находящиеся под их политическим влиянием. Множество христианских памятников верховьев Кубани возникали для насаждения христианства среди горцев Кавказа, для их политического подчинения, чтобы оградить византийские владения от кочевников – хазар и половцев, наводнивших Восточно-Европейские степи и равнины Северного Кавказа. Для этой цели, естественно, выбор пал на аланов как на политически довлевшую над горцами силу (поэтому епархия называлась Аланской), так как через них византийцы могли воздействовать на обитателей ущелий Центрального Кавказа. И вряд ли правомерно под политическим или религиозным смыслом – Аланская епархия – видеть только одно племя. Здесь еще раз можно вспомнить о том, что в то же время путь через верховья Кубани к побережью моря византийцами назывался этнонимом карачаевцев – «хоручон».

На этом пути и в Аланской епархии одним из основных политико-экономических центров были Верхне-Архызское и Нижне-Архызское городища.

Верхний Архыз охватывает самые верховья ущелья, где от слияния Софии, Псыжа, Архыза и Кизгича образуется река Большой Зеленчук.

В одной из распространенных карачаевских легенд говорится о том, что родоначальник карачаевцев Карча первоначально поселился со своими родственниками в верховьях Зеленчука, на Загдане и Архызе, но впоследствии был вынужден оттуда переселиться из-за вражды с «абазами и турками». В связи с этим интересно и другое сообщение этой легенды о том, что когда Карча со своими спутниками шел в эти земли, по пути им встретилось змееподобное чудовище, преграждавшее путь через реку. Змея на карачаево-балкарском и других тюркских языках называется *жилян, зилян, илан*. Отсюда, видимо, и происходит название реки Зеленчук – Зиланчыкъ, что на русском языке будет означать «змейка». Может быть, эта река и упоминается под названием Иланчук при «Эльбрусском походе» Тимура?

О том, что в верховьях Зеленчука, в окрестностях Архыза, в далеком прошлом существовали поселения и земледельческие угодья, свидетельствует Н. Г. Петрусевич в своем «Отчете об осмотре казенных свободных земель Нагорной полосы между реками Тебердой и Лабой».

Об одном из урочищ близ Архыза он писал: «Везде, где только есть открытые от леса поляны, видны запашки, на которых до сих пор растет рожь в некоторых местах; даже является сомнение, не в нынешнем ли году были здесь люди, оставившие неубранными хлеба. Вероятно, это происходит оттого, что лес, густо окружающий, будто бы стеной, поляну, не позволяет разноситься по ветру хлебным семенам или быть вытесненными семенами других растений... Как предания передают, что когда-то в этих местах жили карачаевцы, занимавшие и соседнюю с Загданом поляну Иркыз. Насколько достоверно это предание, разбирать нет надобности, но существование на Загдане в прежнее время поселения не подлежит сомнению. Нельзя только сказать, на Загдане или Иркызе были расположены аулы, потому что от жилищ не осталось и следов, даже могил не видно, и потому надобно полагать, что жившие здесь выселились весьма давно».

Из приведенного отрывка напрашивается вывод, что урочище Загдан было земледельческим угодьем, а аулы и жилища, следов которых не обнаружил Н. Г. Петрусевич, находились именно в Архызе (Иркызе), где до сих пор существуют остатки больших средневековых городищ, обследованных в 1953, 1960–1962 гг. В. А. Кузнецовым. Такое же городище находится в Верхнем Архызе, у нынешнего Архызского заповедника в окрестностях аула Верхний Архыз, обследованное Т. М. Минаевой, а затем и автором этой книги в 1966 г.

Архызские городища еще полностью не изучены и требуют самого пристального внимания исследователей хотя бы потому, что уже первые работы позволяют сделать вывод, что они представляли собой крупный политический и экономический центр Северо-Западного Предкавказья.

Верхне-Архызское городище располагается в живописной высокогорной долине, утопающей в сосново-пихтовом лесу, при впадении реки Кизгич в реку Большой Зеленчук, северо-западнее современного карачаевского села Архыз. Со всех сторон эта долина окружена высокими горами. Весь район, занятый городищем, покрыт селевым наносом, завален камнями от частых оползней и зарос густым лесом. Местами лес настолько густо покрывает участок бывшего поселения, что исследование и установление границ его в этих местах невозможны. Непрерывно заселенный участок городища достигает более двух километров, не учитывая отдельных участков, непосредственно не примыкающих к основной части городища.

Следы поселения обнаруживаются и на правом берегу реки Большой Зеленчук, напротив основной части городища, западнее современной турбазы «Архыз». Различные развалины строений, каменные насыпи, остатки жилищ, по рассказам старожилов, имеются и выше аула Архыз, по долине справа и слева от слияния рек Псыж и София. Мощные каменные стены, развалины жилищ, оборонительных, бытовых и культовых сооружений дают основание считать, что в районе нынешнего аула Архыз существовало большое средневековое городище, объединяющее вокруг себя более мелкие поселения.

Отметим прежде всего сооружения, предназначаемые для разделения земельных участков, пригодных для обработки или косьбы. Они представляют собой уже оплывшие каменные валы, расположенные как вблизи самого городища, так и на значительных от него расстояниях. Длина этих валов или стен доходит иногда до нескольких десятков и сотен метров. Часто они идут от подножия гор через всю долину, высота их от 0,4 до одного метра.

На самом городище также много стен, пересекающих его в различных направлениях. Порой они прослеживаются под корнями громадных сосен и под навалами старых деревьев. Стены эти служили оградами дворов, усадеб, улиц или проходов. Иногда такие же стены обнаруживаются вдоль заброшенных канав, по которым пускалась вода двух маленьких речушек на территории городища. В отдельных участках хорошо прослеживаются улицы с каменной кладкой по обочине.

На городище повсюду можно видеть развалины старых жилищ. Очень часто прямо на их руинах растут громадные, до двух метров в обхвате, сосны, а это является прямым свидетельством того, что лес этот намного моложе самих построек. Лес покрыл городище после его окончательного разрушения.

На территории городища очень много каменных насыпей – курганов различных размеров, многие из них также покрыты деревьями.

Различные каменные строения и развалины имеются и далеко за пределами города, вверх по ущелью реки Кизгич.

Самым интересным на территории городища является наличие огромных каменных сооружений – лавинорезов. У выходов с гор небольших речушек, проходивших через городище, сооружены в двух местах мас-

сивные стены, которые пересекаются под углом и острием направлены вверх к выходу речек. Длина сторон одного из этих сооружений 37 и 40 м, другого – 20 и 50 м. Эти валы-стрелы сооружались для защиты от лавин и селевых потоков, которые, видимо, часто тревожили местных жителей. Отчетливые следы таковых можно увидеть и сейчас.

Геофизические экспедиции МГУ под руководством профессора Г. К. Тушинского установили, что территория городища часто заносилась селевыми наносами, что, видимо, и явилось причиной его гибели. По мнению лавинологов, эта катастрофа могла произойти между XIII–XV вв. Возможно, что постоянная угроза селевых потоков и лавин также способствовала тому, что этот район был оставлен карачаевцами.

О том, что лавины часто обрушивались на эти районы, говорит и само название местности Архыз. По-балкарски и карачаевски лавина – это *ырхы*, а *ыз* значит «след». Эти два слова вместе образуют *ырхыыз*, что будет означать «след лавины» Постепенно, передаваясь из уст в уста, оно стало звучать как *ырхыз*, или в русской транскрипции *архыз*. Такое предположение подтверждается и тем, что еще в XIX в. этот район назывался *Ыркыз* (Ырхыз), так именуют его Н. Я. Динник и Р. Эккерт, путешествовавшие по горам Северного Кавказа в 80-х гг. XIX в. Известно, что народ дает названия различным урочищам, горам, рекам и т. п. по каким-то связанным с ними событиям или фактам.

Так получилось и здесь. Что же касается леса, покрывавшего руины бывшего городища, то можно полагать, что после схода лавин с овлажнением грунта на этом месте выросли деревья и кустарники. Кстати, все местные предания повторяют, что «в то время, когда карачаевцы поселились в этом районе, здесь не было леса даже на то, чтобы сделать веретено».

Полагаю, что такое толкование этого названия более близко к истине, чем попытки объяснить *ырхыз*, как «дальняя межа» в переводе с карачаевского или «приречная долина» – с абхазского, т. к. все долины вообще являются на Кавказе приречными и ничем не оправдано название именно этой долины *приречной*.

Над городищем с востока, на вершине горы, находятся развалины крепости, называемые карачаевцами *Карча-кала*, что значит «крепость Карча». Участок городища под этой горой называется Эски-Джурт – «старое жилище». С этой горы и крепости хорошо просматриваются весь город и подступы к нему по ущелью. На подступах к крепости на склоне горы под корнями густого леса прослеживаются отдельные каменные стены – остатки жилищ. Эти развалины опять-таки свидетельствуют о том, что они древнее покрывшего их леса. Длина этих стен от 3 до 11 м при высоте от 0,5 до 0,7 м (*ил. 107*).

Само сооружение Карча-кала расположено между двумя скальными возвышенностями на небольшой площадке. Северо-западная и юго-восточная стены ее вплотную прилегают к скалам. Стены сохранились до высоты 70 см, толщина их 0,8 м. Сложены они из плиточного рваного камня без связующего материала.

Подход к этому сооружению возможен с северо-западной стороны. Здесь на крутом каменистом склоне прослеживаются каменные кладки и выбитые в скалах небольшие ступени. Хотя местные жители называют это сооружение крепостью, оно очень напоминает древнехристианские одноапсидные церкви X–XII вв. Полукруглую апсиду представляет юго-восточная стена. С церквями ее сближают имеющиеся выступы вовнутрь помещения в северо-западной и юго-западной стенах. Эти архитектурные особенности почти целиком повторяют форму христианских церквей в верховьях Кубани на городищах Гиляч, Нижний Архыз, в верховьях Чегема в Балкарии и других районах Северного Кавказа.

К этому же времени, видимо, относилась церковь на противоположной окраине города на местности, называемой Церковной поляной. В 1939 г. Т. М. Минаева видела еще остатки ее. По дороге к этой церкви, на каменном валу, идущем вдоль дороги, нами была обнаружена хорошо обтесанная каменная плита с выбитым на ней крестом. Дорога, ведущая к Церковной поляне, местами прослеживается до нескольких десятков метров. На месте обнаружения креста она просматривается до 60 м. Ширина ее 2,5–2,7 м.

Другой камень с крестом найден нами в шестистах метрах от первого к юго-востоку в густом лесу. Третий крест обнаружен на противоположном берегу реки Зеленчук, в урочище Казачья поляна, на небольшой опушке леса (*ил. 110*). Крылья креста в отличие от первых двух представляют расширяющиеся к концам трапеции. Он похож на нательный крест из Верхне-Чегемского городища.

На правом берегу реки Кизгич, между слиянием ее с Зеленчуком, возвышается укрепление. Оно, видимо, охраняло вход в ущелье Кизгич, вверх по течению которого находятся различные остатки строений. Это укрепление представляло собой большое прямоугольное сооружение со сторонами 15,7; 15; 11; 10,5 м и толщиной стен до 1 м. Вокруг него с трех сторон идет каменная ограда.

Между оградой и южным углом сооружения прослеживается полукруглая (диаметром 1,7 м) каменная кладка, возможно, здесь была хозяйственная яма. С восточной стороны к укреплению примыкают различные фундаменты жилищ.

Таким образом, здесь мы имеем дело с остатками большого укрепления, прилегающих к нему жилищ и других строений.

Комплекс археологических памятников Архыза по каменным крестам, по планировке и формам остатков церквей, данным гляциологов можно отнести суммарно к X–XIV вв. Более точные хронологические этапы развития городища сейчас установить трудно.

Нижний Архыз. Городище Нижний Архыз расположено на правом берегу Большого Зеленчука. Часть построек городища располагается на левом берегу у подножия небольшого хребта. Общая длина городища достигает двух километров. Оно обследовано в 1953 г. экспедицией Пятигорского госпединститута под руководством П. Г. Акритаса. Вторично это же городище было исследовано В. А. Кузнецовым в 1960–1962 гг.

Нижне-Архызское городище делится на три части: северную, центральную и южную. Северная часть небольшая, и постройки ее группируются вокруг среднезеленчукского храма. Эта часть городища была укреплена крепостной стеной. В развалинах построек здесь найдены черепки красноглиняной, хорошо обожженной керамики, покрытой светлой поливой, и куски железного шлака.

Центральная часть городища была наиболее густо застроена и представляла его центр. Здесь довольно четко прослеживаются три улицы и переулки с разрушенными жилищами. Недалеко от центральной улицы находятся остатки небольшой одноапсидной церкви, исследованной В. А. Кузнецовым в 1962 г. Она очень похожа на церковь из Верхнего Архыза. Всего на Нижне-Архызском городище насчитывается около десяти подобных сооружений, датируемых X–XII вв. Эта дата подтверждается и тем, что одна из церквей покоится на культурном слое того времени, а также крестами-энколпионами и клепаными железными крестами.

Кроме того, в кладке стены одной из церквей были обнаружены две песчаниковые плиты с высеченными на них арабскими куфическими надписями, одна из которых содержит общемусульманскую формулу: «Нет Бога, кроме Бога, Магомет пророк его», а вторая приводит дату: «аль-авваль год четыреста и тридцать шесть». В мусульманском календаре имеется два месяца с окончанием «аль-авваль» – Раби I и Джумад I, что соответствует времени с 26 сентября по 24 декабря 1044 г. Следовательно, плиты были разбиты и использованы в кладке не ранее 1045 г. Отсюда В. А. Кузнецов относит строительство церкви ко второй половине XI в. На территории центральной части городища в 1953 и 1962 гг. были заложены небольшие шурфы выявившие культурный пласт городища мощностью до метра. Нижние слои содержат керамику, относящуюся ко времени от VIII до XII в., верхние – гончарную красноглиняную керамику, покрытую поливой, которая относится к золотоордынскому времени XIII–XIV вв. К этому же времени относится и могильник из каменных ящиков.

Особо интересным объектом на городище являются комплексы бытовых и хозяйственных сооружений. К северо-западу от церкви № 4 выявлено при раскопках сооружение, состоящее из пяти помещений. Стены его сложены насухо из плитняка, высота их местами доходит до 2,25 м. Все пять помещений соединены между собой и представляют единый комплекс. В южном углу помещения № 1 дверной проем шириной около метра. Дверь ведет из помещения на улицу к церкви № 4. К помещению № 1 примыкает второе помещение без следов дверного проема.

При расчистке этих помещений были найдены обломки черепицы, фрагменты керамики, обломки полукруглой черепицы и часть стеклянного браслета, фрагменты листовой меди, стеклянных сосудов и других предметов. Стены с внутренней стороны сохранили остатки серой штукатурки.

Помещение № 4 было пристроено к третьему позднее. Под южной стеной, примерно на уровне пола, открыта каменная кладка длиной 4,5 м, ве-

роятно, это остатки более древней стены, перекрытой при строительстве помещения. Из помещения № 4 ведет дверной проем в пятое помещение, являвшееся открытой в южную сторону верандой. Здесь сохранились две каменные базы, на которых, видимо, стояли балки, поддерживающие перекрытие крыши.

У юго-западной стороны помещения № 1 под завалом были выявлены остатки небольшого железоплавильного горна, состоящего из трех камер. Камни, из которых он сооружен, прокалены, а с внутренней стороны покрыты шлаковой накипью. Камеры были почти полностью заполнены железным шлаком, что определенно свидетельствует о том, что горн предназначался для выплавки железа.

Исследованное В. А. Кузнецовым сооружение является одним из интереснейших памятников Нижне-Архызского городища, ценнейшим комплексом высокогорных городищ Центрального Кавказа и дает очень много интересного материала о производстве, хозяйстве и быте жителей города.

Выявление остатков железоплавильного производства на Нижне-Архызском городище – факт очень важный. Значение его состоит не только в том, что остатки железоплавильного производства выявлены в верхнекубанских городищах, но и в том, что они еще раз подтверждают роль Нижне-Архызского городища как одного из важных производственных центров этого края в X–XII вв. Наличие же в этом городище и его окрестностях большого количества христианских церквей свидетельствует о том, что этот город был важным политическим и культурным центром верховьев Кубани.

Нет никакого сомнения, что архызские городища (Верхнее и Нижнее) относятся к единому культурно-историческому кругу, были взаимосвязаны между собой политически и экономически и играли важную роль в жизни населения верховьев Кубани. Находки в них различных стеклянных изделий, крестов-энколпионов, высокая для того времени церковная архитектура говорят о том, что население поддерживало оживленную культурно-экономическую связь с внешним миром, особенно с Византийской империей, о чем свидетельствуют христианские церкви и храмы, сооруженные в византийском стиле. Наибольшей насыщенностью христианскими памятниками отличаются места, примыкающие к верховьям Кубани, по которым проходил важный торговый путь, связывающий Северный Кавказ с христианскими очагами Черноморского побережья Кавказа. И, безусловно, архызские городища являлись одним из важных звеньев этого пути. В проникновении христианства в верховья Кубани немаловажную роль сыграло и Тмутараканское княжество, связанное с этими районами удобным путем по течению Кубани.

В заключение можно высказать предположение, что Нижне-Архызское городище после разгрома аланов монголо-татарами могло быть населено предками карачаевцев.

Городище Эль-Джурт является памятником позднесредневековой истории балкарцев и карачаевцев. Исторические песни и предания этих

народов прочно увязывают городище с карачаевцами. Подкрепляется это и историческими сообщениями русских послов 1639 г. Федота Елчина и Павла Захарьева, направлявшихся в Грузию, которые застают в верховьях Баксана карачаевцев. Послы гостили у карачаевских мурз Гилястана и Елбузука из рода Крымшаухаловых. Одному из старейших князей карачаевцев – Камгуту – был воздвигнут наземный склеп-мавзолей у городища Эль-Джурт. Этот мавзолей был описан еще Нарышкиными в 1867 г. и исследован в 1939 г. Х. О. Лайпановым. А. А. Иессен датировал его XV в. С этим городищем связываются весьма спорные и интересные вопросы расселения карачаевцев и балкарцев Урусбиевского (Баксанского) общества. Одни считают, что карачаевцы в то время обитали на Баксане, другие – только на Кубани, третьи размещают их по верховьям обеих рек.

Поселение Эль-Джурт располагалось на крутом каменистом склоне горного хребта, на левом берегу реки Баксан (в двух километрах вверх по ущелью от нынешнего города Тырныауза в КБР). Площадь немногим более чем 200 х 400 м, занятая поселением, сейчас завалена камнепадом частых горных обвалов. В настоящее время здесь можно насчитать остатки 50 жилищ, которые располагались террасами. Прослеживаются усадьбы и улочки (*ил. 89, 97*).

На поселении было раскопано семь жилищ, представляющих три усадьбы и одно отдельное жилище. Поселение примыкало к двум башенным сооружениям, за которыми закрепилось имя княгини Гошаях – жены младшего брата упомянутого Камгута – Каншаубия.

Усадьба № 1 расположена на сравнительно пологой (ближе к реке) нижней части поселения. Она представляет собой прямоугольное сооружение правильных форм, несколько врытое в землю. Стены сооружены из рваного местного камня, без связующего материала. Усадьба состоит из двух больших комнат и веранды. Передняя стена веранды представлена одним рядом камней. Это был фундамент, на котором, вероятно, стояли опорные столбы, подпирающие перекрытие веранды, как и в поздних балкаро-карачаевских жилищах XIX–XX вв. (*ил. 27*).

Первая комната представляла собой вытянутое с северо-запада на юго-восток прямоугольное сооружение (11,2 х 6,2 м) с каменными стенами толщиной более метра. Часть юго-западной стены сооружена на огромном плоском скальном обломке, который выступал внутрь жилища. Кладка стен сухая, камень не обработан, как и во всех других помещениях усадьбы. Западный и северный углы сохранились на высоту почти до двух метров. Собственно эта высота соответствует тому уровню, на который врывались в склон стены жилища. Юго-восточная стена и ее углы намного ниже, так как они располагались по склону. Их высота едва превышает 0,5–0,6 м. Разница эта зависит от крутизны склона местности. В юго-восточной стене был оставлен широкий входной проем.

В ходе раскопок в разных участках жилища на глиняном полу выявлены остатки деревянных обгорелых бревен – балок перекрытия и опорных столбов. Примерно в центре комнаты находились два плоских камня (раз-

мерами 45 х 85, 70 х 70 см без определенных форм), лежащих на полу. Возле них непосредственно обнаружено несколько фрагментов деревянных столбов. Вероятно, эти камни представляли собой базы, на которых стояли опорные столбы.

Вторая комната (11,2 х 5,6 м) представляла такое же вытянутое прямоугольное помещение. Северо-западная стена двух этих помещений являлась общей стеной всей усадьбы. Она, как отмечено, была врезана в склон горы.

В северо-восточной части комнаты на полу были выявлены два плоских камня размерами 60 х 65; 55 х 65 см, расположенных в одну линию на расстоянии полутора метров один от другого. У самой юго-восточной стены находился еще один подобный камень. Вероятно, они служили базами для опорных столбов перекрытия жилища.

Ко второй комнате была пристроена веранда-навес. Ширина ее 2,4 м, длина соответствует размеру комнаты. Передняя стена ее представляла, как говорилось выше, один ряд камней, немного выступавших на поверхность. В ней хорошо виден проем, служивший входом в веранду.

В усадьбе № 1 было найдено большое количество костей как крупных, так и мелких животных, много обломков глиняных сосудов, фрагменты железной посуды, железное шило, обломок пряслица из песчаника.

Керамический материал можно разделить на три вида – сероглиняный слабого обжига, красноглиняный с хорошим обжигом и третий вид, его большинство, – это хорошего качества и обжига черепки кирпично-красного цвета в изломе, покрытые разноцветной поливой: темно-коричневой, темно-охристой и светло-коричневой. Среди черепков с темно-коричневой поливой выделяются образцы с горизонтальными венчиками, покрытые желобчатыми линиями по горловине и плечику сосудов. Такие же желобки нанесены на туловах сосудов. Встречались черепки сосудов с прямыми венчиками. Черепки с желто-охристой поливой имели плавно закругленные венчики. Некоторые из этого типа сосудов имели горизонтально идущие возле горловины бортики. Как и предыдущие, они снабжены желобками, идущими как по горловине и плечику, так и по тулову сосудов. Среди них встречаются фрагменты петлевидных небольших ручек.

Черепки со светло-коричневой поливой представляют в основном такие же образцы, что и предыдущие, но среди них встречаются фрагменты сосудов с почти вертикальными стенками. Попадаются экземпляры с ленточными и петлевидными ручками (*ил. 87, 98*).

Усадьбы № 2 и 3, жилище № 7 и башни расположены в самой верхней части поселения у основания скального массива на крутом склоне, заваленном камнепадом.

Усадьба № 2 состоит из пяти соединенных между собой комнат. Первая представляет собой помещение, сооруженное из рваного камня без связующего материала. Длина его (внутри) около 10,5 м, ширина 5,4 м. Толщина стен 1,2 м. Вдоль северо-западной стены шла лежанка пятиметровой

длины и 70 см ширины. У южного угла был оставлен вход шириной в 1 м. Задняя, северо-западная, стена, представляющая каменную облицовку среза склона, в котором сооружалось жилище, хорошо сохранилась до двух метров в высоту, боковые стены – на высоту от 0,5 до 2 м. Передняя же стена была снесена обвалом.

Вторая комната – шириной до трех и длиной около четырех метров. Стены ее сооружены подобным же способом, как и во всех остальных жилищах.

Третья комната второй усадьбы – это неправильное четырехугольное сооружение размерами 10,7 х 7,8 м в широкой части и 9,5 х 6 м в узкой. Задняя (северо-западная) стена сохранилась до 1,4 м в высоту. Передняя почти целиком снесена. Вдоль правой части северо-западной стены расчищены остатки лежанки. К третьей комнате непосредственно прилегает жилище № 6 с двумя отдельными небольшими помещениями, что позволяет объединить их в одну усадьбу.

Усадьба № 3 расположена вблизи от усадьбы № 2 и представляет собой вытянутое с запада на восток сооружение из нескольких помещений. Стены их сооружены подобным же образом, что и описанные выше. Одно из помещений представляет собой в плане ромбовидный четырехугольник со сторонами 3,8 х 4 м. Стены сохранились от одного до двух метров в высоту. Нижний ряд камней в стенах представляет огромные глыбы.

Остальные помещения по планировке и расположению аналогичны вышеописанным. В восточном углу третьей комнаты обнаружена массивная каменная стена шаровидной формы. А на полу четвертой найдена часть каменного жернова ручной мельницы.

Жилище № 7 располагалось в двенадцати метрах к востоку от усадьбы № 3. В плане оно представляет трапециевидное помещение длиной 8,4 м, шириной 5,4 и 2,9 м. Задняя (северо-западная) стена сохранилась до 1,7 м в высоту. Передняя почти вся разрушена. В кладке стен использованы огромные валуны.

В ходе раскопок описанных усадеб был собран большой костный материал, среди которого привлекает внимание череп дикого кабана, найденный в одной из комнат усадьбы № 3. Интересно отметить железную ромбовидную стрелу с длинным черешком, круглым в сечении. Длина острия стрелы около шести сантиметров. Керамика городища Эль-Джурт представлена черепками красноглиняных хорошо обожженных сосудов. Встречается и сероглиняная керамика.

На поселении хорошо видны улицы, идущие между рядами жилищ, расположенных на горном склоне. Ширина их достигает местами более двух метров. Одна из таких улиц проходит примерно по центру поселения, она самая широкая.

У городища Эль-Джурт находились две башни. Одна из них, сооруженная из камня без связующего раствора, стояла у самого основания вертикального скалистого навеса, служившего четвертой стеной башни. В плане она представляет четырехугольник шириной (внутри) 4,3–5,1 м, длиной 9,2–

9,4 м. Толщина стен – до полутора метров. В восточном углу башни оставлен вход, у которого лежал массивный обработанный камень прямоугольной формы, служивший порогом. Стены у входа выложены обработанными большими камнями. Слева в стене оставлена четырехугольная ниша высотой 30, глубиной 50 см. В западном углу башни вырыт прямоугольной формы бассейн для сбора воды (глубиной 1,5–1,7 м; длиной 3,4 м; шириной 1 м). В некоторых местах стены башни уцелели в высоту до 1,7 м.

В башне найдено было около двух десятков черепков, аналогичных по фактуре и орнаментации керамике из усадеб № 2, 3.

В двадцати двух метрах к востоку находятся остатки второй башни. Она была построена на очень крутом скалистом склоне. Для получения горизонтальной площадки при сооружении башни склон был забутован камнями на высоту в три метра. В кладке камней применялся известковый раствор в качестве связующего материала. Со стороны склона стены остались высотой до 3,4 м. По бокам площадка под башню была укреплена каменными стенами.

Если смотреть сверху, то остатки башни едва только прослеживаются, т. к. три стены ее в результате горных обвалов, в силу покатости склона были разрушены. Башня имела трапециевидное основание длиной 15,4, шириной 6,1 м, толщина стен – более метра. С юго-западной стороны склон, где стояла башня, укреплен прямой каменной стеной, сооруженной на известковом растворе (ширина ее около 1 м, высота 1 м, длина 9 м).

Из башен хорошо просматривалась вся территория поселения Эль-Джурт.

Напротив поселения на правом берегу реки Баксан расположен упомянутый мавзолей карачаевского князя Камгута Крымшаухалова. Уместно напомнить, что он представлял собой прямоугольное в плане сооружение из камня на известковом растворе, был хорошо отштукатурен и имел двускатную крышу. В настоящее время мавзолей в полуразрушенном состоянии. На восточной стене имеется оконный проем шириной 45 и высотой 60 см, в западной стене – вход арочной формы. Во время поездки А. Фирковича по Баксанскому ущелью (1849) у входа с наружной стороны видны были отпечатки рук, оставленные, на свежей штукатурке. До нашего времени еще частично сохранились прорисовки, изображающие двух ланей. Первое изображение почти полностью разрушилось, второе сохранилось намного лучше. Судя по второму изображению, животные запечатлены в беге с высоко поднятыми головами. Длина каждой лани была около 60 см (*ил. 94–96*).

При расчистке мавзолея под его полом выявился подземный склеп ладьевидной формы в плане. Ширина его по торцам 0,9 м, по центру 1,1 м, длина 2,6 м. В восточной стене склепа имеется глубокая ниша высотой 0,6 м и шириной 0,4 м, глубиной 0,9 м. Стены его сооружены из обработанных камней на известковом растворе.

Видимо, из этого склепа происходит деревянная колода, зарисованная Вырубовым в 1889 г.

В результате раскопок поселения Эль-Джурт получен очень скудный датирующий материал. Все же некоторые определения можно сделать по найденной керамике. Так, черепки, добытые на усадьбах № 2, 3, в жилищ № 7 и в первой башне, представляют собой наиболее ранние образцы, находящие очень близкие аналогии в керамике золотоордынского времени XIII–XIV вв. К этому же времени относится и стрела, подобная множеству стрел из средневековых кабардинских курганов. Склеп Камгута Крымшаухалова датируется XV в. С этими хронологическими рамками согласуется и то обстоятельство, что в 1639 г. здесь проходили русские послы. Кроме того, известно, что мусульманство проникает в горы Центрального Кавказа в начале XVIII в., а наличие в одном из жилищ Эль-Джурта черепа кабана является свидетельством о домусульманском времени поселения. Исходя из этого можно предположить, что основная часть поселения (верхняя усадьба № 2, 3, жилище 7, башни) существовала от XIV–XV до XVIII в.

Усадьба № 1 является поздним включением в поселение, т. е. она обосновалась после того, как ранняя часть его возможно была уже заброшена. Об этом свидетельствует планировка и конструкция жилищ, керамический материал явно позднего, а частично заводского характера и т. д. Эта усадьба по своему типу относится к старобалкарским усадьбам XVIII–XIX вв.

МОГИЛЬНИКИ

В эпоху Средневековья балкарцы и карачаевцы использовали для захоронения обычные грунтовые ямы, каменные ящики, подземные, полуподземные и надземные склепы.

Грунтовые могильники

Одним из наиболее интересных памятников этого рода является **могильник Байрым,** расположенный у современного сел. Верхний Чегем, вблизи Верхне-Чегемского средневекового городища. В прошлом местность Байрым считалась священной, и здесь отправлялись всевозможные религиозные культы и обряды.

Большинство погребенных на могильнике находились в составных деревянных гробах из дубовых досок и плах, скрепленных без гвоздей, посредством пазов и шипов. Вторая группа погребений была совершена в деревянных обкладках, а третью – составляли погребения в обыкновенных грунтовых ямах, окруженных каменными обкладками. Во всех 39 погребениях, раскопанных на могильнике Байрым, костяки были ориентированы на запад, большинство с отклонениями к северу или югу. Почти все они находились в вытянутом положении на спине с уложенными вдоль туловища руками.

В большинстве захоронений находился древесный уголь, чаще в изголовье, а в некоторых случаях и по всей могильной яме в виде подстилки. Встречались и подстилки из дубленой кожи, но только в погребениях с гробами.

Наибольший интерес представляют три захоронения могильника Байрым, описание которых хотелось бы привести

Первое из них (№ 1)* находилось в обычной грунтовой яме на небольшой глубине. Здесь была похоронена женщина. На груди ее лежал скелет ребенка двух-трехлетнего возраста. Вероятно, оба они умерли или погибли в одно время. Около черепа женщины, с двух сторон, были найдены серьги-подвески – «лунницы» из бронзовой пластинки. На левой руке погребенной обнаружено небольшое железное колечко.

Второе погребение (№ 27–28) – парное, находилось на глубине полутора метров. Оба костяка лежали в одном составном гробу из тесаных деревянных плах. В южной его части лежал скелет мужчины, в северной – скелет женщины.

У женщины руки были сложены крест-накрест на грудной клетке. На правой руке был витой бронзовый браслет с расплющенными концами и овальными отверстиями в них. Под ее левой рукой найдены небольшой железный нож и несколько бусин; у черепа находились серьги-подвески в виде колец с несколькими шариками и зернью в них, кусочек войлока с нашитой полоской из бронзовой канители. Сохранились остатки кожаных сапожек, украшенных орнаментом из цветных нитей.

Особо интересным оказалось погребение № 15. В нем находились останки женщины в хорошо сохранившейся одежде и в кожаных остроносых сапожках, расшитых цветочным орнаментом. На женщине были шаровары из клетчатой полотняной ткани, платье-кафтан. На голове женщины сохранились волосы и войлочная круглая пирамидально-островерхая шапочка, обшитая золотой канителью. Подобные женские шапочки являются неотъемлемой принадлежностью балкаро-карачаевского национального костюма. Поверх одежды женщина была покрыта светло-желтой шелковой вуалью.

При погребенной были найдены деревянный гребень и кожаная сумочка, в которой находился бронзовый наперсток; у черепа обнаружены серьги.

Это погребение было доставлено в Москву и передано в реставрационные мастерские Государственного исторического музея. Здесь под руководством С. И. Скопинцевой реставраторы восстановили весь костюм, который сейчас украшает экспозицию Кабардино-Балкарского краеведческого музея в городе Нальчике. Реставрированы две пары кожаных сапожек, головной убор, шелковая рубашка, шаровары. Восстановлена и шелковая вуаль, которой была покрыта погребенная.

Этот ценный этнографический материал достоин специального изучения, поэтому остановимся подробнее на его описании.

Головной убор – шапочка из войлока, обтянутая шерстяной тканью коричневого цвета, имеет пятигранную форму, верхняя часть конусообраз-

* Нумерация погребений производится археологами в процессе раскопок.

ная. Поверх ткани она наполовину покрыта шелком. На гранях шапочки прикреплены две полоски тюлевой ткани, которые были связаны узлом и служили украшением.

Хорошо сохранилась прическа погребенной. Волосы были заплетены в косы и уложены в виде короны, которую сверху прикрывала шапочка. Реставраторы предполагают, что под головным убором был надет чепец, от него сохранились лишь отдельные фрагменты полотняной ткани. На волосах видны два тонких шелковых шнурка, которые скрепляли прическу.

Верхнее платье – кафтан из очень плотной шерстяной ткани полотняного переплетения с меховой оторочкой, который распался при разборе погребения. Покрой кафтана восстановить не удалось. Рубашка была надета на погребенную под кафтан. Она широкого покроя, с длинными рукавами с ластовицей. Длина рубашки 118–120 см, ширина 78 см, ткань светло-коричневого цвета. В грудной части спереди, от горловины до талии, имеется разрез, по бокам которого видны металлические пуговички и нашитые нитяные застежки-петельки. Подол и манжеты рукавов отделаны кружевной тесьмой, пришитой вручную. На плече и левом боку у пояса рубашки имелись две петли из рулика. К этим петлям были прикреплены железные ножницы.

На правом боку погребенной на петле висела сумочка из шелковой ткани на подкладке. Верхняя ткань ее шелковая полотняного переплетения, подкладка же типа шелкового репса. Сумочка затягивалась тесьмой, поверх ее имеется нашивка. В ней находился бронзовый наперсток с точечными полосками.

Под рубашкой находились широкие шаровары, сшитые из четырех прямых полотнищ клетчатой ткани, соединенных ромбовидным клином. Шаровары держались на талии посредством шнурка. На погребенной было две пары сапог: одна меньшего, другая большего размеров. Первые сапожки сделаны из мягкой кожи, вторые – из грубой. Сапоги остроносые. Меньшие по размерам были, видимо, типа ноговиц. Высота голенищ 38, ширина 17 см. Длина ступни 24 см. Подъем носка верхних (больших) сапожек украшен вдавленным желобчатым орнаментом, переходящим выше в узорчатый рисунок.

На груди погребенной находился самшитовый гребень, двусторонний, довольно хорошо сохранившийся. На нем имеется растительный орнамент. Длина гребешка 6,5 см, ширина 6 см, высота зубьев 2,5 см. На одной стороне зубья частые, на другой они реже. У черепа женщины найдены две серьги из серебра филигранной работы с каплевидными подвесками.

Под погребенной была кожаная подстилка, а по всей площади могильной ямы находилась подсыпка из древесного угля.

Из археологического материала могильника следует отметить некоторые предметы: железные ножницы для стрижки овец (длина их от 17 до 20 см, ширина лезвий 1,5–2,5 см) находились в мужских и женских погребениях; однолезвийные и двухлезвийные черешковые ножи со следами деревянных и костяных ручек, длиной от 12 до 25 см; кольца и скобочки из

прутового железа; наперстки с точечным и нарезным штампом; браслеты из проволоки с расплющенными концами, на которых имеются маленькие отверстия. Найдены были также кабаний клык с отверстием для подвески, всевозможные нашивки различных форм. Из деревянных предметов можно указать на самшитовые гребешки. Были обнаружены также кожаные сумочки, украшенные вышитым растительным орнаментом, в которых находились наперстки, гребешки и прочие принадлежности женского туалета.

Из украшений интересны серьги-лунницы из бронзовой и серебряной тонкой фольги; серьги-подвески в виде вопросительного знака с каплевидными бубенчиками на конце стержня; бусы костяные, стеклянные, гешеровые и халцедоновые различных форм.

Все эти перечисленные предметы находят множество аналогий в материалах северокавказских могильников XIII–XIV вв. Особенная близость наблюдается с Новокувинским могильником в Карачаево-Черкесии как по могильным сооружениям, так и по погребальному обряду и инвентарю.

Могильник у Верхне-Чегемского городища был открыт и исследован археологической экспедицией КБНИИ в 1960 г. Располагается на склоне горы, на левом берегу реки Джилги-су. Весь комплекс инвентаря, прежде всего серьги в виде знака вопроса, которые во многих пунктах Северного Кавказа встречаются в комплексах XIII–XIV вв. вместе с золотоордынскими монетами, свидетельствует о позднесредневековом времени могильника.

Именно в комплексах этого времени чаще всего начинают встречаться обрывки тканей, остатки одежды, характерными становятся железные колечки и всевозможные пряжки, которые в эпоху раннего Средневековья почти целиком изготовлялись из бронзы или его сплавов. Сказанное в полной мере может относиться и к наличию в могилах чашечкообразных пуговиц с отверстиями.

Таким образом, вероятнее всего, этот могильник относится к периоду XIII–XIV вв.

Могильник у сел. Карт-Джурт (Карачаево-Черкесия) располагается на правом берегу реки Кубани на невысоком плато второй террасы у южной окраины названного населенного пункта. В 1958 г. обследование могильника произвела Е. П. Алексеева и раскопала здесь восемь погребений.

В 1969 г. под руководством автора этих строк на могильнике вскрыто 39 захоронений. Большинство могил настолько сравнялось с землей, что было обозначено едва выступающими из земли камнями в виде круга, овала и неправильного прямоугольника. Другие представляли собой курганообразные возвышения из концентрически уложенных крупных камней. Были могилы с едва заметными (до 20 см высотой) земляными возвышениями, окантованными каменной обкладкой.

Для иллюстрации приведем несколько характерных погребений.

Почти в центре могильного поля находился курган, диаметром 7,2 м и высотой 0,7 м. Насыпь его состояла из крупных камней, уложенных пятью правильными концентрическими кругами. Промежутки этих кругов были

заполнены мелкими камнями, создающими впечатление беспорядочной каменной груды. Концентрические круги в насыпи выявились после расчистки ее от мелких камней. Диаметр второго круга 6,4 м, третьего – 3,3 и четвертого – 2,7 м. Земли в насыпи кургана не было. Ниже уровня горизонта шла могильная яма.

На глубине около метра обнаружилась хорошо сохранившаяся колода, сделанная из ствола сосны. Она закрывала деревянный гроб из сосновых плах, скрепленных прямоугольными железными скобами, в котором находился мужской скелет. Примерно на уровне берцовых костей погребенного, слева, были обнаружены железный нож в плохо сохранившихся деревянных ножнах и небольшая металлическая пластинка с отверстием и елочным штампованным узором.

В десяти метрах к юго-западу от кургана раскопано захоронение № 30. Внешними признаками его была невысокая (0,4 м) земляная насыпь в виде курганчика (диаметром 5,15 м), окантованного по основанию камнями. На глубине восьмидесяти сантиметров обнаружилась хорошо сохранившаяся деревянная колода, плотно обложенная булыжниковым камнем.

Для изготовления колоды использовали сосновый ствол длиной 2,45 м и диаметром 0,58 м, который был распилен вдоль на равные части. Эти половины выдалбливались изнутри, а по торцовым сторонам их оставлялись выступающие шипы и пазы, посредством которых они плотно смыкались. В одной из половин (нижней) покоился погребенный. Сверху эта часть колоды покрывалась тонкой доской, а затем накрывалась второй половиной колоды – крышкой.

Доска, отделяющая две составные части колоды, была накрыта парчовой тканью темно-зеленого цвета с крупными тюльпанообразными вышитыми цветками бирюзового оттенка. Цветы расположены в строгой симметрии – по четыре цветка в ширину и семь в длину. Высота цветков 15 см. В промежутках между крупными цветами на определенных расстояниях вышиты шестилепестковые цветки-розетки тоже бирюзового цвета.

В могильной яме встречался древесный уголь. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Сохранилось несколько кусков тканей от его одежды.

В северной части могильника было вскрыто погребение № 18. Наружными признаками его являлась овальная обкладка камней. Колода была обложена булыжником, ориентирована она с востока на запад. В погребении обнаружен фрагмент женского головного убора, изготовленный из тонкой металлической пластинки и представляющий собой конусообразное навершие женской войлочной шапочки, обтянутой кожей. Для изготовления ее пластинка была согнута конусом и скреплена в местах соединения небольшими бронзовыми заклепками, которые одновременно крепили пластину к войлочному основанию головного убора. Фрагмент заканчивается невысокой конусообразной колонкой с круглым шишаком, инкрустированным мелким круглым бисером голубого цвета. Общая высота фрагмента шапки по центральной части 12,7 см.

Передняя (лицевая) часть шапочки была украшена пятью вставленными в гнезда камнями темно-синего цвета (*ил. 119*).

Рядом с головным убором была найдена крупная плоская серьга из металлической пластинки, завершающаяся тремя полыми шариками. Интересно, что серьга была скреплена небольшой тесемкой. Высота серьги 9 см. У пояса погребенной обнаружены бронзовый наперсток, крупная бусина из темной пастообразной массы со светлыми прожилками и часть самшитового гребешка.

Металлический фрагмент женского головного убора (как и в погребении № 18) был найден при раскопах захоронения № 17. Сохранились остатки войлока, обтянутого кожей. Фрагмент изготовлен также из пластинки и скреплен подобными заклепками. По форме он такой же конусообразный. Навершие головного убора представляет вертикальную колонку, заканчивающуюся небольшим раструбом, в котором в гнездышко вставлен камень белого цвета. Общая высота фрагмента 10,7 см

При расчистке погребения № 14 были найдены бусы, различные по форме и материалу. Среди них мелкие типа бисера из черной, голубой и синей пастообразной массы, бусы из бесцветного стекла. Особо следует отметить желобчатую конусообразную бусину из черной пасты и восьмигранную бусину из горного хрусталя, которые характерны для погребений раннего Средневековья. Кроме этого, в погребении была найдена бронзовая подвеска-амулет плоской треугольной формы, инкрустированная перламутровой пластинкой.

Погребение № 7 располагалось в северной части могильника и представляло собой третью разновидность могил Карт-Джурта. Наружные признаки – обкладка в форме неправильного прямоугольника из крупных камней, выступающий над землей. Промежуток между ними заполнен мелкими камнями. Размеры обкладки – 3,1 х 2,5 м. После снятия небольшого дернового слоя обнаружилась забутовка из камней вместе с землей.

У головы и ног погребенного был выявлен древесный уголь. У черепа находился фрагмент головного убора, представляющий крестообразно нашитые на войлок и ткань две металлические пластинки шириной около сантиметра. Длина одной из них 7,3 см. Другой 12,8 см. Пластинки украшены выпуклыми точками, идущими по их плоскости ломаной линией. При погребенном найдены железные ножницы, два бронзовых перстня со вставками из голубых камней и такой же наперсток. У грудных костей найдена металлическая пуговица-бубенчик.

Погребальный инвентарь могильника делится на орудия труда и быта, остатки одежды и украшения. Среди орудий труда и быта выделяются железные ножницы и ножи, серпы, бронзовые наперстки и каменные оселки.

Ножницы подразделяются на хозяйственные, для стрижки овец, и портняжные, применяемые в домашнем быту. Ножницы для стрижки овец представляют собой массивные орудия труда, изготовленные из железного прута сечением до сантиметра. Прут этот был скручен, что придавало

ножницам пружинность. Для создания рабочей части прут расплющивался до 2,2–2,5 см шириной. Таких ножниц было найдено двое целых и одни в виде фрагментов. Длина их от 25 до 29,5 см, в том числе рабочая часть от 12,5 до 14,5 см.

Портняжные ножницы представлены тремя экземплярами. Они по форме напоминают современные, за исключением одних, в которых кольца выполнены путем ковки. Длина ножниц от 18 до 21 см (*ил. 118*).

Железные ножи представлены в семи экземплярах. Все они однолезвийные, черешковые. К небольшим черешкам прикрепляли деревянные и костяные ручки. Длина лезвий от 5,5 до 21,3 см. В одном из погребений (№ 3) был найден слегка изогнутый железный серп с черешком для крепления ручки. Длина его лезвия 9 см. Почти на всех ножах сохранились следы деревянных ножен.

Бронзовые наперстки со штампованными точечками были найдены во многих погребениях. Все они обычных размеров и находились часто с обрывками тканей.

В одном из захоронений найден небольшой отшлифованный точильный камень – оселок.

Судя по некоторым деталям погребальных сооружений и инвентаря, можно говорить о существовании у населения, оставившего этот могильник, и других орудий труда. Например, пиленые стволы деревьев для изготовления колод, строганые доски и рубленые плахи для гробов говорят о наличии различных орудий для обработки дерева, таких, как пилы, топоры. Кованые ножи, ножницы и скобы свидетельствуют об умении металлообработки. О ткачестве, войлочном деле и обработке кожи говорят найденные куски различных тканей, войлока и кожи.

Найденные в погребениях украшения свидетельствуют о занятиях ювелирным делом. Они представлены различными предметами. Среди них прежде всего перстни. Они изготовлены из сплава бронзы, имеют вставленные в гнезда белые, голубые, темно-синие камешки различной величины. Основания гнезд, как правило, имитируют витой орнамент.

Украшениями служили и различные бусы, изготовленные из белого, голубого пастообразного вещества, хрусталя и гагата. Бусы из пасты представляют собой мелкий (от 0,3 до 0,5 см в сечении) бисер. Из хрусталя и гагата изготовлялись граненые и желобчатые бусы.

Разновидность украшений составляют и различные металлические орнаментированные пластинки для нашивки на одежду. Орнамент на них представляет собой ломаные и витые выпуклые линии, выпуклые шишечки и кружки, штрихованные линии и пятилепестковые розетки. Украшениями служили и навершия головных уборов с орнаментом и инкрустацией. Предметами женского туалета являлись небольшие самшитовые гребешки.

Этнокультурная характеристика и датировка могильника может быть дана путем сравнения его с синхронными и аналогичными памятниками соседних районов. Прежде всего, бросается в глаза почти полное совпадение основной части погребений Карт-Джурта с могильником Байрым

XIII–XIV вв. в Балкарии. И тот и другой могильники грунтовые, наземными признаками их являются обкладки камнями, почти не выступающие на поверхность земли. Одинакова и структура насыпи могильных ям. Сближает их и западная ориентировка положения костяков, а также наличие деревянных гробов и колод, скрепленных железными скобами. Ряд погребений на могильнике Карт-Джурт сближается по наземным признакам со второй группой погребений Курнаята, с могильником Ташлы-Тала и Коспарты (см. ниже), суммарно относящимся к XVI–XVIII вв. Но в Карт-Джурте отсутствуют каменные ящики. Много общего между этими могильниками и в погребальном инвентаре. Так, например, на Байрыме были найдены аналогичные Карт-Джурту железные ножницы, бронзовые перстни и наперстки, обрывки тканей, остатки войлочных шапочек, самшитовые гребни и пр. В то же время некоторые предметы из Байрыма – серьги-лунницы и серьги, оканчивающиеся имитацией виноградной грозди, а также наличие парных захоронений – говорят о том, что Байрымский могильник намного старше Карт-Джурта. Большое сходство инвентаря наблюдается с инвентарем второй группы могил Курнаята. Серьги из погребения № 25 Курнаята представляют собой почти копию серьги из погребения № 18 Карт-Джурта. Орнаментированные пластинки и сам узор аналогичен подобным вещам Курнаята XV–XVII вв., Ташлы-Тала XVI–XVIII вв. и Коспарты XVI–XVII вв. То же самое можно сказать о перстнях из всех перечисленных могильников.

Исходя из всего этого, можно полагать, что Карт-Джуртский могильник относится к XV–XVIII вв., и тем самым несколько уточнить датировку, предложенную Е. П. Алексеевой (XVII–XVIII вв.). По моему мнению, наиболее ранней группой Карт-Джуртского могильника являются погребения с овальными обкладками, не выступающими над землей. Поздние погребения – это могилы, обозначенные прямоугольными и овальными обкладками из крупных камней, заполненными более мелкими камнями (погребения № 6, 7, 8), напоминающими нечто вроде каменного ящика над землей.

Относительно этнической принадлежности Карт-Джуртского могильника весьма обоснованно мнение Е. П. Алексеевой, что могильник принадлежит карачаевцам.

В заключение следует отметить, что грунтовые могильники рассматриваемого времени имеют много общих черт с подобными могильниками раннего Средневековья. Эти черты в какой-то степени позволяют говорить о существовании между ними культурно-исторической преемственности.

В эпоху раннего Средневековья грунтовые могильники известны в интересующих нас областях в восьми пунктах и в целом охватывают период IV–XII вв. *(ил. 57)*.

Преемственность эта выражается в устройстве могил (обычная грунтовая яма), в наличии деревянных колод или гробов (например, в могильниках Каракент, Нижняя Теберда и др.). Все эти элементы в конструкции могил свойственны и Байрымскому могильнику. Преемственность в этих

могильниках можно проследить и по обряду захоронения. Большинство погребенных в грунтовых могилах раннего Средневековья, за редким исключением, ориентировано на запад или с небольшими отклонениями к северу и югу (Тамгачык, Кешене-Алы, Каракент, Рим-гора и др.). Костяки в этих могильниках почти всегда лежат на спине в вытянутом положении, руки опущены вдоль туловища или согнуты на животе, груди или одна из них вытянута, другая согнута в локте и лежит либо на груди, либо на тазовых костях.

Нетрудно заметить, что и по погребальному обряду наблюдается большая общность раннесредневековых грунтовых могильников с поздними. Такой же общий элемент в обряде захоронений прослеживается в угольной или зольной подсыпке на дне могил.

Приведенные выше общие элементы в конструкции могил и в погребальном обряде дают основание считать, что позднесредневековые грунтовые могильники являются позднейшим дериватом раннесредневековых, следовательно, можно говорить и об определенном этническом единстве или близости населения, оставившего эти могильники.

Каменные ящики

Второй распространенной разновидностью могильников позднего Средневековья в Балкарии и Карачае являются так называемые каменные ящики, устроенные из нескольких каменных плит. Они имеют глубокую местную – кавказскую – традицию развития, являются исконно местным типом погребального сооружения, начиная с III тыс. до н. э. и бытуют до позднего Средневековья включительно. В настоящее время эти могильники известны во многих пунктах Северного Кавказа, но обобщенного описания их до сих пор не проведено.

Могильник на городище Нижний Архыз изучен в 1960–1961 гг. Зеленчукским отрядом Северо-Кавказской археологической экспедиции под руководством В. А. Кузнецова. Могильник расположен у северозеленчукского храма X в., который находится у современного поселка Нижний Архыз Зеленчукского района Карачаево-Черкесии. Первое упоминание могил из «каменных гробиков» в этом районе относится к 1894 г. В следующем году В. М. Сысоев раскопал у упомянутого храма два каменных ящика. Направление этих ящиков, по словам Сысоева, с востока на запад. По описанию этого исследователя: «Скелет лежал... на спине, головой на запад, лицом вверх с легким поворотом на север. Руки, по-видимому, были сложены на животе». Никаких вещей в могилах В. М. Сысоев не нашел, но по обряду захоронения определил их как христианские. Подобные же могилы он зафиксировал и у других храмов этого района.

В 1960 г. В. А. Кузнецов вскрыл у северозеленчукского храма 53 каменных ящика (из них два погребения находились внутри самого храма). Все они представляли собой узкие каменные ящики, состоящие из четырех, шести и более песчаниковых плит. Ориентированы с востока на запад, за

исключением двух, которые вытянуты по линии с юго-запада на северо-восток. Некоторые ящики сделаны из тщательно обработанных плит. В пяти погребениях пол могил выстлан плоскими песчаниковыми плитами, в восьми такие же плиты были положены под голову захороненных.

В насыпи могил и под костяками очень часто наблюдался древесный уголь, мел и толченый кирпич.

В восьми погребениях обнаружено по два черепа, в одном – три, в трех – по четыре. Погребений, содержащих групповые захоронения, всего 12. В. А. Кузнецов полагает, что в большинстве случаев это не одновременные захоронения, а повторные, когда в ящик, где уже находился погребенный, клали других умерших. Все костяки были ориентированы головой на запад и лежали на спине. В большинстве каменных ящиков руки погребенных вытянуты вдоль туловища.

В двух ящиках найдены при погребенных подвески из кабаньих клыков, в одном – амулет из медвежьего клыка.

В. А. Кузнецов справедливо считает могильник христианским. Хронологически он распадается на две группы захоронений. К ранней группе относятся четыре погребения (№ 12, 16, 18, 49), которые хорошо датируются XI–XII вв. Основная же масса их относится к XIII–XIV вв.

Характерными вещами этого времени являются серебряные серьги в виде вопросительного знака с нанизанной на стержень «виноградной гроздью». Аналогичные серьги известны из Байрымского могильника XIII–XIV вв. и других районов Северного Кавказа, где их обнаруживали вместе с монетами XIV в. Тем же временем датируются височные кольца с петелькой, найденные в нескольких погребениях (подобные кольца в 1886 г. находил В. И. Сизов в могильнике у станицы Натухайской в комплексе с золотоордынскими монетами XIV в.), глиняные поливные бусы голубого цвета, граненые сердоликовые бусы. Аналогии поливным бусам известны из христианского могильника XIII–XIV вв. у городища Верхний Джулат и Березовского поселения XII–XIV вв.

К XIII–XIV вв. можно отнести и серебряный перстень с плоским квадратным щитком и выгравированным на нем ромбом (погребение № 20). Исходя из этого второй (верхней) хронологической рамкой можно считать XIII–XIV вв. Таким образом, весь могильник может быть отнесен ко времени с X–XI вв. по XIV в.

В 1961 г. В. А. Кузнецов продолжил исследование на Нижне-Архызском городище. Под полом церкви № 6 им было вскрыто 10 могил, состоящих из каменных ящиков, сооруженных из нескольких песчаниковых плит, поставленных на ребро. Перекрытие ящиков очень часто состояло из нескольких слоев таких же плит. Одна могила (№ 1) несколько отличается от других – стены ее сложены из нескольких рядов кладки из рваного плитняка. Возможно, здесь можно говорить о слиянии двух типов погребальных сооружений – склепов и каменных ящиков.

Все могилы, за исключением одной, ориентированы с востока на запад. В двух случаях под черепами погребенных были обнаружены плоские

плиты. Более сохранившиеся костяки свидетельствуют о западной ориентировке. Костяки в могилах, по-видимому, были в вытянутом положении. Во всех могилах выявлена подсыпка из древесного угля и толченого кирпича. По справедливому замечанию исследователя, погребальный обряд могильника, видимо, был таков же, как и в могильнике у северозеленчукского храма.

Можно констатировать, что этот могильник относится к одному этнокультурному кругу с могильником у северозеленчукского храма. Свидетельством этому служит конструкция погребальных сооружений, погребальный обряд и вещевой материал. В то же время все три элемента, по мнению автора, могут свидетельствовать о том, что, скорее всего, эти памятники принадлежат предкам карачаевцев и балкарцев.

Могильник между Мухолом и Коспарты расположен напротив сел. Верхняя Балкария между старыми аулами Мухол и Коспарты, на пологом горном склоне. Могильник состоит из каменных ящиков и частично обследован В. А. Кузнецовым в 1959 г.

Первый каменный ящик был сложен из плит плотного серого сланца. Сверху он был покрыт массивной цельной плитой во всю длину камеры. В ящике были найдены остатки деревянного гроба и женский скелет в вытянутом положении, головой на северо-запад. Справа у черепа лежала медная застежка с двумя петлями на оборотной стороне и головкой в виде ложечки, у левой руки были найдены перстень со вставкой из стекла вишневого цвета, медная пряжка с петлями для ремня, вторая застежка, аналогичная первой, и железный нож с насадом для ручки. В области грудной клетки обнаружено разбитое зеркальце, разрозненные тонкие бронзовые пластинки со штампованным орнаментом, обрывки кожи, к которой, возможно, прикреплялись пластинки. Найдены также бусы из халцедона (молочного цвета и из синего стекла, две серебряные округленные пластинки с вырезанными антропоморфными изображениями и петлями. Судя по всему, последние представляют собой составные серьги-подвески. Кроме того, у кисти правой руки находились белая бусинка, фрагмент бронзовой пластинки со штампованным орнаментом и серебряный перстень со вставкой из круглого голубого стекла.

Второй каменный ящик состоял также из сланцевых плит, был покрыт такой же массивной плитой, как и первый. Камера (длина 1,86 м, ширина в головах 60 см, в ногах 43 см) была заполнена обломками досок, видимо, остатками гроба. Под ними лежал скелет женщины, в вытянутом положении, на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к северу. На черепе находились остатки головного убора, состоявшего из нескольких слоев тонкой шелковой ткани коричневого цвета, украшенной орнаментом и сетчатой полосой (ширина 3 см) из шерстяных ниток зеленого цвета. В погребении были найдены две серебряные пластины со стилизованным орнаментом и петельками на обороте, бронзовый наперсток без верхней части, две ажурные серебряные застежки и две пряжки к ним такого же типа, как и в первой могиле, обрывки ткани из тонких шерстяных нитей

и два перстня – один из них серебряный с серебряной же вставкой, украшенной орнаментом из прямых и овальных линий. Вставка другого перстня покрыта рисунком из белой эмали. Судя по всем признакам: деревянные гробы, западная и северо-западная ориентировка, наличие гребней, остатков ткани и головного убора, – могилы сближаются с Байрымским могильником XIII–XIV вв.

Такие же аналогии в обряде и инвентаре наблюдаются среди материалов могильников Дигории (Махческ и Лизгор), датированных импортной стеклянной посудой XIV–XVI вв. Этим временем датирует могильник и В. А. Кузнецов.

Этническая принадлежность этого могильника у В. А. Кузнецова, а вслед за ним и у Е. П. Алексеевой не вызывает сомнения. Этот могильник по всем данным принадлежит средневековым балкарцам, известным по грузинским источникам как *басиане*.

Могильник, расположенный на горе Курнаят у сел. Верхняя Балкария, был зафиксирован в 1959 г. П. Г. Акритасом. В центре могильника возвышается надземный склеп с двускатной крышей. По обряду и надземным признакам могилы делятся на две группы.

Погребения первой группы располагаются несколько особняком на слегка покатой к югу вершине горы и не имеют никаких надземных признаков. Никакого территориального разрыва между первой и второй группой нет. Могилы представляют собой узкие ящики, сооруженные из массивных каменных плит и обнаруживаются сразу под дерновым слоем в 15–30 см. Первоначально, судя по размерам, они предназначались для одиночных захоронений, однако в них хоронили от одного до пяти человек. Коллективные захоронения производились неодновременно, хотя и в одной могиле. В тех случаях, когда захоронения были одиночными, сохранились и плиты, перекрывавшие ящик, в других случаях перекрытия не сохранены либо потревожены. При повторных захоронениях кости ранее погребенных сдвигались в кучу к изголовью того, кого хоронили впоследствии.

Для иллюстрации погребений первой группы приведем несколько характерных захоронений.

Погребение № 1 представляет собой каменный ящик без надземных признаков, состоящий из четырех цельных плит. Длина ящика 195 см, ширина от 32 до 61 см, глубина 30 см. Ориентирован по линии восток – запад. На дне ящика, представляющего горную материковую почву, были обнаружены кости погребенных. Здесь были похоронены пять человек, причем останки четырех из них были сдвинуты в верхнюю часть могилы к изголовью пятого, похороненного позже других.

Могила обильно была посыпана древесным углем, особенно в изголовье и на уровне тазовых костей. При расчистке костяка в головной части могилы были найдены четыре серьги из низкопробного серебра, выполненные в форме вопросительного знака, заканчивающегося стержнем, обвитым тонкой металлической проволокой. На его конце прикреплены

мелкие шарики в виде виноградной грозди, в разрезе две из них представляют четырехлепестковую, а две другие трехлепестковую розетку. Кроме того, были найдены три бусины, представляющие небольшие колонки из спаянных колец, изготовленных из бесцветного стекла, несколько металлических пуговиц в виде небольших бубенчиков и сферических полушаров.

Погребение № 2. Каменный ящик состоит из шести плит, поставленных на ребро. Длина ящика 180 см, ширина от 25 до 53 см, глубина 38 см. В могиле оказалось два костяка. Останки первого погребенного были сдвинуты к изголовью второго, который лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад и со скрещенными на животе руками.

В области груди лежал тщательно отшлифованный кабаний клык длиной 15 см. При расчистке погребения были найдены фрагмент серьги филигранной работы с крупной каплевидной ажурной подвеской, заканчивающейся налепными мелкими шариками (на стержне серьги имеется каплевидное гнездышко, где сохранились остатки вставного белого камешка), два костяных пряслица, небольшая трубочка со слабовыраженным гранением, бронзовый наперсток и металлические пуговицы, аналогичные тем, что находились в погребении № 1, крупная бочонкообразная бусина из черной пасты с белой зигзагообразной полоской, обвивающей поверхность, различные бусы, небольшое железное кольцо. Дно могилы было посыпано древесным углем (*ил. 54*).

Всего к первой группе могил относятся 11 погребений. Надо отметить, что несколько могил первой группы (№ 6, 7, 8) окружены общей каменной обкладкой.

Интересно погребение № 8. Здесь в каменном ящике без перекрытия обнаружено парное захоронение, но с сохранением анатомического порядка скелетов. Длина ящика 2 м, ширина 60 см, глубина 25 см. Дно его представляют четыре плиты. Костяки лежали рядом, ориентированные головами на запад с незначительным отклонением к югу.

В погребальном инвентаре очень часты железные ножи, железные кольца, кресала, пряжки, серьги, пуговицы, бусы. Интересно отметить наличие кабаньего клыка и нескольких подвесок из клыков и зубов животных.

Ко второй группе погребений относятся 14 захоронений. Они располагаются на более покатом южном склоне горы. Могилы этой группы обозначались на поверхности каменной овальной кладкой. Они ориентированы на север (с небольшим отклонением к западу); костяки лежали на спине с опущенными вдоль туловища руками, либо одна вытянута, другая слегка согнута. В могилах всегда содержался один костяк. Кроме того, в каменных ящиках второй группы часто содержались либо гробы, либо деревянный настил с вырубленной из бревна крышкой.

Характерна почти для всех могил этой группы угольная подсыпка. Для сравнения с первой группой опишу погребение № 11. Расположено оно в 35 м к востоку от надземного склепа. Обозначено овальной каменной

кладкой. Ящик, заполненный землей, был покрыт массивной каменной плитой – 180 х 70 см.

При удалении насыпной земли в верхней части ящика обнаружился фрагмент деревянной колоды, представлявший собой выдолбленную из бревна крышку гроба, скрепленную с ним посредством железных скоб. После снятия колоды обнаружился костяк, покоившийся на спине в вытянутом положении, головой на север с небольшим отклонением к западу. Под скелетом выявлены остатки деревянного настила, но форму его установить невозможно из-за плохой сохранности.

В погребении найдено три железные скобы, два бронзовых перстня со вставными камнями, подвеска из зуба животного, тонкая металлическая пластинка, орнаментированная крупными петлевидными узорами, небольшой браслет или подвеска, изготовленная из металлического прута сечением 3 мм. Концы ее расплющены в виде змеиных головок, где проделаны отверстия. На дне могилы выявлен древесный уголь.

Остальные погребения мало чем отличаются от описанного. Однотипна ориентировка погребенных и их положение.

Среди погребального инвентаря очень распространены железные черешковые ножи иногда со следами ткани и дерева, пуговицы-бубенчики и полушаровидные, железные кольца и пряжки, различные бусы из черной пасты – граненые, глазчатые, обрывки ткани с нашитым мелким бисером, костяные пуговицы, бронзовые узкие орнаментированные пластинки, которые нашивались на головной убор, подвески из зубов животных, бронзовые наперстки, перстни, серьги в виде вопросительного знака, заканчивающегося нанизанными на стержень полыми шариками и т. п.

Эта группа могил интересна и тем, что над одной из них (погребение № 23) сооружен прямоугольный в плане надземный склеп с двускатной крышей. При раскопках оказалось, что склеп сооружен поперек могилы, так что часть могилы – каменного ящика – выступала вне склепа с северо-западной стороны на 35 см. С противоположной стороны ящик непосредственно скреплен кладкой стены склепа. Ящик ориентирован почти на север, как и погребения второй группы, а склеп – с запада на восток с небольшими отклонениями, т. е. как погребения первой группы. Плиты, составляющие ящик, были скреплены тем же прочным известковым раствором, что и камни в кладке склепа. Ящик был покрыт плоской плитой, на которой непосредственно возводились стены склепа.

Все это говорит о том, что каменный ящик и склеп одновременны. Склеп в данном случае носил функции мавзолея. Могила была давно ограблена, выявлены отдельные кости погребенного и остатки досок.

Как уже указывалось, могилы первой группы ничем не обозначены на поверхности. Возможно, когда-то они имели надмогильные насыпи, но только земляные, которые на протяжении веков сгладились, утрамбовались, так что сейчас от них не сохранилось и следа. Могилы второй группы обозначались каменными кладками и забутовкой.

Отличие между этими группами могил более ярко предстает при сопоставлении обряда захоронений. Во-первых, все 11 могил первой группы представляют каменные ящики, ориентированные почти на запад, лишь с незначительным отклонением к югу, а остальные 14 погребений (вторая группа) ориентированы почти на север, с небольшим отклонением к западу. Во-вторых, погребенные в могилах первой группы лежали на спине, со скрещенными на животе руками, либо одна вытянута, а другая согнута в области таза. Погребенные же в могилах второй группы лежали на спине с опущенными вдоль туловища руками, одна рука вытянута, другая согнута. В ряде случаев положение рук не выяснено. В-третьих, могилы первой группы хоть и предназначались первоначально для одиночных погребений по своим размерам, но в них хоронили от одного до пяти человек. А могилы второй группы предназначались для одиночных погребений и содержали по одному скелету. В-четвертых, могилы второй группы имели либо деревянные колоды, либо деревянный настил, чего нет в погребениях первой группы.

Наряду с отмеченными отличиями двух групп погребений между ними есть много и общего. Это, прежде всего, одинаковые каменные ящики, вытянутое положение костяков, наличие угольной подсыпки, сочетание согнутых и вытянутых рук. Можно найти общее в кладке ряда погребений и в инвентаре: пуговицы, ножи, наперстки, бусы, пряжки и др.

Как по обряду, так и по инвентарю видно, что могильник Курнаят можно разбить на два хронологических этапа. Более ранний этап представлен погребениями первой группы, остальные погребения представляют более поздний этап функционирования могильника. Как отмечено в той и другой группе могил погребальным сооружением служит каменный ящик, являющийся исконным кавказским элементом.

Погребальный обряд, зафиксированный в первой группе, – коллективные, но не одновременные захоронения с той деталью, что кости предыдущего погребенного сгребались в кучу в изголовье последующего, – среди памятников Кабардино-Балкарии эпохи позднего Средневековья встречается впервые. Поэтому уместно будет напомнить, что вообще коллективные захоронения с сохранением анатомического состояния предыдущего покойного не являются редкостью для древней территории Кабардино-Балкарии и имеют глубокие традиции, фиксируемые в различных могильниках уже с конца III тыс. до н. э. Они сохранялись и много позже в I–II тыс. н. э., в том числе и в погребении № 8 первой группы Курнаятского могильника. Что же касается интересующей нас черты погребального обряда первой группы Курнаятского могильника, то он известен на нынешней территории Кабардино-Балкарии по последним исследованиям в грунтовом могильнике рубежа и первых веков новой эры у городища Нижний Джулат и раннесредневековых каменных ящиках V–VII вв. н. э. в верховьях реки Малки. Подобная деталь хорошо представлена в раннесредневековых могильниках IV–VII вв. н. э. и за пределами Кабардино-Балкарии. Исходя из этого можно считать, что этот элемент обряда для

позднесредневековых могильников является пережиточной традицией раннесредневекового ритуала.

Пока что наиболее близким памятником к первой группе Курнаятского могильника является могильник из подобных же ящиков XIII–XIV вв. у северозеленчукского храма, исследованный в 1960–1961 гг. В. А. Кузнецовым. Групповые захоронения здесь были обнаружены в 12 погребениях, из них одно (погребение № 32) датируется X–XII вв., остальные XIII–XIV вв. Все они находились почти в аналогичных каменных ящиках, что и Курнаятские, и ориентированы головой на запад. Сходство между этими могильниками наблюдается по положению костяков. В пяти случаях из 12 групповых захоронений в зеленчукском могильнике и почти во всех погребениях первой группы Курнаята руки либо скрещены на груди и животе, либо одна вытянута, а другая согнута в локте и кисть лежит на тазовых костях и т. п. Следует отметить, что этот элемент обряда также известен и в Кабардино-Балкарии в памятниках III тыс. до н. э., рубежа и первых веков н. э. и в могильниках XIII–XIV вв. Известен он также и в позднесредневековых памятниках Северного Кавказа, например, в Новокувинском могильнике XIII–XV вв. и в Бамутских курганах кабардинского типа XIV–XVI вв. Такой же распространенной и глубоко традиционной для северокавказских могильников вплоть до XVIII в. является угольная подсыпка в могилах.

Таким образом, погребальный обряд, рассматриваемой группы могил является в основе своей глубоко местной формой захоронения как для территории Кабардино-Балкарии, так и для других районов Северного Кавказа. Отсюда можно признать, что для памятников позднего Средневековья (XIII–XVI вв.) эти элементы обряда являются также наследием предшествовавших эпох.

Погребальный инвентарь этой группы могил также имеет много общего с северокавказскими могильниками XIII–XVI вв. Широко распространенными и характерными вещами этого времени являются серебряные и бронзовые серьги в виде вопросительного знака с нанизанной на стержень «виноградной гроздью», бронзовые и серебряные пуговицы-бубенчики, наперстки и пр. Эти предметы являются неотъемлемой принадлежностью почти всех могильников Северного Кавказа, хорошо датирующихся XIV в. Все это дает основание считать, что вероятной датой первой группы могил Курнаятского могильника являются XIII–XIV вв. Некоторую архаичность инвентаря подчеркивают глазчатые и украшенные зигзагообразными линиями бусы, подвески из зубов и клыков животных.

Подвески из клыков и зубов оленя, лисы, кабана известны еще в памятниках конца III тыс. до н. э. на территории Кабардино-Балкарии и в других районах Северного Кавказа. Хорошо известны они и на Нижне-Джулатском могильнике рубежа новой эры и почти во всех памятниках XIII–XIV вв.

Вторая группа погребений, как отмечено, представлена такими же ящиками, что и первая, но они имеют каменную кладку вокруг и небольшую насыпь из камней и земли. Отличаются они ориентировкой, числом захоронений в деревянных колодах, гробах или с обкладкой из досок.

Подобный обряд хорошо известен в Байрымском могильнике XIII–XIV вв., Коспартинском XIV–XVI вв. и в курганах XIV–XVI вв. кабардинского типа. Особую близость между обрядом и инвентарем с могильниками XIV–XVI вв. надо отметить у аула Коспарты в Верхней Балкарии. Здесь были обнаружены такие же металлические пластинки с S-видными и петлевидными штампованными рисунками, перстни, железные черешковые ножи и пр. Много аналогичных вещей известно и из пещерных погребений Чечено-Ингушетии XV–XVII вв.

Исходя из этих хронологических и обрядовых параллелей, вторую группу Курнаятского могильника следует датировать XV–XVII вв.

Суммируя все сказанное, можно сделать вывод о том, что 1) могильник Курнаят возник в XIII в. и функционировал до XVII в. Более ранняя группа могильника относится к XIII–XIV вв., поздняя – к XV–XVII вв.; 2) несмотря на обрядовые различия, погребальным сооружением для обеих групп служил каменный ящик, наблюдается большое однообразие инвентаря; 3) в то же время, при почти одинаковой материальной культуре, наблюдаемой на могильнике, хорошо вырисовывается определенная смена погребального обряда (ориентировка, положение костяка, коллективные захоронения), составляющего элемент духовной культуры. Эта смена происходит, по-видимому, на рубеже XIV–XV вв.; 4) можно считать, что население, оставившее этот могильник, было этнически однородным и соблюдало глубокие исторические традиции. Этнически разнородное население не могло хоронить своих покойников на одном могильнике, и, кроме того, неподалеку от описанного могильника находится балкарское кладбище XIX–XX вв., где хоронились жители и ныне пустующего аула Курнаят. Последние могилы почти не отличаются от погребений второй группы.

Могильник у сел. Ташлы-Тала. В 9 км от балкарского сел. Ташлы-Тала, на левом берегу реки Хазнидон (на первой террасе берега), расположен большой позднесредневековой могильник с наземным склепом-мавзолеем в центре могильного поля. Вокруг этого склепа густо расположены могилы, обозначенные на поверхности каменными кладками овальных, круглых и вытянутых форм, забутованных камнем, щебнем, землей. По этим наземным признакам можно насчитать более 50 могил. В 1965, 1968 гг. здесь было изучено 16 каменных ящиков.

Для иллюстрации приведу два погребения:

Погребение № 2 располагалось в 1,5 м к северо-востоку от надземного склепа. Наружными признаками его являлась овальная каменная кладка длиной 3 м, шириной 1,9 м. По удалению забутовки внутри кладки обнаружились три массивные плиты, покрывающие каменный ящик, стены которого были сложены из камней в два ряда. Ящик был заполнен землей; длина его 175 см, ширина от 40 до 50 см. На грунтовом дне лежал костяк в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад, руки были вытянуты вдоль туловища.

При расчистке у черепа была найдена тонкая металлическая пластинка – диадема со штампованным орнаментом из четырехлепестковых цвет-

ков и петлевидных вдавленных рисунков. Края пластинки овально сходят в центральной части в конус. Длина сохранившейся части пластинки 21,2 см, ширина 4,5 см. Поле пластинки разделено штрихованными поперечными линиями. Такие же линии проходят по ее краям. На одном из сохранившихся конусов имеются четыре маленьких отверстия. Подобных три отверстия имеются и в средней части пластинки. Эта пластинка нашивалась на лицевую часть головного убора и служила диадемой. В погребении найдены серьга из белого сплава с тремя подвесными колонками, фрагмент наперстка из бронзовой пластинки, однолезвийный железный нож (длина лезвия 6 см), ручка была из деревянных или костяных накладок, которые прикреплялись к стержню посредством шипов.

Остальные погребения почти ничем не отличаются от описанного. Лишь в погребении № 9 не был прослежен каменный ящик и были выявлены остатки деревянных досок.

Три погребения Ташлы-Талинского могильника расположены несколько особняком (в 100 м) от надземного склепа к северо-западу и справа от дороги, ведущей из села на межколхозный маслосырзавод. Эти погребения обозначены каменными кладками меньших размеров. Для характеристики последних приведу описание одного из них.

Погребение № 15. На глубине 0,7 м были выявлены три плиты, перекрывающие каменный ящик длиной 1,7 м. У головы погребенной, лежавшей на грунтовом дне (головой на запад), слева были найдены фрагменты стеклянного кубка с орнаментом вокруг верхней части. Высота кубка 8,6 см, диаметр венчика 7,2 см. Здесь же найдены две серьги из белого сплава с легкой позолотой. Основой серьги служит треугольной формы щиток, к которому подвешены пять колонок, заканчивающихся шариками. Примерно в центре этого щитка имеется гнездо, куда вставлены камни розоватого цвета. От гнездышек вниз к основанию щитка в форме колокольчика нанесен точечный орнамент, а в центре этого орнаментированного поля оставлено чистое место в виде двух лепестков. Кроме того, был найден полый бубенчик из белого сплава, с рифленой поверхностью. Бубенчик либо пришивался, либо подвешивался к одежде посредством небольшого колечка. У левого бока погребенной найдена сумочка-кисет из парчовой ткани с позолоченными нитями. В сумочке были обнаружены наперсток и 14 турецких монет. Из них три монеты Ахмеда III (1703–1730), битые в 1703–1704 гг. в Константинополе и Мисре. Девять экземпляров биты в Константинополе в 1730–1731 гг. при Махмуде I (1730–1734). В области грудных костей найдены металлические застежки, которые издавна широко бытовали в национальной женской одежде кавказских народов. Всего их найдено 9 штук. Застежки очень поношены, поверхность их сглажена. Длина застежки 4,9–5,1 см, ширина 2,1–2,3 см. Кроме указанных вещей в погребении найден железный однолезвийный нож с бронзовой пластинкой, при помощи которой закреплялась насаженная деревянная или костяная ручка. Длина ножа 10,8 см.

Погребальный инвентарь Ташлы-Талинского могильника разнообразен и выразителен. Интересными и впервые выявленными являются ме-

таллические пластинки-диадемы с петлевидным, S-видным, лепестковым, менандровым орнаментом. Подобные пластинки были найдены на могильнике у сел. Карт-Джурт в 1969 г., и, видимо, остатками подобных являются пластинки из Коспартинского могильника и сел. Верхняя Балкария. Оригинальными являются и серьги с подвесными колонками, известные и в могильнике у Коспарты. Здесь же можно отметить различные бусы – круглые, многогранные, плоские из стекловидной массы, халцедоновые и гешеровые. Почти неотъемлемой деталью инвентаря являются железные ножи, среди которых интересен нож с хорошо сохранившейся костяной ручкой. Среди инвентаря часто попадаются обрывки ткани иногда с золочеными нитками, бронзовые перстни с вставными камнями голубого, вишневого и белого цветов, наперстки, фрагменты железных ножниц и пр. В двух погребениях были найдены стеклянные зеркальца.

Особо интересными являются вещи из погребения № 15. Прежде всего, это монеты первой половины XVIII в., металлические застежки от женского костюма, хорошо известные по современному национальному женскому костюму балкарок и других народов Северного Кавказа, отличной ювелирной работы серьги и пр.

При всей общности элементов могильника – одинаковые погребальные сооружения, одиночные захоронения, наличие угля и пр. – можно выявить и некоторые особые детали в обряде погребения. Прежде всего, бросается в глаза неустойчивость ориентировки: из 15 погребений на запад ориентировано 5, остальные – на юго-запад и на юг с незначительным отклонением к западу. Несмотря на то, что все погребенные лежали на спине в вытянутом положении, наблюдаются различия в положении рук: в одних случаях руки слегка были согнуты в локтях и кисти их лежали на тазовых костях, в других погребениях одна рука погребенного вытянута, другая согнута в локте и кисть ее положена на таз.

Ташлы-Талинский могильник с его каменными ящиками, надземными признаками, вместе с индивидуальными погребениями очень близок ко второй части могильника Курнаят. Наряду с этим выявляется любопытная деталь – одинаковая ориентировка ряда погребений Ташлы-Тала с первой группой погребений Курнаята. Но первые содержали одиночные захоронения, а вторые – в основном коллективные.

Нижнюю хронологическую рамку Ташлы-Талинского могильника определяют такие вещи, как бусы, перстни, серьги, а также пластинки с менандровым и S-видным орнаментом.

Подобные вещи хорошо известны из могильников Байрым, Коспарты, могильника у северозеленчукского храма, суммарно датирующихся XIV–XVI вв. Много общего и в погребальном обряде перечисленных могильников. Более позднюю рамку являют собой погребения вместе с турецкими монетами первой половины XVIII в.

Таким образом, Ташлы-Талинский могильник датируется в рамках от XIV–XVI вв. до первой половины XVIII в.

Из всего изложенного ясно становится, что анализированные позднесредневековые могильники Балкарии и Карачая имеют между собой

много общего, идентичного как по обряду погребений, так и по инвентарю. На мой взгляд, они представляют собой материальное отражение существовавшей в ту эпоху взаимосвязанной культурно-исторической общности. И если учесть, что именно этот период является периодом становления многих народностей Северного Кавказа, в том числе балкарцев и карачаевцев, то особенно важно то, что этническая принадлежность Коспартинского могильника средневековым балкарцам-басианам не вызывает сомнения, а антропологический материал из Байрымского могильника, по мнению В. П. Алексеева, свидетельствует о том, что могильник принадлежал балкарцам.

Следовательно, вполне возможно полагать на примере рассмотренных могильников, что в XIII–XIV вв. в интересующем нас районе существовала единая историческая и этнокультурная общность. Можно думать, что носителями этой общности были предки балкарцев и карачаевцев в эпоху становления балкарского и карачаевского народов. Это предположение вытекает из всего анализа средневековой материальной культуры этих областей.

Средневековые полуподземные склепы

Полуподземные склепы – это коллективные усыпальницы, основная часть камеры которых сооружена под землей. Над поверхностью земли обычно выступают входные отверстия и крыша. Для того, чтобы склеп был более прочным и через щели перекрытия в камере не просачивалась вода, сверху его засыпали землей. Чтобы насыпь не расползалась, ее вокруг обкладывали камнями. Располагались склепы чаще на склонах гор, реже в долинах.

Пока трудно объяснимым фактом является отсутствие подобных склепов в Хуламо-Безенгийском и Чегемском ущельях, в то время как в соседних Баксанском, Малкинском и Черекском они широко бытовали. Склеповые могильники в районе Верхней Балкарии под названием «Города мертвых» и в районе Былыма были отмечены давно.

«Город мертвых» является одним из самых крупных могильников на территории Балкарии, его площадь достигает 10 га. Как уже отмечалось в литературе, здесь имеются и могилы в виде каменных ящиков, но они не изучены. Часть этого громадного могильника служит современным мусульманским кладбищем для жителей Верхней Балкарии. Это обстоятельство заставляет нас полагать, что данный участок издавна был могильным полем для местного населения, которое, по традиции, и нынешнее кладбище строило именно здесь.

В силу того что склепы обозначались на поверхности каменной кладкой и хорошо видны были входные отверстия, их легко можно было обнаружить и без особых усилий проникнуть в склеп. В этих районах кладоискательство путем разрушения «старых могил» достигло почти профессионализма, о чем говорят все дореволюционные исследователи. Например, И. А. Владимиров неоднократно видел во время своих исследований в

1895–1898 гг., как местные жители «целыми днями скитались с лопатами и кирками» по древним кладбищам. Он с огорчением писал, что никакие административные меры не могут помочь охране памятников.

Кладоискательство нанесло непоправимый ущерб исторической науке, что достаточно четко можно проиллюстрировать словами А. А. Миллера: «В горах каждое село имеет свое кладбище со старыми родовыми усыпальницами, в которых в прекрасной сохранности можно было бы видеть и изучать погребения с их одеждами, утварью и пр. Но это изучение, в сущности, не было начато, а источники оказываются разрушенными».

Именно со склепов у сел. Шканты делались до революции фотооткрытки и продавались приезжим. Для придания большей «живописности» из склепов вытаскивались и ставились в различных позах мумифицированные трупы.

Несмотря на то, что эти склепы относятся к одному культурно-историческому периоду и на первый взгляд довольно однообразны, при тщательном анализе среди них можно выделить несколько типов, отличающихся отдельными деталями.

Первый тип объединяет склепы неправильной овальной формы в плане с вертикальными стенами. Сооружены они из необработанных массивных камней, зачастую соединенных между собой умелой подгонкой без связующего раствора. Входные отверстия в них оставлены в восточных или юго-восточных (коротких) сторонах склепа. Эти отверстия располагаются на высоте 0,6-0,85 м от уровня пола. Перекрыты склепы несколькими массивными плитами. Длина их от 2,5 до 5 м, ширина от 2 до 3,5 м, высота от 1,2 до 1,5 м.

Второй тип объединяет склепы овальной или вытянутой формы в плане. Стены их не вертикальные, а немного скошены во внутрь таким образом, что потолок намного уже пола, образовывая незавершенный ложный свод. Сооружены они из таких же камней, что и первые, но уже чаще на известковом растворе. Иногда таким же раствором соединены и плиты, перекрывающие склеп. Входные отверстия в них оставлены в западных или юго-западных стенах. Длина склепов колеблется от 3 до 3,9 м, ширина – от 1 5 до 2,26 м внизу и от 0,7 до 1 м вверху, высота – от 1,3 до 1,8 м.

Третий тип представлен склепами правильной четырехугольной формы в плане со сторонами, длина которых от 3 до 3,5 м, ширина от 1,6 до 1,9 м. Высота их от 1,4 до 1,9 м. Стены плавно переходят в незавершенный ложный свод. Перекрыты они плитами (от 3 до 5 шт.). В разрезе напоминают форму усеченного эллипса. Входные отверстия в склепах оставлялись в одной из длинных сторон.

Четвертый тип объединяет несколько необычные склепы, в которых под одной общей каменной кладкой и небольшой земляной насыпью мы обнаруживаем две-три камеры, разделенные между собой глухими каменными перегородками. При этом каждая камера имеет отдельные входные отверстия. Эти склепы можно было бы назвать двух-, трехкамерными, если бы не отдельные входные отверстия. Такие склепы были отмечены

в Черекском ущелье в «Городе мертвых» в 1897 г. Вырубовым, в 1924 г. – А. А. Миллером и автором книги в 1965 г. Камеры их четырехугольные в плане, почти правильной формы.

Пятый тип объединяет полуподземные склепы, сооруженные под естественными навесами скал. Для сооружения их достаточно было с двух или трех сторон оградить эти навесы каменной стеной. Они не всегда имеют определенную ориентировку, форму и размеры, так как все это целиком зависит от естественной площадки под навесом. Иногда для подобных склепов использовались небольшие пещеры, как и в других районах Центрального Кавказа. Встречаются они на территории Балкарии в Баксанском, Малкинском ущельях и в их боковых ответвлениях.

Таковы основные разновидности позднесредневековых полуподземных склепов Балкарии.

К сожалению, сейчас трудно говорить в полной мере о погребальном обряде, кроме того, что они предназначались для коллективных погребений, о могильном инвентаре и четкой хронологической периодизации склепов. Можно лишь присоединиться к уже высказанному мнению, что склепы «Города мертвых» в Верхней Балкарии могут относиться ко времени XIV–XVI вв. Тот факт, что рассматриваемые склепы являются коллективными усыпальницами, содержащими до десятка и более костяков, позволяет считать их родовыми и семейными погребальными сооружениями.

И в эпоху раннего Средневековья в изучаемом районе широко были распространены аналогичные склепы. Это обстоятельство уже наталкивает на поиски следов преемственной связи в склеповой культуре раннего и позднего Средневековья.

В раннесредневековых полуподземных и подземных склеповых могильниках Балкарии и Карачая (Былым, Гижгит, Тырныауз, Хасаут, Гиляч), также как и в рассматриваемых, хорошо прослеживаются склепы с вертикальными (как тип 1) и со скошенными стенами, трапециевидной формы в разрезе (как тип 2) или с плавно сужающимися стенами, напоминающие в разрезе форму усеченного полуэллипса (как типы 3, 4), и, наконец, склепы, приспособленные в небольших пещерах или скальных навесах (как тип 5), одинаково были распространены и в раннюю, и позднюю эпоху Средневековья. Кроме того, склепы как той, так и другой эпохи были предназначены для коллективных захоронений, в чем мы можем видеть преемственность и в одном из существенных элементов погребального обряда. Все это дает право считать позднесредневековые склепы указанных областей дальнейшей эволюцией раннесредневековых, от которых переняты основные формы конструкций, строительная техника и погребальный обряд. Поэтому есть основания полагать, что они связаны с устойчивым этнокультурным массивом, имеющим глубокие традиции в развитии материальной культуры.

Конечно, с дальнейшим развитием склеповой культуры сами сооружения претерпевали некоторые изменения. Если в раннесредневековых склепах форма плана более четкая (в большинстве случаев это правильные че-

тырехугольные сооружения), как в Былыме, Гижгите, Тырныаузе, Хасауте и др., то более поздние зачастую приобретают в плане очертания овала или овала неправильной формы (как типы 1, 2). Наряду с ними существуют склепы прямоугольные или с закругленными углами (как типы 3, 4). Форма перекрытия и устройство входов остается почти без изменений, но кладка в поздних в большинстве случаев производилась на известковом или глиняном растворе, чего не наблюдается в раннесредневековых склепах.

Этническая принадлежность рассмотренных склеповых могильников балкарцам и карачаевцам не вызывает сомнений. Во-первых, потому, что они относятся именно к тому времени, когда на территории их распространения в XIV–XV вв. достоверно обитали предки современных балкарцев, известных по письменным источникам под названием басианов. Во-вторых, все эти могильники утилизируются балкарцами на протяжении многих поколений. На месте древних могильников можно наблюдать кладбища даже последних десятилетий. В этой связи нельзя не остановиться на мнении некоторых исследователей относительно склеповой культуры Балкарии и Карачая, и прежде всего на точке зрения Л. Г. Нечаевой.

Один из тезисов ее сводится к утверждению, что будто бы в Балкарии и Карачае (в домонгольское время) преобладали древние склеповые сооружения, а поздние встречаются в виде исключения. Отсюда она заключает, что склеповая погребальная традиция была здесь прервана и поздние склеповые сооружения не имеют преемственной связи с ранними.

Сопоставление рассмотренных позднесредневековых склепов с ранними показывает их тесную преемственную связь и не оставляет сомнения в том, что этот тезис Л. Г. Нечаевой неоснователен. Остается неподтвержденным и то, что поздние склепы здесь встречаются в виде исключения. Такой крупный могильник, как «Город мертвых» в Верхней Балкарии (а это не единственный), не дает права для столь категорического утверждения.

Л. Г. Нечаева отмечает, что в Осетии на многих могильниках можно отметить все хронологические варианты склепов, что свидетельствует о непрерывности развития склепового погребального обряда у осетин. Сам по себе этот тезис не вызывает сомнения, так как такая преемственность в осетинских склепах действительно наблюдается, но он использован Л. Г. Нечаевой для утверждения отсутствия преемственности в склеповой традиции в Балкарии и Карачае. Необходимо отметить, что во многих раннесредневековых склеповых могильниках Балкарии (например, Былым, Гижгит, Хабаз и др.) мы наблюдаем те же типологические варианты, что и в позднесредневековых. Следовательно, этот тезис вполне приемлем как для территории Осетии, так и для Балкарии.

Не менее несостоятельным оказывается и тезис, заключающийся в том, что в Карачае до недавнего времени не были известны подземные склепы. Достаточно указать, что в Карачае в 12 районах известны подземные склепы, причем многие из них были открыты В. М. Сысоевым еще в XIX в., Т. М. Минаевой и другими – в 30–40-х и последующих годах нашего столетия.

Кроме того, в шести пунктах Карачая известны полуподземные склепы (*ил. 108*) и в шести – надземные и, что особенно важно, на многих могильниках мы одновременно наблюдаем типологическую и хронологическую преемственность в развитии склепов. Так, к примеру, в Нижнем Архызе и на левом берегу Теберды находятся подземные и полуподземные склепы, по всему течению реки Индыш (в пяти пунктах) и на реке Теберде известны полуподземные и надземные склепы, в устье Теберды, на Гиляче и Нижнем Архызе – подземные и надземные. Следовательно, нет никаких оснований для отрицания преемственной связи в склеповой культуре Балкарии и Карачая, как это делает Л. Г. Нечаева.

Вызывает возражение и следующее утверждение Нечаевой, что прекращение склеповой традиции в Балкарии и Карачае может, очевидно, рассматриваться как результат вытеснения аланов появившимися на этой территории с VII в. и позднее кочевниками (болгарами, кипчаками, монголами и др.). Во-первых, никакого прекращения склеповой традиции и погребального обряда в этих районах мы не наблюдаем, так как раннесредневековые подземные склепы здесь в общем укладываются в рамки с IV–V по XII в., полуподземные склепы бытуют вплоть до XVI в., надземные позднесредневековые склепы – до XVIII в. Во-вторых, нельзя рассматривать проникновение кочевников как причину «прекращения» склеповой культуры Балкарии и Карачая. В этих областях, также как в Северной Осетии, Чечне и Ингушетии, склеповая культура и погребальная традиция, с нею связанная, как исконно местный кавказский элемент культуры, доживают до XVIII–XIX вв. Следовательно, склеповая культура является одинаково важным источником для освещения истории и этногенеза как осетин, так и балкарцев, карачаевцев, осетин, ингушей, чеченцев и других народов Северного Кавказа.

Широко бытовавшие в эпоху Средневековья склеповые могильники Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии лишь на первый взгляд могут казаться типологически сходными и однообразными, как полагает Л. Г. Нечаева. На самом же деле сопоставительный анализ позволяет выделить, во-первых, некоторые общие черты, связанные лишь с условиями строительства в горных районах и строительным материалом, т. е. поверхностные черты, не имеющие никакого отношения к определению этнической принадлежности тех или других склепов. Во-вторых, выделить существенные специфические черты, свойственные склепам определенных районов, и связанные с ними элементы погребального обряда. Именно эти последние черты и дают право исследователям использовать склеповую культуру той или иной области в качестве важного источника при определении их этнической принадлежности.

Поскольку при определении этнической принадлежности носителей археологической культуры или определенной группы памятников первостепенную и определяющую роль играют общие черты, не связанные с чисто хозяйственными нуждами, постольку отличительные черты, связан-

ные с погребальным обрядом, и будут решающим аргументом при решении этнических проблем.

Итак, что дает нам сопоставление позднесредневековых полуподземных склепов Балкарии и Карачая с синхронными склепами Чечни, Ингушетии и Северной Осетии?

Общие черты: а) месторасположение – как правило, они располагаются на склонах гор. Фасадная часть склепов выступает на поверхность и в ней оставляется вход – лаз; б) одинаковый строительный материал – камень, способ кладки, производимой на известковом или глиняном растворе; в) перекрытие и верхние части боковых стен выступают над линией склона и засыпаны грунтом; г) использование небольших пещер с пристройкой к ним стен; д) коллективность захоронений в склепах. Состав могильного инвентаря, обнаруживаемого в них, – остатки одежды, утвари, оружия – очень близок между собой и относится в основном ко времени XIV–XVI вв.

Перечисленные черты, объединяющие склепы в одну большую группу археологических памятников указанных областей, позволяют заключить, что склеповая культура является общей для жителей всей горной полосы Северного Кавказа. В каждом из этих районов они имеют наряду с общими чертами ряд этнографических особенностей, свойственных одной отдельной области. Эти черты в основном и определяют специфику склеповой культуры того или другого народа, так как они связаны с определенным, свойственным определенному этническому массиву, погребальным обрядом.

Отличительные черты: а) часть боковых и фасадная стены в осетинских склепах выступают на поверхность за линию склона. Эта же черта свойственна и склепам Чечни и Ингушетии. Выступающие из-под земли части стен оштукатурены и снаружи; б) почти во всех полуподземных склепах Осетии по обе стороны входа (лаза) из стены выступают шиферные плиты со сквозными отверстиями; в) в фасадной стене осетинских склепов очень часто устроены ниши, а на штукатурке бывают отпечатки рук; г) в некоторых склепах этой же области у надземных частей стен устроены контрфорсы; д) в высокогорных районах Осетии (в Дигории) в полуподземных склепах часто имеются глубокие подвалы-колодцы; в других районах Осетии этот элемент отсутствует.

Все перечисленные пять элементов, почти неотъемлемые в осетинских склепах, полностью отсутствуют в Балкарии.

От склепов Чечни и Ингушетии склепы Балкарии и Карачая отличаются также отсутствием ряда существенных черт: полуподземные склепы Чечни и Ингушетии имеют двускатную ступенчатую кровлю. В некоторых районах они в плане всегда правильной четырехугольной формы; в стенах имеются ниши и выступающие во внутрь склепа плиты для устройства полок; в фасадных стенах, у входных отверстий, имеются просверленные шиферные плиты, выступающие из стен, как и в осетинских; вход или окно-лаз в склепах Чечни и Ингушетии прикрывался каменной плитой, деревянной

доской или дверью, придерживаемой поперечным подвижным болтом. В балкарских склепах вход всегда завален камнем, и он не имеет определенной прямоугольной формы, как в Чечне и Ингушетии, чтобы можно было его закрыть доской. Очень часто склепы в Чечне и Ингушетии сопровождаются поминальной камерой. Столь же часты в Чечне и Ингушетии двухкамерные склепы: первая камера представляет собой тесное узкое преддверие и вторая – собственно склеп, соединенный с первым прямоугольным окном-лазом.

При сопоставлении склепов Осетии, Чечни и Ингушетии нельзя не обратить внимание на то, что они во многом отличаются от склепов Балкарии и Карачая и в то же время находят между собой много общего, как и надземные склепы.

ОБ ОДЕЖДЕ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

В археологическом материале одежда XIII–XVIII вв. представлена очень слабо, а по этнографической литературе и полевому материалу у балкарцев и карачаевцев XIX–XX вв. известны следующие элементы мужской одежды.

Головной убор, представляющий круглую и высокую меховую шапку – *чырна берк* (лохматая шапка); *керпе берк* – шапка из мерлушки; широкополая войлочная шляпа – *къалпакъ* (*балк.*), *кийиз берк* (*карач.*) В XIX в. бытовали и узкополые шляпы с конусообразным верхом, который постепенно перешел в цилиндрическую форму. Края шляп и их верхняя часть украшались домотканой тесьмой. В пасмурную погоду накидывались на голову также украшенные башлыки.

Белье состояло из рубашки со стоячим воротом – *ич кёлек* – нижняя рубаха. Ворот застегивался рядом мелких круглых плетеных пуговиц и петелек. Верхняя рубаха – *тыш кёлек.* Самодельные плетеные круглые пуговицы, изготовленные из суконных ниток, застегивались посредством петелек, изготовленных таким же образом.

Повседневной одеждой был общекавказского типа *бешмет, кабтал,* парадно-выходным являлся *чебкен,* изготовленный из домотканного сукна черного и серого цветов, а сословная верхушка предпочитала белый цвет. Особо почитаемой и нарадной одеждой был *акъ чебкен* – белая черкеска. Полы и ворот бешметов часто украшались меховой оторочкой.

Известны нижние и верхние штаны – *ич кенчек* и *тыш кенчек*. Последние всегда изготовлялись из грубых домотканых сукон и назывались иначе – *шалбар.*

Бешмет и черкеска подпоясывались узкими кожаными поясами с различными украшениями. По типу набора они были нескольких видов –

алтын белбау (с золотыми и золочеными украшениями), *кюмюш белбау* (с серебряными украшениями), *сюек белбау* (с костяными украшениями).

Весь поясный набор назывался – *мет.* В основном он состоял из пряжки – *аил,* различных бляшек и свисающих плоских наконечников – *тил.* На боку, к поясу, прикреплялась небольшая украшенная коробка из кости или дерева – *жилик орун* (сальница), предназначенная для хранения костного мозга овцы, которым смазывали ружья, кинжалы и прочее оружие. С другой стороны к поясу прикреплялась *добра* – небольшая сумочка из кожи или грубой ткани, украшенная различным орнаментом, служила она для хранения пуль (с появлением огнестрельного оружия), и *хомпура* – хорошо обработанный рог с герметически закрываемой крышкой – служила для хранения пороха.

Готовые заряды хранились в небольших кармашках на груди черкески – *хазырла,* что буквально означает «готовые». Впоследствии они теряют свое первоначальное значение и превращаются в общеизвестные украшения – газыри.

Под бешмет иногда надевали жилет – *габара,* изготовляемый из хорошо обработанной кожи, сафьяна или из ткани с подкладкой. Зимой поверх чебкена или кабтала надевали шубы – *тон,* в дождь или снег накидывали бурки – *жамычы*. В такую же погоду использовались безрукавные накидки через голову – *гебенек.* Изготовлялся он из грубого сукна и сплошь обшивался лоскутами грубой шерстяной пряжи.

Шубы бывали нескольких видов: *уллу тон* – тулуп из шкур взрослых овец; *эльтир тон* – шуба из шкурок ягнят до месячного возраста; *керпе тон* – шуба из шкурок ягнят до трехмесячного возраста. Если шуба обшивалась сукном, ее называли *тышлы тон.*

Из обуви XIX в. известны различного рода *чабыры,* изготовляемые из сыромятной телячьей кожи, с цельной или ременной плетеной подошвой, удобной для ходьбы по горам.

Чабыры были нескольких видов. *Тюклю чабыр* – из кожи с шерстью наизнанку, *карачабыр* – изготовленные из обработанной кожи (без шерсти), покрашенной в черный цвет. Чабыры надевались на босу ногу, но прежде в них клали мягкие травы (*зарак, аю чач* – медвежий волос, *кара-салам* – черная трава, *айры-чеб* – раздвоенная травинка и *заба-салам*). Значение названий *зарак* и *заба* автору не удалось выяснить.

Кроме чабыров бытовали и парадно-выходные *чарыки* – остроносые сафьяновые тапочки на мягкой подошве со швами на носке и заднике – и *ген-чарык* подобного же типа, но изготовлялись они из лучшей части хорошо обработанной телячьей кожи.

В чабыры и чарыки вправлялись высокие (выше колен)ноговицы из грубого домотканого сукна или сафьяна – *ышымла*, ниже колен они подвязывались различными ремешками *(ышым-бау),* изготовляемыми из тесьмы, рулика, кожи и пр.

У богатого сословия чарыки, ноговицы и чабыры изготовлялись из лучших кож и сафьяна. *Ышым-бау* у них украшались различными подвесками и бляшками из меди и серебра.

Женская одежда еще почти не изучена как по покрою, так и технике ее изготовления. В литературе и из опросов старожилов можно найти только лишь названия основных элементов женского костюма.

Балкарские и карачаевские женщины носили *кысма* (типа лифчика), изготовленный из шелковых и полотняных тканей. Женщины высших сословий носили *чуба* – корсет, обхватывающий талию и торс. Поверх них надевались широкие рубашки прямого покроя *тюз кёлек* – прямая рубаха. Кроме того, женщины носили *узун-кенчек* – шаровары, изготовляемые из шерстяного сукна.

Поверх рубашки надевали безрукавку – жилет, называемый *габара*. Сверху надевали платье прямого покроя – *жыйрык*. Кроме такого платья бытовали и *жырылгъан жыйрык* – платье со сборкой в талии.

На платье надевался кафтан *(каптал)* со сборкой в талии и широким конусообразным разрезом до талии, где он застегивался на несколько пуговиц и петель, сплетенных из ниток. Иногда пуговицы были из кости или металла. Поверх кафтана зимой женщины надевали шубы – *эльтир тон* или *кюрпе-тон*.

Головным убором женщин зажиточных сословий XIX в. были цилиндрические, плосковерхие шапочки из войлока, кожи, парчовых тканей, украшенные галуном и позументами – *окъа берк*. Поверх шапочки накидывались различные тонкие газовые или шелковые платки – *жаулукъ*.

С установлением связей с Россией появляются большие купеческие платки – *купес жаулукъ*. В холодную пору женщины накидывали на себя большие суконные шали – *бота*.

Из обуви XIX – начала XX в. известны остроносые тапочки – *чарыкъ*, изготовляемые из грубых тканей, сафьяна, на кожаной подошве, сафьяновые сапожки и ноговицы. Женщины высших сословий надевали на обувь деревянные, разукрашенные резным орнаментом ходули высотой 8–12 см.

Парадным платьем балкарок и карачаевок было длинное до пят платье из бархатных, парчовых или шерстяных тканей. Платья эти аналогичны по покрою с парадными платьями кабардинок, осетинок, кумычек, с разрезом на всю длину до подола, с нашитыми у локтей напускными рукавами. Застегивались они в талии на несколько пуговиц.

Разрез на груди платья украшался длинными металлическими застежками, украшенными орнаментом и чеканкой – *тюйме*.

Женщины подпоясывались поясом *(кямар)* передняя часть которого состояла из скрепленных посредством петелек четырехугольных металлических пластинок с чеканкой и зернью. Тыльная часть (спинная) кямара была из ткани или кожи. Широко были распространены и *куршак кямары,* состоящие целиком из подобных пластинок. Застегивался кямар не посредством пряжек, а за счет крючков и петель.

Если пластинки были серебряными, то пояс назывался *кюмюш кямар,* если из золота – то *алтын кямар*.

Изложенным исчерпываются известия об одежде балкарцев н карачаевцев XIX в. Одежда же предшествующего времени вовсе не изучена,

хотя не приходится доказывать, что одежда является одним из основных элементов материальной культуры народа. В ее развитии отражались социально-экономические, культурные и этнические изменения. В ее формировании сказывались этические и эстетические вкусы, понятия целесообразности и социальной принадлежности носителей.

В условиях бесписьменного в прошлом Северного Кавказа история формирования одежды приобретает особый смысл для воссоздания многих сторон истории народов края. К сожалению, древние этапы развития одежды народов Северного Кавказа до сих пор не изучены. Объясняется это отсутствием письменных сведений о ней и скудностью археолого-этнографического материала, добытого непосредственно на местах. Да и тот скудный, в основном археологический, материал еще не стал предметом специального исследования.

Когда будут изучены этапы развития одежды народов Северного Кавказа в отдельности (Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни, Ингушетии и Дагестана), можно будет делать какие-то выводы общекавказского масштаба для XIII–XVIII вв. А пока необходим скрупулезный сбор археологических, этнографических и фольклорных сведений и их анализ. Поскольку речь идет о XIII–XVIII вв., то основные сведения может дать археологический материал.

К настоящему времени в результате раскопок ряда могильников (Лыгыт, Байрым, Курнаят, Тышлы-Тала, Карт-Джурт и др.), продолжавшихся в течение 1960–1970 гг., накоплен достаточный материал, позволяющий в общих чертах восстановить одежду балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII вв.

Судя по фрагментам одежды, обнаруживаемым в этих могильниках, она изготовлялась из кожи, шерсти, войлока, домотканых и привозных тканей. Последние начинают особенно интенсивно проникать сюда с конца XVI – начала XVII в. в основном из Грузии и России, Крыма и Дагестана, через Кабарду и Осетию.

Соотношение археологического материала по мужской и женской одежде балкарцев и карачаевцев далеко не равномерно (*ил. 63*).

Женская одежда представлена более полно, чем мужская, от головного убора до приклада одежды, украшений и предметов туалета.

Головной убор балкарок и карачаевок указанного времени по форме был один, но несколько видоизменялся в зависимости от его украшения. Он изготовлялся из дубленой кожи, войлока и ткани. В основном шапочки были круглые или граненые с конусообразным верхом.

Наиболее ранняя находка женского головного убора была сделана в 1960 г. на могильнике Байрым (XIII–XIV вв.) у сел. Верхний Чегем Чегемского района Кабардино-Балкарии. Шапочка была изготовлена из войлока, имела пятигранную форму в основании, с пятигранным верхом.

Другие типы женских головных уборов были обнаружены в могильнике XV–XVIII вв. у сел. Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии в 1969 г. Изготовлялись они из войлока и кожи. Основание их было круглое с конусообраз-

ным верхом, на которое насаживалось навершие из бронзовой пластинки. Навершие орнаментировалось по кругу штампованным S-видным орнаментом и мелкими кружками и заканчивалось невысоким шишаком, который инкрустировался вставками из мелких полудрагоценных камешков. Некоторые шапочки имели вставные камни и на лицевой части этих наверший.

В погребениях Карт-Джуртского могильника были найдены подобные фрагменты женских головных уборов, украшенные темно-синими, голубыми глазками из аметиста и белых камешков.

Островерхие головные уборы балкарок и карачаевок на кожаной или войлочной основе могут быть сопоставлены с подобными шапочками из аланских катакомб VIII–XII вв., половцев X–XI вв. Некоторые видят в них традиционные скифские формы головных уборов. Особенно близки к балкаро-карачаевским женским головным уборам с остроконечным металлическим навершием подобные же уборы с деревянным шишаком из аланских погребений у города Кисловодска. Конусообразные женские головные уборы из кожи и войлока, украшенные позументами, известны и из кабардинских курганов XIV–XVII вв.

Очень близки конические шапочки балкарок и карачаевок к половецкому *бокка,* которое также имело металлическое или деревянное навершие с шишаком и украшалось различными диадемами, перьями и т. д.

Шлемообразные конические головные уборы известны у многих народов Северного Кавказа. Так, на гравюрах голландского ученого и политического деятеля XVII в. Николая Корнелисона такие уборы с шишаками отмечены у ногайцев, на фресках христианской церкви в Балкарии, зарисованных Д. А. Вырубовым и опубликованных Л. И. Лавровым. Подобные уборы были у осетин, кабардинцев и карачаевцев в XVII–XIX вв., у последних даже войлочные шляпы были с конусообразным остроконечным верхом. Очень часто головной убор балкарок и карачаевок рассматриваемого времени украшался не только описанными навершиями и тюлевыми бантами, но и посредством металлических *диадем*.

Диадемы украшали лицевую часть женских шапочек и были нескольких видов. Разновидности их были найдены в могильниках на горе Курнаят в Черекском ущелье, у сел. Ташлы-Тала в Кабардино-Балкарии и в упомянутом могильнике у сел. Карт-Джурт Карачаево-Черкесии.

Наиболее простой тип диадем представлен на могильнике Курнаят из погребения № 25, относящегося к XV–XVII вв. Они представляют собой нешироких (1,5–2 см) бронзовые пластинки длиной 14–15 см. В погребении таких пластинок обнаружено четыре. Они нашивались на лицевую часть войлочных и кожаных женских шапочек. На пластинках имелись небольшие отверстия для нашивки. Верхние и нижние края пластинок покрыты линией из выбитых точек, поле покрыто штампованным орнаментом в виде ломаных линий и крестиков.

Вторая разновидность диадем из подобных пластинок (из сплава бронзы) обнаружена на Карт-Джуртском могильнике и представляет собой кре-

стообразно нашитые на матерчатое основание металлические пластинки, украшенные ломаными линиями из штампованных точек.

Более сложные по форме и орнаментации диадемы обнаружены в погребениях XV–XVIII вв. на могильниках у сел. Ташлы-Тала (Балкария) и Карт-Джурт (Карачай).

Ташлы-талинские диадемы представляют собой пластинки из сплава бронзы. Они имеют прямое основание, удлиненную форму с закругленными торцовыми краями, плавно переходящими в конусообразный выступ в центре пластинки. Как и в предыдущих, в них по краям имеются небольшие отверстия для нашивки на лицевую часть шапочек. Эти диадемы несколько разнятся по своей орнаментации.

Первая диадема разделена поперечными вдавленными линиями на несколько неравномерных частей, которые заполнены бессистемно расположенными узорами из четырехлепестковых розеток и петлевидных рисунков. Они одинаковы по размерам, видимо, наносились одним специальным инструментом. Вторая представлена фрагментом. Она была покрыта большими, удлиненными лепесткообразными рисунками, сходящимися в центре диадемы. Орнамент нанесен тройными пунктирными линиями. В центре диадемы, где сходились лепестки, нанесен шестилепестковый цветок. Третья диадема по форме такая же, как и первые две. По краям покрыта S-видными узорами. Поле диадемы разделено линией из таких же узоров и покрыто пятилепестковыми розетками. Весь орнамент нанесен соответственно тремя специальными инструментами (штампом).

Диадемы Карт-Джурта несколько меньших размеров, но аналогичной формы. Поле их украшено ломаной линией, нанесенной вдавленными точками и большой шестилепестковой розеткой по центру.

Первый тип диадем из узких металлических полосок, по нашему мнению, является прототипом широко распространенного в XIX–XX вв. серебряного и золотого галуна, который нашивался в три-пять рядов по кругу шапочек балкарок и карачаевок. Подобными же диадемами украшалась и половецкая островерхая шапочка – *бокка*.

Второй тип диадем хорошо известен и из других позднесредневековых могильников Северного Кавказа, например, из Махческа, Лизгор, Даргавса. Они идентичны по форме с описанными. Много общего между ними и в орнаменте – многолепестковые розетки, S-видные узоры и пр. Часто эти диадемы инкрустировались различными камнями.

Интересно, что абсолютно тождественными по форме являются хранящиеся в Эрмитаже золотые диадемы VI в. до н. э. из Ольвии, покрытые растительным орнаментом.

Балкарские и карачаевские женские шапочки XIII–XVIII вв. украшались не только диадемами, но и золоченым галуном, бубенцами, бисером и пр. Они очень часто встречаются в погребениях изучаемого времени вместе с фрагментами головных уборов.

К XV–XVIII вв. происходит постепенно замена островерхих конических шапочек на плосковерхие цилиндрические, проникающие сюда из Крыма через Кабарду.

Уже в XIII–XIV вв. женщинам были известны различные прически. Одна из них хорошо сохранилась в погребении могильника Байрым. Волосы были заплетены в косы и уложены на голове так, что описанная выше шапочка, из этого же погребения, аккуратно покрывала их. Реставраторы полагают, что под этим головным убором был надет чепец, от которого сохранились отдельные фрагменты полотняной ткани. В косы были вплетены два тонких шнурка, которые скрепляли прическу.

Платье XIII–XIV вв. представлено находками из Байрымского могильника: кафтаном из плотной шерстяной ткани с меховой оторочкой по вороту и груди и надеваемой под него рубашкой широкого прямого покроя типа кимоно с длинными рукавами, очень близкой по форме балкарской женской рубашке *тюз кёлек* XIX – начала XX в. Прилегающий к шее нагрудный разрез этой рубашки напоминает рубашки болгарок и чувашек, которые носятся с прикрывающими этот разрез нагрудниками.

Двух-, трехслойность женского платья неоднократно подкреплялась находками различных тканей в погребениях XIII–XVIII вв. (Байрым, Карт-Джурт, «Город мертвых» и др.).

При археологических раскопках на могильниках XIII–XVIII вв. часто попадаются фрагменты обуви, изготовленной из кожи различной обработки. Но лучшее представление о ней дает уже не раз упомянутое погребение на Байрыме. Здесь на погребенной оказалось две пары кожаных сапожек, надетых одни на другие.

Приклад одежды балкарцев и карачаевцев в археологическом материале XIII–XVIII вв. представлен довольно широко – это пуговицы, застежки, пряжки и бубенцы, различные по форме и материалу.

Пуговицы были нескольких видов: плетеные из ниток и рулика; полусферические, круглые костяные (иногда поверхность их сплошь покрывалась концентрическими линиями или парными небольшими линиями); костяные, плоские пуговицы с зарубками, удлиненных форм; бронзовые полые чашечкообразные пуговицы, обрамленные по диаметру витым бордюром.

Кроме того, широко распространены были в XIII–XVIII вв. бронзовые цельнолитые и полые пуговицы в виде небольших бубенцов продолговатых и округлых форм. Полые пуговицы-бубенчики иногда состояли из двух половинок, скрепленных посредством ложновитого бордюра, идущего по горизонтальному диаметру бубенцов. Бронзовые пуговицы указанных типов появляются в могильниках Северного Кавказа примерно с VII–VIII вв. Они известны на широкой территории в адыгских и аланских захоронениях X–XIII вв. В XIII–XIV вв. пуговицы этого типа хорошо представлены в могильниках у городища Нижний Архыз, в пещерах Шатоевской котловины, в Новокувинском могильнике XIII–XV вв. и др.

Таким образом, можно заключить, что подобные пуговицы являются одним из традиционных элементов одежды народов Северного Кавказа и их предков.

Пряжки изготовлялись из железа, бронзы и ее сплавов. Обычно они бывали небольших размеров с треугольным щитком. Подобные небольшие пряжки служили для подвязывания ноговиц.

Фрагменты женского пояса хорошо представлены в Карт-Джуртских погребениях. Это плоские четырехугольные и выпуклые пластинки с небольшими отверстиями по углам. Из них составлялся женский пояс, который позднее перерос в современный национальный пояс – *кямар*.

Застегивались балкарские и карачаевские платья посредством плетеных из рулика пуговиц и петелек. Парадные платья, подпоясанные упомянутым поясом, застегивались продолговатыми металлическими застежками. Именно последние (прикрывающие грудь несколькими рядами – 5–7) являются прообразом современных нагрудников – *тюйме*.

Украшения женского костюма. Прежде всего, здесь надо отметить диадемы, украшавшие женские шапочки, бубенчики, нагрудники и пояса. Существенным элементом женского украшения были разнообразные серьги.

К ранним из них относятся серьги в виде «знака вопроса», изготовленные из бронзового или низкопробного серебряного прутика, представляющие собой несомкнутое кольцо с отходящим вниз вертикальным стержнем. В зависимости от деталей его украшения серьги эти бывают нескольких видов (*ил. 114*).

Иногда в верхней части стерженька имеются вставленные в гнездышки каплевидные бусинки из стекла, пасты и цветных камней. Ниже к стержню прикреплены ажурные, филигранные крупные бусины, заканчивающиеся несколькими припаянными шариками.

На верхней части кольца некоторых серег имеется небольшой выступ, в котором устроено гнездышко каплевидной формы. В него вставлялись цветные камни, стекло или пастовая бусина. На верхней части стержня такое же украшение, как на кольце. Стержень оканчивается украшением в форме арфы, на которую подвешены две ажурные филигранные бусины с шариками.

Кроме описанных, были распространены серьги, выполненные сравнительно просто: в виде несомкнутого кольца из бронзового или серебряного прута или когда один из несомкнутых концов серьги закручивался в обратную сторону.

Третий тип серег представляет собой такую же форму вопросительного знака, заканчивающуюся вертикальным стержнем. Кольцо серьги было в сечении плоским. На стержень нанизывались по нескольку (от 1 до 3) круглых полых или литых бусинок. Среди серег этого типа попадаются массивные – до 5–7 см высотой. Последние скорее служили височными подвесками.

Описанные разновидности серег широко бытовали на протяжении большого исторического отрезка времени как на Северном Кавказе, так и в прилегающих областях начиная с VII по XVI в., в том числе в кабардинских курганах.

Серьги более позднего времени XVI–XVIII вв. представлены в основном двумя типами. Одни из них с полукруглыми ажурными подвесками, заканчивающимися небольшими свисающими колонками. Высота таких серег 5–6 см. По форме подвески и способу ее крепления к кольцу серьги среди них выделяются две разновидности: подвеска соединена с кольцом посредством литой петельки и заканчивается тремя рифлеными треугольниками, очень напоминающими сильно стилизованные мордочки животных, к которым посредством маленьких колечек подвешены небольшие колонки. Подвеска прикрепляется к кольцу при помощи заклепки и дужки. Она заканчивается четырьмя свисающими колонками. На некоторых подвесках вырезан простой ажурный рисунок, на других по два треугольника, покрытых точечной чеканкой и узором в виде трилистника.

Первая разновидность этих серег, вероятно, более ранняя. На них очень хорошо представлены пережиточные элементы изображений головок фантастических животных с длинными оттопыренными ушами.

Второй тип серег – несомкнутое кольцо с треугольной подвеской с такими же колонками, как первые. Здесь представлено два варианта: а) с плоской двусторонней подвеской, изготовленной из тонких пластинок. В центре ее устроено гнездышко, в которое вставлялись цветные стекла и камешки Нижняя часть подвески, от гнездышка к основанию треугольника, покрыта чеканным узором. К подвескам посредством мелких колечек прикреплялись большие свисающие колонки с шарообразными утолщениями на концах; б) другая разновидность их представлена более массивными серьгами. Подвески дутые с продольными рифлениями и ложновитым обрамлением. К ним подвешивались полые продолговатые колонки с полыми шарами на концах.

Неотъемлемым элементом женского украшения были различные бусы, изготовленные из кости, цветных камней, стекла, пасты, сердолика, горного хрусталя и т. п. По форме и фактуре бусы разделяются на несколько типов:

мелкий круглый бисер голубого, желтого цветов, изготовленный из стекла и пастообразной массы. В сечении некоторые из бусинок едва превышают 1,5–2 мм. Они нашивались на ворот и грудь платья. Иногда нанизывались на ниточку с небольшим бубенчиком и служили для обшивки платья или головного убора;

другая разновидность – более крупные (2–3 мм в сечении), рубленые, по форме круглые или уплощенные;

круглые шаровидные бусы из цветного стекла, пасты и хрусталя. Они однотонные, с глазками, прожилками или рифлениями;

многогранные, изготовленные преимущественно из стекла и хрусталя;

прямоугольные в сечении, удлиненные бусы, изготовляемые из кости и пасты;

крупные бочонкообразные бусы из кости и черной пастообразной массы с различными светлыми прожилками и узорами и др.

Многие из перечисленных бус встречаются в погребениях XIII–XVIII вв. во вторичном использовании, т. к., передаваясь от поколения к поколению, они бытовали очень долгое время.

Эти типы бус из хрусталя, янтаря, стекла и пасты очень хорошо представлены в раннесредневековых могильниках Предкавказья и в кочевнических погребениях Южно-Русских степей.

В качестве украшений в изучаемую эпоху использовались различные амулеты-подвески, первоначальный смысл которых, возможно, уже был забыт или заменен. К таковым относятся украшения из морских раковин-каури, называемых балкарцами и карачаевцами – *чокракъ*. Хорошо известно, что с глубокой древности эти раковины служили и в качестве денег, и как «исцелители» от недуга и пр.

Амулетами являлись и различные подвески из зубов животных (кабана, волка, лисицы), довольно часто встречающиеся в балкаро-карачаевских погребениях XIII–XVIII вв. Функцию оберегов и исцелителей эти подвески играли на Северном Кавказе на протяжении нескольких тысячелетий – от IV тыс. до н. э. до XVIII в.

Группу амулетов представляют подвески, сугубо служившие украшениями. Это небольшие (до 2–3 см высотой) треугольной формы бронзовые или серебряные плоские медальоны. На некоторых из них вставлены перламутровые пластинки или цветные стекла. Обычно они носились на шее вместе с бусами.

Кроме бубенчиков (описанных в разделе «Пуговицы») широко применялись в качестве украшения женского костюма более крупные (до 3 см в диаметре) бубенцы. Изготовлялись они из бронзы, низкопробного серебра или цветных сплавов. Их было несколько типов.

К украшениям относятся и всевозможные металлические пластинки, нашивки, покрытые чеканным или штампованным орнаментом, которые широко применялись для украшения женского костюма.

Парадное платье балкарок и карачаевок XVI–XVIII вв. украшалось нагрудником, состоящим из металлических застежек, скрепляющихся посредством язычка и ячейки. На ранних этапах они изготовлялись из мелких (до 3,5 см длиной) застежек. Пришивались застежки к плотной матерчатой основе посредством двух петелек.

Позднее их стали делать более крупных размеров с ажурными вырезами и чеканным орнаментом. Самые ранние из них найдены в погребении XVIII в. на могильнике Ташлы-Тала. Они представляют собой пластинки из сплава бронзы и олова. Длина их 5 см, ширина 2,3 см. Пластинки покрыты тремя рядами коротких поперечных линий. Другая разновидность их представлена в находках из Верхней Балкарии. Здесь примерно такие же застежки покрыты треугольными чеканными узорами и ломаными линиями, образующими небольшие ромбики (*ил. 32*).

С небольшими изменениями все виды украшений нагрудника женского платья изучаемого времени дожили до наших дней в парадной одежде под названием – *тюйме*.

Перстни и кольца, изготовленные из бронзы, серебра и их сплавов со вставками из полудрагоценных камней и стекла, также составляли необходимый элемент женского украшения XIII–XVIII вв.

Среди других украшений, прежде всего, надо отметить предметы женского туалета: небольшие сумочки из парчовых тканей, расшитых узором золотого шитья. В них хранились зеркала, самшитовые гребни и др. Сюда же можно отнести различные железные и бронзовые приколки для закрепления прически. Интересна приколка из медной толстой пластины, завершающаяся «бараньими рогами». Верхняя часть ее расширена и покрыта точечными линиями. Она являет собой любопытный дериват древних кобанских длинных булавок с волютообразными навершиями, дошедший до XVIII в.

В качестве украшений женского костюма уже в XVIII в. употреблялись привозные монеты.

Таков археологический материал XIII–XVIII вв., свидетельствующий о женской одежде и украшениях балкарцев и карачаевцев в эпоху позднего Средневековья.

Мужская одежда. Как уже отмечалось выше, мужская одежда балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII вв. представлена в археологическом материале очень скудно. Здесь нет таких богатых находок головных уборов, платья, обуви и пр. Судя по отдельным фрагментам, одежда эта изготовлялась из кожи, войлока, домотканых и привозных сукон. Говорить о форме одежды по этим данным трудно. Поскольку мужская одежда северокавказских народов никогда не отличалась особой вычурностью и различными украшениями, последние не встречаются в погребениях изучаемого времени. Единственным украшением мужского платья всегда считались оружие и пояс, поэтому кинжалы, ножи, поясной набор почти всегда сопровождают покойников в погребениях XIII–XVIII вв. Пояса изготовлялись из узкой полоски обработанной кожи, украшались бронзовыми и железными (последние в рассматриваемую эпоху намного преобладали) пряжками, наконечниками и бляшками различных форм.

Некоторое представление о мужской одежде балкарцев дают фрески на стенах христианского храма XIII–XIV вв., зарисованные Д. А. Вырубовым Здесь запечатлены мужчины в островерхих шапках (вероятно, из войлока или кожи) и длинных, ниже колен, кафтанах со стоячими низкими воротниками, подпоясанных ремешками. На ногах изображенных, видимо, были ноговицы или высокие сапоги (*ил. 63*).

О другой разновидности обуви свидетельствует чабыр, с продольным швом на подошве, найденный в погребении XIII–XIV вв. на могильнике у Нижне-Архызского городища. Он представляет собой обычно кавказского типа чувяк из сыромятной телячьей кожи. Внутри его были остатки грубой ткани, видимо, от ноговиц.

Отрывочные сведения о мужской рубашке, снятой с мумии балкарских погребений XIV–XV вв., дает Г. Н. Прозрителев По его описанию, это «рубашка-кофта» широкого покроя типа кимоно из грубого холста. Края рубашки были подшиты, ворот завязывался двумя тонкими веревочками.

При археологических раскопках иногда встречаются фрагменты сыромятной и дубленой кожи, сафьяна, остатки грубых домотканых сукон от ноговиц, шаровар, кафтанов и т. п.

Ретроспективно можно полагать, что мужская одежда изучаемого периода не очень отличалась, по крайней мере, по своей форме и фактуре, от одежды XVIII–XIX вв., зафиксированной этнографически. Безусловно, различные головные уборы XVIII–XIX вв. – *берк, калнак, башлык,* а также платья – *каптал, чепкен,* обувь – *ишым, чабыр,* бурка – *жамычи*, накидка – *гебенек* и пр. имеют глубокие исторические корни и сложились на протяжении многих столетий.

Эти корни связаны с различными историческими процессами и этнокультурными контактами соседствовавших на протяжении многих столетий племен и народов. Так, древние формы островерхих конусообразных головных уборов, какие мы наблюдаем у балкарцев и карачаевцев, очень часто встречаются на изображениях из Причерноморья еще скифского времени. Очень близки им и головные уборы Средневековья (VIII в. – район Кисловодска, XV–XVI вв. – Карт-Джурт, XIII–XIV в. – Верхний Чегем), а также половецкие шапки – *бокка.* Кстати, надо отметить, что это название сохранилось за головным убором в детской речи балкарцев и карачаевцев. Конической формы островерхие головные уборы в раннем Средневековье характерны только для западно-тюркских племен VIII–IX вв., и особенно половцев, хотя известны были и скифам, гуннам, болгарам, а позднее казанским татарам, башкирам, ногайцам, чувашам и др.

Особенно близко напоминают карт-джуртские и верхнечегемские головные уборы шапочки «ногайских татар», изображенные на гравюрах голландского ученого XVII в. Николая Корнелисона.

Одним из интересных головных уборов является башлык, напоминающий известные древние формы головных уборов с широкими полями, покрывающими плечи скифских изваяний прикубанского типа.

Такие же древние черты сохранили и диадемы второго типа, находящие далекие аналогии в скифских головных уборах из Ольвии и в погребениях кобанской культуры. В сармато-аланское время они неизвестны и вновь появляются в памятниках позднего Средневековья – Карт-Джурт, Ташлы-Тала, Махческ, Курнаят и др. Безусловно, прямой последовательности между диадемами столь далеких друг от друга эпох быть не может, но что они за незначительными изменениями сохранились у горцев Кавказа до XVIII в. – факт очевидный.

Интересно отметить, что такие предметы, как серьги в виде знака вопроса, самшитовые гребни, пуговицы-бубенцы, имели довольно широкий ареал распространения во времени и пространстве с VIII по XVIII вв. Но по погребальному обряду, где обнаруживались эти предметы в Балкарии и Карачае, особенно интересно поразительное сходство их с грунтовыми синхронными могильниками Крыма.

Несколько слов необходимо сказать о терминологии одежды народов Северного Кавказа. Например, архалук (*тюрк*. аркъа-лыкъ, букв. *наспинник*) – это род рубашки, куртки, вероятно, попавший на Кавказ, судя по названию, через тюркоязычных болгар, хазар, половцев. Это же относится по сохранившейся за ними терминологии и к таким видам одежды и украшений, как башлык, хазыр (газыри), каптал и пр. Распространен-

ная на Кавказе мужская одежда *чекмен, чебкен* по-староузбекски и по-киргизски называлась *чекмен.* У кубанских казаков она известна под тем же названием *чекмен,* у балкарцев и карачаевцев – *чепкен. Чепкен* – род халата, сшитого из домотканой шерстяной ткани, широко употребляется у киргизов. Причем бытует как *чепкен* и *чекмен.* Другая разновидность однобортного халата – *бешмет* – у киргизов называется *башмант.* То же самое можно сказать о составных металлических женских поясах, которые у балкарцев, карачаевцев и киргизов известны под общим названием *кямар – кемер*.

А вот другой элемент тюрко-кочевнического костюма – *кибенак* (в казахском, узбекском, киргизском языках) и *гебенек* (балкаро-карачаевское) – получил распространение наряду с балкарцами и карачаевцами у осетин, болгар, венгров под названием *джевена, гебена.* В то же время *чарыки* – обувь из сыромятной кожи крупного рогатого скота, общая с узбеками, казахами и др., тогда как *чабыры* – скорее всего уже кавказская форма обуви горца, неизвестная другим тюркским народам, кроме балкарцев и карачаевцев.

Изучение этапов взаимопроникновения различных элементов одежды кавказских народов является одним из интереснейших вопросов этнографии, всестороннее освещение которых во многом бы облегчило исследование многогранных этнокультурных связей горских народов Северного Кавказа. При этом необходимо помнить и учитывать, что взаимоотношение и взаимопроникновение быстрее проявляются в материальной культуре – в одежде, посуде, инвентаре и жилище и т. п.

Рассматривая одежду как памятник исторического процесса, следует особо обратить внимание на женскую, т. к. мужская одежда обычно легче нивелируется и теряет национальные особенности, чем женская. В связи с этим особого внимания заслуживает отмеченная близость женских головных уборов и одежды балкарок, карачаевок, болгарок и чувашек к одежде западных тюрок, болгар и половцев. Все это, безусловно, свидетельствует об этногенетическом родстве этих народов и еще раз служит свидетельством этнической близости балкарцев, карачаевцев и древних болгар.

О СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПИЩЕ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Пища является существенным элементом материальной культуры народа. Она формируется на протяжении всей его истории. В ней находят отражение такие важнейшие стороны жизни, как хозяйство, культура, исторические взаимосвязи с соседними народами на различных этапах развития.

Немаловажное значение в сложении всего комплекса пищи играет физико-географическая среда, фауна и флора исторической территории народа, поскольку все это накладывает существенный отпечаток на хозяйственную деятельность, связанную с производством продуктов питания. В силу всего этого в пище больше, чем в другом элементе материальной культуры, проявляется хозяйственный уклад народа.

Вместе с изменением формы и содержания хозяйства менялась или дополнялась и пища. В технологии ее приготовления, рецептуре и терминологии очень часто отражаются и важные этнические переплетения, смешения, взаимовлияния различных племен и народов, и более всего – соседствовавших длительное время. Одним словом, развитие и формирование пищи – самого необходимого элемента материальной культуры – связаны с весьма существенными сторонами жизни народа.

При изучении быта, нравов и верований любого народа очень важно обращать внимание на кухонную утварь, форму подачи пищи, ее употребление, на почитание старших за трапезой, членение туши, особенно жертвенной, подачу пищи по социальному признаку и возрасту, на ритуальную пищу, различные церемонии и суеверия, связанные с приготовлением и приемом пищи, и на многое другое. Немалый отпечаток на все это, на формирование и состав народной пищи накладывали различные языческие представления и классические религии – христианство и ислам.

Пища балкарцев и карачаевцев до сих пор не являлась предметом изучения. Имеется лишь рецептура и названия балкарских блюд XIX–XX вв., публикацией которых мы обязаны С. Ш. Гаджиевой, и описание некоторых обрядов того же периода, связанных с пищей балкарского народа, данное Г. Х. Мамбетовым.

Автор попытался рассказать о средневековой пище этих народов.

Балкарцы и карачаевцы, как указывалось выше, извечно живут в высокогорных ущельях Центрального Кавказа. Каменистый грунт, короткое лето с ранней осенью и суровой зимой обусловили преимущественно скотоводческий характер их хозяйства, т. к. многие земледельческие культуры здесь не успевали вызревать. Малое количество пригодных для обработки земель и затрата колоссальных усилий для очистки, вспашки, ирригации крохотных участков отодвигали земледелие и огородничество на второй план.

По этим причинам даже в XIX в. в Балкарии и Карачае земледелие не получило какого-либо широкого размаха. Получаемого урожая хлеба здесь хватало на два-три месяца, остальное необходимое количество зерна для пропитания балкарцы и карачаевцы выменивали на товары скотоводческого хозяйства у соседних народов. Но даже столь мизерный урожай им приходилось добывать с большим трудом, затрачиваемым на обработку каждого вершка земли. О малоземелье в горах говорят такие термины измерения пригодных для обработки участков, как *къулач* – обхват, *гебенорун* – место для копны и т. д. Каждый такой участок очищался от камней, загораживался, обильно удобрялся навозом и поливался посредством

искусно проведенных по горным склонам каналов, которыми чаще всего служили соединенные между собой деревянные корытообразные колоды из стволов деревьев.

Из всего сказанного очевидно, что земледелие в экономике балкарцев и карачаевцев носило подсобный характер. В дореволюционный период в Карачае приходилось в среднем по 0,08 десятины на одного человека. По данным же на 1905 г., в Балкарии на одну мужскую душу приходилось в среднем по 0,2 десятины, в Карачае – по 0,4 десятины. При всем этом животноводство – овцеводство, разведение крупного рогатого скота, а в Карачае и коневодство – стояло на высоком уровне и целиком определяло экономику этих народов.

Древнейшей земледельческой культурой, известной балкарцам и карачаевцам, является ячмень *(арпа)*. Заросли уже одичавшего ячменя у старых заброшенных поселений карачаевцев в урочищах Загдан и Архыз, в верховьях Зеленчука отмечал еще в XIX в. Н. Я. Динник.

Приготовление и употребление продуктов из ячменя фиксируется и в фольклоре балкарцев и карачаевцев. Так, к примеру, в нартских сказаниях, легендах и сказках балкарцев и карачаевцев очень часто упоминаются древнейший напиток из ячменя – *боза* и ячменные лепешки – *арпа гыржын* и т. д. В первой половине XVIII в. наравне с ячменем балкарцам известна и пшеница, а во второй половине XVIII в. источники фиксируют и наличие у них проса. Подсобную роль в хозяйстве этих народов играло пчеловодство, а с начала XIX в. некоторые огородные культуры – лук, редька и прочее.

С древнейших времен в пищу балкарцев и карачаевцев, как и многих других народов, шла добыча охотников. Сцены и объекты охоты балкарцев и карачаевцев нашли отражение в их героических нартских сказаниях.

Издревле сложившийся скотоводческий характер хозяйства балкарцев и карачаевцев требовал большого количества соли, которой на их территории не было. Соль для заготовок впрок масла, мяса и молочных продуктов они постоянно выменивали на шерсть, войлок, скот и прочее у соседних народов (сванов, кабардинцев), ездили за ней к маджарским соленым озерам.

Обзор пищи балкарцев и карачаевцев можно разделить на две хронологические рамки: на пищу XIII–XVIII вв., о которой можно в определенной степени судить по данным археологических материалов, и этнографически фиксируемую пищу XVIII–XIX вв., анализ которой дает возможность сравнения ее с пищей как соседних кавказских народов, так и этнически близких тюркских народов Алтая, Средней Азии и Поволжья. Сравнение балкаро-карачаевской кухни с кухней соседних кавказских и родственных скотоводческих тюркских народов может привести к интересным историческим наблюдениям.

Археологические раскопки дают фрагментарные остатки кухонной утвари, кости животных и пр., письменные же источники, освещающие пищу балкарцев и карачаевцев той эпохи, как и многие другие аспекты их

быта, вообще отсутствуют. Поэтому воссоздать конкретные блюда средневековых балкарцев и карачаевцев не представляется возможным. Но все-таки общее представление об их пище этого периода можно получить по данным археологии и исторических фактов, с привлечением этнографических материалов XIX в.

В эпоху раннего Средневековья (IV–XIII вв.) на территории Балкарии и Карачая очень широко было развито террасовое земледелие, издревле практиковавшееся на Кавказе. Часты находки при раскопках земледельческих орудий: лемехов, чересел, серпов, всевозможных ступ, зернотерок и пр.

Археологические находки и свидетельства современников говорят о том, что у племен Северного Кавказа, которые в большинстве случаев в письменных источниках именовались аланами, культивировались ячмень, просо, пшеница. В сложении земледельческой культуры в Балкарии и Карачае в эпоху раннего Средневековья наряду с аланскими племенами немаловажную роль сыграли тюркоязычные болгары, первоначально обитавшие в Приазовье и Прикубанье и вместе с аланами создавшие в VIII–IX вв. известную оседло-земледельческую культуру – салтово-маяцкую. Историческая реальность этого процесса подтверждается тем, что аланы и болгары явились существенным компонентом в этногенезе самих балкарцев и карачаевцев.

В связи с этим небезынтересно, что состав и удельный вес зерновых культур X–XIII вв. близко соответствует тому, что зафиксировано этнографией у современных северокавказских народов, как пишет В. А. Кузнецов. Это тем более вероятно и для эпохи XIII–XVIII вв.

Нашествие монголо-татар, превращение северокавказских земель в кочевья Золотой Орды и погромы тимуровских полчищ, нанесли непоправимый урон хозяйству племен, обитавших здесь до указанных событий. Больше всего это отразилось на земледелии. Земледельческая культура с тех пор пошла на убыль, и для эпохи XIV–XVIII вв. она играла уже подсобную роль в экономике горцев Северного Кавказа

К сожалению, слабая изученность поселений XIV–XVIII вв., отсутствие письменных свидетельств не дают возможности конкретизировать культуры земледелия и блюда из них балкаро-карачаевской кухни. Но вряд ли будет ошибочным то, что они мало чем отличались от культур XIX в. – ячменя, пшеницы, проса. Правда, последняя культура могла проникнуть к балкарцам и карачаевцам еще в XIV–XVI вв. от их непосредственных соседей – адыгов.

Употребление в пищу зерновых культур в XIII–XVIII вв. подтверждается множеством находок примитивных зернотерок, жерновов, ручных каменных мельниц, каменных ступ и пестов на поселениях этого времени (Верхний Чегем, Эль-Джурт, Верхний Архыз, Курнаят и др.). К концу указанного периода XVII–XVIII вв. появляется масса водяных мельниц у балкарских и карачаевских селений – Кюнлюм, Булунгу, Эль-Тюбю, Карт-Джурт, Верхний Баксан и др. Вероятно, как в XVIII–XIX вв., так и ранее бытовала деревянная

утварь – песты, ступы *(кели),* корыта для теста *(тегене),* плетеные сапетки для хранения зерна *(дуу),* ямы в жилищах, обложенные камнем и т. п.

Наряду с зерновыми культурами в пищу балкарцы и карачаевцы употребляли рыбу, о чем свидетельствуют кости осетровых рыб из жилищ Верхне-Чегемского городища XIII–XIV вв. Употреблялась также птица, о чем говорят находки костей и скорлупы куриных яиц в памятниках указанного времени.

Большое количество остеологических (костных) остатков на средневековых поселениях свидетельствует о значительном употреблении мясной пищи. Среди этого материала имеются кости диких кабанов, зубров, медведей и других, а также домашних животных: овец, крупного рогатого скота, лошадей, свиней и пр. Все перечисленные особи, безусловно, входили в рацион пищи населения Северного Кавказа в эпоху раннего Средневековья.

С распространением ислама во второй половине XVIII в. некоторые животные (свинья, кабан и др.) исключаются из пищи балкарцев и карачаевцев, как и других мусульманских народов.

В отличие от древних и раннесредневековых погребений в могилах XIII–XVIII вв. покойников уже не сопровождала погребальная пища, о чем говорит отсутствие костей или частей туши животных, глиняных или деревянных сосудов, в которых ставилась в могилу пища для умершего. По-видимому, в это время на кладбищах существовали определенные жертвенные места, где происходило жертвоприношение и совершалась тризна по умершему, как это было на могильнике Курнаят.

Все это свидетельствует о том, что в духовных представлениях народа в XIII–XV вв. произошли существенные изменения, причина которых пока труднообъяснима. С распространением ислама жертвоприношения и прочий ритуал, связанный с поминовением, происходил уже в доме покойного.

К сожалению, по данным археологии приходится ограничиваться этими сведениями о балкаро-карачаевской пище. Существование конкретных блюд по ним представить невозможно, поэтому большой интерес представляет традиционная этнографически зафиксированная пища балкарцев и карачаевцев XVIII–XIX вв., которая ретроспективно позволяет судить об их кухне более раннего времени. Подробная рецептура и терминология различных блюд балкаро-карачаевской пищи, как указано выше, дана С. Ш. Гаджиевой, поэтому мы ограничимся основными и наиболее интересными с исторической точки зрения блюдами.

Мясо являлось традиционной пищей балкарцев и карачаевцев. Оно употреблялось в различных видах. Очень распространенным было употребление вареного мяса, особенно баранины. О древности употребления бараньего мяса свидетельствует сложный и древний обычай разделения туши на определенные порции.

Самой почетной долей считались голова *(баш),* лопатки *(жауурун),* тазовые кости *(жан суек),* локтевые кости *(базук),* бедренные кости *(орта илик),* коленные кости *(ашык илик)* и пр. К каждой из этих порций полагалось по

два ребра. При подаче этих порций учитывались социальное положение и половозрастные особенности участников трапезы. Голову подавали старейшему мужчине, который раздавал ее отдельные части присутствующим: уши полагались детям, язык и челюсти – женщинам.

К «мужским» порциям (голова, лопатки, тазовые кости) добавлялись по два длинных ребра, к женским (коленные кости, бедренные кости) – по два коротких ребра. Шейные позвонки отдавали пастуху, хвостовые позвонки – женщинам.

Балкарцы и карачаевцы широко практиковали заготовку мяса впрок. С этой целью мясо вялили, сушили на солнце, коптили над очагом *(къакъэт)*. Известно было своеобразное консервирование мяса. Разрезав мясо на мелкие куски, слегка поджаривали на внутреннем жире и масле, затем собирали мясо в кожаные мешки *(гыбыт)* или в деревянные кадки *(чыккыр)* и заливали жиром. В таком виде мясо долго хранилось. При необходимости приготовить мясную пищу использовали эти заготовки *(къууурма)*. Кроме того, впрок практиковали засолку головы, ног, внутренностей (легкие, печень, почки и пр.), которые хранили в кадках с рассолом.

Из заготовок впрок широкое распространение получили различные колбасы *(къыйма)*. Из колбасных изделий свежего употребления следует отметить *сохта*, начиненное мелкорубленой печенью и с приправой из трав, и *къан сохта* – кровяную колбасу. Излюбленным блюдом было *жёрме* – тип свежей колбасы. Готовили ее следующим образом: требуху разрезали на определенные куски, в нее заворачивали внутренний жир свежей туши, обматывали тонкими кишками и варили вместе с кусками мяса.

Основной приправой для мясных блюд был *тузлук,* приготавливаемый из бульона или кислого молока с толченой солью, а позднее в него добавляли чеснок. После мяса и мясных блюд, как правило, необходимо было подавать к столу бульон – *шорпа*.

Широко употреблялось и жареное мясо – *шишлик* (балкарское) и *тишлик* (карачаевское). Куски мяса жарили на вертеле – *шиш,* откуда и название блюда – *шишлик* (*русское* – шашлык). Лакомым шашлыком был *къазы*. Интересно отметить еще один вид шашлыка – *тёш*. При разделе туши на ее груди вырезали кусок мяса вместе со шкурой, его жарили отдельно на вертеле, и подавалась она человеку, в честь которого устроены торжества, жертвоприношения. При обычных убоях этот лакомый кусочек дядя по матери отдавал своему племяннику.

Перечисленные мясные блюда и порядок разделения туши на порции являются традиционными для многих тюркоязычных народов Алтая и Средней Азии, Поволжья и Кавказа.

Особую близость надо отметить по способу приготовления и терминологии таких общетюркских блюд, как *жёрме, къыйма, шорпа, къазы, къакъэт, сохта, шишлик, къан сохта, къууурма*.

Удельный вес *зерновых продуктов в балкаро-карачаевской кухне* был довольно низок по сравнению с мясомолочными продуктами, что объясняется их преимущественно скотоводческим характером хозяйства. И все

же издревле, как было отмечено, им был знаком ячмень. Еще в нартских сказаниях и преданиях балкарцев и карачаевцев есть сведения о любимом и традиционном их напитке – *боза,* причем лучшим считается приготовленный из ячменя *(арпа боза)*. Уже в начале XVII века боза отмечается путешественниками как напиток, свойственный народам, обитаемым в «Черкесии». Применительно к самим черкесам они пишут, что бозу они делали из проса, с чем согласны и современные авторы. В отличие от последних, балкарцы и карачаевцы, как и другие тюркские народы, приготовляли бозу из ячменя. Вполне возможно, что указанные путешественники применили тюркский термин *боза* к адыгскому напитку из проса (который делался только из проса) – *махсыма*. Кроме бозы балкарцы и карачаевцы готовили и другие напитки – *гумул* и *сра.*

Из ячменной муки готовили чуреки – *арпа гыржын,* запекаемые в золе очага. Из жидких мучных блюд следует отметить *билямукъ* – похлебка из ячменной, позже пшеничной и кукурузной муки, иначе называют ее *худур*. Из ячменной, позже овсяной крупы готовили кисель – *бегене.* Из муки делали пироги – хычин с начинкой из мяса *(эт хычин)*, сыра *(бышлак хычин),* картофеля. Пекли и варили в воде небольшие пирожки *бёрек* с различной начинкой.

Из ячменной, позже пшеничной и кукурузной крупы приготовляли густую кашицу – *талкъан.* Своеобразно заготовляли впрок муку из ячменя, кукурузы: поджаренные зерна назывались *къурмач*, а мука из этих зерен – *къуууm.*

Из зерновых культур балкарцы и карачаевцы приготовляли и ритуальную пищу *жырна* – кашицу из различных зерен ячменя, пшеницы, кукурузы. Из муки балкарцы и карачаевцы пекли *лекум*, готовили кашицу – приправу с сыром и маслом – *либже.*

Следует отметить и небольшие пресные лепешки из теста – *хатлама,* которые варились в воде и подавались к жирному мясу и поджарке из бараньего жира и пр.

Балкарцы и карачаевцы употребляли в пищу и круто заваренную кашу *(баста)*, которая при остывании легко разрезалась на доли и заменяла хлеб к мясным блюдам и пшенной похлебке *(хантхус),* заправленной свежим или кислым молоком, сливками, маслом и пр.

Таковы основные мучные блюда балкарцев и карачаевцев. Среди них интересно выделить блюда балкаро-карачаевские, присущие многим тюркским народам, и блюда, попавшие к ним в результате культурно-экономических связей с соседями. К первым относятся напитки *(боза и гумул),* пирожки *(берек),* лепешки *(хатлама),* жареные зерна *(къурмач)* и мука из них *(къуууm),* кашица из зерен и круп – *жырна* и *талкъан.* Все эти блюда (вместе с рецептурой и терминологией) входят в рацион традиционной пищи тюркских народов – алтайцев, казахов, киргизов, азербайджанцев, туркмен и др.

В мучной пище балкарцев и карачаевцев больше, чем в мясомолочной, ощущается проникновение блюд соседних народов. Например, *хычин* и

бегене являются заимствованными у осетин, а *либже, лекум, хантхус, баста* – у адыгов (кабардинцев, черкесов).

Молочная пища, как и мясная, занимает важную роль в меню балкарцев и карачаевцев. Если своего хлеба им постоянно не хватало и продукты для мучных блюд приобретались у соседей, то мясная и молочная пища сполна обеспечивалась скотоводческим хозяйством, продукты которого шли и на внешний рынок в обмен на хлеб, соль, ткани, оружие, посуду. Молочная пища также отличалась большим разнообразием, с ней связан ряд древних суеверий и обрядов, что свидетельствует о ее традиционности в быту балкарцев и карачаевцев, как и других народов.

Ведущее место среди молочных продуктов занимает кислое молоко – *айран,* издавна входящий в повседневный рацион балкарцев и карачаевцев. Айран, как повседневный напиток, часто упоминается в тюркских сказаниях о деде Коркуте, а также зафиксирован средневековыми авторами и в балкаро-карачаевских нартских сказаниях. Балкарцы и карачаевцы изготовляли несколько видов айрана – *жуурт, айран, мыстындау, гыпы айран* и др. Обыкновенный айран постоянно употреблялся в качестве прохладительного напитка. В прошлом эти народы употребляли и другой общетюркский напиток из кобыльего молока – *кумыс.*

Густой засоленный айран – *къатык* – заготавливали впрок. Хранили его в кожаных мешках и деревянных кадушках. В них же хранились и сливки – *къаймак*. Из айрана и каймака взбивали масло, получаемая при этом пахта употреблялась как напиток, из него же приготовляли приправу к мясу – *тузлук.*

Широко практиковались и всевозможные сыры – *бишлак,* изготовляемые из коровьего и овечьего молока. Сыры хранились в копченом виде и в рассоле из сыворотки. В последнем хранилось впрок и мясо, особенно внутренности, голова и ноги.

Все без исключения перечисленные молочные продукты входили в рацион питания тюркских народов – алтайцев, хакасов, башкир, казахов, узбеков, азербайджанцев, кумыков и др. Многие разновидности айрана, тузлука вошли в пищу соседних народов – черкесов, кабардинцев, осетин и др.

В пищу балкарцев и карачаевцев входили *различные дикие растения и плоды*. Прежде всего – это дикие яблоки и груши (*агъач алма, агъач кертме),* лесные орехи (фундук), различные корнеплоды и травы – *чурко* – разновидность репы, *оразык* – морковник, *зыка* – разновидность кресс-салата, *мант* – лопух и др. Многие травы употреблялись как приправа (*жигра* – укроп) и чай (*дугъума* – мята). Эти травы сушились и впрок. Употреблялись также различные соки деревьев (березы, липы), в большом количестве употреблялись и различные ягоды. В начале XIX в. в пищу входят огородные культуры – капуста, огурцы, помидоры, морковь, лук, чеснок и др. Получают известность и бобовые – фасоль и горох, называемые общим грузинским термином *къудору*. Последние проникли к балкарцам и карачаевцам через сванов и кабардинцев, о чем свидетельствуют назва-

ния *эбзе къудору* и *черкес къудору*. В 1867 г. братья Нарышкины свидетельствовали, что балкарцы и карачаевцы возделывали картофель.

Употреблялись в пищу и сушеные фрукты. Обменивали их на шерсть, сукно и молочные продукты у сванов. Из них варили компоты. Из вареной массы слив и других фруктов балкарцы и карачаевцы изготавливали *мырзай*. Эту массу раскатывали на тонкие пластинки и сушили их на солнце, затем они употреблялись для отваров.

Таковы ведущие блюда балкаро-карачаевской кухни. Из этого краткого обзора очевидно, что в ней в соответствии с их традиционным скотоводческим хозяйством, ведущее место занимает мясомолочная пища. Мучная пища играла меньшую роль. В мясомолочной пище более четко вырисовывается своеобразие балкаро-карачаевской пищи, чем в мучной. Если в первой мы находим полные параллели с пищей других тюркских народов, то во второй, наоборот, прослеживаются заимствования от соседних народов – осетин, кабардинцев, черкесов и др.

Это объясняется, с одной стороны, их тесными культурно-историческими контактами с древнетюркским этническим массивом, уходившими в глубь эпохи раннего Средневековья до монголо-татарского нашествия, и, с другой стороны, такими же контактами между теперешними соседями после указанных событий.

Одинаковый способ приготовления, подача к столу и общая терминология многих блюд может свидетельствовать и о значительных этнических смешениях ряда тюркских племен – предков современных алтайцев, башкир, казахов, киргизов, кумыков с предками балкаро-карачаевцев.

Состав пищи этих народов изменялся и дополнялся новыми блюдами в зависимости от пополнения их хозяйства различными культурами.

Таким образом, видно, как формировалась традиционная народная пища балкарцев и карачаевцев в связи с изменениями их этнического окружения, их хозяйственного уклада, с развитием культурно-экономических взаимосвязей и изменением духовных воззрений.

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Средневековая культура балкарцев и карачаевцев богата архитектурными памятниками – замками, башнями, усыпальницами-мавзолеями, христианскими церквями и храмами. Именно с последнего рода памятниками связано начало изучения архитектурного наследия этих народов.

С христианскими памятниками Балкарии и Карачая связаны имена известных путешественников и исследователей второй половины XVIII – начала XIX в., таких, как И. А. Гюльденштедт, Я. Рейнеггс, П. С. Паллас, Г. Ю. Клапрот

и др. Позже эти же памятники не раз отмечались и описывались многими авторами, в т. ч. майором Потемкиным, генералом Г. А. Эмануэлем, академиком Броссе, архитектором И. Бернардацци и др.

Первая археологическая экспедиция в Балкарию и Карачай связана с именем А. Фирковича. Оставленные им сведения до сих пор не утратили своей научной ценности, так как многие описанные или упомянутые им памятники не дошли до нас. В 1849 г. во время своей поездки по Кавказу Фиркович описал очень много каменных плит с высеченными на них крестами. В верховьях Кубани (на реке Джегута) он отметил двухэтажную башню, которая, по его мнению, была сожжена. Кроме того, он осмотрел Сентинский и Шоанинский средневековые храмы.

Результаты его поездки появились в печати лишь десять лет спустя. В Карачае, кроме башни на реке Джегуте, он узнал о существовании башни-крепости (Кала-Кол) недалеко от аула Карт-Джурт. Развалины крепости под таким же названием он видел и в Баксанском ущелье у сел. Былым.

А. Фиркович отметил христианские церкви в Чегемском и Черекском ущельях, несколько склепов и башен.

Вот что он пишет о Черекском ущелье, которое, как ни одно другое ущелье Балкарии и Карачая, очень богато башенными сооружениями: «В Балкарском ущелье путешественника поражает множество башен в недалеком расстоянии одна от другой, образующих обширную крепость. Древнейшие из них построены на недоступных скалах, другие на равнинах и в самих аулах. Это прекрасное ущелье было предметом зависти соседей и часто подвергалось нападению, что было, вероятно, причиной сооружения такого множества башен. Новейшие башни построены в XVI–XVII вв.» (*ил. 34*).

Почти двадцать лет спустя после поездки Фирковича, осенью 1867 г., на Кавказ с археологической целью едут братья Нарышкины. В Карачае они отметили и кратко описали множество каменных крестов, церкви и храмы на реках Теберде и Зеленчуке, которые до них уже были указаны предшественниками. Они отметили также развалины нескольких башен. В Балкарии Нарышкины кратко описали несколько склепов на реке Гунделен в Баксанском ущелье, которые они считают доисламскими и разрушенными по настоянию муллы. Ими было осмотрено много камней с высеченными на них крестами и прочие христианские памятники, остатки крепостных сооружений, которые видел и А. Фиркович, несколько часовен-склепов, в том числе склеп-мавзолей таубия Камгута «из рода Крымшаухаловых».

Значительный интерес проявляется к намятникам Балкарии и Карачая вскоре после V археологического съезда (Тифлис, 1881). В 1883 г. в Балкарию выезжает экспедиция одного из ведущих кавказоведов того времени, академика В. Ф. Миллера. Была совершена поездка по маршруту Нальчик – Хулам – Чегем – Былым, во время которой описывались башни, склепы и были произведены небольшие раскопочные работы в сел. Верхний Чегем и Былым.

В 1886 г. с подобной же целью совершили поездку сотрудники В. Ф. Миллера – Н. Н. Харузин и З. П. Тулинцов. Они производили раскопки и изучали архитектурные памятники. Тулинцовым были выполнены карандашные рисунки нескольких башен и укрепления Зылги в Верхней Балкарии. Подробное описание этих поездок было дано в обобщающей почти весь дореволюционный материал работе В. Ф. Миллера. Эта работа является самым полноценным и важным источником для изучения археологии Балкарии.

В 1882 г. Е. Д. Фелицин составил археологическую карту Кубанской области, где, наряду с другими памятниками, были отмечены склепы близ Карт-Джурта и Хурзукская башня. В 1893 г. в сел. Хулам побывал В. И. Долбежев. Он описал древнехристианскую церковь с изображениями святых в местности Ойт-Ойт-Каласы и башни в Верхней Балкарии.

Среди дореволюционных сведений особое место занимают работы В. М. Сысоева. При первой своей поездке по Карачаю им были описаны очень многие интересные памятники по рекам Зеленчук, Теберде и Кубани. В следующем 1896 г. он предпринимает вторую поездку по верхнему течению Кубани, в результате которой им была опубликована большая работа, охватывающая, наряду с другими памятниками, позднесредневековые склепы и башни. В частности, им описаны надземные склепы-мавзолеи у сел. Карт-Джурт и башня над аулом Хурзук. Через год он вновь совершает поездку по верхнему течению Кубани, где основное внимание его привлекали на этот раз раннесредневековые гробницы на Сентинской горе, в местности Кала-Сырты и в окрестностях Карт-Джурта.

В 1913 г. появляется большая работа В. М. Сысоева, в которой он попытался обобщить весь накопленный по Карачаю материал дореволюционных исследований. В шестой главе своей работы он дает описание верховьев Кубани и археологических памятников, имеющихся там. Это примерно такая же обобщенная работа по Карачаю, каковой является работа В. Ф. Миллера применительно к Балкарии.

После Октябрьской революции большую роль в изучении памятников архитектуры сыграли М. И. Ермоленко и Г. Н. Прозрителев, А. А. Миллер. В 1939 г. верхнечегемские склепы обследованы Л. И. Лавровым. В 1958 г. была проведена балкарская этнографическая экспедиция Института истории АН ГССР под руководством А. И. Робакидзе. Этой экспедицией изучены и некоторые оборонительные сооружения Балкарии. В том же году Е. П. Алексеева начинает полевые исследования в Карачае, о результатах которых она докладывала на упомянутой выше Всесоюзной научной сессии в 1959 г. В 1959 г. изучение Балкарии начинает П. Г. Акритас. Им было открыто высокогорное городище в Чегемском ущелье, которое затем исследовала экспедиция под руководством Г. И. Ионе. В 1959 г. Е. П. Алексеева исследовала несколько позднесредневековых склепов у сел. Верхний Чегем, а В. А. Кузнецов – несколько погребений того же периода в Верхней Балкарии.

В 1965–1966 гг. специально изучением позднесредневековых памятников Балкарии и Карачая занимались археологические экспедиции

КБНИИ под руководством автора этих строк, которым была издана работа «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая» (см. ниже). В ней дано детальное описание, типологическая классификация, хронология, социально-экономические причины их появления и пр. Поэтому в книге нет необходимости повторять все это, а для полноты раскрываемой в ней темы, ограничимся лишь некоторыми общими сведениями об архитектурных памятниках балкарцев и карачаевцев.

Архитектурные памятники XIII–XVIII вв. являются дальнейшей эволюцией раннесредневекового строительства и выступают как венчающие развитие средневековой архитектуры населения Балкарии и Карачая. Эти памятники имеют глубокую преемственную традицию развития.

По известным литературным и архивным свидетельствам, на территории Балкарии и Карачая насчитывается три с половиной десятка башен, крепостей и замков. Но это, к сожалению, далеко не все сооружения, которые некогда были на их территории. Большинство из них нигде не нашло отражения и уничтожено временем. Примером этому может быть район Верхнего Чегема, где из 13 башенных сооружений лишь башня Балкаруковых в удовлетворительной сохранности, а от остальных сохранились лишь самые незначительные следы либо одни фундаменты. Достаточно вспомнить, что даже братья Нарышкины в 1867 г. уже не застали многие памятники, отмеченные в 1849 г. А. Фирковичем (*ил. 23*).

Все известные башенные сооружения Балкарии и Карачая находятся в высокогорных районах между Боковым и Скалистым хребтами Кавказа. Как правило, они располагались на труднодоступных скальных участках и вершинах, окаймляющих горные котловины, в которых размещались балкарские и карачаевские аулы. Реже они сооружались в аулах и вблизи от них, занимая в стратегическом отношении выгодные точки. В Верхней Балкарии, по литературным сведениям, было десять башенных сооружений, сейчас сохранились остатки девяти, а в Безенгийской котловине их насчитывается шесть. В верховьях реки Баксан подобных сооружений три, от двух из них сохранились лишь следы – это укрепление Кала-Кол у сел. Былым и так называемая Ференк-кала у Верхнего Баксана.

На территории Карачая известно два башенных сооружения – одно у сел. Хурзук на Кубани, другое – у сел. Архыз на Большом Зеленчуке.

По занимаемому месту – на вершинах, уступах и скальных участках гор или же в долинах и аулах – башенные сооружения Балкарии и Карачая можно разделить на две большие группы.

В первую группу объединяются сооружения, построенные на недоступных скалах и площадках, а во вторую – сооружения, расположенные в долинах, аулах или вблизи от них. Каждая из этих групп в свою очередь объединяет несколько типов сооружений.

К памятникам *первого типа* относятся башня в Хуламо-Безенгийском ущелье, две башни в Черекском ущелье и башня над аулом Хурзук в Карачае.

Башня Абаевых располагается над старым аулом Кюнлюм. В плане она прямоугольная с неравными сторонами. Стены башни кверху скашивают-

ся вовнутрь. Из-за разрушенности стен сейчас невозможно установить ее первоначальную высоту. Башня сооружена из горного рваного камня на прочном известковом растворе *(ил. 43)*.

Хуламская башня находится на левой стороне Черека Безенгийского, над старым аулом Хулам (Холам), на западной окраине Скалистого хребта. Расположена она на крайне труднодоступных террасах скал. Доступ к башне возможен только с западной стороны по очень опасной тропе. За пятнадцать метров до подхода к ней тропу преграждает мощная оборонительная стена длиной 14,6 м, высотой 1,6–2,15 м. Сложена башня из красноватого камня на прочном известковом растворе (*ил. 74*).

Хурзукская башня известна в дореволюционной литературе как Мамия-кала. Башня эта находится на вершине труднодоступной горы Кала-Баши на небольшой скальной площадке над аулом Хурзук. В стратегическом отношении она расположена очень выгодно, господствуя над всей котловиной рек Хурзук и Учкулан. У подножия горы сохранились старые жилища карачаевского аула XVIII–XIX вв.

Башня в основании квадратная, сооружена из сравнительно небольших отесанных камней, кладка стен производилась на известковом растворе. Лицевые стороны камней хорошо обтесаны, и подгонка их придает наружной стороне большую гладкость, равную которой нам не приходилось встречать среди неоштукатуренных памятников Балкарии и Карачая. Башня была трехэтажной, о чем свидетельствуют ниши в стенах для укрепления межэтажных балок. Общая высота ее 7,4 м (*ил. 113*).

Размеры рассмотренных башен различны, как и конфигурация в плане. Все они однокамерные, большей частью трех-, четырехэтажные, кверху башни суживаются, о форме перекрытия судить невозможно из-за их разрушенности. В стенах на уровне двух-трех этажей имеются оконные проемы, бойницы и ниши. Дверные проемы в башнях оставлены на уровне первого этажа.

Все памятники этого типа неоштукатурены ни с внешней стороны, ни с внутренней. Камни для кладки грубо обтесывались и умело подгонялись друг к другу. Углы основания башен сооружались из крупных глыб, кладка их производилась связкой смежных стен. Выбор и умелая подгонка ровной площадки достигалась наращиванием склона и забутовкой трещин скал. Такая площадка затем служила полом помещения. В полу, в одном из углов внутреннего пространства первого этажа, устраивались облицованные камнем ямы для запасов пищи и воды.

Крепость Малкар-кала находится в Черекском ущелье на скалистом уступе горы над старым балкарским аулом Кюнлюм. Этот памятник представляет собой сложное оборонительное сооружение с прилегающими к нему жилыми и фортификационными пристройками (*ил. 56*).

Весь комплекс сооружений тянется с северо-запада на юго-восток. Основное сооружение – цитадель – представляет собой в плане неправильный четырехугольник, передние углы которого немного закруглены. Длина основного сооружения 14,8 м, ширина 4–6,9 м. Построено оно из тесаного красноватого камня, кладка произведена на известковом растворе,

но стены неоштукатуренны. От юго-восточного угла цитадели отходят две оборонительные стены, одна из которых идет полукругом длиной 14,3 м.

Непосредственно не соприкасаясь с основным сооружением, к юго-востоку от него тянутся жилые постройки. Их более десятка. Некоторые из них расположены террасой на скальных выступах и ограждены стеной от обвалов сверху. Это остатки небольшого родового аула, расположенного у своей оборонительной крепости (*ил. 41*). При необходимости население могло укрыться в ней и обороняться от неприятеля. Как пример небольшого средневекового родового аула горцев, этот комплекс представляет большой этнографический интерес.

Болат-кала расположена на крутом склоне той же горы, что и Малкар-кала над аулом Кюнлюм. Она как бы завершает всю оборонительную систему этого района. Крепость находится на труднодоступной скале. Доступ к ней возможен с северо-восточной стороны. Позже к первоначальному сооружению была пристроена спереди другая часть крепости шириной 2,9 м. Внутреннее пространство этой пристройки разделано на две равные половины. После пристройки крепость стала трехкамерной, ширина ее 8,9 м, длина 11,7 м.

В передней стене имеется три окна стрельчатой формы и семь бойниц, из которых отлично просматриваются вся долина реки Черек и аулы, расположенные в ней (*ил. 55*).

Карча-кала. У слияния рек Кизгич и Архыз возвышается высокая гора, на вершине которой находится это укрепление. От него остались лишь фундаментные ряды кладки стен. Это укрепление, видимо, защищало вход в ущелье Кизгич, вверх по течению которого находятся различные остатки строений. Оно представляет собой большое четырехугольное сооружение, вокруг которого с трех сторон идет каменная ограда.

С восточной стороны к укреплению примыкают фундаменты и остатки стен жилищ, так же, как это было и у крепости Малкар-кала в Балкарии.

Ко второму типу относятся оборонительные сооружения, составляющие систему укреплений с особо защищенной, а в некоторых случаях практически недоступной цитаделью, венчающей весь комплекс. Строительная техника и планировка сооружений почти такие же, как и первого типа.

Укрепление Зылги стоит у самого выхода из глубокой теснины реки Черек в горную долину Верхней Балкарии, на левом берегу реки, на скалистом выступе горного склона и представляет собой первый форпост в общей цепи укреплений района Верхней Балкарии. Расположено оно в три яруса соответственно на скальных террасах (*ил. 37–39*).

Первый ярус – это мощная стена, сложенная на прочном известковом растворе. Толщина стены 0,6 м, она идет дугой с северо-востока на юго-запад (сохранилась на протяжении почти 10 м).

Второй ярус, расположенный от первого на расстоянии 10–11 м, был основной и сосредоточением всего комплекса, его можно рассматривать как цитадель укрепления. Он был основным объектом обороны. В настоящее время этот ярус состоит из двух больших прямоугольных в основа-

нии помещений с несколькими перегородками внутри каждого. В конце XIX в. В. Ф. Миллер и Н. Н. Харузин отмечали здесь четыре сооружения.

В обоих зданиях имеются окна и бойницы в передних и боковых стенах. Из них хорошо просматриваются сооружение первого яруса и все подступы к нему.

Третий ярус – это последний оборонительный рубеж всего укрепления и потому сооружен на очень труднодоступной скале на расстоянии 50 м от второго яруса. Сооруженная впритык к отвесной скале башня могла служить и как дозорная, потому что с нее обзор окрестностей намного шире, чем с первых двух ярусов.

Укрепление Усхур находится в Безенгийском ущелье, северо-западнее одноименного старого аула, на юго-западной оконечности Скалистого хребта, возвышающегося над аулом.

Система укреплений Усхур-кала состоит из четырех связанных между собой сооружений. Надо отметить, что три из них построены на северо-западном скалистом, отвесном склоне горы Усхур-Баши со стороны входа в ущелье. Только отсюда и возможен подход к цитадели.

Цитадель системы расположена на южной отвесной стене, на небольшом выступе скалы. Башня буквально «прилеплена» к скальной стене на высоте около 200 м, которая составляет ее четвертую стену.

В передней стене (южной) башни хорошо видны ниши для укрепления балок в два ряда (по три балки в каждом). Это свидетельствует о том, что башня имела три этажа Высота первого этажа 1,6; второго – 2,4 м. Третий этаж сохранился на высоту 1,6 м. Весь комплекс Усхур-кала – сложная оборонительная система, практически недоступная для неприятеля (*ил. 65, 67–69*).

К третьему типу относятся два интересных и своеобразных памятника – это замок Джабоевых, расположенный в 5 км к северо-востоку от сел. Безенги, и замок над старым аулом Курнаят в Черекском ущелье.

Замок Джабоевых *(Жабоевых)* хорошо виден из укрепления Усхур. Находится он на самой вершине труднодоступной горы и представляет собой мощный средневековый феодальный замок, давно привлекавший внимание всех, кто побывал в Балкарии. Внутреннее пространство замка разделено на четыре помещения. Вход в него общий, внутри же имеются дверные проемы в отдельные помещения. В стенах замка много бойниц и окон, откуда просматриваются окрестности и подступы к нему.

Стены его сложены из тесаных камней на известковом растворе и оштукатурены. Камни в кладке хорошо подогнаны друг к другу. Углы основания скреплены большими обработанными камнями. Как по конструктивным особенностям, строительному мастерству, так и по своему функциональному назначению, этот памятник резко отличается от всех перечисленных типов сооружений.

На подступах к замку западнее на 50 м сохранились остатки длинной каменной стены с несколькими бойницами, высота ее 2,3; длина 12,4; толщина 0,9 м. У стены прослеживаются различные пристройки небольших

размеров, от которых сохранились лишь фрагменты. Это, видимо, оборонительное сооружение, защищавшее подступы к замку (*ил. 70, 71*).

Замок Курнаят. На юго-востоке сел. Верхняя Балкария в ущелье реки Курнаят выступает небольшой скальный массив, вытянутый с северо-востока на юго-запад. Длина его около 80 м, а ширина до 50 м. С трех сторон он обрывается вертикальными стенами высотой от 30 до 70 м. Доступ на этот массив возможен лишь с юго-западной стороны, где он плавно соединяется с возвышающейся рядом горой. На его скалистой поверхности был сооружен целый комплекс строений, представляющих средневековый феодальный замок. Он состоял из шести удачно расположенных сооружений. Пространство между ними образовало двор, куда можно было проехать на арбе, по неширокому 10–12-метровому перешейку, соединяющему этот массив с горой.

По своему композиционному решению Курнаятский комплекс представляет собой типичный средневековый феодальный замок, очень близкий к таким памятникам, как укрепления Зылги, Усхур, и особенно к замку Джабоевых (*ил. 45, 47–49, 51*).

В основу планировки замка Курнаят положен тот же принцип, что и в Зылги и Усхур, которые представляют сложные оборонительные комплексы-крепости из нескольких сооружений с особо охраняемой цитаделью.

Ко второй группе относятся самые поздние башни, сооруженные непосредственно в аулах. Они стоят в центре или на окраинах горных сел. В эту группу входят ныне сохранившиеся башня Амирхана, башня Абаевых в Черекском ущелье, башня Ак-кала в Хуламо-Безенгийском ущелье и башня Балкаруковых в Чегемском ущелье.

Башня Амирхана находится в Черекском ущелье у ныне пустующего аула Шканты. Отличительной особенностью ее является то обстоятельство, что она сооружена на громадном скальном обломке, высота которого достигает пяти метров. Башня сооружена из тесаного камня на известковом растворе. В плане она прямоугольная, длиной 5,65 м, шириной 1,65 м (размеры внутренние). Башня, вероятно, была двухэтажная, о чем свидетельствуют небольшие ниши, расположенные на боковых стенах на высоте 1,8 м, в которых укреплялись балки межэтажного перекрытия.

Башня Амирхана сооружена с большим мастерством в использовании местности, в данном случае поверхности скалы. Из нее хорошо обозреваются старые аулы Шканты и Кюнлюм, расположенные на противоположном берегу Черека (*ил. 40*).

Башня Ак-кала расположена на юго-западной окраине селения Безенги. В плане она почти квадратная, со сторонами 3,7 х 3,7 м и 3,5 х 3,4 м. Башня была четырехэтажной, судя по нишам для балок перекрытия. Высота каждого из этажей 2–2,5 м. Бойницы в башне расположены на уровне третьего и четвертого этажей (*ил. 73*).

Второй тип этой группы объединяет башни, имеющие при себе жилые и хозяйственные пристройки. Сюда относятся хорошо известная башня Абаевых в ауле Кюнлюм Черекского ущелья и башня Балкаруковых в

сел. Верхний Чегем. Они отличаются тщательностью отделки, правильностью форм и представляют собой как бы завершающий этап в развитии башенной архитектуры этих районов. В плане башни прямоугольные (почти квадратные), имеют три-четыре этажа.

Башня Абаевых кверху сужается: на трех стенах четвертого этажа видны четырехконечные кресты, образуемые выемкой в стене. Предание балкарцев приписывает эту башню таубию Али-Мурзе Абаеву и постройку ее относит примерно к концу XVI в.

От всех других башен несколько отличается Балкаруковская в сел. Верхний Чегем. По своему архитектурному стилю она повторяет подобные сооружения Сванетии. По преданию, записанному В. Ф. Миллером от Али-Мурзы Балкарукова, таубий Ахтуган вызвал для постройки башни мастеров из Сванетии, этим и объясняется ее отличие от всех прочих башен. Судя по числу поколений, сменившихся между Ахтуганом и Али-Мурзой, башню можно датировать XVII в. (*ил. 78*).

Завершающим звеном позднесредневековых памятников Балкарии и Карачая являются надземные склепы-мавзолеи. Эти памятники можно разделить на три группы.

Первая включает в себя два склепа у сел. Ташлы-Тала и Мухол. Эти склепы с куполообразным перекрытием, в плане имеют форму круга. Вторая представлена десятью склепами: в старом балкарском ауле Шканты; на могильнике Курнаят (Черекское ущелье); у города Тырныауза – склеп Камгута (Баксанское ущелье); у замка Джабоевых (Хуламо-Безенгийское ущелье); три склепа у сел. Верхний Чегем (Чегемское ущелье) и три – у сел. Карт-Джурт в Карачае. Все эти склепы прямоугольные в основании, с высокими двускатными крышами, сооружены из хорошо обработанных камней на известковом растворе и покрыты с обеих сторон прочной штукатуркой.

Третья группа представлена шестью склепами: в ауле Коспарты (Черекское ущелье); у сел. Булунгу (Чегемское ущелье) и четыре склепа у сел. Верхний Чегем. Характерная черта этих склепов в том, что они многогранные в плане и крыша их представляет такую же многогранную пирамиду, завершенную большим замковым камнем – шишаком.

Кроме перечисленных групп, на территории Балкарии и Карачая в эпоху позднего Средневековья были распространены погребальные сооружения, близкие к склепам-мавзолеям, но без перекрытий. Условно их можно назвать полусклепами. Основное их сосредоточение наблюдается у сел. Карт-Джурт на одном кладбище с мавзолеями.

Так называемые полусклепы представляют собой четырехугольные сооружения, высотой от 1,25 м, до 2,4 м. Стены их сооружены на хорошем известковом растворе и отштукатурены с двух сторон. Они бывают одиночные и содержат по одному захоронению или же, соединяясь между собой, образуют целые системы полусклепов и содержат по нескольку погребений.

Отмеченные выше памятники составляют незначительную сохранившуюся часть архитектурного наследия балкарского и карачаевского

народов, которая досталась нам от минувших эпох. В них запечатлены строительное мастерство народов, их эстетические и нравственные вкусы, уровень хозяйственного и культурного развития, а поскольку эти памятники принадлежат в основном феодальным, княжеским семьям, то равным образом свидетельствуют о степени углубления социально-экономического расслоения и становления феодальных отношений в балкаро-карачаевской среде XIII–XVIII вв.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ОПИСАННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Предложенная вниманию читателей работа посвящена анализу памятников балкарского и карачаевского народов XIII–XVIII вв. В ней дается попытка исторической характеристики этих памятников на фоне Северного Кавказа и тюркоязычного мира, с которым балкарцы и карачаевцы тесно связаны по своему происхождению. Не будучи автохтонными кавказцами по своему языку, эти народы тем не менее представляют собой коренных обитателей высокогорных районов Кавказа.

События XIII–XIV вв., связанные с монголо-татарским нашествием, образованием Золотой Орды и походами тимуровских полчищ, значительно изменили этническую карту Северного Кавказа и заложили основу современной этнографии края. В результате этих нашествий предки балкарцев и карачаевцев оказались замкнутыми в горах. Окончательное формирование их культуры протекало в высокогорьях между Боковым и Скалистым хребтами Кавказа, по верховьям рек Черек, Чегем, Баксан, Малка, Кубань. Самые ранние письменные сведения о балкарцах содержатся в грузинских документах XIV–XV вв.

Сообщение между балкарскими и карачаевскими обществами, образовавшимися по ущельям упомянутых рек, осуществлялось по сравнительно легким перевалам, связывающим Карачай через Балкарию с Дигорией. Выход на равнину осуществлялся через Кабарду и Черкесию. Связи с Закавказьем проходили по высокогорным перевалам Бокового и Главного хребтов.

Находясь на протяжении многих столетий в тесном окружении хотя и чуждых по языку народов, балкарцы и карачаевцы создали во многом общую с кавказцами материальную культуру, в которой, естественно, сохранились и многие их этнические особенности, нашедшие отражение и в поселениях, в одежде и в пище.

По топографическим особенностям можно выделить поселения, размещенные на крутых склонах гор, вблизи водных источников, в естественно защищенных местах (Верхне-Чегемское – XIII–XIV вв., Эль-Джурт – XV–XVIII вв.), и поселения, размещенные на вершинах небольших

водораздельных хребтов и некоторых других возвышенностей (Макка-Кая, Курнаят).

Почти все они расположены в отдалении от сенокосных и пастбищных угодий, которые, как правило, находились в зоне плоскогорий, что отличает балкарские поселения от сванских. Однако балкарские поселения, несмотря на малочисленность жилищ, очень близки по своей компактности к сванским, дигорским и др. То, что сближает упомянутые поселения, в свою очередь, отличает их от разбросанных поселений мегрелов, абхазов, черкесов, кабардинцев – типа хуторов, тянущихся на несколько километров вдоль речных террас. Особенностью балкарских поселений является их компактность. Об этом свидетельствуют ныне заброшенные поселения XIII–XIX вв. – Эль-Джурт, Малкар-кала, Кюнлюм, Коспарты и др. Более свободно балкарские и карачаевские усадьбы и поселения размещаются во второй половине XIX в. Следует отметить и еще одну тенденцию в развитии балкаро-карачаевских поселений – это постепенное «сползание» их с высот в низины (поселения Чегемского, Балкарского и других обществ).

По морфологическим признакам можно выделить несколько типов поселений. Во-первых, это небольшие компактные поселения, прижатые к основному сооружению, несущему при необходимости и оборонительные функции. Таковым является Малкар-кала на труднодоступном участке горы над аулом Кюнлюм в Верхней Балкарии. Другой тип – это поселения без оборонительных комплексов, но расположенные на естественно укрепленных участках (Макка-Кая). Еще один тип – поселения с системой оборонительных сооружений или с одной-двумя башнями. Примером поселения с системой оборонительных сооружений служит Верхне-Чегемское городище. Другим поселением этого типа является Эль-Джурт. Интересны также небольшие поселения-крепости, принадлежащие отдельным феодальным фамилиям. Сюда относятся Зылги в Верхней Балкарии и Усхур в ущелье реки Черек Безенгийский. К этому же типу поселений относятся поселки в виде замков –Джабоево и Курнаят в Верхней Балкарии. Датируются они XV–XVI вв. Наконец, следует отметить поселения, основанные в XVI–XVIII вв. и функционировавшие до недавнего времени: Кюнлюм, Мукуш, Коспарты, Шканты и др. (Верхняя Балкария); Хулам, Шики, Безенги и др. (Безенгийское ущелье); Думала, Ачи и др. (Чегемское ущелье). Все эти поселения довольно хорошо сохранились для этнографического изучения. Заслуживает внимания тот факт, что для Карачая не характерны терасно размещенные поселения.

Знакомство с поселениями балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII вв. позволяет выделить среди них моногенные (однофамильные) и полигенные (многофамильные), основанные на родственном и территориальном принципе заселения. К первым можно отнести небольшие поселения, носящие имя основателя и населенные, как правило, его потомками, связанными между собой кровно-родственной и хозяйственной общностью. К примеру, можно привести небольшие поселки Малкар-кала в Верхней Балкарии и Карча-кала в Карачае (в верховьях Архыза), состоящие из не-

скольких жилищ, примыкающих к основному оборонительному сооружению. По преданиям, они возникли на месте поселения легендарных Малкара и Карчи. Жилища последних по отношению к остальным играли роль и функции *уллу-юй* (большой дом), в котором жил *тукум ата* – отец тукума (рода). Имена последних перешли к их прямым потомкам как патронимические названия (*патрос* – отец, *номен* – имя), объединяющие их всех по происхождению от одного отца.

Первоначальное обращение для определения непосредственного происхождения «*Тукум атанг кимди*?» (Кто отец тукума?) постепенно переходит в форму «*Тукум атынг кимди*?» (Как имя тукума?), что теперь воспринимается как название фамилии. Так от имени легендарного Малкара пошли его потомки Малкарлары (Малкаровы), расселившиеся в XIX–XX вв. и по другим ущельям Балкарии, а от Карчи производят свое происхождение и название карачаевцы.

Отсутствие отдельных хозяйственных сооружений в этих поселках свидетельствует о хозяйственной общности их жителей.

Другим таким же поселком является Макка-Кая, носящий имя первого поселенца и основателя Макка, затем со временем это имя переходит в название местности (топоним) с добавлением *-кая* – гора, т. к. поселение расположено на вершине горы. Переход патронимического названия в топоним, как в данном случае, – явление, весьма широко распространенное и известное в этнографии многих народов.

По нашему мнению, подобные поселения представляют собой первую низшую фазу патронимии (по М. О. Косвену), которая из-за отсутствия анализа археологических памятников, главным образом поселений и жилищ, именно с точки зрения развития семейной общины трудно улавливается, а иногда, как говорил М. О. Косвен, даже трудно угадывается. По всем признакам в них прослеживаются архаичные ее формы, выражающие первобытно-общинную, коллективистическую (по Косвену) или коммунистическую (по Энгельсу) форму собственности до ее распадного пережиточного состояния, которое фиксируется этнографами в XIX и даже XX вв. Но уже в этой первоначальной стадии в патронимической семье видны первые элементы частной собственности на жену, жилище, наложниц и т. п., сосредоточенные в руках мужа и главы семьи с вытекающими отсюда последствиями, что так наглядно продемонстрировал Ф. Энгельс в своем труде «Развитие семьи, частной собственности и государства». Одним словом, здесь налицо мирно уживающаяся частная и общественная собственность (последняя в виде скота, сенокосных и пастбищных угодий и т. п.), т. е. известный дуализм семейной общины, показанный Энгельсом и в других элементах этого этапа развития семьи.

Этот мирно уживающийся дуализм и является тем необходимым единством противоположностей и их борьбы, которое движет развитие семейной общины. Скромно проникнув поначалу в виде указанных выше элементов, частная собственность в конце концов разъедает, по выражению Энгельса, как кислота, семейную общину и ее собственность, что особенно

усиливается с возникновением товарно-денежных отношений, элементы которых наблюдаются в балкаро-карачаевской среде уже в начале XVIII в.

В связи со сказанным необходимо отметить, что все потомки, скажем, Карчи, Малкара, Макки и др., несмотря на дальнейшую сегментацию и значительные перемещения, сохраняют навсегда полученное имя Малкаровых, Маккаевых и т. п., тогда как имена их предков теряются, как это свойственно и для патронимических связей многих народов. Это относится в основном ко всем ныне существующим тукумам (родам и фамилиям) Балкарии и Карачая, хотя иногда имело место то, что в результате сегментации и значительных перемещений образовывались новые тукумы, как скажем возник тукум Урусбиевых из переселившихся из Безенги на Баксан части Суншевых, или же возникали тукумы из пришлых в Балкарию и Карачай представителей других народов – таковы Эбзеевы, Черкесовы, Семеновы, Чеченовы, Кабардоковы и др. В этих случаях в патронимические названия превращались этнические имена – *эбзе* (грузины и сваны), *черкес* (черкесы и кабардинцы) и т. д.

Наиболее развитый этап патронимического поселения представляют городища Эль-Джурт и Верхне-Чегемское. Здесь эта организация представлена в ее более распадном состоянии – раздираемая противоречиями и усилением частнособственнических элементов. Выражено это в наличии отдельных очагов в небольших жилищах, в которых жили отдельные семьи, образовавшиеся в результате дальнейшей сегментации, семьи с отдельной кухней и, стало быть, и небольшим обрабатываемым участком и поголовьем скота, с христианской религией, правда, уживающейся со множеством языческих верований, но с общим кладбищем. Отсутствие отдельных хозяйственных построек позволяет говорить, что скот, вероятно, держали еще сообща, если и не весь (т. к. имелась отдельная кухня и очаг), то основную массу; общими же оставались, вероятно, пастбища, леса и прочее, раздел которых наблюдается на более поздних этапах, как у многих других народов.

Верхне-Чегемское поселение уже представляет собой городище со строгой и мощной оборонительной системой, водоснабжением, широкими связями. Это говорит о выделении сильных и крупных патронимий, обособлявших себя от других Подобные патронимические поселения М. О. Косвен усматривает и в средневековых восточно-славянских поселениях, при этом справедливо упрекая археологов в том, что они не рассматривают подобные памятники в связи с развитием семьи.

Очень близким к Верхне-Чегемскому поселению является Эль-Джурт, основанный карачаевцами Крымшаухаловыми, получившими название от Крымшаухала – зятя родоначальника карачаевцев Карчи. В этом поселении фиксируются уже несколько братьев Крымшаухаловых – Каншаубий, Эльбузук и Гилястан, а не одно имя, как в Малкар, Макка и пр. В этом нельзя не видеть то положение, которое выдвинул М. О. Косвен, что «раздел большой семьи мог произойти и, вероятно, архаически происходил именно так: не по отдельным братьям, а по их группам, т. е. по сегментам семьи».

В 1639 г. в Эль-Джурте русские послы застают двух младших братьев Крымшаухаловых – Эльбузука и Гилястана. После же смерти Каншаубия часть карачаевцев вместе с его женой княгиней Гошаях переселяется на Кубань, где сохранилась ее усыпальница у сел. Карт-Джурт. От Гилястана же, видимо, оторвавшегося от основной массы и оставшегося на Баксане, пошла новая ветвь – тукум Гилястановых. Гилястановы и Крымшаухаловы и теперь существуют, не теряясь, а вот тукумное имя самого Крымшаухала, как и Карчи, Малкара, Макки и др., опять же теряется в легендах.

Последующие этапы развития патронимических поселков в их последней распадной стадии, вызванной отслаиванием социально-экономической верхушки, причиной чего были классовые противоречия, приведение к окончательному разрушению патронимии как особой общественно-исторической формы мы видим в мощных фамильных поселках, представляющих собой раннефеодальные крепости и замки типа Усхур, Зылги и особенно Джабоевых и другие, обособившиеся от основной массы той же патронимии, населяющей небольшие поселки у этих сооружений под теми же названиями – Джабоево, Усхур, Зылги.

К XVI–XVII вв. прослеживается разрушение родственного принцина расселения. Таковыми поселениями, основанными на территориальном принципе, являются Кюнлюм, Шканты, Хулам, Эль-Тюбю и др. В них патронимии занимали отдельные кварталы – *тийре* и были подвластны своему князю Абаеву, Балкарукову, Шахманову, Суншеву и др. В этот же период наблюдаются значительные перемещения по всей Балкарии и Карачаю.

После отмены крепостного права (во второй половине XIX в.) из этих сел выделяются освободившиеся тукумы и образуют новые выселки, которые сохраняют свои тукумные названия – Байдаево и Ахматово и т. п. Эти явления вторичного порядка и вызваны совершенно иными историческими причинами.

В заключение надо отметить указания М. О. Косвена на то, «что патронимия, возникая и складываясь в условиях патриархально-родового строя и сохраняясь в последующих формациях, имеет сама свою историю... Это представление об историчности патронимии составляет важнейшее условие ее общего понимания, как и правильного толкования ее отдельных проявлений». Фиксирование этих позднейших проявлений на этнографическом материале XIX–XX вв. и рассмотрение их как ранние формы приводят иногда исследователей к неправильному толкованию таких терминов балкаро-карачаевской семейной общины, как *тукум, ата-аул, уллу уй* и т. п., исторический анализ которых для этнографии балкарцев и карачаевцев остается задачей будущего, а пока что можно твердо говорить о том, что поселения и жилища балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII вв. дают богатый материал для правильного понимания этой важной проблемы. Сказанное подтверждается и данными могильников, где хорошо прослеживается переход от коллективных форм захоронения к индивидуальным, что также говорит о существенных изменениях в развитии балкаро-карачаевской семейной общины.

Жилища XIII–XVIII вв. сооружались в зависимости от рельефа территории поселения: либо на склоне, врезаясь в него, либо на сравнительно ровном участке, углубляясь в землю. На склонах они размещались террасами, с соблюдением определенных рядов.

Особенностью этнографически изученных карачаевских жилищ и поселений является наличие крытых дворов. Последних нет в домах балкарцев и других соседних горских народов. Интересно отметить в качестве аналогии, что крытые дворы имеются в чувашских усадьбах, в то время как у их соседей, башкир, их нет.

Можно констатировать, что в развитии жилищ XIII–XVIII вв. наблюдается переход от однокамерных жилищ без хозяйственных пристроек к многокомнатным домам с хозяйственными пристройками, а в эволюции поселений прослеживается переход от родственного принципа расселения к территориальному.

Изученные городища и поселения представляют собой крупные хозяйственно-экономические и культурно административные центры Балкарии и Карачая. В планировке и устройстве поселений и жилищ XIII–XVIII вв. наблюдается генетическая связь с поселениями и жилищами XVIII–XX вв.

К интересным наблюдениям приводит и анализ элементов одежды. Этот элемент материальной культуры также очень снивелирован с другими кавказскими народами. Одежда горцев во многом обща, особенно это касается мужской и парадной одежды, украшений и пр. Но в женских головных уборах и нательном платье сохранились очень интересные этнические признаки, сближающие балкаро-карачаевскую одежду с одеждой древних тюркских племен – болгар и половцев, а также с современными народами Болгарии, Алтая, Поволжья, Средней Азии и Казахстана.

Не менее важные выводы можно сделать и на основе средневековой пищи балкарцев и карачаевцев. Здесь также ярко вырисовываются местные кавказские и тюрко-кочевнические черты в кулинарии этих народов. Большую самобытность проявили балкарцы и карачаевцы в своих архитектурных памятниках башенно-склеповой культуры. Еще в 1967 г. нам удалось выявить целый ряд общих и специфических особенностей башенно-склеповых сооружений народов Северного Кавказа. Эти черты позволили автору разделить склеповую культуру горцев на два крупных локальных варианта. Тогда же впервые были обоснованы социально-экономические причины возникновения надземных склепов, связанных с феодализацией местной среды. Эти выводы подтверждены позднейшими исследованиями многих авторов.

Рассмотренные выше памятники свидетельствуют об уровне хозяйства, ремесла, строительного мастерства и взаимоотношений балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII вв. с соседними народами. Вместе с тем они иллюстрируют общий со всеми горскими народами исторический путь, пройденный ими от монголо-татарского нашествия до присоединения к России.

В заключение следует сказать несколько слов о том, что в истории балкарского и карачаевского народа много еще спорных и нерешенных

проблем, так или иначе связанных с археологическими памятниками. Одним из них является вопрос об их расселении в рассматриваемое время. Определенный свет на этот счет могут пролить кроме приведенных памятников еще и два достоверных письменных документа.

Один из них датируется 1743 г. и является сообщением кабардинских феодалов Магомета Атажукина, Алдигирея Гиляксанова, кумыкского феодала Алиша Хамзина в Коллегию иностранных дел России об общественном строе северокавказских горцев, об их языках, обычаях и территориальных границах. Перечисляя народы – абазинцев, черкесов, шапсугов и карачаевцев на Кубани, – на четвертом месте авторы называют народ – соны. Это обратило на себя особое внимание кавказоведов Л. И. Лаврова, Е. Н. Кушевой, Е. П. Алексеевой, Н. Г. Волковой и др. и вызвало ряд спорных взглядов о расселении не только балкарцев и карачаевцев, но и их непосредственных южных соседей – сванов, с которыми балкарцы и карачаевцы веками были связаны различного рода экономическими, культурными и политическими взаимоотношениями. Так, Л. И. Лавров неправомерно утверждал, что: а) карачаевцы, известные на Баксане в 1639–1640 гг., к 1743 г. переселились на Кубань, где их до этого не было, а Баксанское ущелье, позже известное как Урусбиевское общество балкарцев, было заселено к 1743 г. сванами; б) к 1780 г. Баксанское ущелье было покинуто сванами и заселено балкарцами – урусбиевцами.

С указанными вопросами тесно переплетается и второй документ – челобитные и статейные списки русских послов дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (Мегрелию. – *И. М.*) в 1639–1640 гг., путь которых лежал по Баксанскому ущелью, через перевал Главного Кавказского хребта в Сванетию. Комментируя эгот документ, Е. Н. Кушева заключает, что послы по пути в Сванетию заезжали к карачаевцам на Кубань, прежде чем попасть на Баксан, и поэтому переселение карачаевцев с Баксана на Кубань произошло ранее 1639–1640 гг. Е. П. Алексеева по данным археологических материалов приходит к выводу, что часть карачаевцев жила на Кубани, а часть на Баксане.

Таким образом, вокруг этих документов сложились разные точки зрения о расселении карачаевцев и балкарцев в XVII–XVIII вв. По Е. Н. Кушевой, карачаевцы обитали в верховьях Кубани уже в 1639 г. (но не на Баксане), по Л. И. Лаврову и Н. Г. Волковой, они заселяли только Баксанское ущелье до 1743 г., по Е. П. Алексеевой, заселяли верховья обеих рек.

Однако, на наш взгляд, документы, и особенно сообщение 1743 г., не дают основания для отмеченных выше предположений и споров.

* * *

Очерченные хронологические рамки XIII–XVIII вв., описываемые в этой книге, для многих северокавказских народов охватывают такие масштабные события в их жизни и деятельности, как нашествие монголо-татар и Тимура, происки вновь образовавшегося Крымского ханства, прикрывавшего свои истинные цели и интересы проповедью ислама, которые

изменили или существенно повлияли на все аспекты их дальнейшего исторического развития. С другой стороны, эта эпоха характеризуется завершением формирования современных народов Северного Кавказа и началом их отношений с Российским государством, установлением прочных русско-кавказских отношений. Эти контакты успешно завершаются добровольным присоединением к России Кабарды, Осетии, Балкарии, Карачая и др.

Хотя рассматриваемая эпоха наиболее близка к современности, когда отдельные регионы археолого-этнографических культур красноречиво подтверждают и совпадают с хорошо известными этническими границами Кабарды, Осетии, Балкарии, Карачая, Чечни, Ингушетии и т. д., – она оказывается, как это ни странно, наименее изученной во всем многообразии исторического развития народов этих областей. Большой вклад в изучение этой эпохи внесли труды историков Е. Н. Кушевой и Н. А. Смирнова, посвященные анализу огромного количества документов, собранных в актах Кавказской археографической комиссии и в архивах. К сожалению, ко времени выхода в свет этих трудов этнография и археология северокавказских народов этого периода были настолько плохо освещены, что авторы неоднократно отмечали этот огромный пробел в источниках для опровержения или подкрепления того или иного факта, отраженного в письменных документах. К нашему времени уже накоплен значительный материал по археологии и этнографии XIII–XVIII вв., позволяющий внести существенные коррективы в историю материальной и духовной культуры этих народов. Именно в указанный период происходят наиболее глубокие изменения в социально-экономическом развитии, в формировании традиционной народной культуры, протекает процесс становления отдельных народов и их этнических границ и территорий.

События XIII–XIV вв. и их последствия на Северном Кавказе вызвали почти такие же этнические перемещения, как нашествие гуннов в степях Юго-Восточной Европы. В это время, и особенно в конце XIV в., усиливается процесс постепенного продвижения части адыгских племен (кабардинцев и черкесов) из районов исконного обитания их на юго-восток. Как наиболее активная часть, кабардинцы, выйдя из Закубанья в плодородные и богатые долины Центрального Предкавказья, опустошенные монголо-татарами, получают огромные пастбищные и пахотные угодья от реки Лабы до Сунжи. Это дало в их руки большую материальную базу для нового и еще более мощного скачка в социально-экономическом развитии и в дальнейшем углублении феодальных отношений.

Уже в XVI в. все это привлекает внимание России в первую очередь к Кабарде в интересах своей международной политики. В свою очередь наиболее дальновидные князья Кабарды видели единственный выход в условиях угрозы со стороны Турции и Крыма в присоединении к России.

В XIV–XVI вв. на Северо-Западный Кавказ переселяются абазинцы. Примерно в это же время на южный склон хребта перемещается часть осетин. События, связанные с распадом Золотой Орды и походами Тимура, под-

готовили благоприятную почву для выселения части вайнахских племен с гор на плоскость, начавшегося уже в XV в.

Столкновения с переселяющимися на Северо-Западный Кавказ абазинцами вынудили мигрировать карачаевцев из верховьев Зеленчука на Кубань и Баксан. Впоследствии междоусобная борьба карачаевцев с балкарскими таубиями и кабардинскими князьями оттеснила их с Баксана в верховья Кубани и Теберды. Завершаются все эти перемещения расселением ногайцев на Северном Кавказе в XVII в.

В целом указанная эпоха очень важна и по ряду вопросов политической истории и международного положения народов Северного Кавказа. На рубеже XVI–XVII вв. Северный Кавказ оказывается на острие двух мощных молодых держав – Османской империи и новоперсидского государства сефевидов, действовавших здесь посредством Крымского ханства и шамхала Тарковского. А это, в свою очередь, привело местные народы к сближению с Русским государством и установлению русско-кавказских отношений, особенно упрочившихся после присоединения к России Кабарды (1557), занимавшей очень важную в стратегическом отношении предгорно-плоскостную территорию почти всего Северного Кавказа, прежде занятую аланами и половцами.

Уже один перечень этих крупнейших событий характеризует позднесредневековую эпоху как одну из основополагающих эпох истории народов Северного Кавказа, т. к. именно она подготовила необходимую почву, на которой формировалась культура этих народов XIX–XX вв. Отсутствие достаточных письменных источников явилось причиной тому, что все еще остается насущной проблемой кавказоведения освещение взаимоотношений северокавказских народов между собой, т. е. внутрикавказские международные отношения в столь сложных исторических условиях.

Наиболее полноценным источником для освещения позднесредневековой истории и культуры отдельных народов Северного Кавказа являются археологические и этнографические материалы, т. к. письменные документы в основном касаются географических границ, статистических данных, природных богатств, княжеских междоусобиц. Между прочим, надо заметить, что это касается вообще почти всех письменных источников, начиная со времен древности. В письменные источники попадает имя или территория того или иного племени в связи с какими-то крупными международными событиями, как это происходило во времена скифов, гуннов, хазар, половцев, Золотой Орды, Крымского ханства и, наконец, во времена установления русско-кавказских связей.

Именно в связи с такими событиями и попадали чаще всего в документы прошлого этнонимы, топонимы или географические ориентиры наиболее известного племени или народа. Так это было с черкесами, когда вся территория от Причерноморья до Дагестана была названа Черкесией, а горцы, занимавшие всю горную полосу этого региона, именовались как «горские общества Кабарды», «кабардинские черкесы», «карачаевские черкесы», «Черкесия» и т. п. И эта традиция сохранилась в русской историо-

графии вплоть до начала XX в. Ее придерживались даже такие известные кавказоведы, как академик В. Ф. Миллер, профессор М. М. Ковалевский. Та же самая картина наблюдается в эпоху Золотой Орды, когда вся степь Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа называлась *Дашт-и-Кыпчак* – степи кипчаков (т. е. половцев). Ретроспективно это наблюдается и в период Хазарского каганата. Вспомним хотя бы письмо кагана Иосифа (X в.), где он все ему известные или неизвестные народы считает своими и даже выводит их от одного генеалогического корня, от некоего легендарного Тагармы и т. д.

Археологический материал IV–XIII вв. во всем комплексе раскрывает несостоятельность наименования всей предгорной культуры Северного Кавказа от Лабы до Аргуна термином *аланская культура*. Об этом подробно говорилось на специальной сессии по аланской культуре.

Коренные изменения происходят на Северном Кавказе с XIII–XIV вв. Вся предгорная полоса этого края, прежде населенная аланами и половцами, покрывается густой сетью кабардинских курганов, исчезают аланские катакомбы и масса аланских поселений, затухает жизнь во многих городах и поселениях. Горно-кавказский же вариант «аланской культуры» уже предстает как самостоятельная культура, получившая дальнейшее развитие. Здесь широко бытуют каменные ящики, полуподземные и подземные склепы. Мощный толчок получает монументальное каменное зодчество, давшее в эпоху позднего Средневековья новые и оригинальные образцы башен, замков, надземных коллективных и индивидуальных усыпальниц.

Башенная и склепная культура Северного Кавказа получила особый расцвет в горах Чечено-Ингушетии, и, вероятно, из этого очага она распространяется и в другие области – от вайнахов к осетинам, балкарцам и карачаевцам. В предгорьях Северного Кавказа башенные и склепные сооружения единичны и относятся к XVII–XVIII вв.

На территории Ингушетии и у осетин-иронцев надземные склепы являются, как правило, коллективными усыпальницами, содержащими до 50–60 костяков, покоящихся на внутренних полках или ярусах, тогда как в Дигории, Балкарии и Карачае они являются усыпальницами-мавзолеями, сооруженными над одним, двумя, максимум тремя могилами, устроенными под полом склепа. Отличаются они и по своей архитектуре. Все это позволило делить степную культуру северокавказских горцев на два крупных локальных варианта – западный и восточный. Первый охватывает территорию Карачая, Балкарии и Дигории, второй – территорию осетин-иронцев и Чечено-Ингушетии.

Значительные изменения произошли в сфере материальной культуры позднего Средневековья, отображающие изменения в хозяйстве и экономике народов Северного Кавказа. Одной из особенностей является отсутствие керамики в могильниках как в горах, так и на плоскости и крайняя скудность ее в горных поселениях. Это наводит на мысль, что керамическое ремесло, столь широко практиковавшееся в раннем Средневековье в послемонгольское время, приходит в упадок или изжило себя в резуль-

тате перехода к деревянной посуде, так богато представленной в позднейшем этнографическом материале XIX в. (*ил. 33*).

Примерно то же самое происходит и с литыми бронзовыми изделиями мелкой пластики – всевозможными подвесками, бронзовыми браслетами, различными бляшками поясного набора, также широко бытовавшими в раннем Средневековье. Взамен предметам из бронзы и его сплавов приходят изделия из железа – пряжки, кресала, различные кольца и предметы поясного набора, ножи и т. п.

По заключениям специалистов лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР на основе анализа железных предметов можно утверждать, что в основе кузнечной технологии позднего Средневековья лежит свободная ковка металла с тепловой обработкой готовых стальных изделий. Это относится как к рядовым бытовым предметам (скобы для скрепления деревянных колод, или гробов, ножи), а также и к предметам вооружения (стрелы, сабли).

В женских украшениях позднего Средневековья заметное место занимают изделия для нашивки на платье и головные уборы, серьги, перстни, кольца и т. п. В этот же период получают широкое распространение железные ножницы для стрижки овец, самшитовые гребешки и т. п. Единственный случай обнаружения подобных ножниц был зарегистрирован для раннего Средневековья в районе Кисловодска А. П. Руничем.

Особенностью позднесредневековой культуры Кабардино-Балкарии является почти полное отсутствие оружия (сабель, колчанов, стрел) в памятниках горной полосы и почти повсеместное обнаружение их в кабардинских курганах на плоскости.

Следует отметить также относительную скудность в погребениях указанной эпохи различных бус, так популярных в предшествующий период. В большинстве случаев редко обнаруживаемые бусы этого времени представляют собой раннесредневековые образцы во вторичном использовании.

В отношении украшений подобные факты наблюдаются в археологическом и этнографическом материале довольно часто. Однажды мне удалось увидеть на шее 97-летней старушки-балкарки в сел. Нижний Чегем низку бус, большинство из которых были раннесредневековыми. Среди них были пастовые – зеленые, черные бусы с вставными глазками из светло-желтых и белых кружков. Этот случай мне напомнил удивление В. Ф. Миллера в 1886 г. в Верхнем Чегеме, когда он увидел также среди бус у одной балкарской женщины голубого египетского скарабея первых веков н. э.

Произошли изменения в погребальном обряде: после XIII–XIV вв. исчезают коллективные захоронения в каменных ящиках и грунтовых могилах и обычай класть в могилу заупокойную пищу и сосуды. Переход от коллективного обряда захоронения, так распространенного в раннем Средневековье, к индивидуальному на рубеже XIV–XV вв. наиболее удачно прослеживается на примере могильника Курнаят в Верхней Балкарии.

Но интересно, что на одновременном и рядом расположенном могильнике из подземных и полуподземных склепов в Верхней Балкарии («город мертвых») наблюдается коллективный обряд захоронения.

Существенным элементом погребального обряда этой эпохи является продолжение ранних традиций – наличие деревянных колод или составных гробов в исконно местных горно-кавказских каменных ящиках, склепах и появление их в кабардинских курганах позднего Средневековья. Наряду с этим как в горах, так и на плоскости продолжается традиция посыпать в изголовье, у таза или у ног покойного древесный уголь. Особенное обилие угля обнаруживается в некоторых кабардинских курганах.

В религиозном мировоззрении народов Северного Кавказа в XIII–XVIII вв. доминировали древние языческие представления, нашедшие благоприятную почву в связи с упадком в XIV в. такого мощного христианского очага и его распространителя, как Византийская империя, с ослаблением христианского влияния из Грузии, а ислам начал проникать в равнинную зону Северного Кавказа в XIV–XV вв. (*ил. 35*).

В рассматриваемую эпоху продолжает бытовать пантеон древних языческих божеств и покровителей. Популярными являлись также различные анамистические божества – покровители отдельных отраслей хозяйства и быта – охоты, охотников и лесов, кузнечного ремесла, грома и молнии и т. п. Широко было распространено поклонение отдельным предметам – деревьям, камням, урочищам и т. д. (*ил. 28, 29, 85*).

Нет возможности судить с достаточной точностью о времени возникновения многих обрядовых празднеств и игр, засвидетельствованных этнографией в XVIII–XX вв., но нет сомнения в том, что они еще шире практиковались в предшествующее время. Сюда относятся различные обряды по поводу весеннего выхода в поле, уборки урожая и заготовки сена, приплода скота, прошения хорошей погоды или дождя и т. п., которые сопровождались различными тризнами, жертвоприношениями, играми и плясками и т. д. (*ил. 30*).

В указанный период истории народов Северного Кавказа у балкарцев и карачаевцев зарождаются и зачатки изобразительного искусства. Оригинальными образцами являются изображения в верховьях реки Тызыл (район Гунделена), выполненные темно-коричневой краской и почти аналогичные изображениям XV–XVII вв. в Ингушетии. Одни из них представляют собой четырех фантастических животных в виде петушков, расположенных в один ряд на потолке небольшого грота. На других, расположенных несколько поодаль на отвесных скалах, изображены на самом верху круг с вписанным в него крестом, под ним всадник с луком, ниже – горы в виде волнистых линий и несколько в стороне какое-то чудовищное существо (*ил. 88*).

Здесь же можно отметить изображения ланей на стене мавзолея Камгута Крымшаухалова XV в. (*ил. 96*). В эту же эпоху зарождается прикладное искусство, особенно развившееся к концу XVIII–XIX вв., камнерезное искусство, представленное многочисленными надгробиями. Следует упо-

мянуть тисненый орнамент на кожаных сапожках (XIII–XIV вв.) из Байрымского могильника с различными узорами, диадемы из Ташлы-Талинского и Карт-Джуртского могильников XV–XVIII вв., синхронных могильников Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

Трудно судить, когда именно зародилось в балкаро-карачаевской среде искусство изготовления и орнаментации войлочных ковров, хорошо известных в этнографии XIX в., но вряд ли есть сомнения в том, что именно в эпоху позднего Средневековья оно было намного разнообразней, чем во второй половине XIX – начале XX в., когда проникновение в быт горцев фабричной продукции постепенно начинает изживать старые, традиционные образцы и формы утвари и интерьеры горских жилищ.

Особенно интересно появление в самом начале XVIII в., в 1715 г., балкарской надписи арабским шрифтом (*ил. 64*). Она была сделана на каменной плитке на верхнечерекском диалекте балкарского языка. Ныне этот уникальный памятник истории балкарского народа хранится в Кабардино-Балкарском краеведческом музее. В период XVI–XVIII вв. идет процесс дальнейшего обогащения и развития устно-поэтического народного творчества. Фольклор пополняется рядом важных сюжетов. Например, в легенду о происхождении балкарцев вплетается сюжет с охотником, имеющим огнедышащее ружье, или в нартский эпос вписывается сюжет с огнестрельным орудием, которое, выбрасывает Ерюзмека в небеса для сражения со злоязычным Фуком, требующим от нартов ежегодной дани.

Наряду с такими древними пластами фольклора, как магическое воспевание охоты, труда и сопровождение отдельных хозяйственных работ определенными ритуальными песнями (Апсаты, Эрирей, Бийнегер, Инай, Долай и т. п.), фольклор обогащается сюжетами определенных исторических событий, борьбы с крымскими захватчиками (Ачей улу Ачемез, Андемиркан и т. п.), бытовыми сюжетами о несчастьях, принесенных чумой (Эмина), так часто косившей народы средневекового Северного Кавказа, о переселениях в чужие земли и страны и т. д. Исторический фон в этих песнях конкретен, заметно стремление народа более или менее точно отображать те или иные исторические события.

Бурный период феодальных междоусобиц нашел отображение в различных песнях и преданиях о набегах, являющихся в эпоху позднего Средневековья одним из источников обогащения социальной верхушки (Татаркан, Джандар и др.).

Значительное место занимают песни протеста и борьбы трудового народа против своих поработителей и социального гнета (Баракъ, Къанамат, Къара-Мусса, Бекболат, Атабий и др.), песни о муках, причиняемых таубиями-князьями (Ганалау). Отрадно отметить, что в этих песнях хорошо иллюстрируется рост самосознания трудящихся масс, понимание своего угнетенного положения и необходимости борьбы за улучшение своей судьбы, воспевание народных героев-заступников и т. п.

Очень важно, что в поэтическом творчестве нашли отражение реально существовавшие в XV–XVIII вв. исторические лица: песня о княгине

Гошаях, где воспевается ее неугасимая любовь к своему супругу Камгуту Крымшаухалову, или песня Бекболата, где обрисована алчность таубиев Шакмановых и т. д.

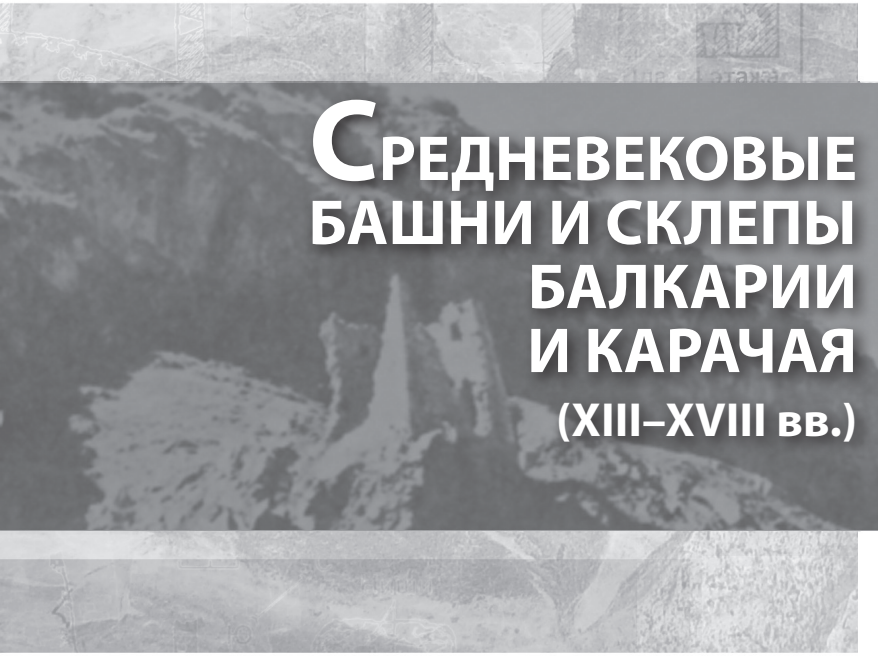
Плоскостные и горные зоны Северного Кавказа отличались одна от другой как памятниками материальной культуры, так и погребальными обрядами. В горах были распространены каменные ящики, грунтовые могилы, обозначенные на поверхности каменными кладками, подземные, полуподземные и надземные склепы, городища с каменными жилищами, башенные сооружения и т. п. В плоскостных и предгорных районах края, до XIII в. занятых в основном памятниками аланской культуры, в эпоху позднего Средневековья известны лишь кабардинские курганы, отличительной чертой которых является наличие в них сабель и стрел (*ил. 115*).

Все сказанное о материальной культуре Балкарии и Карачая в той или иной степени относится и к другим районам Северного Кавказа, за небольшими исключениями. Здесь можно отметить такой же резкий спад керамики и изделий из стекла (Чечня, Ингушетия, Карачаево-Черкесия) и мелкообъемной пластики из бронзы. Также можно отметить чрезвычайную редкость сабель, стрел и другого вида оружия, за исключением обычных черешковых ножей. Правда, в некоторых надземных склепах Ингушетии известны оригинальные образцы луков. В кабардинских же курганах на территории Северной Осетии, Чечни, Ингушетии и Карачаево-Черкесии также встречаются сабли и стрелы, в горных же памятниках их, можно сказать, не обнаруживается.

Отмеченные различия в материальной культуре и обряде захоронений эпохи позднего Средневековья на Центральном Предкавказье объясняются расселением в отмеченных регионах этого края различных этнических групп, хорошо известных здесь для эпохи XIII–XVIII вв. – это кабардинцы, карачаевцы, балкарцы, осетины-иронцы и дигорцы, чеченцы и ингуши.

Дальнейшее изучение различных сторон развития их материальной и духовной культуры, экономических условий жизни и взаимоотношений между собой в XIII–XVIII вв. по-прежнему остается в центре внимания кавказоведов.

Нальчик: Эльбрус, 1981

Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая

(XIII–XVIII вв.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общепризнано, что для восстановления всех сторон истории и культуры любого народа изучение эпохи позднего Средневековья имеет принципиально важное значение. Справедливость этого признания кажется особенно верной применительно к многонациональному Северному Кавказу. Но, к сожалению, несмотря на действительно актуальную значимость для истории всех народов этого края эпохи, наиболее близкой современности, она по ряду причин оказывается наименее изученной в историко-археологическом отношении.

Своей письменности средневековые народы Северного Кавказа не имели. В исторических документах других народов, и в первую очередь своих соседей, скажем, Грузии, а позднее и России, они отражены очень слабо. Отсюда возникает первостепенная задача сбора, накопления и систематизации всевозможных средневековых исторических источников для решения основных вопросов местной истории, например, этногенеза, т. е. происхождения народов или формирования национальной культуры.

И хотя для столь позднего времени показания археологических материалов на первый взгляд кажутся не так уж убедительными, в действительности, при выяснении таких кардинальных исторических вопросов, как экономика, техника ремесла, характер быта, внешние связи, особенности духовной культуры и даже происхождение народов, роль вещественных источников оказывается исключительно важной, в особенности при характеристике хозяйства и ремесла.

Уже существующий опыт по написанию средневековых разделов в сводных трудах по истории отдельных национальных республик и народов Советского Союза служит тому отличным доказательством.

Указанный недостаток в .исследовании средневековой истории многих народов Северного Кавказа, пока полностью еще не преодоленный, особо остро и ощутимо чувствуется применительно к той небольшой нагорной полосе центральной части Северного Кавказа, которую населяют балкарцы и карачаевцы. Два малых родственных народа, говорящих на одном тюркском языке, по всем данным, имеют общее происхождение и взаимосвязанную историю.

Оба эти народа, общая численность которых в настоящее время приближается к цифре в 150 тыс. человек, в разные периоды своей истории

имели как общие, так и разные судьбы, полностью остающиеся еще не выясненными. Так, требуют серьезного уточнения и социально-экономические вопросы из средневековой истории этих народов, их культура и особенно этногенез. Лучшей иллюстрацией современного состояния изученности этих вопросов служит содержательная, не бесспорная во всех частях, но интересная работа Л. И. Лаврова «Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века», опубликованная в «Кавказском этнографическом сборнике» (М., 1969. Вып. 4).

Всем этим и объясняется то печальное обстоятельство, что до сих пор не может еще быть написана полная научная истории балкарцев и карачаевцев. Такая задача, как первоочередная, поставлена самой жизнью перед определенным кругом кавказоведов. Она требует мобилизации всех видов исторических источников, в том числе и археологических, сбор и накопление которых в Балкарии и Карачае очень задержались в военные и даже в послевоенные годы. Положение осложняется еще и тем обстоятельством, что в последнее время, в связи с размахом социалистического строительства и сельского быта, археологические объекты, в первую очередь надземные памятники архитектуры (жилые, оборонительные и культовые), подвергаются массовому разрушению и навсегда теряются для науки.

В свете всех этих данных особое значение приобретает предлагаемая читателю книга старшего научного сотрудника Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, кандидата исторических наук И. М. Мизиева «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая».

Основным содержанием книги является обстоятельное освещение и научный анализ всех сохранившихся и известных по литературе монументальных архитектурных памятников в виде разного рода оборонительных сооружений (многоэтажные боевые башни и замки), а также разнотипных погребальным объектов (склепы и мавзолеи).

Все они получили блестящее развитие именно в период позднего Средневековья, после татаро-монгольского нашествия на Кавказ, созданы балкарцами и карачаевцами, по существу, еще в доисламский период своих религиозных верований. В них нашли отражение и своеобразие социально-экономической истории местных племен, и этнографические особенности балкарцев и карачаевцев,

Создание многочисленных образцов средневекового монументального бытового и погребального зодчества является крупным вкладом этих народов в общую сокровищницу материальной культуры народов всего Кавказа. К сожалению, еще в дореволюционный период многие башни были разрушены, а средневековые коллективные склепы и мавзолеи, содержащие мумифицированные трупы, нередко с богатым могильным инвентарем, подвергались варварскому расхищению. Почти ни одна крупная группа склеповых захоронений не была научно исследована. Да и сохранившихся подобных объектов на территории Балкарии осталось уже не так много, а в Карачае – буквально единицы.

Все это намного увеличивает значимость книги И. М. Мизиева, содержащей первую попытку научного обобщения материальных источников по средневековой истории балкарцев и карачаевцев.

Две основные главы книги знакомят читателя с типологией и классификацией всех оборонительных и погребальных сооружений Балкарии и Карачая, представленной автором на широком сравнительном фоне башенного и склепового строительства в горной зоне Центрального Кавказа. Те же главы содержат и предварительную периодизацию рассматриваемых памятников, разработанную и строгом соответствии с основными вехами истории балкарцев и карачаевцев, особенно в период возникновения феодализма в изучаемых обществах. Одновременно автор сумел показать как общие черты местных памятников с архитектурными образцами соседних народов Северного Кавказа, так и отличительные признаки, присущие только Балкарии и Карачаю.

Не со всеми положениями автора можно согласиться безоговорочно. Кое-что из его утверждений кажется еще спорным и дискуссионным. Так, например, сама периодизация памятников как исторических источников требует уточнения и более обоснованной аргументации историческими фактами, в том числе и временем первого появления огнестрельного оружия на Кавказе. Хотя справедливости ради следует сказать, что эта задача, в силу все еще недостаточной изученности всех комплексов башенной архитектуры на Кавказе, является важнейшей, по пока окончательно не решенной задачей современного кавказоведения.

Предлагаемая вниманию читателей книга И. М. Мизиева «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая» подводит первые итоги научному изучению замечательных памятников архитектуры этих областей. Одновременно она должна явиться действенным стимулом для углубленного изучения (пока не поздно) этих важнейших исторических источников для всестороннего освещения средневековой истории, быта и культуры балкарцев и карачаевцев.

Можно не сомневаться в том, что книга И. М. Мизиева найдет самого широкого читателя не только на Кавказе, но и в любом районе нашей многонациональной Родины, где живо интересуются судьбой ее больших и малых народов.

Е. И. Крупнов,
профессор , заслуженный деятель науки КБАССР и ЧИ АССР

ВВЕДЕНИЕ

Чрезвычайная этническая пестрота издревле присуща населению обоих склонов Кавказского хребта. Большое сосредоточение разноязычных народов на Северном Кавказе привело к тому, что материальная, а отчасти, и духовная культура их тесно переплетена, взаимообогащена и взаимосвязана. Произошло это в силу однородных физико-географических условий проживания, экономических и культурных связей и контактов на протяжении многих столетий. Тесные взаимосвязи й зачастую одинаковые условия жизни привели к тому, что народности, далекие друг от друга по происхождению и языку, создали очень близкую между собой материальную и духовную, культуру. На примере башенных сооружений эту же мысль высказывал Г. А. Кокиев [1].

Подчас трудно уловить специфические особенности культуры того или иного народа и на примере ее развития воссоздать историческую картину. Это обстоятельство усугубляется еще и тем, что нет письменных источников, освещающих исторические пути развития отдельных народов, с которыми можно было бы сопоставить данные археологии, этнографии и фольклора. При таком положении основным источником, могущим осветить местный исторический процесс, являются источники археологические – разнообразные памятники материальной культуры. При всей важности привлечения к историческому исследованию лингвистических, этнографических и фольклорных данных, все же основные опорные вехи и хронологию пройденных этапов исторического развития, говоря словами А. А. Иессена, мы, скорее всего и наиболее надежным способом, можем получить только путем исследования археологических памятников.

Этим и объясняется громадное значение данных вещественных источников, которые доходят до нас не через вторые и третьи руки, как в большинстве случаев письменные документы, а непосредственно, в процессе раскопок.

Многие вопросы, связанные с формированием материальной и духовной культуры народов Центрального Кавказа, от монголо-татарского времени до XVIII в., до сих пор не подвергнуты еще должному историческому анализу. Применительно к отдельным народам можно сказать, что такие важные вопросы, как, например, этногенез, формирование культуры, во-

обще не решены. К числу таких народов относятся балкарцы и карачаевцы.

В настоящее время (1970 г. – время первой пуликации данной работы. – *Изд.*) по территориально-административному делению балкарцы входят в состав Кабардино-Балкарской АССР, а карачаевцы – в Карачаево-Черкесскую автономную область Ставропольского края.

В последние годы (начиная с 1957 г.) вышло в свет несколько серьезных работ, освещающих некоторые вопросы истории и культуры балкарцев и карачаевцев XIX в. Издан ряд архивных документов [2], опубликованы монографии по общественному строю балкарцев и карачаевцев того же периода [3] и «Очерки истории балкарского народа» [4]. Особенно следует отметить работу Х. О. Лайпанова «К истории карачаевцев и балкарцев», содержащую публикацию результатов археологических работ 1939–1940 гг.[5] Наконец, нельзя не отметить недавно вышедшую работу Л. И. Лаврова [6], в которой впервые введен в научный оборот свежий материал и ценный альбом Д. А. Вырубова с зарисовками архитектурно-археологических памятников Балкарии. Многие башни, зарисованные Д. А. Вырубовым, не сохранились.

Среди неизученных вопросов истории Балкарии и Карачая ведущее место занимают такие проблемы, как развитие феодальных отношений, экономической основы, особенностей духовного мира балкарцев и карачаевцев в период их формирования как народностей, что хронологически падает на рассматриваемое время – XIII–XVIII вв.

Наличие таких существенных пробелов в изучении балкарцев и карачаевцев по самым кардинальным вопросам их истории можно объяснить следующими причинами:

1. Все, что мы находим в дореволюционной литературе по интересующим нас вопросам, составлено в виде путевых заметок, очерков, статистических описаний балкарцев и карачаевцев, причем это описание охватывает в основном XVIII–XIX вв., весь предшествующий период не освещен.

2. После Октябрьской революции в разработку научных вопросов, связанных с изучением отдельных народов, повсеместно стали втягиваться национальные кадры и местная интеллигенция. Организованные на местах институты краеведения и национальные музеи совместно и под руководством головных институтов АН СССР приступили к планомерному и всестороннему изучению прошлого северокавказских народов. В те годы был подготовлен и издан один из первых томов МИА СССР, посвященный Кабардино-Балкарии [7]. Научное значение его до сих пор трудно переоценить. Но эти плодотворные начинания были прерваны Великой Отечественной войной.

Балкарцам и карачаевцам война вдвойне нанесла духовный и физический ущерб, вызвав громадный застой в подготовке национальных научных кадров для исследования исторического прошлого своих народов.

Этими общими причинами и объясняется то печальное положение, в котором оказалось дело с восстановлением истории балкарского и кара-

чаевского народов. История этих народов до последних лет оставалась почти вне внимания советской научной общественности.

И только после восстановления автономных прав этих народов (1956) начинаются серьезные, планомерные исследования по истории и культуре балкарцев и карачаевцев. Центрами этих исследований становятся Кабардино-Балкарский и Карачаево-Черкесский научно-исследовательские институты в Нальчике и в Черкесске.

Первым шагом в изучении прошлого балкарцев и карачаевцев можно считать подготовку и проведение научной сессии по проблеме происхождения этих народов (1959) [8].

Сессия пришла к правильному выводу о том, что эти народы являются древними обитателями Северного Кавказа, что их история уходит в глубь веков, их предки на протяжении многих столетий прошли общий путь развития с другими северокавказскими народами. В формировании их этнического облика и культуры решающую роль сыграло смешение местных северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами [9].

Этот вывод сессии в настоящее время считается наиболее убедительным и прочно вошел в историческую литературу [10].

Однако показания археологического материала и соответствующие выводы археологов на сессии были представлены слабо [11], так как целенаправленное и систематическое изучение археологических памятников в Карачае было начато только с 1958-го, а в Балкарии с 1959 г. Вполне естественно – за один год эти памятники не могли быть охвачены целиком, а тем более изучены в должной мере, чтобы служить историческим источником для решения одного из сложных исторических вопросов – этногенеза народов.

Таково общее состояние основной проблематики одного из важнейших периодов истории балкарского и карачаевского народов.

Основным источником для воссоздания истории позднесредневекового периода являются башенные и склеповые памятники. Но они очень слабо изучены. И это обстоятельство отрицательно сказалось на создании сводных трудов – двухтомной «Истории Кабардино-Балкарии» и «Очерков по истории Карачаево-Черкесии» [12].

Например, в 1-м томе «Истории КБАССР», изданной к 50-летию Октябрьской революции, важнейшему периоду XIII–XVII вв. посвящено всего несколько страниц, а архитектурно-археологическим памятникам не уделено должного внимания. А ведь они относятся именно к эпохе, когда в Кабардино-Балкарии и на всем Северном Кавказе закладываются основы современной этнической карты, протекает процесс самого формирования балкарского народа.

Еще в 1941 г. А. А. Иессен писал, что «совершенно неосвещенным можно считать как раз наиболее интересный в историческом отношении период позднего Средневековья, к концу которого мы, по письменным источникам, застаем ту этническую группировку местного населения

(Кабардино-Балкарии. – *И. М.*), которая существовала вплоть до последнего времени» [13]. Почти то же самое вынужден был отметить в 1948 г. и Е. И. Крупнов [14]. К сожалению, к этим заключениям и сейчас добавить нечего – эпоха позднего Средневековья и по настоящее время остается одной из наименее изученных страниц истории народов Северного Кавказа [15]. Этот факт признается всеми археологами-кавказоведами.

Разумеется, при нынешнем уровне изученности позднесредневековых памятников наивно было бы ожидать в предлагаемой читателю работе освещение всех основных вопросов истории Балкарии и Карачая, о которых говорилось выше. Она представляет собой первую попытку научной характеристики определенного круга ведущих археологических объектов – башен и склепов балкарцев и карачаевцев. Опыт анализа этих памятников и исторических обобщений, на наш взгляд, сыграет определенную роль в воссоздании средневековой истории балкарского и карачаевского народов.

Поскольку специально изучением башен и склепов Балкарии и Карачая никто не занимался, отмечу лишь, что историографические очерки изучения археологических памятников этих областей были составлены в свое время А. А. Иессеном, Д. М. Павловым и Т. М. Минаевой [16]. Анализируемые нами памятники, вместе с имеющимися о них сведениями, отмечены в недавно вышедшей археологической карте Кабардино-Балкарии, составленной И. М. Чеченовым [17]. Все это освобождает меня от специального историографического очерка. Имеющиеся литературные и архивные сведения о каждом из рассматриваемых памятников будут даны по ходу их описания.

Предлагаемая читателям работа состоит из двух основных разделов и посвящена историческому освещению позднесредневековых оборонительных и синхронных им склеповых сооружений, некогда созданных балкарцами и карачаевцами. В каждом из этих разделов приводятся общие сведения, география размещения и описание памятников.

Основная задача этой работы заключается в обобщении всего имеющегося материала, в анализе архитектурных памятников как исторических источников, в попытке типологической и хронологической классификации и в посильном объяснении причин появления подобных сооружений в Балкарии и Карачае. Все это дается в сравнении с аналогичными и синхронными памятниками соседних областей Северного Кавказа.

В отдельных случаях автором высказываются предварительного характера суждения и замечания о возможности использования этих памятников при раскрытии экономического положения и социальных отношений в средневековой Балкарии и Карачае. Детальное изучение этих проблем – дело будущего.

Глава I
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ

1. Общие сведения

Одними из интереснейших памятников Балкарии и Карачая эпохи позднего Средневековья (XIII–XVIII вв.) являются оборонительные сооружения – башни, крепости, замки.

Уже ко времени татаро-монгольского нашествия на Кавказ (первая половина XIII в.) многие средневековые поселения представляли собой сложные оборонительные комплексы (Хумара, Верхний и Нижний Архыз, Верхний Чегем). Оборонительные сооружения XIII–XVIII вв. являются дальнейшей ступенью развития раннесредневекового строительства и выступают как венчающие эволюцию местной фортификационной архитектуры населения Балкарии и Карачая. Эти памятники появляются не спонтанно для местной материальной культуры, а имеют глубокую преемственную традицию развития.

Башни и склепы Балкарии и Карачая упоминали почти все дореволюционные исследователи и путешественники, побывавшие на Северном Кавказе. Но, к сожалению, ни один из них не попытался дать подробное описание и историческую интерпретацию этих памятников, ограничиваясь лишь фиксацией их. Вот почему живой интерес к себе привлекают они и в наше время.

В последние годы, описанию ряда подобных памятников на территории Балкарии была посвящена лишь небольшая статья [18], а типологическая и хронологическая классификация их была предложена автором этих строк [19].

По выявленным литературным и архивным свидетельствам, а также на основании полевых изысканий, в настоящее время на территории Балкарии и Карачая насчитывается три с половиной десятка оборонительных сооружений – башен, крепостей и замков (см. карту, *ил. 20*) [20]. Но это, к сожалению, далеко не все сооружения, которые некогда существовали на территории Балкарии и Карачая. Большинство из них нигде не отражено, ибо уничтожено временем, людьми и природой края. Примером этому может быть группа у Верхнего Чегема, где из 13 башенных сооружений

лишь башня Балкаруковых имеет удовлетворительную сохранность, а от остальных остались лишь незначительные следы, либо одни фундаменты. Последние в основном были выявлены с помощью старожилов лишь в 1960–1961 гг.[21]

В этой связи нельзя не вспомнить, что даже братья Нарышкины в 1867 г. уже не застали многих памятников, отмеченных в 1849 г. А. Фирковичем [22].

По фрагментарным остаткам большинства башен трудно судить об их размерах и конструкции. К последним относятся башни у наскальной лестницы «Битикле» в Верхнем Чегеме – Трам-кала, Хырджауат-кала, Личиукала, Ассы-кала, Тотур-кала, Хустос-кала и др.[23] Сюда же относятся совершенно разрушившиеся укрепления у пос. Былым-кала, башня Гошаях-кала у города Тырныауза, у сел. Верхний Баксан – Ференк-кала, Кала-Кол у сел. Карт-Джурт в Карачае, одна из башен Абаевых в Верхней Балкарии у аула Шканты, башня Шахановых – там же, у Мухольской ГЭС, башни Баксанук-кала и Тотур-кала у сел. Безенги и др. Многие из них неоднократно отмечались в литературе [24].

Следует отметить, что район Верхнего Чегема отличается наличием остатков четырех круглоплановых башен – две на горе Донгат, две – в ущелье реки Джилги-су. Наличие круглых в плане башен является спецификой верховьев Чегема. Большой научный интерес представляют различные оборонительные сооружения удовлетворительной сохранности, которые поддаются определению типа и классификации по своим конструктивным особенностям. Анализу и исследованию именно этих памятников посвящен указанный выше раздел предлагаемой работы.

Для освещения экономических и социальных изменений в развитии балкарского и карачаевского народов они являются одним из основных источников. Этим объясняется огромный научный интерес к архитектурно-археологическим памятникам, представленным отдельными башнями, сооружениями крепостного типа, замками и целыми оборонительными системами. Анализ и историческая интерпретация указанных памятников с точки зрения выявления их роли в жизни общества, того, как они освещают социально-экономические изменения, когда и почему возникли – составляют главную цель нашей работы. Задача осложняется тем, что мы до сих пор не имеем ни типологической, ни хронологической классификации. Правда, для башенных сооружений Чечни и Ингушетии, которые лучше изучены по сравнению с другими районами Северного Кавказа, профессор Л. П. Семенов предложил деление на жилые и боевые башни [25], из них более древними он считал жилые. Предложенная им классификация до сих пор никем не пересмотрена, хотя вопрос о том, насколько жилые башни древнее боевых, когда и почему они возникли, остается еще окончательно нерешенным.

Исходя из всего этого попытаемся проанализировать архитектурно-археологические памятники балкарцев и карачаевцев и высказать ряд суждений по связанным с ними вопросам.

Интерпретация этих памятников пока не может претендовать на окончательность выводов, а является в какой-то степени лишь итогом первого этапа их научного исследования. При дальнейшем изучении балкарских и карачаевских сооружений, безусловно, возможны какие-то уточнения, дополнения или изменения; исследование же подобных памятников на всем Центральном Кавказе может внести и определенные коррективы в наши выводы и заключения.

2. О географии размещения башенных сооружений Балкарии и Карачая

Исследователям, касающимся истории и археологии кавказских народов, достоверно известно множество оборонительных сооружений на территории Центрального Кавказа – в Ингушетии, Северной и Южной Осетии, Хевсуретии, Сванетии, Балкарии и Карачае. Повсюду эти памятники охватывают высокогорные районы Кавказа по обе стороны хребта [26].

В предгорной и равнинной зоне Предкавказья подобные сооружения не встречаются, исключение составляет башня Адиюх на Кубани, построенная в XVIII в. [27]

Все известные башенные сооружения Балкарии и Карачая находятся в высокогорных районах между Боковым и Скалистым хребтами Кавказа – в зоне Северной депрессии. Как правило, они располагались на труднодоступных скальных участках и вершинах, окаймляющих горные котловины, в которых размещались балкарские и карачаевские аулы. Реже они сооружались в аулах и вблизи от них. Занимая в стратегическом отношении выгодные точки, башенные сооружения в отдельных районах представляли собой достаточно продуманную оборонительную систему населенных пунктов. Примером таких систем могут быть районы Верхней Балкарии, Безенги и Верхнего Чегема, в которых наблюдается особенное скопление рассматриваемых сооружений (см. карту, *ил. 20*).

При этом наблюдается определенная закономерность. Количество башенных сооружений постепенно убывает с востока на запад [28] – от Верхней Балкарии к Баксанскому ущелью и Карачаю. В Верхней Балкарии, по литературным данным, было десять башенных сооружений, сейчас сохранились остатки девяти (*ил. 34*), а в Безенгийской котловине их насчитывается шесть. В Верхнем Чегеме было 14 башен, но от большинства из них почти ничего не сохранилось, кроме самых незначительных следов и народной памяти о них, которая привязывает их к определенному пункту. Сейчас здесь сохранилось четыре памятника рассматриваемого времени [29].

В верховьях Баксана подобных сооружений – три, от двух из них сохранились лишь следы; это – укрепление Кала-Кол у пос. Былым, Гошаях-кала у города Тырныауза и так называемая Ферeнк-кала у сел. Верхний Баксан.

На территории Карачая известно четыре башенных сооружения – два у селений Хурзук и Карт-Джурт на Кубани, одно – у сел. Архыз на Большом Зеленчуке и одно в верховьях реки Джегута.

С другой стороны, следует отметить, что башни и крепости Балкарии и Карачая по своему местоположению разделяются на сооружения, расположенные на недоступных уступах скал и вершинах, и на сооружения, расположенные непосредственно в самих аулах, вблизи от них или же в местах, более доступных, чем первые.

Такова краткая характеристика географического размещения башенных сооружений Балкарии и Карачая, которая показывает довольно любопытную картину – убывание числа сооружений от верховьев реки Черека к Кубани, с промежуточным скоплением в В. Чегеме, и разницу в месторасположении сооружений в отдельных районах.

Причины наблюдаемой картины пока труднообъяснимы, но безусловно, требуют к себе пристального внимания.

3. Описание и типология башенных сооружений Балкарии и Карачая

При изучении рассматриваемых памятников серьезное внимание привлекает одно важное обстоятельство – это их месторасположение и обусловленные этим особенности.

По занимаемому месту – скажем, на вершинах, уступах и крутых склонах гор или же в долинах и аулах – башенные сооружения Балкарии и Карачая делятся на две большие группы. Разделение их по топографическому признаку облегчает задачу выделения нескольких типов по конструктивным особенностям: Выявленные подобным образом группы и типы довольно хорошо выделяются хронологически и по функциональному назначению.

Поэтому мы и выбрали именно этот, наиболее эффективный метод для разработки типологии башенных сооружений рассматриваемых областей.

В **группу А** мы объединяем сооружения, построенные на доступных скалах и площадках, а в **группу Б** – сооружения, расположенные в долинах ущелий, непосредственно в аулах или вблизи от них. Каждая из этих групп, в свою очередь, объединяет несколько типов сооружений. В **группе А** можно выделить четыре типа.

К первому типу относятся башни и крепости, сооруженные на очень труднодоступных скальных участках. В плане они не всегда имеют определенную форму – от четырехугольных, почти квадратных, до продолговатых, трапециевидных (*ил. 21*). Все эти формы зависят от естественных конфигураций скальных площадок. К башням этого типа относятся три памятника: башня над старым аулом Хулам в Хуламо-Безенгийском ущелье, башня над старым аулом Кюнлюм в Черекском ущелье и башня над аулом Хурзук в Карачае (см. карту, *ил. 20*).

1. Башня над аулом Кюнлюм. Расположена в 400 м юго-западнее аула Кюнлюм, на очень крутом склоне горы. В основании прямоугольная, со сторонами: северо-восточная – 8,3 м, северо-западная (сохранилась частично) – 9,6 м, юго-восточная – 6,5 м, юго-западная – 7,7 м. Для того чтобы

башня была более прочной, строители выложили перед ней (со стороны склона) две ступенчатые каменные выкладки шириной 1,5 м, высотой 2,3 м. На первой из них и была воздвигнута передняя стена.

Эта башня самая верхняя из всех оборонительных; сооружений, расположенных на скальных склонах гор у аула Кюнлюм. Литературных сведений о ней нет, впервые она была описана экспедицией КБНИИ в 1965 г. [30]

2. Хуламская башня [31] находится на левой стороне Черека Безенгийского, над старым аулом Хулам, на западной окраине скалистого кряжа. Расположена башня на крайне труднодоступных террасах скал, доступ возможен только с западной стороны по очень опасной тропе. Метрах в 15 при подходе к ней тропу преграждает мощная оборонительная стена, замкнутая между скалами. Длина стены – 14,6 м, толщина – 0,65 м, высота – 1,6–2,15 м.

Миновав эту стену, к башне можно пробраться по вырубленным в скалах ступенькам (*ил. 21*).

В плане она имеет форму трапеции с боковыми сторонами – 5 и 5,1 м, две другие стороны (основания трапеции) – 4,4 и 2,07 м. Высота сохранившихся стен доходит до 3,43 м, толщина стен – 0,9 м. Сложена башня из красноватого камня на прочном известковом растворе.

3. Хурзукская башня известна в дореволюционной литературе как Мамия-кала [32]. Она находится на вершине едва доступной горы Кала-Баши, на небольшой скальной площадке над аулом, выгодно господствуя над всей котловиной рек Хурзук и Учкулан (*ил. 113*). У подножия этой горы сохранились старые жилища карачаевского аула XVIII–XIX вв., ныне он заброшен.

Башня в основании квадратная со сторонами внутри – 2,80 x 2,73 м. Сооружена из сравнительно небольших обтесанных камней. У основания толщина стен – 1,15 м. Кладка производилась на известковом растворе, стены не штукатурились. Лицевые стороны камней хорошо обтесаны. Умелая подгонка их придает стенам почти гладкую поверхность, какую нам не приходилось встречать среди неоштукатуренных памятников Балкарии и Карачая. Видимо, она строилась неспешно. Башня была трехэтажной, о чем свидетельствуют ниши в стенах для укрепления межэтажных балок. Высота 1-го этажа – 2,2 м, 2-го этажа – 2,8 м, 3-го этажа – 2,4 м. Общая высота ее – 7,4 м, не считая фундамента (высотой 0,55 м, толщиной 1,2 м). Башня кверху суживается таким образом, что на уровне каждого этажа в стенах имеются небольшие уступы (*ил. 21*). Юго-западная стена (со входом) немного разрушена. Вверху дверной проем сведен в полукруглую арку. На первом этаже в восточной стене имеется трапециевидное окно. Ширина окна внутри – 0,35 м, снаружи – 0,20 м, высота – 0,45 м. На втором этаже такое же окно в западной стене. На третьем этаже окна имеются в южной и восточной стенах. Этажи перекрывались деревянными балками. Внутри башни, в 1,5 м от южного угла, имеется выбитый в скале и облицованный камнем колодец для хранения запасов.

Единственный подход к башне возможен с юго-западной стороны, т. е. со стороны ныне заброшенного аула. Но этот доступ такой сложный, что оборонять его могли бы 2–3 человека, сбрасывая камни и вызывая камнепад.

Размеры рассмотренных сооружений различны и по очертаниям плана (*ил. 21*). Стороны их имеют от 2,8–6 м до 7–9 м. Все они однокамерные, большей частью 3-4-этажные, кверху суживаются. О форме перекрытия судить невозможно из-за их разрушенности. В стенах на уровне 2–3-го этажей имеются оконные проемы, бойницы и ниши. Дверные проемы в башнях оставлены на уровне первых этажей.

Все памятники этого типа не оштукатурены ни с внешней, ни с внутренней стороны. Камни для кладки грубо обтесывались и умело подгонялись друг к другу. Углы оснований сооружались из крупных глыб, кладка их производилась связкой смежных стен. Подготовка ровной площади для сооружения башни достигалась наращиванием склона и забутовкой трещин скал. Такая площадка затем служила полом помещения. В полу, в одном из углов внутреннего пространства первого этажа, устраивались облицованные камнем ямы для запасов пищи и воды. Иногда для того, чтобы башня была более прочной, строители со стороны склона или скальных отвесов. впереди и по бокам башни сооружали гигантские каменные выкладки несколькими ступенями, шириной в 1,5–2 м и высотой 2–3 м (башня над аулом Кюнлюм в Верхней Балкарии – Черекское ущелье, *ил. 21*).

Второй тип группы А. К сооружениям крепостного типа относятся три памятника – Малкар-кала, Болат-кала в Черекском ущелье (сел. Верхняя Балкария) – и Карча-кала в Карачае у городища В. Архыз. В отличие от башен они намного больше по размерам, имеют различные жилые и хозяйственные пристройки, оборонительные стены. Отличаются мощностью отдельных сооружений и общей грандиозностью всего комплекса. Внутреннее пространство их часто разделено на несколько помещений, у стен иногда сооружены лежанки, хозяйственные ямы и пр.

4. Крепость Малкар-кала [33] находится в Черекском ущелье, на скалистом уступе горы над старым балкарским аулом Кюнлюм, в котором находится известная в литературе башня Абаевых [34].

Малкар-кала является одной из самых труднодоступных крепостей в районе Верхней Балкарии. Она была известна лишь жителям этих районов и не подвергалась обследованию. Этот памятник представляет собой сильно укрепленное и сложное оборонительное сооружение с прилегающими к нему жилыми и фортификационными пристройками.

Весь комплекс крепостных построек тянется с северо-запада на юго-восток. Основное сооружение – цитадель – представляет собой в плане неправильный четырехугольник, передние углы (со стороны склона) которого немного закруглены. Длина ее – 14,8 м, ширина юго-восточной стороны – 6,9 м, ширина северо-западной стороны – 4 м. Как и во многих памятниках, от западной стены, возведенной в срезе склона (задняя стена) остались лишь нижние два-три ряда кладки. Высота сохранившейся части передней стены – 5,05 м, толщина стен – 0,62 м.

Крепость разделена на три камеры, среднее помещение шириной 2 м, а два крайних почти равны друг другу (*ил. 56, б*). Северо-западная камера была пристроена позже, о чем свидетельствуют следы пристройки. Эта камера не связана в кладке с остальной частью стены, а пристроена к ней впритык, и в настоящее время хорошо виден шов этой пристройки.

Все сооружение построено из тесаного красноватого камня, кладка произведена на известковом растворе, стены не оштукатурены.

От юго-восточного угла цитадели отходят две оборонительные стены, одна из которых идет полукругом длиной 14,3 м, шириной 1,1 м, другая – по прямой на 7,15 м, затем сворачивает к югу и тянется на 4,6 м. Расстояние между ними вначале (у угла крепости) 0,5 м, а в средней части – 3 м.

Непосредственно не соприкасаясь с основным сооружением, к юго-востоку от него тянутся жилые постройки, из которых многие имеют ямы-хранилища, облицованные камнем. Некоторые из них расположены террасой на скальных выступах и укреплены оградительной стеной от обвалов сверху. Остатков подобных построек насчитывается более десятка, и все они расположены компактно с весьма опасными проходами между ними. Нам кажется, что это остатки небольшого родового аула, прижатого к своей оборонительной крепости. При необходимости население могло укрыться в ней и обороняться от неприятеля. Как пример небольшого средневекового родового аула горцев этот комплекс представляет большой этнографический интерес.

5. Болат-кала [35] – расположена на крутом склоне той же горы, что и Малкар-кала, и является самой последней (к юго-западу) по склону горы над аулом Кюнлюм. Она как бы завершает всю оборонительную систему этого района (*ил. 55; 56, а*). Крепость находится на почти неприступной скале. Доступ возможен только с северо-восточной стороны. Стены сохранились частично. Ориентировано сооружение с СВВ на ЮВВ.

Первоначально крепость имела следующие размеры (внутренние): длина СВВ стены – 8 м; длина ЮЗЗ стены – 7 м; длина СЗЗ стены – 8,8 м; длина ЮВВ стены – 8,8 м.

Толщина передней стены 0,9 м, остальных – 0,65 м. Затем к первоначальному сооружению была пристроена спереди другая половина крепости шириной 2,9 м, толщина стен пристройки – 0,4 м. Внутреннее пространство ее разделено на две равные половины. Таким образом, крепость стала трехкамерной. Общие размеры крепости теперь следующие: ширина – 8,9 м, длина – 11,7 м (т. е. к первоначальной длине 8,8 м прибавляется ширина пристройки – 2,9 м).

О том, что крепость достраивалась, свидетельствует разница в толщине стен. Кроме того, хорошо виден строительный шов пристройки. Об этом же говорит тот факт, что от переднего угла первоначальной камеры в сторону уходит мощная каменная стена, которая обороняла единственно возможный доступ к крепости с северо-восточной стороны. Длина этой стены – более 20 м при сохранившейся высоте от 1,5 до 3 м. В этой же связи

можно отметить, что уровень пола основной камеры выше пола пристроенной части на 0,8–0,9 м (*ил. 56, а*).

Внутри основной камеры имеются (в северо-восточном углу) ямы-колодцы для запасов провизии; диаметр их 1,1 х 1,2 м, глубина 1,2–1,3 м. В западном углу ее, с внешней стороны, имеется еще одна яма. Тут же, внутри здания, прослеживается небольшая лежанка шириной 0,5 м, длиной 1,2 м. Подобная лежанка в одной из комнат пристроенной части крепости.

Высота сохранившихся стен, как и во всех других сооружениях, неодинакова. Здесь более сохранились передняя и боковые. В передней стене, сохранившейся в высоту до 12 м, имеются три окна стрельчатой формы и семь бойниц. Из них отлично просматривается вся долина реки Черек и аулы, расположенные в ней. Бойницы, находящиеся на высоте 8–10 м, свидетельствуют о том, что крепость имела несколько этажей. Со стороны гор во избежание разрушения крепости лавиной была сооружена оградительная стена на расстоянии 3 м от задней стены. В настоящее время от нее остались лишь нижние ряды кладки. Эта крепость является самой мощной во всей группе сооружений, окаймляющих старый аул Кюнлюм.

6. Карча-кала [36]. У слияния рек Кизгич и Архыз возвышается высокая гора, на вершине которой находится это укрепление. От него остались лишь фундаментальные ряды кладки стен. Это укрепление, видимо, защищало вход в ущелье реки Кизгич, вверх по течению которой, находятся различные остатки строений.

Укрепление представляет собой большое четырехугольное сооружение со сторонами: юго-западная – 11 м, северо-восточная – 10,5 м, юго-восточная – 15 м, северо-западная – 15,7 м. Высота стен сохранилась местами до 0,6 м; толщина до 1 м. Вокруг этого сооружения с трех сторон идет каменная ограда на расстоянии 4,4 м от юго-восточной стены, 4,7 м от северо-восточной и 5,5 м от юго-западной. Длина стен этой ограды 20–25 м. Между оградой и южным углом сооружения имеется полукруглая (1,5 х 1,7 м) каменная выкладка – возможно, здесь была хозяйственная яма. С восточной стороны к укреплению примыкают фундаменты жилищ. Прослеживаются они от 3,5 до 5,7 м, иногда встречаются просто прямые стены, иногда углы жилищ.

Таким образом, здесь мы имеем дело с остатками большого укрепления с прилегающими к нему сооружениями и жилищами, наподобие Малкаркала в Верхней Балкарии.

К третьему типу группы А относятся оборонительные сооружения, составляющие систему укреплений с сильно защищенной, а в некоторых случаях практически недоступной цитаделью, венчающей весь комплекс. Строительная техника и планировка сооружений почти такие же, как и первого типа, но отличаются тем, что здесь выступает перед нами строго продуманная и взаимосвязанная оборонительная система. Таковы укрепления Зылги в Черекском ущелье и Усхур в Хуламо-Безенгийском.

7. Укрепление Зылги (Замок Бозиевых) – наиболее популярная и интересная система оборонительных сооружений Балкарии (см. карту, *ил. 20*).

Этот памятник привлекал к себе внимание каждого путешественника и исследователя, побывавшего в этом районе [37]. Укрепление построено у самого входа в горную долину Верхней Балкарии из глубокой теснины Черека, на левом берегу Черека, на скалистом выступе горного склона. Оно представляет собой первый оборонительный форпост в общей цепи укреплений района Верхней Балкарии. Расположено в три яруса соответственно на террасах скал (*ил. 37, 39*).

Первый ярус, разумеется, самый ответственный, который первым принимал удары неприятеля. Это – мощная, мастерски сложенная стена на прочном известковом растворе желтоватого цвета. Толщина стены – 0,6 м. Стена идет дугой с северо-востока на юго-запад; она сохранилась на протяжении около 12 м (*ил. 38*). Затем под прямым углом стена сворачивает к северо-западу, тянется на 4,7 м и примыкает к громадной скале. Через 0,8 м находится еще одна скала, и от нее прослеживается стена длиной 1,7 м. Пространство 0,8 м между скалами, видимо, служило дверным проемом. Таким образом, общая длина этой прямой стены более 7 м.

В общем плане эта часть укрепления представляет форму дуги со свернутой почти под 90° стеной. Собственно, эта форма была продиктована строителям очертаниями естественной площадки скалы. Трещины в скалах забутованы камнем. Наибольшая высота сохранившихся стен – 3,68 м.

С внутренней стороны, в углу между дугообразной и прямой стенами, сделана ниша длиной 2 м, шириной 1,2 м, глубиной 1 м (*ил. 38*). В передней (дугообразной) стене имеются два окна на расстоянии 2 м друг от друга. Одно из них 0,4 х 0,4 м, другое – 0,62 х 0,9 м. Кроме того, имеется несколько отверстий-бойниц. Эти окна и бойницы прорезают стены конусом так, что снаружи они намного меньше, чем изнутри. Из них отлично просматривается выход из теснины ущелья вверх в долину реки, где располагались аулы.

Второй ярус – наиболее сложная часть всего укрепления и по конструкции, и по планировке. Именно этот ярус был основой и центром всего комплекса, и его возможно рассматривать как цитадель укрепления. Он был основным объектом обороны и центральным звеном. Расстояние между первым и вторым ярусом – 11 м. В настоящее время он состоит из двух больших прямоугольных в основании помещений с несколькими перегородками внутри каждой. В конце XIX в. В. Ф. Миллер и З. П. Тулинцев отмечали во втором ярусе четыре сооружения [38].

Между сохранившимися сооружениями имеется узенький проход в 1,4 м. Каждое из помещений имеет хозяйственные ямы-колодцы, ниши и окна в стенах. Возведены они на громадных скалах и террасах, дополненных каменными выкладками, на забутованных для удобства площадках. Высота сохранившихся стен – 5,6–6 м.

От первого помещения (северо-восточного) сохранились остатки трех стен; четвертая, верхняя, не прослеживается. Боковые стены примыкают к скалам. Длина здания – 13,4 м, ширина – 3,3 м, толщина стен – 0,55–0,6 м. Третья стена (северо-восточная) короче противоположной – 5,5 м.

К передней стене было пристроено небольшое сооружение у самого обрыва скалы. От нее остались две стены – 3 м и 3,65 м. Видимо, это была боковая башня (*ил. 38*).

В передней стене этого помещения имеется окно арочной формы, высотой 1,18 м, шириной 0,7 м. Оно пробито на высоте 0,56 м от уровня пола. Внутри здания к передней стене примыкают два колоколовидных колодца, облицованных камнем на известковом растворе. Одна яма находится в углу, размеры ее 1 х 1,15 м, глубина – 1,15 м. Другая расположена северо-восточнее первой – 1 х 1,15 м, глубина – 1 м. В боковой (юго-западной) стене, видимо, была дверь в соседнее здание, но из-за разрушенности стены от нее остались лишь следы верхней части.

Второе помещение также примыкает к скале, от него сохранились остатки трех стен. Длина здания – 6,4 м, ширина – 5 м; другая боковая стена – 4,3 м. В передней стене имеется два окна, пробивающие ее конусом. Первое окно 0,4 х 0,8 м, второе – 0,6 х 0,8 м. Между ними, в полу помещения, расположена яма-колодец глубиной 1 м и диаметром 1,1 м. Толщина стен здания – 0,6 м.

В обоих сооружениях имеются бойницы в передних и боковых стенах. Из бойниц и окон хорошо просматриваются постройки первого яруса и все подступы к нему.

Третий ярус представляет собой самую верхнюю башню, сооруженную на огромной скале впритык к отвесной стене обрыва. Это – последний оборонительный рубеж всего укрепления, и потому она сооружена на очень труднодоступной скале на расстоянии 50 м от второго яруса. Одновременно эта башня могла служить и дозорной, потому что с нее обзор окрестностей намного шире, чем с первых двух ярусов. Для сооружения ее очень умело использованы все выступы горы. Вход шириной 1,1 м оставлен между скалой и передней стеной. Две стены сооружения представляет скала, к которой пристроены две другие. Передняя стена идет дугой, а боковая прямо на стык со скалой (*ил. 38*). Длина передней стены – 6,4 м по окружности и 5,4 м по прямой. Длина боковой – 3 м, толщина их – 0,65 м. В передней стене имеются два окна: первое – шириной 0,38 м, высотой 0,48 м, второе – 0,37 х 0,37 м. Здесь же имеется несколько бойниц и две ниши: одна – 0,3 х 0,3 м, другая – 0,67 х 0,3 м. Высота сохранившихся стен – 1,3 м.

Описанные укрепления дают определенное представление о высокогорных оборонительных сооружениях средневековой Балкарии.

До сих пор речь в основном шла о памятниках верховьев реки Черек (Верхняя Балкария). Оборонительные сооружения этого района представляют собою строго продуманную и завершенную систему укреплений, а не случайно разрозненные башни, как это может показаться на первый взгляд. Умелое размещение их делало аулы долины хорошо защищенными, а сами башни и крепости почти недоступными.

8. Укрепление Усхур находится в Безенгийском ущелье северо-западнее бывшего аула Усхур, на юго-западной окраине скалистого кряжа,

возвышающегося над аулом (см. карту, *ил. 20*). Этот памятник был зафиксирован как Тотур-кала [39], а в народе он известен как Усхур-кала. Горный кряж, на котором стоит укрепление, называется Усхур-Баши [40]. Что же касается крепости Тотур, или Тотур-кала, то она расположена в центре сел. Безенги, и от нее сохранился лишь небольшой фрагмент стены.

Система укреплений Усхур-кала состоит из четырех отдельно стоящих, но действенно связанных между собой сооружений (*ил. 65*).

Сооружение первое находится на северо-восточном склоне горы, на крутой террасе, забутованной камнем. В плане оно прямоугольное: северная стена – 10,7 м, южная – 11,25 м, восточная – 10 м, западная – 12,5 м (*ил. 68*). Толщина их – 1,22 м. Высота сохранившихся стен доходит до 3 м. Вход в сооружение с западной стороны, шириной 0, 87 м, закреплен громадными плитами в кладке. Восточная стена выходит дальше угла здания на 1 м – видимо, здесь была небольшая пристройка. С северной стороны, на высоте 1,7 м, имеется бойница, пробивающая стену конусом. Высота отверстия внутри – 0,3 м, ширина – 0,4 м, наружные размеры его намного меньше – 0,15 х 0,2 м. Восточнее бойницы, на уровне с нею, имеется ниша глубиной 0,4 м.

Сооружение второе находится юго-западнее первого, метрах в 27 выше по склону и представляет собой прямоугольное сооружение, от которого имеются остатки двух стен (*ил. 65*). Северо-западная стена длиной 4 м упирается прямо в скалу; северо-восточная прослеживается на 7,56 м, а сохранилась на 5 м. Толщина стен – 0,54 м, высота – 2,15 м. В южном углу помещения, в скале, вырублен колодец, который наполовину облицован камнями на известковом растворе. Диаметр колодца – 1,1 м, глубина – 1,3 м. Западнее колодца, внутри здания, на расстоянии 2,9 м выявлена стена, идущая от северо-восточного угла внутрь сооружения.

Сооружение третье находится западнее второго, метрах в 50 от северного обрыва горы, т. е. на самом подступе ко всей системе. С северо-запада к востоку тянется мощная полукруглая стена длиной 15 м. Затем с обоих концов ее к центру идут две прямые стены. Длина западной – 1,7 м, а юго-западной – 2,8 м. Со стороны обрыва идет четвертая, тоже прямая, стена длиной 5,7 м. У этой стены, внутри сооружения, имеется яма-хранилище, продолговатая в плане, длиной 3 м, шириной 0,6 м и глубиной 0,8 м. В передней полукруглой стене, в центре, имеется пробоина в 1,8 м шириной. На высоте 1,6 м, рядом с нею, имеется бойница шириной 0,2 м и высотой 0,15 м.

Перед этим сооружением на расстоянии 10 м видны остатки еще одного здания.

Надо отметить, что все три сооружения построены на северо-западном склоне горы Усхур-Баши, т. е. со стороны входа в ущелье, откуда единственно возможен подход к цитадели, так как все другие склоны горы представляют вертикальные обрывы.

Цитадель системы расположена на южной отвесной стене, на небольшом выступе скалы (*ил. 67*). Доступ в нее возможен лишь опытным

альпинистам. Все исследователи, видевшие это сооружение, описывали лишь свои зрительные впечатления и в некоторых случаях допускали неточности [41].

Поэтому необходимо дать более подробное описание этого памятника.

Башня буквально «прилеплена» к отвесной стене обрыва на высоте около 200 м. Добраться до нее можно лишь на веревке сверху или сбоку. Соответственно небольшой площадке покатого выступа скалы башня эта имеет в плане неправильную форму. Углы здания с внешней стороны прямые, а внутри закруглены и сглажены (*ил. 65*). Три стены примыкают к скале, которая заменяет четвертую. Южная сохранилась полностью – ее длина 6,7 м, а высота – лишь 5,4 м. От юго-восточной стены осталось 1,7 м, от северо-западной – 2,65 м. Между скалой и северо-западной стеной оставлен вход шириной 0,9 м.

Видимо, к входу вели вырубленные в скале ступени, иначе немыслимо попасть в башню без веревки или очень высокой приставной лестницы (не менее 20 м). В передней стене (южной) башни хорошо видны ниши для укрепления балок в два ряда (по три балки в каждом). Это свидетельствует о том, что башня имела три этажа. Высота первого – 1,6 м, второго – 2,4 м. Третий сохранился на высоту 1,6 м. На первом этаже в стене пробито окно арочной формы шириной 0,7 м в основании и 0,5 м вверху; высота окна 0,5 м. На втором этаже в этой же (южной) стене тоже имеется окно – 0,53 х 0,6 м. Из этих окон хорошо просматривается долина реки Черек с бывшими аулами. Выше второго этажа имеется ниша – 0,4 х 0,4 м. Толщина стен в основании – 0,59 м. Башня кверху суживается. Сооружена она из красноватого камня на желтом известковом растворе.

Весь комплекс Усхур-кала – хорошо продуманная и очень сложная оборонительная система, почти недоступная неприятелю.

К четвертому типу группы А относятся два интересных и своеобразных памятника – это грандиозный замок Джабоевых, расположенный в 5 км к северо-востоку от сел. Безенги, и замок над аулом Курнаят в Черекском ущелье.

9. Замок Джабоевых хорошо виден из укрепления Усхур. Находится он на самой вершине труднодоступной горы. Представляет собой мощный средневековый феодальный замок, давно привлекавший внимание исследователей [42]. Ориентирован с юго-запада на северо-восток. Внутреннее пространство замка разделено на четыре помещения. Планировка диктовалась конфигурацией площадки, и потому форма его плана несколько необычна – удлиненная, с прямыми стенами, соединенными под разными углами. Два крайних отделения сооружения являлись боковыми башнями, как и в классических замках. Вход в него общий; внутри же имеются дверные проемы в отдельные помещения. В стенах много бойниц и окон, откуда просматриваются окрестности, они направлены в разные стороны для обстрела подступов. Стены замка сложены из тесаных камней на известковом растворе. Толщина их 0,7–1–1,5 м. Внутри здания, в

двух больших помещениях, предназначавшихся для жилья, имелись ямы-хранилища, лежанки у стен и различные ниши (*ил. 70, 71*).

На подступах к замку, в нескольких метрах западнее, сохранились остатки длинной каменной стены с несколькими бойницами. Высота ее – 2,3 м, длина – 12,4 м, толщина – 0,9 м в основании и 0,7 м вверху. У стены прослеживаются различные пристройки небольших размеров, от которых сохранились лишь фрагменты. Это, видимо, оборонительное сооружение, защищавшее подступы к замку. Стены замка оштукатурены, камни в кладке хорошо подогнаны друг к другу. Углы основания скреплены большими обработанными камнями. Как по конструктивным особенностям, строительному мастерству, так и по своему функциональному назначению этот памятник резко отличается от всех перечисленных типов сооружений.

10. Замок Курнаят [43]. На юго-востоке сел. Верхняя Балкария, в ущелье речки Курнаят, выступает небольшой скальный мыс, вытянутый с СВ на ЮЗ. Длина его около 80 м, а наибольшая ширина 45–47 м. С трех сторон (СВ, ЮВ, СЗ) он обрывается вертикальными стенами высотой от 30 до 70 м. Доступ на этот мыс возможен лишь с юго-западной стороны, где он плавно соединяется с возвышающейся рядом горой. У юго-восточного основания мыса некогда располагался аул Курнаят (*ил. 46*). На скалистой поверхности этого участка был сооружен целый комплекс строений, представляющих средневековый феодальный замок. Он состоял из 6 удачно расположенных сооружений. Пространство между ними образовывало двор, куда можно было попасть по неширокому 12–20-метровому перешейку, соединяющему этот мыс с горой (*ил. 47, 49*).

Сооружение 1 (Далее: *С*). Это самое крупное сооружение всего комплекса охватывает юго-западную окраину мыса по всей его ширине. Юго-восточная сторона целиком приспособлена к самому краю обрыва, а противоположная сторона находится в 9–13 м от обрыва (*ил. 49*). Состоит оно из четырех отдельных помещений или камер.

Камера А представляет собой форму неправильного четырехугольника, вытянутого с юго-запада на северо-восток. Длина ее 8,1 м, ширина с ЮЗ стороны – 6,4 м, а с СВ стороны – 4,5 м. Южный угол этого помещения представляет собой отдельную башню. В плане она почти квадратная со сторонами: СВ – 2,15 м, СЗ – 2 м, ЮЗ – 2 м и ЮВ – 2,3 м. Толщина ее внешних стен – 0,9 м, а внутренних – 0,5 м (СВ) и 0,7 м (СЗ). Кладка стен произведена на прочном известковом растворе из рваного камня-плитняка, который использовался очень умело. От внутренних стен остались лишь незначительные следы, а внешние сохранились в высоту от 0,6 до 3 м в южном углу. В юго-восточной стене у самого угла на высоте 1,6 м оставлено окошко-бойница шириной 20 см в основании и 15 см вверху, а высотой 25 см. Стены с внутренней стороны сильно закопчены. Примерно в середине башни выявлены следы очага в небольшой выемке скального пола. К северо-западной стене примыкает яма-хранилище, облицованная камнем на известковом растворе. Ширина ее – 1,12 х 1,2 м, глубина – 0,8 м, толщина стен – 0,4 м. К этой яме примыкает вторая – глубиной 0,5 м и ши-

риной 0,9–0,72 м. От северо-восточной стены до угловой башни – 4,45 м. Полом для этого помещения служит сравнительно ровная поверхность скалы, в которой примерно в центре здания выдолблена ступа глубиной 20 см. и шириной 23–25 см. Северо-западная, северо-восточная и часть юго-восточной стен (до угловой башни) сохранились очень плохо; от них осталось лишь по 1–2 ряда кладки.

Камера Б является первым сооружением на подступах к территории замка. Она представляет собой большое прямоугольное здание – башню длиной 14,2 м, шириной 7,9 м, толщина стен – 0,8 м (замеры внешние). СВ стена ее построена по самому краю обрыва, а СЗ не доходит до обрыва примерно на 4 м. В северном углу помещения устроена яма, аналогичная описанным. Размеры ее 1,2 х 1,3 м, глубина 0,6 м. На этом же участке выявлена небольшая Г-образная каменная стена размерами 2 х 2 м. Возможно, здесь был отдельный отсек, как в камере А. Ширина этих стен 0,6 м. От здания сохранилась лишь часть ЮВ стены, длиной 7,75 м, в остальном прослеживается лишь фундамент. Судя по сохранившейся части, они были сооружены из обработанного камня на прочном известковом растворе. Высота сохранившейся стены – 6 м. В ней, на расстоянии 4,2 м от восточного угла, находится прямоугольное окно шириной – 0,63 м, высотой – 0,7 м; с внешней стороны ширина окна – 0,3 м. В 0,72 м от верхнего угла имеется второе окошко-бойница шириной 0,3 м, высотой 0,2 м. В 1,2 м выше над последним имеется еще окно арочной формы, высотой 0,8 м, шириной в основании 0,6 м. Вдоль этой стены в полу помещения, на расстоянии 7–7,5 м от восточного угла, имеется яма-хранилище – 0,7 х 0,7 х 0,8 м. В 0,37 м от нее вторая – 0,6 х 0,5 х 0,7 м.

Камера В представляет собой небольшой двор, заключенный между помещениями *А, Б* и *Г*. Длина его 15–16 м и ширина 9–10 м. Северо-западная сторона замыкается стеной.

Камера Г представляет собой углубленное в землю до 2 м помещение. В плане оно имеет форму неправильного четырехугольника длиной 3,9 м, шириной 3,6 м (замеры внутренние). Толщина стен – 0,6 м. Стены высотой до 2 м являются облицовкой ямы, вырытой для сооружения здания. В восточном углу его выявлен очаг прямоугольной формы, размерами 0,6 х 0,6 м, обложенный каменными брусками. Вокруг были выложены мелкие плоские плиты. Стены сложены из необработанного камня сухой кладкой, пространство между камнями заполнялось землей.

В восточном углу всего сооружения 1 выявлен такой же примерно пристенный очаг, как и в помещении *Г*. Он примыкает к северо-восточной стене с внутренней стороны. Длина очага – 0,82 м, ширина – 0,5 м. Он также обложен камнями и плитами. У этой же стены сооружения имеется небольшая вымостка из плитняка. Она прослежена на пространстве 1,9 х 1,2 м и сложена из плит. Можно полагать, что здесь была отдельная камера или помещение, связанное с камерой *А*. Но ее стены проследить не удалось.

Сооружение 1 представляет собой довольно сильно укрепленную и хорошо спланированную часть всего комплекса замка. Наибольшая

длина его по линии помещений *Б* и *Г* достигает 29,5 м, а ширина по линии *А–В* – 23 м. Ширина сооружения с северо-восточной стороны – 11 м. Здесь в 4 м от восточного угла имеется проход шириной 1,05 м. По этому проходу можно было попасть во двор (камера *В*). Справа находилась камера *Г*, а слева, видимо, предполагаемая камера.

Сооружение 2 располагается в 10 м к северо-востоку от *С-1* и в 12 м к юго-востоку от края площадки (*ил. 49*). Оно представляет собой однокамерное прямоугольное помещение, вытянутое с СЗ на ЮВ. Юго-западная стена его почти целиком является облицовкой среза склона. Это делает помещение несколько врытым в землю. В юго-восточной стене оставлен вход шириной 1 м. Длина здания – 8 м, ширина с северо-западной стороны 4 м, а с юго-восточной 4,8 м. По длинным сторонам толщина стен 0,6–0,7 м, а по коротким 0,93–0,95 м. Стены здания сооружены посредством сухой кладки из необработанных камней. Обработанными камнями был выделен лишь вход в юго-восточной стене, пространство между камнями в кладке заполнялось щебнем и землей. От западного угла идет 8-метровая каменная выкладка. К сожалению, здание не расчищено, и нет возможности судить о его внутренней планировке.

Сооружение 3 располагается в 7,7 м к северу от *С-2* и представляет собой однокамерное здание. В плане оно имеет форму неправильной трапеции. Северо-западная стена сооружена у самого обрыва и имеет в длину 7 м. Юго-западная – 5,5 м, северо-восточная – 7,7 м, а юго-восточная длиной 8,7 м, идет слегка овально. Толщина стен 0,68–0,78 м. Это здание, так же как и камера *Г* сооружения 1, слегка врыта в землю. Высота стен сохранилась до 1,5 м. Они почти целиком являются внутренней облицовкой специально вырытой площадки. На поверхности земли немного выступают северо-восточная и юго-восточная стены. Кладка их сухая, углы здания скрепляют хорошо обработанные камни.

Сооружение 4 располагается в 14,6 м к юго-востоку от *С-3* и представляет собой здание правильной четырехугольной формы в плане, вытянутое с СЗ на ЮВ. Длина его (внутри) – 7,4 м, ширина – 2,6 м, а толщина стен – 0,77 м. Юго-восточная стена находится на расстоянии 2,5–4 м от обрыва. Они сложены из хорошо обработанных камней на прочном известковом растворе. Здание, так же как *С-2, -3,* несколько врыто в землю. Установить, с какой стороны был вход и внутреннюю планировку, пока нельзя, так как оно не расчищено.

Сооружение 5 располагается почти вплотную к *С-4* с северо-восточной стороны. Восточный угол здания упирается в самый край обрыва, а юго-восточная стена проходит в 1,3 м от обрыва. Представляет собой трапециевидное в плане сооружение, вытянутое с юго-запада на северо-восток. Длина его (замеры внешние) с СЗ стены – 5,7 м, с ЮВ – 6,2 м; ширина с СВ – 4,7 м, с ЮЗ – 5,2 м, толщина стен – 0,8 м. Они сооружены на известковом растворе из обработанных камней. Здание, так же как и предыдущие, несколько врыто в землю.

Сооружение 6 располагается в 3–4 м к северо-западу от *С-5* и представляет собой завершающее звено всего комплекса. Это крупное трехкамерное в плане сооружение, находящееся у самого СВ края площадки (*ил. 49*).

Камера А. Это основное помещение, в плане трапециевидное, СВ стена идет вдоль самого обрыва, длина ее 8,59 м (замер внутренний); СЗ стена – 7,05 м (замер внешний); ЮВ – 6,82 м (замер внешний); ЮЗ–7,5 м (замер внутренний). Толщина ЮЗ и ЮВ стен – 0,8 м; СВ – 0,5 м, СЗ – 0,7 м.

Кладка их произведена на прочном известковом растворе из обработанных камней. Они сохранились не везде одинаково. Почти нет юго-восточной стены, в которой по всем признакам был вход в помещение. Северный угол здания сохранился на высоту 4,6 м, восточный на 2,3 м (внутри) и 4 м (внешний). А от СВ стены осталась часть; западный угол сохранился до 2,7 м, южный – до 1,5 м. Северо-восточная и, возможно, юго-восточная стена сооружены несколько наклонно вовнутрь помещения. По мере возведений стен уменьшалась их толщина до 0,4–0,6 м.

В СВ стене на расстоянии 0,82 м от северного угла и на высоте 0,3 м от основания находится ниша шириной 0,2 м, высотой 0,13 м, глубиной 0,17 м. На расстоянии 5,75 м вправо от него на этом же уровне находится бойница шириной 0,43 м, высотой 0,15 м.

В СВ стене на расстоянии 1,7 м от северного угла и на высоте 0,2 м от основания имеется ниша длиной 0,39 м, высотой 0,31 м, глубиной 0,21 м. Примерно над ней на высоте 2,12 м и в 2,2 м от северного угла расположена вторая – длиной 0,62 м, высотой 0,33 м, глубиной 0,41 м. Почти на этом же уровне, в 2,45 м от западного угла, находится третья (расстояние между этими двумя нишами – 1,4 м). Длина ее – 0,54 м, глубина – 0,30 м и высота – 0,45 м. Три ниши имеются и в ЮЗ стене: первая находится на высоте 1,54 м и в 1,2 м от западного угла. Длина ниши – 0,37 м, высота – 0,33 м и глубина – 0,4 м.

Вторая сооружена на высоте 1,2 м и в 2,65 м влево от первой, длина ее – 0,30 м, высота – 0,27 м и глубина – 0,36 м.

Третья находится в 2 м левее второй и на высоте 0,9 м. Следует заметить, что все ниши и бойницы аккуратно закреплены плоскими каменными плитами. Отметим также, что полом для этого помещения служит скальная площадка, которая примерно посередине здания с СЗ на ЮВ образует пологий уступ (высотой около 1,2 м), спускающийся в направлении к северной части здания.

Камера Б. Пристроена к камере А с ЮЗ стороны. Представляет трапециевидное в плане помещение. Длина его (по внутренним замерам) – 4,3 м, наибольшая ширина здания – 3,2 м (так как юго-западная стена идет слегка овально). Длина СЗ стены – 2,85 м, ЮЗ – 3 м. Толщина их – 0,6 м. Кладка произведена на известковом растворе из обработанных камней. В западном углу помещения при расчистке выявлены следы очага – уголь, зола и пр. Рядом со следами очага лежал фрагмент верхнего жернова ручной каменной мельницы.

Посредине жернова имелось отверстие диаметром; около 7 см, диаметр самого жернова около 40 см. Помещение углублено в землю. Юго-западная стена, высотой 1,5–1,8 м, почти целиком находится в земле. От СЗ угла идет каменная выкладка длиной около 3,7 м.

Камера В. Хорошо прослеживается, но она осталась нерасчищенной. От северного угла сооружения 6 на СЗ идет прочная выкладка камней высотой около 2 м, длиной 3 м. Такие выкладки имеются в различных более опасных местах площадки. Например, у сооружения 3, недалеко от восточного угла сооружения 1 и др.

Такова характеристика сооружений, составляющих комплекс замка Курнаят. Этот замок хорошо дополняет число средневековых фортификационных памятников в Верхней Балкарии. Занимая удобное стратегическое место, он служил одним из опорных пунктов всей системы оборонительных сооружений, окаймляющих высокогорную, котловину В. Балкарии. В частности, этот замок охранял сравнительно легкий перевал из ущелья реки Сукан-су в Черекское ущелье. По своему композиционному решению Курнаятский комплекс представляет собой типичный средневековый феодальный замок, очень близкий по функциональному назначению к таким памятникам, как укрепления Зылги, Усхур, и особенно к замку Джабоевых.

В основу планировки замка Курнаят положен тот же принцип, что в Зылги и Усхур, которые представляют сложные оборонительные комплексы – крепости из нескольких сооружений с особо охраняемой цитаделью. Но в отличие от них он расположен не ярусами, как Зылги, и не так разрывно как Усхурская система, а на сравнительно горизонтальной поверхности небольшого мыса, компактно и тесно взаимосвязано. От замка Джабоевых, который представляет собой одно сооружение с оборонительной стеной и угловыми башнями, замок Курнаят отличается наличием шести отдельных сооружений. Это – следствие положения самих скальных площадок, к которым приспособлены памятники, а общий принцип их планировки и конструкции в основном один. Система замка Курнаят была строго продумана. Основными опорными пунктами являются сооружения 1 и 6. Сооружение 1 стоит у единственно возможного подхода к самой площадке мыса. Прежде чем попасть во двор замка, неприятель должен был взять это сложное крепостное сооружение. Камеры А и Б представляют собой оборонительные башни с бойницами и окнами. Сооружение 1 *(С-1)* – это опорный жилой и оборонительный комплекс замка Курнаят. Сооружения 2 и 5 являются жилыми помещениями, а *С-6,* как и *С-1,* является жилым и оборонительным комплексом. Оно, видимо являлось основным централизующим объектом и цитаделью всего замка.

Группа Б. Сюда относятся башни, сооруженные непосредственно в аулах. Они стоят в центре или на окраинах горных сел. В эту группу входят ныне сохранившиеся башня Амирхана, башня Абаевых в Черекском ущелье, башня Ак-кала в Хуламо-Безенгийском ущелье и башня Балкаруковых в Чегемском. Их также можно разделить на два типа.

Первый тип группы Б объединяет одинокие башни без каких-либо пристроек. Здесь можно отметить три памятника – башню Амирхана, башню Ак-кала и первую башню Абаевых (*ил. 22*).

11. Башня Абаевых (1). Располагается в 100 м к юго-западу от широко известной сохранившейся башни Абай-кала над аулом Кюнлюм [44]. Сохранилась она частично (*ил. 43*). В плане прямоугольная, с неравными сторонами. Длина восточной стены – 5,8 м, северной – 6,5 м, южной – 7,85 м и западной – 5,25 м. Толщина стен – 0,65 м. Стены башни кверху скашиваются вовнутрь. Из-за разрушенности сейчас невозможно установить первоначальную высоту, но, судя по покатости склона, на котором она стоит, высота ее стен была неодинакова. Сохранившаяся высота передней стены – 12 м, задней – 7 м. В восточной стене имеется вход со стрельчатой аркой высотой 1,5 м, шириной 0,96 м. В северной стене на высоте 2 м оставлено стрельчатое окно шириной 0,83 м. С внутренней стороны этой стены на высоте 3,2 м расположена ниша шириной 0,5 м и глубиной 0,3 м.

12. Башня Амирхана [45] – находится в Черекском ущелье у ныне пустующего древнего аула Шканты. Отличительной особенностью ее является то обстоятельство, что она сооружена на громадном скальном валуне, высота которого достигает более 5 м (*ил. 22, 40*). Башня сооружена из тесаного камня на известковом растворе. В плане она прямоугольная, длиной 5,65 м, шириной 1,65 м (размеры внутренние). Кверху она суживается до размеров соответственно 5,3 м, 1,5 м. Толщина стен в основании 0,8 м, вверху 0,5 м. Высота их неодинакова в силу покатости поверхности скалы. В северо-восточной стороне башня достигает 3,95 м, а в противоположной доходят до 5,65 м. В северо-восточной стене на высоте 0,4 м пробита дверь шириной 0,7 м, высотой 1,6 м. Ширина двери с внутренней стороны – 0,9 м. В юго-западной стене на высоте 1,3 м пробито окно высотой 0,55 м, шириной 0,4 м, а в юго-восточной имеется, бойница пробитая на высоте 2,5 м.

Башня, вероятно, была двухэтажной, о чем свидетельствуют большие ниши, расположенные на боковых длинных стенах, на высоте 1,8 м. В этих нишах укреплялись балки межэтажного перекрытия.

Башня Амирхана сооружена с большим мастерством в использовании участка, в данном случае поверхности скалы. Из нее хорошо обозреваются старый аул Шканты и аул Кюнлюм, расположенный на противоположном берегу Черека. Несмотря на то что она находится в долине реки и могла быть доступна всякому посетителю, о ней почти нет литературных сведений, за исключением неточных сообщений указанных авторов.

13. Башня Ак-кала расположена на юго-западной окраине Безенги [46]. В плане она почти квадратная со сторонами 3,7 х 3,7 м и 3,5 х 3,4 м (*ил. 73*). С южной стороны на высоте 1 м имеется вход арочной формы. Ширина входа с внутренней стороны – 1,28 м, а снаружи – 0,9 м.

Башня имела четыре этажа, судя по нишам для балок перекрытия. Высота каждого этажа 2–2,5 м. Первый и второй этажи перекрыты на трех, а третий этаж – на четырех балках. От четвертого этажа стены сохранились

примерно на 1–1,5 м. Ввиду разрушенности этого этажа не удалось выяснить, на скольких балках покоилось общее перекрытие. С южной стороны на 3-м этаже имеются три бойницы, с северной – четыре, а с западной – одно окно и две бойницы. В этой же стене на 3-м этаже имеется одно окно и на 4-м – две бойницы. На 4-м этаже, с южной стороны, устроены две ниши и две бойницы есть и в северной стене. Интересно то, что бойницы расположены на уровне 3-го и 4-го этажей, вероятно, последние предназначались для обороны.

Внутри башни, в северо-западном и юго-восточном углах, имеются колоколовидные колодцы, тщательно облицованные камнем на известковом растворе. Башня сооружена на прочном известковом растворе и кверху суживается до размеров 2 х 2,5 м.

Второй тип группы Б объединяет башни, близкие первому типу, но имеющие при себе жилые и хозяйственные пристройки. Сюда относятся хорошо известные в литературе башни Абаевых в ауле Кюнлюм Черекского ущелья и башня Балкаруковых в сел. Верхний Чегем Чегемского ущелья. Они являются одними из лучших сохранившихся архитектурных памятников Балкарии. Отличаются тщательностью отделки, правильностью форм и представляют собой как бы завершающий этап в развитии башенной архитектуры этих районов. В плане башни прямоугольные, почти квадратные, имеют 4–5 этажей. В первых этажах имеются ямы-колодцы, ниши в стенах. Оконные и дверные проемы обставлены длинными цельными плитами. Камень в кладке хорошо обработан и сложен на прочном известковом растворе.

Обе башни не раз были отмечены и кратко описаны [47].

14. Башня Абаевых (2) кверху суживается: на трех стенах пятого этажа видны четырехконечные кресты, образуемые выемкой в стене [48] (*ил. 42*). Предание балкарцев приписывает эту башню таубию Алимурзе Абаеву, и постройка ее восходит к 300-летней давности [49] (отсчет от 1883 г. – *И. М.*). Следовательно, можно предполагать, что она построена в конце XVI – начале XVII в. Во время поездки В. Ф. Миллера первый этаж этой башни был еще обитаем.

15. Башня Балкаруковых в сел. В. Чегем несколько отличается от всех других. По своему архитектурному стилю она полностью повторяет башни Сванетии [50] и является единственной в таком роде на северном склоне Кавказа (*ил. 78*).

Она имеет 4 этажа, верх ее увенчан нависающим парапетом. В конце XIX века она была окружена стеной, в которой были ворота и бойницы [51]. Более подробное описание башни сделано экспедицией КБНИИ в 1959 г. [52]

В настоящее время сохранилось одно помещение, пристроенное к нему. По словам местного старожила Эдокова Ибрагима (79 лет), башня имела двускатную крышу, лестницы между этажами были деревянные, приставляемые [53]. По преданию, записанному В. Ф. Миллером из уст Али-Мурзы Балкарукова, строитель башни Ахтуган вызвал для ее постройки

мастеров из Сванетии; этим и объясняется ее отличие от всех прочих. Судя по числу поколений, сменившихся между Ахтуганом и Али-Мурзой, башня Балкаруковых могла быть построена 150 лет тому назад [54]. Но так как сам Миллер относил Ахтугана к 10-му поколению от рассказчика Али-Мурзы, то в последнее время было высказано предложение – считать век в среднем за 4 поколения; тогда строительство ее можно отнести не за 150, а за 250 лет до посещения Миллера [55]. Следовательно, башня могла быть построена где-то во второй половине XVII в.

Таковы основные архитектурно-археологические памятники, входящие в число фортификационных сооружений позднего Средневековья на территории Балкарии и Карачая. Из всего сказанного следует, что основная масса этих памятников на сегодняшний день находится на территории Балкарии, внутри последней в верховьях Черекского и Хулам-Безенгийского ущелий. Изобилие башен и других защитных сооружений в этих ущельях говорит о важном значении этих районов в истории балкарского народа. Ознакомление с крепостными сооружениями этих ущелий позволяет заключить, что эти районы были великолепно защищены; тщательно оберегались дороги и подступы к глубоким горным котловинам, где размещались горские аулы.

4. Сравнения

Для более глубокого историко-культурного осмысления этих памятников необходимо их рассматривать не в отрыве, а в общей системе подобных сооружений Центрального Кавказа.

Как указывалось выше, высокогорные районы Северного Кавказа очень богаты архитектурно-археологическими памятниками. В настоящее время можно признать, что наиболее изученными являются памятники Ингушетии [56], хотя исторические и социально-экономические вопросы, связанные с этими памятниками, до сих пор остаются одной из актуальных проблем средневековой истории народов Северного Кавказа.

Сопоставительный анализ памятников интересующих нас районов – Балкарии и Карачая – с памятниками других областей Центрального Кавказа выявляет ряд как общих, так и отличительных черт.

Общие черты. Общим почти для всех районов Центрального Кавказа является само месторасположение оборонительных сооружений. Как правило, они строились в труднодоступных местах [57] и в некоторых случаях в долинах ущелий и аулах. К последним относятся башни более позднего времени. Объединяет их и назначение памятников – везде они являются укрепленными родовыми башнями или феодальными замками.

Можно отметить общность строительной техники – почти одинаковая кладка на связующем растворе и без такового; камень, используемый в кладке, обрабатывался частично или более тщательно в зависимости от назначения сооружения и возможностей строителей.

Общие черты наблюдаются и в отдельных деталях башен. Как правило, они четырехугольные в основании, кверху немного сужаются. В стенах ос-

тавлялись окна, бойницы и ниши. В полу первого этажа имелись колодцы для запасов провизии. На верхних этажах оставлялись иногда крестообразные просветы в стенах (например, в Ингушетии, Осетии, Балкарии). Видимо, одинаково устраивались и межэтажные перекрытия, покоящиеся на толстых деревянных балках. Сообщение между этажами осуществлялось при помощи приставных лестниц или бревен с зарубками.

По всем данным, башни Балкарии и Карачая имели плоское перекрытие, что сближает их с некоторыми башнями Чечено-Ингушетии (жилые), Осетии, Хевсуретии и других областей Центрального Кавказа.

Все перечисленные одинаковые черты наблюдаются лишь по ряду внешних элементов (месторождение, назначение, бойницы, ниши, межэтажные перекрытия и наличие крестообразных просветов, сужение стен кверху). Именно только по этим признакам можно говорить об общности башенной архитектуры районов Центрального Кавказа – Чечено-Ингушетии, Осетии, Хевсуретии, Балкарии и Карачая [58].

Гораздо ярче прослеживаются отличительные особенности балкарских сооружений при сопоставлении их с памятниками указанных выше районов. И эти отличительные признаки охватывают уже не внешние элементы, а ряд специфических архитектурных особенностей, что для правильного понимания и исторического осмысления фортификационной архитектуры Балкарии и Карачая приобретает научное и культурно-историческое значение.

Отличительные черты. Известно, что чечено-ингушские и осетинские башенные постройки подразделяются на жилые и боевые [59]. В Балкарии и Карачае пока что такое разделение сделать невозможно; очевидно, здесь они одновременно несли функции как жилых, так и боевых.

Можно отметить и несколько других отличительных элементов. Так, чечено-ингушские и осетинские боевые башни отличаются большой высотой – до 25 м; все они 5–6-этажные [60].

Изученные нами сооружения вряд ли достигали таких размеров и были, вероятно, максимум 5-этажные.

Особенно башни Чечено-Ингушетии и отчасти осетинские и хевсурские отличаются от наших формой перекрытий. Пирамидально-ступенчатые, плоские с барьерами и зубцами по 4 углам перекрытия, наличие каменных мешков для пленных, деревянных замков, которыми замыкались входы, устройство входов на уровне вторых этажей – столь характерные для Чечено-Ингушетии [61], некоторых районов Осетии и Хевсуретии [62], совершенно неизвестны в изучаемом нами районе. Такой же особенностью для башен первых районов является наличие в стенах верхних этажей навесных балкончиков над бойницами (машикули) [63]. В башнях Балкарии и Карачая они отсутствуют. К числу архитектурных особенностей башен Чечено-Ингушетии и прилегающих к ней районов относятся и опорные столбы, устанавливаемые в центре первого этажа для поддержки межэтажных перекрытий. На втором и последующих этажах также имеются опорные столбы подобного же назначения [64].

В башнях изучаемых нами районов – Балкарии и Карачая эти детали также отсутствуют.

Как видно из всего сказанного, чечено-ингушские башни находят более близкие аналогии по архитектурно-конструктивным мотивам с башнями Осетии, Хевсуретии и некоторых районов Грузии [65], нежели с сооружениями Балкарии и Карачая. На памятниках этих областей мы находим много общих существенных деталей. Объясняется это тем, что для постройки башен очень часто приглашались мастера-ингуши [66].

Сравнительный анализ башенных сооружений Балкарии и Карачая с таковыми в Чечено-Ингушетии и Осетии не дает оснований говорить о том, что они имеют много общего в конструкции и архитектурном стиле, как это может показаться на первый взгляд [67]. Наоборот, башенные сооружения интересующего нас района носят на себе черты местного, самобытного развития; они во многом отличаются от башен районов, которые мы взяли для сравнения. В противном случае, имелись бы налицо все архитектурные особенности, заимствованные из соседних районов, как это ярко отражено в башне Балкаруковых – башне сванского типа. Вместе с тем нельзя не признать, что, несмотря на то что башенное и оборонное строительство балкарцев и карачаевцев имеет глубокие местные традиции, идущие от раннесредневековых оборонительных сооружений, зодчество здесь не достигло такого расцвета, как это наблюдается в нагорных районах Чечено-Ингушетии, Хевсуретии и Сванетии.

5. О времени и причинах возникновения башенных сооружений Балкарии и Карачая

Гораздо сложнее обстоит дело с выяснением вопросов о времени и причинах возникновения такого большого количества оборонительных сооружений в горных районах Центрального Кавказа вообще и в Балкарии и Карачае в частности. Трудность решения этой задачи обусловлена тем, что их изучение на широком историческом фоне всего Северного Кавказа по существу только начинается. Поэтому всякие категорические заключения могут казаться преждевременными. Ниже мы попытаемся дать лишь наши предварительные соображения по этим вопросам касательно памятников Балкарии и Карачая.

Прежде всего, надо иметь в виду внутренние социально-экономические и внешние политические условия, которые могли стать причиной появления в горной зоне Северного Кавказа башенных сооружений. Вообще при решении этого вопроса надо исходить из анализа всех средневековых источников Кавказа. Изучение памятников раннего Средневековья позволяет говорить, что в то время на данной территории существовала самобытная, но имеющая много общего с соседними районами культура [68]. Каменное строительство здесь развивалось издавна. В V–XII вв. уже бытовали отлично сооруженные различные погребальные памятники, жилища, церкви и, возможно, башенное строительство [69]. Исходя из этого можно

говорить, что местный характер позднесредневековых памятников, развивавшихся на основе предшествующих архитектурных сооружений, не вызывает особых сомнений.

В настоящее время есть все основания говорить о том, что в раннесредневековый период, начиная с VIII–IX вв., на Северном Кавказе в Аланском обществе, куда входили и интересующие нас районы, наблюдаются все признаки возникновения раннефеодальных устоев [70].

Ко времени X–XIII вв. у аланов, являющихся одним из основных этнических слагаемых в формировании балкарцев и карачаевцев, наблюдаются черты уже сформировавшегося раннефеодального общества [71].

Последующая же эпоха XIV–XV вв. признается, если не эпохой развитого феодализма [72], то во всяком случае временем дальнейшего развития феодальных отношений в Балкарии по сравнению с предшествующим периодом [73].

Подобные крупные социально-экономические изменения не могли не отразиться на археологических памятниках. В VIII–IX вв. планировка городищ – на равнине и предгорьях Северного Кавказа отличается особенными чертами – возникают рвы и валы вокруг поселений. В этих укрепленных поселениях к X–XII вв. возникают вторые, внутренние, укрепления – резиденции выделяющейся знати [74].

К этому времени средневековые городища Балкарии и Карачая (В. Чегем, В. Архыз, Хумара, Гиляч и др.) становятся центрами ремесла, торговли, культурной и религиозной жизни. В них размещаются ремесленные мастерские, торговые площади, церкви и пр.

Именно к этому времени усиливается распространение христианства, которое обычно протекало пропорционально социально-экономическому уровню общества и развитию феодальных отношений и служило мощным оружием в становлении и укреплении феодального строя [75].

Вторым крупным этническим слагаемым в формировании балкарского и карачаевского народов были половцы. В связи с этим, при рассмотрении возникновения феодальных отношений в Балкарии и Карачае, надо учитывать тот факт, что половцы, как и аланы, являющиеся одним из этнических компонентов в сложении балкарцев и карачаевцев, ко времени монгольского завоевания уже находились на стадии развитых феодальных отношений с зачатками государственности [76].

Все это сыграло определенную роль в становлении феодальных устоев в балкаро-карачаевской среде.

Если ко времени монгольского нашествия у аланов и половцев – составных частей предков балкарцев и карачаевцев – наблюдаются все элементы выделившейся феодальной знати и раннефеодального государственного объединения, то, естественно, попав в горные условия, они вместе с родоплеменной верхушкой горцев возводят укрепленные резиденции – башни и крепости для своей безопасности как от внутренних, так и от внешних врагов.

В XIII–XIV вв. в силу ряда исторических причин, вероятно, начинают складываться основы отдельных горских обществ Балкарии и Карачая,

позднее выделивших из своей среды собственных князей-таубиев, стремившихся обособить себя и стать независимыми.

Процесс возникновения этих сооружений ускоряется как антагонистическими противоречиями внутри общества, так и междоусобными войнами, характерными для эпохой возникновения раннефеодальных отношений [77]. В этот бурный период развития феодальных отношений и междоусобных войн, с целью наживы и захвата пленников, что в конечном счете вело к образованию зависимого условия, и начинается, на наш взгляд, строительство башен и крепостей. Таковы вероятные внутренние социальные причины появления рассматриваемых памятников.

Серьезной причиной усиления строительства оборонительных сооружений были и внешние политические условия, и прежде всего нашествие монголо-татар. Известно, что еще в первой половине XIII в. (1237–1240) захватчики застали укрепленными почти все ущелья Центрального Кавказа. О том, насколько важно было для них овладеть этими ключевыми позициями к перевальным путям, ведущим в Закавказье, говорят средневековые летописи, на что уже обращено серьезное внимание [78].

Безусловно, эти внешние политические причины должны были вызвать новый бурный рост оборонного строительства. Именно ко времени XIII–XIV вв. мы можем отнести появление некоторых сооружений группы А (тип. 1 и 2) [79]. В этих башнях и крепостях жили отдельные семьи выделявшейся социальной родовой верхушки общества (например, в Болат-кале, Малкар-кале, Карча-кале и др.). Эти сооружения можно рассматривать как отражение распада патриархально-родовых устоев, которое сопровождалось углублением социального расслоения и зарождением раннефеодальных отношений.

Мы уже говорили, что к этим крепостям примыкали жилые постройки и, что, в общем, такие комплексы представляли небольшие горские аулы. Конечно, все жители ближайших аулов не могли укрыться, а тем более жить в этих укреплениях. Отсюда можно вывести заключение, что они предназначались именно для привилегированной родовой знати.

Возникнув в это время, эти укрепления могли выполнять свои функции и в последующие века (XIV–XVII вв.).

К XIV–XV в. процесс социального расслоения, а следовательно, и имущественной дифференциации заходит глубже, что также получило свое отражение в археологических памятниках, исторических сведениях и в фортификационных сооружениях.

В пользу того, что XIV–XV вв. являются временем дальнейшего углубления имущественной дифференциации и развития феодальных отношений, говорит возникновение именно в этот период наземных мавзолеев (см. гл. II), наличие качественно отличного богатого погребального инвентаря в отдельных могилах (Карт-Джурт, В. Чегем, Курнаят, Ташлы-Тала и др.), а также дальнейшее развитие института пленения [80] и военных дружин. Последние по своей форме, составу, цели и характеру действия ведут в конечном счете к феодализации [81].

Об этом же говорит и появление новых, более совершенных форм оборонительных сооружений и укрепленных объектов, где могла жить и обороняться раннефеодальная знать. Такими объектами мы можем считать оборонительные комплексы Зылги и Усхур (группа А, тип 3), планировка и архитектурные особенности которых несут на себе явные признаки феодальных крепостей. В них уже налицо особо охраняемые цитадели – в Усхурской системе и центральный ярус Зылги. Появление этих мощных и усовершенствованных объектов было вызвано внутренней потребностью развивающегося общества – становлением феодальных отношений и чрезвычайно трудными внешними условиями, связанными с новым нашествием, на этот раз более мощной волны – походами Тимура.

В 1395 г. Тимур, после победы над золотоордынским ханом Тохтамышем на реке Терек, вынужден был сам участвовать в покорении горцев у подножий Эльбруса, о чем красноречиво рассказывает Шереф-ад-Дин Йезиди в «Книге побед» [82]. Он даже называет крепости Кулы и Тауса и др., «которые принадлежат к племенам обитателей Эльбруса... У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы и пройти туда было чрезвычайно трудно, вследствие высоты их, которая так велика, что у смотревшего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса». Далее Шереф-ад-Дин Йезиди рассказывает : «Взяв в плен **Кулу и Тауса, которые были предводителями той крепости** (здесь и далее выделено нами. – *И. М.*), они убили их. Оттуда Тимур **двинулся на крепость Пулада,** в которой укрылся Утурку – один из старших эмиров Джучиева улуса. По дороге один день они провели **в местности Балкан**»... **Тимур написал письмо Пуладу,** чтобы тот выдал ему Утурку; получив отказ, он идет с войском к этой крепости, «преодолевая, громадные трудности... Крепость эта находилась в чрезвычайно труднодоступном месте, и тамошние жители, заняв вход в ущелье и отрекшись от жизни, отчаянно начали сражаться. После многих усилий победоносное войско одолело их и, овладев крепостью, уничтожило многих из них... Войско Тимура разграбило и сожгло дома их и взяло бесчисленную добычу».

Но взять Утурку Тимуру не удалось, так как тот «бежал в ущелья горы Эльбрус», в связи с чем начался новый поход.

Уже высказывалось мнение о том, что эти события могли происходить на территории нынешней Балкарии и Карачая [84]. Таким образом, в XIV в. захватчики застали этот район хорошо укрепленным. Но для нас здесь очень важно другое обстоятельство, впервые зафиксированное письменными источниками. Некоторые крепости оказались связанными с определенными именами (Кулы, Тауса, Пулад), что указывает на принадлежность их определенному владельцу, уже, несомненно, обособленному от остальной массы населения. С точки зрения социальных отношений внутри общества эти факты приобретают чрезвычайно важное значение и свидетельствуют о том, что к этому времени в горских обществах интересующих нас областей распад родовой организации и развитие феодальных отношений зашли довольно далеко.

Здесь же можно отметить, что название **крепости Пулад** с небольшими фонетическими изменениями сохранилось в современном названии **крепости Болат** в Черекском ущелье. Нам представляется, что эти названия идентичны и относятся к одному и тому же объекту.

Другим очень важным моментом в сообщениях Шереф-ад-Дина является упоминание местности Балкан по пути к крепости Пулад. Нам представляется возможным видеть за этим названием несколько искаженное – Балкар. Черекское ущелье и сейчас называется «Малкар» в отличие от всех других ущелий, в общем-то объединяемых в одно название – Балкария. Возможно, что это название происходит от реки Малки, или *Балкъ*, как ее называют балкарцы [85].

После этих событий, закончившихся закрытием выходов из ущелий, что способствовало продвижению адыгских племен в XIV–XV вв. с запада на восток и занятию ими всех предгорных равнин, в ущельях Балкарии наступает относительная стабилизация в отношении внешних военных столкновений: Развивающиеся местные общества получают к XVI в. более благоприятные условия для дальнейшего развития феодальных отношений. К этому времени появляются крупные феодальные резиденции (группа А, тип 4). Сам факт появления замка Курнаят и замка Джабоевых – крепости феодала – мы расцениваем как результат окрепшего феодализма в балкарской среде.

Именно поэтому уже в начале XVII в. балкарские феодалы – князья, мурзы и т. п. – фиксируются письменными документами. Показателями развитых феодальных отношений являются башни второй группы (Б), относящиеся к XVII–XVIII вв. Они принадлежали отдельным крупным феодальным фамилиям (башня Абаевых, башня Балкаруковых, башня Амирхановых и др.). О том, что оборонительные сооружения XVI–XVIII вв. являются материальным свидетельством становления феодальных отношений у народов Центрального Кавказа, в последнее время говорят многие авторы [86].

В Ингушетии и некоторых районах Северной Осетии простые люди должны были выкупать разрешение на строительство башни у своих владетелей [87].

Эти сооружения отличаются большим строительным мастерством, правильностью архитектурных форм, тщательностью кладки и пр. Эта группа является завершающим звеном в развитии горской архитектуры балкарцев. А то обстоятельство, что все они расположены уже не в горах на недоступных уступах и вершинах, а в самих аулах в окружении рядовых горских жилищ, свидетельствует о том, что феодальные отношения прочно вошли в жизнь народа.

В связи с этим нельзя не коснуться того, как освещаются социальные отношения в Балкарии и Карачае XVI–XVII вв. Как правильно отметил Л. И. Лавров [88], в «Очерках истории балкарского народа» этот вопрос не получил еще последовательного объяснения. Так, авторы пишут, что в XVI–XVII вв. «в общественно-экономической жизни балкарцев явно вырисовываются характерные черты феодализма» [89]. На следующей странице гово-

рится о том, что в указанный период господствующее место в обществе занимали **мурзы** и **таубии – горские князья.** Далее же сказано, что общественный строй XVI–XVII вв. характеризуется как переходный период от патриархально-родовых порядков к феодальным отношениям. Такое непоследовательное объяснение общественного развития Балкарии слишком общо́. Анализ башенных, сооружений позволяет говорить, что к XVI в. феодальные отношения в Балкарии **не только вырисовываются, а уже запечатлены** в материальных памятниках – замках Джабоевых, Бозиевых, Курнаятском и других, а к началу XVII века – и в письменных источниках [90]. Это подтверждается и на примере наземных усыпальниц – кешене.

В настоящее время представляется возможным такое объяснение причин и времени появления оборонительных сооружений Балкарии и Карачая. Привлечение же впредь исторических и фольклорных сведений может подтвердить правильность этого вывода.

Глава II
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СКЛЕПОВЫЕ ПАМЯТНИКИ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ

1. Общие сведения и география размещения

К числу слабоизученных археологических памятников Балкарии и Карачая, как и всего Северного Кавказа, относятся различные погребальные комплексы XIII–XVIII вв., состоящие из грунтовых могил, каменных ящиков, полуподземных и надземных склеповых сооружений [91]. Последние виды памятников также представляют большой интерес для воссоздания средневековой истории балкарского и карачаевского народов. Однако они до сих пор, как и башенные комплексы, слабо изучены. Не проделано еще сопоставительного анализа их с аналогичными памятниками соседних областей Северного Кавказа, не разработана их типологическая и хронологическая классификация, не выяснены причины их возникновения и гибели.

Определенный интерес представляют также вопросы генезиса и эволюции склеповых сооружений в указанных районах, их соотношения с подобными памятниками раннего Средневековья. Наблюдается ли между ними какая-нибудь преемственная связь?

Разработка этих вопросов требует освещения их на фоне данных всего Северного Кавказа. Правильное решение их намного обогатило бы наши знания о средневековой истории как Балкарии и Карачая, так и соседних областей края.

По имеющимся сведениям, на территории Балкарии и Карачая зафиксировано около пяти десятков надземных склепов. Большинство из них бесследно исчезло и не дошло до наших дней. К таковым относится около двух десятков склепов у сел. Гунделен, два склепа Абаевых в Верхней Балкарии, три склепа у пос. Бабугент и Советского, три у сел. Хулам, по одному склепу у сел. Булунгу, Думала (Верхний Чегем), Безенги, Былым, несколько склепов у города Карачаевска на Кубани и многие другие. От других склепов остались лишь незначительные руины. Например, от группы склепов в Верхнем Чегеме в местности Пардык, от трех склепов у сел. Карт-Джурт в Карачае и др.

Западной границей распространения надземных склепов могла быть река Большой Зеленчук [92].

В настоящее время достоверно известны и хорошо сохранились в изучаемом районе 17 различных надземных склепов (см. карту, *ил. 20*). Отличаются они по своей планировке и конструкции – круглоплановые с конусообразной крышей, прямоугольные с двускатной и многогранные с пирамидальной крышей.

Как и в других районах Северного Кавказа, рассматриваемые памятники располагаются в горной зоне. Основное сосредоточение в Балкарии и Карачае наблюдается в тех же высокогорных котловинах Северной депрессии, где есть оборонительные сооружения. Но в отличие от последних склеповые сооружения иногда выходят в предгорья (пос. Советский, Бабугент, Заюково, Гунделен) и даже на равнину (сел. Чегем II, Баксаненок). Отметим сразу, что за пределы высокогорья выходят, за редким исключением, лишь многогранные и, как будет показано ниже, самые поздние склепы, содержащие уже мусульманские захоронения второй половины XVIII – начала XIX в. [93] (у сел. Заюково, Гунделен, Лечинкай, Чегем II, Баксаненок и в Малой Кабарде).

Судя по существующим литературным сведениям и сохранившимся склепам, большое скопление, их некогда наблюдалось в Верхней Балкарии и Верхнем Чегеме. В других пунктах – в Безенги, на Баксане и в Карачае – их было меньше. Создается впечатление, что они, как и башенные сооружения, идут по убывающей линии от верховьев Черека к Кубани с промежуточным скоплением в верховьях реки Чегем [94].

Что касается типового распределения склепов, можно говорить, что круглоплановые известны в более восточных районах – у сел. Ташлы-Тала и Верхняя Балкария, многогранные – в Верхней Балкарии и Верхнем Чегеме, в остальных пунктах известны в основном прямоугольные. Во всех пунктах надземные склепы располагаются на древних кладбищах в тесном окружении обычных могил – грунтовых, каменных ящиков и пр.

В эпоху позднего Средневековья в Балкарии и Карачае бытовали и полуподземные склепы (см. карту, *ил. 20*). К сожалению, в данную работу не представляется возможным включить анализ и интерпретацию этой категории склепов. Отмечу лишь, что они являются дальнейшей эволюцией

раннесредневековых и на определенном этапе (XIV–XVI вв.) сосуществовали с надземными, но в отличие от последних содержали до десятка и более скелетов.

2. Описание и типология надземных склепов Балкарии и Карачая

Завершающим звеном позднесредневекового комплекса археологических памятников Балкарии и Карачая являются надземные склепы-мавзолеи. Эти памятники были распространены по всем ущельям указанных областей – по рекам Черек, Чегем, Баксан, Кубань и др. Как и прочие памятники, они были известны многим дореволюционным исследователям, и существование их неоднократно отмечено ими в литературе и отчетах [95].

Склепы-мавзолеи привлекали внимание и советских исследователей [96]. Но сколько-нибудь обобщенного исследования этих памятников до сих пор еще не проведено, хотя каждый из исследователей, касавшихся их, подчеркивал важность и значение этих памятников для средневековой истории балкарского и карачаевского народов. Исходя из этого мы позволим себе более подробно остановиться на описании, исторической интерпретации и сравнительном анализе их с аналогичными памятниками соседних районов Северного Кавказа. Все оставшиеся в сохранности склепы на территории Балкарии и Карачая были изучены экспедициями КБНИИ в 1965–1968 гг. [97]

Сейчас их можно насчитать 17 экземпляров, в том числе 1 у сел. Ташлы-Тала, 4 – в районе сел. Верхняя Балкария, 1 – у замка Джабоевых в Хуламо-Безенгийском ущелье, 7 склепов – у сел. Верхний Чегем и 3 – у сел. Карт-Джурт [98] в Карачае (см. карту, *ил. 20*).

Они представляют собой погребальные сооружения в виде домиков и башенок различной величины, сложенных из обработанных камней на прочном известковом растворе. Предназначались для захоронения членов знатных феодальных семей и отдельных князей.

По общему облику и характеру эти мавзолеи относятся к одному кругу археологических памятников с подобного рода склепами соседних районов горной зоны Северного Кавказа – Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и прилегающих горных районов Закавказья, где они в эпоху позднего Средневековья имели такое же широкое распространение [99], как и в изучаемом нами районе. Вместе с тем рассматриваемые надземные склепы-мавзолеи во многом отличаются от склепов соседних районов.

Сохранившиеся склепы-мавзолеи Балкарии и Карачая можно разделить на три группы по форме основания и перекрытия:

1) круглые в основании с куполообразным перекрытием;

2) прямоугольные в основании с двускатной крышей;

3) многогранные в основании с пирамидальной крышей.

Первая группа включает в себя два склепа – один у сел. Ташлы-Тала и второй у сел. Мухол. Несмотря на то что они по общей конструкции объединены нами в одну группу, между ними имеется несколько отличительных черт, которые позволяют рассматривать их как представляющие два типа одной общей группы.

1. Тип 1 гр. 1 представлен склепом у сел. Ташлы-Тала [100]. Он имеет яйцевидную форму с куполообразным перекрытием, стены от основания плавно переходят к вершине (*ил. 58*). В плане склеп круглый, диаметр основания внутри – 2,3 м, длина окружности (снаружи) – 13,5 м. Общая высота – 5,3 м, толщина стен – 1,1 м. На высоте 0,8 м от основания в восточной стороне оставлен вход – окно арочной формы размерами – 0,6 х 0,65 м. На высоте 2,6 м склеп внутри перекрыт плоской цельной плитой. На этом уровне в кладке стен по окружности выступает карниз шириной 0,18 м, длина окружности склепа по этому карнизу – 10 м, тогда как длина окружности в основании – 13,5 м (*ил. 26*).

Он сооружен из хорошо обработанных камней, кладка производилась на прочном известковом растворе. Внутренние стороны стен хорошо оштукатурены, снаружи штукатурка не прослеживается. Внутри склепа было две могилы, которые в настоящее время очень разрушены и кости погребенных в беспорядке разбросаны по всему полу. Никаких ниш или полок в склепе нет. Могилы вырыты ниже уровня пола и обставлены плоскими каменными плитами; вероятно, такие же плиты перекрывали могилы и сверху. В настоящее время трудно установить точную дату этого склепа ввиду разрушенности могил. Но косвенно о времени возникновения его могут свидетельствовать могилы, состоящие из каменных ящиков и окружающие склеп. Этот большой могильник функционировал от XIV до XVIII в. включительно. Более ранняя группа датируется XIV–XVI вв. А поскольку последние плотно окружают склеп, следовательно, надо полагать, что он был сооружен раньше могил, а затем вокруг него возник большой могильник. Таким образом, мы имеем основания считать, что склеп возник где-то в XIV–XV вв. В противном случае невозможно было бы соорудить его в таком тесном окружении могил [101].

2. Тип 2 гр. 1 представлен склепом, расположенным в старом балкарском ауле Мухол [102] (Черекское ущелье) (*ил. 59*).

Склеп этот круглый в основании, внутренний диаметр – 2,9 м, толщина стен в основании – 1 м, общая высота – 6,05 м. Сооружен из хорошо обработанных камней, на прочном известковом растворе. Стены покрыты хорошей известковой штукатуркой. На высоте 0,78 м от уровня пола, с восточной стороны, имеется окно – вход арочной формы, аналогичный Ташлы-Талинскому; ширина входа в основании 0,6 м, высота такая же.

В общих чертах склеп похож на предыдущий, но здесь явно ощущается эволюция конструктивных форм. Так, при круглом основании стены не плавно переходят к вершине, как в Ташлы-Талинском, а до высоты 2,15 м возвышаются почти вертикально. На этом уровне имеется перекрытие из плоских плит, а снаружи начинается неширокий выступающий карниз.

Затем, в виде высокой конусообразной шапки, устроена крыша высотой 3,9 м. Такая разница высоты вертикальных частей стен и крыши придает ему несколько приземистую форму (*ил. 26*).

О том, что этот склеп является показателем эволюционного развития 1-го типа, свидетельствует и то, что он вплотную окружен могилами XVIII в. Многие из них до сих пор приписываются старожилами определенным балкарским фамилиям. Эти могилы на несколько столетий моложе могил, окружающих Ташлы-Талинский склеп. Следовательно, резонно полагать, что и сам он намного моложе первого и является результатом дальнейшей эволюции этого типа. Окружающие его могилы огорожены массивной каменной стеной, чего не было на ранних этапах развития этой группы. Примером может быть склеп и могильник у сел. Ташлы-Тала.

Вторая группа. Представлена 10 склепами – один в заброшенном балкарском ауле Шканты, другой на могильнике Курнаят (Черекское ущелье), один в нескольких километрах выше города Тырныауза – склеп Камгута (Баксанское ущелье), один у замка Джабоевых (Хуламо-Безенгийское ущелье), три у сел. Верхний Чегем (Чегемское ущелье) и три склепа у сел. Карт-Джурт в Карачае (ущелье реки Кубань, см. карту, *ил. 20*).

Все они прямоугольные в основании с высокими двускатными крышами, сооружены из хорошо обработанных камней, на известковом растворе и покрыты с обеих сторон прочной штукатуркой.

Эти склепы разделяются на три типа.

Тип 1 гр. 2 представлен двумя склепами – склепом в сел. Шканты, приписываемым Аккуловым, и склепом Камгута.

3. Склеп в Шканты [103] представляет собой прямоугольное сооружение со сторонами 2,6 х 4,2 м, толщина стен – 0,6 м. В юго-западной стене, на высоте 1,3 м имеется вход стрельчатой формы высотой 0,85 м, шириной 0,45 м. В противоположной стене, на высоте 2 м, имеется окно шириной 0,3 м и высотой 0,45 м. Высота вертикальных боковых стен – 2,2 м, а высота крыши – 2 м. Таким образом, общая высота склепа – 4,2 м. Внутри склепа, в полу, вырыта могила, обставленная по бокам массивными каменными плитами. Длина могилы – 2,1 м, ширина – 0,6 м, глубина – 0,6 м. Она была покрыта цельной массивной плитой толщиной 7 см. Могила в настоящее время разрушена и об обряде, с ней связанном, трудно сказать что-либо определенное, за исключением могильного сооружения.

Склеп окружен тщательно сложенной каменной стеной, образующей дворик шириной 5,7 м, длиной 10 м; толщина стены 0,8 м. Дворик огражден таким образом, что склеп находится в самом его углу (*ил. 25*, вверху справа).

4. Склеп Камгута. Принадлежал князю Камгуту Крымшаухалову. В настоящее время полуразрушен. Полностью разрушена верхняя часть с крышей, которая первоначально была двускатной [104]. На фотографиях 1933 г. еще видны фронтоны и общая форма склепа, аналогичная склепу Аккуловых в ауле Шканты. Во время путешествия братьев Нарышкиных в 1867 г. он был цел (*ил. 94, 95*).

Склеп имеет в основании четырехугольную форму длиной – 5,7 м, шириной 4 м. Высота сохранившихся стен доходит до 3,2 м. При ширине 4 м в основании, в верхней части он суживается до 3,7 м. Толщина стен в основании – 0,7 м, вверху они немного уже – 0,6 м. В передней стене, которая немного повернута к западу, на высоте 1,3 м от основания, имеется вход четырехугольной формы – 0,8 х 1,05 м. В противоположной стене, на высоте 1,5 м, имеется окно стрельчатой формы: ширина основания – 0,28 м, высота – 0,5 м (*ил. 25*, вверху слева). Внутри склепа зафиксирована разрушенная могила, обставленная по бокам каменными плитами. Длина могилы – 2,6 м, ширина – 1,4 м. Из этой могилы происходит деревянная колода, зарисованная Д. А. Вырубовым и позднее отмеченная Х. О. Лайпановым [105]. По сообщению братьев Нарышкиных, уже тогда колода и могила были разрушены. На одной из стен, внутри, было изображение оленя, а снаружи у входа отпечатки рук, что является особенностью усыпальницы князя Камгута Крымшаухалова.

Склеп сооружен из хорошо обработанных камней, кладка произведена на прочном известковом растворе, стены оштукатурены. Как и предыдущий, он окружен хорошо сложенной каменной стеной, образующей большой двор. Часть ограды разрушена, она сохранилась с северо-восточной и юго-восточной стороны. От склепа до северо-восточной стороны ограды 15 м, а до юго-восточной – 14 м.

Наличие оград, образующих специальные дворы перед этими двумя склепами, является их специфической особенностью (*ил. 25*). При других наличие подобных дворов и оград не прослежено.

Тип 2 гр. 2 представлен шестью склепами: три склепа у сел. Верхний Чегем, два – у сел. Карт-Джурт и один – на могильнике Курнаят.

5–7. У сел. Верхний Чегем еще в 1939 г. было более десятка склепов [106]. В наше время четыре из них разрушены. Из оставшихся 7 склепов – 3 прямоугольных с двускатными крышами. Двускатные прямоугольные склепы представляют собой форму домов с высокими крышами, превышающими высоту стен. В каждом из них в южной стене на высоте от 0,8 до 1,3 м имеется окно – вход арочной или прямоугольной формы (*ил. 79*). Размеры входных отверстий (0,5–0,6) х (0,6–0,8) м. Толщина стен доходит от 0,4 до 0,8 м в зависимости от размеров склепа. Размены оснований следующие: 6,75 х 5,3 м; 5 х 3,8 м; 3,4 х 2,6 м. Высота стен – 3; 2,4; 1,6 м; высота крыш – 3; 2,5; 2,3 м. На уровне стыка стен крыши во всех склепах имеются неширокие карнизы из шиферных плит. Все они сооружены очень тщательно, на прочном связующем известковом растворе и оштукатурены с обеих сторон. В каждом из них имеется от одной до трех могил, вырытых в полу склепа и обставленных каменными плитами.

В 1959 г. Е. П. Алексеева раскопала могилу в одном из этих склепов. Стены могильной ямы до глубины 25 см были обставлены плитами, а ниже они были земляными. Дно было устлано досками, а на них в беспорядке находились человеческие кости. В восточной части могилы был выявлен

слой древесного угля, в западной находился череп. По мнению Е. П. Алексеевой, эта могила похожа на погребения IX–XII вв. [107]

8. Курнаятский склеп располагается примерно в центре могильника Курнаят [108] (*ил. 50*). В плане он прямоугольный и ориентирован с северо-востока на юго-запад. Длина склепа в плане (по внешним замерам) – 3,35 м, ширина – 1,88 м, толщина стен – 0,55 м. Сооружен он из обработанных камней, сложенных на прочном известковом растворе и первоначально был оштукатурен. Высота с северо-западной стороны – 3,75 м, а с юго-восточной – 4,2 м. Разница эта объясняется покатостью склона, на котором он сооружен. Стены до 1,77 м с северо-восточной и до 2,2 м с юго-восточной стороны идут вертикально. На этом уровне выступает по длинным сторонам небольшой карниз (*ил. 52*).

Примерно на уровне карниза, в 1,95 м от вершины, в задней (северо-восточной) стене оставлено окно трапециевидной формы. Высота его – 2,23 м, ширина в основании – 0,20 м и вверху – 0,15 м. Высота склепа внутри – 2,91 м, стены постепенно переходят в ложный свод. Вход, вероятно, был в юго-западной стене, которая, к сожалению, почти целиком разрушена.

С северо-западной стороны к нему примыкала ограда из массивных камней. Она замыкала площадку размерами 2,15 x 2,3 x 3,3 м.

Склеп был сооружен над каменным ящиком, который был устроен поперек его основания (*ил. 52, 53*) и ориентирован на северо-запад. Ограда была сделана, потому что ящик выступал из-под склепа на 0,35 м, и служила для этой части могилы. Противоположная, юго-восточная, сторона могилы целиком захвачена кладкой стены. Каменный ящик был сооружен из плоских плит. К сожалению, внутри склепа плита, покрывающая ящик, была расколота, а сама могила хищнически ограблена. Длина ящика – 1,8 м, ширина в головах (ССЗ) – 0,48 м, в ногах – 0,30 м, глубина – 0,45 м. Кости погребенного были в полном беспорядке, вперемешку с перегнившими кусками дерева. Возможно, была колода, либо погребенный покоился на досках.

Обращает на себя внимание тот факт, что склеп сооружен над могилой XIV–XV вв. Плиты, образующие ящик, были скреплены таким же известковым раствором, на котором произведена кладка стен склепа. Они непосредственно сооружены на верхней плите могилы. Все это говорит в пользу их одновременности и о том, что склеп в данном случае является лишь надмогильным сооружением – мавзолеем [109]. Он возник не ранее, чем сама могила.

Курнаятский склеп стоит лишь над одной из могил, совершенно одинаковой с окружающими.

9–10. Карт-Джуртские склепы аналогичны Верхне-Чегемским. Они также прямоугольны в основании – размерами 3,4 x 3,85 м; 4,14 x 4,07 м. Высота стен – от 1,25 до 2 м, толщина их – от 0,5 до 0,7 м. Высота крыши – от 1,5 до 1,8 м. С восточной стороны в них имеются арочной формы входные

отверстия 0,5 х 0,8 м; 0,6 х 0,9 м. В некоторых склепах входные отверстия закреплены снизу и сверху деревянными плахами. На одном из склепов была арабская надпись XVIII в.[110]

Сооружены они таким же образом, как и верхнечегемские, на известковом растворе, из хорошо обработанных камней и оштукатурены. Предназначались для одиночных и коллективных (до трех) погребений. В настоящее время могилы разрушены.

Склепы находятся (как и везде) на древнем кладбище, которое используется для захоронений и в наше время. Тесно окружая их, здесь расположены могилы XVIII в., представляющие небольшие насыпи, окаймленные круглыми и овальными казенными выкладками (*ил. 99*). Один из склепов Карт-Джурта выделяется нами в отдельный тип (№ 10).

10. Тип 3 гр. 2[111]. Представлен одним склепом у сел. Карт-Джурт. В плане он имеет такую же прямоугольную форму размерами 3,89 х 5,1 м, высота стен – 2,46 м, высота крыши – 4,1 м. Входное отверстие арочной формы, оставлено в продольной южной стене, шириной 0,65 м, высотой 0,8 м (*ил. 102*). Толщина стен – 0,68 м. На стыке стен и крыши имеется карниз. Отличительной особенностью этого склепа является то, что он двухъярусный. В восточной стене (фронтоне), на втором этаже, имеется небольшое треугольное окно, обставленное плитами. Первый ярус отделяется от второго двускатным потолком из деревянных плах, которые покоятся на трех несущих деревянных балках (*ил. 26*).

Второй ярус представляет собой узкое погребальное сооружение с упомянутым небольшим окном. Ширина этого сооружения в основании – 0,85 м, длина – 3,25 м, толщина стен – 0,52 м, высота – 1 м. В перекрытии его местами также прослеживаются деревянные балки, но гораздо меньшие, чем в межэтажном перекрытии (*ил. 26, 103*).

В других наземных склепах Балкарии и Карачая наличие второй камеры или яруса не отмечено.

11. Тип 4 гр. 2. Этот тип представлен одним склепом у замка Джабоевых в Хуламо-Безенгийском ущелье [112] (*ил. 72*).

Склеп, как и предыдущие, в основании прямоугольный – 4,2 х 3,3 м, высота стен – 1,6 м (замеры внешние), толщина стен – 0,9 м. На высоте 0,77 м от основания в передней (короткой) стене имеется входное отверстие арочной формы, ширина его – 0,42 м, высота – 0,75 м. Потолок покрыт четырьмя массивными плитами. Хотя крыша его и двускатная, отличительной особенностью является то, что стены крыши неровные и не так четко соединены в вершине, как верхнечегемские, карт-джуртские и курнаятский, а плавно переходят в дугообразную, полукруглую форму (*ил. 26*). Высота крыши – 1,36 м. Место соединения стен и крыши отмечено нешироким карнизом. Внутренние размеры склепа следующие: длина – 2,28 м, ширина – 1,42 м, высота – 1,02 м.

Внутри обнаружена разрушенная могила, в которой были в беспорядке разбросаны человеческие кости.

Склеп сооружен на известковом, растворе и оштукатурен с внутренней стороны. Вокруг склепа, имеются могилы, обозначенные невысокими оплывшими насыпями, обложенными каменными выкладками.

В литературе этот склеп был отмечен как часовня и даже сравнивался с Нузальской часовней в Северной Осетии [113]. На самом же деле ничего общего с часовней он не имеет, и никаких общих черт с Нузальской церковью здесь не видно.

Часовней его считать нет оснований, он является обычным средневековым склепом-мавзолеем. На мой взгляд, по форме перекрытия этот склеп занимает промежуточное положение между круглыми и прямоугольными. В нем явно сочетаются черты тех и других – куполообразные перекрытия круглых склепов и прямоугольное основание четырехгранных.

Третья группа – представлена шестью склепами: один – в ныне заброшенном балкарском ауле Коспарты (Черекское ущелье), один – у сел. Булунгу (Чегемское ущелье) и четыре – у сел. Верхний Чегем (того же ущелья).

Отличаются эти склепы тем, что они многогранные в плане и крыша их представляет многогранную пирамиду, завершенную большим замковым камнем – шишаком.

По форме плана они делятся на два типа.

Тип 1 гр. 3 – сюда относятся склепы шестигранные в основании, крыши которых представляют шестигранные пирамиды. Таких склепов сейчас на территории Балкарии и Карачая всего два – это склеп у аула Коспарты и склеп у селения Булунгу.

12. Склеп у селения Булунгу, именуемый «Кач-кешене» [114], в плане представляет неправильный шестиугольник со сторонами – 1,42; 1,42; 1,70; 1,72; 1,6 и 1,8 м. Внутреннее пространство почти овальное – 2,09 х 1,3 м, со слабозаметными гранями (*ил. 80*). В северо-западной грани (самой широкой) оставлен вход арочной формы на высоте 0,8 м от основания. Ширина входа – 0,5 м, высота – 0,6 м. В северо-восточной грани на высоте 1,2 м оставлено два окна, одно 23 х 32 см, другое 20 х 20 см. Высота стен – 1,8 м. На месте стыка стен и крыши проходит карниз шириной 15–20 см. Грани склепа кверху сужаются до 0,9; 1,25; 1,35; 1,4; 1,5 и 1,6 м. Поскольку он стоит на небольшом склоне, высота стен не везде одинакова, в некоторых местах она едва превышает 1 м. Самая вершина крыши разрушена, надо полагать, что она заканчивалась замковым камнем-шишаком, как в других, сохранившихся многогранных склепах (*ил. 26*).

Склеп сооружен на прочном известковом растворе, оштукатурен с обеих сторон. На внутренней стороне в штукатурке видны следы пальцев мастера-штукатурщика. С внутренней стороны потолок ложным сводом переходит в небольшой купол. Под куполом крестообразно вмонтированы в стены деревянные брусья, поддерживающие каменный свод.

Этот склеп, как и многие другие, расположен на древнем кладбище, могилы которого обозначены небольшими насыпями овальной и круглой формы, обставленными каменными выкладками.

13. Склеп у аула Коспарты обследован в 1958 г. П. Г. Акритасом, а в 1959 г. В. А. Кузнецовым [115]. Он находится в окружении могил, представляющих каменные ящики XVI–XVIII вв. Склеп очень похож на предыдущий – такой же шестиугольный в плане, крыша сделана в виде шестигранной пирамиды (см. фото 23). С восточной стороны имеется входное отверстие арочной формы. Линия стыка стен и крыши выделяется нешироким карнизом. Сооружен он из обработанных камней на известковом растворе и оштукатурен. В общем, по всем конструктивным особенностям и архитектурному облику он аналогичен склепу у сел. Булунгу, но только выполнен более аккуратно.

В эту же группу следует отнести и несохранившийся шестигранный склеп в Былыме [116].

14–17. Тип 2 гр. 3. Представлен в настоящее время четырьмя склепами у сел. Верхний Чегем (*ил. 82*). К этому же типу можно отнести уже разрушенные два склепа Алимурзы и Сосрана Абаевых в ауле Шканты, отмеченных В. Ф. Миллером [117].

Все сохранившиеся склепы этого типа отличаются от предыдущих тем, что в плане они восьмиугольные [118]. Они выполнены особо тщательно. Строго выдержаны архитектурные линии; размеры граней, высота стен и крыш находятся в определенных соотношениях. Отлично сохранилась в этих склепах штукатурка, видимо, известковый раствор для них был приготовлен особенно тщательно.

Вот что показывает соотношение размеров склепов:

№ склепов	Ширина граней, м	Высота стен, м	Высота крыши, м
Склеп 1	1,8; 1,8; 1,85; 1,8; 1,8; 1,85; 1,8; 1,8	2,6	4
Склеп 2	2,0; 2,0; 2,0; 2,0; 1,85; 1,95; 2,0; 2,0	2,6	4
Склеп 3	1,9; 2,0; 2,0; 2,0; 2,2; 2,0; 2,0; 2,0	2,4	4
Склеп 4	2,0; 2,0; 2,0; 2,0; 2,0; 2,0; 1,95; 1,96	2,3	4

Получается, что отдельные детали сооружены строго соразмеренно. Ширина граней колеблется в пределах 1,8–2 м, высота – от 2,3 до 2,6 м, а высота крыш постоянна – 4 м.

Крыши склепов представляют собой вытянутые восьмигранные пирамиды, завершающиеся замковыми камнями-шишаками, высота которых достигает 0,4–0,5 м. В южных гранях каждого склепа устроены окналазы арочной формы. Ширина их – 0,5 м, 0,52 м, 0,55 м, высота примерно такая же.

Были предназначены для одиночных и групповых (до трех) погребений. Могилы в настоящее время разрушены, и в склепах в беспорядке разбросаны человеческие кости. Могилы представляли собой вырытые в полу каменные ящики, сооруженные из плоских плит. Все они ориентированы с востока на запад. К этому же типу можно отнести несохранившийся многогранный склеп у города Карачаевска [119].

В 1959 г. Е. П. Алексеева в одном из восьмигранных мавзолеев исследовала могилу, находящуюся в северной части мавзолея, вблизи стены (длина могилы – 1,65 м, ширина – 0,5, глубина – 0,95 м) [120]. Могила была ориентирована с востока на запад. Дно и стены ее были выложены каменными плитами. В западной части ее находились кости черепа, в восточной – кости ног, около ног лежали куски шелковой ткани, грубого полотна серого цвета [121]. Над погребением во всю длину могилы лежала доска, поставленная на ребро (видимо, могила была разрушена. – *И. М.*). Положение и ориентировка покойника, наличие тканей и доски, по мнению Е. П. Алексеевой, свидетельствуют о том, что погребение мусульманское [122].

Внутреннее пространство склепов имеет в плане овальное или почти круглое очертание со слабо заметными гранями или без таковых (*ил. 26*).

Интересно отметить, что почти все склепы этого типа окружены тщательно сооруженной стеной из обработанных камней. Кладка их производилась на таком же прочном известковом растворе, как и сами склепы. Иногда стены, окружающие склепы, имеют тоже восьмигранную форму. Высота их доходит до 1 м. Внутри оград, между склепами и окружающими их стенами, имеются могилы, расположенные по кругу и, следовательно, они не имеют определенной ориентировки. На поверхности могилы обозначены прямоугольными или овальными каменными выкладками (*ил. 25*). Нет никакого сомнения, что погребения вокруг склепов относительно одновременны с погребениями в самих склепах.

Хотя Е. П. Алексеева считает погребения в склепах мусульманскими, погребения, находящиеся вокруг склепов, не могут быть мусульманскими, так как никакой определенной ориентировки не придерживаются и располагаются по кругу. Поскольку мусульманский обряд требует определенной ориентировки как самих могил, так и погребенных, то мусульманскими считать эти могилы вокруг склепов нельзя. Отсюда, либо ставится под сомнение мусульманский обряд погребений и в самих склепах, либо мы должны признать (соглашаясь с Е. П. Алексеевой), что погребения в склепах мусульманские, а окружающие их могилы немусульманские. Но в таком случае непонятно, почему мусульманский обряд, наблюдаемый в склепах, не проявляется в одновременных могилах, окружающих их. Надо полагать, что мусульманство было принято только социальной верхушкой общества, представителям которого сооружались мавзолеи [123]. Иначе объяснить этот интересный факт сочетания строго мусульманского обряда в склепах с беспорядочными захоронениями вокруг них невозможно. Во всяком случае, этот вопрос очень интересен и требует изучения. Конкретные сведения дали бы раскопки могил вокруг склепов.

Кроме перечисленных групп, на территории Балкарии и Карачая в эпоху позднего Средневековья были распространены погребальные сооружения, близкие к склепам-мавзолеям, но без перекрытий. Мы их условно называем полусклепами. Основное их сосредоточение наблюдается у сел. Карт-Джурт на одном кладбище с описанными мавзолеями.

Так называемые полусклепы представляют собой четырехугольные сооружения высотой от 1,25 до 2,4 м. Стены их сооружены на хорошем известковом растворе и оштукатурены с двух сторон. Иногда они одиночные и содержат по одной могиле, а иногда, соединяясь между собой, образуют целые системы полусклепов и содержат по нескольку погребений (*ил. 106*).

Одиночные сооружения бывают размерами 3,4 х 3,85 м; 3,5 х 4,6 м; 5,2 х 4,2 м. Сооружения, объединенные в системы, достигают 9 х 9,4 м; 6,25 х 5,15 м.

На некоторых из них по четырем углам установлены выточенные камни-шишаки.

Несмотря на то что они не имеют перекрытия, почти все снабжены окнами и входами. Перед входами порой имеются небольшие ступени-пороги.

Интересно сооружение, занимающее центральное местом одной из систем (*ил. 106*). Размеры сооружения 11 х 4,7 м, высота – 2,4 м, толщина стен – 0,6 м. Стены его возведены на прочном фундаменте шириной 0,85 м. Оно тщательно оштукатурено, в нем имеется вход – окно, ведущее в одно из смежных сооружений. Фасадная стена его, длиной 11 м, снабжена нависающим парапетом высотой 0,87 м (*ил. 106*). Парапет на протяжении всей стены образует девять ячеек шириной 0,39–0,5 м и высотой 0,45 м. Пространство между ячейками образует прямоугольные выступы шириной 0,56–0,7 м. Примерно в центре стены устроено окно-вход, занимающее пространство одной из ячеек, только немного превышая ее по высоте (*ил. 106*). Перед входом устроен ступенчатый порог.

Это сооружение привлекает внимание своей архитектурной особенностью, выраженной в наличии парапета. Надо отметить, что это единственное погребальное сооружение на территории Балкарии и Карачая, имеющее такое архитектурное оформление, а в общем это – второе архитектурное сооружение, снабженное парапетом, после башни Балкаруковых в сел. Верхний Чегем (*ил. 78*).

Мы уже говорили, что башня Балкаруковых является единственной на северном склоне Кавказа, снабженной парапетом и поэтому очень близкой по типу к сванским башням, что объясняется тем, что строителями ее были наёмные мастера-сваны. Наличие парапета на погребальном сооружении позволяет считать, что эта архитектурная деталь была известна на территории Балкарии и Карачая как на бытовых, так и на погребальных сооружениях. И если архитектурный стиль башни Балкаруковых объясняется тем, что ее строили сванские мастера, на родине которых этот орнамент широко бытовал, то наличие парапета в погребальном сооружении мы вправе объяснить как результат заимствования из соседней области, в данном случае из Сванетии, или считать его сооруженным мастером-сваном.

Мы рассмотрели основные группы склеповых сооружений, распространенных в эпоху позднего Средневековья на территории Балкарии и Кара-

чая, их типологические особенности и варианты. Из этого анализа следует, что надземные склепы-мавзолеи на этой территории были широко распространены. Они располагались вблизи аулов или непосредственно в них (как в сел. Мухол) на древних балкарских и карачаевских кладбищах (Ташлы-Тала, В. Чегем, Карт-Джурт и др.). Предназначались они для одиночных и коллективных (не более трех) захоронений.

Каждый из этих склепов имеет входное отверстие – окно, которое почти всегда устроено полукруглой аркой и реже представляет прямоугольник. Внутри склепов никаких ниш, полок или других приспособлений не было. Иногда под сводом потолка в стены склепа монтировались деревянные брусья, чтобы предохранить от случайных обвалов.

Для того чтобы понять место и значение позднесредневековых склепов Балкарии и Карачая среди погребальных сооружений Центрального Предкавказья, необходимо попытаться ответить на вопрос о времени и причинах появления этих сооружений.

3. Хронология надземных склепов

Относительно датировки склеповых сооружений Северного Кавказа высказывались многие. В. Ф. Миллер датировал их XII–XIV вв.[124], П. С. Уварова – XVI–XVII вв.[125], Л. П. Семенов относил появление их к XIV веку, а расцвет склеповой культуры в Чечено-Ингушетии – к XV–XVI вв.[126], В. И. Марковин относит их к XVI–XVII вв.[127] Склеповые сооружения Хевсуретии С. И. Макалатия датирует XVII–XVIII вв.[128], Г. Кокиев относил появление прямоугольных с двускатной крышей склепов в Осетии к XII–XIII вв.[129] Временем появления этого типа склепов Балкарии и Карачая А. А. Иессен считал XV в.[130] К этому мнению присоединилась и Е. П. Алексеева, уточняя, что прямоугольные склепы с двускатной крышей могли появиться в XII–XIII вв.[131]

Многогранные склепы Балкарии, как продукт проникновения ислама, относятся к XVII–XVIII вв.[132] По своим архитектурным формам они близки мусульманским мавзолеям Азербайджана IV–XV вв.[133], но выполнены, конечно, намного примитивнее.

Правы были Л. П. Семенов и А. А. Иессен, датировавшие появление наземных склепов XIV–XV вв. Возникнув в это время, они использовались в XVIII и в отдельных случаях в XIX вв. почти по всей горной полосе Северного Кавказа.

Поскольку почти все склепы-мавзолеи на территории Балкарии и Карачая, равно как и в других районах, находятся в окружении старых могильников, то, естественно, для датировки мавзолеев первостепенное значение имеют как могилы внутри самих склепов, так и окружающие. Но так как все погребения в склепах разрушены, то сохранившиеся до сих пор могилы, вплотную примыкающие к склепам, становятся во главу угла при выяснении времени постройки склепов.

Так, например, могильник из каменных ящиков, отмеченных на поверхности овальными и круглыми каменными выкладками, окружающий

круглоплановый склеп у сел. Ташлы-Тала, помог нам ориентировочно датировать склеп не позднее XV в. Поскольку древняя часть могильника, вплотную примыкающая к склепу, относится к XIV–XVI вв., следовательно, склеп был построен раньше, чем вокруг него образовался могильник.

К сожалению, не везде изучены могильники, окружающие склепы-мавзолеи.

В горах один и тот же участок служил кладбищем для десятков и сотен поколений и именно на таких, издревле отведенных для погребений участках возникали и склепы-мавзолеи.

На примере исследования могильников, окружающих круглоплановые склепы, можно более определенно говорить, что они появляются не позднее XV в. (мавзолей у сел. Ташлы-Тала) и существуют до XVIII в. (мавзолей в сел. Мухол).

Гораздо сложнее обстоит дело с прямоугольными склепами. Уже отмечалось, что подобные склепы в Осетии Г. Кокиев датировал XII–XIII вв., ссылаясь на то, что они очень схожи с древнехристианскими часовнями и церквами. Такого же мнения придерживается Е. П. Алексеева относительно балкаро-карачаевских склепов. Примерно эту же точку зрения высказал А. А. Иессен, который писал, что «наиболее древними склеповыми сооружениями (Кабардино-Балкарии. – *И. М.*) являются, очевидно, прямоугольные, первоначально воспроизводившие тип христианской часовни, но сооружавшиеся вплоть до начала XVIII века»[134]. Но о первоначальной дате появления этих сооружений он не говорит.

Верхнюю дату бытования достаточно четко датируют эпиграфические памятники XVII–XVIII вв., а также результаты последних исследований склепового могильника у сел. Даргавс Северной Осетии [135]. Сложнее обстоит дело с ранней датой наземных склепов Северного Кавказа в целом.

Нам представляется, что в настоящее время у нас нет достаточных оснований относить появление этого рода склепов именно к XII–XIII вв. Мнение о том, что они схожи с древнехристианскими часовнями, возможно, и оправданно применительно к территории Северной Осетии, где действительно было очень много святилищ и часовен и многие из них функционируют вплоть до наших дней. А на территории Балкарии и Карачая церкви, относящиеся к XII–XIII вв., были немногочисленны [136] и не столь распространены, как в соседней Осетии.

Эти церкви не столь похожи на склепы, чтобы выводить последние от них. Мы можем говорить лишь о том, что перенята общая форма – прямоугольное основание и двускатная крыша. Но в этом случае остается совершенно неопределимым время, когда именно эта форма древнехристианских церквей и часовен переходит в форму мавзолея. То ли одновременно с появлением церквей, то ли в эпоху заката христианства в этих областях, когда нет достаточных оснований считать, что прямоугольные склепы возникают именно в XII–XIII вв. И прав А. А. Иессен, когда оставлял неопределенным нижние рамки этих склепов, высказав лишь предположение, что они могли появиться в XV в., в частности склеп Камгута [137].

Примерно к этому же времени (XV–XVI вв.) относятся прямоугольные склепы у замка Джабоевых и на горе Курнаят. Возникнув в XV–XVI вв., эти склепы бытуют вплоть до XVIII в.

Более поздние из прямоугольных склепов с полным основанием можно считать одновременными с шести- и восьмигранными, которые относятся к XVII–XVIII вв. (Карт-Джуртские склепы). При изучении их на местах, в Балкарии и Карачае, бросается в глаза одинаковая техника строительства, обработка камней, наличие одинакового известкового раствора, на котором производилась кладка и которым оштукатуривались стены. Оба типа склепов – прямоугольные и граненые – располагаются на одном и том же кладбище, в буквальном смысле рядом (В. Чегем, *ил. 79*).

Во второй половине XVIII–XIX вв. многогранные и редко прямоугольные (1 экз. у сел. Заюково, ныне не сохранился) распространяются и на территории Кабарды, где они хорошо датируются арабскими надписями. По мнению ряда авторов, они считаются позднейшим дериватом балкарских [138], так как в более западных районах расселения адыгов они неизвестны. В Балкарии эти склепы существовали и в доисламское время (до XVII–XVIII вв.) [139].

Таким образом, обзор и анализ надземных склепов Балкарии и Карачая позволяют нам сделать следующее предварительное заключение. Наиболее древние круглоплановые склепы появляются не позднее XV в. – ранний тип представлен склепом у сел. Ташлы-Тала. А существуют они вплоть до XVII–XVIII вв. (склеп в сел. Мухол). Наиболее ранними прямоугольными склепами являются Курнаятский XIV–XV вв. и склеп у замка Джабоевых, появившийся не позднее XVI в. Из граненых склепов ранним является склеп у сел. Булунгу, он более примитивен и грубо построен, с неравными и небрежно сооруженными склепами.

Расцвет склеповой культуры представлен более поздними двускатными и гранеными, тщательно сооруженными склепами, они представляются нам законченными архитектурными формами. Эти склепы относятся к XVII–XVIII вв. В XVIII–XIX вв. возникают так называемые полусклепы, как в Карт-Джурте.

Суммарно все склепы можно разделить на две хронологические группы – первая группа объединяет склепы XV–XVI вв. (Ташлы-Тала, у замка Джабоевых, Курнаят). Вторая объединяет склепы XVI–XVIII вв. (все остальные склепы). Такое разделение представляется оправданным и важным в том смысле, что более древнюю группу склепов можно в историко-культурном отношении связать с оборонительными сооружениями, входящими в «группу А», более позднюю группу с башнями – в «группу Б». Это объединение аргументируется и соответствующей строительной техникой – примитивностью или завершенностью архитектурных форм и пр. Более древние склепы и башни в большинстве случаев не приписываются какому-нибудь отдельному лицу княжеского происхождения, тогда как более поздние определенно принадлежат отдельным князьям (ср. склепы

Камгута и Абаевых, башни Абаевых, Балкаруковых, башня Амирхана, башня Баксанука и т. п.).

Дальнейшее изучение рассмотренных памятников в этой связи было бы очень желательно и дало бы много ценного для восстановления ведущих форм материальной культуры, а в целом и для воссоздания средневековой истории Балкарии и Карачая.

4. Сравнения

Для того чтобы более ясно представить себе специфику балкаро-карачаевских надземных склепов, необходимо сопоставление их с подобными сооружениями соседних областей, где они также широко бытовали в рассматриваемую эпоху. Прежде всего, выявим их общие черты, для чечено-ингушских, осетинских и балкаро-карачаевских.

Общие черты склепов всех трех областей сводятся к следующему:

1. Почти все надземные склепы располагаются на древних кладбищах, вблизи от аулов или же в них, либо в долинах ущелий, либо на склонах гор.

2. Наблюдается одинаковая строительная техника – обработка и кладка камней, известковый раствор и штукатурка.

3. Общее прослеживается и в конструкции. Во всех этих областях распространенными типами можно считать склепы с прямоугольным основанием. В Чечено-Ингушетии, Балкарии и Осетии встречаются и круглоплановые [140].

4. В Чечено-Ингушетии нет многогранных склепов, как в Балкарии, а в Осетии их три (в Санибе, Кобани и Фаснале) [141].

Перечисленные сходные черты охватывают лишь поверхностные, самые общие элементы, связанные с месторасположением, планировкой и назначением. Во всех остальных более существенных архитектурных деталях, которые иллюстрируют специфические особенности склеповой культуры той или другой области, склепы во многом отличаются. Эти черты и должны лечь в основу при выявлении специфических особенностей чечено-ингушских, осетинских или балкаро-карачаевских склепов.

Отличие чечено-ингушских склепов от балкаро-карачаевских сводится к следующим чертам (*ил. 24*):

1) для прямоугольных склепов Чечено-Ингушетии характерно пирамидально-ступенчатое, двускатно-ступенчатое перекрытие или перекрытие, заканчивающееся продольным коньком по вершине (в Чечне) [142];

2) круглоплановые склепы имеют конусообразную крышу с опускающимися с вершины гуртами. Иногда подобные гурты имеются и у прямоугольных склепов [143];

3) в Чечено-Ингушетии очень много двух-, трех- и четырехэтажных склепов, особенно надземных прямоугольных с пирамидальной крышей [144];

4) на штукатурке стен в склепах Чечено-Ингушетии очень часто встречаются всевозможные отпечатки рук, примитивные изображения пеших и всадников [145]. В Балкарии изображение рук, как исключение, встречается лишь в усыпальнице князя Камгута;

5) у входов в склепы почти повсеместно имеются вмонтированные в стену, торчащие плоские каменные плиты с просверленными круглыми отверстиями [146];

6) неотъемлемой деталью чечено-ингушских склепов является наличие ниш и полок внутри склепов. Часто эти полки проходят П-образно вдоль трех стен в 1–2–3 ряда [147];

7) чечено-ингушские склепы содержали, как правило, несколько десятков погребенных, тогда как в Балкарии и Карачае они всегда одиночные или содержат не более трех скелетов;

8) имеются в Чечено-Ингушетии двухкамерные склепы, одна из этих камер являлась поминальной [148].

Таковы основные отличительные особенности чеченских и ингушских склепов. Ни один из указанных признаков не присущ склепам Балкарии и Карачая, за исключением наличия отпечатков рук в одном случае (склеп Камгута).

Но вместе с тем чечено-ингушские склепы имеют очень много общего с осетинскими и хевсурскими склепами. Многие считают, что в Хевсуретии строителями склепов были чеченские и ингушские мастера или они строились под их влиянием [149].

Сходство чечено-ингушских склепов с осетинскими наблюдается даже в деталях – устройство лазов-входов и их затворов, просверленные плиты у входов, спускающиеся с крыш гурты, отпечатки рук и изображения, пирамидально-ступенчатые и двускатно-ступенчатые крыши и т. п. [150]

Прежде чем приступить к сравнению балкаро-карачаевских склепов с осетинскими, отметим, что для Северной Осетии Г. Кокиев выделяет два варианта склепов. **Восточный** – иронский вариант, где основной тип склепов – круглые, четырехугольные и 6–8-гранные (3). Перекрытия всех этих склепов либо двускатно-ступенчатые, либо пирамидально-ступенчатые.

Западный – дигорский вариант отличается тем, что здесь нет ступенчатых перекрытий – крыши гладкие [151].

Поскольку для Осетии характерны два варианта склепов, рассмотрим каждый из них в отдельности.

Восточный (иронский) вариант североосетинских склепов отличается от балкаро-карачаевских следующими чертами *(ил. 24)*:

1) очень часты склепы двух-, трехкамерные в плане и двух-, трехъярусные в высоту. Межэтажные перекрытия представляют глухие перегородки. Внутренние камеры отделяются друг от друга стенами, в которых имеются небольшие узкие двери (например, Даллагкауская группа склепов [152]);

2) чрезвычайно распространены двускатные ступенчатые крыши в четырехугольных и пирамидально-ступенчатые в трех многогранных склепах [153];

3) иногда внутреннее пространство склепов вместо сплошных межэтажных перегородок разделяется полками, идущими вдоль стен в несколько ярусов [154];

4) круглоплановые склепы снабжены четырьмя или шестью каменными гуртами на крыше, спускающимися до верхнего края дверцы [155];

5) почти неотъемлемой деталью их являются торчащие из стен у входов плоские шиферные плиты с просверленными отверстиями [156];

6) как и склепы Чечено-Ингушетии, восточная группа североосетинских содержит в отличие от балкаро-карачаевских по нескольку десятков костяков.

Таковы основные черты восточного варианта склепов Северной Осетии, отличающие их от склепов Балкарии и Карачая.

Из описания склепов Балкарии и Карачая видно, что ни одна из указанных деталей североосетинских склепов не присуща склепам изучаемого нами района.

Наряду с такими отличительными чертами восточного варианта осетинских склепов, дигорская группа (западная), наоборот, очень близка к балкаро-карачаевским.

Общие черты балкаро-карачаевских склепов с дигорскими

1) в Дигории, как и в интересующем нас районе, нет пирамидально-ступенчатых или двускатно-ступенчатых крыш. Крыши склепов как четырехугольных, так и многогранных – гладкие [157];

2) в дигорских склепах нет просверленных шиферных плит, которые являются неотъемлемой деталью восточных (иронских) [158];

3) почти все склепы в Дигории предназначались для индивидуальных захоронений или же число покойных не превышало трех человек [159], как и в балкаро-карачаевских;

4) могилы устраивались в грунте, как в Балкарии и Карачае [160].

Отличаются дигорские склепы лишь наличием в полу подвалов, чего нет в балкарских, карачаевских и осетинских склепах восточной группы [161].

Сравнительный анализ убеждает в том, что восточная группа североосетинских склепов имеет очень много общего с чечено-ингушскими, а западная группа (дигорская) – со склепами Балкарии и Карачая. Отсюда можно сделать вывод о том, что в общем склеповая культура Центрального Предкавказья разделяется на две большие локальные группы, внутри которых возможны различные типы и микролокальные особенности (*ил. 24*).

Восточная группа объединяет склепы Чечено-Ингушетии и восточный вариант осетинских склепов.

Западная группа объединяет склепы Дигории, Балкарии и Карачая.

Восточная группа отличается пирамидальными и двускатными ступенчатыми крышами, устройством полок, разделяющих внутреннее пространство на ярусы, наличием выступающих шиферных плит с отверстиями поминальных камер и наличием ниш в стенах склепов, которые являлись коллективными усыпальницами для целого рода или фамилии и содержали десятки костяков.

Западная группа отличается гладкими крышами, устройством могил в грунте, отсутствием полок, ниш и шиферных плит с отверстиями.

Предложенная локализация надземных склепов Северного Кавказа [162] пока не вызывает возражений у исследователей. Она ярко демонстрируется рядом существенных архитектурных деталей и погребальным обрядом. Как отмечалось выше, внутри этих двух больших групп при дальнейшем специальном изучении могут быть выделены отдельные микролокальные особенности. В силу сравнительно одинаковых физико-географических условий и примерно в одно и то же время надземные склепы одинаково распространены по всей высокогорной полосе Северного Кавказа от Карачая до Чечни. Однако в каждой отдельно взятой области они несут на себе специфические отличительные черты, свойственные склеповой архитектуре и культуре, базирующейся на определенной социально-экономической основе каждого народа.

Общие черты в конструкции, деталях и, что особенно важно, в погребальном обряде объясняются тесными экономическими и культурными связями соседних народов, их уровнем развития. Восточные области Северной Осетии были более тесно связаны с Чечено-Ингушетией, нежели с Балкарией и Карачаем, и потому склепы этих районов выделяются в отдельную – *восточную группу*.

Балкария же тесно была связана с соседней Дигорией в экономическом и культурном отношениях, поэтому склепы этих районов выделяются в другую – *западную группу*.

Тесные контакты Балкарии с Дигорией наблюдаются не только на примере склеповых сооружений. Известно, что, дигорский диалект осетинского языка отличается от иронского характерным «прицокиванием». То же самое «цоканье» свойственно балкарцам, живущим по соседству с Дигорией (Черекское ущелье), хотя причины этого окончательно еще не выяснены. Кроме того, родословные связи многих дигорских и балкарских фамилий, взаимно переплетаясь, уходят в глубь веков, а в настоящее время в обеих этих областях много одинаковых фамилий – например, Абаевы, Малкаровы, Тондуевы и мн. др. Следовательно, общность и единство склеповой культуры этих областей – факт не единичный и не случайный, а исторически вполне оправданный.

Все сказанное позволяет заключить, что склеповая культура Северного Кавказа не является какой-то аморфной, как это может показаться на первый взгляд, а напротив, сопоставительный анализ склепов показывает, что в каждой отдельной области они отличаются особыми чертами и деталями, отражающими специфику склеповой культуры и погребального обряда каждого из народов. Дальнейшее их сравнительное изучение в связи с другими памятниками даст много нового и ценного материала для освещения средневековой истории северокавказских народов в социально-экономическом и этническом отношениях.

5. О причинах появления надземных склепов Балкарии и Карачая

В социально-экономическом отношении весьма интересным может оказаться вопрос о причинах появления надземных склепов. В этом вопросе особых разногласий среди ученых нет. Л. П. Семенов склонен считать, что происхождение склепов связано с религиозными представлениями людей – бытование культа мертвых порождало желание сохранить покойников. Он приводит в пользу этого народную ингушскую пословицу: «Человеку при жизни нужна башня, после смерти – нужен склеп» [163]. Г. Кокиев, вслед за В. Ф. Миллером, объяснял появление склепов двумя причинами: а) малоземельем в нагорной полосе; б) культом мертвых и вытекающими отсюда представлениями народа о загробной жизни [164]. К мнению Л. П. Семенова по этому вопросу присоединяется и В. И. Марковин [165]. По мнению последнего, малоземелье не могло быть причиной появления этих сооружений. Это он подкрепляет тем, что в нагорном Дагестане, где не в меньшей степени испытывалось малоземелье, нет позднесредневековых склеповых могильников.

Как видно, одни объясняют появление склепов религиозными воззрениями (Л. П. Семенов, В. И. Марковин), другие добавляют к этому еще и малоземелье (В. Ф. Миллер, Г. Кокиев). Ни один из этих исследователей не отводит должного места внутриобщественным причинам, связанным с развитием и социально-экономическим прогрессом общества, не раскрывает глубинных причин появления этих сооружений, ограничиваясь, на мой взгляд, выявлением причин второстепенного порядка. Культ мертвых и малоземелье, безусловно, имели определенное значение, но не главное.

Прежде всего, надо отметить, что указанные исследователи говорят вообще о склеповой культуре, а не отдельно о надземных склепах. А такое разграничение крайне важно в историческом и научном отношениях, так как появление различных склепов (подземных, полуподземных и надземных) может быть объяснено разными историческими причинами.

Относительно религиозных причин появления склепов и культа мертвых надо сказать, что с культом мертвых связан не только склеповый обряд погребения. Культ мертвых является одним из древнейших культов первобытного общества. Он проявляется в той или иной форме в любом погребении – будь оно совершено в грунтовой, яме, каменном ящике, катакомбе, в кургане или склепе. Во всех этих могилах проявляется культ мертвых – они одинаково почитаются, вместе с умершими кладут его одежду, оружие, пищу и пр.

Сам факт погребения покойного, даже изначально, был проявлением особого почитания мертвого. Культ мертвых, в какой бы форме он ни проявлялся, обусловлен различными социально-экономическими условиями того или иного-общества.

Известно, что различные социально-экономические условия, различные стадии развития общественных формаций обусловливали опреде-

ленное проявление мировоззрения людей, в том числе и культа умерших. В этом случае всякий культ мертвых представляется как продукт социально-экономических условий. Другое дело, что этот культ в связи с развитием общества соответственно развивался и изменялся. Потому его надо рассматривать в историческом аспекте, в плане его возникновения и развития.

Объяснение появления склепов только лишь религиозными воззрениями общества звучит не совсем убедительно, хотя бы потому, что сами эти воззрения в корне зависят от социально-экономической основы общества.

Не вызывает сомнения, что и надземные склепы, и окружающие их одновременные могильники оставлены одной этнической группой. Следовательно, не может быть проявления различного культа в одно и то же время у одной этнической группы населения.

Таковы наши общие замечания по этому поводу.

Что же касается малоземелья, то надо заметить, что эта причина также не является всеобъемлющей и не всегда подтверждается действительным расположением склепов.

Так, по замечанию В. И. Марковина, Дагестан более испытывает малоземелье, чем соседние области, однако там мы не находим такого скопления надземных склепов в эпоху позднего Средневековья.

В Балкарии склепы нередко расположены на удобных для обработки участках, которые и сейчас используются для посевов и покоса («Город мертвых» в Черекском ущелье). На таких же землях, удобных для хозяйственных нужд, располагались надземные склепы-мавзолеи Абаевых у сел. Шканты Черекского ущелья, склеп Камгута в Баксанском ущелье, склепы у сел. Булунгу и Верхний Чегем Чегемского ущелья, склепы у сел. Карт-Джурт в Карачае. Следовательно, нельзя объяснять малоземельем появление надземных склепов Балкарии и Карачая.

Малоземелье, конечно, играло определенную роль, и прежде всего, для возникновения подземных и полуподземных склепов, но не столь главную при появлении надземных, как это может казаться на первый взгляд по аналогии с чечено-ингушскими и осетинскими и как принято считать многими исследователями вслед за указанными авторами.

Подземные и полуподземные склепы Балкарии, судя по их многочисленности по сравнению с надземными и наличию в них десятков погребенных, являлись родовыми. Они-то и возникали в силу устойчивых родовых отношений и малоземелья. Подобные коллективные склепы имели каждый род, фамилия и семья. Возможно, в появлении подземных и полуподземных склепов выражался и культ мертвых, и желание сохранить целостность рода в «потустороннем» мире.

С разложением же родовых устоев и возникновением феодальных отношений возникали надземные склепы – усыпальницы таубиев. Тот факт, что на определенном этапе, в XIV–XV вв., они сосуществуют с полуподземными склепами, грунтовыми могилами и каменными ящиками, в десятки

раз уступая им по количеству (Верхняя Балкария, Верхний Чегем, Карт-Джурт), является тому хорошим примером. Подтверждается это еще и тем, что сравнительно поздние надземные склепы XVIII – начала XIX в., например в Кабарде, также являлись княжескими усыпальницами [166].

В дополнение к этому тезису можно сослаться на то, что именно в эпоху развитых феодальных отношений возникают усыпальницы-мавзолеи в Золотой Орде – Маджары XIV в.,[167] мавзолей Борга-Каш XV в. в Чечено-Ингушетии [168] и многочисленные мавзолеи Азербайджана XII–XV вв.[169]

О том, что появление в Балкарии надземных склепов является материальным отражением социального расслоения общества, свидетельствует, **во-первых,** то, что каждый из этих склепов приписывается отдельным княжеским семьям (склепы Абаевых, Балкаруковых, Урусбиевых, Мисаковых, Аккуловых, Крымшаухаловых и т. п.). **Во-вторых,** они принадлежали отдельным лицам – главе феодальной фамилии или семьи (например, склепы таубиев Сосрана и Алимурзы Абаевых, склеп родоначальника фамилии Мисаковых – Мисаки в Черекском и склеп Камгута в Баксанском ущельях и т. д.). **В-третьих,** надземные склепы-мавзолеи располагаются на синхронных кладбищах XIV–XVIII вв., где основная часть могил – либо каменные ящики, либо полуподземные склепы, одновременные с мавзолеями. Основная масса населения хоронила своих покойников в этих могилах, и лишь особо выделившаяся из основной массы – феодализирующаяся, а затем и феодальная верхушка (таубии – горские князья) хоронила в склепах-мавзолеях. Обычай хоронить своих покойников – членов своей фамилии в своем мавзолее строго соблюдался. Надземных склепов в общем-то не так много, как полуподземных или каменных ящиков, и, естественно, в них не могли хоронить всех покойников. Не всякая семья могла построить себе такое погребальное сооружение. **В-четвертых,** в Балкарии и Карачае надземные склепы содержали не более трех погребений, что заставляет считать их княжескими мавзолеями.

Все эти факты дают право полагать, что склепы-мавзолеи возникли в Балкарии и Карачае вследствие социального расслоения общества и выделения из общей среды крупных феодальных фамилий. Как при жизни эти феодалы и князья строили себе башни, крепости, замки и отмежевывались от основной массы населения, которое жило в обыкновенных горских саклях, точно так же и после смерти их хоронили в склепах-мавзолеях и этим самым обособляли семью или фамилию. Тот факт, что в Ингушетии, где феодальные отношения не столь были выражены, как в Балкарии [170], при выдаче дочери замуж или женитьбе сына в старину родители осведомлялись, есть ли у них родовой склеп, и если такового не оказывалось, брак между ними становился невозможным [171], свидетельствует опять-таки о социальном расслоении и неравенстве родов или фамилий, даже на более ранней стадии.

Из всего сказанного вытекает одно, что в отличие от других районов Северного Кавказа надземные склепы появились в Балкарии и Карачае не в силу религиозного культа или малоземелья, а в силу становления

феодального строя в этих областях. Если появление их объяснять религиозными причинами, то мы должны признать, что склепы должны были иметь каждый род, фамилия и семья, поскольку религиозные обряды всюду общие для всей этнической группы населения, которая этот обряд соблюдает. А поскольку эти склепы имели лишь отдельные фамилии, семьи и лица, то главная причина возникновения их в Балкарии и Карачае кроется в социально-экономической структуре общества – развитии и становлении феодальных устоев.

Если же объяснять появление склепов-мавзолеев малоземельем, то отсюда вытекает, что те крупные феодальные фамилии, которые имели башни, замки, крепости и мавзолеи (например, Абаевы, Мисаковы, Балкаруковы и др.), больше всего страдали малоземельем. Как видно, вывод отсюда получается более чем парадоксальный.

Таким образом, надо полагать, что появление надземных склепов-мавзолеев в Балкарии и Карачае, по крайней мере, начиная с XIV–XV вв., объясняется прежде всего социально-экономическими условиями, выделением крупных таубиев. Они являются материальным отражением расслоения общества. Это хорошо прослеживается как на примере анализа башенных и замковых сооружений, так и погребальных памятников позднего Средневековья.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Башенные и склеповые сооружения были распространены в высокогорной полосе Балкарии и Карачая. Количество их шло по линии уменьшения от верховьев реки Черек к Кубани, с промежуточным скоплением у сел. Верхний Чегем. На равнинной территории Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии оборонительных сооружений башенного типа не было, за исключением одной башни Адиюх в Карачаево-Черкесии, построенной в XVIII в. Сравнительно поздние и в основном многогранные надземные склепы XVIII–XIX вв. были известны на равнинной территории Кабардино-Балкарии.

К настоящему времени в Балкарии и Карачае более или менее сохранилась лишь часть оборонительных сооружений, некогда созданных балкарцами и карачаевцами. В прошлом их было намного больше.

Анализ сохранившихся башенных построек позволяет разделить их на две большие группы. Каждая из этих групп содержит в себе несколько типов сооружений. К первой группе (А) относятся сооружения, расположенные на труднодоступных вершинах и склонах гор. Ко второй группе (Б) относятся башни, сооруженные непосредственно в самих аулах или вблизи от них, в долине. В зависимости от своего расположения эти сооружения

отличаются как хронологически, так и рядом конструктивных особенностей.

Сооружения группы А более ранние. В свою очередь они делятся на сооружения XIII–XIV вв., которые рассматриваются нами как родовые башни. Поздние сооружения группы А относятся к XV–XVI вв. Они представляют собой более совершенные оборонительные комплексы – это замки и целые системы сооружений с цитаделями. Эта категория сооружений свидетельствует о довольно развитом уровне феодальных отношений, о возникновении крепостей феодалов – замков.

Группа Б более поздняя и относится к XVII–XVIII вв. Эти башни уже определенно принадлежат балкарским князьям-таубиям. Их расположение в самих аулах, а не на недоступных вершинах гор свидетельствует о том, что феодальные отношения прочно вошли в жизнь балкарского и карачаевского общества.

В начале XVII–XVIII в. наличие в этих обществах помещиков и князей засвидетельствовано русскими и грузинскими документами.

Проанализированные фортификационные памятники свидетельствуют о довольно высоком уровне строительного мастерства их создателей. Они являются важнейшими источниками для освещения многих существенных вопросов позднесредневековой истории балкарского и карачаевского народов.

На территории Балкарии и Карачая некогда было большое количество и различных склеповых сооружений. Большему разрушению подверглись надземные склепы, К настоящему времени их сохранилось 17 экземпляров. Как и башенные сооружения, они идут по убывающей линии от Верхней Балкарии к Карачаю с промежуточным скоплением у сел. Верхний Чегем.

Надземные склепы в Кабардино-Балкарии выходят за пределы горной зоны только в XVIII–XIX вв. Полуподземные же склепы в равнинных районах неизвестны.

Позднесредневековые полуподземные склепы являются продолжением ранних и имеют с ними много общих, преемственных черт. Судя по многочисленности полуподземных склепов в сравнении с наземными и наличию в них десятков скелетов, их можно рассматривать как родовые и фамильные склепы балкарцев и карачаевцев. Эти склепы бытуют в Балкарии и Карачае с IV–V по XVI в.

В XIV–XV вв. здесь появляются надземные склепы и строятся до XVIII в. включительно. Поскольку они содержат всегда одно или не более трех погребений и принадлежат отдельным княжеским лицам или их семьям, постольку правомерно их считать феодальными усыпальницами, мавзолеями балкарских и карачаевских таубиев. На определенном этапе развития балкарского и карачаевского общества (XV–XVI вв.) полуподземные и надземные склепы сосуществуют – первые доживают свое время и постепенно угасают, вторые начинают свое развитие.

Тот факт, что надземные склепы не так многочисленны, как одновременные полуподземные и другие виды могил, и всегда находятся в окруже-

нии последних, свидетельствует также о социальной причине возникновения надземных усыпальниц. Более ранние надземные склепы XV–XVI вв. соответствуют поздним типам башенных сооружений группы А.

Анализ архитектурных особенностей позволяет разделить надземные склепы на три группы – круглоплановые с конусообразной крышей, прямоугольные с двускатной и многогранные с пирамидальной крышей. Многогранные склепы с пирамидальными крышами являются самыми поздними и относятся к XVII–XVIII вв. Они появляются с распространением ислама.

Изучение башенных и склеповых сооружений во взаимосвязи их между собой и в сопоставлении с памятниками предшествовавших эпох позволяет объяснить появление в высокогорных районах Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии большого количества башен, замков, крепостей и надземных склепов и мавзолеев, с одной стороны, внутренними социальными причинами – развитием и становлением феодальных отношений в горских обществах Балкарии и Карачая, а с другой – причинами внешнеполитического порядка – нашествием монголо-татар, Тимура и продвижением адыгских племен (XIV–XV вв.), окончательно замкнувших балкарцев и карачаевцев в ущельях Центрального Предкавказья.

Сравнительное изучение этих памятников с синхронными и аналогичными памятниками соседних областей выявляет в них как общие, так и специфические особенности, присущие каждому району. Специфика проявляется в погребальном обряде, связанном с надземными склепами, в архитектурных деталях и конструкции, в особенностях эстетического вкуса каждого народа.

Сопоставительный анализ надземных склепов северокавказских народов позволил разделить их на две большие локальные группы по архитектурным деталям и погребальному обряду. Восточная группа объединяет надземные склепы Чечено-Ингушетии и иронский вариант североосетинских склепов.

Отличительными особенностями этой группы являются: пирамидальные и двускатные ступенчатые крыши, наличие ниш, полок, разделяющих внутреннее пространство склепов на ярусы, наличие выступающих из стен шиферных плит с отверстиями и поминальные камеры. Кроме того, они предназначались для захоронения нескольких десятков покойников.

Западная группа отличается гладкими крышами, устройством могил в грунте, под полом склепов, отсутствием полок, ниш и шиферных плит с отверстиями. Склепы этой группы содержали одиночные или не более трех погребений.

К западной группе относятся склепы Дигории, Балкарии и Карачая.

Безусловно, внутри этих двух больших групп надземных склепов возможны отдельные микролокальные особенности, как и в изучаемых областях.

Дальнейшее исследование архитектурно-археологических объектов Балкарии и Карачая на фоне сравнительного изучения различных па-

мятников, в сопоставлении с данными этнографии, фольклора и других смежных наук, несомненно, будет способствовать более глубокому и всестороннему освещению средневековой истории балкарского и карачаевского народов.

Нальчик: Эльбрус, 1970

Примечания

[1] *Кокиев Г. А.* Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // КЮОНИИК. Сталинир, 1935. Вып. 2. С. 217–218.

[2] *Крикунова Е. О.* Документы по истории балкарского народа. Нальчик, 1959; 1962.

[3] *Невская В. П.* Социально-экономическое развитие Карачая в пореформенный период. Черкесск, 1960; *Она же.* Карачай в пореформенный период. Черкесск, 1964; *Азаматов К.* Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX в. Нальчик, 1968.

[4] Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961.

[5] *Лайпанов Х. О.* К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.

[6] *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Вып. 4. С. 57–119.

[7] Кабардино-Балкарская АССР // Материалы и исследования по археологии СССР М.; Л., 1941. № 3.

[8] О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

[9] Там же. С. 310.

[10] Очерки истории балкарского народа. С. 25; *Алексеева Е. П.* Балкарцы и карачаевцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963. С. 5.

[11] *Алексеева Е. П.* Некоторые замечания по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев по данным археологии // О происхождении балкарцев и карачаевцев... С. 96–107; *Акритас Я. Г.* // Там же. С. 276–279.

[12] История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1.; Очерки по истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1.

[13] *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. Вып. 3. С. 27–28.

[14] *Крупнов Е. И.* Краткий очерк археологии Кабарды. Нальчик, 1948. С. 42–46.

[15] *Кузнецов В. А.* Основные проблемы археологии Северной Осетии // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25. С. 206.

[16] *Иессен А. А.* Указ. соч. С. 8–14; *Павлов Д. М.* Искусство и старина Карачая // СМОМПК. Махачкала, 1926. Вып. 45. С. 233–264; *Минаева Т. М.* Из истории археологических обследований верховья р. Кубани // УЗСГПИ. Ставрополь, 1951. Т. 7. С. 211–236.

[17] *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 74–100.

[18] *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Архитектурно-археологические памятники горной зоны КБАССР // УЗКБНИИ. Нальчик, 1960. Т. 17. С. 67–92.

[19] *Мизиев И. М.* Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1967; *Она же*. О некоторых оборонительных сооружениях средневековой Балкарии // КСИА. М., 1968. Вып. 113. С. 63–66.

[20] Нумерация памятников на карте сквозная, независимо от типов и групп.

[21] *Ионе Г. И.* Верхне-Чегемские памятники VI–XIV вв. // УЗКБНИИ. Нальчик, 1963. Т. 19. С. 183–194; *Чеченов И. М.* Указ. соч. С. 80–84.

[22] *Фиркович А.* Археологические разведки на Кавказе // ТВОИРАО. СПб., 1858. Ч. 3. С. 104–137; *То же* // ЗИРАО. СПб., 1857. Т. 9. Вып. 2; Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (в Сванетию) с археологической целью летом 1867 г. // ИИРАО. СПб., 1877. Т. 8. Вып. 3. С. 325–367.

[23] *Чеченов И. М.* Указ соч. С. 80–84.

[24] Там же. С. 80–82.

[25] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963.

[26] Наиболее ценные сведения о них см.: МАК. М., 1888. Вып. 1; МАК. М., 1904. Вып. 10; ВЕ. 1884. Вып. 4. С. 548 и сл.; ВЕ. 1888. Вып. 4. С. 185–187; *Семенов Л. П.* Указ. соч.; *Кокиев Г. А.* Указ. соч. С. 217–234; *Байерн Ф.* О древних сооружениях на Кавказе // ССК. Тифлис, 1871. Т. 1. С. 298–301; *Щеблыкин И. П.* Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // ИИНИИ. Владикавказ, 1928. Т. 1 ; *Касвраули Н.* Хевсуретия. Тифлис, 1929; *Макалатия С. И.* Хевсуретия. Тбилиси, 1940; *Семенов Л. П.* Отчет об археологических работах в Северной Осетии в 1926 году // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1925/ 210; *Ошаев М. Х.* Рекогносцировочное описание памятников Средневековья реки Терлой-Ахк (Горная Чечня) // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. С. 152–162; А*критас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Архитектурно-археологические памятники...; *Робакидзе А. И.* Жилища и поселения горных ингушей // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. Вып. 2. С. 41–117; *Марковин В. И.* В стране вайнахов. М., 1969; *Джадтиев Р. Г.* Средневековые бытовые памятники верховьев р. Большой Лиахвы // Известия ЮОНИИ. Цхинвали, 1968. Вып. 15. С. 155–176.

[27] *Лавров Л. И.* Кто и когда построил башню Адиюх // Красная Черкесия. 1940. № 289; *Он же.* ЭПСК. М., 1968. Ч. 2. С. 143.

[28] *Чеченов И. М.* Указ. соч. С. 118.

[29] Три из них являются составными частями Верхне-Чегемского городища, поэтому нецелесообразно рассматривать их в отрыве от него.

[30] *Мизиев И. М.* Отчет археологической экспедиции КБНИИ 1965 г. // Архив АН СССР. Р-I, № 3127; Архив КБНИИ, д. 1746, с. 14–15.

[31] Там же. С. 26–27; *Акритас П. Г., Медведева О. П., Шаханов Т. Б*. Дневник археологических разведок в 1958 г. // Архив КБНИИ, д. 1760, с. 12.

[32] *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях // СМОМПК. 1913. Вып. 43. С. 112.

[33] *Мизиев И. М.* Балкарская крепость. Отчет... за 1965 г. С. 18–19.

[34] *Миллер В. Ф.* Археологические экскурсии в горские общества Кабарды // МАК. М., 1888. Вып. 1. С. 77–80.

[35] Крепость Болата. Краткое описание под названием «Карча-кала» дано в ст.: *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Архитектурно-археологический памятник... С. 87–88.

[36] *Мизиев И. М.* Отчет об археологических работах в Карачаево-Черкесской АО в 1966 г. // Архив ИА АН СССР. Р-I, д. 3747.

[37] *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 78. Табл. VIII (б); *Харузин Н.* Указ. соч. С. 186–187; *Далгат Б.* Поездка к Чегемским ледникам. Владикавказ, 1898. С. 7; *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Указ. соч. С. 76–82. Рис. 4–7; *Лавров И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. С. 99 (рис. из альбома Д. А. Вырубова); *Савчук С. П.* Путеводитель по Кабардинской АССР. Нальчик, 1948. С. 41.

[38] *Миллер В. Ф.* Указ. соч. Табл. XVIII (нижн. рис.).

[39] *Фиркович А.* Указ, соч. // ЗРАО. С. 400–401; *Миллер В., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды // ВЕ. 1884. – Кн. 4. С. 548; *Миллер В. Ф.* Указ соч. С. 77; *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Указ. соч. С. 70–74.

[40] *Мизиев И. М.* Отчет... за 1965 г. С. 27–31.

[41] *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 78–80. Табл. XVIII; *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Указ. соч. С. 76–80.

[42] *Фиркович А.* Указ. соч. С. 401*; Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 77–78; ИАК. СПб., 1902. Прибавление к вып. 2. С. 33; *Акритас П. Г., Шаханов Т. В., Медведева О. П.* Указ. соч. С. 74–76; *Робакидзе А. И.* Формы поселения в Балкарии // МЭГ. Тбилиси, 1960. Вып. 11. С. 105. Табл. XVII (*На груз. яз.*); *Мизиев И. М.* Отчет... за 1965 г. С. 25–26; *Лавров Л. И.* Указ. соч. С. 100, рис. из альбома Д. А. Вырубова; *Савчук С. П.* Указ. соч. С. 38.

[43] *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Дневник... С. 19–20; *Мизиев И. М.* Отчет об археологических работах в Верхней Балкарии и у селения Ташлы-Тала в 1968 г. // Архив ИА АН СССР. Р-I., д. № 3693; Архив КБНИИ, д. 1829.

[44] *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 77–79; *Фиркович А.* Указ. соч. С. 397–401; *Долбежев В. И.* ОАК за 1893 г. СПб., l895. С. 102–103; *Харузин Н.* По горам Северного Кавказа // ВЕ. 1888. № 11. С. 189–190; *Белоконский И.* На высотах Кавказа. М., 1906. С. 41; *Ланге Б. А.* Балкария и балкарцы // Кавказ. 1903. № 288; *Ермоленко М. И.* Путеводитель по Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1928. С. 74; *Анисимов С.* Кавказские Альпы. М.; Л., 1929. С. 181; *Лунин Б. В.* Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 году // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1–2. С. 75; *Робакидзе А. И.* Указ. соч. С. 103–104. Табл. XII.

[45] *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Дневник... С. 18; *Мизиев И. М.* Отчет... за 1965 г. С. 11–12. Под названием башни Амирхановых, или Карча-кала, содержатся сведения об исчезнувшей башне Абаевых в ауле Шканты в следующих работах: *Ланге Б. А.* Указ. соч. // Кавказ. № 288; *Лунин Б. В.* Указ. соч. С. 75; *Рашевский Н. И.* Из Алагира в Нальчик // Ежегодник Русского горного общества. 1902. Т. 2. С. 120.

[46] *Тульчинский Н. П.* Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Т. 6. С. 289; *Анисимов С.* Указ соч. С. 161; *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Указ. соч. С. 82–84; *Фиркович А.* Указ. соч. С. 399; *Мизиев И. М.* Отчет... за 1965 г. С. 24–25.

[47] *Миллер В. Ф., Ковалевский М.* Указ. соч. С. 551–562; *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 77–78; *Харузин Н.* Указ. соч. С. 189–190; *Долбежев В. И.* // ОАК. 1893. Извлечение. С. 102–103; *Ланге Б. А.* Указ. соч.; *Далгат Б.* Указ. соч. С. 17; *Белоконский И.* Указ. соч. С. 41; *Конопасевич В.* Безенги – Чегем – Джайлык-баши // ЕРГО. 1914. Вып. 10. С. 82; *Савчук С. П.* Указ. соч. С. 35; *Тульчинский Н.* Указ. соч. С. 309–312; *Ермоленко М. И.* Путеводитель... С. 74; *Анисимов С.* Кавказские Альпы. С. 148, 181; *Zickp E.* Voyages au

Caucase et en Asie Centrale. Budapest, 1897. Vol. 1. Табл. LIX; *Лунин Б. В.* Указ. соч. С. 75; *Робакидзе А. И.* Указ. соч. С. 103–104. Табл. XII; С. 105–107. Табл. XIX–XX; *Он же.* Форма поселения в Балкарии // МЭГ. Тбилиси, 1963. Вып. XII–XIII. С. 194–197 (*На груз. яз.*); *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Указ. соч. С. 84–86 и др.

[48] *Миллер В. Ф.* Указ. соч. Табл. XVIII (верх. рис.).

[49] Там же. С. 78–80.

[50] *Уварова П. С.* Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию // МАК. Вып. 10. 1904. С. 41. Табл. XXa. Рис. 1; С. 44. Рис. 2.

[51] *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 77.

[52] *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Указ. соч. С. 84–86.

[53] Там же. С. 84–86.

[54] *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 78.

[55] *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Указ. соч. С. 86.

[56] *Семенов Л. П.* Археолого-этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. // Сборник. Грозный, 1963; *Щеблыкин И. Я.* Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // ИИНИИ краеведения. Владикавказ, 1928. Вып. 1.

[57] *Кокиев Г. А.* Указ. соч. С. 224.

[58] *Миллер В. Ф.* Указ. соч. Табл. VII, VIII, X, XVIII; *Семенов Л. П.* Указ. соч. С. 22, 38, 54, 135; *Щеблыкин И. П.* Указ соч.; *Он же.* Отчет об экспедиции Северо-Кавказского института краеведения за 1924–1925 гг. // Архив ЛОИА СССР. Ф. 2, оп. 1, д. № 1925/210; *Макалатия С.* Хевсуретия. – Тбилиси, 1940; *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Указ. соч. С. 69, 92.

[59] *Семенов Л. П.* Указ. соч.; *Щеблыкин И. П.* Указ. соч.

[60] *Семенов Л. П.* Указ. соч. С. 10; *Щеблыкин И. П.* Л. 34.

[61] *Семенов Л. П.* Указ. соч. С. 10.

[62] Там же. С. 22; *Кокиев Г. А.* Указ. соч. С. 220–221.

[63] Там же; *Щеблыкин И. П.* Отчет… Л. 34; *Ошаев М. Х.* Рекогносцировочное описание памятников Средневековья реки Терлой-Ахк (Горная Чечня) // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. С. 159–160.

[64] *Щеблыкин И. П.* Отчет… Л. 34 (об.); *Ошаев М. Х.* Указ. соч. С. 161.

[65] *Семенов Л. П.* Указ. соч. С. 22, 54; *Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Архитектура горных районов Грузии. М., 1940; *Марковин В. И., Кузнецов В. А.* Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 г. // Известия Чечено-Ингушского музея краеведения. Грозный, 1961. Вып. 10. С. 106–107; *Виноградов В. Б., Саламов А. А.* Об одной попытке освещения грузино-вайнахских связей // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1966. С. 174–175.

[66] *Кокиев Г. А.* Указ. соч. С. 219, 221; *Виноградов В. Б., Саламов А. А.* Указ. соч. С. 174.

[67] *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Указ. соч. С. 69, 92.

[68] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962 (см. Западный и Центральный варианты аланской культуры).

[69] *Алексеева Е. Л.* Археологические раскопки в районе сел. В. Чегем // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1960. Вып. 9. С. 200–201; *Ионе Г. И.* Верхнечегемские памятники VI–XIV вв. // УЗКБНИИ. Нальчик, 1962. Т. 19. С. 190–194; *Кузнецов В. А.* Указ. соч. (Центр. вариант); *Чеченов И. М.* Указ. соч. С. 48–73.

70. *Деген-Ковалевский Б. Е.* Работа на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Известия ГАИМК. Вып. 148. С. 15; *Алексеева Е. П.* О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960. С. 24.

71. *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 24–27; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. С. 130; *Он же.* К вопросу о позднеаланской культуре // СА. 1959. № 2. С. 117–118; *Его же.* Аланы // Искусство стран и народов мира. Энциклопедический сборник. М., 1962. Т. 1. С. 68.

72. *Деген-Ковалевский Б. Е.* Указ. соч. С. 15.

73. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 82–83.

74. *Чеченов И. М.* Указ. соч. С. 66.

75. *Амиранишвили Ш. И.* Грузинское искусство. Тбилиси, 1968. С. 8–9.

76. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в Южно-Русских степях // МИА. М., 1958. Вып. 62. С. 192–193; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М., 1967. С. 218–219; *Лавров Л. И.* Указ. соч. С. 77, 85.

77. *Мелитаури К. Н.* Крепости дофеодальной и раннефеодальной Грузии. Тбилиси, 1969. С. 12–15.

78. *Лавров Л. И.* Нашествие монголов на Северный Кавказ // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 98–102.

79. Ранее предложенная нами датировка этих типов несколько занижена. См.: *Мизиев И. М.* Об оборонительных сооружениях... С. 66.

80. *Лавров Л. И* . Карачай и Балкария... С. 77–78. *Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И.* Характер сословных отношений в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. Вып. 2. С. 151–156.

81. Там же. С. 157.

82. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник сведений, относящихся к истории Золотой Орды. 1941. Т. 2. С. 181–183.

83. Там же.

84. *Лавров Л. И.* Указ. соч. С. 86–87; *Мизиев И. М.* О некоторых оборонительных сооружениях средневековой Балкарии... С. 66.

85. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные С. Броневским. – М., 1823. Ч. 2. С. 216; *Лавров Л. И.* Указ. соч. С. 86.

86. *Кушева Е. И.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 7; *Кокиев Г. А.* Указ. соч. С. 222, 229; *Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И.* Указ. соч. С. 162–163.

87. *Кокиев Г. А.* Указ. соч. С. 230; *Щеблыкин И. П.* Указ. соч. С. 21; *Яковлев Н. Я.* Ингуши. М.; Л., 1925. С. 90.

88. *Лавров Л. И.* Указ. соч. С. 84–85.

89. Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1960. С. 29–33.

90. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1. С. 120–125, 242; Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639–1640); Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских при Московском университете. М., 1887. Кн. 2. С. 302–305, 309–310, 313, 318; *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 77–78; *Вахушти.* География Грузии // ЗКОРГО. Тифлис, 1904. Кн. 24. Вып. 5. С. 141–150.

[91] Основные сведения о северокавказских склеповых сооружениях см.: *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 25–28. Рис. 38–39; С. 58. Рис. 68; *Семенов Л. П.* Указ. соч.; *Щеблыкин И. П.* Искусство ингушей в памятниках материальной культуры; *Семенов Л. П.* Эволюция ингушских святилищ // Труды секции археологии РАНИОН. 1929. Вып. 4. С. 454–461; *Кокиев Г.* Склеповые сооружения Северной Осетии. Владикавказ, 1928; *Лавров Л. И.* Из поездки в Балкарию // СЭ. М., 1939. № 2. С. 175–181; *Алексеева Е. П.* Археологические работы у сел. В. Чегем. 1959. С. 194–195; *Марковин В. И.* В стране вайнахов. М., 1968.

[92] *Лавров Л. И.* // ЭПСК. Ч. 2. С. 156.

[93] *Güldenstadt I. A.* Reisen durch Russland und im Caucasischen Geburge. II. СПб., 1791. С. 10–11; *Pallas P. S.* Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. I. Leipzig, 1799. С. 319. Рис. 7; С. 358–359; *Нарышкины*. Указ. соч. С. 328; *Долбежев В. И.* Отчет…; *Иессен А. А.* Указ. соч. С. 31; *Он же.* Отчет о работе Баксанской экспедиции 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941. С. 220–236; *Лавров Л. И.* Об арабских надписях Кабардино-Балкарии // УЗКБНИИ. Нальчик, 1960. Т. 17. С. 97–110.

[94] Ханские могильники в Чегемском обществе // Нива. 1891. № 13. С. 301–304.

[95] *Фиркович А.* Археологические разведки на Кавказе // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. СПб., 1858. Ч. 3. С. 104–137; *Токарев П.* Поездка на снеговой хребет северо-западной цепи Кавказа // Современник. СПб., 1851. Т. 28. Отд. 6. С. 7, 13–14; *Миллер В. Ф.* Археологические экскурсии…; *Долбежев В. И.* Отчет о раскопках в Терской области в 1888 г. // Архив ЛО ИА АН СССР. Фонды бывш. Имп. арх. ком., д. 12/1888, л. 53, 54; См. также ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. 299; *Сысоев В. М.* Поездка на р. Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1896 г. С. 115–136; *Он же*. Древности по верхнему течению Кубани // МАК. Вып. 9. С. 154–158; *Он же.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. С. 117; Многие склепы-мавзолеи Балкарии отмечены Д. А. Вырубовым (бывш. нач. Нальчикского округа Терской области) (Архив ЛО ИА АН СССР, д. Имп. арх. ком. № 252/1897 г., л. 25–27 и сл.).

[96] *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924–1925 гг. С. 76; *Он же.* Рукописный отчет о работах в Балкарии в 1924 г. // Архив ЛО ИА АН СССР, ГАИМК, № 102/1924, ф-24. № 58; *Лавров Л. И.* Из поездки в Балкарию. С. 175–181; *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. С. 30–31; А*лексеева Е. П.* Археологические раскопки в районе села Верхний Чегем. С. 193–195; *Кузнецов В. А.* Отчет об археологических разведках в Балкарии и районе Кисловодска // Архив ИА АН СССР. Р-I, д. 2007, с. 17; д. 2007а, рис. 89.

[97] *Мизиев И. М.* Отчет об археологических работах в Балкарии в 1965 году // Архив ИА АН СССР. Р-I, д. 3127; Архив КБНИИ, д. 1746; *Он же.* Отчет об археологических работах в Карачае в 1966 году // Архив ИА АН СССР. Р-I, д. 3747; Архив КБНИИ, д. 1745; *Он же.* Отчет об археологических работах КБНИИ в 1968 году // Архив ИА АН СССР. Р-I, д. 3693; Архив КБНИИ, д. 1829.

[98] Основные сведения о каждом из них см. по ходу описания.

[99] *Миллер В. Ф.* // МАК. Вып. 1. С. 25–28. Рис. 38–39; С. 58. Рис. 68; *Кокиев Г.* Склеповые сооружения горной Осетии; *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические

разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг.; *Щеблыкин И. П.* Указ. соч.; *Максимов П.* Кавказ без романтики. Ростов н/Д, 1931. С. 209 и сл.; *Марковин В. И.* Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргун. С. 256–270; *Макалатия С. И.* Хевсуретия. Тбилиси, 1940. С. 177–179; *Эристов Р.* О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе // Записки Закавказского отделения Русского географического общества. Тифлис, 1885. Кн. 3. С. 80–81.

[100] *Мизиев И. М.* Отчет… за 1965 г. С. 6–7.

[101] Там же. С. 23–24.

[102] *Савчук С. П.* Указ. соч. С. 41; *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Дневник... С. 18.

[103] *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах СКАЭ ГАИМК в 1924–1925 гг. С. 78–79. Рис. 7; *Мизиев И. М.* Отчет… за 1965 г. С. 8–10.

[104] Фотоархив ЛО ИА АН СССР // Материалы Баксанской экспедиции ГАИМК. 1933 г., нег. I, № 7944, 7802; *Нарышкины*. Указ. соч. С. 332–333; *Тепцов В.* По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Вып. 14. Тифлис, 1892. С. 93–94, 141–142.

[105] *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. С. 117 (рис. из альбома Д. А. Вырубова); *Лайпанов Х.О.* К истории карачаевцев и балкарцев. С. 19.

[106] *Лавров Л. И.* Из поездки в Балкарию. С. 175–181; *Савчук С. П.* Указ. соч. С. 35–37.

[107] *Алексеева Е. П.* Археологические раскопки в районе с. Верхний Чегем в 1959 г. С. 194.

[108] *Миллер А. А.* Отчет о работах СКАЭ. ГАИМК... С. 80. Рис. 8; *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Дневник... С. 20; *Мизиев И. М.* Отчет за 1968 год; *Он же.* Могильник Курнаят в Кабардино-Балкарии // Археологические открытия. 1968. М., 1969. С. 126.

[109] *Миллер А. А.* Указ. соч. С. 80. (Принял этот склеп за христианскую часовню).

[110] *Лавров Л. И.* // ЭПСК. Ч. 2. С. 88.

[111] *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом к историческом отношении... С. 110–111; *Мизиев И. М.* Отчет... за 1966 г.

[112] *Мизиев И. М.* Отчет... за 1965 г. С. 31–32.

[113] *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Архитектурно-археологические памятники... С. 88–90.

[114] Фотоматериалы фольклорно-этнографической экспедиции КБНИИ в 1939 г. // Архив КБНИИ. Д. 1051, рис. 15; *Мизиев И.М.* Отчет... за 1965 г. С. 39–40.

[115] *Акритас П. Г., Шаханов Т. Б., Медведева О. П.* Дневник... С. 18; *Кузнецов В. А.* Отчет об археологических разведках в Балкарии и районе Кисловодска в 1959 году // Архив ИА АН СССР. Д. 2007, с. 17; альбом к отчету, д. 2007а, рис. 89.

[116] *Тепцов В.* Указ. соч. С. 148.

[117] *Миллер А. А.* Археологические экскурсии… С. 82–83.

[118] *Тепцов В.* Указ. соч. С. 161–163; Ханские могильники... С. 301, 304; *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария… С. 116.

[119] *Лавров Л. И.* // ЭПСК. Ч. 2. С. 58–59.

[120] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 194.

[121] Там же.

[122] Там же.

[123] *Лавров Л. И.* Об арабских надписях... С. 117; *Он же* // ЭПСК. Ч. 1. С. 22.

[124] *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 96.

[125] *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. 8. С. 242.

[126] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания... С. 63–64.

[127] *Марковин В. И.* Чеченские средневековые памятники в верховьях с. Чанты-Аргун... С. 269.

[128] *Макалатия С. И.* Указ. соч. С. 179.

[129] *Кокиев Г.* Склеповые сооружения горной Осетии. С. 65–66.

[130] *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. С. 31.

[131] *Алексеева Е.* П. Археологические разведки у селения Верхний Чегем в 1959 г. С. 195.

[132] *Иессен А. А.* Указ. соч. С. 31; *Лавров Л.И.* Из поездки в Балкарию… С. 175–181; *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 195; *Нарышкины.* Указ. соч. С. 328.

[133] *Бретаницкий Л. С.* Зодчество Азербайджана XII–XV вв. М., 1966. С. 188. 199, 240, 242 и др.

[134] *Иессен А. А.* Указ. соч. С. 31.

[135] *Лавров Л. И.* // ЭПСК. Ч. 1. С. 152; *Он же.* Об арабских надписях… С. 97–118; *Тменов В. Х.* Археологическое исследование «Города мертвых» у села Даргавс в 1967 году // МАДИСО. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. С. 157.

[136] *Иессен А. А.* Указ. соч. С. 31.

[137] Там же.

[138] *Паллас П. С.* Указ. соч. Т. 1. С. 319, 363; *Деген-Ковалевский Б. Е.* Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции: Археологические работы на новостройках в 1932–1933 гг. М.; Л., 1935. ИГАИМК. Вып. 110. Ч. 2. С. 14–15; *Лавров Л. И.* Об арабских надписях... С. 117; *Чеченов И. М.* Указ. соч. С. 76–77; *Лавров Л. И.* // ЭПСК. Ч. 2. С. 122.

[139] *Лавров Л. И.* Об арабских надписях... С. 122.

[140] *Щеблыкин И. П.* Указ. соч. С. 26–27; *Кокиев Г.* Указ. соч. С. 25.

[141] *Семенов Л. П.* Указ. соч. С. 154; *Кокиев Г.* Указ. соч. С. 12, 14, 25.

[142] *Семенов Л. П.* Указ. соч. С. 19, 50; *Щеблыкин И. П.* Указ. соч. С. 26; *Марковин В. И.* Указ. соч. С. 258, 260. Рис. 6 (1–5); *Миллер В. Ф.* // МАК. – Ч. 1. С. 28. Рис. 42–43.

[143] *Семенов Л. П.* Указ. соч. С. 19; *Щеблыкин И. П.* Указ. соч. С. 26; *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 27. Рис. 40–41.

[144] *Щеблыкин И. П.* Указ. соч. С. 26–27; *Марковин В. И.* Указ. соч. С. 265–266; *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 25. Рис. 38–39.

[145] *Семенов Л. П.* Указ. соч. С. 20; *Щеблыкин И. П.* Указ. соч. С. 27; *Марковин В. И.* Указ. соч. С. 267.

[146] *Семенов Л. П.* Указ. соч. С. 23.

[147] *Щеблыкин И. П. Указ. соч. С. 26; Марковин В. И.* Указ. соч. С. 258, сл.

[148] *Семенов Л. П.* Указ. соч. С. 19; *Марковин В. И.* Указ. соч. С. 261–265.

[149] *Марковин В. И.* Указ. соч. С. 268.

[150] *Семенов Л. П.* Указ. соч. С. 23, 154; *Кокиев Г.* Указ. соч. Рис. 1–2, 7–8, 10, 13, 18; *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 58. Рис. 68; С. 59. Рис. 71.

[151] *Кокиев Г.* Указ. соч. С. 12, 25–26; *Марковин В. И.* Указ. соч. С. 269.

[152] *Кокиев Г.* Указ. соч. С. 8–22.

[153] *Кокиев Г.* Указ. соч. С. 12, 14, 25. Рис. 7, 8, 10, 13, 18.

[154] Там же. С. 22.

[155] Там же. С. 25.

[156] Там же. С. 19.

[157] Там же. С. 12, 25.

[158] Там же. С. 12.

[159] Там же.

[160] Там же.

[161] Там же. С. 25–26.

[162] *Мизиев И. М.* Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая... С. 17–18.

[163] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии. С. 75–77.

[164] *Кокиев Г.* Указ. соч. С. 67.

[165] *Марковин В. И.* Указ. соч. С. 269.

[166] *Лавров Л. И.* Об арабских надписях... С. 117; *Он же* // ЭПСК. Ч. 2.

[167] *Ртвеладзе Э. В.* Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // СА. М., 1969. Вып. 4. С. 262–265.

[168] *Семенов Л. П.* Мавзолей Борга-Каш // ИИНИИ. – Владикавказ, 1928. Вып. 1. С. 217–232; *Лавров Л. И.* Надписи мавзолея Борга-Каш // ИЧИНИИ. Грозный, 1964. Т. 5. Вып. 1. С. 162–163.

[169] *Бретаницкий Л. С.* Указ. соч. С. 96–130, 167–201, 240–242.

[170] *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 80–82, 175; *Она же.* О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 160, 184.

[171] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания. С. 75.

Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII веков

Важнейшие этногенетические аспекты

Глава I
ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Предпринимая попытку комплексного анализа традиционной культуры балкарцев и карачаевцев с точки зрения ее этногенетической информативности, с сожалением приходится начинать с констатации того, что источниковая база этой проблемы до сих пор не систематизирована. Такое положение сложилось несмотря на то, что многие источники, о которых пойдет речь ниже, часто фигурируют в трудах историков и этнографов по XIX–XX вв. – А. И. Мусукаева, К. Г. Азаматова, М. Ч. Кучмезовой, Ю. Н. Асанова, К. М. Текеева, И. М. Шаманова и др., а также постоянно используются в работах археологов Е. П. Алексеевой, Х. Х. Биджиева и др.

Кроме того, следует отметить, что вводимые нами в оборот некоторые сведения вовсе не использовались прежде при освещении истории и культуры балкарского и карачаевского народов. Итак...

1. Письменные источники о балкарцах и карачаевцах

Как указывалось, письменные сведения об этих народах чрезвычайно скудны и отрывочны. Тем более высока цена любого источника, сколь-нибудь касающегося названных народов. Нам кажется возможным начать с сообщения писателя X в. Ибн Рустэ (Ибн Даста), который, описывая земли хазар, отмечал: «Это страна обширная, одною стороною прилегающая к великим горам, тем самым, в отдаленнейших окраинах которых живут *Тулас* и *Лугар*, и которые простираются до Тифлисской страны»[1]. А. Я. Гаркави читал термин «тулас» как *Таулас* [2], а В. А. Кузнецов, справедливо отождествляя «великие горы» с Кавказским хребтом, полагал, что Ибн Рустэ имел в виду предков карачаевцев и балкарцев, которые именуют себя географическим термином «*таулу*», т. е. «горец». К этому термину прибавлен тюркский этноним «ас», и таким образом в сообщении автора X в. мы имеем термин «тау-лу + ас», т. е. «горный ас», что, по мнению В. А. Кузнецова, являет собой «одно из древнейших упоминаний карачаевцев и балкарцев в письменных источниках»[3]. Большую ясность в этот вопрос внес С. Я. Байчоров, по мнению которого в оригинале значится не «тулас», а «таулас». Вслед за А. И. Марквартом Байчоров считает, что «лугар» есть видоизмененный этноним «булгар»[4]. Таким образом, сообщение Ибн Рустэ и на этом основа-

нии локализация С. Я. Байчоровым и В. А. Кузнецовым «лугаров-булгар» и «горных асов» (Таулас) в пределах гор Западного и Центрального Кавказа приобретает неоценимую научную значимость для рассматриваемой темы.

Для полноты сведений следует сказать, что в последнее время В. А. Кузнецов почему-то заявил о своем отказе от прежнего своего толкования приведенного известия Ибн Рустэ в пользу предположения А. В. Гадло о том, что древнейший булгарский род Дуло «не обязательно мог быть представителем тюркского подразделения Дулу, он мог иметь корни в местной западно-кавказской среде и, в частности, мог быть связан с одним из подразделений соседних оногурам-булгарам аланов»[5]. Не может быть сомнений в том, что для такого заявления должны быть веские аргументы.

Весьма важно, что крупнейший осетинский ученый Г. А. Кокиев, проанализировав многие факты, приходит к выводу о том, что «один из оживленнейших торговых путей вдоль Кумы мимо Эльбруса, через Карачай в Сванетию и Колхиду (т. е. в Тифлисскую страну Ибн Рустэ. – *И. М.*), которым владели римляне и персы, охранявшие этот путь своими гарнизонами, византийцам был известен как *Коручон* или *Хороучон* от имени карачаевцев»[6]. Известный знаток истории северокавказских народов в числе прочих фактов, безусловно, имел в виду сообщение Менандра Византийца, у которого этот проход также назывался Хороучон [7].

Нет сомнения в том, что на такие же факты опирался П. Бутков, когда писал, что «в Кабарде обитали в X в. теперешние коренные жители ея Чегемы и Болкары»[8]. Вполне возможно, что эти же сведения имел в виду В. И. Абаев, когда утверждал: «У меня есть некоторые соображения, что приход тюркоязычных племен совершился не ранее X в.»[8]. Однако уже в III в. Кавказские горы назывались в армянских источниках «землей булгаров», а Прокопий Кесарийский прямо писал, что в V в. гунны под предводительством Амбазука владели Дарьяльским ущельем [10].

Далее, Г. А. Кокиев писал, что «по крайней мере, до нас дошли сведения, что еще в 1306 г. указываются балкарцы на Северном Кавказе»[11].

В 1395–1396 гг. полчища Тимура совершили ряд карательных походов против жителей окрестностей Эльбруса. Поскольку Шереф ад-Дин Йезиди и Низам ад-Дин Шами называют этих жителей *асами*, т. е. осетинским этнонимом балкарцев и карачаевцев, постольку есть прямая необходимость привести весь пассаж этих летописцев, следующий сразу же после рассказа о покорении черкесов на Кубани: «Когда мысли Тимура успокоились от дел с областью русских и черкесов, то он со всеми, подобно небосводу, войсками повернул к горе Эльбурз... В намерении покорить неверных, знамя, мир завоевывающее, направилось на Буриберди и Бурикана, которые были правителями народа асов. На этом пути были большие леса. Вырубив деревья и проложив дорогу, Тимур оставил эмира Хаджи-Сейф ад-Дина при обозе, а сам с целью джихада взошел на гору Эльбурз» (В. Тизенгаузен). Разорив и истребив отчаянно сражавшихся асов, Тимур с большой добычей вернулся к обозу, где ему Сейф ад-Дин устроил роскошный

пир. Вскоре Тимур вновь оставил обоз и «двинулся к крепости Кулы и Тауса, они так же принадлежали к племени обитателей Эльбурза (т. е. асам. – *И. М.*). У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы и пройти туда было чрезвычайно трудно вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотревшего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы, как гнездо хищной птицы на такой высоте, что пущенная стрела туда не долетала» (В. Тизенгаузен). С огромными трудностями, с помощью срубленных высоких лестниц Тимуру удалось овладеть крепостью и уничтожить многих храбрых защитников крепости Тауса. Сами владетели укреплений Тауса и Кулы были взяты в плен и убиты (рис. 16–29).

Из этих крепостей Тимур двинулся «на крепость Пулада, в которой укрылся Утурку, один из старейших эмиров Джучиева улуса. По дороге один день они провели в местности *Балкан*»[12]. Многие исследователи отождествляют термин «Балкан» и «Балкар». Такое отождествление оправдано самим маршрутом тимуровских походов в окрестностях Эльбруса, но справедливости ради стоит иметь в виду и то, что слово «Балкан» в некоторых тюркских языках означает «горную цепь, покрытую лесами»[13], что также согласуется с характеристикой местности в высоких горах, где воинам Тимура пришлось вырубать густые леса и прокладывать себе путь к укреплениям асов в горах Приэльбрусья. Здесь уместно напомнить, что знаменитый историк и географ XIV в. Абульфеда называл асов Центрального Кавказа народом тюркской расы.

В 1404 г. архиепископ персидского города Султанийи Иоан Галонифонтибус, описывая свои впечатления о поездке по Кавказу, называл белых и черных черкесов. Исследователи единодушны в том, что первые означали адыгов, а вторые – карачаевцев, которых «карачеркесами» (черными черкесами) называли и многие авторы, начиная с Арканджело Ламберти, Жана Шардена до русского документа 1643 г [14]. По сведениям архиепископа, карачаевцы (карачеркесы) имели свою письменность, в которой ученые справедливо видят древнетюркское руническое письмо, памятники которого в массовом количестве обнаруживаются в Балкарии и Карачае и плодотворно изучаются С. Я. Байчоровым [15].

Таким образом, в письменных источниках до начала XV в. в горах Центрального и Западного Кавказа фиксируются следующие балкаро-карачаевские этнонимы:

– *булгар*, тождественное с ныне сохранившимся самоназванием балкарцев – *малкар* (*балкар*);

– *таулас*, идентичное с географическим самоназванием карачаевцев и балкарцев *таулу* с прибавлением древнетюркского этнонима *ас*;

– *короучон* и «карачеркесы» – видоизмененное самоназвание карачаевцев;

– *асы* – древнетюркский этноним, сохраненный в устах осетин за наименованием балкарцев.

Старейшим документом, в котором зафиксировано грузинское название балкарцев *басиани*, является надпись на золотом кресте XIV–XV вв. из Спасской церкви в сел. Цховати Ксанского ущелья, где написано: «Спас цховатский, я, Квенипновели эристав Ризия, пожертвовал цховатской Пречистой Богоматери имение двух дымов в Зенубане с его горами и равнинами. Попал в плен в Басиани и выкуплен твоими вещами. Пусть никакой владетель не изменит»[16] (*ил. 35*). Этот популярный грузинский этноним известен за балкарцами и в более поздних документах. О земле басианов, рядом с дигорами, сванами и черкесами, писал и царевич Вахушти – ведущий историк и географ Грузии XVIII века. По его словам, «по западной стороне Дигории находится большое ущелье – *Басиани*, по которому протекает речка, истекающая из межгорья Рачинского и Басианского. Ущелье это простирается от Кавказа до Черкезис-мта... Басиани граничат с севера горою Черкезскою, отделяющей Басиани от Черкесии, с востока горой Кавказом, лежащим между Басианом и Дигорией, с юга горою Кавказом, лежащим между Сванетией и Басианом, с запада горою Кавказом, лежащим между Рачой и Басианом... Здешние *овсы* знатнее всех прочих овсов, и между ними попадаются помещики, имеющие закрепощенных крестьян»[17].

Вполне возможно высказать предположение, что этноним «басиани» родился у грузинских авторов от этнонима «*баси*» – хазарского народа, размещенного, по словам царя Иосифа, у подножий высоких гор [18], т. е. простирающихся, по Ибн Рустэ, «до Тифлисской страны». Возможно, он возник по образцу таких топонимических терминов, как *Бакури* + *ани*, *Дади*+ *ани* (*Баси* + *ани*). С этим же этнонимом можно сопоставить имя крымских *базарианов*, говоривших на татарском языке и считавшихся потомками аланов [19]. По нашему мнению, в этот же ряд могут ложиться мадьярское наименование печенегов – *бесеню*, латинское название печенегов – *бесси* [20].

С этнонимом «баси» может быть связан и эпоним балкарских князей – *басиат*, оформленный с помощью тюрко-монгольского аффикса множественного числа «ат» и «т» [21]. По нашему мнению, это нарицательное имя созвучно с фамильными именами дунайских болгар – Басиановы и венгров – Батиани [22].

Таким образом, в XV–XVIII вв. за балкарцами письменные источники сохраняют этноним «басиани», восходящий, видимо, к имени тюркского племени баси в составе хазарских и печенежских племен.

В середине XVII в. в связи с нарождавшимся в европейской политике «Восточным вопросом» происходит усиленный обмен посольствами между Россией и Грузией, искавшими политического сближения в борьбе с Турцией и Персией [23]. В эти годы, в результате общекавказских вопросов, попадают сведения о балкарцах и карачаевцах в русские и грузинские документы первых посольских отчетов. К сожалению, русско-балкаро-карачаевские и балкаро-карачаево-грузинские отношения до сих пор остаются совершенно неизученными, хотя документы 80–х гг. XVI в. со-

держат достаточно сведений по этому вопросу. В документах 1586, 1587, 1588 гг. в составе грузинских посольств в Россию неоднократно упоминаются имена переводчиков-толмачей «кабардинского черкеса», «грузинского черкеса», «горного черкеса», в которых источники позволяют распознать деятельных участников этих посольств – жителей «горских обществ Кабарды», «Карачаевой Кабарды», «карачаевских черкесов», т. е. выходцев из Балкарии и Карачая. Интересные сведении о «горских черкесах» в Большой Кабарде содержит документ 1604 г.[24] Приведенные сведения позволяют заключить, что еще в XVI–XVII вв. балкарцев и карачаевцев очень часто называли «горскими черкесами», «горскими обществами Кабарды», «кабардинскими черкесами», «карачаевскими черкесами» и пр.

В январе и феврале 1629 г. в Посольский приказ Московского государства были отправлены два документа-отписки Терского воеводы И. А. Дашкова о разведке залежей серебряной руды в горах, где живут «балкары». Так впервые в русской литературе появляется современное название балкарцев, исходившее из уст кабардинцев в форме «*балкэр*»[25]. С тех пор имя балкарского народа, территория, им занятая, богатства флоры и фауны, границы расселения и прочие вопросы жизни и деятельности этого народа все чаще стали появляться в письменных источниках.

Посол имеретинского царя Левана II к Русскому двору, отвечая в 1636 г. на анкету с вопросами о своей стране, ее жителях, границах, говорил, что страна их с севера «граничит с областью горских черкесов»[26]. Судя по характеру его ответов и очерченным границам Имеретинского царства, под областью «горских черкесов» он разумел территорию, занятую балкарцами и карачаевцами. Традиция называть балкарцев и карачаевцев «горскими черкесами», «карачаевскими черкесами», «Карачаевой Кабардой» и т. п. сохранилась в русской литературе вплоть до начала XX в. даже в академических изданиях и работах таких крупных ученых, как В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский, И. И. Иванюков, П. П. Надеждин и мн. др.[27]

В ответ на посольство 1636 г. Московское государство отправляет в 1639 г. в Грузию своих послов Павла Захарьева, Федота Елчина и Федора Баженова. Они 15 дней гостили в ауле карачаевских князей Гиляхстана и Эльбузука Крымшаухаловых в Баксанском ущелье у нынешнего города Тырныауз, КБР.

В письме Федота Елчина говорится: «А в Карачаеву Кабарду пришли октября в 13-й день. А пошли из Корочаев в Сонскую землю через снежную гору пеши октября в 28-й день; а пошли, покинув седла в Корочеях, потому что на лошадех было ехати немочно и путь был добре нужен, все шли около гор по косогору; а под рухляд наимовали корочаевских мужиков и давали найму до Сонские земли от ноши по полуаршина сукна... А пришли в Сонскую землю в деревню Влешкареш ноября в 1-й день»[28] (*ил. 89–91; 97*).

В 1643 г. в отписке Терского воеводы М. П. Волынского говорилось о «Балхарских кабаках» и «Карачаевских черкесах», живущих под Пяти горами [29]. В 1651 г. московские послы Н. С. Толочанов и А. И. Иевлев прошли в Грузию и обратно по реке Сукан-су через Верхнюю Балкарию. Название

этой реки и высокогорного плато Сукан с перевалом, издревле использовавшимся для перехода через Кавказский хребет, мы склонны сопоставить с «горными воротами» *Цекан*, которые, по «Армянской географии VII в.», находились в земле племени *цанар* [30].

Н. М. Толочанов и А. И. Иевлев, следуя в Грузию, провели в Балкарии почти две недели, их гостеприимно встречал, снабжал провиантом и вьючными животными балкарский князь Айдаболов [31].

В следующем документе 1653 г. говорится о том, как имеретинский царь Александр приглашал послов России Жидовинова и Порошина посмотреть, «как он будет крестить Женбулата, сына балкарского владельца Айдарбулова»[32] (Айдаболова. – *И. М.)*.

В 1658 г. вместе с грузинским царем Теймуразом, путь которого также пролегал через Балкарию, прибыл в Москву тот же балкарский князь Айдаболов Артутай. В Москве к нему проявили большой интерес, который подкреплялся прежними лестными отзывами о нем послов Толочанова и Иевлева. Артутай был принят в Грановитой палате и награжден 40 соболями за услуги в налаживании русско-грузинских и русско-кавказских отношений [33].

Ровно через 35 лет после этих событий в Москву пробирается имеретинский царь Арчил [34]. По дороге в крепость Терки на него напали отряды Тарковского шамхала Дагестана Будая и князя Малой Кабарды Кульчука Келембетова. Напавшие на Арчила северокавказские владетели в сложной международной обстановке того периода придерживались: первый – персидской, а второй – крымско-турецкой ориентации. Арчил находился у них в плену с сентября-октября 1693 г. по ноябрь того же года. Шамхал Будай готовился выдать его персидскому шаху, а Кульчук хотел отдать его крымскому хану. Однако, «красота и мужество Арчила сделали такое впечатление на жену Кульчука, что ночью она доставила ему средство к побегу: он скрылся в Басян, а его люди ушли в Дигор»[35].

Двадцать восьмого ноября 1693 г. в Терках встретились архимандрит Лаврентий, прибывший из Москвы и следовавший с другими грузинами в Имеретию, и другой духовный сановник по имени Николай, состоявший в свите Арчила. Последний и рассказал о покушении и пленении Арчила и «его бегстве в Балкари, т. е. в страну при истоках Малки». Но конкретное место обитания Арчила оставалось в строжайшей тайне. Когда к Кульчуку явился посол от шамхала Будая с требованием выдать Арчила, последнего в Терках уже не было. Кульчук, боясь расплаты, скрылся бегством, а разъяренный Будай ворвался в его владения, «сжег его дом, потравил весь хлеб и угнал скот»[36]. Сыщики шамхала рыскали по всей Кабарде, но найти Арчила не смогли.

Астраханский воевода Петр Иванович Хованский был уведомлен о случившемся с Арчилом только в январе-феврале 1694 г. прибывшими к нему горцами и терским воеводой. Небезынтересно отметить, что теми горцами были «Азамат-мурза Елмурзин сын Байтерекова, да Кошкарин, да Тлев Уразаев». Узнав о том, что для нового пленения Арчила на помощь шамхалу

Тарковскому крымский хан выслал отряд из 500 человек и что на сторону врагов Арчила встали донские казаки, князь Хованский поднял на защиту Арчила «все племена, признававшие власть московского государя».

В своем письме от 15 апреля 1694 г. Арчил писал Терскому воеводе, «что находится в Балкаре и чтоб его оттуда вывели». Однако вывести его удалось лишь в сентябре 1696 г. В письме от 20 мая 1696 г. Арчил писал на имя «наследственных самодержцев всея России, великим князьям Иоану Алексеевичу и Петру Алексеевичу», что он находится в Балкарии, и описывал как это случилось: «В 1692–1693 гг. мы не обращались с просьбою к государям, не требовали подпоры и вооруженной помощи. Но в Кабарде напали на нас сын шамхала и Кульчук-мирза, едва не убили нас: мы обязаны спасением только Богу и вашему чистому праву. Теперь я не могу ни оставаться здесь, ни прийти к вам, под руку, без вооруженной помощи». Письмо это было получено 5 сентября 1696 г., а имеющиеся сведения говорят о том, что осенью того же года Арчил вновь занял свой престол в Имеретии [37].

Со второй половины XVII вв. известия о балкарцах и карачаевцах встречаются и в трудах европейских авторов. Одним из первых среди них был Арканджело Ламберти, оставивший в 1654 г. описание Колхиды. Карачаевцев он называл «карачиоли» или «карачеркесы», как это делал до него упомянутый Голонифонтибус.

«У подножия Кавказа, – пишет Ламберти, – на севере живут карачеркесы – черные черкесы... Язык их тюркский, но они так быстро говорят, что человек с трудом поймет их. Меня очень удивило, что карачаевцы среди стольких варварских народов, – продолжает он, – могли так чисто сохранить тюркский язык». Предположение Ламберти о том, что «карачаевцы – одно из колен гуннов», в настоящее время может найти подкрепление, так как одним из колен гуннов являлись булгарские племена – утургуры и кутургуры. На карте, приложенной к работе Ламберти, Кавказский хребет изображен со стороны Черного моря. С запада на восток на ней значатся аланы, восточнее – карачиоли, за ними сваны [38].

В 1692 г. Николай Витсен, в очерке которого о черкесах, по мнению В. К. Гарданова, имеется ряд ошибок, писал, что черкесы «из ячменя делают напиток, крепкий, как вино»[39]. Поскольку в традиционной культуре адыго-черкесов мало известны напитки из ячменя, то можно думать, что Витсен в данном случае имел в виду под «черкесами» балкарцев или карачаевцев, которые издревле готовили крепкий напиток именно из ячменя – «арпа боза», представлявший, впрочем, традиционный напиток и многих других тюркских народов[40].

Нам кажутся очень важными слова Энгельберта Кемпфера (1651–1716) о том, что «к черкесам причисляются также аланы или жители Кавказа, а равным образом *сваны* и *карачеркесы*. Эти последние относятся к северным черкесам, называемым турками карачеркесами, т. е. черными черкесами... Это родина *гуннов*»[41], – заключает автор и тем самым соглашается с мнением А. Ламберти о карачаевцах. О том, что у этого автора речь идет

порой о балкарцах и карачаевцах, говорит и тот примечательный факт, что он называет реку Терек его балкаро-карачаевским названием – Терк [42], т. е. «Быстрая». Не может быть особых сомнений и в том, что слова Кемпфера: «они (черкесы. – *И. М.*) очень трудолюбивы и добывают даже железо из рудников» – также относятся к балкарцам и карачаевцам, так как рудники железной, медной, серебряной руды известны в горах, а в предгорьях Кавказа подобных рудников не было.

Явные сведения о карачаевцах содержатся в сообщениях Абри де ла Мотрэ (1674–1743). В 1711 г., продвигаясь из Тамани через земли адыгочеркесов и далее по очень трудным горным тропам, он добрался до большой реки «Кара-Кубань», которую его проводники именовали «Большая река». Последнее название соответствует карачаевскому наименованию истоков Кубани: «Уллу-кам», что означает «Большая река». Общеизвестно, что слово «кара» на многих тюркских языках, в т. ч. и на карачаево-балкарском, означает «большой», «великий», «громадный», «обильный», «истинный» и пр.[43] Отсюда «Кара-Кубань» Мотрэ означает «Большая река» (как и переводили его проводники), что равно значению «Большая Кубань». Но весьма интересно, что Мотрэ продолжал писать, как, следуя по очень крутым горам, они добрались до деревни, жители которой живут в срубленных домах из больших бревен, понимают язык ногайцев, татар, турков, пьют и почитают бузу и айран, кушают конину, пекут лепешки в золе, именуются горскими черкесами [44]. В данном случае, как говорится, комментарии излишни. В этнографической науке давно известно, что все перечисленные элементы культуры являются на Центральном Кавказе этнографической особенностью быта карачаевцев и балкарцев [45].

В 1743 г. кизлярский дворянин А. Тузов посетил сел. Эль-Тюбю (ныне сел. Верхний Чегем Чегемского района КБССР). Вблизи села, в одной из пещер, к которым вела искусственная, вырубленная в скалах лестница «Битикле», он видел «хранящиеся в сундуке 8 книг, писанных на пергаменте, на греческом языке». Одна из них оказалась Евангелием XV в. [46] «Чегемцы», волость «Чегем», страна «Харачай», «карачаевцы», урочище «Малкар» в «кашкатавских горах» встречаются в документах 1747, 1753, 1757, 1760 гг. А в 1768 г. А. Шелков сообщал, что карачаевцев насчитывается 400 семейств, а народ «балкар» находится между «Караджау и Дигором»[47]. Через пять лет после него Гюльденштедт подробно характеризует все балкарские общества, перечисляет все их населенные пункты, хорошо освещает их быт, нравы и обычаи XVIII в., их торговые связи и культурно-экономические контакты с соседними народами [48].

С 1779-го по 1783 г. путешествовал по Кавказу Якоб Рейнеггс, который упоминает о «племени Балкар, Бисинги (Бызынги. – *И. М.*), Чегем и Оруспи»[49].

В 1793–1794 гг. по Северному Кавказу и Крыму путешествовали академики П. С. Паллас и Ян Потоцкий. В их работах о «балкарах» говорится, что они «населяют высокие горы, говорят на тюркском языке и являются язычниками»[50].

Несколько лет спустя, в 1807–1808 гг. по Северному Кавказу предпринял путешествие академик Г. Ю. Клапрот. В своем «Путешествии по Кавказу и Грузии» он дает подробное описание быта, нравов, границ обитания и населенных пунктов балкарцев и карачаевцев. По полноте сведений эта работа занимает ведущее место среди известий об этих народах в дореволюционной литературе [51]. В его труде особого внимания заслуживает упоминание старинного аула Бердиби в Чегемском ущелье, переданное Клапротом как «Пербеди». В связи с этим названием нельзя не вспомнить сообщение Иосафата Барбаро (XV в.) о том, что он на Кубани прибыл «в страну, называемую Кремух. Ею управляет государь по имени Биберди, т. е. «Богом данный», сын Кертибия, т. е. «истинного властителя»[52]. Эти сведения хорошо увязываются с преданием балкарцев «о том, как первые поселенцы Чегемского общества собрались вокруг огромного каменного валуна, прозванного в памяти народа именем своего предводителя – «Бердиби-таш», т. е. камень Бердибия [53]. С распространением ислама этот камень стал культовым и именовался «Намаз-таш», т. е. Камень для намаза. Его и сейчас можно увидеть на берегу речки Джилги-су у сел. Верхний Чегем. Можно предположить, что имя Бердиби в несколько иной огласовке упоминается летописцами тимуровских походов как имя правителя народа асов – Буриберди [54].

Интересные сведения о балкарцах и карачаевцах оставил путешествовавший в 1829–1830 гг. по Северному Кавказу в поисках исторических связей народов Венгрии и Кавказа венгерский ученый Янош Карой Бессе (Бешш). В 1829 г. он был приглашен Эмануелем принять участие в экспедиции по покорению Эльбруса. Исходя из своих наблюдений, Бессе пришел к заключению о близком родстве дигоров, балкарцев, карачаевцев и венгров. Он писал, что «никакая другая нация не похожа так на венгров, как карачаевцы и дугуры». О близком родстве венгров рассказывал ученому балкарский князь Мырза-кул Урусбиев, участвовавший в восхождении на Эльбрус [55].

Руководитель группы ученых, сопровождавших экспедицию, академик А. Я. Купфер писал о карачаевцах, что они сохранили в своей эпической памяти далекое родство с дунайскими болгарами и племенами Панонии [56]. В отчетах Купфера определены и границы владений кабардинцев и карачаевцев того времени.

По прибытии на Каменный мост через Малку он писал: «До этого времени мы находились на территории кабардинцев, которые привыкли к присутствию русских войск на своей территории; но распространился слух о том, что мы вступили на территорию карачаевцев...».

Весьма ценны его сведения об окрестностях карачаевского аула Хасаут (Схаут. – *И. М.*): «Здесь нам встретились свинцовые рудники, разрабатываемые *черкесами* (курсив мой. – *И. М.*) в течение долгого времени»[57]. Эти слова полностью согласуются со сведениями упоминавшегося Кемпфера о рудниках и вновь напоминают нам о традиционном наименовании карачаевцев черкесами.

При возвращении с восхождения, в другом укреплении на Кубани, тоже называвшемся «Каменный Мост», Купферу один из казаков показывал саблю. «Она казалась очень старой, – пишет академик, – и на ней было высечено «*Генoа*»[58]. Купфер удивился: «Неужели жилища генуэзцев простирались до этих мест?». Разумеется, жилища их не простирались до этих мест, исследователи устанавливают, что находка является еще одним свидетельством давних торговых и иных связей жителей Прикубанья с генуэзскими колониями Причерноморья [59].

В 1835 г. И. Ф. Бларамберг завершил фундаментальное трехтомное описание Кавказа в топографическом, статистическом и военном отношениях. По словам В. К. Гарданова, это энциклопедическое описание явилось для своего времени выдающимся научным трудом, в котором читатель найдет очень много интересного по самым различным аспектам жизни, хозяйства, верований, обычаев и нравов народов Северного Кавказа, в т. ч. о балкарцах и карачаевцах [60].

Таковы основные письменные свидетельства о балкарцах и карачаевцах, по которым почти невозможно создать сколь-нибудь удовлетворительную историческую картину о далеком прошлом названных народов.

2. Археологические источники темы

Этот вид источников рассматривается в нашем исследовании с той непреложной точки зрения, что «такую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций»[61]. Вопросы историографии археологического изучения Балкарии и Карачая и значение этих источников для освещения нашей темы неоднократно затрагивались в ряде наших работ [62], поэтому здесь мы ограничимся лишь основными вехами археологических исследований и характеристикой важнейших памятников и публикаций.

Первая археологическая экспедиция в Балкарию и Карачай связана с именем А. Фирковича, который в 1849 г., во время поездки по Кавказу, отметил ряд интересных памятников этих областей [63]. Почти 20 лет спустя, в сентябре 1867 г., на Кавказ с археологической целью едут братья Нарышкины. Среди многих памятников они описали мавзолей карачаевского князя Камгута Крымшаухалова у упоминавшегося поселения Эль-Джурт, где в 1639 г. останавливались русские послы [64] (*ил. 89, 97*).

Работы Фирковича и Нарышкиных вызвали живой интерес к памятникам Балкарии и Карачая. Вскоре в Балкарию выезжает экспедиция В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского, которая совершила поездку по маршруту: Нальчик – Холам – Чегем – Былым. Экспедиция провела небольшие раскопки в Верхнем Чегеме и Былыме, описала различные архитектурно-археологические памятники края [65]. Подробное описание итогов было дано в обобщающей работе В. Ф. Миллера в первом выпуске «Материалов по археологии Кавказа» (М., 1888).

Очень важными оказались итоги исследований скальных захоронений у аула Хасаут, предпринятые М. М. Ковалевским в 1885 г. В этих захоронениях были найдены многочисленные предметы – остатки орудий труда, украшений, обрывки тканей и одежды из шелка. Позднее М. М. Ковалевский писал, что «одна витрина в Историческом музее занята результатами моих собственных расследований в горных пещерах, прилегающих к аулу Хасаут, расположенному на недалеком расстоянии от Эльбруса. Один из консерваторов музея, покойный Сизов, говорил мне, что содержащиеся в этой витрине куски материи, в какие были облечены найденные мною скелеты, принадлежат к числу интереснейших материалов для истории древнего орнамента, какие содержит в себе Исторический музей в Москве»[66]. Правдивость оценки Сизова подтвердили и исследования советских археологов, по мнению которых, обрывки, обнаруженные Ковалевским, представляют собой великолепные образцы китайского шелка VIII в. [67]

В 1882 г. Е. Д. Фелицин составил археологическую карту Кубанской области, в которой были отмечены ряд интересных памятников Карачая [68]. Различные памятники у селений Безенги, Холам, Верхний Чегем были описаны и изучены в 1883, 1885, 1893 гг. В. И. Долбежевым, а вслед за ним Н. Я. Динником и В. Тепцовым [69]. В 1896–1898 гг. большие работы в Баксанском ущелье проводит И. А. Владимиров [70]. Интересными оказались раскопки Д. А. Вырубова в Черекском ущелье. В одном из курганов, раскопанном им у сел. Зылги, по преданиям балкарцев, были захоронены «окаменевшие женщины»[71].

Археологические работы, проводившиеся в Карачае в 1895–1898 гг., были обобщены В. М. Сысоевым в сводной работе [72], представляющей такой же обобщающий труд по памятникам Карачая, каковым был труд В. Ф. Миллера по отношению к памятникам Балкарии.

После победы Октябрьской революции ученые все чаще стали переходить от прежних описательских работ к использованию археологических материалов для раскрытия общих закономерностей социально-экономического развития различных этнических групп и народностей.

Огромную роль в организации археологических исследований на Северном Кавказе сыграл созданный в 20–х гг. Северо-Кавказский институт краеведения в городе Владикавказе и открывшийся в 1921 г. областной Краеведческий музей в городе Нальчике. В те же годы за планомерное изучение верховьев Кубани берется музей Северного Кавказа в городе Ставрополе [73]. С 1923 г. изучением археологических памятников Северного Кавказа занялась Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) имени Н. Я. Марра. В 1924 г. экспедиция ГАИМК во главе с А. А. Миллером впервые посетила Балкарию, изучала памятники Верхней Балкарии [74]. В 1927 г. сотрудник кабинета кавказоведения Горского политехнического института Д. М. Павлов опубликовал большую работу о памятниках Карачая и истории их изучения [75]. В 1933 г. в связи со строительством Баксанской ГЭС в Баксанское ущелье был направлен специальный отряд экспедиции ГАИМК под руководством Б. Е. Деген-Ковалевского, который вел

работы на средневековом городище с весьма примечательным названием *Гацар-кала* (Хазар-кала) [76].

Начиная с 1939 г. плодотворные археологические работы в верховьях Кубани – Карачае проводит Т. М. Минаева. Среди ее работ особого внимания заслуживают раскопки на Верхне-Архызском городище XIII–XIV вв., именуемом карачаевцами *Эски-Джурт*, т. е. «Старая Родина», а также ее работы на Ново-Кувинском могильнике и на поселении в устье реки Теберда [77].

Большую ценность представляет обобщающая работа А. А. Иессена, вышедшая в свет в 1941 г. В ней автор остро ставит вопрос о необходимости изучения и о большой роли археологических источников для освещения истории северокавказских народов именно периода позднего Средневековья [78].

Великая Отечественная война прервала изучение памятников Балкарии и Карачая. Только в 1958 г. начинаются новые полевые изыскания в этих областях. В изучение затрагиваемых источников активно включаются П. Г. Акритас, Е. П. Алексеева, В. А. Кузнецов [79]. В конце 50-х – начале 60-х гг. в археологическое изучение Балкарии и Карачая включается и автор данной работы. При его участии в 1960–1961 гг. были обследованы два крупных поселения – Верхне-Чегемское городище и Нижне-Чегемское поселение [80].

В 1963 г. вышла книга Е. П. Алексеевой «Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа» (Черкесск, 1963), где она проследила ощутимую историческую связь между древней кобанской культурой I тыс. до н. э. и археологическими памятниками Балкарии и Карачая эпохи Средневековья [81].

В 1965–1976 гг. специально изучением археологии Балкарии и Карачая в тесной связи с вопросами социально-экономической и этногенетической истории балкарского и карачаевского народов занимаются экспедиции Карачаево-Черкесского и Кабардино-Балкарского НИИ под руководством автора этих строк [82]. В 1967 г. итоги этих работ были обобщены в его кандидатской диссертации, а в 1970 г. вышла его монография, посвященная архитектурному наследию Балкарии и Карачая [83].

В 70-х гг. плодотворно ведут археологические работы по эпохе раннего Средневековья А. В. Гадло и Х. Х. Биджиев, результаты которых имеют огромное значение при изучении этногенетической истории карачаевского и балкарского народов [84]. Накопленный до конца 70-х годов археологический материал по историко-культурному развитию балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII вв. был обобщен нами в книге «Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории» (Нальчик: Эльбрус, 1981).

В 1983 г. вышла очень содержательная книга Х. Х. Биджиева «Хумаринское городище» (Черкесск, 1983), посвященная итогам многолетних работ на одном из самых интересных городов Хазарского каганата, основным населением которого были кавказские булгары. Книга Биджиева имеет принципиальное значение при рассмотрении вопросов этногенетической истории карачаевского и балкарского народов, т. к. является первым круп-

ным обобщением археологического материала о древних булгарах на территории Карачаево-Черкесии. Ощутимым сдвигом в разработке этнокультурной истории балкарцев и карачаевцев является книга В. М. Батчаева «Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев» (Нальчик: Эльбрус, 1986), в которой автор прослеживает как сугубо кавказские истоки, уходящие в глубь эпохи бронзы и раннего железа, так и генетическую связь традиционной культуры этих народов с сармато-аланами. Таковы основные археологические источники, которые помогают исследователю осветить историю и культуру балкарского и карачаевского народов названного периода.

3. Этнографические источники темы

Этнографические данные, отражающие социально-экономическую и этнокультурную историю балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII вв., до сих пор также не систематизированы. При привлечении этого материала исследователи обычно ограничиваются фиксацией культа верховного божества *Тейри* (Тенгри) [85]. Между тем богатый этнографический материал – планировка поселений и жилищ, одежда и украшения, пища и утварь, идеологические воззрения и обряды – содержит в себе неоценимую научную информацию. Источниковой базой исследований в данном случае могут быть как сведения дореволюционных ученых и путешественников, так и работы советских этнографов и археологов. В этом отношении прежде всего следует отметить труд Л. И. Лаврова «Карачаевцы и балкарцы до 30-х годов XIX в.» (КЭС. М., 1969. Вып. 4). В нем дан обстоятельный анализ историко-этнографического материала, собранного им в довоенное время. Особенно важным обобщением этнографического материала XIX–XX вв. является коллективный труд «Карачаевцы», изданный под редакцией Л. И. Лаврова [86]. Большую лепту в создание этой работы внес известный карачаевский этнограф И. М. Шаманов. Ценным вкладом в этнографическое изучение балкарцев является работа специальной этнографической экспедиции Института истории АН Грузии под руководством А. И. Робакидзе [87]. Для этнографии карачаевцев и балкарцев трудно переоценить посмертно изданную книгу А. Я. Кузнецовой «Народное искусство карачаевцев и балкарцев»[88]. Ее работа вводит в научный оборот огромный материал, собранный автором на протяжении многих лет. Эти материалы успешно могут быть использованы при рассмотрении истории этих народов XIX–XX вв., хотя не все положения автора являются бесспорными, а сама работа не лишена ряда погрешностей. Прежде всего имеются в виду разделы о народном жилище и архитектурных памятниках. Еще в 1967–1970 гг. было высказано исследователями мнение о том, что башенные сооружения Центрального Кавказа идут по убывающей с востока на запад региона, и о том, что эти сооружения, вместе с надземными склепами-мавзолеями в Балкарии и Карачае, свидетельствуют об определенном уровне социально-экономического развития, а именно: уровне

феодальных отношений в балкаро-карачаевском обществе. Кроме того, некоторые очень труднодоступные оборонительные комплексы этих областей никем из исследователей не осмотрены и подробно не описаны, за исключением автора этих строк. Однако А. Я. Кузнецова, переняв все это, нигде не сослалась на существующие работы [89].

Ценные сведения по рассматриваемой теме можно почерпнуть из толковых и содержательных работ И. М. Шаманова о хозяйстве и хозяйственном укладе карачаевцев, из работ К. М. Текеева о поселениях и жилищах карачаевцев, из ряда монографических исследований А. И. Мусукаева по различным аспектам истории балкарского народа XVIII–XIX вв., из статей К. Г. Азаматова о язычестве и раннерелигиозных воззрениях балкарцев [90]. Первой попыткой обобщить данные этнографии применительно к этнокультурной и этносоциальной истории карачаевцев и балкарцев является доклад автора данной работы на Всесоюзной этнографической конференции 1982 г. в городе Нальчике [91].

4. Эпиграфические данные по теме

На территории Кабардино-Балкарии сейчас насчитывается 33 эпиграфических памятника, представляющих собой надписи на стенах мавзолеев, на межевых камнях и надгробиях [92]. Эти надписи датируются временем с 1693-го по 1797 г. Из них самыми высокогорными являются 3 памятника – два у аула Холам, датируемые 1715, 1720 гг., третий найден в ауле Кюнлюм и относится к 1735 г. Именно эти памятники и имеют непосредственное отношение к нашей теме (*ил. 64*).

Наиболее интересной представляется надпись на каменной плите из Холама, выполненная на балкарском языке арабскими буквами в 1715 г. В ней говорится о разделе и закреплении земельных участков за отдельными княжескими семьями, об определении их границ при целом ряде третейских свидетелей. Кроме того, что надпись свидетельствует о документированном закреплении земельной собственности, она говорит о существовании письменности на арабской графике. С этих позиций значение данного памятника для истории балкарского народа трудно переоценить. Основоположник балкарской историографии Мисост Абаев считал, что в этой надписи речь идет о «споре о границах земель народов малкъар, безенги, холам, чегем и баксан (Орусбий), с одной стороны, владений крымского хана, занятых Кабардой, – с другой». По его мнению, этот спор был решен третейским судом, в котором, кроме «избранных из своей среды представителей, участвовали приглашенные сванетский князь Отар Отаров (Дадешкелиани) и кумыкский агалар-хан»[93]. Выдающийся кавказовед-этнограф Л. И. Лавров, оставляя дословный перевод текста на долю балкарских филологов, передает его содержание в следующей форме: «Батумар сын Кайтука, Аслан-бек сын (имя неразборчиво), Сафар-али сын Битыра, Булак сын Базанта и другие удостоверяют, что некая территория, границы которой указаны в надписи, предоставляются во владение

Исмаила Урусбиева. Дата 1127 г. хиджры (27/XII 1714 г. – 26/XII 1715 г.)»[94]. Большой знаток балкарской этнографии и фольклора, хорошо знавший арабскую графику, С. О. Шахмурзаев переводил надпись следующим образом: «Батомыр Солтан, Аслан-бек сын Кайтука, Сафар-али сын Караджау, сын Биттира... сын Кабазанты с княжичем борется. Свидетельствуют, что горы (земли) Елхузун его должны быть... пишет Хажмурат... сторона от ущелья, тянущегося от Ак-Кая до стороны Иссир от горы Кяфкун далее верховья реки от Камышовой долины до пределов верховьев Ак-Кая, идущей от поляны Юнхузун, это принадлежит Бекмырзе. Сын Карка, сын Биттира, сын князя Орусби Исмаил... год 1127» (т. е. «зыл 1127»).

Известный специалист по дешифровке рунических надписей Северного Кавказа ученый-филолог С. Я. Байчоров посвятил этой надписи подробную работу. Надпись сохранилась не вся, и перевод ее, по Байчорову, буквально звучит следующим образом: «Батымар Сёлтан Кайтука сын Асланбек Караджау (или Хараджау) сын Сафар-Али Биттира сын Булака в Бызынгы князя сыном боролись очень за землю... мырзы // земля его... была // что... свидетельствование... Хаджимурта балка... сторона подножие // Белого ледника ущелье пропуская сверху // асы свидетели от следа нижней стороны Кэгкуна // от реки же в верхней стороне – низ // от камышовой же поляны задней стороны Белой скалы верхняя граница в широте над Белой же скалой от спуска ледника проходила граница по вечноснежному Чынхузу от межи они Бекмырзы были сын Кергю – свидетель Орысбия Исмайыла документ // лошади год»[95]. Проанализировав графофонетические особенности, редукцию гласных, морфологические особенности и лексическое своеобразие надписи, ученый приходит к выводу, что «надпись на плите близ Холама – это надпись смешанного *ДЗ–ДЬ* и *ДЖ* – диалекта старокарачаево-балкарского языка, сохранившего многое из протобулгарского»[96].

Каковы бы ни были разночтения этого документа (а они расходятся в очень незначительных деталях), в своей основе все сходятся на том, что речь идет о закреплении земельных участков между враждующими феодальными семьями Балкарии. Очень важно, что балкарские феодалы закрепляли границы своих земель при третейских свидетелях, в присутствии кабардинских князей Кайтукиных, дигорских князей Караджаовых, прародительница которых была из карачаевского рода Крымшаухаловых [97].

На территории Карачая известны 4 памятника, относящиеся к концу XVII века [98]. Один из них находился у нынешнего города Карачаевска на стене 9-гранного надземного склепа-мавзолея, другой – у сел. Карт-Джурт на 4-гранном склепе, третий – у сел. Хурзук. Четвертый памятник был обнаружен в 1829 г. у слияния рек Кубань и Теберда. Участник известной экспедиции на Эльбрус архитектор И. Бернардацци 16 октября «прибыл к Каменному мосту и провел весь день», изучая надписи на мавзолеях и надгробных камнях. Он сделал рисунок склепов и надписи, гласящей, что усопший в этом склепе «Ахмед-бек сын Хаджи». Эту же надпись, «сделанную на турецком языке» (карачаево-балкарском. – *И. М.*), отмечали и другие участники экспедиции – Бессе и Купфер [99].

Как бы скудны ни были эти памятники, они представляют определенный интерес для истории и культуры балкарского и карачаевского народов. Они свидетельствуют о попытке создать свою письменность на арабской основе, о проникновении сюда арабской грамоты. Вкупе *с* другими источниками они могут оказаться полезными и при анализе этнокультурной истории названных народов. Кроме того, в этих памятниках уже запечатлены определенные феодальные распри по поводу земельных владений, период достаточно развитых феодальных отношений, экономические и общественно-политические основы которых подготовили благоприятную почву для насаждения ислама, прежде всего в среде социальных верхов балкаро-карачаевского общества.

Такова характеристика источниковой базы нашего исследования.

Глава II
ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ XIII–XVIII веков

Балкаро-карачаевские поселения XIII–XVIII вв. можно разделить на две хронологические и типологические группы. В более раннюю хронологическую группу входят поселения типа Верхне-Чегемского, Верхне-Архызского, Нижне-Архызского городищ XIII–XIV вв.[100], содержащие специфическую «звонкую» керамику того периода. Во вторую группу объединяются поселения и городища типа Эль-Джурт, относящиеся к XV–XVIII вв. По типологическим признакам, планировке и морфологическому содержанию в первую группу входят поселения и городища, скученно и терассообразно расположенные на горных склонах, как Верхне-Чегемское городище и Эль-Джурт. Во вторую группу входят городища и поселения, свободно раскинутые на более равнинных участках, как Верхне- и Нижне-Архызские городища *(ил. 107)*.

Наследниками и непосредственными продолжателями традиций поселений XIII–XVIII вв. являются балкарские и карачаевские горские аулы – Кюнлюм, Шканты, Шаурдат, Мухол, Коспарты, Курнаят, Зылги, Шыки, Булунгу, Думала, Эль-Тюбю (в Балкарии) и Карт-Джурт, Хурзук, Учкулан и др. в Карачае [101] (*ил. 36, 41, 46, 66, 83, 84, 92*).

Многие из перечисленных поселений, вероятно, возникших не позднее XVI–XVII вв., ныне заброшены, другие продолжают функционировать и превращены в современные горные поселки со всеми удобствами. Они красноречиво свидетельствуют о многовековой традиционной преемственности горских аулов Балкарии и Карачая. Большинство из них вполне доступно для этнографического обследования, они не раз

отмечались в работах А. И. Робакидзе, В. П Кобычева, им посвящены специальные работы К. М. Текеева, Ю. Н. Асанова и др.[102]

Включение последних поселений в орбиту нашего исследования оправдано несколькими обстоятельствами:

– почти во всех из них размещаются архитектурно-археологические памятники позднего Средневековья, относящиеся в основном к XIII–XVIII вв., как и поселения типа Эль-Джурт, Верхний Чегем, Верхний и Нижний Архыз;

– в каждом из них или в непосредственной близости от них имеются крупные могильники рассматриваемой эпохи. Таковы могильники у аулов Шканты, Коспарты, Ташлы-Тала, Карт-Джурт и др.[103];

– со времени существования городища Эль-Джурт, когда оно было уже отмечено в русских документах начала XVII века, появляются сведения и об обществах Малкар, Чегем, Карачай, жители которых и размещались в основной своей массе в названных поселениях;

– о древности ныне функционирующих поселений говорят и названия некоторых из них: Карт-Джурт – «Старая родина», Эль-Джурт – «Родина общины» (эля) [104]; термином «Эски-Джурт» – «Древняя родина» – называли карачаевцы Верхне-Архызское городище [105] (*ил. 36, 41, 46, 66, 83, 84, 89, 92, 97, 107*).

Эти факты позволяют говорить о том, что многие из ныне заброшенных или функционирующих поселений Балкарии и Карачая возникли в период XVI–XVII вв., а может быть, и ранее.

Глубокую традиционную преемственность горских поселений и могильников не раз отмечали многие исследователи древностей Кавказа [106]. Все это объясняется, прежде всего, причинами традиционного горно-скотоводческого уклада хозяйства в условиях безземелья в горах Центрального Кавказа, где обитали балкарцы и карачаевцы. По этому поводу В. Ф. Миллер писал, что одна из трудностей для определения хронологии кавказских могильников (а равно и поселений. – *И. М.*) состоит в том, что в них сочетаются древние и поздние предметы. Однажды проникшие сюда предметы продолжали бытовать очень долго. «В горах Кавказа, – продолжает Миллер, – клочок земли для посева стоит очень дорого, а клочок, где помещается корова, стоит ее самою. При таких условиях для мертвых тоже не могли уступать много места. Поэтому мусульманские могильники являются продолжением языческих, и старые могилы уступают место новым. Потому и получается многоэтажность древних могил Кавказа. Некоторые могильники утилизируются на протяжении тысячелетий» (МАК. М., 1888. Вып. 1). Эту характеристику с полным основанием можно отнести и к горским аулам и жилищам. Недаром дом Ахмана Кулиева в Верхнем Чегеме, построенный не позднее XVI в., использовался для жилья его потомками еще в 30-х гг. XX в. (Э. Б. Бернштейн).

Все эти факты говорят о том, что в горах чрезвычайно трудно четко различать хронологические рамки того или иного жилища и поселения в отличие от равнинных построек и городищ с определенными культурными напластованиями, которые стратиграфически достаточно хорошо

различаются между собой. В горах же основные черты в планировке и конструкции поселений и жилищ Средневековья сохранялись и в более позднее время. Горные условия диктовали и определяли чрезвычайную консервативность в этих вопросах.

Лишь в XIX в. из высокогорных мест обитания балкарцы и карачаевцы выселяются в зону предгорий и образуют такие поселения, как Нижний Чегем, Кёнделен, Хабаз, Мара и др.

Поскольку наше исследование касается поселений позднего Средневековья, обратимся к их краткой характеристике, отсылая читателей за конкретными деталями к существующим публикациям Г. И. Ионе, И. М. Мизиева, Е. П. Алексеевой, В. П. Кобычева, Э. Б. Бернштейна и др.

Верхне-Чегемское городище находится в верховьях реки Чегем в 2,5 км к западу от сел. Верхний Чегем (Эль-Тюбю), на левом берегу речки Джилги-су (приток реки Чегем) [107]. Раскопанные на городище жилища были расположены терассообразно и скученно. Они размещались небольшими рядами, образуя террассы, как в других горных поселениях народов Центрального Кавказа вплоть до XX в.

Жилища представляют собой неправильные, четырехугольные в плане сооружения, построенные в срезе склона из горного рваного камня без связующего материала. Фасады жилищ обращены к югу и почти весь день находились под лучами солнца. В каждом из них имеется очаг, расположенный в центре жилища или в одном из его углов. Вдоль продольных стен почти во всех домах устроены лежанки (*тырхык*). Внутри жилищ, в земляном полу, устраивались продуктовые ямы, выложенные каменными плитами. Характерной особенностью является отсутствие хозяйственных пристроек к домам. Вся территория городища завалена камнепадом, вероятно, послужившим одной из причин гибели его. Вследствие этого и не сохранились кровли жилищ, но нет сомнения в том, что они были плоскими, деревянно-земляными, как и в позднейших горских саклях [108] (*ил. 27*). Приведем для иллюстрации описание нескольких жилищ, имеющих некоторые особенности. Так, в жилище № 1 (первый ряд) в центре помещения находилась каменная выкладка высотой 30–40 см, имеющая форму вытянутого овала. Внутри она была заполнена землей, в массе которой встречались обгорелые кости животных, фрагменты красноглиняной керамики, игральные кости астрагалы-альчики. Промежуток между выкладкой и северной стеной жилища был заполнен золой и мелким древесным углем. Земляной пол и нижние ряды кладки стены имели следы сильной копоти. По всем признакам это были остатки очага, примыкавшего к описанной овальной выкладке, которая, вероятно, являлась лежанкой, обогреваемой очагом.

Жилище № 4 (третий ряд) представляет собой однокомнатное сооружение, устроенное в срезе склона. В плане имеет форму прямоугольника с размерами стен; 5,15 х 5 м; 4 х 3,2 м. Высота сохранившихся стен: 2,2 м; 1 м; 0,9 м; 0,4 м. В южной стене имеется дверной проем шириной около 1 м. Вдоль западной и северной стен устроена лежанка, облицованная упло-

щенными камнями. Отличительной особенностью этого жилища является наличие в нем двух очагов. Каждый из них выложен из четырех каменных брусьев, поставленных на ребро, и имеет форму четырехугольника. В меньшем из них дно состоит из каменной, слегка выпуклой плиты. Зола здесь была скоплена по углам этой плиты. По-видимому, на этой плите, после того как она накалялась, жар разгребали по углам, а на плите пекли хлеб, жарили мясо. В большом очаге могли готовить другую пищу (варить и т. п.). То же самое мы наблюдали и в очаге одного из жилищ на раннесредневековом поселении Багыул VIII–XII вв. у сел. Нижний Чегем [109].

Планировка и детали жилища № 7 однотипны с прочими, но значительная часть его сооружена в вырытом на склоне горы четырехугольном углублении. В южной стене имеется дверной проем шириной около 1 м. Вдоль северной и западной стен тянутся лежанки шириной 0,9 м и высотой 0,6 м. В центре жилища имеется очаг, выложенный камнями.

Важным и интересным открытием на городище является система водоснабжения. В 200 м к северу от описанных жилищ были выявлены остатки овального в плане строения (6,25 х 1,6 м). К нему примыкала огромная яма, облицованная камнями и накрытая большой каменной плитой. После расчистки этой ямы в ее стенах обнаружились боковые отверстия трех подземных каналов. Это дает основание считать эту яму отстойником водоснабжения. Диаметр сечения каналов-труб около 0,2 м. Трубы сделаны из очень твердой «бетонной» массы, в которой находятся мелкий гравий, песок и известь. Толщина стенок труб до 5 см. Снаружи трубы обложены булыжником, скрепленным тем же цементирующим раствором-массой, из которого сделаны и сами трубы. Раскопки проследили трубы до 15 м. Одна из труб в сечении была треугольной, две другие круглые. Исследования установили, что эти трубы доходили до небольшого водного источника, расположенного на высокогорье в 1,5 км от жилищ. Видимо, ручеек, уходящий ныне в землю, когда-то питал эту систему и обеспечивал жителей городища [110]. Эта система водоснабжения имела большое значение в жизни жителей: при частых набегах она играла оборонную роль, а при обильных дождях, когда вода реки Джилги-су становилась совершенно непригодной для питья, жители пользовались водой этого источника, поступавшего к жилищам по отмеченным трубам.

На Верхне-Чегемском городище находится значительное число различных укреплений и сооружений оборонного значения. Систему обороны городища составляли некогда 11 башен и мощная крепость с наскальной лестницей «Битикле», вырубленной в отвесной стене массива Ак-Кая [111]. Среди оборонительной системы можно выделить **дозорные** и **боевые** сооружения.

Дозорные башни располагались на господствующих над местностью высотах. Они расположены за пределами общей оборонительной системы самого городища. Одна из групп дозорных башен расположена на горе Донгат, состоит из двух круглоплановых башен, диаметром до 4 м каждая. Из этих башен не только велось наблюдение, но, по-видимому, подавались

сигналы дымом и кострами, которые были видны на значительном расстоянии. Фольклор балкарского народа сохраняет сведения о том, как на таких башнях зажигались сигнальные костры, которые в народе называют «дыф», «дыф отла», «дыфла» и пр. Кроме Донгат-кала, функции дозорной башни несла и Хырджауат-кала, расположенная на скале Ак-Кая, на восточной окраине городища. К этой башне подходила и лестница «Битикле» (*ил. 77*). Третья система дозорных башен Личиу-Кала находится на правом берегу реки Джылги-су, на склоне горы Башиль.

Вторая важная группа оборонительных сооружений городища представлена **боевыми башнями.** Они являлись опорными, узловыми пунктами обороны, у которых происходили основные боевые действия при осаде и защите поселения. Остатки этих башен до сих пор известны у жителей Верхнего Чегема под различными названиями: Асы-кала – крепость асов, Джияк нарт-кала – боковая нартская крепость, Тотур-кала – крепость Тотура, Авсат-кала – крепость Авсаты, Трам-кала – крепость Трама и др. Из них особо выделяется Тотур-кала, расположенная на левом берегу Джилги-су, у входа в городище. Вблизи ее находятся остатки мощной стены, идущей от берега реки. Когда-то, вероятно, башня и стена соединялись и замыкали вход в городище. Протяженность этой стены прослеживается до 35 м.

Особый интерес представляют две искусственные наскальные лестницы, сооруженные на отвесной стене горного массива Ак-Кая. Они начинаются у самого его основания и поднимаются до высоты 30–40 м от поверхности земли. Лестницы представляют собой выбитые в скале ступеньки, с внешней стороны застрахованные невысокими каменными стенками на особо опасных участках. Протяженность большой лестницы некогда достигала 200 м. Лестницы вели к небольшим пещеркам, но сейчас они до них не доходят.

Балкарские предания говорят, что в пещере в далеком прошлом прятали драгоценности и старинные книги. В 1736 г. кизлярский дворянин А. Тузов имел доступ «к хранящимся там в строжайшей тайне старинным священным книгам», а известный ориенталист Г. Ю. Клапрот писал, что он достал семь листов пергамента, на котором написаны были отрывки из Евангелия, относящегося ко второй половине XV в.[112] В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский пишут, что эти пещеры, вероятно, были караульней [113].

Главным центром всей оборонительной системы городища была мощная крепость, расположенная в самом узком месте ущелья реки Джилги-су, между массивом скал Ак-Кая и рекой. Именно из этой крепости начинались обе наскальные лестницы, по которым можно было выйти к башне Хырджауат и к отмеченным пещерам. Эта крепость, названная археологами *бастионом* [114], представляет собой сооружение длиной в 25 и шириной 8 м. В плане крепость-бастион имеет сложную и своеобразную конфигурацию. Северную стену представлял скальный массив Ак-Кая, западная и восточная стены сооружены в стык с ней. Юго-западная часть укрепления состояла из двух стен, соединенных под прямым углом друг с другом. Южная стена, обращенная к реке, была укреплена мощными контрфорсами, выступающими до 1,5 м [115]. Этот бастион, снабженный такой труднодоступ-

ной лестницей, окруженный целой системой дозорных и боевых башен, мощной каменной стеной на подступах, делал доступ к городищу весьма затруднительным.

О существовании здесь городища и мощной крепости говорит и название большого грота «Кала-Тюбю», т. е. «Низ крепости». Такое название грота вполне оправдано, т. к. он расположен ниже по ущелью от городища и крепости. Многие уже не помнят, да и не могли помнить и знать о существовании здесь городища. Лишь археологические изыскания проливают свет на этот топоним – «Низ крепости». Вполне допустимо предположить, что и название селения Эль-Тюбю связано с наличием вверху по ущелью поселения, т. е. эля. Отсюда и возникло наименование старинного селения как Эль-Тюбю, т. е. «Низ села» (*ил. 41, 84*).

Керамический материал, найденный на городище, разделяется на две группы. В первую входит сероглиняная, слабого обжига керамика из грубого, зернистого теста, в изломе которого видны частички кварца и песка. В редких случаях, когда имеется орнамент, он представляет собой нарезные насечки по венчику, остроребериые налепные валики, вдавленные прямые либо волнообразные линии, идущие по тулову сосудов. Иногда попадались и лощеные черепки, на которых встречаются сетчатые узоры в виде ромбиков и треугольников. Многочисленные аналогии в домонгольских слоях средневековых городищ Северного Кавказа позволяют датировать ее в пределах X–XIII вв.[116] Вторая, относительно многочисленная группа керамики, представлена образцами красноглиняной «звонкой» керамики отличного обжига, изготовленной из хорошо отмученной глины. Поверхность ее зачастую покрыта линейным, линейно-волнистым орнаментом и желобчатыми линиями. Эта группа керамики очень близка к керамике золотоордынских городов XIII–XIV вв. О времени существования Верхне-Чегемского городища свидетельствует могильник, размещавшийся вблизи него [117]. В погребениях были найдены серебряные и бронзовые серьги в форме вопросительного знака с нанизанными на стержень мелкими «жемчужинками», халцедоновые бусы, бусины из горного хрусталя, подвески из зубов животных, бронзовые полые бубенчики и пр. Серьги упомянутого типа на Северном Кавказе известны в памятниках Адыгеи XII в.[118], Чечни и Ингушетии XIII–XIV вв.[119] Встречаются они и в более ранних могильниках Северной Осетии от VII до X в.[120], в памятниках салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв.[121], к этому же времени они относятся и на Среднем Урале и на Волге [122]. Л. П. Семенов находил их в комплексах с татарскими монетами XIV в.[123] Наиболее близким к этому могильнику является могильник Байрым XIII–XIV вв.[124], расположенный в 2,5 км к востоку от городища. Все сказанное позволяет предположить, что основная жизнь на городище протекала в период между XII и XIV вв.

Верхне-Архызское городище, известное карачаевцам под именем «Эски-Джурт», расположено у истоков реки Большой Зеленчук. Здесь, в верховьях Кубани, скрещивались крупные средневековые торговые пути, ведущие из Средней Азии к побережью Черного моря, знаменитый путь

из Хорезма в Византию, и пути, связывавшие Кавказ с Восточной Европой [125]. Как уже отмечалось, один из основных путей из Хорезма в Византию проходил по верховьям Кубани и был известен в Византии еще в XI в. как «Хоручон», восходящий, по предположению П. Буткова и Г. А. Кокиева, к названию карачаевцев. Укреплению этого пути в раннем Средневековье, и особенно в Хазарскую эпоху VII–X вв., Византия и Каганат придавали очень серьезное значение. Именно этим можно объяснить появление на подступах к Марухскому, Клухорскому и другим перевалам таких крупных средневековых укрепленных городов, как Хумара и др.[126] Вероятно, через эти перевалы еще в древности попадали к Черноморскому побережью «главным образом за солью» большинство центрально-кавказских племен, о чем писал еще Страбон [127]. Нет сомнения в том, что эти пути играли существенную роль в международной жизни и в эпоху Золотой Орды. Ведь именно в это время получают расцвет такие города Северного Кавказа, как Маджары на Куме [128], Верхний и Нижний Джулаты на Тереке [129], Верхне- и Нижне-Архызские города на Кубани, размещенные у самых узловых пунктов международных путей XIII–XIV вв. Еще далеко до образования Золотой Орды перевальным путям через Кавказ, как воротам в восточноевропейские государства, уделяли самое серьезное внимание государства Передней Азии и Ближнего Востока [130]. Важное значение придавали этим проходам и монголы при первых же своих походах и столкновениях с аланами и кипчаками, для того чтобы укрепить свой тыл в реализации планов покорения Восточной Европы [131]. Немаловажно отметить, что уже они застают ущелья Центрального Кавказа достаточно укрепленными [132]. Как отмечалось выше, при походах Тимура неоднократно отмечаются «недоступные крепости обитателей Эльбурса», против которых великий завоеватель вынужден был организовывать отдельные походы [133] (*ил. 23, 38–40; 42–45; 47–49; 51, 65, 67–71; 74, 78, 90, 91, 113*).

Крупнейшим культурно-политическим центром Северного Кавказа того времени были Верхне- и Нижне-Архызские городища, на территории которых были построены выдающиеся архитектурные сооружения – христианские храмы X–XII вв.[134] Городище Верхний Архыз охватываег самые верховья Кубани, где от слияния Софии, Псыжа, Архыза и Кызгыча образуется река Большой Зеленчук. Как отмечалось, карачаевцы именуют этот район термином «Эски-Джурт» – «Старая родина». По их преданиям, родоначальник карачаевцев Карча первоначально поселился в верховьях Зеленчука.

Поскольку это предание имеет важные сведения о расселении карачаевцев, приведем его в том виде, как оно было записано народным учителем Кубанской области в конце XIX в.: «Родоначальник карачаевцев Карча первоначально поселился со своим народом в верховьях Большого Зеленчука на Архызе, в обществе трех товарищей: Науруза, Будяна и Адурхая. Через некоторое время к ним явился Хубий, выходец из племени кызылбеков. Вместе с Хубием пришел его брат Худбий, но скоро ушел в Абхазию. У Хубия же здесь родились два сына – Акмурза и Темурко. Первое

время жизнь на Архызе протекала мирно. Но однажды к карачаевцам неожиданно подъехали верховые из племени кызылбеков и стали требовать от Карчи покорности своему князю и «шишлик» (подарок, мясо и пр.). Это требование рассердило Карчу, и он велел выдать им паршивую собаку:

– Вот вам и вашему князю шишлик!

Кызылбекский князь послал войска, и Карча вынужден был платить ему каждое лето по сто коров с желтыми ушами. Проводив их, Карча решил оставить Архыз, чем быть данником кому-то. Двинулся в путь со своим племенем. На пути попадалось много скалистых гор. Под одной из них путники заметили большую змею, которая лежала поперек их пути. Путники испугались и, повернув в сторону, остановились на ночлег в горах. Они слышали, что ногайцы убили одну такую змею. Науруз как опытный охотник предложил убить ее в полдень, когда она будет спать на солнце. В полдень 60 верховых с Наурузом подъехали к ней и увидели, что она спит. Змея спала, и хвост лежал в реке, а голова и туловище – в долине. Первым стрелял Науруз, затем остальные 60 всадников и ускакали прочь. Только на следующий день она погибла. Она билась в предсмертных муках и была так страшна, что несколько женщин от страха умерли, а Адурхай, один из четырех представителей племени, упал в обморок. Потомство Адурхаево не извинило его слабости, непростительной для горца, и навсегда заклеймило позором труса. Некоторые из его потомков хотят похвастать своим древним родом, но им говорят:

– Стыдитесь гордиться именем труса»[135].

Эту легенду в 1896 г. рассказывали 120-летний Джанкёзов, старики Алиев и Хубиев, которые пытались даже определить время этих событий: 580 с лишним лет назад от их времени [136].

Мы уже высказывали предположение о том, что название реки Зеленчук могло произойти от той легендарной змеи-чудовища, т. к. змея на карачаево-балкарском и других тюркских языках означается: «жилян», «зилан», «илап»[137]. Отсюда могло произойти название Зиланчык – Зеленчук, т. е. Змейка. Такая же река упоминается под названием Иланчук при походе Тимура[138].

О том, что в верховьях Зеленчука, в окрестностях Архыза, в далеком прошлом существовали поселения и земледельческие угодья, кроме самого названия *Эски-Джурт*, свидетельствуют показания Н. Г. Петрусевича в его «Отчете об осмотре казенных свободных земель нагорной полосы между реками Тебердой и Лабой».

Об одном из урочищ близ Архыза он пишет: «Везде, где только есть открытые от леса поляны, видны запашки, на которых до сих пор растет рожь в некоторых местах; даже является сомнение, не в нынешнем ли году были здесь люди, оставившие неубранными хлеба. Вероятно, это происходит оттого, что лес, густо окружающий будто бы стеной поляну, не позволяет разноситься по ветру хлебным семенам или быть вытесненными семенами других растений. Достоверность этого подтверждается тем, что на открытых полянах рожь хоть и растет, но не сплошь, а небольшими кустами. Когда и кто поселенцы – наверное ничего неизвестно; как преда-

ния передают, что когда-то в этих местах жили карачаевцы, занимавшие и соседнюю с Загданом поляну Иркиз. Насколько достоверно это предание, разбирать нет надобности, но существование на Загдане в прежнее время поселения не подлежит сомнению. Нельзя только сказать, на Загдане или Иркизе были расположены аулы, потому что от жилищ не осталось и следов, даже могил не видно, и потому надобно полагать, что жившие здесь выселились весьма давно»[139].

Из приведенного отрывка напрашивается вывод, что урочище Загдан было земледельческим угодьем, а аулы и жилища, следов которых не мог обнаружить Петрусевич, находились именно в Архызе (Иркизе). Большое средневековое городище Нижний Архыз обследовал в 1953, 1960–1962 гг. В. А. Кузнецов. Такое же городище в окрестностях аула Верхний Архыз обследовали Т. М. Минаева и автор этих строк в 1966 г.[140]

Верхне-Архызское городище располагается в живописной высокогорной долине, утопающей в сосново-пихтовом лесу, при впадении реки Кызгыч в Большой Зеленчук, северо-западнее современного карачаевского селения Архыз. Со всех сторон эта долина окружена высокими горами. Весь район, занятый городищем, покрыт селевым наносом, завален камнями от частых оползней и зарос густым лесом. Местами лес настолько густо покрывает участок бывшего поселения, что исследование и установление границ его в этих местах невозможно. Непрерывно заселенный участок городища достигает более двух километров, без учета отдельных участков, непосредственно не примыкавших к основной части городища.

Следы поселения обнаруживаются и на правом берегу реки Большой Зеленчук, напротив основной части городища, западнее современной турбазы «Архыз». Различные развалины строений, каменные насыпи, остатки жилищ, по рассказам старожилов, имеются и выше аула Архыз, по долине справа и слева от слияния рек Псыж и София. Мощные каменные стены, развалины жилищ, оборонительных, бытовых и культовых сооружений дают основание считать, что район нынешнего аула Архыз был густо населен в эпоху XIII–XIV вв.

Прежде всего бросаются в глаза сооружения, предназначенные для разделения земельных участков, пригодных для обработки или косьбы. Они представляют собой уже оплывшие каменные валы, расположенные как вблизи самого городища, так и на значительных от него расстояниях. Длина этих валов и стен доходит иногда до нескольких десятков и сотен метров. Часто они идут от подножия гор через всю долину. На самом городище также много стен, пересекающих его в различных направлениях. Порой они прослеживаются под корнями громадных сосен и под завалами старых деревьев. Стены эти служили оградами дворов, усадеб, улиц или проходов. Иногда такие же стены обнаруживаются вдоль заброшенных канав, по которым пускалась вода двух маленьких речушек на территории городища. В отдельных случаях хорошо прослеживаются улицы с каменными выкладками по обочине (*ил. 92*).

На городище повсюду можно видеть развалины старых жилищ. Очень часто прямо на их руинах растут громадные, до двух метров в обхвате пихты и сосны. Этот факт свидетельствует о том, что густой лес покрыл это место после гибели городища. На территории городища очень много каменных насыпей-курганов различных размеров, многие из них также покрыты деревьями. Различные каменные строения и развалины имеются и далеко за пределами города, вверх по ущелью реки Кызгыч. Самым интересным на территории городища является наличие огромных каменных сооружений – лавинорезов. У выходов с гор небольших речушек, проходящих через городище, сооружены в двух местах массивные стены, теперь уже основательно оплывшие. Эти стены пересекаются под острым углом, и острие их направлено вверх, к выходу указанных речек. Одна из стен прослеживается от 37 до 40 м, другая – от 20 до 50 м. Эти огромные «валы-стрелы» сооружались для защиты от лавин и селей, которые, видимо, часто тревожили местных жителей. Отчетливые следы их легко можно разглядеть и сегодня. Геофизические экспедиции МГУ под руководством профессора Г. К. Тушинского установили, что территория городища часто заносилась селевыми наносами, что, видимо, и явилось причиной его гибели. По мнению лавинологов, эта катастрофа могла произойти между XIII и XV вв. [141] Возможно, что постоянная угроза селевых потоков и лавин также способствовала тому, что этот район был оставлен карачаевцами, о чем говорится в приведенной выше легенде. О том, что селевые потоки часто обрушивались на этот район, говорит, по нашему мнению, и само название местности «Архыз». По-карачаевски и по-балкарски селевой поток означается словом «ырхы», а «ыз» значит «след». Эти два слова вместе образуют термин *ырхы-ыз*, что означает «след селевого потока». Постепенно, передаваясь из уст в уста, оно стало звучать как *Ырхыз*, или в русской транскрипции «Архыз» [142]. Такое предположение подтверждается и тем, что еще в 80-х гг. XIX в. этот район назывался *Ырхыз (Ырхыз)* известными путешественниками и исследователями Кавказа Н. Я. Динником и Р. Эккертом [143]. Известно, что народ дает название различным урочищам, горам, рекам и прочему по каким-то связанным с ними событиям или явлениям, фактам. Так, вероятно, случилось и в данном случае. Такое толкование этого названия более близко к истине, чем попытки объяснить «Ырхыз» как «дальняя межа» в переводе с карачаевского [144], или «приречная долина» [145], т. к. на Кавказе все долины являются приречными.

Над городищем с востока, на вершине горы, находятся развалины крепости, называемые карачаевцами *Карча-кала*, т. е. «крепость Карчи». С этой горы и крепости хорошо просматриваются весь город и подступы к нему. На подступах к крепости на склоне горы под корнями густого леса прослеживаются отдельные каменные стены – остатки жилищ. Эти развалины вновь свидетельствуют, что они древнее покрывшего их леса. Длина этих стен достигает от 3 до 11 м при высоте от 0,5 до 0,7 м (*ил. 107*).

Само сооружение Карча-кала расположено между двумя скальными возвышенностями на небольшой площадке. Северо-западная и юго-вос-

точная стены его вплотную прилегают к скалам, высота стен сохранилась до 0,7–0,8 м, сложены они из плиточного рваного камня, без связующего материала. Подход к этому сооружению возможен с северо-западной стороны. Здесь на крутом каменистом склоне прослеживаются каменные выкладки и выбитые в скалах небольшие ступеньки. Хотя местные жители называют эти развалины крепостью, они очень напоминают древнехристианские одноапсидные церкви X–XII вв. Полукруглую апсиду представляет юго-восточная стена. С церквами отмеченного типа ее сближают имеющиеся выступы вовнутрь помещения в северо-западной и юго-западной стенах. Эти архитектурные особенности планировки почти целиком повторяют форму христианских церквей в верховьях Кубани на городище Гиляч, Нижний Архыз, в верховьях Чегема и других районах Северного Кавказа [146].

К этому же времени, видимо, относилась церковь на противоположной стороне городища, в местности, называемой *Церковной поляной*. В 1939 г. Т. М. Минаева видела еще остатки ее. По дороге к этой церкви, на каменном валу, идущему вдоль дороги, нами была обнаружена хорошо обтесанная каменная плита с выбитым на ней крестом. Дорога, ведущая к Церковной поляне, местами прослеживается до нескольких десятков метров. На месте обнаружения креста она просматривается до 60 м, ширина ее 2,5–2,7 м, обочины ее местами выложены камнями. Другой камень с крестом найден нами в 600 метрах от первого к юго-востоку в густом лесу. Третий камень с высеченным на нем крестом стоит на противоположном берегу реки Зеленчук, в урочище Казачья Поляна, на небольшой опушке леса (*ил. 110*).

На правом берегу реки Кызгыч, у слияния ее с Зеленчуком, возвышается укрепление. Оно, видимо, охраняло вход в ущелье Кызгыч, в верху которого находятся остатки различных строений. Это укрепление представляло собой большое прямоугольное сооружение со сторонами 15,7; 15; 11; 10,5 м и толщиной стен до 1 м. Вокруг него с трех сторон идет каменная ограда. Между оградой и южным углом сооружения прослеживается полукруглая (диаметром 1,7 м) каменная кладка, возможно, здесь была хозяйственная яма. С восточной стороны к укреплению примыкают рудименты различных жилищ. Таким образом, здесь мы имеем дело с остатками большого укрепления, прилегающих к нему жилищ, других строений.

Комплекс рассмотренных памятников Верхнего Архыза, судя по каменным крестам, по планировке и формам остатков церквей и других строений, по данным гляциологов, суммарно может быть датирован временем от X до XIV вв. Более точные хронологические рамки развития городища сейчас установить трудно.

Нижний Архыз. Городище расположено на правом берегу Большого Зеленчука. Часть построек располагается на левом берегу у подножия небольшого хребта. Общая длина городища достигает двух километров. Оно было обследовано в 1953 г. экспедицией Пятигорского госпединститута под руководством П. Г. Акритаса [147]. Затем городище изучалось, неоднократно В. А. Кузнецовым в 1960–1962 гг.[148] По своей планировке городище

делится на три части: северную, центральную и южную [149]. Небольшая северная часть и ее постройки группируются вокруг среднезеленчукского храма [150], и она была укреплена небольшой крепостной стеной. В развалинах построек в этой части были найдены черепки красноглиняной, хорошо обожженной керамики, покрытой светлой поливой, и куски железного шлака [151]. Центральная часть городища была застроена более густо и представляла его центр. Здесь довольно четко прослеживаются три улицы и переулки с разрушенными жилищами [152]. Недалеко от центральной улицы находятся остатки небольшой одноапсидной церкви, исследованной В. А. Кузнецовым в 1962 г.[153] Эта церковь очень похожа на описанную из Верхнего Архыза. Всего на Нижне-Архызском городище исследователи насчитывают до десятка подобных церквей, датируемых X–XII вв. Эту дату подтверждает и тот факт, что одна из них покоится на культурном слое X–XII вв., а также обнаруженные здесь кресты-энколпионы и простые железные, клепаные кресты того же времени [154]. Кроме того, в кладке стены одной из церквей были обнаружены две песчаниковые плиты с высеченными на них арабскими куфическими надписями, одна из которых содержит общемусульманскую фразу: «Нет бога, кроме Аллаха, Магомет пророк его», а вторая приводит дату: «аль-авваль год четыреста и тридцать шесть». В мусульманском календаре имеется два месяца с окончанием «аль-авваль» – Раби I и Джумади I, что соответствует времени с 26 сентября по 24 декабря 1044 г. [155] Следовательно, плиты были разбиты и использованы в кладке не ранее 1045 г. Отсюда В. А. Кузнецов вполне обоснованно относит строительство церкви ко второй половине XI в.[156] Археологические раскопки показали, что нижние слои городища датируются временем VIII в.[157], а верхние датируются керамикой золотоордынского времени XIII–XIV вв.[158] К последнему периоду относится и могильник из каменных ящиков [159].

Особо интересными объектами на городище являются комплексы бытовых и хозяйственных сооружений. На одном из участков городища было выявлено сооружение из пяти помещений [160]. Стены его сооружены насухо из плитняка, высота их достигает до 2,5 м. Все пять помещений соединены между собой и представляют единый комплекс. В каждом из помещений имеются дверные проемы. При раскопках были найдены куски черепицы, фрагменты керамики, около 30 мелких обломков листовой меди, два обломка стеклянной посуды. С внутренней стороны стен прослеживаются остатки штукатурки.

Средневековые городища Верхний и Нижний Архыз относятся к единому культурно-историческому кругу, они были тесно взаимосвязаны между собой и играли важную политическую и экономическую роль в жизни населения верховьев Кубани. Находки в них различных стеклянных изделий, крестов-энколпионов, высокая для того времени церковная архитектура говорят о том, что население поддерживало оживленную культурно-экономическую связь с внешним миром, особенно с Византийской империей, о чем свидетельствуют великолепные христианские церкви и храмы, сооруженные в византийском стиле и издавна привлекавшие к себе

внимание многих ученых [161]. Наибольшей насыщенностью христианскими памятниками отличаются места, примыкавшие к верховьям Кубани, по которым проходил важный торговый путь, связывающий Северный Кавказ с христианским миром Черноморского побережья Кавказа [162]. И, безусловно, архызские городища являлись одним из важных звеньев этого пути. В проникновении христианства в верховья Кубани немаловажную роль сыграло и Тмутараканское княжество, связанное с этими районами удобными перевалами по течению Кубани.

В заключение необходимо сказать о том, что верховья Кубани, особенно окрестности Архызских городов, давно считаются мощными центрами христианской религии и культуры Северного Кавказа, поддерживавшими тесные связи с Византией. Именно здесь размещался центр так называемой Аланской епархии X–XII вв.[163] Очень важно здесь отметить, что вторым центром так называемой Кавказской христианской митрополии являлись верховья Чегема во главе с описанным Верхне-Чегемским городищем. Ведущий специалист по археологическому наследию христианской культуры Северного Кавказа В. А. Кузнецов выдвигает и доказывает гипотезу о том, что в районе Верхнего Чегема локализовался центр Кавказской митрополии, а «это ставит перед кавказоведами вопрос о видной роли района Верхнего Чегема в средневековой истории и культуре северокавказских народов»[164]. Эти слова ученого с полным основанием относятся и к району верховьев Кубани – Карачаю, где также наблюдается большое скопление христианских древностей. Ведущими центрами культурной жизни этих районов, безусловно, были рассмотренные Архызские городища, во многом перекликающиеся с Верхне-Чегемским комплексом.

Городище Эль-Джурт является одним из интересных памятников истории и культуры балкарского и карачаевского народов рассматриваемого времени. Исторические песни и предания этих народов прочно увязывают городище с карачаевцами [165]. Подкрепляется это и историческими сообщениями русских послов 1639 г. Ф. Елчина и П. Захарьева, которые застали карачаевцев рода Крымшаухаловых в верховьях Баксана [166]. Послы гостили у карачаевских мурз Гиляхстана и Ельбузука Крымшаухаловых. Одному из старейших князей карачаевцев – Камгуту был воздвигнут у этого городища интересный надземный склеп-мавзолей, не раз отмечавшийся в работах путешественников и ученых, посещавших Баксанское ущелье. Этот мавзолей был описан еще Нарышкиными в 1867 г.[167], другими авторами XIX в.[168], исследован в 1939 г. Х. О. Лайпановым, в 1969 г. – автором данной работы [169]. А. А. Иессен датировал этот склеп-мавзолей XV в.[170] (*ил. 94, 95*). С городищем Эль-Джурт связаны очень интересные вопросы истории карачаевского и балкарского народов [171]. В 1849 г. в старинном карачаевском селении Карт-Джурт было записано предание об образовании этого селения карачаевцами, переселившимися с берегов Баксана [172]. Согласно этому преданию, некий охотник Боташ, будучи на охоте, встретил прекрасную лань и в погоне за ней открыл в горах просторную и удобную для жизни долину [173]. Но чтобы убедиться в ее плодородности, он бросил

в землю несколько зерен ячменя и спустя некоторое время вновь сюда вернулся и увидел великолепный урожай. Он тут же решил переселиться сюда со своими людьми и обосновал здесь свое поселение – *журт*.

Баксанское поселение карачаевцев Эль-Джурт располагалось на крутом каменистом склоне горного хребта, на левом берегу реки Баксан, в двух километрах вверх по ущелью от нынешнего города Тырныауза КБР (*ил. 89, 97*). Площадь, немногим более чем 200 х 400 м, где сейчас отчетливо прослеживаются остатки жилищ, завалена сплошным камнепадом частых горных обвалов. На противоположной стороне реки находится упомянутый мавзолей Камгута Крымшаухалова. В настоящее время на поселении можно насчитать около 50 жилищ, отдельных усадеб, небольшие улочки и проулки между рядами жилищ, образующих террасы, приспособленные к рельефу местности. На поселении археологическая экспедиция под руководством автора этих строк исследовала 7 жилищ, представляющих 3 усадьбы и одно отдельное здание. Поселение Эль-Джурт прижато к двум башенным сооружениям, за которыми закрепилось имя княгини Гошаях, жены младшего брата Камгута – Каншаубия Крымшаухалова.

Усадьба № 1 расположена на сравнительно пологой нижней части поселения. Она представляет собой прямоугольное сооружение правильных форм, несколько врытое в землю. Стены сооружены из рваного местного камня, без связующего материала. Усадьба состоит из двух больших комнат и веранды. Передняя стена веранды представлена одним рядом камней. Это был фундамент, на котором, вероятно, стояли опорные столбы, подпирающие перекрытие веранды, как и в поздних балкаро-карачаевских жилищах XIX–XX вв. (*ил. 27, 89, 97*).

Первая комната представляла собой вытянутое с северо-запада на юго-восток прямоугольное сооружение размерами 11,2 х 6,2 м и с каменными стенами толщиной более 1 м. Часть юго-западной стены сооружена на огромном плоском скальном обломке, который выступал даже вовнутрь жилища. Кладка стен сухая, камень не обработан, как и во всех других помещениях усадьбы. Западный и северный углы здания сохранились на высоту почти до 2 м. Собственно эта высота, вероятно, соответствует тому уровню, на который врывались в склон стены жилища. Юго-восточная стена и ее углы намного ниже, так как они располагались по склону. Их высота едва превышает 0,5–0,6 м. Разница эта зависит от крутизны склона местности. В юго-восточной стене был оставлен широкий входной проем.

В ходе исследований в разных участках жилища на земляном полу выявлены остатки деревянных обгорелых бревен – балок перекрытия, опорных столбов или срубных стен. Примерно в центре комнаты находились два плоских камня, плотно утрамбованных в пол. Непосредственно возле них обнаружено несколько фрагментов деревянных столбов. Вероятно, эти камни представляли собой базы, на которых стояли опорные столбы. Вторая комната, размерами 11,2 х 5,6 м, представляла такое же вытянутое прямоугольное помещение. Северо-западная стена двух этих помещений была общей стеной всей усадьбы. Она, как отмечено, была врезана в склон

горы. В северо-восточной части комнаты на полу были выявлены также два плоских камня (60 х 65; 55 х 65 см), расположенных в одну линию на расстоянии полутора метров один от другого. У самого юго-восточного угла находился еще один подобный камень. Вероятно, они также служили базами для опорных столбов перекрытия. Ко второй комнате была пристроена веранда-навес. Ширина ее 2,4 м, длина соответствует размеру комнаты. Передняя стена ее представлена одним рядом камней, немного выступающих на поверхность земли. В ней хорошо виден проем, служивший входом в веранду.

В усадьбе № 1 было найдено большое количество костей как крупных, так и мелких животных, много обломков глиняных сосудов, фрагменты железной посуды, железное шило, обломок пряслица из песчаника. Керамический материал можно разделить на три вида – сероглиняный слабого обжига, красноглиняный с хорошо обожженным черепком и третий вид, его большинство, это хорошего качества и обжига черепки кирпично-красного цвета в изломе, покрытые разноцветной поливой: темно-коричневой, темно-охристой и светло-охристой. Среди них выделяются черепки с темно-коричневой поливой, украшенные желобчатыми линиями по горловине и плечику сосудов с горизонтальными венчиками. Подобные же желобки нанесены и по тулову сосудов. Черепки с желто-охристой поливой имели в основном плавно закругленные венчики, некоторые из них украшались бортиками, горизонтально идущими возле горловины. Среди указанных образцов встречаются сосуды с петлевидными небольшими ручками [174] (*ил. 87, 98*).

Усадьбы № 2, 3, жилище № 7 и упоминавшиеся башни расположены в самой верхней части поселения, у основания скального массива, на крутом склоне, заваленном камнепадом. ***Усадьба № 2*** состоит из пяти соединенных между собой комнат. Первая представляет собой помещение, сооруженное из рваного камня без связующего материала. Длина комнаты внутри – 10,5 м, ширина – 5,4 м, толщина стен – 1,2 м. Вдоль северо-западной стены шла лежанка пятиметровой длины шириной в 70 см. У южного угла был оставлен вход шириной в 1 м. Задняя, северо-западная стена, представлявшая каменную облицовку среза склона, хорошо сохранилась до высоты двух метров, а боковые стены сохранились лишь до 0,5 м, передняя стена снесена совершенно. Вторая комната – шириной до трех и длиной около четырех метров. Стены ее построены таким же образом, как и в других сооружениях. Третья комната представляет собой неправильное четырехугольное сооружение размерами 10,7 х 7,8 м в широкой части и 9,5 х 6 м в узкой. Задняя, северо-западная, стена сохранилась до высоты 1,4 м. Передняя также снесена обвалом, как и в предыдущей комнате. Вдоль северо-западной стены расчищены остатки лежанки. К третьей комнате непосредственно прилегает жилище № 6 с двумя отдельными небольшими помещениями, что позволяет объединить их в одну усадьбу.

Усадьба № 3 расположена вблизи от усадьбы № 2 и представляет собой вытянутое с запада на восток сооружение из нескольких помещений. Сте-

ны их сооружены подобным же образом, что и описанные выше. Одно из помещений представляет собой в плане ромбовидный четырехугольник со сторонами 3,8 х 4 м. Стены сохранились от одного до двух метров в высоту. Нижний ряд камней в стенах представляет огромные глыбы. Остальные помещения по планировке и расположению аналогичны вышеописанным. В восточном углу третьей комнаты обнаружена массивная каменная ступа шаровидной формы. А на полу четвертой найдена часть каменного жернова ручной мельницы.

Жилище № 7 располагалось в двенадцати метрах к востоку от усадьбы № 3. В плане оно представляет собой трапециевидное помещение длиной 8,4; шириной 5,4 и 2,9 м. В кладке задней стены использованы огромные валуны, скреплявшие срез склона.

В ходе раскопок описанных усадеб был собран большой костный материал, среди которого привлекает внимание череп дикого кабана, найденный в одной из комнат усадьбы № 3. Интересно отметить железную ромбовидную стрелу с длинным черешком, круглую в сечении. Длина острия стрелы около 6 см. На поселении хорошо видны небольшие улочки, идущие между рядами жилищ, расположенных на горном склоне. Ширина их достигает местами более двух метров. Одна из таких улиц проходит примерно по центру поселения, и она самая широкая.

У городища Эль-Джурт находились две башни. Одна из них, сооруженная из камня без связующего раствора, стояла у самого основания вертикального скалистого навеса, служившего четвертой стеной башни. В плане она представляет четырехугольник шириной (внутри) 4,3 х 5,1 м, длиной 9,2–9,4 м. Толщина стен достигает полутора метров. В восточном углу башни оставлен вход, у которого лежал массивный обработанный камень прямоугольной формы, служивший порогом. Стены у входа выложены обработанными большими камнями. Слева в стене оставлена ниша высотой 30, глубиной 50 см. В западном углу башни вырыт прямоугольной формы бассейн для сбора воды (глубина 1,5–1,7 м, длина 3,4 м, ширина 1 м). В некоторых местах стены башни уцелели до высоты в 1,7 м. В башне было найдено около двух десятков черепков, аналогичных керамике из описанных усадеб. В двадцати метрах к востоку находятся остатки второй башни. Она была построена на очень крутом скалистом склоне. Для получения горизонтальной площадки при сооружении башни склон был забутован камнями на высоту в 3 м. В кладке стен этой башни применялся известковый раствор в качестве связующего материала. Со стороны склона стены сохранились до 3,4 м. Если смотреть сверху, то остатки башни едва только прослеживаются, т. к. три стены ее в результате горных обвалов, в силу покатости склона были разрушены. Башня имела трапециевидную форму в плане. Длина основания достигала 15,4, ширина – 6,1 м, толщина стен – более 1 метра. С юго-западной стороны склон, где стояла башня, укреплен каменной стеной в 9 м длиной, 1 м шириной и 1 м высотой. Из этой башни хорошо просматривалась территория всего городища (*ил. 90, 91*).

В результате раскопок на Эль-Джурте получен очень скудный датирующий материал. Все же некоторые определенные выводы можно сде-

лать по найденной керамике и другим факторам. Так, черепки, добытые в усадьбах № 2 и 3, жилище № 7 и в первой башне, представляют собой наиболее ранние образцы, находящие весьма близкие аналогии в керамике золотоордынского времени XIII–XIV вв. К этому же времени относится и стрела, подобная множеству стрел из средневековых кабардинских курганов XIV–XVI вв. Склеп Камгута, расположенный у городища, А. А. Иессен датировал XV в.[175] С этими хронологическими рамками согласуется и то обстоятельство, что в 1639 г. здесь проходили русские послы. Кроме того, известно, что мусульманство проникало в горы Центрального Кавказа в начале XVIII в., а наличие в одном из жилищ Эль-Джурта черепа кабана является прямым свидетельством о домусульманском времени поселения. Исходя из этого, можно предположить, что основная часть поселения (верхние усадьбы № 2 и 3, жилище № 7, башни № 1, 2) существовала от XIV–XV до XVIII в. Усадьба № 1 является поздним включением в поселение, т. е. она обосновалась после того, как ранняя часть его, возможно, была уже заброшена. Об этом свидетельствует планировка и конструкция жилищ, керамический материал явно позднего характера, а частично напоминает даже предметы заводского типа. Эта усадьба по своему типу очень напоминает старобалкарские усадьбы XVIII–XIX вв.

Особый тип поселений, отличающийся от описанных городищ, представляют небольшие родовые поселения балкарцев и карачаевцев, сохраняющие в своих названиях имена первых основателей и запечатленные в народных преданиях.

Макка-кая. На правом берегу реки Чегем, над южной окраиной сел. Булунгу, возвышается гора Макка-кая. По преданиям, здесь впервые обосновался некий Макка, имя которого закрепилось за названием горы и остатками небольшого родового поселения. Западная часть этой горы усыпана чернолощеной, сероглиняной керамикой. Изредко встречаются и красноглиняные с вдавленными лощеными линиями. Весь облик керамики позволяет отнести ее к кругу керамики XII–XIV вв. Но для нашей темы очень важно, что на сравнительно плоской вершине-плато горы имеются остатки шести небольших отдельностоящих жилищ, несколько врытых в землю. Кладка стен этих жилищ идентична жилищам из Верхне-Чегемского городища. Рядом с этими жилищами, в местности, именуемой Хуппа-Хужан, прослеживаются следы древних могил, обложенных камнями. В центре этих могил стоит одиноко возвышающийся камень, высотой 1,15 м, шириной 0,5 м, толщиной в 30 см. О возможности существования здесь поселения говорит и тот факт, что на близлежащих склонах видны грандиозные террасовые поля былого земледелия [176] (*ил. 83*).

Малкар-кала. Это тщательно укрепленное поселение-крепость располагается на скалистом уступе горы над старым аулом Кюнлюм в Черекском ущелье [177]. Оно представляет собой сложный оборонительный и жилой комплекс. Все сооружение тянется с северо-запада на юго-восток. Основное сооружение – цитадель – представляет собой в плане неправильный четырехугольник со слегка закругленными углами. Длина цитадели 14,8 м,

ширина 4–6,9 м. От нее отходят две оборонительные стены, достигающие 14,3 м. Непосредственно не соприкасаясь с основным оборонительным комплексом, к юго-востоку от него тянутся жилые постройки числом более десятка. Некоторые из них расположены террасами на скальных выступах и ограждены каменными стенами от возможных обвалов сверху. Малкар-кала представляет собой небольшой родовой аул со своей оборонительной крепостью. При необходимости население могло укрыться в цитадели и обороняться от неприятеля.

Болат-кала. Представляет собой мощную крепость, расположенную на той же горе, что и Малкар-кала [178]. Крепость неоднократно достраивалась, укреплялась оборонительной стеной, стены снабжены многими бойницами, в полу помещений имеются облицованные камнем на прочном известковом растворе продуктовые ямы-хранилища. Она представляет собой жилой и оборонительный комплекс небольшого рода с запечатленным именем родоначальника.

С описанными поселениями-крепостями схожа и упоминавшаяся **Карча-кала** в верховьях Архыза, у слияния рек Архыз и Кызгыч. К этой же категории моногенных родовых поселений балкарцев и карачаевцев относятся поселения, состоящие из целого ряда взаимосвязанных жилых и оборонительных сооружений, представляющие собой горский тип средневековых замков. Подобные памятники – **Зылги, Усхур, Курнаят** и др. – на протяжении многих лет изучались, и материалы исследований публиковались автором этих строк [179], поэтому здесь считаем излишним их подробное описание (*ил. 23, 38–40; 42–45; 47–49; 51, 65, 67–71; 73, 74, 78, 113*).

* * *

Рассмотренные поселения и жилища балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII вв. позволяют сделать вывод о том, что в указанное время существовали два больших типа поселений. Одни из них (первый тип) располагались на крутых горных склонах, вблизи водных источников, в естественно защищенных местах (Верхний Чегем XIII–XIV вв., Эль-Джурт XV–XVIII вв.) либо размещались на вершинах небольших водораздельных хребтов и других возвышенностей (Макка-кая, Курнаят). Второй тип поселений размещался в более пологих и сравнительно ровных высокогорных долинах (Верхний и Нижний Архыз). Жилища первых поселений размещались более компактно, образуя хорошо известные горные террасы, характерные для высокогорий Кавказа еще с глубокой древности [180]. Жилища вторых планировались более свободно, для них не характерна ступенчатость расположения на горных склонах [181]. Первый тип поселений более характерен для Балкарии, второй – для Карачая. Это же относится и к последующим XIX–XX вв.

Почти все поселения расположены в отдалении от сенокосных и пастбищных угодий, которые, как правило, находились в зоне плоскогорий «второго этажа», что отличает, скажем, балкарские поселения от сванских [182], но по своей компактности они очень близки и к сванским, дигорским и другим горским поселениям. То, что сближает их с отмеченными

народами, в свою очередь отличает их от разбросанных поселений мегрелов, абхазов, черкесов, кабардинцев – типа хуторов, тянущихся на несколько километров вдоль речных террас [183]. Если сравнить карачаевские и балкарские поселения рассматриваемого времени с более поздними поселениями XIX–XX вв., то совершенно отчетливо можно проследить интересную тенденцию – постепенное «сползание» их с высот в низины. Это особенно наглядно прослеживается при сравнении ныне заброшенных аулов в Чегемском ущелье (аулы Кёк-Таш, Кочкар-Таш, Биттургу, Гюдюргю и др.), в Черекском ущелье (аулы Курнаят, Шаурдат, Коспарты, Зылги и др.) с селениями XIX–XX вв.

В развитии жилищ XIII–XVIII вв. можно отметить, что в зависимости от рельефа территории поселения они сооружались либо на склоне, врезаясь в него (Верхний Чегем, Эль-Джурт), либо на сравнительно ровном участке, углубляясь в землю (Верхний и Нижний Архыз, Курнаят, Макка-кая). Можно констатировать, что в развитии жилищ этого периода наблюдается переход от однокамерных жилищ без хозяйственных пристроек к многокомнатным домам и усадьбам с хозяйственными постройками. Раскопки на Эль-Джурте и обнаружение обгорелых бревен позволяют предположить наличие срубных жилищ, которые в XVII–XIX вв., по описаниям де ла Мотрэ, Г. Ю. Клапрота, Е. Зичи, Р. Эккерта, А. П. Берже, Г. Мерцбахера и др., были особенностью жилищ верховьев Кубани и Баксана [184]. Исследования советских этнографов подтверждают, что «срубные жилища в конце XIX в. имели распространение исключительно среди карачаевцев и балкарцев» и что «крайним восточным пределом распространения срубных форм жилища в крае во второй половине XIX в. было Баксанское ущелье»[185], но иногда подобные жилища встречались в Дигории и Адыгее.

Исследованные городища и поселения представляют собой крупные хозяйственно-экономические и культурно-административные центры Балкарии и Карачая. В планировке и устройстве поселений и жилищ XIII–XVIII вв. наблюдается генетическая связь с поселениями и жилищами XIX–XX вв.

Глава III
ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ XIII–XVIII веков

Большим пробелом в освещении историко-культурного наследия балкарского и карачаевского народов до последних лет оставалась история формирования их традиционной одежды XIII–XVIII вв. Пробел этот объяснялся, как отмечалось выше, тем обстоятельством, что период между XIII и XVIII вв. как-то выпадал из традиционных рамок исследований археологов, занимавшихся, как правило, древностями домонгольской эпо-

хи, и этнографов, труды которых редко заглядывают глубже XIX в. Тем отраднее отметить, что к настоящему времени в результате археологических раскопок автора на протяжении ряда лет на могильниках типа Верхний Чегем, Байрым, Курнаят, Ташлы-Тала, Карт-Джурт и др., принадлежность которых балкарцам и карачаевцам доказывают и антропологические исследования [186], накоплен достаточный материал, позволяющий в общих чертах восстановить одежду этих народов XIII–XVIII вв. Этот материал дает исследователям конкретную иллюстрацию для более глубокого понимания тех изменений, которые внесли в одежду XIX в., а затем и революционные преобразования социалистической эпохи, позволяет как можно объективнее познать истоки формирования традиционной одежды народов, которая складывалась веками. Общеизвестно, что одежда является овеществленным материальным проявлением многовекового опыта народа, его хозяйственно-культурного уровня и уклада, его эстетических понятий и навыков приспособления к условиям физико-географической среды обитания.

Судя по фрагментам одежды, обнаруживаемым в указанных могильниках, она изготовлялась из кожи, шерсти, войлока, домотканых и привозных тканей. Последние начинают особенно интенсивно проникать сюда с конца XVI – начала XVII вв., в основном из Грузии и России, Персии и Турции через Крым, Дагестан и Кабарду. Обеспечивалось это сношение тем, что в этот период Северный Кавказ, включая и высокогорные районы, оказывается на острие противоречий Московского государства, Персии и Турции, втягивается в орбиту взаимоотношений России, Грузии, Крымского ханства и Дагестанского шамхальства [187].

Соотношение археологического материала по мужской и женской одежде балкарцев и карачаевцев далеко неравномерно.

1. Женская одежда

Она представлена более полно – от головного убора до приклада одежды, украшений и предметов женского туалета.

Головной убор балкарки и карачаевки того времени в основе своей был один, но несколько видоизменялся в зависимости от его украшения. Последнее обстоятельство нередко могло быть продиктовано возрастными особенностями. Женские головные уборы изготовлялись из дубленой кожи, войлока и грубых тканей. В основании женские шапочки были круглые или многогранные с конусообразным верхом.

Наиболее ранний экземпляр подобной шапочки был найден в 1960 г. на могильнике Байрым XIII–XIV вв. у сел. Верхний Чегем [188]. Она была полностью реставрирована в мастерских ГИМа [189]. Шапочка изготовлена из войлока, имела в основании пятигранную форму, верхняя часть представляла конусообразную форму. Сверху войлок был покрыт шерстяной вуалью, а поверх нее половина шапочки была покрыта легкой шелковой тканью в виде газа. На одной из граней нижней части шапочки прикреплены тюлевые полоски, связанные узлом, которые, по-видимому, служили украше-

нием и спускались сбоку в виде бантов и завязок. В настоящее время эту шапочку можно увидеть в экспозиции Национального музея Кабардино-Балкарии в городе Нальчике.

Другие типы женских головных уборов были найдены нами в могильнике XV–XVIII вв. у сел. Карт-Джурт в 1969 г. [190] Эти шапочки изготовлялись из войлока и кожи. Основание их было круглым, а на конусообразный верх насаживалось навершие из бронзовой пластинки. Последняя, свернутая в небольшой конус, закреплялась с основой посредством клепки. Навершие орнаментировалось по кругу штампованным S-видным орнаментом и мелкими кружка́ми. Некоторые из них заканчивались невысоким шишаком, который инкрустировался мелкими цветными камешками. Иногда навершия заканчивались одним плоским камешком, вставленным в горизонтальное гнездышко. Особо украшенные шапочки имели вставные камни и на лобной части этих наверший.

В погребениях № 17–18 Карт-Джуртского могильника были найдены фрагменты женских головных уборов, украшенные темно-синими, голубыми глазками из аметиста, сердолика и белых камешков [191] (*ил. 119*). Островерхие балкаро-карачаевские шапочки на кожаной или войлочной основе могут быть связаны своим происхождением с подобными аланскими и половецкими шапочками VIII–XII вв.[192]

Конусообразные женские головные уборы из кожи и войлока, украшенные различными позументами, известны и из кабардинских курганов XIV–XVII вв.[193] Очень близки конические шапочки балкарских и карачаевских женщин к средневековой шапочке «*бокка*», которая также имела металлическое или деревянное навершие с шишаком и украшалась различными диадемами, перьями [194] и пр. Описываемые головные уборы весьма похожи на шлемообразные конические уборы, известные позднее у многих народов Северного Кавказа. Так, на гравюрах голландского ученого и политического деятеля XVII в. Николая Корнелисона такие головные уборы с шишаком отмечены у ногайцев [195]. Подобные же шапочки имеются на фресках христианской церкви в Балкарии, зарисованных Д. А. Вырубовым и опубликованных Л. И. Лавровым [196]. Такие же головные уборы бытовали и у осетин, кабардинцев и карачаевцев в XVII–XIX вв.[197] У карачаевцев островерхими, конической формы нередко были мужские войлочные головные уборы (*кийиз бёрк*) еще в XIX в.[198]

Прослеживая возможные истоки формирования подобных головных уборов, столь характерных для балкарцев и карачаевцев, нельзя не отметить изображения таких шапок на древних каменных изваяниях в горах Прикубанья, Тянь-Шаня, в окрестностях Иссык-Куля и др.[199] Карачаево-балкарские шапочки очень близки по своей форме (не исключено, что и по фактуре) со шлемообразными, остроконечными шапочками на массе половецких статуй Южно-Русских степей [200]. Такую же близость они обнаруживают с наскальными изображениями головных уборов у тюркских племен VII–IX вв.[201] Наконец, нельзя не упомянуть островерхие конические шапочки на средневековых каменных изваяниях X–XI вв. на реке Бежгон в

Карачае и др.[202] В связи с отмеченными фактами важно отметить, что некоторые исследователи связывают с этим типом головных уборов происхождение кавказского башлыка [203].

Очень часто головной убор балкарок и карачаевок рассматриваемого времени украшался не только описанными навершиями и тюлевыми бантами, как убор из Байрыма и карт-джуртские шапочки, но и посредством металлических *диадем*. Они украшали лобную часть женских шапочек и были нескольких типов. Разновидности их были найдены на могильниках Курнаят, Карт-Джурт, Ташлы-Тала. Наиболее простой тип их представлен из Курнаята в погребении № 25, относящемся к XV–XVII вв.[204] Это были нешироких бронзовые пластинки длиной в 14–15 см и шириной в 1,5–2 см. На шапочке из этого погребения было 4 пластинки, которые нашивались на лобную часть кожаной или войлочной шапочки. По торцовым краям пластинок имелись по 1–2 маленьких отверстия для крепления к основе убора. Все пластинки покрыты штампованным орнаментом в виде ломаных и перекрещивающихся линий, а по краям пластинки окаймлены линией из выбитых точек.

Более сложные по форме и орнаментации диадемы обнаружены в погребениях XV–XVIII вв. на могильниках у селений Ташлы-Тала и Карт-Джурт [205]. Ташлы-талинские диадемы представляют собой пластинки из сплава бронзы, имеют прямое основание и удлиненную форму с закругленными торцовыми краями, плавно переходящими в конусообразный выступ в центральной части пластинки. Как и в предыдущих, в них по краям имеются маленькие отверстия для крепления. Этот тип диадем представлен несколькими видами, отличающимися в основном по орнаментации. Одни из них расчленены поперечными вдавленными линиями на несколько неравномерных отсеков, которые заполнены бессистемно расположенными узорами из четырехлепестковых розеток и петлевидных рисунков. Рисунки эти строго одинаковы по размерам – видимо, наносились одним специальным инструментом. Другие диадемы были покрыты большими, удлиненными лепесткообразными рисунками, сходящимися в центре поля диадемы. В центре, где сходились лепестки, нанесен шестилепестковый цветок. Третья разновидность их была покрыта S-видными узорами. Примерно такими же узорами были орнаментированы диадемы из Карт-Джурта. На некоторых диадемах этого могильника встречается инкрустация из цветных камешков.

Диадемы из узких металлических полосок, по нашему мнению, являются прототипом широко распространенных в XIX в. серебряных и золотых позументов, которые пришивались в 3–5 рядов на лобную часть женских шапочек балкарок и карачаевок [206]. Подобными же диадемами украшались и половецкие шапочки – *бокка* [207], их изображения можно видеть на множестве половецких статуй из Харьковского госуниверситета, Запорожского, Донецкого, Краснодарского и других историко-краеведческих музеев страны [208].

Второй тип диадем, верхний профиль которых напоминает фигурную скобку, хорошо известен и в других позднесредневековых могильниках

Северного Кавказа, например, из Махческа, Лизгора, Даргавса [209]. Между ними много общего и по форме, и по орнаментации. Далекими параллелями, но абсолютно тождественными им по форме, являются хранящиеся в Эрмитаже золотые диадемы VI в. до н. э. из Ольвии, покрытые растительным орнаментом.

Балкарские и карачаевские женщины в XIII–XVIII вв. украшали свои шапочки не только диадемами и навершиями, но и различными золочеными галунами, бубенцами, бисером и пр. Все эти вещи очень часто встречаются в погребениях изучаемого времени вместе с фрагментами головных уборов. Уже в XIII–XIV вв. женщинам были известны различные прически. Одна из них по счастливой случайности хорошо сохранилась в погребении № 15 могильника Байрым и ныне выставлена в экспозиции Национального краеведческого музея в городе Нальчике. Волосы были заплетены в косы и уложены на голове так, что описанная выше шапочка из того же погребения аккуратно покрывала все волосы. Реставраторы из ГИМа полагают, что под этим головным убором был надет чепец, от которого сохранились отдельные фрагменты полотняной ткани. В косы были вплетены два тонких шнурка, которые скрепляли прическу [210].

Плечевая одежда XIII–XIV вв. представлена верхним платьем-кафтаном из очень толстой шерстяной ткани полотняного переплетения, обнаруженным в том же погребении № 15 на Байрыме. По вороту, вдоль грудного разреза и подолу кафтан был украшен меховой оторочкой, а по своему покрою весьма близко напоминает кафтаны из погребений на Мощевой балке VIII–IX вв.[211] Под кафтан надевалась рубашка широкого прямого покроя типа кимоно с длинными рукавами. Эта рубашка XIII–XIV вв. очень близка балкаро-карачаевской женской рубашке *тюз кёлек* XIX–XX вв. Длина рубашки из Байрыма 118–120 см, ширина – 78 см. Ткань светло-коричневого цвета, от ворота до талии идет прямой разрез, вдоль которого укреплялись мелкие металлические пуговицы-бубенцы и застежки-петельки из крученого рулика. Полы рубашки и манжеты рукавов были отделаны тесьмой и кружевами, пришитыми вручную. Слева у талии на рубашке имелись петли из рулика. К ним прикреплялись небольшие туалетные сумочки (Байрым, Ташлы-Тала), маленькие железные ножички и ножницы (*ил. 118*).

Поясная одежда представлена полностью сохранившимися и реставрированными в ГИМе широкими штанами до 55 см длиной, которые надевались под рубашку. Штаны сшиты из четырех полотнищ, соединенных ромбовидным клином. Ткань представляет собой плотно сотканный шелк. Эти штаны почти буквально повторяют штаны VIII–IX вв. из Мощевой балки своим покроем и формой [212].

Завершая этот этюд, можно отметить, что описанные кафтан, рубашка и штаны близко напоминают такую же одежду болгар, чувашей и являются прототипом балкаро-карачаевской женской одежды XIX–XX вв.[213] Двухтрехслойность женского платья неоднократно подкреплялась находками различных тканей и фрагментов одежды в погребениях XIII–XVIII вв. в Балкарии и Карачае.

Обувь. При археологических раскопках на могильниках рассматриваемого времени часто попадаются фрагменты обуви, изготовленной из кожи различной обработки. Но лучшее представление о ней дает уже не раз упомянутое погребение № 15 на Байрыме. Здесь на погребенной оказалось две пары сафьяновых сапожек. Верхние изготовлены из более грубой, нижние – из мягкой кожи. Обе пары остроносые, с высокими голенищами: высота голенищ – 38 см, ширина – 17 см, длина ступни – 24 см. Подъем носка верхних сапожек был украшен тисненым узором растительного характера [214].

Приклад одежды балкарских и карачаевских женщин в археологическом материале XIII–XVIII вв. представлен довольно богато. Прежде всего, это пуговицы, застежки, бубенцы, различные по форме и материалу. Так, можно отметить несколько видов **пуговиц:**

- плетенные из ниток и рулика, небольших размеров – до 1 см в сечении и меньше (Байрым, Курнаят, Карт-Джурт);
- полусферические, круглые костяные пуговицы диаметром до 2 см. Иногда поверхность их сплошь покрывалась концентрическими линиями или небольшими парными черточками по четырем сторонам (Курнаят);
- костяные плоские пуговицы с зарубками удлиненных форм (Курнаят);
- бронзовые полые чашечкообразные пуговицы, обрамленные по диаметру витым бордюром. По краям имеются у них по два отверстия для нашивки на одежду (Курнаят, Карт-Джурт, Байрым);
- бронзовые цельнолитые или полые пуговицы в виде небольших бубенцов продолговатых и круглых форм.

Полые пуговицы-бубенцы иногда состояли из двух половинок, соединенных между собой ложновитым бордюром, идущим по диаметру. Последние два вида пуговиц появляются на фрагментах одежды в могильниках Северного Кавказа примерно с VII по VIII вв. включительно. Они известны в катакомбных могильниках у сел. Архон в Северной Осетии [215], в окрестностях города Кисловодска [216], в могильнике у городища Адиюх IX–X вв., в Усть-Тебердинском могильнике и др.[217] В X–XIII вв. подобные пуговицы известны на широкой территории в адыгских и аланских захоронениях [218]. В VIII–IX вв. они хорошо представлены за пределами Северного Кавказа – в кочевнических погребениях Дмитриевского могильника [219] и в древнерусских волжских городах XII–XIII вв.[220] В следующих XIII–XIV вв. пуговицы указанного типа хорошо представлены в могильниках у городища Нижний Архыз [221], в пещерных погребениях Шатоевской котловины Чечни, в Новокубинском могильнике Карачаево-Черкесии и др.[222]

Таким образом, можно заключить, что пуговицы описанного типа являются одним из традиционных элементов одежды народов Северного Кавказа и прилегающих областей.

Широкое применение в прикладе одежды имели различные пряжки. Они изготовлялись из железа, бронзы и его сплавов. Обычно были небольших размеров с подтреугольным щитком. Подобные пряжки служили для подвязывания ремней, пристегивания предметов туалета – сумо-

чек, ножниц, ножей и пр. Важным элементом женского костюма являлся пояс. Фрагменты женского пояса хорошо представлены в Карт-Джуртском могильнике и в погребениях у сел. Ташлы-Тала. Они представлены небольшими плоскими четырехугольными и выпуклыми пластинками с небольшими отверстиями по углам. При помощи этих отверстий несколько подобных пластинок соединялись между собой и образовывали составной женский пояс из этих пластинок. Пластинки всегда покрывались различными узорами. Эти пояса XV–XVIII вв., по нашему мнению, послужили прототипом позднейших национальных женских поясов – *кемар*. Парадные платья, подпоясанные описанными поясами, застегивались на груди посредством продолговатых металлических застежек. Именно последние, покрывавшие грудь несколькими рядами (5–7) являются прообразом национальных нагрудников – *тюйме*, так характерных для карачаевских и балкарских женских платьев XIX–XX вв. Девять застежек подобного нагрудника, наиболее ранних форм, найдены в Ташлы-Талинском могильнике [223].

Украшения женского костюма. Прежде всего здесь надо отметить описанные выше прически XIII–XIV вв., диадемы, украшавшие лобную часть женских шапочек, различные бубенчики, нагрудники и пояса, составленные из четырехугольных украшенных пластинок и т. п. Но, кроме всего этого, существенным элементом женских украшений были разнообразные **серьги.** Среди них можно выделить серьги XIII–XV и XVI–XVIII вв. [224] К ранним серьгам относятся:

1. Серьги в виде знака вопроса, изготовленные из прута бронзового сплава или низкопробного серебра сечением в 1–2 мм, представляющие собой несомкнутое кольцо с отходящим вниз вертикальным стерженьком. В зависимости от деталей, украшающих этот стержень, серьги бывают нескольких видов:

- стержень, перевитый тонкой проволокой и заканчивающийся круглой, полой или литой бусиной; число этих бусин может быть от 1 до 3;
- стержень, перевитый такой же проволокой, на конце которой прикреплены 4–6 мелких металлических шариков;
- вертикальный голый стержень, заканчивающийся формой виноградной грозди из мелких шариков или бусинок;
- в верхней части стерженька имеются вставленные в гнездышки каплевидные бусинки из стекла, пасты и цветных камней. Ниже к стержню прикреплена ажурная, филигранной работы крупная бусина, заканчивающаяся несколькими припаянными шариками;
- на верхней части кольца серьги имеется небольшой выступ, в котором устроено гнездышко, а в него вставлялись цветные камешки, стекло или пастовые бусины. Иногда свисающий стерженек заканчивается украшением в форме арфы, на которую подвешивались две ажурные филигранные бусины с шариками.

2. Второй тип серег был более простым по своим конфигурациям:

- в виде несомкнутого кольца из бронзового или серебряного прута;
- один из несомкнутых концов серьги закручивался в обратную сторону.

3. Третий тип серег имел форму вопросительного знака, заканчивающегося вертикальным стержнем вовнутрь кольца.

Среди описанных серег попадаются массивные, до 5–7 см высотой, они скорее всего могли быть височными подвесками. Разновидности описанных серег широко бытовали на протяжении большого исторического отрезка времени как на Северном Кавказе, так и в прилегающих областях. В VII–VIII вв. они представлены в катакомбах Северной Осетии и Кавминвод [225], в VIII–IX вв. различные варианты их хорошо известны из кочевнических погребений, главным образом булгарских на Дону и на Волге [226]. В X–XII вв. они распространены в катакомбах и каменных ящиках Крыма [227], и особенно большое разнообразие их представлено в позднебулгарских погребениях Южно-Русских степей и Поволжья в XIII–XIV вв.[228] В это же время и позднее описанные серьги широко распространены в предгорьях и горах Северного Кавказа – в курганах XIV–XVI вв. у селений Кара-Бежгон, Бесленей и Новокубинском могильнике XIII–XV вв., в каменных ящиках Нижнего Архыза, в христианских могильниках XIII–XIV вв. у городища Верхний Джулат, в древностях Чечни и Ингушетии того же периода [229], в грунтовых могильниках Крыма XIV–XV вв. и в кабардинских курганах Северного Кавказа XIV–XVI вв.[230] (*ил. 86, 114, 120*).

Серьги более позднего времени XVI–XVIII вв. представлены в основном двумя типами:

1. Серьги с полукруглыми ажурными подвесками, заканчивающимися небольшими свисающими колонками. По форме подвески и способу ее крепления к кольцу серьгú можно выделить две разновидности:

■ подвеска соединена с кольцом посредством литой петельки и заканчивается тремя рифлеными треугольничками, очень напоминающими сильно стилизованные мордочки животных. К ним посредством маленьких колечек подвешены небольшие колонки;

■ подвеска прикрепляется к кольцу при помощи заклепки и дужки. Она заканчивается четырьмя свисающими колонками. На некоторых подвесках вырезан ажурный рисунок, на других – по два треугольничка, покрытых точечной чеканкой и узором в вице трелистника. Первая разновидность этих серег, вероятно, более ранняя. На них очень хорошо представлены пережиточные элементы кобанских изображений головок фантастических животных с длинными оттопыренными ушами.

2. Второй тип серег представлен несомкнутыми кольцами с треугольной подвеской с такими же колонками, как и первые. Здесь можно отметить две разновидности:

■ с плоской подвеской, изготовленной из тонких пластинок. В центре подвески устроено выступающее гнездышко, в которое всаживались цветные стекла и камешки. Нижняя часть этих подвесок, от основания треугольничка и до гнездышка, покрыта чеканным узором. К подвескам посредством мелких колечек прикреплялись большие, свивающие колонки с шаровидными утолщениями на концах;

■ более массивные серьги с дутыми подвесками, покрытыми продольными рифлениями и ложновитыми обрамлениями. К ним подвешивались полые, продолговатые колонки с полыми шариками на концах.

Таковы основные разновидности женских серег рассматриваемого времени.

Неотъемлемым элементом женских украшений были различные **бусы.** Они изготовлялись из цветных камней, стекла, горного хрусталя, из кости, сердолика и т. п. По форме и фактуре бусы разделяются на несколько типов:

■ мелкий круглый бисер голубого, желтого цветов, изготовленный из стекла и пастообразной массы. Бисерины нашивались на ворот и грудь платья. Иногда нанизывались на ниточку с небольшим бубенчиком и служили для обшивки платья или головного убора;

■ другая разновидность – более крупные (до 2–3 мм в сечении), рубленые, по форме – круглые или уплощенные;

■ круглые шаровидные бусы из цветного стекла, пасты и горного хрусталя. Они иногда однотонные, иногда покрыты глазками и цветными прожилками или рифлением;

■ многогранные, изготовленные из тех же материалов;

■ прямоугольные в сечении, удлиненные бусы из кости и пасты;

■ крупные бочонкообразные бусы из кости, пасты с различными прожилками и узорами, и др.

Многие из перечисленных бус встречаются в погребениях XIII–XIV вв. во вторичном использовании, т. к., передаваясь от поколения к поколению, они бытовали очень долгое время. Эти типы бус из хрусталя, янтаря, стекла, пасты и кости очень хорошо известны в раннесредневековых могильниках Предкавказья и в кочевнических погребениях Южно-Русских степей [231].

В качестве украшений в изучаемую эпоху использовались различные **амулеты-подвески**. Первоначальный смысл их, возможно, в указанную эпоху уже мог быть забытым или переосмысленным. К таковым относятся украшения из раковин-каури, называемых балкарцами и карачаевцами *чокъракъ*. Хорошо известно, что с глубокой древности эти морские раковины служили и в качестве денег, и как «исцелители» от недуга и пр. Амулетами являлись и различные подвески из зубов животных (кабана, волка, лисы), довольно часто встречающиеся в балкаро-карачаевских погребениях XIII–XVIII вв. Функцию оберегов и исцелителей эти подвески играли на Северном Кавказе на протяжении нескольких тысячелетий – от IV тыс. до н. э. до XVIII в. Большую группу амулетов представляют подвески, служившие сугубо украшениями. Это небольшие (до 2–3 см высотой) треугольной формы бронзовые или серебряные плоские медальоны. На некоторых из них вставлены перламутровые пластинки или цветные стеклышки. Обычно они носились на шее вместе с бусами.

Кроме бубенчиков, описанных в разделе о пуговицах, широко применялись в качестве украшений женского платья и более крупные бубенцы, до 3 см в сечении. Изготовлялись они из бронзы, низкопробного серебра или цветных сплавов.

К украшениям относятся и всевозможные металлические **пластинки, нашивки**, покрытые чеканным или штампованным орнаментом.

Парадное платье балкарок и карачаевок XVI–XVIII вв. украшалось **нагрудником**, состоящим из металлических застежек, скрепляющихся посредством язычка и ячейки [232]. Судя по археологическим находкам, на ранних этапах своего формирования они изготовлялись из мелких (до 3,5 см длиной) застежек. Пришивались застежки к плотной матерчатой, войлочной или кожаной основе с помощью двух петелек по концам. Позднее их стали делать более крупных размеров. Эти застежки всегда украшались чеканным, ажурным узором или чернением. Самые ранние их образцы найдены в погребениях Ташлы-Талинского могильника [233]. Они представляют собой пластинки из сплава бронзы и олова. Длина их 5 см, ширина – 2,3 см. Пластинки покрыты тремя рядами коротких поперечных линий. Другая разновидность их представлена находками на Курнаятском могильнике. Здесь примерно такие же застежки покрыты треугольным чеканным узором и ломаными линиями, образующими небольшие ромбики. С небольшими изменениями все виды застежек нагрудников – *тюйме* – дожили до наших дней и представляют неотъемлемую деталь национального костюма [234] (*ил. 32*).

Перстни и кольца, изготовленные из бронзы, серебра и их сплавов со вставками из цветных камней и стекла, также составляли необходимый элемент женского украшения XIII–XVIII вв. Среди них выделяются следующие разновидности:

- перстни с плоскими, довольно крупными (до 2 см в диаметре) круглыми или овальными камнями, вставленными в гнездышко, соединенное с кольцом перстня при помощи ювелирной ковки;
- с каплевидными камешками или стеклами, вставленными в гнездышко, припаянное к кольцу перстня;
- камни или стекла перстней схвачены четырьмя или более усиками, отходящими от краев гнезда.

Среди прочих украшений прежде всего надо отметить предметы женского туалета: небольшие сумочки из парчовых тканей, расшитые узором золотого шитья. В них хранились зеркала (Ташлы-Тала), двусторонние самшитовые гребешки, иногда украшенные также различными узорами (Байрым). Здесь же можно отметить и различные железные и бронзовые проколки для закрепления прически (Байрым). Интересна проколка из медной толстой пластины, завершающаяся крутыми «бараньими рогами». Верхняя часть ее расширена и покрыта точечными линиями. Она являет собой любопытный дериват древних кобанских длинных булавок с волютообразными навершиями, дошедший до нас в погребениях изучаемого времени.

В качестве украшений женского костюма уже в XVIII в. употреблялись привозные монеты (Ташлы-Тала) [235].

Таков археологический материал, свидетельствующий о женской одежде и украшениях XIII–XVIII вв. (*ил. 31*).

2. Мужская одежда

Как уже отмечалось выше, мужская одежда балкарцев и карачаевцев изучаемого времени представлена в археологическом материале более скупо, чем женская. Здесь нет таких богатых находок головных уборов, полного набора платья и пр. Судя по отдельным фрагментам, одежда эта изготовлялась из кожи, войлока, домотканых и привозных тканей. Говорить о полной форме одежды по этим фрагментам очень трудно. Поскольку мужская одежда северокавказских народов никогда не отличалась особой вычурностью и различными украшениями, последние и не встречаются в погребениях XIII–XVIII вв. Единственным украшением мужского платья всегда считались оружие и пояс, поэтому кинжалы, ножи, поясной набор почти всегда сопровождают усопших того периода. Пояса изготовлялись из узкой полоски обработанной кожи, украшались всевозможными бронзовыми и железными пряжками, наконечниками и бляшками, нашивками различных форм.

Некоторые представления о мужской одежде балкарцев и карачаевцев дают фрески на стенах христианских церквей XII–XIII вв., зарисованные Д. А. Вырубовым у нынешнего сел. Безенги (бывш. аул Холам)[236]. Здесь запечатлены мужчины в островерхих шапках (вероятно, из войлока и кожи) и коротких, до колен, подпоясанных кафтанах со стоячими низкими воротниками. На ногах изображенных, видимо, были ноговицы или высокие сапоги [237] (*ил. 63*).

О другой разновидности обуви свидетельствуют находки чабуров с продольным швом на подошве, найденные в погребениях XIII–XIV вв. на могильнике у Нижне-Архызского городища. Они представляют собой обычные, кавказского типа чувяки из сыромятной телячьей кожи [238]. Внутри их обнаружены остатки грубой ткани, видимо, от ноговиц. Отрывочные сведения о мужской рубашке, снятой с мумии балкарских погребений XIV–XV вв., дает Г. Н. Прозрителев [239]. По его словам, это «рубашка-кофта» широкого покроя типа кимоно из грубого холста. Края рубашки были подшиты, ворот завязывался двумя тонкими веревочками. При археологических раскопках иногда встречаются фрагменты сыромятной и дубленой кожи, сафьяна, остатки грубых домотканых сукон от ноговиц, шаровар, кафтанов и т. п. С появлением огнестрельного оружия появляются нагрудные украшения – **газыри.**

Ретроспективно можно полагать, что мужская одежда изучаемого времени не очень отличалась, по крайней мере, по своей форме и фактуре, от одежды XVIII–XIX вв., зафиксированной этнографами [240].

Безусловно, различные элементы одежды балкаро-карачаевцев имеют глубокие исторические корни развития и складывались на протяжении многих столетий. Эти корни «вскормлены» различными историческими процессами и этнокультурными контактами с соседними народами. Так, древние формы островерхих конусообразных головных уборов, какие мы наблюдаем у исследуемых народов, очень часто встречаются на изображениях из Причерноморья, Прикубанья, Тянь-Шаня еще скифского времени [241].

Как уже отмечалось, они очень близки половецким шапкам – *бокка*. Кстати сказать, термин «бокка» сохранился у балкарцев и карачаевцев в названии шапки в детской речи. Важно напомнить, что некоторые исследователи утверждают, что конической формы островерхие головные уборы в раннем Средневековье были характерны особенно для западнотюркских племен VIII–IX вв., и более всего половцам, хотя известны были и гуннам, булгарам, а позднее казанским татарам, башкирам, ногайцам, чувашам и др.[242] Мы уже отмечали, что шапочки типа байрымских и картджуртских напоминают нам «ногайских татар», изображенных на гравюрах голландского ученого XVII в.[243] Одними из интересных головных уборов являются башлыки, близко напоминающие известные древние формы головных уборов с широкими полями, покрывавшими плечи на скифских изваяниях прикубанского типа [244].

Такие же древние черты сохранили и диадемы второго типа, обнаруживающие далекие аналогии в скифских уборах из Ольвии и в погребениях кобанской культуры (могильник у сел. Тли Южной Осетии). Безусловно, прямой последовательности между диадемами столь далеких друг от друга эпох быть не может, но что они за незначительными изменениями доживают у горцев Кавказа до XVIII в. – факт очевидный. Интересно отметить, что такие предметы туалета, как серьги в виде знака вопроса, самшитовые гребни, пуговицы-бубенцы, имели довольно широкий ареал распространения во времени и пространстве с VIII по XVIII вв.[245]

Несколько слов необходимо сказать о терминологии мужской одежды. Например, род куртки, камзола, известный как *архалук,* означает «наспинник»; широко известный *чебкен*, называвшийся черкеской, у узбеков, киргизов и других именуется *чекмен*; под этим же названием он известен и кубанским казакам [246]. Другая форма однобортного халата – *бешмет* – у киргизов называется *башмант*.

Исследования этнографов свидетельствуют, что такое же широкое распространение у тюркских народов имеют такие элементы и разновидности одежды, как пояс *кемар*, *башлык*, *чарыки*, которые под этими же названиями бытуют в традиционной одежде многих тюркских народов – киргизов, казахов, алтайцев, приобских татар, азербайджанцев и др.[247]

Очень интересным и оригинальным одеянием балкаро-карачаевских пастухов является плащ-накидка из войлока из грубой самотканой ткани – *гебенек*. Казахам, киргизам, узбекам он известен как *кибенек*. Кибенеки носили еще древнетюркские племена – *юрюки* [248]. Известный персидский ученый Рашид ад-Дин писал, что он «собирал без малейшей перемены все, что заключали самые подлинные памятники каждого народа, самые достоверные предания и сведения, которые были доставлены мне ученейшими людьми каждой страны. Я рассмотрел творения историков и генеалогистов. Я определил правописание названий каждого народа и каждого племени»[249]. И тем более важны его сведения о том, что известные юрюкам, балкарцам и карачаевцам плащи-накидки типа короткой бурки были принадлежностью и кипчакских племен. Описывая их военный поход, Рашид ад-Дин говорит, что «все войско надело вяленые из войлока *капенеки*»[250],

а переводчик его сочинений А. Будагов уточняет, что «это одежда, надеваемая во время дождя»[251]. О том, что это были короткие бурки, надеваемые в период ненастья, пишут и турецкие историки и этнографы [252].

Рассмотренный материал об одежде балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII вв. позволяет прийти к выводу, что позднейшая их одежда, достаточно освещенная в этнографической литературе, была взращена навыками и достижениями изучаемого периода. Дальнейшая разработка и изучение этапов взаимопроникновения различных элементов одежды кавказских народов является одной из интереснейших этнографических проблем, всестороннее освещение которой во многом бы облегчило исследование этнокультурных связей горских народов Северного Кавказа.

Рассматривая одежду как памятник исторического процесса, следует постоянно иметь в виду, что новое явление или элемент одежды быстрее проявляется в одежде и культуре социальной верхушки каждого из народов, что мужская одежда обычно легче поддается нивилировке и утрате национальных черт, чем женская, в которой лучше сохраняются традиции и которая дает больше материала для восстановления историко-культурного процесса.

Наше исследование убеждает нас в том, что ныне известная и этнографически изучаемая одежда балкарцев и карачаевцев XIX–XX вв. очень снивилирована с одеждой других кавказских народов. Одежда горцев во многом обща, особенно это касается мужской и парадной одежды, украшений и пр. Но в женских головных уборах, нательном белье сохранились очень интересные этнокультурные признаки, сближающие балкаро-карачаевскую одежду с одеждой древних тюркских племен, булгар, половцев, а также современных народов Болгарии, Алтая, Поволжья, Средней Азии и Казахстана.

Глава IV
ПИЩА И УТВАРЬ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ XIII–XVIII веков

Существенным элементом материальной культуры любого народа является его традиционная пища и утварь. Они формируются на протяжении всей его истории. В ней находят отражение такие важнейшие стороны жизни и деятельности народа, как хозяйство, культура, исторические взаимосвязи, контакты и торговые отношения с соседними народами на различных этапах развития.

Важное значение в сложении всего комплекса традиционной пищи играют физико-географическая среда, фауна и флора исторической тер-

ритории народа, так как все это накладывает существенный отпечаток на хозяйство, являющееся основным источником пищи. В силу отмеченных фактов в пище балкарцев и карачаевцев больше, чем в другом элементе материальной культуры, проявляется хозяйственный уклад народной жизни.

Вместе с изменением формы и содержания хозяйства менялась или дополнялась и традиционная пища. В характере приготовления, рецептуре и терминологии пищи очень часто отражаются и важные этнокультурные переплетения, смешения, взаимовлияния различных племен и народов, и более всего – соседствовавших длительное время. Одним словом, развитие и формирование пищи – самого необходимого элемента материальной культуры – связано с весьма существенными сторонами жизни народа.

При изучении быта, нравов и верований любого народа очень важно обращать внимание на форму подачи, способ употребления пищи и ее составные элементы. Ценный материал для исследователя представляет поведение участников трапезы: почитание старших за трапезой, раздел туши животного, особенно жертвенного, по рангу и возрасту, полу сидящих за трапезой. Столь же интересны сама кухонная утварь, ритуальная пища, различные церемонии и суеверия, многогранная рецептура приготовления, место и форма приема пищи и многое другое. Немалый отпечаток на все это накладывали различные языческие представления и классические религии – христианство и ислам.

Поэтому вопросы формирования и состава традиционной пищи народов и связанные с нею обряды и обычаи давно являются предметом специальных исследований, которые раскрывают неразрывную связь пищи с социальной, хозяйственной и этнокультурной структурой народа [253]. Выдающийся советский теоретик-этнограф С. А. Токарев в своей работе «К методике этнографического изучения материальной культуры» писал, что, «изучая пищу какого-то определенного народа, надо исходить прежде всего из того, что функции пищи в человеческом обществе весьма разнообразны. Кроме чисто биологической потребности питания, в человеческом обществе и пища, и весь комплекс связанных с ней обычаев и обрядов имеют социальное значение»[254]. Развивая это положение на конкретном материале из традиционной пищи карачаевцев, группа ведущих этнографов-кавказоведов констатирует, что пища как категория весьма устойчива, несмотря на свою короткую «жизнь». Созданные народом продукты питания и блюда держатся в его обиходе прочно и, как правило, не вытесняются полностью даже при значительных изменениях быта [255]. К излюбленным, традиционным, привычным для организма продуктам и кушаньям прибавляются новые, обогащающие ассортимент. Устойчивы и рецепты приготовления блюд, выработанные иногда в далеком прошлом и сохраняющиеся доныне, а также многочисленные обычаи и обряды, различные формы общения людей, связанные с приемом пищи. Все это делает такой материал, как пища, пишут специалисты, весьма интересным с точки зрения изучения этногенеза народа и связей его с соседями [256].

За последние годы интерес к изучению традиционной пищи народов нашей страны значительно возрос и принял целенаправленный планомерный характер в связи с грандиозными преобразованиями в быту и культуре и все прогрессирующим процессом развития города и деревни, стиранием национальных граней и общественной формой ведения хозяйства, неотвратимым процессом сближения и интеграции национальных культур и самобытных традиций.

Однако пища, как и многие другие стороны материальной культуры балкарцев и карачаевцев, до сих пор не являлась предметом специального изучения с целью выявления историко-культурных истоков народа. В распоряжении исследователей имеется лишь рецептура и названия балкаро-карачаевских блюд XIX–XX вв.[257] и описание некоторых очень интересных обрядов того же периода, публикацией которых мы всецело обязаны этнографам Г. Х. Мамбетову [258] и К. М. Текееву.

Все сказанное свидетельствует о том, что предлагаемая работа не может претендовать на полную характеристику всех вопросов, связанных с пищей балкарцев и карачаевцев. Она является лишь первой в историографии попыткой экскурса в освещение средневековой пищи этих народов, предпринятой с намерением показать возможную роль пищи XIII–XVIII вв. в формировании ее разновидностей в последующие эпохи XIX–XX вв.

Балкарцы и карачаевцы издавна живут в высокогорных ущельях Центрального Кавказа. Каменистый грунт, короткое лето с ранней осенью и суровой зимой в совокупности обусловили преимущественно скотоводческий характер их хозяйства, поскольку многие земледельческие культуры здесь не успевали вызревать. Ничтожное количество пригодных для обработки земель и затрата колоссальных усилий для очистки, вспашки, ирригации крохотных полей отодвигали земледелие и огородничество на второй план.

По этим причинам даже в XIX в. в Балкарии и Карачае земледелие не получило широкого размаха. Своего урожая хлеба здесь хватало на 2–3 месяца, остальное необходимое количество зерна для пропитания балкарцы и карачаевцы выменивали на товары скотоводческого хозяйства у соседних народов – в Кабарде, Грузии, Абхазии и др. Для получения столь мизерных урожаев им приходилось отвоевывать потом и кровью каждый вершок земли, свидетельствуют исследователи XIX в.[259] Отсюда вытекает тот большой земельный голод, породивший такие термины народного измерения пригодных для обработки участков, как *къулач* – обхват, *гебенорун* – место для копны и т. д. Каждый такой участок очищался от камней, загораживался, обильно унавоживался и поливался посредством искусно проведенных по гористым местам каналов. Последними чаще всего служили соединенные между собой деревянные, корытообразные колоды из стволов деревьев [260]. Поэтому, например, в Балкарии, участок земли, где мог разместиться трехлетний бычок, стоил дороже самого бычка [261].

Из изложенного очевидно, что земледелие балкарцев и карачаевцев носило подсобный характер. В дореформенный период в Карачае при-

ходилось в среднем по 0,08 десятины на одного человека. По данным же абрамовской комиссии, в 1905 г. в Балкарии на одну мужскую душу приходилось в среднем по 0,2 десятины, в Карачае – по 0,4 десятины [262].

При всем этом у балкарцев овцеводство, разведение крупного рогатого скота, а в Карачае – и коневодство, стояли на высоком уровне развития и целиком определяли экономику этих народов. О высоком уровне этой отрасли хозяйства свидетельствует и тот факт, что карачаевцы, например, ежегодно платили за аренду земель на равнине по 300 тыс. овец или 13 тыс. лошадей [263].

Древнейшей земледельческой культурой, известной балкарцам и карачаевцам, является ячмень (*арпа*), издавна культивировавшийся тюркскими племенами Алтая, Средней Азии и Поволжья. У южных алтайцев эта культура известна еще с эпохи Пазырыкских курганов VI–V вв. до н. э.[264] У основной массы балкарского и карачаевского народов вплоть до XIX в. ячменная лепешка (*арпа гыржын*) и сыр (*бишлакъ*) являлись основной их пищей. Эта же пища у богатых слоев населения сопровождалась обилием мяса, молока и масла и прочими продуктами скотоводческого хозяйства.

Богатые заросли уже одичавшего ячменя у старых заброшенных поселений карачаевцев в урочищах Загдан и Архыз отмечали еще Н. Я. Динник и другие путешественники и ученые прошлого века [265]. Выращивание ячменя и употребление различных продуктов из него фиксируется и в фольклоре балкарцев и карачаевцев. Так, к примеру, в нартских сказаниях, легендах и сказках очень часто упоминается древнейший напиток из ячменя – *боза* и ячменная лепешка.

В первой половине XVIII в. наравне с ячменем этим народам была известна и пшеница [266], а во второй половине того же столетия источники фиксируют у них наличие и проса [267]. В XVIII–XIX вв. подсобную роль в хозяйстве изучаемых народов играло пчеловодство и выращивание некоторых огородных культур – лука, редьки, огурцов и пр.[268] С древнейших времен в пищу балкарцев и карачаевцев, как и многих других народов, шла добыча охотников. Сцены и объекты охоты также нашли отражение в их героических нартских сказаниях и других жанрах устного народного творчества [269].

Издревле сложившийся скотоводческий характер хозяйства балкарцев и карачаевцев требовал большого количества соли, которой на их территории не было. Необходимое количество соли для заготовок впрок масла, мяса и молочных продуктов они постоянно выменивали на шерсть, войлок, скот и прочее у соседних народов – сванов, кабардинцев, ездили за солью к Маджарским соленым озерам [270].

Обзор пищи балкарцев и карачаевцев можно разделить на две хронологические рамки: на пищу XIII–XVIII вв., о которой можно в определенной степени судить по данным археологических материалов, и этнографически фиксируемую пищу XVIII–XIX вв. Анализ их дает возможность сравнения пищи этих народов как с пищей соседей в регионе Кавказа, так и с

пищей этнически близких к ним тюркских народов Алтая, Средней Азии и Поволжья.

Учитывая замкнутость горного хозяйства и ее застойный характер, по пище XVIII–XIX вв. и даже пище начала XX в. ретроспективно можно судить и о пище предшествовавших эпох.

До появления в начале XIX в. огородных культур, а позже и картофеля и других, при таких медленных изменениях в хозяйстве горцев вряд ли пища изучаемой эпохи в целом существенно могла отличаться от этнографически известной номенклатуры XIX в. [271]

Сравнение балкаро-карачаевской традиционной кухни с кухней соседних кавказских и родственных скотоводческих тюркских народов может привести к интересным историческим наблюдениям.

Археологические раскопки дают скудный материал о средневековой пище. В основном это фрагментарные остатки кухонной керамики и утвари, кости домашних и диких животных и пр. Письменные же источники, освещающие пищу балкарцев и карачаевцев этой эпохи, как и многие другие аспекты их быта, вообще отсутствуют. Поэтому даже тот скудный археологический материал приобретает неоценимое значение, поскольку помогает воссоздать определенную картину, если не определить конкретные блюда.

В эпоху раннего Средневековья (IV–XIII вв.) на территории Балкарии и Карачая бытовала богатая и самобытная археологическая культура, представленная густой сетью поселений, различных склепов, каменных ящиков, грунтовых захоронений и пр.[272] Очень широко в этих областях было развито и террасовое земледелие, издревле практиковавшееся на Кавказе. Часты находки земледельческих орудий – лемехов, чересел, серпов, всевозможных каменных ступ, зернотерок и пр.[273]

Находки и свидетельства современников говорят о том, что у племен Северного Кавказа, которые в большинстве случаев в письменных источниках Средневековья именовались «аланами», культивировались ячмень, просо, пшеница [274]. В становлении земледельческой культуры (хотя и очень слабой) в Балкарии и Карачае в эпоху раннего Средневековья, наряду с аланами и племенами Алании, немаловажную роль сыграли тюркоязычные булгары, первоначально обитавшие в Приазовье и Прикубанье [275] и вместе с аланами создавшие в VIII–IX вв. известную оседло-земледельческую культуру кочевников Хазарского каганата, охватившую почти весь юг европейской части СССР [276]. Историческая реальность этого процесса подтверждается тем, что аланы и булгары явились ведущими племенами в этногенезе самих балкарцев и карачаевцев [277]. В связи с этим небезынтересно, что состав и удельный вес зерновых культур в X–XIII вв. близко соответствуют тому, что зафиксировано этнографией у современных северокавказских народов, как пишет В. А. Кузнецов. Это тем более вероятно и для эпохи XIII–XVIII вв.

Нашествие татаро-монголов, превращение северокавказских земель в кочевья Золотой Орды, погромы тимуровских полчищ нанесли непопра-

вимый урон экономике племен, обитавших здесь до указанных событий. Больше всего это отразилось на земледелии в связи с превращением плодородных земель Предкавказья в пастбища Золотой Орды. Земледельческая культура с этих пор пошла на убыль, и для эпохи XIII–XVIII вв. она уже играла подсобную роль в экономике горцев Северного Кавказа.

К сожалению, недостаточная изученность памятников бытовой культуры XIII–XVIII вв., отсутствие письменных источников не дают возможности конкретизировать культуры земледелия. Но вряд ли будет ошибочным предположение о том, что они мало чем отличались от культур XIX в. – ячменя, пшеницы, проса. Культура проса, прочно отраженная в фольклоре балкарцев и карачаевцев, могла получить дальнейший толчок в своем развитии в XIV–XVI вв., когда эта культура была очень хорошо развита у непосредственных соседей – адыгов [278]. Употребление в пищу продуктов из зерновых культур в исследуемое время подтверждается, как отмечалось выше, находками множества различных каменных зернотерок, жерновов ручных мельниц, ступ, пестов и прочего на поселениях того времени (Верхний Чегем, Нижний и Верхний Архыз, Эль-Джурт и др.). К концу интересующего нас времени, в период XVII–XVIII вв. появляются в большом количестве на горных речках примитивные водяные мельницы у карачаевских и балкарских аулов Кюнлюм, Булунгу, Эль-Тюбю, Карт-Джурт и др. Невозможно отрицать, что как в XIX в., так и ранее у этих народов бытовала большая разновидность деревянной утвари – песты, ступы (*кели*), большие деревянные блюда для замешивания теста и раскладки разделанной туши животных (*тегене*), плетеные сапетки для хранения зерна (*дуу*, *кюф*), устраивались ямы, облицованные камнем, для хранения продуктов питания и зерна и т. д. Широкое распространение, как и в XIX в., вероятно, имели различные изделия из кожи животных. Целиком содранная с овцы шкура тщательно обрабатывалась и служила для хранения кислого молока – айрана, масла, сливок и других жидких продуктов. Такой кожаный мешок назывался *гыбыт*. Такой же мешок для хранения муки и мучных продуктов назывался *къапчык*. Балкарцы и карачаевцы для хранения зерна использовали кожаный мешок из целиком содранной шкуры молодого бычка или теленка. Этот мешок именовался – *тулук*.

Наряду с зерновыми культурами в пищу балкарцы и карачаевцы употребляли рыбу, о чем свидетельствуют кости осетровых рыб из жилищ Верхне-Чегемского городища XIII–XIV вв. Употреблялась также и птица, о чем говорят находки костей и скорлупы куриных яиц в памятниках изучаемой эпохи.

Большое количество остеологического материала на средневековых поселениях свидетельствует об обилии мясной пищи в быту этих народов. Среди них имеются кости диких (кабанов, зубров, медведей и др.) и домашних животных (овец, крупного рогатого скота, лошадей, свиней и пр.). Об употреблении в пищу отмеченных животных в XIII–XVIII в., кроме самих костных остатков, априори говорит тот факт, что кости этих животных являются массовой находкой в памятниках предшествующих эпох.

С распространением ислама, во второй половине XVIII в.[279], мясо некоторых животных (свиней, кабанов и др.) исключается из пищи балкарцев и карачаевцев.

В отличие от древних и раннесредневековых погребений, в могилах XIII–XVIII вв. усопших уже не сопровождала погребальная пища. В погребениях уже отсутствуют кости или части туши жертвенных животных, нет в них глиняных или деревянных сосудов, в которых ставились в могилу пища и вода для погребенного. По-видимому, в это время на кладбищах существовали определенные места для жертвоприношений, где происходили тризны, как это наблюдается на могильнике Курнаят [280]. Все это свидетельствует о том, что в идеологических представлениях народа в XIII–XIV вв. произошли существенные изменения, причины которых пока трудно объяснить. Но зато вполне определенно можно говорить, что эти изменения повлияли и на пищу народов, и на ритуалы, с ней связанные.

К сожалению, археологический материал не позволяет нам более распространяться по этому вопросу, не дает возможности определения конкретных блюд балкаро-карачаевской кухни. В силу этого большой интерес представляет традиционная, этнографически засвидетельствованная пища балкарцев и карачаевцев XIX–XX вв., которая ретроспективно позволяет судить об их кухне более раннего времени. Подробная рецептура и терминология различных блюд и способы их приготовления даны в отмеченных выше работах, поэтому мы ограничимся описанием основных и наиболее интересных с исторической точки зрения балкаро-карачаевских блюд.

Мясная пища. Мясо являлось традиционной пищей балкарцев и карачаевцев. Оно употреблялось в различных видах. Очень распространено было употребление вареного мяса. Особо почитаемо было баранье мясо. О древности употребления бараньего мяса свидетельствует сложный и древний обычай разделения туши на определенные порции, что свойственно и другим тюркским народам [281]. Самыми почетными долями считались голова (*баш*), лопатки (*жауурун*), тазовые кости (*жан сюек*), локтевые кости (*базук*), бедренные кости (*орта илик*), коленные кости (*ашыкъ илик*) и пр. К каждой из этих порций полагалось по два ребра. При подаче этих порций учитывались ранг и половозрастные особенности участников трапезы. Голову подавали самому почтенному и старшему мужчине, который раздавал присутствующим соответствующие каждому части: уши – детям или младшему, язык и челюсти – женщинам и т. п. К мужским порциям (голова, лопатки, тазовые кости) добавлялись по два длинных ребра, к женским (коленные кости, бедренные кости) добавлялись по два коротких ребра. Шейные позвонки отдавались пастуху, хвостовые позвонки – женщинам [282].

Балкарцы и карачаевцы широко практиковали заготовку мяса впрок. С этой целью мясо вялили, сушили на солнце, коптили над очагом и получалось вяленое мясо – *къакъ эт*. Известно было и своеобразное консервирование мяса. Разрезав мясо на мелкие куски, слегка поджаривали

на внутреннем жире, затем собирали эту поджарку (*къууурма*) в кожаный мешок (*гыбыт*) или деревянные кадки (*чыккыр*) и заливали жиром. В таком виде мясо долго хранилось. При необходимости приготовить мясную пищу использовали эти заготовки. Кроме того, впрок практиковали засолку головы, ног, внутренностей – легких, почек, печени и пр. Хранили их в кадках, в рассоле (*тузлук*). Из заготовок впрок широко практиковались различные колбасы (*къыйма*). Из колбасных изделий свежего употребления излюбленными являлись *сохта*, представляющая собой кусок тонкой кишки, начиненной мелко нарубленной печенью с различными приправами, и *къан сохта*, начиненная свежей кровью и сваренная с приправами. Излюбленным блюдом было *жёрме* – тип свежей колбасы. Готовили его следующим образом: рубец желудка разрезали на отдельные кусочки, в них заворачивали внутренний жир свежей туши, обматывали тонкой кишкой и варили. От слова «обматывать» *(жёрмеле)* и происходит название блюда. Большой популярностью в прошлом пользовалась колбаса *къазы*, приготовляемая из внутренностей молодого жеребенка. Мясо жеребенка вообще считалось самым почетным угощением высокого гостя, например у карачаевцев.

Ведущей приправой для мясных блюд был *тузлук*, приготавливаемый из бульона или кислого молока – *айрана* – с толченой солью с чесноком. После мяса и мясных блюд, как правило, необходимо было подавать к столу бульон – *шорпа*.

Широко употреблялось и жареное мясо – *шишлик*, название которого происходит от слова *шиш,* т. е. вертел. Одним из лакомых шишликов был *жалбауур* из свежей печени, зажаренной на внутреннем жире только что разделанной туши барана или овцы.

Очень интересным шишликом является *тёш*. При разделе туши овцы или барана вырезали тут же небольшой кусочек грудинки по самому центру и жарили его на вертеле. Этот шишлик предназначался либо тому, в честь которого заклали животное, либо дядя по матери отдавал его своему племяннику. В настоящее время этот древний обычай утерян, и этот кусочек грудинки человек, разделывающий тушу, прилепляет к опорному столбу жилища, чаще всего к центральному.

Перечисленные мясные блюда и порядок разделения туши на порции являются традиционными для многих тюркских народов Алтая, Средней Азии, Поволжья и Кавказа. Особенная близость наблюдается в способе приготовления и специальной терминологии таких общетюркских блюд, как *жёрме* (*дьорме*), *къыйма, шорпа, къазы, къакъ эт, сохта, шишлик, къууурма* [283]. Ценную историческую и этнокультурную информацию несет в себе особый пастушеский способ варки мяса у балкарских и карачаевских чабанов.

По словам опытных балкарских и карачаевских чабанов и пастухов-старожилов, у них широко практикуются следующие способы варки мяса на высокогорных пастбищах и кошарах: «Пока разделывали тушу животного, разводили большой костер, а в тщательно промытую брюшину скла-

дывали очищенное от костей мясо, нарубленное небольшими кусками, наливали воды, завязывали брюшину кусочками тонкой кишки. Когда все это было готово, разгребали огонь костра и в раскаленный центр костра клали эту брюшину, а вокруг продолжали разводить огонь. Таким образом варили мясо. Если же под руками не оказывалось дров, очищенные от мяса кости, особенно если животное было хорошо упитанным, горели, как каменный уголь первого сорта», – рассказывают информаторы.

По их словам, был и другой способ, рассчитанный на более долгое время, скажем, с ночи на утро: «Огонь разводили в небольшой ямке и, когда яма была уже раскалена, а брюшина с мясом готовы, огонь из ямы расчищался, на раскаленное место – дно ямы – клали брюшину, сверху ее засыпали тонким слоем золы и продолжали разводить костер»[284].

Один из этих способов уже отражен в этнографической литературе Северного Кавказа [285]. В связи с этим способом варки мяса следует отметить, что знающие быт, культуру, обычаи и нравы монголов, живущие в Монголии сообщают, что «торжественным блюдом с древних времен у монголов является жареный козел. Его приготавливают так: режут молодого белого козленка, отрезают голову, потрошат его, вынимают кости, вовнутрь кладут раскаленные камни, а затем завязывают и жарят. Таким образом приготовленное мясо, заправленное различными пряностями, очень питательное и вкусное».

Мучная пища. По сравнению с мясомолочными продуктами удельный вес мучной пищи балкарцев и карачаевцев был довольно низким. Это объясняется преимущественно скотоводческим характером их хозяйства. И все же издревле, как отмечалось, ими культивировался ячмень. Из ячменной муки они пекли в золе хлеб – *арпа гыржын*, в нартских сказаниях и легендах часто фигурируют напитки из ячменя, например, *арпа боза*. Всякий напиток, приготавливаемый ими из ячменя или молочных продуктов, балкарцы называют *ицхи* или *ичхи*, а наиболее крепкий вид бозы двойного перегона именуют *ацтхи* или *ачытхы*. Уже в начале XVII в. боза как напиток отмечается путешественниками, посещавшими «Черкесию»[286]. Но в их сообщениях важно отметить, что относительно самих черкесов они пишут, что бозу те делают из проса, с чем согласны и современные авторы [287]. В отличие от последних балкарцы и карачаевцы, как и другие тюркские народы, приготавливают бозу из ячменя. Вполне возможно, что путешественники применяли тюркский термин «боза» к адыгскому напитку *махсыма*, приготавливаемому только из проса.

Кроме бозы, балкарцы и карачаевцы готовили и другие, менее опьяняющие напитки – *гумул* и *сыра*.

Как отмечалось, из ячменной муки они готовили запеченные в золе чуреки – *гыржын*, о которых писали путешественники XVII в.[288] Из жидких мучных блюд можно назвать *билямук* – похлебку из ячменной, а позже – из пшеничной муки. Из ячменной, а позднее из овсяной муки готовили различные виды киселя – *бегене*. Широко популярным блюдом балкарцев и карачаевцев были различные пироги, начиненные мясом, картофелем,

сыром, свекольными листьями и другими растительными начинками, – *хычин* (с мясной начинкой – *эт хычин,* с картофельной начинкой – *картоф-хычин,* с сыром – *бишлак-хычин* и т. д.). Варили в воде и жарили в масле различные пирожки – *бёрек*. Из ячменной, пшеничной, кукурузной муки готовили различные кашицы – *талкъан*. Ежегодно, перед выходом на весенне-полевые работы, устраивались большие празднества, на которых готовили ритуальную кашицу из семи видов злаковых, соли и воды (всего девять компонентов) – *гёже*, которая у других тюркских народов известна как *кочо*. Своеобразно готовили впрок муку из ячменя, кукурузы и др. Зерна жарили, а потом их мололи, полученная мука – *къуууm* – была готова к употреблению. Ели ее, примешивая к ней молоко, айран, сливки и другие молочные продукты. Жареные зерна, из которых потом получали муку – *къуууm*, называются *къурмач*. *Къурмач* и *къуууm,* в определенной степени можно сравнить с сухарями, заготовленными впрок. Широко распространенной мучной пищей балкарцев и карачаевцев является кашица, круто заваренная из муки, как представляющая разновидность мамалыги [289].

Таковы основные мучные блюда балкарцев и карачаевцев, имеющие значительные историко-культурные параллели со многими тюркскими народами и соседними народами Кавказа. Среди них интересно выделить блюда исконно балкаро-карачаевские, присущие многим этнически родственным им тюркским народам. Эти блюда имеют большой этнокультурный научный потенциал. К таковым можно отнести испеченный в золе *гыржын,* напиток *боза,* жареные зерна – *къурмач,* мука из жареных зерен – *къуууm,* кашицы из зерен и круп – *гёже* и *талкъан* и др. Все эти блюда (вместе с рецептурой и одинаковой терминологией) входят в традиционную пищу алтайцев, казахов, киргизов, азербайджанцев, туркмен, кумыков и др.[290]

В мучной пище балкарцев и карачаевцев больше, чем в мясомолочной, прослеживается проникновение блюд из кухни соседних кавказских народов.

Молочная пища, как и мясная, занимает главенствующее место в меню балкарцев и карачаевцев. Если своего хлеба им постоянно не хватало и продукты для мучных блюд приобретались у соседей, то мясная и молочная пища сполна обеспечивалась скотоводческим хозяйством. Продукты скотоводства шли на внешний рынок в обмен на хлеб, соль, фабричные изделия. Молочная пища также отличалась большим разнообразием, с ней связаны ряд древних суеверий и обрядов, что свидетельствует о ее традиционности в быту балкарцев и карачаевцев. Балкарцы и карачаевцы употребляли молоко в различных видах. Молочные продукты служили различного рода приправами к мясным и мучным блюдам. Этот вид продуктов в большом количестве заготавливался впрок в твердом и заквашенном виде.

Ведущее место среди молочных продуктов занимает кислое молоко – *айран*, издавна входивший в повседневную пищу. Айран как повседневный напиток, утоляющий жажду и голод, часто упоминается в тюркских сказаниях о деде Коркуте, а также зафиксирован средневековыми автора-

ми [291], балкаро-карачаевским фольклором. Балкарцы и карачаевцы приготовляли несколько видов айрана – *жуурт*, *мыстындау*, *гыпы айран* и др. В прошлом эти народы широко употребляли общетюркский напиток из кобыльего молока – *кумыс* [292], известный еще древнегреческим авторам – Эсхилу, Геродоту, Гиппократу и др.

Густой засоленный айран – *къатык* – заготовляли впрок и хранили в деревянных кадках. В таких же кадушках и бурдюках хранились и сливки – *къаймак*. Из айрана и каймака взбивали масло, а получаемая при этом пахта употреблялась как напиток и из него приготовляли приправу к мясу – *тузлук*. Широко практиковались и всевозможные сыры – *бишлак*, изготовляемые из коровьего и овечьего молока. Сыры хранились в копченом виде и в рассоле из сыворотки – *хуппеги*. В последнем хранились впрок и мясо, особенно внутренности, голова, ноги животного.

Все без исключения перечисленные молочные продукты входили в пищу тюркских народов – алтайцев, хакасов, башкиров, казахов, узбеков, азербайджанцев, кумыков и др. Многие разновидности айрана и тузлук вошли в пищу соседних народов – черкесов, кабардинцев, осетин и др.

Прочая пища. В пищу балкарцев и карачаевцев входили и различные дикие растения и плоды. Прежде всего, это дикие яблоки и груши (*агъач алма*, *агъач кертме*), лесные орехи (фундук), различные корнеплоды и травы: *чурко* – разновидность репы, *оразык* – морковник, *зыкы* – разновидность кресс-салата, *мант* – лопух и т. п. Многие травы употреблялись как приправа – *жигра* – укроп, *дугъума* – мята и др. Эти травы сушились и впрок. Употреблялись также и соки различных деревьев – березы, липы, в большом количестве употреблялись и ягоды. В начале XIX в. в пищу входят огородные культуры – капуста, огурцы, помидоры, морковь, лук, чеснок и др. Получают известность и бобовые – фасоль, горох, называемые общим термином – *къудору*. Последние проникали к ним, вероятно, через сванов, мегрелов, кабардинцев. В этой связи интересно отметить такие названия их разновидностей, как *эбзе къудору* (грузинские бобы), *черкес къудору* (адыгские бобы). В 1867 г. братья Нарышкины свидетельствуют, что балкарцы и карачаевцы возделывали картофель [293].

Употреблялись в пищу и сушеные фрукты. Сухофрукты они выменивали на шерсть, сукна, войлоки на таких крупных кавказских рынках и базарах, как в Они и Рачи [294]. Из вареной массы слив и других фруктов балкарцы и карачаевцы изготовляли раскатанные пластинки и сушили их. Эта разновидность пастилы называется у них *мырзай*.

Таковы основные исторически сложившиеся традиционные блюда балкаро-карачаевской кухни. Из этого краткого обзора очевидно, что в соответствии со скотоводческим хозяйством ведущее место занимает в ней мясомолочная пища, обнаруживающая уникальное совпадение с подобной же пищей многих тюркских народов близкой и дальней округи. Через пищу обнаруживаются и тесные историко-культурные контакты с соседними кавказскими народами, уходящие в глубь истории.

В заключение этого экскурса стоит отметить, что известный путешественник С. А. Токарев в 1849 г. писал о карачаевцах, что кухня их состо-

ит из 12–15 блюд, составляющих вариации из 2–3 тем, и что блюда эти подавались на оригинальных деревянных столиках-треножках, именуемых *mencu* [295].

Таким образом, видно, как формировалась традиционная народная пища балкарцев и карачаевцев в связи с изменениями их этнокультурного окружения, их хозяйственного уклада, с развитием культурно-экономических взаимосвязей и изменением идеологических представлений. Исследования показывают, что пища XIII–XVIII вв. послужила основой формирования позднейшей пищи XIX в.

Глава V
ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ В XIII–XVIII веках

Отсутствие достаточных письменных свидетельств, освещающих экономическое развитие Балкарии и Карачая в период непосредственного формирования балкарского и карачаевского народов и их традиционной культуры, выдвигает на первый план археологический материал [296]. Этот материал является зримо ощутимым, наглядным свидетельством экономического положения изучаемых народов в период позднего средневековья. Вкупе со скудными путевыми заметками путешественников XIII–XIX вв. этот материал дает определенные возможности осветить затронутую проблему.

Земледелие. Находки зерен проса, ячменя, мягких сортов пшеницы, каменных жерновов ручных мельниц, зернотерок, ступ, железных лемехов от тяжелых плугов, многочисленные зерновые ямы на поселениях у селений Кёнделен, Заюково, Кызбурун, на городищах верховьев Баксана, Зеленчуков, Кубани говорят о том, что в X–XIII вв. земледелие играло определенную роль в жизни предков балкарцев и карачаевцев [297]. Установленный археологическими исследованиями факт дает право полагать, что земледелие продолжало занимать достойное место в экономике этих народов и в последующие века.

Мы уже отмечали, что вблизи поселений XIII–XVIII вв., на склонах гор повсеместно видны оплывшие террасы, представлявшие собой пахотные участки [298]. Исследователи справедливо полагают, что наиболее интенсивно эти участки обрабатывались именно в изучаемую нами эпоху [299]. Балкарцы и карачаевцы в полном смысле слова отвоевывали у природы каждый клочок земли – террасировали горные склоны, вырубали лес, очищали участки от кустарников, камней. По истокам Кубани, Уллу-Кама, Маруха, Зеленчуков, Баксана, Чегема, Черека и других рек, вплоть до самых высокогорных районов, везде видны археологические следы земледельческой

культуры: повсюду собраны кучи камней с пахотных участков, видны следы оросительных каналов – арыков [300]. Несмотря на огромные трудности, жители этих районов строили целые оросительные системы, искусно проведенные по очень гористым местам, писал Н. П. Тульчинский [301]. Археологические раскопки говорят о том, что эти системы нередко составлялись из гончарных труб, как это наблюдалось в Верхнем Чегеме, Холаме и др.[302]

В непосредственной близости от поселений XIII–XIV вв. в верховьях Теберды, Маруха, Зеленчуков, Индыша, Баксана и др., в долине Загдан исследователи XIX в. – Г. Н. Прозрителев, А. М. Лысенко, Л. Аппостолов и др. – неоднократно отмечали древние заброшенные земледельческие угодья, где прорастали ячмень, рожь-многолетка, рожь-самосеянка и пр.[303] Читатель уже знаком с характеристикой Петрусевича, которую он давал подобным угодьям в верховьях Зеленчуков (см. выше). Достаточно весомым свидетельством практики земледелия в исследуемое время служат и многие водяные мельницы на горных речках у селений Верхний Чегем, Мухол, Учкулан и др., которые отмечались учеными и путешественниками XIX в.[304] Косвенным признаком земледельческой культуры балкарцев и карачаевцев может быть и наличие остатков одичавших садов в окрестностях поселений XIII–XVIII вв. в верховьях Баксана, Кубани и др.[305]

Земледельческая культура этих народов имеет глубокие исторические корни. Предки балкарцев и карачаевцев – древние булгары и аланы – были довольно хорошо знакомы с земледелием. У булгар, как и у балкаро-карачаевцев, чувашей и других тюркских народов, орудие для обработки земли называлось *сабан* [306]. Железные сошники булгар совершенно аналогичны балкаро-карачаевским [307]. Кипчаки называли соху *суха*, а железный лемех именовали, как и балкаро-карачаевцы, термином *сабан темир* [308]. Распространенные балкарские и карачаевские термины – *арпа, тары, бурчак,* означающие культуру ячменя, проса, бобовых, имеются и в словаре XV в. «Кодекс Куманикус»[309].

О распространенности земледельческой культуры среди балкарцев и карачаевцев свидетельствует их исторический фольклор [310], особенно сказания о Малкаре, Боташе, Ачемезе и др., где постоянно упоминаются ячмень, кукуруза и продукты из этих культур [311].

Значительность роли земледелия и землепользования в Балкарии зафиксирована в документе, на каменной плите 1715 г., в котором, как отмечалось, речь идет о переделе и установлении границ земельных угодий [312]. Земледельческая культура нашла отражение и в пантеоне языческих божеств балкарцев и карачаевцев. Среди них выделяются: божество земли – *Дауле*, божество молотьбы – *Эрирей* и др.[313]

Как и многие народы, балкарцы и карачаевцы торжественно отмечали первый выход на весенне-полевые работы большими празднествами – *сабан той*. На таких торжествах устраивали жертвоприношения, пекли пироги, варили ритуальную кашицу *гёже* из всех разновидностей возделываемых зерновых и бобовых культур. Это напоминает такую же кашицу чувашей [314]. Одно из таких празднеств в Балкарии описано М. М. Ковалев-

ским и В. Ф. Миллером [315]. Согласно их описанию, подтвержденному многими старожилами, в определенных святилищах целый год откармливали всем аулом специально оберегаемого быка. Когда наступала пора выхода в поле, его выводили из святилища и по его поведению предсказывали будущий урожай. Если бык мычал, подняв голову, это означало, что хороший урожай будет на верхних полях, если же он замычит, опустив голову, то урожай ожидался на нижних полях. Затем этого быка приносили в жертву Дауле, готовили кушанья, угощались бозой, пирогами, устраивали игрища и веселья. Этот праздник в буквальном смысле совпадает с такими же торжествами и обрядом крымских болгар [316].

Определенные сведения о земледелии можно получить из путевых заметок путешественников. В 1235 г. доминиканец Юлиан и его спутники вынуждены были в «Алании» продать своих рабов, чтобы получить, пропитание для продолжения своего пути, но не смогли это сделать, так как те «не умели ни пахать, ни молоть»[317]. Венецианский дворянин Иосафат Барбаро в XV в. писал о какой-то стране Кремух, «управляемой Бердиби (Богом данный)», что земля в этой стране «изобилует хлебом, скотом, медом»[318]. Его предшественник аль-Омари писал о земле черкесов и асов, что она до завоевания монголами была «повсюду возделана», и он видел остатки прежних посевов [319]. Нет никакого сомнения, что слова Николая Витсена о том, что черкесы «из ячменя делают напиток, крепкий, как вино», характеризуют балкарцев и карачаевцев, поскольку адыго-черкесы и кабардинцы не делают напитка из ячменя, а употребляют для этой цели просо [320]. Современник Витсена Энгельберт Кемпфер, причисляя к черкесам аланов, карачаевцев (карачеркесов) и других горцев Кавказа, писал, что черкесы, «если один год засеивают поле, то на следующий год оставляют землю гулять, хотя бы она и была лучшего качества»[321]. Это известие полностью согласуется с этнографическими данными о переложном методе земледелия у карачаевцев [322]. Как мы уже отмечали, значительная доля сведений де ла Мотрэ относится к карачаевцам – «карачеркесам», «горским черкесам» и т. п. В данном случае уместно напомнить его слова о том, что они почитают айран, пьют бозу, кушают конину, пекут в золе лепешки и именуются горскими черкесами [323]. В контексте этого раздела работы очень важно отметить, что де ла Мотрэ очень опасался, как бы эти черкесы «не отобрали его проводника для распашки садовых земель». Столь же ценны его слова о том, что эти жители кормили его коней ячменем, а их самих угощали вкусными пирогами с яблоками [324]. Как бы в подтверждение слов Мотрэ вписываются и сведения Клапрота о том, что балкарцы и карачаевцы именовались горскими или черными черкесами, говорят на языке, схожем с ногайским, живут в срубах и что «их напиток «сыра» лучший на всем Кавказе и похож на английский портер. Они перегоняют водку из ячменя и пшеницы; хлеб обычно пекут в золе. Табак, который они сами возделывают, находит среди них широкое потребление, и они имеют его несколько сортов, которые все очень распространены»[325].

«Они возделывают пшеницу, просо, ячмень и изготавливают прекрасное пиво», – продолжает Клапрот [326]. О земледелии в Балкарии и Карачае говорят и топонимические названия, типа *Сабан кош* – «Стан пахарей» и др.

Скотоводство. Суровые высокогорные условия – каменистый грунт, короткое лето с ранней осенью и холодной зимой – обусловливали преимущественно скотоводческий характер хозяйства. Несмотря на относительную развитость горного земледелия, своего хлеба горцам всегда не хватало [327]. Малое количество пригодных для обработки земель и затрата колоссальных усилий по уходу за ними отодвигали земледелие на второй план. Скотоводство являлось в экономике горцев с древнейших времен главным занятием. Судя по археологическим находкам костей, в состав их стада издавна входили овцы, бараны, быки, коровы, козы, свиньи, лошади [328]. Такой же набор животных сохраняется и в рассматриваемое время (археологический материал Верхне-Чегемского, Нижне-Архызского, Эль-Джуртского городищ) [329].

Но, несмотря на такую пестроту разводимого скота, главное место в хозяйстве все же отводилось овцеводству. Археологи открыли ряд средневековых кошар с загонами для овец, в которых могли разместиться более 1500 голов. Таковы памятники в верховьях Теберды, Уллу-кама и др.[330] Подобные сооружения А. И. Робакидзе открыл в старинном балкарском ауле Думала в Чегемском ущелье. Памятник представлял собой весьма внушительных размеров стоянку для скота и пастухов в виде капитального комплекса с оборонительной башней у входа в загон и помещением для пастухов, оберегавших стада и пастбища князей Балкаруковых.

Находки псалий, удил, стремян, предметов сбруи и остеологические материалы говорят о том, что коневодство занимало важное место [331]. Находки ножниц для стрижки овец, остатков войлочных ковров – *кийизов*, войлочных шапочек, кожаных сапожек и ноговиц свидетельствуют о значительной роли скотоводства в развитии местных домашних промыслов, изделия которых с успехом шли на общекавказских рынках, о чем красноречиво говорят путешественники-очевидцы [332]. О доминирующей роли скотоводства в экономике балкарцев и карачаевцев говорит и их традиционная кухня, состоящая в основном из мясомолочной пищи, которая, как было отмечено, находит множество аналогий и параллелей с кухней многих этнически родственных тюркских народов [333].

Скотоводческий уклад хозяйства балкаро-карачаевцев нашел отражение в духовной культуре и фольклоре этих народов. Покровителем крупного скота у них считался *Долай*, покровителем мелкого скота – *Аймуш* [334]. Первый ягненок нового приплода всегда приносился в жертву божествам, дабы приплод был богатым. Жертвенный ягненок назывался *Тёлю баш*, т. е. «Голова приплода»[335]. По бараньей лопатке предугадывали изменения в хозяйстве, в жизни общества и пр. По кровоподтекам во внутренностях свежеразделанной туши предсказывали различные события и пр. При археологических раскопках наиболее частыми находками на ритуальных капищах и культовых местах являются кости черепа и лопаток животных, т. к. эти части считались самыми почетными и приносились на святые места.

Путешественники XIV–XV вв. Иоган Шильтбергер и Иосафат Барбаро писали, что «черкесы» устраивали ежегодные жертвоприношения, «резали быков и баранов и раздавали большую часть мяса бедным», и таким образом поминали людей, погибших от удара молнии [336]. Такой же обряд, под названием «*Чопна*», совершали балкарцы и карачаевцы, о чем писали В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский и о чем часто рассказывают старожилы [337]. Упоминавшийся А. Я. Купфер сообщал, что у «черкесов» главным богатством является скот»[338]. Де ла Мотрэ говорил, что «горные черкесы приносят в жертву различных животных, как, например, быков, овец, ягнят и коз»[339]. По сведениям Гюльденштедта, «разведение овец составляет главнейшее упражнение» балкарцев и карачаевцев [340], а Клапрот писал, что «зимой они (балкарцы. – *И. М.*) гонят свои стада в Кабарду на пастбища... держат много овец, ослов, мулов и лошадей, которые невелики, но сильны, проворны и превосходны для езды по горам»[341]. По словам Гюльденштедта, Палласа и других, балкарцы ежегодно платили кабардинским феодалам по одной овце с семьи за использование этих зимних пастбищ [342]. А Клапрот уточняет этот факт следующими словами: «Когда же жатва обильна и пастбища их цветущи, в эти годы они держат скот при себе всю зиму и не только не идут к кабардинцам, но запрещают этим последним приходить к себе, что порождает частые споры и непрерывные войны»[343].

О большой роли овцеводства в экономике балкарцев и карачаевцев говорит и тот факт, что все свои подати и долги они платили овцами. Так, например, Балкаруковы заплатили сванам-мастерам за постройку башни 200 овец [344]. Все эти сведения красноречиво дополняют данные археологии, содержащие массу костей мелкого рогатого скота.

У балкарцев и карачаевцев, как и у древних тюркских племен, существовали в качестве орудия для счета овец специальные деревянные бирки с засечками [345]. Как в древности, так и поныне балкаро-карачаевские пастухи широко пользуются древним иранским пастушеским счетом, который осетины называют «Ассон имаима», т. е. *балкарский счет* [346].

Очень важное место в хозяйстве балкарцев и карачаевцев, если не сказать – главное, занимала заготовка кормов для скота на зиму. Судя по этнографическим, историческим и фольклорным данным, сенокос являлся одной из самых главных работ и всегда отмечался с особой торжественностью, жертвоприношениями, обильными трапезами и пр.[347] Это подтверждают и сведения путешественников [348]. Торжественный день выхода на сенокос, как пишет М. К. Абаев, называется у балкарцев «*Зыма*».

В специальной литературе определяются кочевая, оседлая, полукочевая, яйлажная, или альпийская, формы скотоводства [349]. Некоторые авторы выделяют еще и отгонное скотоводство [350]. Основным признаком альпийского, или отгонного, скотоводства считается хозяйственно-географическая общность базы летних и зимних пастбищ, расположенных на определенной высоте и богатых альпийской растительностью. Этот признак дополняется еще тем, что вместе со скотом передвигается и обслуживающий его персонал из долин в горы и обратно [351].

Согласно археологическим исследованиям, как пишет Б. Б. Пиотровский, альпийское скотоводство на Кавказе ведется еще с эпохи неолита. По его мнению, отгонная форма скотоводства сложилась в Армянском нагорье примерно в III тыс. до н. э., что «явилось закономерным условием его развития в горных условиях»[352]. К этому времени отгонная форма складывается и на Северном Кавказе. По заключению ведущего специалиста по истории и культуре раннебронзового века Кавказа Р. М. Мунчаева, «развитие скотоводства, особенно овцеводства, послужило одной из важных причин начавшегося и активно развивавшегося в эту эпоху процесса хозяйственного освоения и заселения горных и высокогорных районов Кавказа. В целом намечается общая тенденция к увеличению стада мелкого рогатого скота... Развитие овцеводства было связано с необходимостью иметь яйлаги – летние пастбища. Поэтому начинает развиваться отгонная, или так называемая яйлажная, форма «скотоводства, при которой мелкий рогатый скот перегонялся летом на горные пастбища. Так начинается хозяйственное освоение и заселение горных районов края»[353].

Именно эта древняя отгонная, яйлажная, форма скотоводства, а не полукочевая, как полагают отдельные авторы [354], издавна практиковалась балкарцами и карачаевцами [355]. Как показывают археолого-этнографические материалы, для скотоводства балкарцев и карачаевцев, проживающих в горных районах, характерно вертикально-зональное передвижение скота и обслуживающего персонала. Летом они перегоняли свои стада на летние альпийские высокогорные пастбища – *жайлык*, а весной, осенью и зимой скот содержался на зимних выгонах вблизи селений – къышлык [356].

В кавказоведческой литературе существует несколько толкований терминов *яйлыг* и *кышлык*, бытующих у многих скотоводческих народов [357]. Одни объясняют, будто бы термин *яйлыг* происходит от арабского слова *яй* – лето, и *лаг* – жилище в горах [358]. Другие пишут, что этот термин образован от тюркского *яй* – лето, и *лаг* – стан в горах [359]. Мне представляется, что второе объяснение более близко к истине, но только в своей первой части. Действительно, *яй* – это «лето» на всех тюркских языках, а что касается *лаг,* так это не что иное, как тюркский словообразовательный аффикс – *лык*. Термин «яйлыг» (или «джайлык», «жайлык») образован от корня «яй» («джай», «жай») с помощью указанного форманта и означает «летовка». Таким же образом образованы многие тюркские термины: *баш+лык*, *арка+лык*, *ата+лык* и мн. др. С помощью этой же частицы образован термин *кыш+лык* – «зимовье», от этого же слова происходит и термин *кишлак*.

Большим подспорьем в хозяйстве балкарцев и карачаевцев изучаемого периода было разведение птиц, о чем говорят находки скорлупы яиц. Занимались они и рыболовством, о чем свидетельствуют находки шипов осетровых рыб [360]. О рыболовстве народов «Алании» говорили Рубрук и Интериано [361]. О том, что предки балкарцев и карачаевцев – древние булгары – занимались рыболовством, писали их современники. Летописцы Феофан и Никифор даже называют на Кубани специальную булгарскую рыбу – «ксист»[362].

Охота. Большое место в экономике балкарцев и карачаевцев занимала охота на диких животных. Археологические находки костей животных свидетельствуют, что объектом охоты были медведи, волки, косули, лисы, кабаны, зайцы, горные козлы – туры и мн. др.[363] Охота настолько глубоко вошла в жизнь этих народов, что нашла отражение в их фольклоре и поверьях. Хороший охотник всегда считался человеком, достойным всяческих похвал и почестей. Об охотниках – *мараучу* или *уучу* – складывались народные песни и распевались на различных сборах и торжествах. Божеством и покровителем охоты и охотников, лесов и диких животных считался у них *Абсаты*, дочь которого при необходимости превращалась в прекрасную лань или золоторогую олениху [364]. Изображения ланей встречаются на стенах средневековых склепов и мавзолеев [365], в сценах охоты на наскальных рисунках в верховьях Кубани и Баксана [366]. С божеством Абсаты связывается огромная каменная стела высотой около 4 м в образе животного, очень напоминающего лань. Эта стела была найдена в дремучем лесу Чегемского ущелья, и часть ее ныне выставлена во дворе Национального краеведческого музея в городе Нальчике [367]. Перед отправкой на охоту балкарцы и карачаевцы приносили жертвы, устраивали игрища, исполняли ритуальные танцы и песни в честь Абсаты [368]. Распеваются эти народные песни и поныне.

Привлекает внимание имя этого божества. Слово «Абсаты» Н. Я. Марр выводил из армянского *аспац, асвац, астовац* – «бог». А С. Я. Байчоров предполагает, что это имя расчленяется на *аб* или *ап* и *сат*. Известно, что *ап, аб, ав* на тюркских языках означает понятие «охота»[369], а слово *сат* или *сэт* означает «священный», «святой». Таким образом, Байчоров объясняет имя Абсаты/Апсаты как «Святой охоты»[370], т. е. покровитель охоты. В связи с этим мне представляется возможным вспомнить богиню *Ану* – супругу скифского бога Папая, которую Геродот отождествлял с греческой богиней земли-матушки *Геей* [371]. Это обстоятельство наталкивает на мысль о тождестве имени Апи с тюркским словом *ана* – «мать» или *аба* – «старшая женщина». С богиней Апи греки сопоставляли свою богиню охоты, лесных животных, богиню-охотницу прекрасную Артемиду. Изображения Апи всегда сопровождались оленями, охотниками, с ней связаны дикие животные, звери, она почиталась скифами как владычица зверей [372]. Все это полностью и буквально совпадает с балкаро-карачаевским культом Апсаты.

Божество в образе оленя или лани часто встречается в преданиях и легендах балкарцев и карачаевцев и находит уникальные параллели с фольклором гуннов. Известный сюжет гуннского сказания о том, что охотники в погоне за оленем неожиданно открыли для себя новые земли по ту сторону Азовского моря [373], сохранился в балкаро-карачаевских легендах об охотниках Малкаре и Боташе, которые также, будучи на охоте, в погоне за оленем открыли для себя новые земли в верховьях Черека и Кубани и поселили там свой народ [374]. Нередко этот образ в балкаро-карачаевском фольклоре превращается в прекрасную златоволосую женщину-красавицу, иногда превращающуюся то в белую лань, то в золо-

торогую олениху. Кроме того, например, нартский богатырь Ёрюзмек, преследуя заманивающего его оленя, открывает для себя до того неведомые земли и некую Белую крепость, спрятавшись в которой, олень вдруг превращается в прекрасную девушку [375]. Или же однажды охотник Бийнёгер, истреблявший оленей, отправился на охоту, чтобы добыть своему брату оленье молоко в качестве лекарства от его недуга. Вдруг перед ним явилась прекрасная дочь Апсаты в образе оленихи, заманила его в горы, и он нашел там свою смерть за истребление оленей [376].

Следует отметить, что этот сюжет повторяется в сванском предании об охотнике Бетки, которого богиня охоты Дали подобным же образом наказала за измену и сожительство с земной женщиной [377].

Ремесло и торговля. Эти виды хозяйственной деятельности балкарцев и карачаевцев играли весьма ощутимую роль в их экономике. Археологический материал дает довольно определенное представление о развитии ремесленного производства, различных промыслах и торговой деятельности этих народов в XIII–XVIII вв. Бросается в глаза почти полное отсутствие в памятниках того времени такого массового прежде материала, как керамика. Вероятно, керамическое производство в послемонгольское время приходит в упадок в результате массового перехода к деревянной посуде, так богато представленной в этнографическом материале XIX в.[378] То же самое происходит с литыми бронзовыми предметами – топорами, предметами мелкообъемной пластики, подвесками, браслетами, бляшками поясного набора и пр. Вместо бронзы все перечисленные предметы изготовляются преимущественно из железа. Таковы массовые находки железных пряжек, предметов поясного набора, кресал, пряжек, скоб, ножей, ножниц и мн. др.

Для эпохи Средневековья вообще достаточно характерно развитое горно-рудное дело в Балкарии и Карачае. Об этом свидетельствуют многочисленные места древних выработок меди, железа, свинца и серебра у селений Карт-Джурт, Верхний Чегем, Верхняя Балкария, Верхний Баксан и др., большинство из которых относятся к эпохе Средневековья [379]. Горно-рудное дело нашло отражение в народных преданиях и легендах о Боташе, нартских сказаниях о первом кузнеце Дебете и в других фольклорных сюжетах [380].

Изделия местных кузнецов являются частыми археологическими находками на поселениях и могильниках изучаемого времени. К ним можно отнести находки железных топоров, скобяных предметов. О широком их применении свидетельствуют следы работы рубанков, стамесок, топоров, пил и других орудий на многих археологических предметах – деревянных гробовищах, долбленных колодах из ствола дерева, на бревнах монументальных срубных жилищ XVIII–XIX вв., на предметах быта – уникальных столиках-треножках (*mencu*), на шкатулках, игольницах, самшитовых гребешках, различных фрагментах деревянных чаш и т. п.[381]

По заключению специалистов Лаборатории естественно-научных анализов Института археологии АН СССР Л. С. Хомутовой и Г. А. Вознесенской, в основе кузнечной технологии Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. лежит холодная ковка металла с последующей тепловой обработкой готовых изделий [382].

Об уровне горно-рудного дела наглядно говорит тот факт, что на Нижне-Архызском городище в одном из жилищ под завалом камней были выявлены остатки небольшого железоплавильного горна, состоящего из трех камер. Камни, составлявшие эти камеры, прокалены, а с внутренней стороны покрыты шлаковой накипью. Все три камеры были почти целиком завалены шлаками, что определенно свидетельствует о том, что горн предназначался для выплавки железа. Выявленные В. А. Кузнецовым остатки железоплавильного горна на Нижнем Архызе – факт очень важный. Значение его состоит в том, что они документально подтверждают развитие горно-рудного дела в Балкарии и Карачае в XIII–XIV вв.[383]

Исследователи считают, что горно-рудное дело у балкарцев и карачаевцев было выделено в отдельную отрасль ремесла [384]. Об этом же пишут и очевидцы-путешественники. Так, Э. Кемпфер отмечал, что «они очень трудолюбивы и добывают даже железо из рудников, которое они также куют и изготовляют из него всякого рода орудия»[385]. Гюльденштедт писал, что балкарцы и карачаевцы добывают «селитру у горы близ Устожирта в Чегемском округе и огнестрельный порох, ими самими приготовляемый. В верхней части Чегема у горы Каргажин-тау (т. е. Свинцовая гора. – *И. М.*) добывают свинцовые руды»[386].

«Их горы обеспечивают им селитру и серу, – писал Клапрот, – и им не приходится для добывания, подобно черкесам, выщелачивать подстилку овечьих стойл и загородок. Их порох, – продолжает он, – мелкий и отличается особенной силой» [387].

Участник экспедиции на Эльбрус в 1829 г. А. Я. Купфер, прибыв в карачаевский аул Хасаут (Схауат), отмечал, что им здесь встретились свинцовые рудники, разрабатываемые карачаевцами в течение долгого времени [388].

Археологические находки массы костяных предметов – различных пряслиц, игольниц и иголок, гребней, наконечников для вил и др. – говорят о развитом костерезном ремесле. Всевозможные украшения женского платья и туалета – серьги, кольца, перстни, диадемы, уникальные навершия для шапочек, – обнаруживаемые в могильниках изучаемого времени, свидетельствуют о значительном уровне ювелирного мастерства балкарцев и карачаевцев [389]. Все эти предметы украшались различным орнаментом, который наносился специальными инструментами. На этих предметах явно видны следы большого мастерства в пайке и ковке мелких ювелирных изделий. Уместно отметить совершенно точное совпадение петлеобразного узора на балкаро-карачаевских диадемах XV в. с подобным же узором на одном из скифских кинжалов [390].

Многочисленные башенные и склеповые сооружения, а также отлично обработанные для ритуальных общественных мероприятий огромные каменные валуны: *Намаз-таш* (Камень для намаза), *Апсаты-таш* (Камень Апсаты), *Къарачайны къадау ташы* (Замковый камень Карачая), *Налат-таш* (Камень позора), *Пелиуан-таш* (Камень великанов), масса надгробных узорчатых камней XIX в. – все это красноречиво говорит о том, что балкарцы и карачаевцы достигли больших успехов в обработке камня и

в каменном строительстве [391]. Есть прямая возможность предположить, что и камнерезное, и строительное мастерство у этих народов выделилось в отдельную отрасль ремесла, так как сформировались и выделились у них, особенно у балкарцев Черекского ущелья, специальные мастера-строители – *хуначы*. Нет сомнения в том, что в такое же ремесло выделилась у них обработка шерсти и изготовление войлоков, бурок и других изделий из шерсти, которые пользовались исключительным спросом на общекавказских рынках XVI–XVIII вв. Например, Гюльденштедт писал, что балкарцы все необходимое «выменивают на шерсть, толстое сукно, войлоки, лисьи и куньи меха». По его словам, они имели оживленную торговлю с горно-грузинскими народами, к которым балкарцы «приходят с толстым сукном, войлоками и выменивают тут бумажные материи и прочее»[392]. Торговля у них была меновая, «они торгуют не за деньги, но обыкновенно обменивают на другие товары», – писал Кемпфер [393]. Описывая быт и жизнь карачаевцев, Мотрэ отмечал, что «деньги настолько мало известны или так редки в этой стране, что торговля совершается путем обмена». Он же уточнял, что «они получают виноград из Астрахани и различных других мест»[394]. Этот факт говорит о весьма широких рамках торговли исследуемых народов. По словам Клапрота, карачаевцы «продают заграничным купцам медвежьи, кроличьи и кошачьи меха и сохраняют для себя шкуры диких коз для изготовления ковров, которые они расстилают на местах, где преклоняются для молитвы. Из шкур диких коз они изготовляют также голенища для сапог и татарскую обувь или же режут их на очень тонкие полосы, служащие для пошива... Они продают изделия своей промышленности, такие, как сукна (*шал*), войлоки (*кийиз*), чтобы покрывать пол, меха и капюшоны от дождя (*башлык*) и т. д., частью имеретинцам, частью в Сухум-кале»[395].

Примечательны слова Клапрота о балкарцах: «У них много также лошадей, которые невелики и не способны носить большие тяжести, но проворны и превосходны для поездок по горам, по этой причине их продают в большом количестве в Имеретии и Мингрелии... Их главная торговля производится с Радча на Риони и в Имеретии. Товары, привозимые ими в Радча и Они, состоят главным образом из войлочных плащей «*ямачех*» (бурки. – *И. М.*), сукон (*шал*) светло-желтого и коричневого цвета, считающихся очень хорошего качества войлока, капюшонов от дождя (*башлык*) и меха. В обмен они получают хлопчато-бумажные и шелковые ткани, нитки для шитья, золотые и серебряные блестки, табак, трубки и всякие мелкие товары. В особенности в Они закупают большое количество каменной соли. Но они получают соль также и с русской границы, а также от черноморцев; она привозится им евреями и кабардинцами. Другими главными предметами потребления, привозимыми из Радча, являются котлы и другая медная посуда, которая вывозится из Эрзерума через Батум и Поти. Предполагают, что балкары и чегемы покупают много русской медной монеты, которую они переплавляют на блюда и тарелки»[396].

Эти сведения еще раз подтверждают только что сказанное о широких масштабах торговли балкарцев и карачаевцев. О том, что эти народы вели оживленную и широкую торговлю, говорят находки турецких монет XVIII в.

в могильнике у сел. Ташлы-Тала. Но деньги не ценились сами по себе, как таковые, а использовались в качестве подвесок, и почти всегда обнаруживаются пробитые монеты [397].

Находки обрывков шелковых, газовых тканей, самшитовых гребешков, стеклянных кубков и зеркал подтверждают торговлю балкарцев и. карачаевцев с заморскими странами [398]. Исследования А. Н. Дьячкова-Тарасова, Н. Каменева и других показывают, что через Карачай проходил древний торговый путь, соединявший Византию с Хорезмом. Мы уже отмечали, что этот путь грекам был известен как *Хоручон*, по имени карачаевцев [399]. Особая оживленная торговля велась с генуэзскими колониями. Купфер и Дьячков-Тарасов видели в Хумаре и Карт-Джурте генуэзские сабли и палаши, составлявшие семейные реликвии карачаевцев [400]. Большую торговую деятельность развернули в 1639 г. в Карачае и прилегающих областях русские послы, пробывшие здесь «за торгом и барышами» 15 дней [401].

Такова краткая характеристика экономического развития Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв., которая вырисовывается по археологическим данным и сведениям письменных источников того периода.

Глава VI
О СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ XIII–XVIII веков

Вследствие отсутствия достаточных письменных свидетельств многие вопросы истории и культуры балкарского и карачаевского народов, могут быть раскрыты и освещены с помощью археолого-этнографических факторов. К таким вопросам относится и социальная история балкарского и карачаевского общества, которая почти не затронута научно-исторической литературой. Предлагаемые этюды по этой проблеме являются первой научной попыткой и базируются на археологических материалах поселений и жилищ, могильников и погребальных сооружений, на данных археолого-архитектурных памятников и этнографических материалах о традиционных общественных институтах балкарцев и карачаевцев.

1. Поселения и жилища о социальной структуре Балкарского и Карачаевского общества XIII–XVIII веков

Изучение балкаро-карачаевских поселений XIII–XVIII вв. позволяет выделить среди них не только топографические особенности, о которых говорилось выше, но и проследить ряд морфологических и социальных признаков. По морфологическим особенностям можно выделить:

■ поселения с целой системой оборонительных сооружений, образцом которых является Верхне-Чегемское поселение XIII–XIV вв.;

■ поселения, прижатые к одному или двум башенным комплексам, как поселение Эль-Джурт XV–XVIII вв.;

■ небольшие поселения, носящие имена своих основателей, прижатые к своим оборонительным сооружениям или расположенные на естественно укрепленных участках, как поселения Малкар-кала, Карча-кала, Макка-Кая и др.

Морфологические особенности поселений, на наш взгляд, продиктованы не только топографическими особенностями региона, но и некоторыми социальными причинами. Среди этих поселений можно усмотреть моногенные и полигенные, основанные на родственном и территориальном принципе заселения.

К первым, безусловно, можно отнести небольшие поселения, носящие имена своих основателей и населенные, вероятно, потомками, связанными, как правило, между собой кровно-родственной и хозяйственной общностью. Примером в данном случае могут быть поселки типа Малкар-кала в Верхней Балкарии, Карча-кала в Карачае, в верховьях реки Архыз, и Макка-Кая в Чегемском ущелье. Все они состоят из нескольких жилищ, примыкающих к основному оборонительному сооружению (Малкар-кала, Карча-кала), либо расположенных на естественно укрепленном участке – на вершине небольшого водораздельного хребта (Макка-кая). По преданиям, они возникли на месте поселения легендарных основателей – Малкара, Карчи и Макки. Можно думать, что жилища последних могли играть по отношению к другим жилищам ту же роль, что и «*Уллу юй*» по отношению к прочим в XIX в. В этих жилищах, послуживших основой поселений, жили первоначально *Тукъум ата*, т. е. «Отец рода-тукума». Имена последних перешли к их прямым потомкам как патронимические названия, объединяющие их всех по происхождению от одного отца. Первоначальное обращение для определения непосредственного происхождения «*Тукъум атанг кимди*?», т. е. «Кто отец тукума?», по нашему мнению, постепенно перешло в форму «*Тукъум атынг кимди*?», т. е. «Как имя тукума?». Позднее этот вопрос стал восприниматься: «Как твоя фамилия?». Так от имени легендарных Малкара, Карчи и Макки пошли позднейшие тукумы-фамилии Малкарлары, Карчалары, Маккалары, а имена Малкара и Карчи даже стали эпонимами балкарцев и карачаевцев.

Отсутствие отдельных хозяйственных построек вблизи жилищ этих поселений позволяет думать о хозяйственной общности их жителей. По нашему мнению, подобные поселения представляют собой первую, низшую фазу патронимии. М. О. Косвен писал, что именно эта фаза патронимии из-за отсутствия анализа археологических памятников, главным образом поселений и жилищ, именно с точки зрения развития семейной общины трудно улавливается, а иногда даже трудно угадывается [402]. По всем признакам в этих поселениях прослеживаются архаичные формы семейной общины, выражающие первобытно-общинную, коллективистическую

(по Косвену) или коммунистическую (по Энгельсу) форму собственности на общественные средства существования – сенокосные и пастбищные угодья, лес, скот. Но уже в этой первоначальной стадии патронимической семьи видны первые элементы частной собственности, как указывал Энгельс, в виде собственности на жену, детей, жилище [403], а также в виде отдельной кухни с отдельным очагом (Верхне-Чегемское городище), в виде частной собственности на уникальные украшения и роскошную одежду (могильники Байрым, Ташлы-Тала, Карт-Джурт и др.) [404], сосредоточенные в руках главы семьи со всеми отсюда вытекающими последствиями, так наглядно продемонстрированные Ф. Энгельсом в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Одним словом, на примере рассмотренных поселений и жилищ можно обнаружить мирно уживающиеся две формы собственности: общественную – на скот, сенокосные и пастбищные угодья, и частную собственность, выраженную в отмеченных выше факторах. Этот вроде бы мирно уживающийся дуализм семейной общины, показанный и раскрытый на множестве данных Энгельсом и Косвеном, является тем необходимым единством противоположностей и их борьбы, которые движут развитие семейной общины балкарцев и карачаевцев рассматриваемого времени. Скромно проникнув поначалу в виде отмеченных выше элементов (жилище, очаг, украшение и пр.), частная собственность в конце концов разъедает, по выражению Энгельса, как кислота, семейную общину и ее собственность.

Развивая эту мысль, следует разделить тезис А. И. Робакидзе о том, что феодальные отношения у горских народов Кавказа складывались путем разложения общины, а не путем деятельности уже возникших государственных аппаратов, как это было в классических феодальных формациях. Но некоторая специфичность феодальных отношений в карачаево-балкарской среде объясняется тем, что интенсивное отгонно-яйлажное скотоводство, связанное с огромными пастбищами, диктовало необходимость длительного сохранения большой патриархальной семейной общины, возникшей в глубочайшей древности вместе с появлением подвижного скотоводства. Эти обстоятельства не могли не набрасывать на горский феодализм, опиравшийся на собственность на пастбища и скот, вуали патриархальной архаики.

На наш взгляд, разложению общины способствовало развитие товарно-денежных отношений и втягивание Балкарии и Карачая в орбиту международных отношений XVI–XVII вв. Находки турецких монет начала XVIII в. в наиболее богатых захоронениях Ташлы-Талинского могильника или роскошной одежды и фрагментов заморских тканей на могильнике Байрым и у сел. Карт-Джурт – яркий тому пример [405].

Кроме сказанного, следует отметить, что все потомки, скажем, Карчи, Малкара, Макки и др., несмотря на дальнейшую сегментацию и значительные перемещения, сохраняют навсегда полученное имя Малкаровы, Карчаевы, Маккаевы и т. п., тогда как имена их предков теряются в глубине истории, как это свойственно для патронимических связей многих наро-

дов. Это относится в основном и ко всем ныне существующим тукумам – родам или фамилиям Балкарии и Карачая, хотя иногда имело место то, что в результате сегментации и значительных перемещений образовывались новые тукумы, как, скажем, возник тукум Урусбиевых из переселившейся из Безенги на Баксан части тукума Суншевых [406], или же возникали тукумы из пришлых в Балкарию и Карачай представителей других народов – таковы Эбзеевы, Черкесовы, Семеновы, Чеченовы, Кабардоковы, Ногайлиевы и др. В этих случаях в патронимические названия превращались этнические имена – *эбзе* (горные грузины, сваны), *черкес* (черкесы, адыги), *ногай*, *кабарда* и т. д.

Особый тип патронимического поселения представляют городища Эль-Джурт и Верхний Чегем. Нам кажется, что здесь эта организация представлена в еще более распадном состоянии – раздираемой противоречиями и усилением частнособственнических элементов. Выражено это в наличии отдельных очагов в небольших жилищах, в которых могли проживать только малые семьи, образовавшиеся в результате сегментации семейной общины. Наличие огромного количества остеологического материала в каждом из таких жилищ свидетельствует о существовании и отдельной кухни этих семей. Отсутствие отдельных хозяйственных построек позволяет говорить, что скот, вероятно, держали сообща, если и не весь (т. к. имелась отдельная кухня и очаг), то основную массу. Общими оставались, вероятно, пастбища, леса, сенокосные угодья и пр., раздел которых наблюдается на более поздних этапах, зафиксированных, например, документом 1715 г., о котором мы упоминали.

Верхне-Чегемское городище уже представляет собой поселение со строго продуманной оборонительной системой, водоснабжением, широкими связями с ближней и дальней округой. Возможно, это свидетельствует о выделении сильных и крупных патронимий, обособлявших себя от других. Подобные патронимические поселения М. О. Косвен усматривал и в средневековых восточно-славянских поселениях, при этом справедливо упрекая археологов в том, что они не рассматривают подобные памятники в связи с развитием семьи и семейных отношений.

Очень близким к Верхне-Чегемскому поселению является Эль-Джурт, основным населением которого были карачаевцы из рода Крымшаухаловых, получивших свое патронимическое название от имени Крымшаухала – легендарного зятя родоначальника карачаевцев – Карчи. В этом поселении фиксируются уже несколько братьев Крымшаухаловых – Каншаубий, Эльбузук, Гиляхстан, а не одно только имя, как в Макка-кая, Малкаркала, Карча-кала и др. В этом нельзя не видеть обоснованное положение М. О. Косвена о том, что «раздел большой семьи мог произойти и, вероятно, архаически происходил именно так: не по отдельным братьям, а по их группам, т. е. по сегментам семьи».

В 1639 г. в Эль-Джурте русские послы застали двух младших братьев Крымшаухаловых – Эльбузука и Гиляхстана. После смерти старшего из братьев – Каншаубия – часть карачаевцев вместе с его женой княгиней

Гошаях переселяется на Кубань, где и сохранилась ее усыпальница у сел. Карт-Джурт [407].

К XVI–XVII вв. можно проследить разрушение родственного принципа расселения. Поселениями, основанными на территориальном принципе, можно считать этнографически хорошо известные Кюнлюм, Шканты, Холам, Коспарты, Мухол, Безенги, Карт-Джурт, Хурзук, Учкулан и мн. др., в которых проживали многие патронимические объединения, занимая уже отдельный, определенный квартал – *тийре*. Эти аулы были уже подвластны отдельным князьям – Абаевым, Шакмановым, Балкаруковым, Урусбиевым и др. В этот же период наблюдаются большие перемещения по всей Балкарии и Карачаю: переселение части Суншевых на Баксан, переселение части карачаевцев на Кубань, переселения из Холама в Чегем и обратно, из Верхней Балкарии в Безенги и т. д.

После отмены крепостного права из вышеназванных больших аулов выселяются освободившиеся тукумы и образуют новые выселки, которые сохраняют свои тукумные названия: Байдаево, Ахматово, Глашево и другие выселки. Эти патронимические выселки – явления вторичного порядка и вызваны к жизни совершенно иными историческими причинами.

Большую социологическую информацию несут и балкаро-карачаевские жилища. Можно констатировать, что в развитии жилищ XIII–XVIII вв. наблюдается переход от однокамерных жилищ без хозяйственных пристроек к многокомнатным домам с хозяйственными сооружениями, а в эволюции поселений прослеживается переход от родственного принципа к территориальному заселению.

В заключение этого этюда надо отметить одно очень важное, на мой взгляд, указание М. О. Косвена, «что патронимия, возникая и складываясь в условиях патриархального строя и сохраняясь в последующих формациях, имеет сама свою историю... Это представление об историчности патронимии составляет важнейшее условие ее общего понимания, как и правильного толкования ее отдельных проявлений». Учитывая такое важное положение, можно говорить о том, что фиксирование этих позднейших проявлений на этнографическом материале XIX–XX вв. и рассмотрение их как ранние формы патронимических организаций приводят иногда к неправильному толкованию исторических корней патронимических семейных организаций карачаевцев и балкарцев. Можно уверенно говорить о том, что балкарские и карачаевские поселения рассматриваемого времени дают богатый материал для правильного понимания этой важной проблемы, полный исторический анализ которого остается насущной проблемой этнографии этих народов.

2. Могильники и погребальные сооружения XIII–XVIII веков о социальной структуре Балкарского и Карачаевского общества

Различные могильники и погребальные сооружения, относящиеся к изучаемой эпохе, отражают важные этносоциальные изменения в жизни Балкарского и Карачаевского обществ. Прежде всего, надо отметить

параллельное существование примерно в одно и то же время разнообразных погребальных сооружений:

- грунтовых ям с каменными оградками на поверхности земли;
- грунтовых ям с небольшими курганчиками из камней или каменно-земляной насыпи, высотой 0,5–0,7 м;
- каменных ящиков, ничем не обозначенных на поверхности;
- каменных ящиков, обозначенные на поверхности невысокими каменными оградками;
- подземных и полуподземных склепов (рис. 34–37);
- надземных склепов-усыпальниц или мавзолеев [408] (рис. 30–33).

Исследование этих могильников позволяет сделать вывод о том, что в указанное время происходит постепенное искоренение обряда коллективных захоронений, так характерных для подземных, полуподземных склепов и некоторых других видов могил раннего Средневековья. Можно констатировать, что коллективный обряд захоронений для изучаемого времени характерен в основном только для подземных и полуподземных склепов Верхней Балкарии в так называемом *Городке мертвых* в верховьях Черека. И лишь как отдельные рецидивы коллективные захоронения встречаются изредка в грунтовых ямах и каменных ящиках XIII–XVIII вв. Таким образом, можно говорить, что в указанное время в основном господствует одиночный тип захоронений на большинстве могильников Карачая и Балкарии. Исключение составляют два погребения на могильнике Байрым и три погребения на Курнаяте. Для иллюстрации приведем их краткое описание.

Погребение № 1 на могильнике Байрым. Находилось в обычной грунтовой яме на небольшой глубине. Здесь была захоронена женщина. На ее грудных костях лежал скелет ребенка двух-трехлетнего возраста. Вероятно, они умерли в одно и то же время. Около черепа женщины, с двух сторон, были найдены серьги-подвески «лунницы» из бронзовой пластинки. На ее левой руке обнаружено небольшое железное колечко.

Погребения № 27–28 на том же могильнике. Захоронение было парным. Оба костяка лежали в одном составном гробовище из тесаных деревянных плах, скрепленных посредством шипов и пазов. Мужской скелет лежал в южном отсеке, а женский – в северном. Между ними была тоненькая деревянная перегородка. Под погребенными прослеживались остатки войлока с нашитой на него полоской из бронзовой канители.

Погребение № 1 на могильнике Курнаят. Представляет собой каменный ящик без определенных наземных признаков. Ящик состоял из четырех цельных каменных плит. В могиле было обнаружено четыре черепа и останки пятого. Кости первых четырех погребенных были сдвинуты в кучу в верхнюю часть могилы при захоронении пятого, который лежал в вытянутом положении.

Погребение № 2 того же могильника. В этом каменном ящике было обнаружено парное захоронение, причем кости первого, опять же, были сдвинуты к изголовью второго, который так же, как и в первой могиле, лежал

на спине в вытянутом положении, головой на запад. На груди этого костяка лежал тщательно отшлифованный кабаний клык длиной в 15 см [409] (*ил. 54*).

Погребение № 8 того же могильника. Здесь в каменном ящике без перекрытия обнаружено парное захоронение, но с сохранением анатомического порядка скелетов. Костяки лежали рядом, в вытянутом состоянии, головами обращены на запад.

Коллективные захоронения **в каменных ящиках у Нижне-Архызского городища** отмечал и В. А. Кузнецов, как явление довольно редкое для XIII–XIV вв. По его отчету и публикации, в **погребении № 6** обнаружено 3 черепа, а в **погребениях № 15, 25, 47** – по четыре черепа [410].

В некоторых надземных усыпальницах-мавзолеях Балкарии и Карачая обнаруживаются изредка до трех погребений [411].

По сравнению с массой одиночных погребений, указанные исключения представляют собой лишь незначительный рецидив пережитков раннего Средневековья. Общая картина захоронений XIII–XVIII вв. дает яркое представление о переходе от коллективного обряда к одиночным захоронениям, что перекликается с выделением малых семей с отдельным жильем, отдельным очагом и отдельной кухней.

Археологические материалы из могильников Балкарии и Карачая исследуемого времени позволяют наглядно продемонстрировать ощутимое материальное неравенство погребенных и отражают имущественное превосходство одних над другими соплеменниками. В качестве примера можно привести погребение № 15 Байрымского могильника, в котором обнаружены останки молодой женщины в хорошо сохранившейся одежде [412]. Как уже отмечалось, на ней сохранилась великолепная войлочная шапочка, украшенная шелковыми и газовыми бантами, две пары остроносых сафьяновых сапожек, расшитых узорчатым орнаментом, шелковое платье, кафтан из плотной шерстяной ткани с меховой оторочкой, поверх всей одежды она была покрыта светло-желтой шелковой вуалью, тонкие шелковые ленточки закрепляли ее прическу. Под головным убором был надет тонкий чепец, на ушах были великолепной филигранной работы серьги из серебра, на поясе висела кожаная украшенная сумочка, в которой хранились самшитовый гребешок, бронзовый наперсток. Сумочка имела шелковую подкладку и стягивалась шелковой тесьмой.

Такими же резко отличающимися по богатству от прочих довольно бедных погребений являются некоторые захоронения могильника у сел. Карт-Джурт. Так, например, в погребении № 31, представлявшем собой небольшой курганчик высотой 0,5 м и диаметром 5,15 м, была обнаружена деревянная колода. Покоившаяся на глубине 0,8 м колода была изготовлена из ствола огромной сосны, диаметр которого, вероятно, превышал 60 см. Кусок ствола в 2,45 м длиной был распилен вдоль на две части. Эти половины изнутри были тщательно выдолблены железными инструментами. По торцовым концам колод были оставлены шипы и пазы, тщательно пригнанные друг к другу и скреплявшие две половины. Погребенный покоился в нижней части, поверх него клали тонкую доску и затем закрывали

верхней половиной колоды. Доска, разделявшая обе половины, была накрыта еще парчовой тканью темно-зеленого цвета с крупными вышитыми блестящими нитками тюльпанообразными цветками бирюзового цвета. Тюльпанообразные цветки располагались в строгой симметрии – по четыре цветка в ширину и семь цветков в длину. Высота цветков – по 15 см. В промежутках между крупными цветами на определенном расстоянии были вышиты шестилепестковые розетки, также бирюзового цвета.

К таким же богатым погребениям относятся несколько могил Карт-Джуртского могильника, в которых были обнаружены изящно изготовленные металлические навершия головных уборов и орнаментированных диадем [413]. Как уже отмечалось, они нередко были инкрустированы разноцветными камнями или мелким бисером. Об имущественном неравенстве среди населения, оставившего этот могильник, свидетельствуют и разнообразные кольца и перстни из серебра и его сплавов со вставными камнями и пр.

Выделяется из общей среды и погребение № 15 Ташлы-Талинского могильника [414]. В этом погребении был найден стеклянный кубок высотой 8,6 см. Обращают на себя внимание две серьги из белого сплава с легкой позолотой, небольшая сумочка из парчовой ткани с позолоченными нитями. В этой сумочке хранились 14 турецких монет. Из них три монеты Ахмеда III (1703–1730), битые в Константинополе и Мисре в 1703–1704 гг. Девять монет были чеканены в Константинополе в 1730–31 гг. при Махмуде I (1730–1734). Особо важно отметить, что в области груди были найдены металлические застежки от традиционного женского нагрудника, характерного для многих кавказских народов. Застежки изготовлены из сплава белого цвета и ныне хранятся в экспозиции Национального краеведческого музея города Нальчика. Отличительной особенностью Ташлы-Талы и Карт-Джурта являются и изящно орнаментированные украшения женских головных уборов – диадемы, о которых мы уже говорили.

В тесной связи с рассматриваемым этюдом об имущественном неравенстве следует напомнить, что в некоторых погребениях указанного времени очень часто обнаруживаются всевозможные обрывки и фрагменты одежды из парчовых, шелковых и других тканей, которые по сравнению с очень скудным инвентарем прочих могил, в которых чаще всего обнаруживаются либо небольшое железное колечко, пряжка, кресало, либо железный ножичек, ножницы и пр., выступают как яркий образчик социально-экономического неравенства населения, оставившего эти могильники. По заключению специалистов реставрационной мастерской ГИМа, на могильнике Карт-Джурт, например, были представлены несколько разновидностей заморских тканей, которые подтверждают нашу мысль:

- фрагмент тонкого шелкового репса, скорее всего китайского производства;
- фрагменты двойной, сложной ткани высокой плотности (до 50 нитей на 1 см^2) с узорами за счет смены переплетений. Такие ткани были широко распространены на Ближнем Востоке и в Малой Азии;

■ фрагменты тонкой плотной тафты с серебряными нитями, с золотистым отблеском и цветком лотоса, так характерного для тканей эпохи после XIV в. Местом производства может быть Венеция;

■ фрагмент тонкой камчатой ткани с мелким ромбическим узором из серебряных нитей, также, возможно, происходящей с Ближнего Востока или из Малой Азии [415].

С точки зрения социально-экономической истории Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. очень ценные сведения содержатся в вопросе о причинах появления отдельных погребальных сооружений, особенно надземных склепов-усыпальниц. В этом вопросе особых разногласий среди ученых нет. Л. П. Семенов считал, что происхождение подобных склепов связано с религиозными представлениями горцев – бытование культа мертвых порождало желание сохранить покойников. Он приводит в пользу этого утверждения народную ингушскую пословицу: «Человеку при жизни нужна башня, после смерти – нужен склеп» [416]. Г. А. Кокиев, вслед за В. Ф. Миллером, объяснял появление склепов двумя причинами: малоземельем в Нагорной полосе и культом мертвых и вытекающими отсюда представлениями народа о загробном мире [417]. К мнению Л. П. Семенова присоединяется и В. И. Марковин [418]. По мнению последнего, малоземелье не могло быть причиной появления этих сооружений. Свое мнение он подкрепляет тем, что в Нагорном Дагестане не в меньшей мере испытывался недостаток земель, но подобных склепов там почти нет.

Как видно, одни объясняют появление склепов религиозными воззрениями (Л. П. Семенов, В. И. Марковин), другие добавляют к этой причине еще и малоземелье (В. Ф. Миллер, Г. А. Кокиев). К сожалению, ни один из них не отводит должного места внутриобщественным причинам, связанным с социально-экономическим прогрессом общества, не раскрывает глубинных причин появления именно подобных сооружений, а ограничиваются, на мой взгляд, выявлением причин второстепенного порядка. Культ мертвых и малоземелье, безусловно, имели определенное значение, но не главное.

Прежде всего, надо иметь в виду, что эти исследователи говорят о всякого рода склепах – подземных, полуподземных, надземных, – что не позволяет конкретизировать их доводы. Такое разграничение крайне важно в историческом и научном отношениях, так как появление различных склепов может быть объяснено различными историческими причинами. Дело в том, что с культом мертвых связан не только склеповый обряд погребения. Культ мертвых является одним из древнейших культов первобытного общества. В той или иной форме он проявляется в любом виде погребения – будь оно совершено в обычной грунтовой яме, каменном ящике, катакомбе, в кургане и т. п. Во всех этих могилах проявляется культ мертвых – все они одинаково почитаются, оберегаются, вместе с умершим кладут его вещи, одежду, оружие, пищу и пр.

Сам факт погребения покойного, даже изначально, был проявлением особого почитания мертвого. Культ мертвых, в какой бы форме он ни

проявлялся, обусловлен различными социально-экономическими условиями того или иного общества. Известно, что различные социально-экономические условия, различные стадии развития общественных формаций обусловливали определенное проявление мировоззрения людей. Поэтому вполне резонно говорить, что всякий культ мертвых представляется как продукт определенных социально-экономических условий. Другое дело, что этот культ в связи с развитием общества соответственно развивался и изменялся. Поэтому его надо рассматривать в историческом аспекте, в плане его возникновения и развития.

Кроме того, в Балкарии и Карачае не вызывает сомнения тот факт, что надземные склепы и окружающие их плотным кольцом одновременные могильники оставлены одной этнической группой. Следовательно, не может быть проявления различных культов в одно и то же время, у одной и той же этнической группы населения.

Что же касается малоземелья, то надо сказать, что эта причина также не является всеобъемлющей и не всегда подтверждается действительным расположением надземных склепов, во всяком случае в Балкарии и Карачае.

В Балкарии и Карачае надземные склепы нередко расположены на весьма удобных для обработки участках, которые и ныне используются для посевов и покоса («Город мертвых» в Черекском ущелье, Карт-Джурт в Карачае, склеп Камгута на Баксане и т. д.). На таких же землях, удобных для хозяйственных нужд, располагались надземные склепы-мавзолеи Абаевых у сел. Шканты; склеп-мавзолей Айдеболовых у этого же аула, например, расположен в фруктовом саду, в окружении густой растительности и на весьма плодородных участках земли размещены, например, склепы-мавзолеи князя Камгута, княгини Гошаях и др.[419] Следовательно, нельзя объяснять малоземельем появление надземных усыпальниц Балкарии и Карачая (*ил. 49, 50, 53, 60, 61, 82, 94, 99, 101, 102*).

По нашему мнению, малоземелье в интересующих нас областях сыграло роль в появлении подземных, полуподземных склепов. Судя по их многочисленности и утилизации на протяжении многих веков, по наличию в них десятков погребенных, они могли быть родовыми склепами. Вероятно, они-то и возникли в силу устойчивых родовых отношений и малоземелья. Подобные коллективные склепы имели каждый род, фамилия и семья. Возможно, в появлении подземных и полуподземных склепов выражался и культ мертвых, и желание сохранить целостность рода в «потустороннем мире». С возникновением феодальных отношений и разложением родовых устоев возникали и надземные склепы-усыпальницы князей-таубиев. Тот факт, что на определенном этапе, в XIV–XV вв., они сосуществуют с полуподземными склепами, грунтовыми могилами и каменными ящиками, в десятки и сотни раз уступая им по количеству, является тому хорошим примером. В эпоху развитых феодальных отношений возникают усыпальницы-мавзолеи и в Золотой Орде – Маджары XIV в.[420], мавзолей Борга-Каш XV в. в Чечено-Ингушетии [421], многочисленные мавзолеи Азербайджана XII–XV вв.[422]

О том, что появление в Балкарии и Карачае надземных склепов-мавзолеев является материальным отражением социального расслоения общества, свидетельствует, прежде всего, то, что каждое из этих сооружений принадлежало отдельным княжеским семьям – Абаевым, Балкаруковым, Урусбиевым, Мисаковым, Айдеболовым, Крымшаухаловым и т. д. Во-вторых, они принадлежали отдельным князьям – главе феодальной фамилии или семьи: мавзолей Сосрана и Алимурзы Абаевых, усыпальницы Мисаки, Камгута, Гошаях и др. В-третьих, надземные склепы-мавзолеи располагаются на синхронных кладбищах XIV–XVIII вв., где основная масса могил – это либо каменные ящики, либо полуподземные склепы, либо грунтовые ямы. Основная масса населения хоронила своих покойных в этих могилах, и лишь особо выделившиеся из их среды – феодализирующаяся часть, а затем и феодальная верхушка (таубии) – хоронили в склепах-мавзолеях. В-четвертых, в Балкарии и Карачае надземные склепы содержали одно или не более трех погребений, а это дает полное право считать их мавзолеями, а не коллективными погребальными сооружениями, содержащими до 50–60 костяков, как в некоторых районах Северного Кавказа. Ко всему сказанному стоит добавить, что вокруг некоторых надземных склепов Балкарии (Верхний Чегем) устраивались могилы в обычных грунтовых ямах, но они вместе со склепом отгораживались от прочей массы могил кладбища каменной оградой [423].

Все эти факты дают право полагать, что склепы-мавзолеи возникли в Балкарии и Карачае вследствие социальных причин, расслоения общества и выделения из общей массы крупных феодальных фамилий.

Если же объяснять появление этих склепов в Балкарии и Карачае малоземельем, то отсюда вытекает весьма странный вывод, будто бы малоземельем страдали только княжеские фамилии, так как именно только они и имели надземные склепы-мавзолеи.

Таким образом, надо полагать, что появление надземных склепов-мавзолеев в Балкарии и Карачае, по крайней мере, начиная с XIV–XV вв., объясняется прежде всего социально-экономическими изменениями, и они отражают процесс выделения класса крупных князей-таубиев.

Завершая этюд о надземных склепах, следует отметить, что недавно В. И. Марковин предпринял попытку проанализировать все отмеченные причины появления склеповых сооружений края. Статья его начата с утверждения, что «обряд погребения в склепах довольно однообразен – умерших укладывали на специальные полки, рядом клали различные бытовые предметы»[424]. Если речь идет о надземных склепах вайнахов и осетин-иронцев, то это, может быть, и верно, но если включить сюда надземные склепы Балкарии, Дигории и Карачая, то это его утверждение неверно. В последних районах могилы устраивались в полу надземного склепа, и хоронили в них только одного или не более трех человек, тогда как в склепах смежных областей обнаружены десятки скелетов. Никаких полок, никаких бытовых предметов в надземных склепах Балкарии и Карачая не обнаружено. Напомним также, что замечание Марковина о том,

что многогранные склепы с пирамидальными крышами связаны с проникновением ислама и архитектурных форм мусульманского Востока, отмечалось исследователями уже давно [425].

3. Архитектурно-археологические памятники о социальной истории Балкарии и Карачая XIII–XVIII веков

Многочисленные архитектурные памятники – башни, крепости, замки, христианские храмы и церкви – на территории Балкарии и Карачая также являются материальным отражением происходивших социально-экономических изменений в истории балкарского и карачаевского народов.

Хорошо известно, что уже к X–XIII вв. у аланов, являвшихся одними из основных предков балкарцев и карачаевцев, наблюдаются черты сформировавшегося раннефеодального общества [426].

Последующая эпоха XIV–XV вв. признается если не эпохой развитого феодализма [427], то, во всяком случае, временем дальнейшего развития феодальных отношений в Балкарии и Карачае по сравнению с предшествующим периодом [428].

В XIII–XIV вв. и позднее в силу ряда исторических причин и с наступлением после тимуровских погромов периода относительной стабилизации во внешнеполитических отношениях горцев Центрального Кавказа, вероятно, начинают складываться основы отдельных горских обществ Балкарии и Карачая. В XV–XVI вв. в этих обществах начинают выделяться горские князья-таубии, стремившиеся обособить себя и стать независимыми как от одноплеменников, так и от соседних обществ. Процесс возникновения отмеченных сооружений ускоряется как антагонистическими противоречиями внутри общества, так и междоусобными войнами, характерными для эпохи возникновения раннефеодальных отношений [429]. В этот бурный период развитие раннефеодальных отношений и междоусобных войн с целью наживы и захвата пленников, в конечном счете, вело к образованию зависимого населения. В этот период и начинается бурное строительство башенных сооружений. Серьезной причиной усиления строительства оборонительных сооружений были и внешние политические условия – нашествие монголов, походы Тимура и пр.[430]

Наши исследования позволяют говорить, что именно к периоду XIII–XV вв. можно отнести появление таких комплексов, как Малкар-кала, Карча-кала, укрепления на Эль-Джурте и др. Эти сооружения можно рассматривать как отражение распада родовых устоев и выделения мощных патриархальных семей. Все это сопровождалось углублением социального расслоения и зарождением раннефеодальных отношений

Следовательно, можно вывести заключение, что указанного типа сооружения и примыкавшие к ним жилища принадлежали выделившимся из общей массы крупным патриархально-родовым семьям – предшественникам позднейших феодальных семей и фамилий таубиев. Возник-

нув примерно в этот период, эти укрепления, безусловно, выполняли свои функции и в последующие XV–XVII вв.

После событий XIII–XIV вв., закончившихся закрытием выходов из ущелий и расселением адыгских племен в предгорьях Северного Кавказа [431], в горных долинах Балкарии и Карачая наступает, как отмечалось, относительная стабилизация внешних отношений. Развивающиеся местные общества получают к XV–XVI вв. более благоприятные условия для дальнейшего развития феодальных отношений. К этому времени, вероятно, появляются крупные феодальные резиденции типа Курнаятского замка, замка Джабоевых, замка Зылги и др.[432] А уже к началу XVII в. в письменных документах появляются термины «балкарские владетели», «балкарские мурзы», «карачаевские мурзы» и т. п.[433] Фактическим показателем и материальным отражением развитых феодальных отношений являются башни Абаевых, башня Балкаруковых, башни Гошаях, башня Амирхана и др.[434] О том, что башенные сооружения XVI–XVIII вв. являются материальным свидетельством становления феодальных отношений у народов Центрального Кавказа, в последнее время пишут многие авторы [435]. Эта группа является завершающим звеном в развитии горской архитектуры балкарцев и карачаевцев. То обстоятельство, что все они расположены уже не в горах на недоступных уступах и вершинах, а в самих аулах в окружении рядовых горских жилищ, свидетельствует о том, что феодальные отношения прочно вошли в жизнь народа.

Наши рассуждения о роли архитектурных памятников в социально-экономической истории балкарцев и карачаевцев находят полное подтверждение в выводах других специалистов по истории архитектурных памятников Кавказа.

Вот что пишет, например, П. П. Закарая: «Выбор места для крепостей определяется в первую очередь наилучшей естественной защищенностью: на вершинах высоких гор, на мысах рек, где подступы частично были бы закрыты, у оврагов, над утесами и т. д.»[436]. Далее он курсивом выделяет следующее: *«При рассмотрении замков нужно подчеркнуть одну особенность. Как в раннефеодальный период, так и в эпоху развитого феодализма, замки строились на горах и возвышенностях. Так продолжалось до последних веков позднего феодализма. С начала XVIII в. феодалы переносят резиденции с гор на плоскость»*[437].

Постепенное сползание крепостных сооружений с недоступных горных вершин и утесов на равнину в XVII в. П. П. Закарая иллюстрирует замками ксанских эриставов, наиболее близко связанных с северокавказскими горцами. В данном контексте весьма уместно вспомнить надпись на золотом кресте из Цховатской церкви, повествующую о том, что один из ксанских эриставов Ризия Квенипновели долгое время находился в плену у басиан – балкарцев. Говоря об этих эриставах, Закарая продолжает: «Они находились высоко в горах – в Квенипновели. Но позже эриставы оттуда спустились в Ахалгори; Мухран-Батони из Ксанской крепости тоже спустились в Мухрани; Амилахори из Схвило спустились в Квемо-Чала; Цици-

швили из Самцевриси – в Мдзорети и др.». Такая же картина постепенного сползания ранних форм оборонительных и крепостных сооружений с гор и труднодоступных вершин и утесов на более равнинные участки в последующие века наблюдается и в архитектурно-археологических памятниках Балкарии и Карачая. Это видно на примере сравнения таких крепостных сооружений, как Болат-кала, Малкар-кала, Карча-кала и др., с уже сформировавшимися феодальными башнями Абаевых, Балкаруковых, Амирхана, Гошаях и др.[438] Между этими сооружениями XIV–XVI вв. промежуточное положение как в топографическом расположении, так, возможно, и в хронологическом занимают сооружения замкового типа, как, например, замок Джабоевых, Зылги, Усхур и др.[439] И вновь для сравнения можно сослаться на заключение П. П. Закарая, который констатирует, что «основным условием для возведения крепостей в отличие от возведения замков, было их построение в стратегически важных пунктах»[440]. Подобные стратегически опорные пункты на подступах в высокогорные долины, занятые аулами, и оберегали замковые комплексы Зылги, Усхур, Джабоево в Черекском и Хуламо-Безенгийском ущельях Балкарии [441]. С XVIII в. замки и крепости, пишет Закарая, должны были стоять на легкодоступных местах [442]. С этим положением полностью согласуется месторасположение балкарских княжеских башен и крепостей, например: построенные в самих аулах, на легкодоступных участках, башни Абаевых, Балкаруковых и др.

По заключению многих специалистов, план крепостных сооружений во многом зависел не только от практических требований, но и от рельефа местности. Если рассмотреть крепости Грузии, Балкарии и Карачая XV–XVI вв., то можно увидеть, что они расположены на сложных горных участках, а поэтому вряд ли можно найти крепости с одинаковой планировкой. В XVIII в., по заключению специалистов, в выборе местности для постройки крепости или отдельной башни делается еще один шаг вперед – отныне выбираются исключительно удобные места вблизи или в самом ауле.

Все сказанное об архитектурных памятниках позволяет коснуться того, как освещаются социально-экономические отношения в Балкарии и Карачае XV–XVII вв. Как правильно отметил Л. И. Лавров, в «Очерках истории балкарского народа» этот вопрос не получил еще последовательного объяснения. Так, на с. 29 этих очерков авторы пишут, что в XVI–XVIII вв. «в общественно-экономической жизни балкарцев явно вырисовываются характерные черты феодализма». На следующей странице говорится о том, что в указанный период господствующее место в обществе занимали мурзы и таубии – горские князья. А далее, на с. 33, сказано, что общественный строй XVI–XVII вв. характеризуется как переходный период от патриархально-родовых порядков к феодальным отношениям [443]. Такое непоследовательное разъяснение общественного развития Балкарии слишком расплывчато и не только не соответствует действительности, но и не может удовлетворить исследователей. Анализ башенных сооружений позволяет говорить, что к XVI в. феодальные отношения в Балкарии *не только вырисовываются, а уже запечатлены* в материальных памят-

никах – замках Джабоевых, Зылги, Усхур, Курнаят и др., а к началу XVIII в. балкаро-карачаевские князья и мурзы фиксируются русскими и грузинскими письменными документами [444]. Особенно важно в этом отношении сообщение выдающегося грузинского географа и историка Вахушти о помещиках и крепостных в Басиани, которое мы уже упоминали выше.

При рассмотрении социально-экономической истории Балкарии и Карачая очень важное место, наряду с отмеченными источниками, должны занимать памятники христианской архитектуры. Являясь религией развитого классового общества, христианство не могло в широких масштабах находить себе благоприятную почву в социально «недоросшем» обществе. И наоборот, в социально-экономически развитом регионе она легко воспринималась, уживалась и процветала. Так случилось в верховьях Кубани – Карачае, занимавшем западную в социально-экономическом отношении более развитую часть так называемой средневековой Алании. Именно здесь состоялось первое крещение населения византийскими миссионерами, именно здесь сложилась и архитектурно оформилась «Аланская епархия», именно здесь сосредоточены шесть великолепных христианских храмов X–XI вв., выполненных в византийском архитектурном стиле, в этих районах археологи исследовали более 26 христианских церквей [445]. В соседней области – в Балкарии – располагались до полутора десятков христианских церквей в Чегемском, Безенгийском, Черекском ущельях, хорошо известных по описаниям путешественников XIX в [446]. Такое же скопление церквей отмечают исследователи и на территории Дигории [447]. Если все это сравнить с тем, что на смежной территории расселения вайнахов и осетин-иронцев известны только два христианских памятника – Нузальская часовня и церковь Тхаба-Ерды, – то становятся весьма реальным свидетельством слова Вахушти о том, что население Дигории, Балкарии находилось на более высоком уровне социально-экономического развития по сравнению «с прочими овсами»[448].

Изложенные факты позволяют сделать следующий вывод. На территории Балкарии, Карачая и Дигории надземные склепы-усыпальницы играли роль княжеских мавзолеев, в них хоронили одного или не более трех человек. На этой территории почти каждая башня или крепость носит имя своего владетеля-князя. Точно так же поименно называются: мавзолеи князей и их семьи. В отмеченных областях концентрируется подавляющее большинство христианских памятников Северного Кавказа. В этих же областях отмечаются княжеские фамилии в письменных источниках и устном творчестве самих народов [449]. Можно уверенно говорить, что раннефеодальные отношения прочно вошли в жизнь Балкарии и Карачая в XV–XVI вв.

В связи со сказанным следует отметить как одно из важных свидетельств о земельной собственности в Балкарии известную надпись 1715 г., в которой говорится о границах пастбищных угодий, закрепленных между исторически известными княжескими фамилиями. Когда речь заходит о феодальной собственности на землю, автор солидарен с мнени-

ем многих ученых о том, что источником имущественного неравенства и социальной дифференциации у горцев Кавказа служит собственность на пастбища и скот, а не крохотные пахотные участки, становившиеся частной собственностью того, кто сможет «отобрать» их у суровой горной природы (А. И. Робакидзе, Л. И. Лавров, Б. В. Гамкрелидзе, И. М. Шаманов). Исходя из этого, следует признать верным положение А. И. Робакидзе о том, что взамен «земельной ренты», базирующейся на пахотном земледелии, в горах Кавказа практиковалась «пастбищная рента». Именно пастбища и скот определяли здесь имущественную и социальную мощь господствующего класса. Расширение масштабов отгонно-пастбищного скотоводства нуждалось в горах Кавказа в освоении все больших и больших пастбищных территорий, выходивших за пределы племенной границы, что способствовало развитию военно-демократических институтов, постепенно перераставших в военно-аристократический уклад, в конечном счете определивший облик «горского феодализма», достаточно раскрытого в трудах А. И. Робакидзе, В. Г. Шамиладзе и их учеников.

4. Традиционные общественные институты балкарцев и карачаевцев в свете социальной истории Балкарии и Карачая

Материалы, рассмотренные в предыдущих разделах, приводят нас к убеждению, что в XV–XVII вв. материально фиксируются феодальные отношения в Балкарском и Карачаевском обществах. Почти все княжеские фамилии, семьи и отдельные личности – Абаевы, Балкаруковы, Урусбиевы, Шакмановы, Айдеболовы, Крымшаухаловы и т. д. – к этому времени владели великолепными каменными башнями, феодальными замками, усыпальницами-мавзолеями, на строительство которых, безусловно, была затрачена неимоверно большая наемная рабочая сила на протяжении многих месяцев и лет, поскольку строительство таких грандиозных сооружений на очень труднодоступных горных утесах было делом чрезвычайно трудоемким и непосильным для одной отдельной княжеской семьи.

На вершине социальной иерархии стояли *таубии*, второе сословие представляли *уздени*, третье – *чагары*, затем шли *карабаши* и *казаки*.

По определению основоположника балкарской историографии М. К. Абаева, «*узденями* назывались люди, которые имели свои участки земли, собственное хозяйство, даже рабов, но обязаны были служить при таубиях, исполнять их поручения, сопровождать их при поездках и вообще исполнять, так сказать, дворянские обязанности при дворах таубиев». *Чагары*, по словам Абаева, – это то же, что русские крестьяне, принадлежали таубиям. *Казаки* и *карабаши* – это домашние рабы и рабыни таубиев, они нередко происходили из людей, взятых в плен от неприятеля, украденных и купленных [450].

Старейший и достойнейший из таубиев, пишет Абаев, носил титул *олий*, он правил всем народом. Исторически засвидетельствованным олием в Балкарии был Сосран Абаев, мавзолей которого видел и описал В. Ф. Мил-

лер в своих известных археологических экскурсиях по Терской области (МАК. М., 1888. Вып. 1). В Карачае известным олием, подписавшим в 1828 г. в Карт-Джурте Акт о покорении и вхождении Карачая в состав России, был Ислам Крымшаухалов [451]. Олию принадлежала верховная власть над всеми таубиями. Верховный правитель имел при себе особый отряд стрелков из среды своих подданных. Каждый таубий по зову олия должен был явиться к нему с оружием и конем, в сопровождении своих узденей и отряда стрелков. Судя по тому, что олиями были выходцы из среды фамилии Абаевых, можно полагать, что власть олия передавалась по наследству, от отца к сыну. Это же мы наблюдаем в Карачае, где князей Крымшаухаловых отмечали русские послы 1639 г., а, как было сказано выше, олием Карачая и в 1828 г. был выходец из рода Крымшаухаловых – Ислам Крымшаухалов.

Но единовластие олия в военное время ограничивалось в мирное время народным собранием и народным судом – *Тёре*. Этот суд был органом административного, гражданского и уголовного управления и проходил под председательством олия. Таким образом, Тёре выступает как управленческий орган при верховном правителе – олии. На Тёре заседали представители от таубиев, узденей, а при разборе крестьянских дел – и от чагар. На заседании Тёре разбирались и решались окончательно все гражданские, военные, уголовные дела, и решение Тёре утверждалось олием. Как сообщает М. К. Абаев, после принятия ислама в Тёре присутствовал и духовный судья – «кадий», который, в основном, записывал и вел документы на арабском языке.

Решения Тёре и распоряжения олия в рамках этого решения беспрекословно исполняли все, не исключая таубиев и узденей. О решении Тёре оповещали всех так называемые глашатаи – «бегеуюли», обычно из простых людей.

По словам М. К. Абаева, один из олиев – Сосран Абаев, живший более 200 лет до него, создал из своих чагар особых стрелков, потомки которых тоже являлись отличными охотниками. Кроме того, на заседании Тёре рассматривались все важнейшие вопросы внутренней жизни и внешних отношений, определялись границы обществ и земельных угодий, примером чего является письменный документ 1715 г., о котором мы уже упоминали. Здесь же устанавливались правила общежития и меры наказания за их нарушения и неприглядные поступки. Уличенных в подобных поступках нередко привязывали к так называемым *камням позора – Налат-таш*, которые, как правило, стояли на самом видном месте, на площадях, на «ныгышах» – местах сбора старейших мужчин аула. Подобные камни и сейчас можно увидеть в ауле Шаурдат в Верхней Балкарии, в сел. Верхний Чегем (снимок его хранится в музее города Нальчика), в сел. Верхний Баксан и других местах Балкарии и Карачая. Каждый проходивший мимо привязанного к Налат-ташу выражал ему свое презрение.

На заседаниях Тёре организовывались специальные отряды стражников, охранявших рубежи на горных перевалах и при выходе из горных ущелий. Эти стражники располагались лагерем, который именовал-

ся «Басиат-кош», так как им руководил один из таубиев-басиатов, назначенных на Тёре. В мирное время участники Басиат-коша занимались джигитовкой, совершенствовали боевые навыки, упражнялись в стрельбе и пр. Мисост Абаев писал, что на Басиат-кошах «существовал отряд войск из молодых таубиев и стрелков, который весной и осенью становился лагерем перед входом в ущелья или у горных перевалов в Сванетию, Имеретию, Осетию… В этот лагерь являлись учиться военному делу и молодые таубии и их подвластные из других обществ Балкарии». Таким образом, можно констатировать, что Тёре был и военно-административным органом, следящим за покоем границ Балкарии.

Для обсуждения особо важных вопросов, и в особенности в тех случаях, пишет Абаев, когда кто-нибудь из таубиев начинал выходить из повиновения и нарушать постановления Тёре, верховный правитель-олий созывал на сход все население, и решение народного собрания моментально приводилось в исполнение. Особую значимость Тёре как органа международных отношений и регулирующего права олия, можно подчеркнуть одним историческим эпизодом. Когда один из ведущих кабардинских князей Асланбек Кайтукин послал к олию Балкарии, Сосрану Абаеву, послов с претензиями, тот ответил посланникам: «Отправляйтесь к своему князю и скажите ему, что если он имеет дело в Балкарии, то может явиться на заседание Тёре, если же он имеет в виду лично самого Абаева, то может пожаловать в его кунацкую»[452]. Требования предстать перед Тёре предъявлялись и к нарушителям общественного порядка и обычного права, бытовал даже термин «предстать перед Тёре».

Без решения Тёре даже считалось предосудительным наказывать своего обидчика.

В 1913 г. Евг. Баранов рассказал случай из жизни балкарцев, когда даже за злонамеренное убийство человека в порядке мести жители выступали против самосуда, а требовали, чтобы преступник предстал перед Тёре [453]. В тех случаях, когда совершался поступок, не предусмотренный обычным правом, его тщательно разбирали на Тёре, и если находили нужным, то узаконивали этот обычай. Таким образом, Тёре являлся и верховным юридическим, законодательным органом.

Подобные собрания и суды существовали в каждом балкарском обществе – в Чегемском, Урусбиевском, Хуламо-Безенгийском. Но главный, верховный Тёре собирался в Верхней Балкарии, на котором решались общенародные вопросы войны и мира, границ между обществами и пр.

Твердо установленный общественный орган самоуправления привлекал внимание и соседних народов. Тёре часто стимулировал и межэтнические связи. Бывали случаи, пишет Абаев, когда на заседание балкарского Тёре являлись для разрешения своих важных вопросов и представители соседнего Карачая и Дигории [454].

Рассматривая общественный институт Тёре, считаем возможным отметить, что сам термин «тёре» происходит от тюркского слова «*мёр*» – «почётное место для гостя у домашнего очага»[455]. В Орхоно-Енисейских надписях

VII–VIII вв. «тёре» употребляется в значении «закон», «обычай» или в значении «объединенная законом народная масса»[456]. Если же попытаться проследить историю зарождения «тёре» в балкарской среде, то мы должны обратиться в глубь истории. Дело в том, что у гунно-булгарских племен, являвшихся одним из основных компонентов в сложении балкарцев и карачаевцев, прослеживаются все функции народного собрания старейшин, так характерного для древних племен периода военной демократии. Как пишет Аммиан Марцеллин, гунны решали все наиболее важные вопросы на народном собрании, где выбирались и отдельные «Приматес», т. е. старейшины (перевод Ю. Кулаковского. – *И. М.*). Эти старейшины отвечали за исполнение принятого решения [457], как и олий Балкарского общества. Но при сравнении балкарского «народного собрания» с гуннским надо учитывать, что у гуннов власть старейшины была выборная на период военных походов, и лишь только во времена Атиллы эта власть стала передаваться по наследству.

Завершая характеристику Тёре как этносоциального института, надо подчеркнуть, что народное собрание, как орган периода военной демократии древнетюркских племен, т. е. последней стадии разложения родового строя, известный европейским гуннам, древним тюркам Алтая, получил в Балкарии дальнейшее развитие и стал феодальным административно-военным, гражданским законодательным юридическим институтом, при котором существовал народный суд, проходивший под председательством верховного олия, власть которого хотя и ограничивалась народным собранием, но передавалась по наследству.

Очень важным общественным институтом, свидетельствующим о социальной структуре общества и порождавшим активные межэтнические контакты кавказских горцев, был институт молочного родства и аталычества. Молочное родство у карачаевцев и балкарцев породило целую систему социальных терминов: *сют анна* – «молочная мать», *сют жуукъ* – «молочное родство», *эмчек ана* – «молочная мать», *эмчек улан* – «молочный сын», *сют юлюш* – «молочная доля» и т. п. У балкарцев существовало и социальное сословие – *эмчеки*, название которых происходит от слова *эмчек* – «сосок материнской груди». Эмчеки были свободного происхождения, находились под покровительством таубиев, пользовались их защитой, часто воспитывали детей князей до их возмужания. Институт молочного родства уходит в глубь истории балкарского и карачаевского народов и встречается даже в нартских сказаниях. Так, например, один из нартских героев, по имени Алауган, встречает на своем пути чудовищную женщину – «эмеген», которая, закинув свои перси за спину, сидела и штопала огромной «иглой-бревном» и «нитками-арканом» большую трещину в земле. Алауган испугался ее страшного вида и моментально прильнул за ее спиной к грудям чудовищной женщины. Таким образом он превратился в ее молочного сына и избежал неминуемой гибели [458]. Интересно отметить, что эпизод с подобной женщиной с закинутыми за спину грудями и штопающей огромную расселину в земле, встречается и в фольклоре волжских булгар [459].

Институт молочного родства тесно связан с известным институтом аталычества, название которого происходит от слова «ата» (отец) и означает отцовство, хотя некоторые авторы странным образом пытаются поставить под сомнение тюркский характер этого термина [460].

В этой связи очень уместно вспомнить, что еще в 922 г. Ибн Фодлан писал об обычае древних булгар: «Одно из их правил таково, что если у сына какого-либо человека родится ребенок, то его берет к себе его дед, прежде его отца, и говорит:

– Я имею больше прав, чем его отец, на его воспитание, пока он не сделается взрослым мужем»[461].

Исследования известных этнографов и историков свидетельствуют о том, что этот древний обычай, возможно, зародившийся в родовом обществе [462], со временем превратился в социальный институт и для феодального общества [463], которое умело его использовало в своих интересах, как и множество других общественных элементов патриархально-родового строя, так долго уживавшихся с бытом горцев Кавказа.

Институт аталычества очень широко был распространен среди народов Кавказа и способствовал развитию и укреплению межэтнических связей. Молочные родственники и аталыки считались очень близкими родственниками, наравне с кровными родственными отношениями. Взаимное родство, связанное этим институтом, между карачаевцами и балкарцами, балкарцами и сванами, кабардинцами и т. д., не могло не укреплять их межэтнические контакты. Многочисленные молочные связи между этими народами, особенно между феодальными фамилиями Кайтукиными, Абаевыми, Айдеболовыми, Урусбиевыми, Дадешкелиани и др., отмечают многие авторы (М. М. Ковалевский, М. К. Абаев, И. П. Тульчинский и др.).

Важным стимулятором межэтнических контактов и фактором социальной истории кавказских народов является и институт куначества. «Кунак», т. е. гость, и «конакбай», т. е. хозяин гостя, считались чуть ли не кровными братьями. Гость в кавказской семье считался лицом неприкосновенным и высокопочитаемым. Даже кровный враг, переступивший порог дома, избегал возмездия, пока находился в доме. О том, что гостеприимство было одним из примечательных обычаев горских народов, писали многие путешественники прошлого [464]. Рассказывая об исторических корнях куначества среди балкарцев и карачаевцев, нельзя не отметить такой примечательный факт. В 1395 г. всемирный завоеватель Тимур, узнав о том, что «один из эмиров Джучиева улуса, по имени Утурку, скрывается в крепости правителя народа асов, в горах Эльбурза», написал письмо правителю Пуладу с требованием выдать Утурку.

Правитель асов Пулад не побоялся ответить самому Тимуру: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для защиты приготовлены; Утурку нашел у меня убежище, и, пока у меня душа будет в теле, я его не выдам и, пока смогу, буду защищать и оберегать его»[465].

Остается лишь удивляться тому, до какой степени доходили почет и уважение к гостю в горской среде.

Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что зародившиеся в глубокой древности общественные организации и институты горских народов Кавказа, в т. ч. балкарцев и карачаевцев, – институты народного собрания, народного суда, молочного родства, аталычества и куначества – являются фактами интересных социальных проявлений, способствовавших установлению и развитию прочных дружеских, родственных межэтнических контактов. Все это со временем привело к установлению прочных социально-экономических, политических и культурных связей между горцами Кавказа. Эти связи приводили к многочисленным межэтническим бракам, мирным миграциям и сосуществованию различных этнических групп региона. Для иллюстрации этого положения достаточно отметить взаимопроникновение в различные этнические группы одинаковых патронимических названий и фамилий, содержащих в своей основе этнические наименования: Черкесовы, Балкаровы, Ногайлиевы, Кабардоковы, Чеченовы, Дюгерлиевы, Эбзеевы и т. п.

Проанализированные факты и археолого-этнографические и археологические памятники красноречиво говорят о том, что в балкаро-карачаевском обществе XIII–XVIII вв. наблюдались все признаки:

- перехода от родственного принципа расселения к территориальному, от семейной общины к сельской;
- перехода от моногенных поселений к полигенным;
- социального и имущественного неравенства;
- перехода от сильных патриархально-родовых семей к раннефеодальным и феодальным общественным отношениям;
- выделения больших княжеских, феодальных семей, имевших личные и семейные мавзолеи и башни, замки и крепости.

Глава VII
НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Общие замечания

Поскольку балкарцы и карачаевцы являются одними из самых высокогорных и западных тюркоязычных народов, то, по нашему мнению, их тюркские корни надлежит искать в недрах тех племен, которые находились на гребне первых этнических волн тюркоязычного населения, накатывавшихся в Европейские степи и Предкавказье. Иначе они, на наш взгляд, не могли оказаться на гребне Центрального Кавказа, у подножий

высочайших пятитысячников и высокогорных ледников, и переименовать их на свой лад, минуя племена и народы, раньше их проникавшие и оседавшие в предгорьях Кавказа.

Приступая к выявлению важнейших этногенетических аспектов истории и традиционной культуры балкарцев и карачаевцев, мы постоянно имеем в виду тот факт, что к концу рассматриваемого нами периода эти народы уже превратились в истинных горцев с почти однотипными горскими аулами и саклями, по основным формам и элементам одежды, одинаковой пище, по многим общим чертам идеологических воззрений. На все это наложило определенный отпечаток однотипное горское скотоводческое хозяйство, однообразие физико-географической среды обитания, а также и существенное влияние как соседствующих многие столетия горских народов, так и наследие древних автохтонных племен Кавказа, с которыми столкнулись и в конечном итоге смешались проникавшие сюда степные племена.

Нисколько не умаляя значения перечисленных факторов, но учитывая, что тюркоязычный этнос и тюркская этнокультура изначально все-таки были привнесенными на древний Кавказ и сохранились в этнокультурном облике балкаро-карачаевцев, мы и определили свою главную задачу в рамках выяснения именно тех этногенетических элементов в традиционной культуре названных народов, которые не свойственны ни древним автохтонным племенам, ни соседним горским народам Кавказа. Нам кажется, что подобная работа поможет в дальнейшем ретроспективным методом более конкретно нащупать древние этнокультурные корни балкаро-карачаевского этноса. Выявленные подобным путем этногенетические элементы могут быть в дальнейшем использованы в качестве более или менее надежных ориентиров во всем многообразии этнических перемещений, смешений и контактов между степными и горскими народами.

Исходя из сказанного, мы постараемся дать ответы на следующие вопросы, не претендуя на окончательное разрешение сложной и многогранной темы этногенеза балкарцев и карачаевцев:

■ Каким наиболее ранним периодом, в пределах Европейских степей и Центрального Кавказа, можно датировать тюркские этнотопогидронимы, известные нам на данном этапе разработки этногенетической истории балкаро-карачаевцев?

■ Как далеко в глубь истории древних племен Восточной Европы уходят истоки отдельных элементов традиционной материальной и духовной культуры балкарцев и карачаевцев, которые отличают их от соседних народов?

■ Что сохранил народ в своих идеологических воззрениях, фольклоре и этнотопонимии о своей этнической истории и есть ли в этом наследии рациональное, историческое зерно?

В поисках ответов на эти вопросы мы исходим из того, что в вопросах этнической истории все более широкое признание получает тот факт, что исключить переселение как важный фактор истории народов нельзя.

«Все дело в том, – пишет В. В. Мавродин в книге «Происхождение русского народа», – что одни переселения нашли отражение в письменных источниках и именно потому, что они произошли сравнительно недавно. О других же, происшедших в древности, свидетельствуют лишь косвенные данные: язык, материальная культура, фольклор, обычаи, антропологический тип, топонимика и пр., но от этого они не перестают носить характер реальных исторических событий»[466].

1. Современное состояние изученности этногенеза балкарцев и карачаевцев

Кавказ «издревле называют «горой языков»: по Страбону, здесь насчитывалось 70 народностей, стекавшихся в Диоскуриаду для торговых сделок, Масуди говорил о 72 племенах в горах Кавказа, его последователь Ибн Хаукаль насчитывал здесь даже 360 народностей и языков [467]. Трудно воспринимать эти сведения как отображение действительного положения дел, но сомневаться в чрезвычайно густом, полиэтническом наполнении региона не приходится. Поэтому, вероятно, нужно считать верным мысль В. Ф. Миллера о том, что «если когда-либо удастся решить небольшое число запутанных вопросов о национальности разных народов, некогда сменявших друг друга в древние времена и Средние века в необозримых степях Южной России, то только под условием изучения этнографии Кавказа»[468]. К сожалению, эта мысль пока еще остается такой же желаемой, несмотря на значительное накопление разнородных научных материалов за истекшие с тех пор годы.

Отражением сложившейся ситуации является в определенной степени и интересующий нас вопрос. Расселение тюркоязычных предков балкарцев и карачаевцев на гребне Кавказских гор давно привлекает внимание ученого мира, и в первую очередь с точки зрения этногенеза.

Проблема происхождения балкарцев и карачаевцев была обсуждена на специальной Всесоюзной научной сессии в 1959 г. По справедливому замечанию проф. Т. Х. Кумыкова, который выступил с основным докладом по теме, каждый, кто писал о народах Северного Кавказа, считал своим долгом высказаться и по этому вопросу [469].

Анализ имевшихся к тому времени материалов позволил участникам сессии сделать вывод о том, что «карачаевский и балкарский народы образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо, «черные булгары» и, в особенности, одно из западно-кипчакских племен»[470].

Чтобы полнее раскрыть суть этого вывода, необходимо напомнить его основные аргументы.

О кавказском субстрате. 1. Антропологические данные чрезвычайно скудны и в целом малопредставительны по краниологии балкарцев и карачаевцев. Еще в 80-х гг. прошлого века Р. Ф. фон Эркерт измерил кранио-

логические параметры пяти карачаевцев, а к концу XIX в. эти работы были продолжены И. И. Пантюховым, И. С. Щукиным, Н. А. Вырубовым и др., но «малое количество наблюдений, иная по сравнению с современной методика измерения и отсутствие достаточно хорошо сравнимых, т. е. собранных с соблюдением тех же методических приемов, данных по другим народам Северного Кавказа делают этот материал малопригодным для углубленного антропологического анализа», – говорил на упомянутой сессии В. П. Алексеев [471]. Однако, исходя из собранного в 1926–1928 гг. В. И. Левиным материала, антропологи приходят к выводу, что балкаро-карачаевцы относятся к так называемому кавкассионскому брахикранному типу европеоидной расы и в их антропологическом типе нет специфических уклонений в направлении к большой монголоидной расе, и они четко сближаются с остальными горными группами. По словам В. П. Алексеева, балкарцы и карачаевцы имеют очень широкое лицо, не уступая в этом отношении кавкассионским и горно-осетинским группам [472]. Таким образом, заключает антрополог, при решении вопроса этногенеза балкаро-карачаевцев следует иметь в виду, что исходя из данных антропологии предположение об общих предках балкарцев и карачаевцев, с одной стороны, и горных осетин – с другой, представляется более вероятным [473]. По его убеждению, балкарцы и карачаевцы «являются классическими представителями кавкассионского типа», не имея никаких монголоидных черт [474].

Небольшая серия черепов, собранная К. Х. Беслюкоевой из склепов Балкарии XVI–XVII вв., хранящаяся на кафедре нормальной анатомии Мединститута в городе Владикавказе, а также серия черепов из раскопанных нами балкаро-карачаевских могильников XIII–XVIII вв. несколько обогатили антропологический материал. Краниологические измерения В. П. Алексеева подтвердили наше мнение о принадлежности этих могильников балкарцам и карачаевцам. Очень важно мнение известного антрополога о том, что эта серия черепов «отличается очень большой шириной лица и сильной выраженностью европеоидных особенностей, то есть теми же антропологическими чертами, что и современная балкарская серия» [475].

2. Этнокультурный аспект рассматриваемого вывода был освещен на сессии в докладе А. И. Робакидзе и Р. Л. Харадзе [476]. Главным аргументом в данном случае служили балкарские и сванские предания о взаимном проникновении отдельных лиц или семей в Сванетию и в Балкарию, подобным образом создавшиеся родственные контакты патронимических семей.

Вторым фактором исследователи считали две башни, построенные сванскими мастерами, а потому, естественно, имевшие сванские архитектурные черты, в частности парапет, нависавший над верхними венцами строения. В качестве аргумента использовалась описанная А. Фирковичем христианская церковь с грузинскими фресками в сел. Холам [477].

Эти сведения подкреплялись общими сванско-балкарскими терминами, означающими зерно, просо, фасоль, овес [478]. Но как и в каком направлении проходило это взаимопроникновение терминов, исследователи объяснить пока не могут. То же самое относится и к отдельным терминам

материальной культуры: *г у м у* (*балк.*) и *г у э м* (*сванск.*) – хозяйственная кладовая пристройка; *б а у* (*балк.*) и *л а б а у* (*сванск.*) – хозяйственная пристройка для скота; или же сходно звучащие балкарские топонимы: *Лашкута, Мухол, Хумара* и сванские: *Лашхети, Мыхылдаш, Цхумар* и др. Перечисленные совпадения в пользу кавказского субстрата в этногенезе балкаро-карачаевцев приводит и В. П. Алексеев [479].

Рассмотренные антропологические и этнокультурные элементы, связывающие балкарцев и карачаевцев с кавкассионами, были подкреплены рядом таксономических данных, собранных в 1958 г. экспедицией Института экспериментальной морфологии АН ГрузССР им. А. Н. Натишвили. Экспедиция изучала группы по 100 человек в сел. Усть-Джегута, Джегута, Сары-тюз, Эль-таркач, Кёнделен. Исследователи пришли к выводу, что по основным признакам, таксономически важным для разграничения монголоидной и европеоидной рас, по монгольской складке верхнего века (эпикантус), горизонтальной профилировке лица, пигментации у балкарцев и карачаевцев «нужно исключить монголоидную примесь и определить их место среди прочих кавказских трупп, представителей южной ветви европеоидной расы»[480].

Для нашей темы очень важно постоянно иметь в виду обоснованное В. П. Алексеевым положение, что «среди элементов материальной культуры много таких, которые возникают в сходных условиях хозяйственной жизни и отражают не генетическое родство, а общность географической среды и хозяйства»[481]. Именно в таком аспекте мы склонны воспринимать свано-балкаро-карачаевские этнокультурные и фольклорные совпадения, а не как результат генетического родства столь разных народов.

3. В последние годы археологи внесли существенные дополнения в древнекавказские истоки традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Прежде всего следует отметить плодотворные раскопки В. Б. Ковалевской на реке Эшкакон в Карачаево-Черкесии в зоне Кисловодского водохранилища. Открытые ею горские дома кобанской эпохи I тыс. до н. э. на поселении Уллу-баганала II «увели вглубь на два с половиной тысячелетия те культурные традиции, которые прослеживались в жилом строительстве горских народов северных предгорий Большого Кавказа»[482]. По словам исследовательницы, «сравнение жилых усадеб раннекобанского времени из Эшкаконского ущелья с обобщенным материалом по жилым и хозяйственным постройкам Карачая и Балкарии самого недавнего прошлого заставили по-иному взглянуть на удельный вес в культуре тюркоязычных горцев наследия кобанской культуры»[483]. Эту преемственность В. Б. Ковалевская прослеживает по целому ряду специфических строительных приемов, деталям оформления интерьеров, способу возведения и укрепления стен и перекрытий, по внутренней планировке помещений и хозяйственных построек Здесь очень интересны наблюдения сходства между кобанскими и балкаро-карачаевскими жилищами по таким специфическим элементам, как «*Уллу-юй*» («Большой дом» для общего очага, огня и кухни семьи); *гуму* – кладовая, *отоу* – отдельное помещение для малой семьи или молодоженов, «*къонакъ-юй*» – дом для гостей и пр. Опорные

столбы, поддерживавшие перекрытие в кобанских домах, как и жилищах балкаро-карачаевцев XV–XVIII вв. на поселении Эль-Джурт, упирались на дне столбовых ям в специально установленные плоские каменные плиты.

Достаточно большие дома (до 80–90 м^2) из Уллу-баганала II имеют много общего с балкаро-карачаевскими домами XIX–XX вв. не только по габаритам, но и по ряду строительных приемов, прослеженных известным архитектором Э. Б. Бернштейном [484]. Его исследования прекрасно дополняют выводы археологов о том, что строительные традиции балкаро-карачаевцев уходят вглубь на два с половиной тысячелетия.

Балкарцы и карачаевцы очень умело и верно использовали свойства строительного материала над проемами стен, особенно камня. Так, например, по словам Э. Б. Бернштейна, «чтобы перекрыть каменной плитой более значительный, чем обычно, пролет входа в конюшню дома Буллы Забакова в Кюнлюме, взят неотесанный камень неправильной формы, имеющий размеры 2 x 0,70 x 0,40 м. Но, если обычно такие камни укладывались плашмя, здесь он поставлен на ребро, так что плоскости слоев в нем вертикальны, и тем самым увеличено сопротивление на изгиб»[485].

Чтобы получить более полное представление о строительном мастерстве балкарцев и карачаевцев, следует привести весь пассаж из труда видного архитектора: «Этот прием (использованный в доме Буллы Забакова. – *И. М.*), когда-то подмеченный Шуази при исследовании храмов на острове Эгина и в Пестуме, считается им признаком высокого (понимания греческими зодчими свойств материала и вполне заслуживает такой же оценки при изучении построек балкарских жилищ... По основным конструктивным элементам балкарского народного жилища видно, что по их конструкции, форме и постепенному развитию можно судить о том, как зарождались классические архитектурные формы.

Обычно, чтобы проследить, как выглядели те деревянные опоры, от которых произошла ордерная система классики, обращаются к изображению архаической деревянной колонны, высеченному на архитравном камне Львиных ворот в Микенах. Показанный на нем столб, несущий перекрытие в виде балки с лежащим на ней рядом жердей, прижатых камнями, является памятником тех деревянных конструкций, которые не сохранились от времени, отдаленного от нас почти тремя тысячами лет. Но вот мы рассмотрели ряд опор балкарских жилищ, и при этом оказывается, что несущие столбы в доме Буллы Забакова в Кюнлюме, сооруженном не ранее XVI в., почти полностью повторяют указанное изображение. Причем здесь эту опору мы видим не изображенной по исчезнувшему образцу и не открытой археологами под наслоениями эпох, а реально существующей и несущей нагрузку, для поддержания которой она когда-то была установлена. И если сопоставить кюнлюмскую опору с микенской, опору в доме Масарби Малкарова в Тура-хабле со столь сходной с ней пальмовидной колонной Египта или взглянуть на четырехгранный деревянный центральный столб жилища дома Тамука Кулиева в Булунгу, то, кажется, все они созданы специально для того, чтобы проиллюстрировать и подтвердить слова Альберти о том, что «сначала колонны были деревянные и круглые,

какими даровала их природа, а затем применение их привело к тому, что в некоторых местах стали появляться и четырехугольные» (см. *Альберти Леон-Батиста*. Десять книг о зодчестве. Кн. 1. Гл. 10). Наконец, если взять четыре опоры навеса дома Хаджимурата Кулиева в Эль-Тюбю, каждая из которых обтесана на 16 граней, имеет утончение ствола кверху, начинающееся с $^1/_3$ высоты, а вся высота которой составляет 6 диаметров, и сравнить их с двумя колоннами гробницы Хнемхотепа в Бени Хасане, имеющими также 16 каннелюр, то же утончение ствола (энтазис) и то же соотношение диаметра к высоте, – трудно поверить, что последние датируются между 2770 и 2560-ми гг. до н. э., а первые созданы в горах Кавказа не ранее XVIII в. А ведь именно колонны Бени Хасана считаются самым ранним прообразом греко-дорического ордера. Форма этих колонн с их карнизом и высеченными в скале подражаниями торцам балок рассматриваются как древнейшее свидетельство деревянного происхождения этого ордера. Но в истории мировой архитектуры нет такого памятника деревянного зодчества, который по своим формам так непосредственно примыкал бы к этому древнейшему воплощению в камне предшествующих ему форм деревянной конструкции и в котором бы уже имелись выполненными в дереве все элементы архитектурной обработки, повторенные в камне в гробнице Бени Хасана. Правда, колоннада дома Хаджимурата Кулиева появилась не до гробниц Бени Хасана, а через 3 тыс. лет после них, но ведь она была бы точно такой же, если бы этих гробниц вообще не существовало, и поэтому вполне может рассматриваться как памятник архитектуры предшествующей стадии развития»[486].

Завершая свой труд, Э. Б. Бернштейн приходит к следующему заключению: «Знакомство с отдельными элементами балкарской народной архитектуры дает возможность особенно реально представить себе, как происходило зарождение архитектурной и строительной культуры вообще, причем позволяет судить об этом наиболее ясно, поскольку здесь эти зачаточные формы существуют не как археологические остатки, а действующие элементы еще обитаемых построек»[487].

Об ираноязычном субстрате в этногенезе балкарцев и карачаевцев на упоминавшейся сессии говорилось в докладе В. И. Абаева, который, вслед за В. Ф. Миллером строил этот тезис на нескольких топонимических и лексических совпадениях у осетин и балкаро-карачаевцев. В основе этой идеи, как и прежде, остаются такие топонимы, которые содержат в своем составе слова – «*кам*», «*дан*», «*дор*»[488]. Поскольку в самом осетинском языке эти слова звучат как *ком* – «небо», «пасть», «ущелье»; *дон* – «вода», «река», а в балкаро-карачаевском, по словам самого В. И. Абаева, они сохранились в староиранской форме через «а»[489], то необходимо объяснить, как «позднее» заселившие горы тюркские народы сохранили староиранские термины, к их приходу уже измененные в самом осетинском языке?

К этим сведениям В. И. Абаев добавил несколько терминов – *Тотур, Башил, Байрым,* которые Миллер связывал с христианскими: именами: *Федор, Василий, Мария,* что ничем не доказано.

Общих лексических схождений В. И. Абаев насчитывает до 200 и считает, что до прихода в горы Центрального Кавказа тюркоязычных племен здесь обитали ираноязычные аланы [490]. Однако ираноязычность аланских племен трудно доказуема. Поэтому еще на той же сессии утверждение В. И. Абаева было подвергнуто серьезным сомнениям со стороны видного тюрколога У. Б. Алиева [491], а в последние годы мысль о сплошной ираноязычности аланских племен, этимология многих «миллеровских» топонимов не находят поддержки у многих ученых [492].

Препятствием для преувеличения ираноязычного субстрата в этногенезе названных народов является и археология. Дело в том, что» «ираноязычным аланам» приписываются земляные катакомбы, а в горах Балкарии и Карачая таких памятников, можно сказать, почти нет. Прослеживаемые алано-балкаро-карачаевские параллели в орнаментике, формах отдельных предметов быта, украшений и пр.[493] очень важны и приводят к интересным наблюдениям, но весь вопрос упирается в неразрешенную проблему о языковой принадлежности аланов.

О кипчакском компоненте в этногенезе балкаро-карачаевцев на сессии говорилось в докладах Х. О. Лайпанова, Л. И. Лаврова, Н. А. Баскакова. Основным источником для этого являлся «Кодекс куманикус» XIV в. и сведения Ибн аль-Асира. Однако на сессии указывалось, что «йокающий» диалект, «на котором в основном написан «Кодекс...», не свойствен карачаево-балкарскому языку. А в последние годы крупнейший специалист по кипчакскому языку Р. Я. Дашкевич вообще отрицает принадлежность этого словаря кипчакам [494].

Оставив спор о языке на долю специалистов, считаем уместным в связи с популярной половецкой гипотезой остановиться на докладе З. В. Анчабадзе. Автор показал, что кипчаки были хорошо известны грузинским хронографам XI–XIV вв. Уже в XI в. они говорят об активном вступлении кипчаков на северокавказскую историческую арену. Ко времени Давида IV Строителя (1089–1125) в хрониках упоминаются «кипчаки дербентские». А в 1111 г. в борьбе с султаном Ганджи Меликом на стороне Давида воевало 15 тыс. кипчакских воинов, а в 1118 г. Давид Строитель переселил в Грузию еще 40 тыс. кипчакских воинов. Поскольку эти переселения были с семьями [495], то из общепринятого расчета – 5 человек на семью, – «можно полагать, что во времена Давида в Грузию было переселено около трети миллиона кипчаков.

В связи с сообщением о борьбе Давида с Меликом интересно отметить, что грузинские хроники того времени отлично знали и аланов, которые в количестве 500 человек сражались вместе с 15 тыс. кипчаками на стороне Давида [496]. Переселения кипчаков в Грузию имели место и в последующие годы, например, при Георгии III (1156–1184) – сыне Баграта и Борене; при дочери Георгия III – царице Тамар (1184–1213), первым мужем которой был сын Андрея Боголюбского и «ясыни бе-бо болгарки родом» – княжич Юрий.

Тесные связи между асами/овсами и кипчаками Северного Кавказа продолжались и при Давиде Сослане, сыне асского царя, втором муже Тамар. В те же годы в грузинских хрониках встречаются термины «новые

кипчаки», «бывшие кипчаки», подчеркивающие ранних переселенцев при Давиде IV и переселенцев времен Тамар.

Таким образом, становится очевидным, что грузинские источники знали северокавказских кипчаков, аланов, асов, которые в массовом количестве переселялись в Грузию. Авторы этих сведений имели достаточно полное представление о их религии, социальном строе, быте, нравах, но источники не содержат подробной информации о локализации кипчаков в Предкавказье [497]. Такие же сведения о кипчаках имели и северокавказские народы, постоянно с ними сталкивавшиеся на протяжении нескольких веков. Поэтому очень странно, что грузинские источники буквально через какие-то сто лет в надписи на Цховатском кресте XIV–XV вв. именуют балкарцев басианами, а не кипчаками, если последние явились доминирующим компонентом в этногенезе балкаро-карачаевцев. Странно также, что соседние народы сохранили за балкарцами и карачаевцами этнонимы *асы*, *болкар*, *сабир*, *алан*, известные на Северном Кавказе за многие века до кипчаков. В этой связи очень веское звучание приобретают слова Н. Я. Марра, А. И. Робакидзе, Н. Г. Волковой, что сваны термин «овс» и «сабир» относят к «балкарцам и карачаевцам [498]. По авторитетному мнению Н. Я. Марра, «термин *осский* у сванов означает не иронский язык, как мы это понимаем, иранского происхождения, а карачайский, относящийся к турецкой семье... Кстати, по лично сделанному мне сообщению А. Г. Шанидзе, так обстоит дело и в гебском подговоре рачинского говора грузинского языка: здесь *ос-и*, кстати, звучащее в глольском говоре иногда, как и в древнегрузинском, *овс-и* (ср. *мингр*. офс-и), означает обыкновенно карачайца, а *осури* – карачайский язык. Что же касается переноса и распространения этого этнического термина также и на иронов-осетин, т. е. употребление его вместо племенных названий *дигор-ел-и* (дигорец) и *двал-и* (двал), то в этом надо видеть плод влияния грузинского литературного языка или точнее грузинской речи интеллигенции». Вероятно, той самой интеллигенции, которая в XVIII в. во «Вставке» в хронику Леонти Мровели отождествила «овсов» с современной им «Овсетией»[499]. Судя по тому, как рачинцы великолепно знали балкарцев и карачаевцев по еженедельным базарам в Они и Рачи, ошибка в их отождествлении «овс-и» с карачайцами исключена (И. Гюльденштедт).

Все перечисленные факты являются серьезным тормозом в развитии половецкой гипотезы происхождения балкарцев и карачаевцев. По -нашему мнению, исключено, чтобы в памяти всех соседних народов так «молниеносно» могло исчезнуть имя кипчаков, которые, согласно той же гипотезе, должны были в массовом количестве расселиться по территории Балкарии и Карачая, чтобы ассимилировать прежнее население.

Однако в 1969 г. с повторением половецкой гипотезы этногенеза балкарцев и карачаевцев выступил Л. И. Лавров [500]. Поскольку он является основным автором, отстаивающим эту гипотезу, рассмотрим его положения более детально. Исходными позициями своей концепции Л. И. Лавров считает следующее:

1) что в домонгольское время на Центральном Кавказе не было тюркоязычного населения: «Есть известия о том, что в VII–VIII вв. булгары или какая-то их часть обитала где-то в Прикубанье. Более поздних известий о северокавказских булгарах не имеется» (Л. И. Лавров);

2) что ко времени монгольского нашествия на Северном Кавказе известны лишь тюркоязычные половцы, и поэтому именно к ним должно быть обращено внимание исследователей, а не к булгарам;

3) что, описывая события столкновения монголов с аланами и кипчаками, Ибн аль-Асир пишет о том, что часть кипчаков укрылась в горах Северного Кавказа. Поэтому балкарцы и карачаевцы-потомки тех половцев, которые смешались здесь с аланами, проживавшими в этих районах.

Прежде всего следует уточнить, что в указанные Л. И. Лавровым века булгары представляли собой не «какую-то часть» и обитали не «где-то в Прикубанье», а согласно такому общепризнанному источнику, как «Армянская география», все «четыре рода древних булгар жили на Кубани и южнее»[501]. По сведениям авторов IX в. Никифора и Феофана, на Кубани находилась не «какая-то часть» булгар, а «Великогорная», «Великая Булгария» Кубрата [502].

После известного распада этого государственного объединения вряд ли есть надежда на то, чтобы оставшиеся на Кубани булгары могли из века в век упоминаться в письменных источниках под своим, именем, а не покрываться именем победителей – хазар. Теперь авторов письменных источников интересовали преимущественно хазары, грозной силой нависшие над Византийской империей, югом Европейских степей и Предкавказьем. Все прежние тюркские племена теперь естественно растворились в имени грозных победителей. Но зато в письменных документах X в. и в письме самого хазарского царя Иосифа на территории Балкарии и Карачая появляются этнонимы *лугар*, *тулас*, *т-д-лу*, о которых мы говорили выше.

Отрицая участие булгар в этногенезе балкарцев и карачаевцев, Л. И. Лавров пишет, что «нет убедительных доказательств о преемственности населения горной полосы в бассейне Терека в послемонгольское время от булгар». Это требование к письменным источникам не совсем справедливое: если бы в них имелись подобные сведения, тогда вообще в науке не стояла бы рассматриваемая проблема.

Исследователи, использующие сообщение Ибн аль-Асира о событиях 20-х гг. XIII в. на Северном Кавказе, в Крыму и Южно-Русских степях, не совсем учитывают последовательность излагаемых летописцем событий. Поэтому из их суждений трудно понять, куда бежали кипчаки: то ли в горы Центрального Кавказа, то ли к северо-западным отрогам Кавказа, то ли в Крым или горы Дагестана. Половцы не могли бежать ни в Дагестан, навстречу движению монголов, ни в земли Центрального Кавказа, будто бы занятые чуждым для них по языку и культуре этносом, т. е. ираноязычными аланами, которых только что оставили на растерзание монголов. Они могли бежать только в те земли, народы которых были им близки и зна-

комы. Подобное наблюдается в их бегстве в Крым и Южно-Русские степи, т. е. туда, где и ранее они обитали по соседству с хорошо им знакомыми народами. Обо всем этом говорят и письменные источники, и археологические материалы[503]. А лучше всего, обратимся к самому Ибн аль-Асиру, который пишет следующее: «Прошедши Дербенд ширванский, они (монголы. – *И. М.*) шли этими областями, а в них были многочисленные племена, в том числе Аланы, Лезгины и несколько тюркских племен. Они ограбили и умертвили много Лезгин, которые были частью мусульмане, а частью неверные, и напали на других жителей той страны. (Здесь стоит прервать летописца, чтобы обратить внимание на тот факт, что он в числе тех «нескольких тюркских племен» не называет хорошо ему знакомых кипчаков. Это выглядит странно, если кипчаки жили рядом с аланами. – *И. М.*) И дошли до Аланов, а их много племен, и дошла туда весть о Татарах. Они постарались и собрали у себя **толпу** Кипчаков и сражались с ними, и не одолела одна сторона другой. Итак Татары послали к Кипчакам сказать: мы с вами один род, а эти Аланы не из вас, чтобы вы помогали им, и вера их не похожа на вашу веру, и мы обещаем вам, что не коснемся вас и привезем к вам сколько хотите денег и одежд, – оставьте нас с ними. Итак Кипчаки оставили Алан, и напали на Аланов Татары и убили их множество и ограбили и взяли в плен, и **пошли на Кипчаков, а те разошлись, считая себя безопасными по миру, происшедшему между ними** (выделено мной. – *И. М.*). Они не успели услышать о Татарах, как они пришли к ним, вступили в их земли и напали на них постепенно, и взяли от них в несколько крат больше того, что привезли к ним. **И те из Кипчаков, которые были далеко, услышав эту весть, бежали без боя и удалились: одни спрятались в болотах, другие в горах, а некоторые ушли к Русским».** А следующая фраза летописца совершенно отклоняет возможность за этой землей, куда бежали кипчаки, видеть горы: **«И остановились Татары в Кипчаке, а это земля, богатая пастбищами зимою и летом: в ней есть места прохладные летом, богатые пастбищами, и есть места теплые зимою, богатые пастбищами. Это степи на берегу моря.** И пришли они к городу Судаку. Это главный город Кипчаков. Прибыв к Судаку, Татары овладели им, и жители рассеялись: **часть ушла в горы со своими семействами и имением, а часть села в море** и ушла в Малую Азию, находящуюся в руках мусульман из потомства Кылыдж-Арслана»[504].

Рашид ад-Дин (1247–1318) – первый переводчик Асира – рассказывает об этом эпизоде следующее: «Так как проход через Дербенд был невозможен, то они (татары. – *И. М.*) послали Ширван-шаху сказать: «Пришли нам несколько человек, чтобы нам заключить мирный договор». Он прислал 10 человек из старейшин своего народа... Те из страха указали путь монголам. Когда они пришли в область аланов, а жители тамошние были многочисленны, то они (аланы) сообща с кипчаками сразились с войсками монголов. Никто из них не остался победителем. Тогда монголы дали знать кипчакам: «Мы и вы – один народ и из одного племени, а аланы же нам чужие; мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на

друга и дадим вам столько золота и платья, сколько душа ваша пожелает, только предоставьте их (аланов) нам. Они принесли много добра, кипчаки ушли обратно, и монголы одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части грабежа и убийства. **Кипчаки, полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по своим областям.** Монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали. Некоторые из кипчаков, оставшихся в живых, убежали в страну русских, а монголы зазимовали в этой стране, сплошь покрытой лугами. Оттуда они отправились в город Судак на берегу моря, соединяющегося с Константинопольским проливом, и взяли тот город. Затем монголы двинулись в страну русских и на кипчаков, которые туда бежали»[505].

Крупнейшие знатоки истории монголов и Золотой Орды Б. Греков и А. Якубовский поясняют, что «разбитые кипчаки покинули свои кочевья «двинулись на юго-восток Европы к кипчакам, кочующим между Волгой и Днепром, в надежде получить у них помощь. В погоне за ними татары дошли до Крыма, где захватили кипчакский город Судак»[506].

Рассказ Ибн аль-Асира о взятии Судака и крымских областей кипчаков В. Тизенгаузен и А. Якубовский переводят следующим образом: «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана»[507].

Приведенные сведения говорят о том, что после первого столкновения с монголами на Северном Кавказе, кипчаки, «толпу» которых «постарались и собрали у себя аланы», доверившись заключенному договору, «разошлись, считая себя безопасными» (Ибн аль-Асир), или «спокойно разошлись по своим областям» (Рашид ад-Дин). Сейчас довольно точно определены эти области, где проживали восемь самостоятельных половецких объединений: Предкавказские, Крымские, Поволжские, Нижнедонские, Приазовские, Донецкие, Приднепровские, Лукоморские [508]. Нет сомнения, что именно предкавказские кипчаки, восточные границы которых определяются не далее левобережья верховьев Кубани и Подкумка [509], выступили в союзе с аланами, а затем «спокойно разошлись по своим областям». И лишь после второго погрома и взятия Судака кипчаки бежали кто в горы Крыма, кто по Черному морю. Услышав эти вести, «кипчаки, жившие вдали», вероятно, придонские, приазовские, приднепровские и прочие, бежали в земли русских. Ведь именно предводитель одного из этих объединений половцев – Котян, сообщив о вторжении монголов на землю кипчаков, обратился к своему тестю – галицкому князю Мстиславу Удалому за помощью [510].

Таким образом, становится очевидным, что в сообщении Ибн аль-Асира нет сведений о бегстве кипчаков в горы Северного Кавказа, а следовательно, этот источник не может так прямолинейно использоваться для подтверждения половецкой гипотезы происхождения балкарцев и

карачаевцев. Однако сказанное вовсе не отрицает проникновение в разные периоды отдельных групп половцев в горы Балкарии и Карачая и их соответствующее участие в процессе этногенеза народов. Только соответствующие факты нужно искать в других источниках, включая археологические, этнографические, этнотопонимические, фольклорные, языковые и другие, с учетом элементов их культуры, прослеживаемых в могильниках Курнаят, Карт-Джурт, Байрым и др.[511]

Упрекая сторонников булгарской теории происхождения балкаро-карачаевцев, Л. И. Лавров добавляет свой последний аргумент – что сходство булгарских надписей XIII–XIV вв. с карачаево-балкарским языком не может заслонить собой значительные схождения карачаево-балкарского с половецким языком. Стоит заметить, что и те и другие схождения не могут заслонить собой булгаро-хазаро-половецкие схождения. Языки булгар и хазар отождествляли аль Истахри, Ибн Хау-каль, утверждавшие, что «язык булгар подобен языку хазар». Те же авторы определенно указывали на близость и языковое родство тюркских народов: «от киргизов и тугузгузов на востоке до гузов на западе»[512]. А советские тюркологи единодушны в том, что «все языки тюркских народов, живущих ныне в Восточной Европе и на Кавказе, в разной степени содержат элементы гуннского (т. е. хазарского и булгарского), огузского и кипчакского языков», и что кипчакская группа тюркских языков относится к западно-гуннской ветви этой семьи языков[513].

Вследствие подобного утверждения языковедов, наблюдаемые булгаро-карачаево-балкарские языковые схождения, наоборот, приобретают огромное научное значение, так как они прошли через почти 600-летнюю (с VII по XIII вв.) толщу хазарского и половецкого «нивелирующего языкового рубанка». В результате такого влияния значительно нивелировались языки предшествующих племен языком последующих победителей, т. е. половцев.

В ходе своих рассуждений Л. И. Лавров приходит к окончательному выводу, что сторонники булгарской гипотезы подменяют этногенез балкарцев и карачаевцев этногенезом половцев. Однако автор не заметил, что именно здесь кроется одно из самых уязвимых мест его концепции. Во-первых, потому, что, следуя его методу, мы должны исключить из истории происхождения, скажем, осетинского народа, скифов и сарматов, из истории этногенеза адыгов – синдов, меотов, зихов, а из происхождения русского народа исключить древних антов, венедов, склавинов и начинать историю формирования русского этноса с древлян, полян и кривичей[514]. Во-вторых, минуя весь этногенетический многовековой процесс, протекавший на Северном Кавказе в домонгольский период, за исходную точку отсчета происхождения балкарцев и карачаевцев берутся самые последние события, связанные с монголо-татарским нашествием, которые, по сути дела, явились лишь завершающим этапом этого многовекового и многопланового сложного исторического процесса. Говоря о роли кипчаков в этногенезе балкаро-карачаевцев, мы хотим сказать, что они были

завершающим этапом этнокультурного и этногенетического «строительства», т. е. явились крышей дома, а не его фундаментом.

Для того чтобы роль кипчаков в этногенезе балкарцев и карачаевцев приобрела должную силу, необходимо преодолеть и разъяснить ряд существенных препятствий, без чего эту проблему невозможно продвинуть к разрешению.

1. **Письменные источники:**

■ Ибн аль-Асир, хорошо знавший кипчаков и до, и после «дербентского перехода» монголов, не упоминает их в числе тех «нескольких тюркских племен» рядом с лезгинами и аланами;

■ грузинские источники, проанализированные на сессии 1959 г. З. В. Анчабадзе, не локализуют сколь-нибудь определенно «северокавказских кипчаков»;

■ Гильом Рубрук, проходя мимо Аланских гор по Предкавказью к Дербенту, не отмечает здесь кипчаков, хорошо ему известных, а относительно аланов пишет следующее: «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало **караулить горные ущелья, чтобы Аланы не выходили из гор** для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, Аланами и Железными Воротами...»[515]. Таким образом, в XIII в. на равнине Предкавказья не было возможности для «алано-кипчакского» смешения, будто бы послужившего началу тюркизации предков балкаро-карачаевцев, на чем настаивают некоторые авторы [516].

■ в конце XIV в. летописцы Тимура хорошо знают в горах Центрального Кавказа и Западном Предкавказье племена черкесов, асов, иркуун, но не ведают об аланах и кипчаках [517]. Следовательно, повисает в воздухе и другое утверждение, что в конце XIV–начале XV вв. «алано-тюрки», заселив ущелья Центрального Кавказа, положили начало балкаро-карачаевской народности [518].

2. **Язык** кипчаков относится к «йокающему», а карачаево-балкарский – к «джокающему» диалектам тюркских языков. Поскольку второй диалект древнее первого [519], постольку кипчаки не могли навязать предкам балкаро-карачаевцев не свойственный им самим древний *ДЖ*, *ДЗ*, *З*-диалект тюркского языка. По этому поводу на сессии 1959 г. профессор У. Б. Алиев говорил следующее: «По законам фонетики тюркских языков аффриката *ДЖ* может перейти в фрикативный звук *Й*, но *Й* (йот) в аффрикату перейти не может». О древности *ДЖ*, *ДЗ*, *З*-диалекта по сравнению с «йокающим» говорит и тот факт, что Птолемей называл реку Урал его древним названием *Джаик*, вместо позднейшего *Яик*.

Более всего нужно отметить, что основной аргумент 1959 г. в пользу кипчакской теории происхождения балкаро-карачаевцев – так называемый «Кодекс куманикус» – кипчакский словарь, как теперь доказано, не является кипчакоязычным документом [520].

3. **Археология.** Установленная в 1941 г. А. А. Иессеном и подкрепленная в 1964 г. Т. М. Минаевой археологическая граница распространения

кипчакских памятников – «примерно по линии Армавир–Пятигорск – Калмыцкие степи. Ни одной каменной бабы степного типа нет по правую сторону Малки и Терека»[521] – остается пока еще достаточно устойчивой.

Очень важным показателем является то, что в последние годы восточнее этой границы раскопаны тысячи курганов от эпохи ранней бронзы вплоть до позднего Средневековья – XIV–XVII вв., но ни одного кипчакского захоронения не найдено.

В этой ситуации неубедительно звучит мнение, что бескурганные погребения XIV–XVI вв. у сел. Верхний Акбаш, Хамидие, Заюково, Залукокоаже, Кызбурун III и другие принадлежат кипчакам. Его слабость особенно отчетливо видна на фоне большого количества курганных могильников с деревянными колодами, степным оружием – саблями, стрелами и пр., характеризующих культуру позднесредневековых кабардинцев, ведших именно в те же века подвижной образ жизни. Расположение кабардинских курганов в тех же районах, рядом с бескурганными могилами «кипчаков», заставляет серьезно задуматься, т. к. получается парадокс – кипчаки отказались от своего курганного обряда в пользу кабардинского, т. е. произведен некий обмен погребальными обрядами у синхронно обитавших соседних народов. Не совсем удачной кажется попытка отдельных авторов связать с кипчаками курган-кенотаф у сел. Лечинкай, возведенный в честь погибшего на стороне кипчакского воина. Вероятно, для такого случая должны были быть и сами кипчаки в этих районах, но археологически они не представлены [522].

Не обогащает кипчакскую теорию и ссылка на мусульманство, будто бы заставившее кипчаков отказаться от курганного обряда [523]. Дело в том, что к XIV в. «в Дешт-и-Кипчаке в самой гуще кочевников-трудящихся, как самих монголов, так и кипчаков, ислам не имел успеха... Как бы ни были велики успехи ислама при Узбек-хане, они не выходили за пределы городской жизни и феодальной верхушки страны. Трудящиеся массы степи оставались еще ряд столетий во власти старых шаманских воззрений, которые не смог преодолеть и официальный переход к исламу», – пишут Б. Греков и А. Якубовский. А вот мнение Г. А. Федорова-Давыдова: «Несмотря на мусульманизацию Золотой Орды и самые разнообразные перемещения племен кочевников, в Золотой Орде сохраняются основные черты домонгольских погребальных обрядов кочевников, а также основные черты их материальной культуры... XV в. – время исчезновения курганных обрядов... Нельзя объяснять это только распространением мусульманства. Мы знаем, что наибольшего распространения и силы мусульманство в Золотой Орде достигло при расцвете городов в XIV в. Однако и в городах среди половецкого населения сохраняются частично пережитки старого обряда погребения»[524].

4. **Антропология.** На сессии 1959 г. по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев В. П. Алексеев пришел к следующему мнению: «Отсутствие у балкарцев и карачаевцев монголоидной примеси мешает, следовательно, полностью принять кипчакскую гипотезу... Весьма вероятно,

что среди прямых предков карачаевцев и балкарцев кипчаки составляли ничтожное меньшинство»[525]. Это «ничтожное меньшинство», разумеется, не могло полностью ассимилировать язык, традиционную культуру, обычаи и мировоззрение предков балкаро-карачаевцев, как это преподносится в трудах отдельных авторов.

Свои выводы В. П. Алексеев повторил и в капитальном труде «Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование» (М.: Наука, 1974). На с. 19 он пишет: «Антропологические данные находятся в противоречии с точкой зрения о ближайшем родстве средневековых кипчаков и современных балкарцев и карачаевцев». А в связи с упоминавшейся ролью мусульманства в золотоордынских городах, чрезвычайно ценны антропологические исследования черепов XIV–XV вв. из городища Маджар – ведущего мусульманского центра Золотой Орды на Северном Кавказе: «Самый факт присутствия монголоидной примеси в маджарокой серии и отсутствие ее в балкарской, – продолжает антрополог, – заставляет с большим сомнением отнестись к предположению о генетической связи между ними... Основной итог этих исследований сводится к тому, что физический тип обоих народов (балкарцев и карачаевцев. – *И. М.*) отличается исключительным единством. Оба они являются классическими представителями кавкассионского типа... Итак, население города Маджар было родственно населению других золотоордынских городов и имело в своем составе монголоидную примесь. Оно (исламизированное население. – *И. М.*) не сыграло сколь-нибудь заметной роли в сложении балкарцев и карачаевцев»[526].

Наиболее убедительными аргументами обставлена **булгарская гипотеза** этногенеза балкаро-карачаевцев. Она принята или разделяется подавляющим большинством ученых, в числе которых В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский, Н. А. Караулов, М. И. Артамонов, Л. Н. Гумилев, В. П. Алексеев, Е. П. Алексеева, С. А. Плетнева, В. Б. Ковалевская, А. В. Гадло, В. А. Кузнецов, Х. Х. Биджиев, С. Я. Байчоров, А. Х. Соттаев и другие авторы. Эту точку зрения более обоснованной считает и автор этих строк.

Отметим ее основные аргументы.

1. **Письменные источники**:

■ сирийский автор III в. Мар Абас Котина, со слов армянского гностика Бардесана, сообщает, что во времена Аршака I (127–114 гг. до н. э.) «возникли смуты в **цепи великой Кавказской горы в земле Булгаров**, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и на долгое время поселились на юге от Коха, в плодоносных и хлебородных местах...» Земля, которая «была заселена переселенцами Вхндур Булгара Бунда», по имени последнего была названа Ванандом [527]. Хотя некоторые авторы объявляют это сообщение анахронизмом, более обосновано мнение видного арменист К. Патканова, считавшего его реальным историческим фактом;

■ в первой половине VI в. Захарий Ритор на запад от Дербента, рядом с аланами, помещает булгар; а «Армянская география VII в.» – «на Кубани

и южнее» помещает четыре колена булгар [528]. Районы к востоку от Азова, между Доном и Кубанью, считаются ядром территории булгар [529];

■ в X в. хазарский царь Иосиф на юге своей страны называет народ «бл-г-р»[530];

■ в XII в. приводится этногенетическое предание о происхождении хазар и булгар от трех братьев-эпонимов, двое из которых «пришли в страну аланов, называемую Барсилия». Это предание трудно не сопоставить с преданием о происхождении балкарцев, где так же фигурируют три лица – два родных брата и некий Мисака [531];

■ наконец, имя «болхары» (малкар) отражено в русских документах XVII в.

2. **Язык**:

■ доклад А. Х. Соттаева на сессии 1959 г., раскрывший разительные булгаро-балкаро-карачаевские схождения, принят видными специалистами по происхождению народов Кавказа и другими авторами [532];

■ плодотворные работы С. Я. Байчорова по выявлению, дешифровке и историко-лингвистическому анализу древнебулгарских рунических надписей основательно показывают генетическое родство и преемственность карачаево-балкарского языка от древнебулгарского [533].

3. **Антропология**. Видный советский антрополог В. П. Алексеев, хотя и с оговорками, но признает, что «для булгар был характерен европеоидный тип, отличающийся умеренной брахикранией и относительной широколицестью, т. е. теми же особенностями, которые выражены и в типе балкарцев и карачаевцев»[534].

Болгарский антрополог Ц. Кристанов, в 30-х гг. проживавший в Кабардино-Балкарии, а в годы войны занимавшийся антропологией тюркских народов Средней Азии, обследовал более двух тысяч балкарцев и карачаевцев – мужчин, женщин, стариков, детей – и установил их чрезвычайную близость к дунайским болгарам [535].

4. **Археология**. Пожалуй, впервые среди археологов специфические атрибуты древних булгар в виде глиняных котлов с внутренними ушками в комплексах Северного Кавказа выделил В. А. Кузнецов [536]. Его взгляды получили признание и широкое развитие в трудах Е. П. Алексеевой, Х. Х. Биджиева, А. В. Гадло, Я. А. Федорова и др.[537] Особенно плодотворными в этом плане являются работы В. Б. Ковалевской по исследованию скальных захоронений, в которых «погребали своих умерших не только (а может и не столько!) ираноязычные аланы, но и тюркоязычные народы, очевидно, булгары, генетическая связь которых с балкарцами и карачаевцами безусловна»[538].

Массовое расселение тюрков-булгар в верховьях рек Уруп, Кяфар и их окрестностей, где расположены известные Нижне-Архызское, Кяфарское, Урупское, Гилячское, Узун-Кольское, Адиюхское городища и поселения, достаточно хорошо иллюстрируют древнетюркские изваяния, протобулгарские руны и петроглифы, изученные Х. Х. Биджиевым, С. Я. Байчоровым [539].

Таково современное состояние изученности проблемы этногенеза балкаро-карачаевцев. Ни одна из рассмотренных в 1959 г. гипотез не удовлетворяет требования современной историко-этнографической науки,

потому что каждая из них строилась на определенном круге источников в отрыве от «соседствовавших». Несмотря на настоятельные рекомендации сессии, за истекшие 30 лет эта проблема не стала еще предметом специального комплексного исследования. Затрагиваемая проблема по-прежнему остается фундаментальной и приобретает в наши дни большую актуальность и как интересная научная тема, и как богатый источник историко-культурного наследия для использования в массово-патриотическом и интернациональном воспитании трудящихся.

Вполне понятно, что выявленные ниже специфические особенности традиционной культуры балкарцев и карачаевцев не могут в полной мере и в достаточном объеме осветить всю сложную проблему этногенеза, они могут послужить существенным подспорьем и важным слагаемым в решении данного вопроса, который, естественно, требует специальных совокупных усилий многих смежных научных дисциплин: антропологии, языка, археологии, фольклористики, этнотопогидронимики, антропонимии, ономастики и т. п.

Предпринятые отдельными авторами – Л. И. Лавровым, В. П. Алексеевым, Е. П. Алексеевой, В. М. Батчаевым, Х. Х. Биджиевым и другими исследователями – попытки нуждаются во взаимной корректировке источников и интеграции результатов. Наша основная задача состоит в том, чтобы внести в банк накопленных идей и фактов еще несколько слагаемых из остававшихся до сих пор в тени областей: традиционной культуры, этнотопонимики, фольклора и других аспектов историко-культурного наследия балкарского и карачаевского народов. Нам представляется, что эти слагаемые помогут продвинуть затрагиваемую проблему к ее разрешению.

Многовековое обитание в сходных физико-географических условиях гор, тесный взаимоконтакт породили однообразное горное хозяйство и быт, которые, в свою очередь, наложили отпечаток на формирование сравнительно общего фона традиционной культуры кавказских горцев, говорящих на разных языках. С течением веков даже степные племена, проникавшие в горы, превращаются в настоящих горцев.

Но вместе с тем в культуре каждого из горских народов сохраняются свои специфические особенности, которые нередко могут выступать в роли надежных этногенетических ориентиров и определителей.

Поскольку тюркский язык, в принципе, является привнесенным на древний Кавказ, постольку выявление специфически степных элементов в культуре послужит, с одной стороны, индикатором в определении времени проникновения и этногенетической роли степных тюркских племен в процессе формирования балкарцев и карачаевцев, а с другой – позволит сделать в будущем ретроспективный хронологический разрез, который может помочь в определении относительной «точки отсчета» в столкновении степных и кавказских этносов, в результате которого, вероятно, и формировались балкаро-карачаевцы.

2. Некоторые этнотопонимы в свете этногенеза балкарцев и карачаевцев

Общие замечания

Развитие историко-этнографической науки дает основание подходить к этногенезу как к неразрывной совокупности исторических явлений и процессов, имевших место с глубочайшей древности до позднего Средневековья включительно. Поскольку эта совокупность не может быть выявлена и освещена при помощи усилий только одной какой-либо научной дисциплины, мы разделяем общепринятую точку зрения, что вопросы этногенеза – это проблема междисциплинарная, требующая комплексного использования достижений различных смежных отраслей науки.

Данные смежных наук в совокупности помогут в различных историко-хронологических пластах и историко-географических областях вскрывать сумму общих признаков, включающих и общую территорию проживания, уровень хозяйства и общность хозяйственного уклада, общность антропологических черт, общность языка и традиционной этнокультуры. Все это вместе взятое не позволяет рассматривать этногенетический процесс как некое одноактное явление, раз и навсегда совершенное в какой-то определенный исторический момент, как, скажем, связанное с бегством половцев (если даже таковое было в действительности) в горы Северного Кавказа в 20-х или 40-х гг. XIII в., или же после тимуровских погромов конца XIV в.

Любой этногенетический процесс является одним из самых сложных и многоплановых, многогранных и многоэтапных исторических явлений. Процесс формирования этнической общности и определенного народа охватывает целые тысячелетия, развивается на протяжении многих эпох. В своем развитии он тормозится или ускоряется различными историческими событиями.

Для Северного Кавказа такими многоплановыми и крупными событиями, отразившимися на этногенетических процессах региона, были: расселение в конце III тыс. до н. э. в направлении из Прикубанья на восток, вплоть до берегов Сунжи, так называемых *майкопцев*; походы скифов через степи и предгорья Кавказа в Переднюю Азию и обратно; расселение гуннов в Предкавказье и у Дербентских ворот и т. п. Эти массовые события, естественно, вызывали и массовые этнические перетасовки в крае. В определенной степени можно даже говорить о том, что именно здесь, в Предкавказье, формировался эпицентр взрывов, вошедших в историю как «великие переселения народов» IV–V вв., вызванные вторжением гуннов в Восточно-Европейские степи и к границам Римской империи. Эти этнические взрывы просходили с новой, нарастающей силой в период распада Западно-Тюркского и становления Хазарского каганатов, в период формирования аланского и половецкого государственных образований и их падения. В основных своих чертах эти процессы завершились в период монголо-татарских завоеваний и последствий золотоордынского ига.

В связи со сказанным весьма уместно вспомнить выводы одного из ведущих теоретиков этногенеза В. П. Алексеева о том, что «этногенетический процесс, как теперь очевидно, является одной из важнейших составляющих всемирно-исторического процесса и в хронологическом отношении реально сопоставим со всем временем существования человечества... Очевидно, что такое сложное историческое явление, как становление народа, само по себе представляет сложный исторический процесс, и поэтому говорить о «точке отсчета» в достаточной мере бесперспективно – ее нет, и она лишь искусственно вводится нами в материал»[540]. В итоге сложного исторического процесса образования народа на протяжении веков формируется тот комплекс специфических элементов, который характерен только именно для данного народа и ни для какого другого больше. Этот специфический комплекс характеризуется многими, только этому народу свойственными признаками и отличается от других неповторимым набором культурных черт, особенностями языка, определенным набором этнопсихологических стереотипов, специфической особенностью хозяйственно-экономического уклада, устойчивой этноисторической традицией в материальной и духовной культуре и т. п.

Вся специфика хозяйственно-бытового уклада, традиционная этнокультура формируется на определенной территории, в определенных физико-географических условиях – в горах, в степи, приморье и т. д. Но как справедливо отмечают теоретики этногенеза, «предполагать полную и кардинальную перестройку культурных элементов в ходе времени у нас нет оснований, никакие историко-этнологические наблюдения таких перестроек не подтверждают... Переход от одного уклада к другому и от одной традиции к другой невероятен даже в единичном случае, так они различаются»[541]. Известно, что человеческий труд и связанный с ним хозяйственный уклад являются основой любой социально-экономической формации. Неизменной сферой труда для кочевников и источником их существования является степь. Уже давно подмечено, что на протяжении многих веков всевозможные изменения – взлеты и падения экономики, изменения географической среды и пр. – касались различных сторон жизни кочевников, кроме главного – способа кочевого хозяйствования, оттачивавшегося веками и доведшего до совершенства не только различные приемы и способы ведения скотоводства, но также сформировавшего самобытную материальную и духовную культуру [542]. Все это свидетельствует о том, что на протяжении веков складывалась и совершенствовалась культура и хозяйственно-экономический уклад насельников Евразийских степей. В самых концентрированных и извечных проявлениях эту общность хозяйственно-культурного уклада можно показать на примере изготовления войлока, войлочных изделий, кочевнической юрты, заквашенного молока – айрана и кумыса, сухого молока и сыра, высушенного на солнце, притороченного к седлу вяленого мяса и т. п. С набором этих продуктов и предметов обихода, притороченных к седлу, кочевник мог спокойно «скакать» от Орхона до Дуная, утоляя жажду и голод, даже не сходя с коня.

К сожалению, выработанная веками традиция и приспособленная к образу жизни культура в силу своей глубокой традиционности была объявлена в свое время застойностью и отсталостью кочевников Азиатского континента. Совершенно прав Л. Н. Гумилев, когда пишет, что «девятнадцатый век оставил нам в наследство» концепцию, согласно которой только оседлые народы создали прогрессивную цивилизацию, а в Центральной Азии будто бы царили либо застой, либо варварство и дикость. Самое плохое в этой концепции была не то, что она неправильна, а то, что она предлагалась как достижение науки, не подлежащее критике. В этом опасность любого предвзятого мнения»[543]. Именно этой концепции придерживались В. Ф. Миллер и его последователи.

В последние годы в советской этнографической науке все более широкое признание получает этногенетическая теория, согласно которой особое внимание уделяется народной культуре, играющей «исключительную роль в качестве этнического определителя, ничуть не меньшую, чем язык»[544]. Этот принцип классификации народов по особенностям быта и культуры выделяется как собственно этнографический принцип в узком смысле слова. «В основу его, – как пишет В. П. Алексеев, – положена именно совокупность культурных явлений, которая и служит этническим определителем». Другими словами, эта концепция помогает исследователю выявить, очертить круг предметов, характерных только для данного народа и ни для какого другого. Именно с этих позиций и следует подходить к анализу традиционной культуры балкарцев и карачаевцев применительно к проблеме их этногенеза, с тем чтобы проследить, что сохранилось в их быту и культуре от традиционной культуры кочевников Евразийских степей, которые в результате различных исторических событий и в разное время попадали в ущелья Кавказа. И этот выявленный материал, по нашему мнению, будет иметь огромный научный потенциал в разрешении проблемы этногенеза.

Известно, что язык традиционно считается основным этническим определителем. Каждый язык с самого начала своего образования может рассматриваться как этнообразующий фактор. Подсчеты специалистов даже показывают, что родословная связь этноса с генетическим родством совпадает по расовым признакам лишь на 20 %, по традиционному народному искусству – на 30 %, а по языку – на все 90 % [545]. Осознание сходства в пределах языковой общности и осознание языкового различия усиливает противостояние одной этнической общности другой, цементирует этноколлектив изнутри [546]. Однако примеров несовпадения языковой принадлежности с этническими истоками, несовпадения языковой общности с хозяйственно-культурной, физико-географической или этнопсихологической общностью достаточно много, как и примеров двуязычия народа. Поэтому в проблемах этногенеза есть прямая необходимость рассматривать весь комплекс совпадающих этноопределяющих признаков: общность по языку, по хозяйственно-культурному укладу, типу хозяйствования; общность этнопсихологии, этнического самосознания, верхом которого явля-

ется этническое самоназвание как явление, цементирующее все указанные этнические определители, будучи одновременно их коллективным порождением.

Мы разделяем мнение В. П. Алексеева, который пишет: «Мне кажется убедительным соображение, что народом может называться какая-то общность людей лишь при наличии самосознания и общего имени»[547]. Не менее важна точка зрения М. В. Крюкова о том, что между самосознанием этнической общности и появлением самоназвания проходит нередко длительный период истории [548], необходимо требующийся для перевода этого самосознания к абстрагированию в конкретном имени. Эта мысль хорошо иллюстрируется тем, что в древнейшие периоды модель образования этнонима достаточно примитивна и «выражает самую раннюю ступень формирования этнической психики – в виде самоназвания часто фигурируют такие элементы, как личные местоимения во множественном числе, существительные «люди» и т. п.». Такими самоназваниями-этнонимами являлись многие термины: «люди», «человек», «настоящие люди», противопоставляющие понятия «мы» и «они»[549]. Для древнетюркских племен этими самоназваниями на ранней стадии были понятия: «киши» – человек, «эр» – мужчина. По нашему мнению, одним из следующих этапов формирования самоназвания может быть привязка понятий «человек», «мужчина», «люди» к определенной территории обитания внутри той же языковой общности: к горам, реке, долинам, степям и пр. Примером могут быть этнонимы: Алтай-киши, Чу-киши, Ку-киши, Ас-киши и т. п. Возникновение самоназвания типа «люди», «настоящие люди» абстрагирует этносоциальное самосознание окончательно выделившейся этнической общности или группы. Поэтому слова «человек», «люди», по справедливому замечанию В. А. Никонова, могли возникнуть только как самоназвания определенной этнической группы в противоположность другой: «...никто не назвал бы людьми иноплеменников в противоположность своим соплеменникам». Он совершенно правильно подвергает сомнению попытки отдельных авторов толковать с иных языковых позиций содержащиеся в этнонимах термины «человек» или «люди», как, например, угро-финское «мари» объяснять с иранского языка – «человек»[550]. Вряд ли иранцы назвали бы угров в отличие от себя «людьми», не оставив это имя для себя.

Касаясь этнонимов, мы обязаны помнить, что нередко они не совпадают с их носителями. Так, например, часть южных славян в VI в. расселилась в Македонии и стала именоваться «македонцами», или же, вплоть до XVIII в. многие азиатские племена для русских были «татарами», а многие европейцы, в т. ч. голландцы, датчане, – «немцами». Таких примеров более чем достаточно. Но при этом крайне важно помнить, что подобнее «перемещение» или собирательное употребление этнонимов наблюдается только в устах соседних народов, но никак не у самого носителя имени. Датчане или голландцы сами никогда не именовали себя немцами, а все восточные народы – татарами. В то же время ни один из этих народов не называл своим именем других. На Кавказе, например, именем «черкесы»

покрывались не только сами черкесы и адыги, которые никого не называют своим именем, но нередко именем «черкес» в устах посторонних народов назывались многие горцы Кавказа. В этом отношении весьма важно следующее замечание такого крупного специалиста по этнонимике, как В. А. Никонов: «Для изменения этнонима не обязательно, чтобы изменился сам этнический объект, он может остаться и без изменений, достаточно чтобы изменились этнические представления о называемом *у тех, кто употребляет* этноним»[551]. И в связи с этим важным замечанием мы с полной ответственностью должны сказать, что ни один народ сам, своими устами не отдает свое, веками устоявшееся имя другому, а тем более иноязычному народу. Ни татары, ни черкесы, ни немцы не именуют этими именами других. Покрывать одним, более известным этнонимом многие, часто совершенно чуждые друг другу этнические группы, могли и поступали подобным образом только соседние народы, но не сами носители этих этнонимов. И это обстоятельство надо всегда иметь в виду, когда речь идет об истории соотношения этнонима и его объекта.

Мы уже отмечали, что Ф. Энгельс считал имя племени или рода первостепенным признаком, но он же указывал, развивая идеи Л. Г. Моргана: «Названия племен, по-видимому, в большинстве случаев скорее возникали случайно, чем выбирались сознательно, с течением времени часто случалось, что соседние племена давали племени имя, отличное от того, которым называло себя само племя, подобно тому, как немцам их первое историческое общее имя «германцы» дали кельты»[552]. Примерно то же самое писал и Морган: «Когда в северной части Америки началась европейская колонизация, то имя того или иного индейского племени узнавали обыкновенно не непосредственно от него самого, а от других племен, которые давали ему имя иное, чем его действительное имя. В результате значительное число племен стало известно под именами, которых они сами не признают»[553].

Если с учетом всего сказанного подходить к истории балкарского и карачаевского народов, то мы должны, прежде всего, зафиксировать ту счастливую случайность, что за балкарцами и карачаевцами их ближайшие и дальние соседи запечатлели либо самоназвание балкарцев, либо имена их этнических предков. Таким образом, в руках исследователя оказываются этнонимы, содержащие очень важные этногенетические свидетельства, отраженные в различных названиях балкарцев и карачаевцев в устах их многовековых соседей:

кабардинцы именуют их *балкэр*;
мегрелы – *алани*;
сваны – *сабир*;
абхазы – *азухо* (*асы*);
осетины – *ассон* (*асы*);
грузины – *басиани*.

В этом ряду перед исследователем воочию встают многие дополовецкие племена и народы, с которыми тесно были переплетены исторические судьбы тех, кто запечатлел указанные этнонимы за балкарцами и карачаевцами.

Памятуя о том, что этногенез тюркоязычных балкарцев и карачаевцев, прежде всего, связан с проникновением в горы Кавказа тюркских племен из необъятных просторов Евразийских степей и что балкарцы и карачаевцы являются синтезом горцев и представителей тюркокочевнического мира, автор старался подчинить свою методику анализа историко-этнографического материала ленинскому учению о том, что «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы»[554]. Применительно к нашей теме такими общими вопросами являются история и культура тюркоязычных племен и народов Алтая, Средней Азии и Южно-Русских степей, в отрыве от которых невозможно понять и оценить историю и культуру тюркских народов Центрального Кавказа.

Осознавая сложность и многоплановость поднятой проблемы, спорность отдельных точек зрения и гипотез, автор ни в коей мере не может рассчитывать (или настаивать) на безукоризненность, на окончательность и однозначность своих суждений по этому вопросу. Предлагаемые этюды по этногенезу балкарцев и карачаевцев являются первыми в историографии попытками проанализировать некоторые аспекты их этнотопонимии, традиционной культуры и фольклорных сюжетов.

Уже давно признано, что осколки различных племен, теснимые очередными волнами перемещений кочевых народов, потрясавших Евразийские степи, искали себе убежище в горах Кавказа, который в результате постепенно превращался в гору языков и гору народов [555]. А это не могло не оставить заметного следа в этнотопонимии, играющей важную роль в раскрытии таких исторических явлений, как расселение и оседание, смешение и этногенез различных народов.

Если с этих позиций подходить к истории балкарского и карачаевского народов, то необходимо, прежде всего, отметить в горах Балкарии несколько топонимов – «Ас-кала» (Крепость асов), «Ассиа-кам»[556]. В этих топонимах без труда видно имя древнетюркского племени «ас»[557], известного как в Орхоно-Енисейских надписях, так и на Северном Кавказе в VII в.[558] Этноним «ас» до сих пор сохранился и бытует как родоплеменное имя у алтайцев, киргизов, ногайцев, каракалпаков, казахов [559]. Очень важно напомнить еще раз, что асами в форме «ассихо», «азихо» и «ассон», «ассиаг» до сих пор называют карачаевцев и балкарцев их непосредственные соседи – абхазы и осетины [560]. В связи с этим этнонимом уместно отметить, что у балкарцев и чувашей термином «ас» обозначают шаловливых, проворных, быстрых людей, особенно подростков [561]; возможно, что этот термин восходит к авестийскому «асу» – быстрый, проворный [562]. У балкарцев и карачаевцев сохранилась и широко бытует даже поговорка по отношению к таким людям: «Асдан туугъан ас», означающая «Ас, рожденный от аса». По нашему мнению, есть возможность связать с этнонимом «ас» название крупнейшей средневековой крепости Усхур-кала в Хуламо-Безенгийском ущелье Кабардино-Балкарии [563]. Известно, что слово «гур»

означает на монгольском языке «народ»[564]. С добавлением этого слова образованы многие древнетюркские этнонимы: *Ой-гур, Сары-гур, Он-гур (Оногур), Ути-гур, Кути-гур* и т. д. Добавив к слову «ас» этот термин, мы получим интересующее нас название *Ас-гур*, которое, передаваясь из уст в уста на протяжении многих веков, могло превратиться в Ус-хур. Если наши предположения могут быть верными, то стоит вспомнить и подчиненные хазарам народы в горах Кавказа, платящие дань хазарскому царю Иосифу: Ал-бус-р и Ухус-р [565]. И в таком случае мы не можем обойти молчанием документ 1743 г., в котором, при описании народов Северного Кавказа, среди земель, занятых балкарцами, названа «волость Хусыр»[566]. Кроме того, топонимы с корнем «хус» известны и в Черекском, и в Чегемском ущельях Балкарии: местности Хусанты, Хустош-сырт и др.

Одно из самых старых и ныне заброшенных селений в верховьях реки Чегем называется у балкарцев *Биттургу*. Это название заставляет вспомнить гуннское племя «биттогуры», которых Агафий именует *витторы* [567] и которые при распаде Гуннской Орды, после смерти Аттилы, остались верными его младшему сыну Денгизиху в Приазовье [568]. Для разъяснения этого этнонима необходимо учесть, что слово «битти» с угорского языка означает «черный». Добавив к нему слово «гур», мы получаем термин «биттогур», означающий «черный народ», а биттогуры и были черными гуннами, в отличие от белых гуннов – эфталитов [569].

Рядом с сел. Биттургу располагается другой старинный, заброшенный аул Гудургу (Гюдюргю). В его названии мы усматриваем имя другого гуннского племени – Кутургу, одного из предков древних булгар [570]. Одним из старинных селений Баксанского ущелья Балкарии является Былым. Это название вполне возможно сопоставить с булгарскими эпиграфическими памятниками XIV в., в которых встречается древнее родовое название булгарских племен под именем «баламар». В этом термине окончание «ар», по объяснению Г. В. Юсупова, является словообразовательным аффиксом [571], прибавленным к корню «балам». Нам представляется возможным предположить, что родовое имя булгар, зафиксированное в эпиграфических памятниках как «балам», сохранено в балкарском названии сел. Былым.

Выше селения Былым по течению реки Баксан находится ныне заброшенное село под названием *Челмас*. Напомнив, что в тюркских языках довольно широко распространено чередование звуков *Т/Д* с *С/З,* как, например, Сарка – Тарка, Казыр – Кадыр, Барзым – Бардым, Орус – Оруд, Ыргыз – Ыргыт и др.[572], высказываем предположение, что в топониме *Челмас* сохранилось название одной из родоплеменных групп булгар – *Челмат/Чулмат*, известных в булгарских эпитафиях XIV в.[573] Этимология этого слова легко выводится из тюркских языков, где «чал» означает «седой, седина»[574]. У дунайских болгар «чал» – это вершина горы, и встречается как устаревшая форма [575]. Некоторые авторы полагают, что в этом названии некогда имело место понятие о заснеженной вершине гор [576], что красноречиво подтверждается в случае с сел. Челмас, откуда великолепно красуются заснеженные горные вершины Приэльбрусья.

В верховьях реки Чегем имеется небольшое ущелье Лыкарильги, в котором расположено описанное Верхне-Чегемское городище. При попытке объяснить этот топоним нам приходится вспомнить этноним одной из групп волжских булгар, явившихся предками закамских татар, по имени лакор [577]. К этому этнониму в нашем топониме прибавлено общетюркское слово *эль/иль*, и таким образом образуется термин «село Лакор» или «племя Лакор», звучащее в карачаево-балкарском как «Лыкар-эль» с добавлением аффикса притяжения «ги». В связи с подобной трактовкой топонима нельзя обойтись без упоминания известий Ибн Даста и его этнонимов *тулас* и *лугар* [578].

Одно из крупнейших и старинных селений карачаевцев называется *Учкулан*. По нашему мнению, в этом топониме явно читается имя древнебулгарского рода «окуль» Именника булгарских князей IX в.[579], зафиксированного и в эпиграфических памятниках XIV в. в форме «куль»[580]. В названии карачаевского селения к родовому имени прибавлено числительное «три» (*уч*), что довольно характерно для древнетюркских этнонимов типа: «он-уйгур», «тогуз-огуз», «отуз-татар» и т. п.[581] Вероятно, название селения происходит от первоначального расселения там трех родов, возможно, древнебулгарского племени. Таким же образом мы полагаем возможным объяснить название речки Учкульки у города Кисловодска – центра древнебулгарских археологических памятников.

Одно из боковых ущелий в верховьях реки Чегем называется *Басмалыкъол*. Вторая часть названия – «къол» – буквально означает «рука», но в географических терминах это слово употребляется в значении «ущелье», «отрог». Основная часть топонима «басмалы» – это неоднократно упоминаемый в орхонских надписях древнетюркский этноним [582]. Давая этимологию этого термина, Н. А. Аристов приводит свидетельства о том, что так именовались у тюрков метисы. Вывод Аристова, поддержанный В. В. Бартольдом, говорит о том, что в Орхонских надписях «басмалы» или «басими» китайских источников означали народ, образованный путем смешения многих племен. По словам этих ученых, термин «басмалы» был даже перенят от западных тюрков византийцами, которые употребляли его для обозначения метиса, у которого мать была гречанкой, а отец – французом [583]. Таким образом, можно полагать, что интересующий нас топоним, во-первых, сохранил этноним древнетюркского племени, упоминавшийся еще в XI в. Махмудом Кашгарским [584], а во-вторых, указывает на возможную помесь населения, занимавшего когда-то это ущелье. Если учесть, что в этногенезе балкарцев принимали активное участие различные племена [585], то подобный топоним находит полное оправдание. Здесь же уместно напомнить этимологию термина «Чегем» – *Чек* + *хем*, т. е. «Пограничная река» (граница + река).

В Баксанском ущелье известно средневековое городище Гацар-кала, где в 30–х гг. проводил раскопки Б. Е. Деген-Ковалевский [586]. В этом названии трудно не увидеть этноним «хазар».

Недалеко от Верхне-Чегемского городища возвышается гора под названием *Капчагай*. Мы полагаем, что в этом топониме могло сохраниться имя кипчаков-половцев. Интересно напомнить, что при походах Тимура против асов и эмира Утурку летописцы Йезиди и Шами вместе с крепостями правителей асов Кулу, Тауса, Пулад упоминают и о крепости Капчагай, в которой укрывался Утурку [587]. Но это предположение затруднено тем обстоятельством, что у тех же летописцев, ведущих подробный рассказ о руссах, черкесах, асах, племени и области Иркуун и прочем, совершенно нет упоминания о кипчаках Северного Кавказа.

Один из притоков Баксана и крупнейшее балкарское селение на нем называется Кёнделен, что в переводе буквально означает «поперек». Хотя это слово очень часто встречается в монгольских топонимах с таким же значением [588], мы можем допустить, что в этом названии могло запечатлеться родоплеменное название кипчаков – Кёнделен [589].

Мы уже отмечали, что Верхне-Архызское городище карачаевцы называют *Эски-Джурт*, т. е. «Старая Родина». Точно под таким же названием «Старая Родина» имеется могильник и поселение дунайских булгар VIII в. [590] Здесь же, у этих памятников, имеются различные топогидронимы: *Карноват, Мара, Мухла-ауз, Караач-кале, Хазар-калеси, Кардан, Камчия* и др.[591], в точности повторяющиеся в названиях старинных карачаево-балкарских селений – Курнаят, Мара, Мухол, а также речек: Кардан, Кам-суу, Мухол-ауз и т. п.

В верховьях реки Чегем имеются весьма интересные топогидронимы: Башил-тау (гора Башил), Башил-суу (река Башил), Башил-ауз (ущелье Башил). На цокающем диалекте карачаево-балкарского языка Башил будет звучать как «Басил». Некоторые авторы пытались связать их с именем некоего святого Василия [592]. Однако, по нашему убеждению, нет никакого сомнения в том, что в этих названиях сохранилось имя одного из предков хазар – древнего племени басил (варианты: Баса, Баслы, Берсула, Барсилы и пр.[593]).

По сообщению Ибн Рустэ, берсулы (басилы) были одним из подразделений булгар [594], а М. И. Артамонов допускает возможность обитания басилов на Северном Кавказе еще в догуннское время и считает их одним из колен гунно-булгарского объединения [595]. О такой хронологической возможности вполне определенно говорят армянские источники, которые говорят о вторжении между 193–218 гг. н. э. «толпы хазар и басилов» через Дербент в Армению [596]. Эти сведения позволяют нам предположить, что в указанных топогидронимах Балкарии запечатлено имя древних басилов или басов.

В краткой редакции письма хазарского царя Иосифа особо выделен народ Баса, живущий в горах Кавказа [597]. С этим этнонимом мы связываем и известную северокавказскую реку Баксан, название которой по карачаево-балкарски – Басхан/Бахсан. В этом названии к основе термина *Бас* прибавлено гунно-булгаро-чувашское слово *ахан* – река, поток [598]. Таким образом, название этой реки означает «река Басов» или «Поток Басов» (Басахан).

С этнонимом «баса» связано и нарицательное имя балкарского сословия таубиев (горских князей) – *басиат*. В этом термине к основе «баса» при-

бавлен тюрко-монгольский аффикс «ат», означающий принадлежность к какому-либо племени, как в названиях: *Конкр + ат, Нокр + ат* и др., или употребляющийся для обозначения множественного числа [599]. Таким образом, мы полагаем, что название «басиат» трансформировалось из «баси + ат», означающего либо принадлежность к племени баса, либо мн. ч. от этого этнонима. С этим же этнонимом связано грузинское название балкарцев – *басиани*, образованное по тем же законам, что и топонимы *Дадиани, Гуржаани, Бакуриани* и т. д.

Завершая этюд об этнотопонимах, считаем возможным остановиться на «Армянской географии VII в.». Перечисляя народы Центрального Кавказа, автор упоминает рядом с аланами племя *хебуры* или *хабары* [600]. По нашему предположению, это имя представляет собой несколько искаженное название одного из хазарских племен – *хабары* или *кабары*, которые, по словам Константина Багрянородного, оторвались от основной массы хазар и расселились на Северном Кавказе [601]. В тесной связи с именем этого племени находится название реки и местности в Балкарии – *Хабаз*. С учетом распространенного ротоцизма в булгаро-чувашском языке: Сувар – Суваз, Джюр – Джюз, Хур – Хыз и т. п., считаем переход названия *Хабар* в *Хабаз* вполне закономерным.

Известно, что в той же «Географии» упомянуто колено древних булгар – *Чдар-Болкар* [602]. На цокающем диалекте балкарского и дигорском языке «Чдар» будет звучать «Цдар», к тому же термин «Чдар» очень близок осетинскому «Штыр». Слова «Стур – Штыр» означают «Большой» (Стур-Дигора, Штыр-Дигора, т. е. Большая Дигора). Таким образом, Чдар-Болкар означает «Большой Болкар», или «Уллу-Малкар», как именуют балкарцы большое сел. Верхняя Балкария. Это же слово добавляется дигорцами к названию Карачая – «Стыр-Ассиаг» – «Большая Асия»[603].

Суммировав все изложенное, мы можем констатировать, что во многих топогидронимах Балкарии и Карачая без каких-либо искажений запечатлены этнонимы многих тюркских племен: асов, гуннов, биттогуров, кутургуров, булгар, басмалы, басилов, хабар, хазар и др.

3. Традиционная материальная культура балкарцев и карачаевцев в свете их этнической истории

Этнографический материал является бесценным источником для освещения сложных этногенетических процессов. В нем наиболее отчетливо отражается участие различных племен в этногенезе любого народа. На фоне этого материала весомо и красноречивее говорят и данные других смежных наук. И наконец, этнографический материал более прочих подтверждает положение Л. Г. Моргана о том, что «всюду, где на различных континентах может быть установлена связь между современными учреждениями и его общим зародышем, можно вывести заключение о происхождении самих народов от общего начального ствола»[604]. Это положение можно проследить и на примере традиционной культуры изучаемых народов, которая в плане этногенетической истории их никогда не являлась

предметом специального исследования. Даже на упоминавшейся специальной научной сессии 1959 г. этот материал был привлечен чрезвычайно скупо [605].

При использовании этнографического материала для освещения вопросов этногенеза особого внимания заслуживают такие элементы карачаево-балкарской традиционной культуры, которые отсутствуют у соседних кавказских народов, так как именно они могут содержать в себе богатую этногенетическую информацию. Следовательно, мы уделяем основное внимание в этом вопросе древнетюркским, тюркско-кочевническим параллелям в этой культуре.

Балкарцы и карачаевцы называют свои поселения термином «*Эль*» и «*Журт*», которые бытуют у многих тюркских народов в форме *Ил*, *Аль*, *Ял*, *Аил*, *Аул*, *Юрт* и т. д.[606] Большую научную информацию содержат балкаро-карачаевские усадьбы и жилища. В свое время этнографы А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе и архитектор Э. Б. Бернштейн подчеркивали, что поселения и жилища этих народов по своему месторасположению, планировке и способу возведения отдельных строений во многом схожи с поселениями и жилищами соседних кавказских народов [607]. Но для нашей темы важно обратить внимание как раз на такие детали и особенности, которых нет у соседних народов. Здесь, прежде всего, бросаются в глаза так называемые карачаевские «крытые дворы», в которых все хозяйственные и жилые постройки были объединены общей кровлей. Эта особенность карачаевских усадеб, отличающая их от других северокавказских, весьма близка к подобным же усадьбам некоторых народов Поволжья [608].

К таким же особенностям относятся жилища-срубы, которые возводили в Карачае, Баксанском и отчасти Чегемском ущельях Балкарии [609]. Восточнее подобные жилища неизвестны. Поиски аналогий срубным постройкам уводят нас в глубь истории Центрального Кавказа, где они встречаются в конце III тыс. до н. э. и в эпоху гуннов [610]. Интересно отметить, что срубные постройки характерны для горного Алтая эпохи Пазырыкских курганов V в. до н. э., широко бытовали у алтайских тюрков, древних булгар [611]. Как и у алтайцев, у карачаевцев бытовали 6–8-гранные жилища из бревен [612]. В связи с этим важно упомянуть, что срубные зимние стойбища практиковались и у половцев/кипчаков [613].

Интересные этногенетические наблюдения можно сделать при анализе балкаро-карачаевской одежды. Верхняя плечевая одежда у них изготовлялась в основном из меха и шкур, так широко используемых скотоводческими племенами. Само название верхней одежды – *тон* – имеет общетюркское происхождение, и изготовлялась она нескольких разновидностей [614].

Как и у многих тюркских народов – булгар, чувашей, татар, башкир, казахов, киргизов и др., – излюбленным украшением верхней плечевой одежды у них являлась меховая оторочка по вороту, подолу и рукавам [615], наподобие рубашки и кафтана XIV в. из могильника Байрым в Верхнем Чегеме.

Большую популярность у тюркских народов издревле имел войлок – *кийиз*, из которого изготовлялись различные разукрашенные и аппликативные ковры, головные уборы, плащи-накидки и пр.[616] Одним из интересных головных уборов кавказских народов является *башлык*, название которого означает с тюркского «наголовник». По мнению В. Ф. Миллера, он напоминает древнюю форму одежды сарматских племен, описанную Плинием[617]. Здесь уместно отметить, что в 1896 г. участник экспедиции В. М. Сысоева по Карачаю А. Н. Дьячков-Тарасов на берегу реки Теберды при раскопках средневековых гробниц нашел среди массы камней обломок статуи. По описанию авторов находки, «на плечи накинуто что-то вроде капюшона-башлыка из материи с крестообразным рисунком с каймой, привесками и лапками, перекинутыми вокруг горла»[618]. В этом описании нетрудно заметить даже этнографическое сходство с современным методом ношения башлыка с завернутыми вокруг шеи лапками. Статуи подобного типа они находили и в верховьях реки Индыш в местности Баба-сын (т. е. «Памятник Баба»), где сходятся четыре небольших ущелья [619]. Стоит заметить, что недавно, тщательно изучив все имеющиеся в верховьях Кубани изваяния, Х. Х. Биджиев доказал их принадлежность не кипчакам/половцам, а более древним тюркам VII–IX вв.

Башлык близко напоминает формы головных уборов, покрывающих плечи на скифских изваяниях Прикубанья, а также на изваяниях в горах Тянь-Шаня и окрестностях Иссык-Куля [620].

Другие специфические разновидности войлочных головных уборов – карачаевский *кийиз бёрк* и балкарская шляпа – *къалпакъ* – хорошо известны чувашам, алтайцам и очень близко напоминают древнебулгарские войлочные шляпы [621].

Балкарки и карачаевки до недавнего времени, а пожилые женщины и сейчас носят рубаху туникообразного покроя с разрезом на груди и маленьким стоячим воротом [622]. Этот тип рубахи является неотъемлемой частью женской одежды чувашей, башкир, казахов, туркмен, а происхождение этого типа исследователи связывают с древними булгарами [623].

Повседневным элементом одежды балкаро-карачаевских женщин является большой наплечный платок-плед (*джаулукъ*), широко распространенный под этим же названием у татар, казахов, болгар и других тюркских народов [624]. Мы уже говорили, что многие виды одежды – *бешмет, чебкен, гебенек, архалук, кемар* и др. – широко были распространены среди древних и современных народов Алтая, Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Кавказа. Но здесь нелишне будет напомнить, что термин «бокка» в значении «шапочка» сохранился в детской речи балкарцев и карачаевцев. Конические, островерхие головные уборы в раннем Средневековье были характерны для тюрков Западного каганата VIII–IX вв., а позднее стали неотъемлемой деталью костюма многих тюркских народов [625].

Хорошо известно, что черкеска кавказских народов украшалась, небольшими члененными кармашками по обеим сторонам груди. В мелкие отделения этих кармашков закладывались так называемые теперь

газыри – небольшие деревянные, костяные или серебряные трубочки с разукрашенными навершиями. Эти кармашки ранее, до появления пятизарядных винтовок с обоймами патронов, служили для хранения **готовых** огнестрельных зарядов [626]. Поэтому теперь за этими украшениями сохранился тюркский термин: *хазыр*, т. е. «готовый».

Наряду с изготовлением войлока, одним из основных промыслов карачаевцев и балкарцев было домашнее ткачество. Эти сукна, как мы отмечали, пользовались большим спросом на кавказских рынках в Они и Раче. По словам Н. П. Тульчинского, балкарскую женщину почти невозможно было увидеть без веретена, с которым она не расставалась ни при беседах с соседками, ни даже когда шла из одного аула в другой. «Встретить женщину без этих атрибутов – значит, или она больна, или очень бедна», – писал ученый[627]. Эта характеристика буквально повторяет слова Приска о гуннских женщинах, которые «никогда не покидают своего веретена»[628]. Эти совпадения не могут не подчеркнуть большую этнографическую близость между этими народами. И в настоящее время хорошо известно, что балкаро-карачаевские женщины считаются непревзойденными мастерицами в обработке шерсти на всем Северном Кавказе.

Не менее важный материал для освещения проблемы этногенеза можно почерпнуть из состава их традиционной кухни, о которой мы говорили выше. Поскольку эти народы являются исконными скотоводами, естественно, на первый план выступает мясомолочная пища. Повседневной молочной пищей у них, как и у алтайцев, хакасов, башкир, казахов, кумыков, узбеков, туркмен, ногайцев и др., являются различные виды *айрана*, сыров, *кумыса* [629]. Кумыс, кислое молоко, сыры были, по словам скифского мудреца Анахарсиса, повседневной пищей каждого скифа [630]. Кумыс, как повседневный напиток, хорошо известен был гуннам еще в I в. до н. э.[631]

Популярную и изысканную разновидность айрана – *жуурт-айран* – упоминает и Г. Рубрук, будучи в гостях у куманов-кипчаков [632]. Хорошо известно, что Аммиан Марцеллин, описывая быт и культуру гуннов, говорит, что они «мясо кладут под бедра на седле и парят его», и питаются этим мясом, когда оно совсем протухнет [633]. Безусловно, автор этих слов не мог понять, что это было вяленное на солнце мясо, притороченное к седлу кочевника вместе с гыбытом айрана, кумыса, сыром и другими наборами продуктов впрок. У балкарцев и карачаевцев такое мясо называется *къакъ-эт*, т. е. «вяленое мясо». Ныне такое мясо употребляют многие народы Северного Кавказа, и блюда из него входят в меню предприятий общественного питания Кабардино-Балкарии.

Отличительной особенностью мясных блюд описываемых народов является обжаренное в собственном жире и заготовленное впрок нарезанное кусочками мясо – *къууурма*, которое шло для быстрого приготовления пищи на стоянках и временных стойбищах. Особым отличительным лакомым блюдом считается у балкаро-карачаевцев *жёрме* – тип свежей колбасы из внутреннего жира, завернутого в кусочки рубца. Из различного рода шашлыков (*шиш + лик*: от слова «шиш» – вертел, отсюда – «навертель-

ник»), особо следует отметить «тёш». При обрядовом жертвоприношении и разделе туши барана или овцы дядя по матери, как отмечалось, вырезал из грудной части туши кусочек мяса вместе со шкурой, зажаривал его и преподносил тому, в честь кого совершалось жертвоприношение. *Тёш* и *жёрме* хорошо известны алтайским тюркам. У алтайцев жёрме называется *дьоргем*, у телеутов – *тергем*. Все эти названия происходят от слова «жёрме» или «чёрге», т. е. «обворачивать, завертывать, обматывать». Большой популярностью пользовались колбасы из свежих внутренностей – печени, почек, легких молодого жеребенка – *къазы*, подобная же колбаса из говяжьих или бараньих внутренностей – *сохта*. Все перечисленные мясные блюда по способу приготовления и терминологии являются традиционными для многих тюркских народов Алтая, Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Кавказа. Особая близость между ними наблюдается в том, что традиционно мясная пища и всевозможные блюда всегда завершались мясным бульоном – *шорпа* [634].

Из зерновых культур балкарцам и карачаевцам, как и многим тюркским народам, издревле был известен ячмень – *арпа* [635]. Из ячменной муки они готовили хлеб – *арпа гыржын*, который, как отмечал упомянутый де ла Мотрэ, пекли в золе. Из проросших зерен ячменя они готовили известный напиток – *боза*, не раз отмеченный средневековыми путешественниками и известный многим тюркским народам [636]. Весьма своеобразным и отличительным блюдом балкарцев и карачаевцев является ритуальная кашица – *гёже*, которую они готовили ежегодно перед первым выходом на весенне-полевые работы, отмечавшиеся особо торжественно. У алтайцев эта кашица называется *кочо*, известна она и у чувашей [637].

Нелишне отметить, что балкарцы и карачаевцы называют хлеб из пшеничной муки словом *ётмек*, восходящим к половецкому *етмаги* – «пекарь»[638].

Исследуемые нами народы весьма своеобразно заготавливали муку из ячменя и кукурузы впрок. Они поджаривали зерна и получали так называемый *къурмач*, затем их перемалывали, а полученная мука – *къууут* была уже готова к употреблению с айраном, сливками, молоком, маслом и другими молочными продуктами. Перемешанный с молочными продуктами къууут называется у балкарцев и карачаевцев, как у хакасов и народов Алтая, термином *талкъан*. Когда речь заходит о къууте, нельзя не вспомнить слова Плиния о том, что некоторые из сарматских племен питаются «сырой мукой, примешивая к ней кобылье молоко или кровь из голенных жил»[639]. Конечно же, античный автор не смог отличить сырую муку от къууута, который визуально ничем не отличается, а что касается кумыса или «крови из голенных жил», то, вероятно, он не смог различить висящий у седла бурдюк кочевника с молочным или иным напитком, которым размешивался къууут. Вероятно, размешивание къууута с различными напитками – бозой, настоями трав – привело Плиния к заблуждению о «крови из голенных жил».

Своеобразным и самобытным мучным блюдом балкарцев и карачаевцев является разновидность мамалыги – *как*, которая, как правило, употреблялась также с айраном, сливками, маслом и другими жирами. У этих наро-

дов даже бытует фразеологизм: «Ат жау бла тары как», т. е. «Конский жир и просяная мамалыга», подчеркивающий изысканность этой пищи. И в связи с просяной мамалыгой – *как* – вновь вспоминаются слова Плиния о том, что у тех же племен многие питались «белой кашицей из ячной муки»[640].

Большую этнографическую общность между многими современными и древними тюркскими народами можно проследить по различной хозяйственной и бытовой утвари. Напомним еще раз, что у древних булгар, как и у современных балкаро-карачаевцев, деревянный плуг-соха назывался *сабан* [641]. Здесь же можно отметить деревянную бытовую утварь: ложки, ковши, чаши, ступы, большие блюда – *тегене;* столы-треножки и т. п. Из целиком содранной шкуры телят, баранов, овец они изготовляли различные кожаные мешки – *къапчыкъ*, *тулукъ*, *гыбыт* и др., в которых хранили муку, къуууут, масло, айран, кумыс, сыры, зерно и пр.[642]

Анализ материальной культуры, формировавшейся в процессе взаимодействия различных этнических групп, входивших в состав народа, позволяет этнографам выявлять как ее самобытные черты, так и элементы общности с соседними народами. Самобытные черты традиционной культуры показывают историко-культурные связи народа, его культурный облик и те элементы этнических групп, которые участвовали в его этногенезе [643]. Исследования советских этнографов доказывают, что комплексы материальной культуры, связанные с жизнедеятельностью скотоводческих племен и народов, независимо от географической зоны их обитания (горы, степи, предгорья и пр.) развиваются под воздействием одних и тех же общих законов, неразрывно зиждущихся на скотоводческой экономике, на определенном типе хозяйственного уклада [644]. Именно поэтому характерные черты традиционной материальной культуры скотоводческих кочевых народов различных географических зон и областей (Алтай, Средняя Азия, Казахстан, Поволжье, Кавказ), относящиеся к жилищам, утвари, одежде, орудиям труда, пище и т. п., были почти идентичными или очень похожими на протяжении многих веков вплоть до начала XX в.

Исследования показывают, что, вобрав в себя основные комплексы материальной культуры кочевников Евразийских степей, предки балкаро-карачаевцев, попав в условия горного Кавказа, вовсе не утратили специфических истоков своей традиционной культуры, а наоборот, в новых условиях развивали, приспосабливаясь к окружающей среде, и создали этнографически известную самобытную культуру, отличающуюся от культуры соседних народов. Такие комплексы, как крытые дворы, срубные жилища; гебенек, чебкен, бешмет, айран, кумыс, жёрме тёш, къазы, конина и другие атрибуты их материальной культуры являются этноисторической спецификой, возможно, восходящей к скифо-сарматским, гунно-булгарским племенным объединениям, к хазарам и кипчакам и другим тюркским племенам Средневековья.

4. Традиционная духовная культура балкарцев и карачаевцев в свете их этногенеза

Идеологические мировоззрения народа всегда содержат определенную долю исторической информации об этногенетической истории. Передаваясь из поколения в поколение, мировоззрения людей дополняются новыми элементами и напластованиями, продиктованными различными историческими эпохами и событиями. Но тщательный анализ этого важного материала всегда позволяет отыскать первоначальное ядро обряда, обычая, поверья, будь они изначально мифического или исторического происхождения.

С точки зрения этногенеза балкарцев и карачаевцев их духовная культура никогда не была объектом специального исследования. Предлагаемый этюд является первой в историографии попыткой такого рода. В силу этого вполне понятно, что наши суждения по этому вопросу не могут претендовать на безоговорочность делаемых предположений. Следует сказать также, что в этой работе не рассматривается весь комплекс духовной культуры, мировоззрений и идеологии средневековых балкаро-карачаевцев, а используются лишь те моменты, которые не встречаются у соседних кавказских народов, но одновременно с этим находят глубокие параллели, связи, скрещения с идеологическими воззрениями древнетюркских племен и современных тюркоязычных народов.

С этих позиций большой интерес представляет верховное божество балкаро-карачаевского языческого пантеона – *Уллу Тейри* (Великий Тейри), который не фиксируется в мировоззрении соседних кавказских народов [645]. По представлениям балкарцев и карачаевцев, Тейри – это владыка и повелитель богов, он руководил ходом всей жизни, давал счастье, посылал беды, обеспечивал богатые урожаи и хороший приплод скота, от него шли все невзгоды и наказания и т. п.[646] Широко бытуют в народе мольбы и проклятия, связанные с именем Великого Тейри: «Тейри берсин насып», «Тейрини перекети», «Тейри урсун» и т. п., означающие: «Пусть Тейри даст счастье», «Благо Тейри», «Да поразит тебя Тейри» и т. п. Не менее распространены поговорки-пожелания удачи, успеха: «Тейри эшик ачылсын» – «Пусть откроются двери Тейри» и т. п. От имени Великого Тейри, олицетворяющего дух неба и солнца, происходит балкаро-карачаевское название небесной радуги – *Тейри къылыч*, т. е. «меч Тейри», всекарающий и всему благоприятствующий, всеоберегающий. Именно поэтому старики, порой и в наши дни, при виде первой весенней радуги обращаются к нему с мольбами и прошениями благополучия и защиты от невзгод. Раньше все это сопровождалось массовыми жертвоприношениями, трапезами и т. п.

При различных весенне-полевых обрядовых празднествах – выходе на полевые работы, выгоне скота на пастбища и т. п. – непременно обращались к земному Тейри – *Жер Тейри* [647]. Кроме того, существовало поверье в Тейри огня – *От Тейри*, с которым некоторые авторы связывают отца нартов – кузнеца Дебета [648].

Балкарцы и карачаевцы, прежде чем строить дом или кошару на пастбищах, устраивать загон для скота и пр., на этом месте ставили на ночь чашу с молоком, посвящая ее Жер Тейри и Жер иеси (Хозяину места). Если молоко в чаше к утру не убывало, место считалось подходящим и одобренным Тейри, – и наоборот, если убывало.

В засушливые летние дни просили у Тейри дождя. Это сопровождалось общественными жертвоприношениями, игрищами, массовыми угощениями. Нередко при этом обращались и к Суу анасы (Матери воды). Однако при всех мероприятиях особо почитался Уллу Тейри, являвшийся олицетворением духа неба. Божества Суу анасы, Жер иеси, наряду с Тейри, бытовали и бытуют у многих древних и современных тюркских народов [649].

Исторический анализ роли и места Тейри в балкаро-карачаевском мировоззрении уводит нас в далекий древнетюркский мир, где он как дух неба и связанный с ним культ солнца описывается в китайских источниках. Под «духом неба» китайские авторы понимали *Кок-Тенгри*, зафиксированный в Орхонских надписях: «А в начале было вверху голубое небо, а внизу темная земля; появились между ними сыны человеческие»... Обряд принесения жертвы небу сопровождался молениями, возлияниями кумыса, молока, айрана, мясного бульона (шорпа), принесением в жертву барана, коней, и пр.[650] Описывая жизнь и быт тюрков-сабиров VI–VII вв., обитавших на Северном Кавказе, Моисей Каганкатваци неоднократно подчеркивал, что среди множества божеств Тенгри наиболее почитаемым был Тенгри-хан – чудовищный громадный герой, бог неба и света. Ему посвящали деревья (дубы), строили капища, приносили в жертву коней, кровью которых поливали землю вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья [651]. По-видимому, пишет С. А. Плетнева, его символические изображения – «золотые языческие амулеты» – носили сабиры, которые епископ Исраил «своими руками перед всеми ломал и делал изображения Креста Господня»[652].

Согласно сообщениям средневековых авторов, недалеко от столицы гуннов в Северном Дагестане, Варачане, стоял огромный дуб, представлявший материализацию идеи Тенгри: «Князь и дворяне почитали его спасителем богов, жизнеподателсм и дарователем всех благ». Помимо главной рощи, находящейся вблизи Варачана, в стране гуннов были и другие рощи и святилища, посвященные этому божеству [653]. К этому дереву и в рощи собирались по средам, развешивали на деревьях разные плоды, преклонялись перед ними и приносили им различные жертвы [654].

В связи с поклонением древних гунно-сабиров Тенгри в образе дерева небезынтересно отметить дерево *Раубазы*, которое росло в Верхней Балкарии у аула Шаурдат. Этой дикой груше поклонялись, ей приносили жертвы, «угощали» ее пирогами, просили ее, чтобы она бездетным давала детей, пастухам и чабанам – хороший приплод, землепашцу – богатый урожай и т. д. Даже после принятия ислама в народе бытовала поговорка: «Пусть Аллах будет на твоей стороне, лишь бы Раубазы был на моей». Безусловно, с этим никак не могли примириться служители мусульманства, и точно так же, как в свое время епископ Исраил поступал с амулетами и

святилищами сабиров, балкарские муллы срубили Раубазы. Тем не менее, даже в 50-х гг. XX в. автору этих строк не раз приходилось далеко от Кавказа видеть, что в сундуках стариков-балкарцев хранились щепочки святыни – Раубазы – как неоценимые семейные реликвии.

Точно такой же реликвией и божеством считалась одинокая сосна *Джангыз-Терек*, возвышавшаяся у аула Хурзук в Карачае. Это была «довольно большая корявая сосна, одиноко стоящая среди голой равнины между Хурзуком и Учкуланом по правую сторону реки Хурзук. Толщина сосны 7 аршин. Дерево пользуется у карачаевцев большим почетом»[655]. Это дерево, как и Раубазы, считалось неприкосновенным, к нему обращались с такими же просьбами и пр. Кроме этих деревьев, почитавшихся всем народом, были и отдельные родовые деревья, почитавшиеся отдельными патронимическими объединениями. Так, например, в Карачае фамилия Чотчаевых почитала одно дерево, с которым связана интереснейшая этнографическая подробность. Родоначальник их женился на кабардинке и привез ее домой. Их сопровождал старик. Во время отдыха под этим деревом путники стали есть мясо, хозяин взял себе лопатку (почетная доля. – *И. М.*), которая, по обычаю, полагалась старшему (*ил. 30, 85*). Жена сделала замечание, и он отдал ее старику. Старик съел мясо, а лопатку подвесил на ветку дерева. Жена молодого человека родила впоследствии 6 сыновей, что считалось большим счастьем в народе. Этот случай послужил поводом тому, чтобы щепки этого дерева хранились в каждой семье Чотчаевых на счастье [656].

К балкарской дикой груше, по нашему мнению, относятся слова Дж. Фрезера: «Они (черкесы. – *И. М.*) срезают в лесу молодую грушу, очищают ее от ветвей и приносят домой, где поклоняются как божеству. Такая груша есть почти в каждом доме. В день осеннего праздника дерево с большой торжественностью под звуки музыки и радостные восклицания всех обитателей, которые поздравляют его с благополучным прибытием, вносится домой. Вокруг нее едят, пьют и поют песни. Затем ей желают спокойной ночи и снова выносят»[657].

У многих тюркских народов считается, что определенные деревья делают плодовитыми и женщин, и скот. Так, например, у киргизов бесплодные женщины катаются по земле под одинокой яблоней [658]; некоторые волжские племена, как и древние гунны, приносят деревьям жертвы, а шкуры их развешивают на ветках [659]. В канун Рождества многие болгарские крестьяне замахиваются топором на бесплодное фруктовое дерево, а стоящий рядом человек вступается за это дерево со словами: «Не срубай его! Оно скоро будет плодоносить!» Трижды заносится топор и трижды отводится. После этого считается, что дерево на следующий год обязательно должно плодоносить [660]. Веру дунайских болгар в чудодейственную силу дерева отмечали и средневековые авторы под 765 г. [661]

Завершая экскурс о почитании тюркскими народами Тенгри, олицетворенного в дереве, нельзя не вспомнить кипчакскую легенду о том, что они ведут свое происхождение от мальчика, найденного в дупле де-

рева. Название «кипчак» происходит, по мнению видных ученых, от слова *кобук*, что означает кору дерева. Легенда гласит, что будто бы в дупле дерева родился мальчик, которого подобрал Огуз-хан и дал ему в удел отдельную область [662]. Исходя из этой легенды, можно предположить, не потому ли кипчаки хоронили своих умерших в выдолбленных стволах дерева. Подобные деревянные колоды на средневековом Северном Кавказе рассматриваются как половецкое влияние [663].

Тюркские племена поклонялись Тенгри как духу неба, света и солнца [664], который выступает как непосредственный атрибут и объект поклонения. В сознании этих народов он обладал реальной одушевленной силой, ему приносились в жертву лошади, овцы и другие животные. Реально ощутимая и одухотворенная сила солнца нашла отражение в эпических нартских сказаниях балкаро-карачаевцев. От солнечного луча, например, зачала и родила мальчика одна из персонажей эпоса [665].

Балкарцы и карачаевцы, как отмечалось, называют небесную радугу Тейри къылыч (меч Тейри), и первой в году увиденной радуге каждый старался принести жертву, угощения, обращался с просьбами. Этот пережиточный момент из древнего мировоззрения напоминает легенду гуннов, переданную Иорданом со ссылкой на римского «спеца» из Панонии, дипломата Приска, который в 449 г. в качестве писца посольства был при дворе Аттилы [666].

Согласно этой легенде, некий пастух долго не мог понять причину ранения ноги у одной из телок своего стада. Идя по кровавым следам, он натолкнулся на сверкающий в солнечных лучах меч и принес его Аттиле. Тот принял меч за небесный дар для покорения мира и стал его владыкой. Таким образом, Аттила стал обладателем небесного, божественного меча, с помощью которого покорил мир. Римские авторы называли этот меч мечом Марса [667]. Нет сомнения в том, что и у гуннов он назывался мечом бога неба – мечом Тейри, т. е. Тейри къылыч, с которым балкарцы и карачаевцы отождествляют небесную радугу.

Древнетюркское божество Тенгри и балкаро-карачаевское Тейри Дж. Фрезер отождествлял с величайшим из греческих богов – Зевсом. Тому и другому посвящались огромные дубы и дубовые рощи, оба были богами неба, грома, дождя. И Зевс, и Тенгри управляли не только громом и дождем, но и молнией. Греки обносили пораженные молнией места оградой и посвящали их Зевсу. В этих местах устраивали алтари, приносили жертвы [668]. Такими же «полномочиями» и почестями сопровождался и чувашский *Торэ*. Он также царит в воздухе, управляет громом и молнией, ветром и дождем, хорошей погодой и урожаем [669], а по поверьям алтайцев, Тенгри обитает на 12-м небе [670].

Пораженные молнией места (а также и люди) очень почитались у древних тюрков. На этих местах устанавливались знаки, здесь приносили жертвы. Ибн Фодлан писал о болгарах: «Если ударит молния, они не приближаются к нему (к пораженному. – *И. М.*) и оставляют все как есть»[671]. Болгары, гагаузы, чуваши, алтайцы, кумыки и другие тюркские народы совершают

различные магические обряды при первой в году молнии. Как и балкаро-карачаевцы, многие из них зажигают при этом большие костры, прыгают через них [672]. В 80-х гг. XIX в. В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский отмечали в сел. Верхний Чегем святилище, куда собирались люди петь магическую обрядовую песню «*Чоппа*», которую обычно распевали вокруг человека, пораженного молнией [673]. В Карачае подобные святилища назывались «Чоппаны Ташы» (Камень Чоппа), вокруг которого кружились, пели песню, приносили в жертву козленка, именуемого «козленком Чоппа»[674].

Изучая культуру и быт кочевников Юго-Восточной Европы VIII–IX вв., С. А. Плетнева выделила целый ряд языческих амулетов, отражающих их мировоззрение. Среди них особенно интересны связанные с культом Тенгри и солнца. Один из распространенных их видов – это круг с четырьмя прямыми лучами, «представляющий собой один из вариантов очень распространенной в древности символической фигуры огня – солнца – креста в круге»[675]. Этот древний символ огня-солнца является одним из излюбленных мотивов в балкаро-карачаевском народном орнаменте на войлочных коврах – кийизах, на тульях головных уборов – папах и войлочных шляп, на башлыках, погребальных платьях Средневековья [676].

Большое количество отмеченных образцов амулетов можно видеть в археологическом материале из памятников Балкарии и Карачая [677]. Интересно отметить круг с перекрещивающимися четырьмя лучами на сюжете наскальных изображений XVI–XVII вв. в верховьях реки Тызыл в Баксанском ущелье [678]. С этим магическим изображением у балкаро-карачаевцев связана одна из древнейших и строжайших клятв, наподобие устной клятвы: «Тейри урсун!» – «Пусть поразит Тейри!». М. М. Ковалевский отмечал, что у балкарцев существует древнейшая клятва: «Начертят круг острием палки на земле, затем в нем крест-накрест две линии (четыре луча. – *И. М.*), становятся в центр круга и произносят присягу. Это называется у них *Къач*»[679]. Это же изображение наносилось на дверях, стенах домов в знак особого благодарения Тейри или выражения большого удовлетворения и радости по поводу какого-либо явления (*ил. 88*).

С поклонением Тейри и солнцу связан и культ огня, широко распространенный в мировоззрении тюркских народов [680]. Огонь, по их представлениям, является олицетворением солнца и обладает большой очистительной силой. С этим культом связан и обряд трупосожжения у тюркских племен [681]. Такой обряд зафиксирован и в средневековых могильниках верховьев Чегема [682]. Как и у всех народов, огонь у балкарцев и карачаевцев пользовался особым почитанием. Поддержание постоянного огня в очаге считалось первостепенной обязанностью хозяйки дома. Неугасимости домашнего очага придавалось особое значение. Самое страшное проклятие у них звучало: «Да потухнет огонь твоего очага». В определенный день огонь из очага нельзя было даже давать соседям, чтобы не приобщить их к своему очагу. Огонь нельзя заливать водой. Аналогичное отношение к огню существует и у других народов [683].

У балкаро-карачаевцев широко бытует культ домашних животных, особенно овец, божеством и покровителем которых является золоторогий *Аймуш* [684]. Он помогает овчарам перегонять отары с места на место, охраняет овец, становится во главе отары и ведет их по водным преградам и пр. Аймуш по своим функциям очень близок распространенному у тюркских народов белому маралу, ему балкарцы и карачаевцы приносили в жертву первого ягненка из нового приплода года – *Теллю-баш*.

Для нашей темы весьма важно отметить близость мотива об Аймуше и преодолении водных препятствий по дну рек и озер с известной легендой гуннов о том, как дорогу через Азовское море им показала некая лань, следуя за которой охотники-гунны вышли по удобным для перехода местам моря на западный берег Меотиды и открыли для себя новые земли в Причерноморье [685].

В связи со сказанным небезынтересно сравнить имя божества Аймуш с именем булгарского хана Алм-с [686]. Отождествление своего хана с божеством и почитание его как такового и взаимопереход их имен – вполне закономерное явление в древнетюркском мире [687]. Достаточно вспомнить, что у древних тюрков божество и хан постоянно отождествлялись. Подобное отождествление особенно ярко выражено в обожествлении волка. Даже весь древнетюркский род «Ашин» означает «благородный волк». По-монгольски «шоно» означает «волк», а приставка *а-* является префиксом уважения в китайском языке. Отсюда получается, что переданное китайскими источниками имя рода «Ашино» означает понятие «благородный волк». Китайские источники слова «волк» и «хан» считали синонимами. Сами же тюрки говорили, что «хан по своим свойствам есть волк». Золотая волчья пасть красовалась на древнетюркских знаменах [688]. Этими фактами можно объяснить и множество бронзовых амулетов-подвесок в виде волчьей пасти, обнаруживаемых в археологических памятниках Южно-Русских степей и Северного Кавказа [689].

Как и у многих тюркоязычных народов Алтая, Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Кавказа, у балкарцев и карачаевцев был распространен обычай гадания о приплоде стада, о войне и мире, о прочих важных вопросах по кости лопатки жертвенной овцы [690]. Почетные доли туши (лопатки) жертвенного животного приносили ко всякого рода культовым местам, одиноким камням, деревьям и пр. Например, на горе Донгат Чегемского ущелья нам приходилось раскапывать интересный культовый камень, изображающий одновременно и женский, и мужской половой орган. Вокруг него было обнаружено множество костей именно бараньих лопаток, осколки керамических сосудов и пр.

В свое время М. М. Ковалевский отмечал другой ритуальный камень-фалл у сел. Верхний Чегем, к которому бездетные приходили с подношениями и просили у него детей [691]. Подобные же дары бездетные женщины приносили к «Одинокой сосне» в Карачае [692]. Культ животных и культ камня, по нашему мнению, нашли символическое сочетание в так называемом *Абсаты-таш* (камень Абсаты), представляющем собой монолитную стелу

высотой около 4 м. Она изображала какое-то дикое животное, скорее всего лань, и, как отмечалось, была обнаружена в дремучем лесу Чегемского ущелья в 1959 г. Поскольку Абсаты – это балкаро-карачаевское божество охоты, покровитель диких животных и охотников, то место его обнаружения и изображение животного представляют большой интерес. Ныне головная часть этой стелы выставлена во дворе Национального краеведческого музея в городе Нальчике. Культ камня отражен в названиях и функциональных назначениях многих ритуальных камней: *Налат-таш* (Камень позора), *Къарындашла-таш* (камень Братья), *Къарачайны къадау ташы* (Замковый камень Карачая) и др. У карачаевцев в прошлом бытовала поговорка: «Наша мать – Кубань, а наш отец – камень»[693] (*ил. 28, 29*).

Широко был распространен у этих народов и культ коня. Черепа лошадей, служащие в качестве оберегов, очень часто можно видеть на изгородях пастушеских загонов, на заборах крестьянских подворий. В 1965 г. нам неоднократно приходилось видеть иссохшие древние черепа лошадей, прикрепленные к центральным опорным столбам старинных карачаевских жилищ на древних заброшенных поселениях. Поскольку центральный столб жилища балкаро-карачаевцев считается святыней и олицетворяет собой нерушимость семьи и рода, то подвешивание черепа лошади именно на эти столбы приобретает особый символический смысл. Балкарские фольклористы неоднократно отмечают старинное народное сравнение: «Голова коня – солнце»[694]. Возможно, именно по этому поверью у балкарцев и карачаевцев считается большим грехом бить коня по голове.

У балкарцев и карачаевцев широко бытовал культ быка. Так, например, в нартском эпосе говорится о том, что однажды герой Карашауай встретил нартского пастуха, который стерег большое стадо. Среди стада был знаменитый и обожаемый всеми огромный Черный бык в 64 обхвата размерами. Ежегодно нарты устраивали около этого быка различные ритуальные игры, ристалища, жертвоприношения и, как правило, безуспешно пытались перепрыгнуть на коне через этого быка [695]. Карашауай же несколько раз перепрыгнул туда и обратно через него на своем с виду невзрачном коне Гемуде, а в конце игрищ схватил быка за рога и воткнул его головой в землю. Этот эпизод нартских сказаний напоминает святилище Быка у дунайских болгар. Никифор писал, что однажды болгары расправлялись со своими священниками, распространявшими христианство. Одного из них схватили, привели к «Форуму быка», издевались над ним, «а один из архиереев-язычников, подняв вверх чудодейственное древо, поклялся, что он никогда не будет поклоняться священной иконе»[696].

В рассказе Никифора, кроме культа быка, отмечается и культ дерева, о котором мы уже говорили. Если булгары расправлялись со священниками, борющимися с язычеством, то в эпосе, наоборот, мы видим, как Карашауай расправился с языческим культовым быком нартов.

В связи со сказанным необходимо привести интересное этнографическое наблюдение у крымских болгар в сел. *Карачоле*, название которого, кстати, точно повторяет этноним карачаевцев, приведенный А. Ламбер-

ти в 1654 г. в форме *Карачиоле*. В этом селении жили греко-болгары; «карачольцы сохранили болгарский язык, костюм и быт», пишет этнограф Фонберг [697]. Здесь 21 мая, в день древнего земледельческого праздника, торжественно приносили в часовню иконы святых Константина и Елены, а затем обратно уносили к роднику, где эти иконы постоянно стояли. На рассвете этого дня к источнику собирались из Карачоле и других сел и пригоняли жертвенный скот. Самой главной и почетной жертвой был бык с «позолоченными рогами». К этому быку выходил почтенный старец из часовни и, шепча на ухо быка заклинание, закалывал его и горячей кровью мазал себе лоб и щеки. Затем мясо быка варили, угощались, танцевали, устраивали хороводы и игры.

Почти идентичный обряд бытовал в прошлом у балкарцев. В 80-х гг. XIX в. в сел. Верхний Чегем, на правом берегу речки Джилги-су, стоял каменный домик, называвшийся *Нартжыя*. По сведениям В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского, «при этом домике держали быка на общественных началах и обильно кормили его всем аулом до дня весеннего праздника начала полевых работ. В этот день выводили этого откормленного быка в поле и гадали об урожае и приплоде скота. Если он мычал, подняв голову, то ожидался хороший урожай на верхних полях, если же мычал, опустив голову, то урожай ожидался на нижних полях. Затем быка резали и устраивали жертвенный пир. Каждая семья к этому дню печет пироги – хычины и несет к этому домику; напротив этого святилища была площадка, на которую собирались петь магическую песню «*Чопла*». Эту песню пели вокруг человека, пораженного молнией»[698].

В подтверждение этого сообщения ученых нельзя не привести еще одну этнографическую подробность, записанную нами 24 февраля 1962 г. в сел. Верхний Чегем из уст старейшего знатока балкарской этнографии и фольклора Ибрагима Эдокова, неоднократно консультировавшего археолого-этнографические и фольклорные экспедиции1958–1963 гг.[699]: «В засушливые и сухие времена года, особенно летом, балкарцы, следуя древним обычаям, устраивали религиозные празднества у Намаз-таша (Камень намазов). Празднества эти заключались в прошении у бога дождя. Для этого жители ближайших сел Суусузла, Ачи, Кам, Думала, Булунгу, Эль-Тюбю приобретали сообща быка, откармливали его и приносили в жертву у этого большого камня. Место это считается в народе священным. После чтения молитв быка сваливали, поворачивали к Мекке и резали. Мясо его варили в огромном котле «Сыра къазан» (котел для пива). В другом таком же котле варили ритуальную кашицу – *гёже* (о которой мы упоминали. – *И. М.*). Пока шли эти приготовления, молодые люди и дети, разделившись на две группы, устраивали игры – «*Суу оюн*» – и обливали друг друга водой. Старики занимались чтением молитв и намазом, а затем, усевшись вокруг котлов, начинали все присутствующие жертвенную трапезу».

Есть возможность предположить, что «Форум быка» у болгар VIII в., «Бык в 64 обхвата» у нартов, обряды с жертвоприношением быков у бал-

карцев и крымских болгар XIX в. – все это восходит к одному древнему булгарскому поверью.

В своем описании путешествия по Балкарии М. М. Ковалевский рассказывает интересный случай [700]. У сел. Былым во время раскопок средневековых склепов «балкарцы, копавшие склепы, неожиданно увидели пробежавшего зайца и, побросав лопаты, бросились ловить его. Поймали, погладили и отпустили». Выдающийся знаток законов и обычаев кавказских народов не нашел ничего, с чем можно было бы сравнить эту детскую погоню взрослых мужчин за зайцем, как сравнить ее с известным сюжетом из Геродота о погоне за зайцем скифских воинов на глазах у могущественного войска Дария [701]. Эти рассказы напоминают сюжет из цикла о Рачикау в балкаро-карачаевском нартском эпосе, в котором описывается, как из-под копыт скачущего коня героя выскакивали зайцы. Такая деталь в сказаниях соседних народов не встречается [702], но зато в скифских памятниках очень часты находки различных предметов с изображениями всадников и скачущих вокруг них зайцев [703].

В традиционной культуре исследуемых народов в прошлом широко был распространен культ железа. Это хорошо иллюстрируется циклом нартского эпоса о родоначальнике всех нартов и первом их кузнеце – легендарном *Дебете*, а также в образе упоминавшегося коня Гемуды, который питался железными стружками и т. п.[704] С помощью железных ножей, ножниц, кинжалов и различных причитаний балкарцы и карачаевцы «завязывали пасть волку», чтобы он не мог пожирать их скот, а их стадо приумножалось. Железо, по их представлениям, способствовало легким родам у женщин, и поэтому железные предметы клали в постель роженице. Железо выступало и в роли оберега, как в случае с «завязыванием пасти волка», поэтому железные предметы – кинжалы, ножи и ножницы – подкладывали в колыбель ребенку. Возможно, этим культовым отношением можно объяснить почти повсеместное обнаружение в балкаро-карачаевских погребениях XIII–XVIII вв. железных ножей, ножниц, кинжалов и в женских, и в мужских захоронениях. У балкарцев и карачаевцев существовал обычай размахивать над головой невесты железным кинжалом, прежде чем ввести ее в дом жениха. Этим самым они будто бы очищали ее от всяких «злых духов».

Общими для многих древнетюркских племен и современных тюркоязычных народов являются верования в различные магические существа: «Суу анасы» (Мать воды), «Суу бабасы» (Отец воды), «Жер иеси» (Хозяин места, земли), в Алмасту и оборотней-обуров и т. п.[705] В представлениях балкарцев и карачаевцев эти существа владеют водой, землей, охраняют отдельные места. Обуры-оборотни и ведьмы всячески вредят людям, даже кушают человеческое мясо, превращаются в различных животных, чтобы заманить людей в западню и т. п. Оборотни-ведьмы напоминают легенду о происхождении гуннов от неких оборотней, которую рассказывали сами гунны римскому послу Приску [706].

Такой же общий характер носит и обряд «Прошение дождя» посредством «купания лягушки» у балкарцев, карачаевцев, чувашей и др.[707]

Завершая этюд о специфических элементах духовной культуры балкарцев и карачаевцев, способных пролить определенный свет на вопрос об их этногенезе, считаем необходимым отметить несколько интересных наблюдений Г. Рубрука и П. Карпини из жизни и быта кипчаков-куманов XIII в. Первое, что бросается в глаза исследователя, это то, что в рассказе Г. Рубрука говорится, как кипчаки «считают за дурное знамение или признак, или за дурное предзнаменование, когда кто-нибудь сидит перед ними, наклонив лицо, как бы печальный, особенно если он опирается на руки щекой или подбородком»[708]. Он же продолжает, что при затмении солнца или луны кипчаки «бьют в барабаны и другие инструменты, производя великий шум и крик»[709]. Весьма любопытна и такая деталь их мировоззрения, как почитание домашнего порога.

Вот что по этому поводу писал П. Карпини: «Заставили нас, чтобы мы бережно остерегались ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает порог ставки какого-нибудь вождя»[710]. Все эти три оригинальных элемента идеологических представлений кипчаков-куманов в точности соблюдаются балкарцами и карачаевцами.

В итоге изложенного становится очевидным, что и духовная культура балкарцев и карачаевцев содержит весьма выразительные и уникальные элементы, уходящие своими корнями в мировоззрение древних племен – гуннов, булгар, кипчаков и др.

5. Некоторые фольклорные сюжеты в свете этнической истории балкарцев и карачаевцев

К анализу фольклорного наследия балкарцев и карачаевцев в свете их этногенеза целесообразно подходить с позиций выдающегося русского ученого В. О. Ключевского (1841–1911). Касаясь вопросов этнической истории русского народа, он писал, что начальные моменты истории надобно искать прежде всего в памяти самого народа. Воспоминания народа, по его мнению, не бывают случайными, беспричинными, поскольку «народ есть население, не только совместно живущее, но и совокупно действующее, имеющее общий язык и общие судьбы. Поэтому в народной памяти обыкновенно надолго удерживаются события, которые коснулись всего народа, в которых весь он принял участие и через это участие впервые почувствовал себя единым целым»[711]. В истории младописьменных народов эта народная память приобретает первостепенное значение, так как нет письменных свидетельств о процессе их этногенеза. Но историческая действительность в фольклорном произведении дается всегда в формах широкого художественного обобщения, в которых жизненный материал группируется и предстает в виде наиболее выпуклых, ярких образов и циклов. При создании фольклорного произведения люди всегда, «опираясь на извлеченный из суммы реально данного его основной смысл, добавляют, домысливают и дополняют образ», писал А. М. Горький [712]. Сле-

довательно, художественный вымысел не произвольно взятая категория, а предсказан всем ходом общественно-исторического развития [713]. Отсюда следует, что художественное воображение не противостоит реальной жизни, а является лишь формой ее художественного обобщения [714].

Исследователи эпических сказаний единодушны в том, что сходство эпоса тюркских народов, русских былин, сказаний германских народов объясняется различного рода сношениями этих народов в период великого переселения IV–XIV вв. Степные скотоводческие племена Евразийских степей общались между собой в течение многих веков. Их культурно-экономические, языковые и историко-политические связи, создание и распад целого ряда племенных объединений и конгломератов объясняют в конечном счете значительные совпадения в эпосах тюркоязычных народов Алтая, Саян и Кавказа [715]. При сравнении фольклорного материала с данными других исторических дисциплин отслаиваются различные напластования позднейших эпох на первоначальное ядро или сюжет фольклорного произведения, как, например, в нартском эпосе должен отслаиваться вплетенный туда эпизод с ядровым орудием – пушкой или внесенное в легенду о происхождении балкарцев и дигорцев огнестрельное ружье и т. п.[716] После «очистки» от подобного рода наслоений всегда есть возможность обнажить истоки или ранние сюжеты фольклора, которые могут стать в руках исследователей важным источником в раскрытии интересных вопросов этнической истории народа.

В эпической памяти балкарского народа сохранилось очень интересное и содержательное предание о том, как был заселен их край и образовался «Малкъар эл», т. е. «Балкарское общество».

Суть предания сводится к следующему: «Когда-то в незапамятные времена в ущелье Балкарии пробрался один охотник по имени Малкъар, человек неизвестного происхождения, и застал там на одной поляне поселок из нескольких дворов, жители которого называли себя *таулу* (т. е. горец). Малкъару эта местность понравилась, и он решил навсегда остаться там, переселив туда и свой род. Старожилам это не особенно понравилось, поэтому Малкаровы поселились на другой поляне, и оба рода жили спокойно, размножаясь... Однажды к Малкаровым является неизвестный человек по имени Мисака и останавливается в гостях у Малкаровых, которых к тому времени было 9 братьев и единственная сестра – красавица и умница... Мисака, поправ гостеприимство братьев, злодейски их убивает и завладевает их богатством и сестрой... Затем он привел туда своих людей и начал притеснять мирных тружеников *таулу*, которых в конце концов превратил в своих данников. Потомки Мисака носят фамилию Мисаковых и считаются балкарскими таубиями... Через некоторое время после этих событий в ущелье, получившее уже название «Малкъар», по имени охотника, открывшего его с первыми поселенцами-таулу, является воин по имени Басиат. Вместе с ним был его брат Бадинат. По одной версии предания, они прибыли на Кавказ из Венгрии, по другой – из Крыма. От Басиата пошли балкарские таубии, а от Бадината – дигорские феодалы...»[717]

Таково предание. Как и всякому другому, нельзя во всем верить и этому, но несомненно то, что память народная схватывает определенные события из жизни народа и на протяжении многих эпох дополняет их сюжетами последующих времен. Многие имена могут перемещаться вместе с событиями, с ними связанными, а вполне возможно, что одно и то же событие может быть приписываемо нескольким персонажам, и т. п. Таким образом, первоначальное, основное зерно оказывается скрытым под многовековым фольклорным напластованием. Многие сюжеты жили порой «второй» и «третьей» жизнью в позднейшие эпохи. Вместе с тем всякое фольклорное произведение, а тем более предание, содержит и свое определенное историческое зерно; вполне возможно, что в нем отображены когда-то имевшие место реальные исторические факты. В данном случае историческим зерном является тот археологически доказанный факт, что до прихода сюда Малкъара здесь жили местные племена – *маулу* (горцы), с которыми связывается знаменитая кобанская археологическая культура поздней бронзы и раннего железа [718]. Важно также, что вновь образовавшееся общество получает имя Малкъар, вошедшее в исторические документы как Балкар или Малкар.

Такова первоначальная основа предания, на которую позднее отложился сюжет с пришельцем-истребителем и поработителем Мисакой. По преданию, этот Мисака «жил где-то на Кумыкской равнине в Дагестане». И последний эпизод с братьями Басиатом и Бадинатом уже конкретно говорит о балкарцах и их ближайших соседях – дигорцах.

Эпизод, как некий охотник, будучи на охоте, в погоне за дичью, особенно за оленем, открывает новые земли, – довольно распространенный сюжет балкаро-карачаевского фольклора. Так, например, карачаевский герой – охотник по имени Боташ, – преследуя оленя, открыл для себя новые земли в долине Кубани и Теберды [719], а карачаево-балкарский нартский герой Ёрюзмек однажды, преследуя белого оленя, открыл неведомый, новый замок – Белую крепость [720].

Мы считаем, что исследователь, занимающийся вопросами проникновения в ущелья Кавказа тюркоязычных племен, не может не обратить внимания на следующие факты:

- предания об охотниках Малкъаре, Боташе и нартском герое Ёрюзмеке, открывших для себя новые земли, замки, крепости, будучи на охоте и преследуя оленей, удивительно созвучны легенде гуннов о том, как дорогу через Меотиду к степям Причерноморья указала им лань, преследуя которую, гуннские охотники вышли на западный берег моря и открыли для себя новые земли [721];
- имя другого охотника, Мисака, жившего на равнинах Дагестана, по нашему мнению, совпадает с именем «Масаха» у гуннов, живших действительно в тех районах [722];
- в упоминавшейся «Белой крепости», к которой привела белая лань Ёрюзмека, мы склонны видеть название хазарской крепости «Белая Вежа»

или «Саркел» (Сары-кала), отраженное в эпической памяти тюркоязычного населения Центрального Кавказа;

■ в имени «Малкъар» нетрудно видеть этноним «Болкар» или «Болгар»;

■ о том, что термин «Басиат» связан с этнонимом «Басы» Хазарского каганата, мы уже говорили.

Одна из древнетюркских легенд повествует о том, что когда-то род тюрков был полностью истреблен, остался лишь один мальчик, которого враги, отрубив ему руки и ноги, выбросили в реку. Его выловила одинокая волчица и в пещерах Алтая родила от него 10 сыновей. По истечении времени род этот разросся, и вышел из пещер народ Асян/Ашин – род волка и «стал плавить железо для жужжаней», которых В. В. Бартольд считает аварами, а Л. Н. Гумилев – одним из древних племен с диалектом монгольского языка [723].

Китайские источники говорят, что «пещера» эта находится в центре Алтайских гор: «В горах есть пещера, а в пещере есть равнина, поросшая густою травою на несколько сот *ли* * окружностью. Со всех сторон пещеры лежат горы». Здесь интересно то, что типичная горная котловина или долина названа в фольклорном преображении «пещерой»[724]. Отсюда становится очевидным, что род Ашин, или Асян, вышел из горной долины на равнину и стал подвластен жужжаням.

Древнетюркская легенда о единственно оставшемся в живых мальчике, по нашему мнению, нашла отражение в одном карачаево-балкарском фразеологизме: когда балкарцы и карачаевцы хотят подчеркнуть глубокую древность, глубь веков, то называют это термином «*къалыу бала*», а глубочайшую древность или понятие «испокон века» именуют термином «*къалыу баладан бери*». Оба эти термина означают: «оставшийся ребенок», «со времен оставшегося ребенка». Не исключена возможность подумать, что эпическая память народов сохранила отзвуки этой легендарной глубокой фольклорной темы.

Упомянутая легенда удивительно переплетается с одним из эпизодов нартского сказания балкарцев и карачаевцев. К нартам прибыл некий Бёдене с особого рода собаками – водолазами и следопытами [725]. Нарты выдали за него свою девушку, он стал зятем нартов и поселился в ауле Кинта (Чинта? – *И. М.*). Детей у него не было. Служанка одной княгини однажды шла за водой к реке Эдил (Волге. – *И. М.*). К бежавшей за ней собачке приставали кобели, но она бойко оборонялась и не подпускала их к себе. Служанка пристыдила их: «Как вам не стыдно, сколько вас, а она вас всех одолевает». А про себя подумала: «Если бы ко мне приставал мужчина, я бы тоже так поступила». Это услыхал Бёдене и решил испытать ее... И он одолел ее. На укоры княгини она сказала, что зачала от солнечного луча и с истечением времени втайне от всех родила сына и выбросила его в реку. Мальчика выловил и вырастил Бёдене. Героя назвали Рачикау. Он сдружился с нартами. Нарты хотели за него выдать одну из своих девушек.

---

* Л и – единица площади в Китае, равная ≈ 6 м^2. – *Изд.*

В этом эпизоде очень важно имя пришельца – Бёдене, тождественное имени *Беджене(г)* – «печенег», этимология которого означает «зять», а точнее, «свояк»[726], каковым он и являлся на самом деле для нартов.

Некоторые исследователи не без основания полагают, что этноним «бедженаг», «бедзенаг», а вместе с этим и имя Бёдене, возможно, сохранились в названии старинного балкарского селения Безенги. Совпадение этих сюжетов наблюдается и в том, что в древнетюркской легенде род Ашин родился от волчицы, а в карачаево-балкарском эпосе причиной зачатия, так или иначе, явилась собака. Уникальные параллели наблюдаются и в том, что люди рода Ашин/Асян, выйдя из пещер, стали плавить железо для жужжаней, а в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев повествуется о первом нартском, эпическом кузнеце следующее:

Это было в давние времена:
Обитало в пещерах все племя людское
В те года, когда каменным было сито,
Бог огня стал супругом богини земли,
Загремело вдали, загремело вблизи,
И земля зачала... и родился Дебет [727].
Перевод С. Липкина

Все это красноречиво иллюстрирует выход рода тюрков из гор, переселение их к жужжаням и умение обрабатывать железо, как и первый нартский кузнец Дебет, знающий все секреты железа.

По второму варианту легенды, древние тюрки произошли от рода *Со* и той же волчицы. От их потомков сохранились только четыре внука волчицы. Первый превратился в лебедя (Ку). Второй, под именем Цигу, поселился между реками Абу и Гянь, а третий и четвертый поселились на реке Чуе на Южном Алтае. Н. А. Аристов сопоставил первого внука с племенем лебединцев Ку-киши (Лебеди-люди), занимавших реку Ку (река Лебедь). Второго внука он связал с киргизами, живущими между реками Абакан (река Абу-кан) и Енисеем (река Гянь-кам), третьего внука он считает сыном старшего сына волчицы Асян-шу. Род Со он сопоставил с подразделением Со среди североалтайского племени кумандинцев, занимавших реку Бий [728]. Этот вариант легенды интересен тем, что один из древнетюркских родов ведет свое происхождение от легендарного Лебедя. Не потому ли среди амулетов тюркских племен так много встречается изображений птиц в виде головок, расположенных по кругу, очень часты изображения птиц на керамике в виде ручек или крышек сосудов. У чувашей и татар, например, гусь и лебедь, обозначаемые одним термином, являются жертвенными птицами при различных ритуальных торжествах [729]. Очень часты в археологическом материале Евразийских степей находки амулетов с так называемыми *соколиными головками*, встречавшиеся еще в скифское время. Не отсюда ли идут пайцза Чингисхана с изображением соколиной головы и вдохновляющий клич кочевников при набегах: «Ку! Ку!».

Согласно переданной китайскими авторами легенде, все представители рода Со погибли «из-за собственной глупости», остались в живых

лишь упомянутых 4 внука. В чем проявилась эта глупость, авторы не говорят. Но для нас интересно то, что эта легенда удивительно повторяется, а в отдельных деталях и существенно дополняется нартскими сказаниями карачаевцев и балкарцев. Так, например, у первого кузнеца нартов, того же Дебета, жившего в пещере, было 19 сыновей. Старшего сына звали Гу, за ним шел Чехни (на цокающем диалекте карачаево-балкарского языка – Цехни). Совершенно очевидно, что здесь повторяются имена внуков волчицы: Ку и Цигу. Цикл сказаний о сыновьях Дебета Гу и Цехни, как нам кажется, проливает свет на не объясненную китайскими авторами глупость рода Со, из-за которой все погибли. Гу был пастухом, пас отцовских овец, а Цехни – могучий и ловкий зверолов и охотник – всегда над ним подсмеивался и говорил, что тот не сможет уберечь отару от ловкого вора, который может подкрасться ночью. Старший отвечал младшему брату: «Эй ты, сокол мой зоркий, мой волк быстроногий!.. Где тут взяться нежданному вору!». Однажды ночью шутник Цехни подкрался к отаре Гу, а тот, услышав шорох в кустах, пустил туда стрелу и убил кравшегося «вора», которым оказался его брат Цехни. Терзаемый горем братоубийца Гу превращается в морскую чайку [730]. Не этот ли трагический случай подразумевает под глупостью, погубившей род Со, китайская хроника, передавшая древнюю тюркскую легенду?

С отмеченными четырьмя внуками волчицы древнетюркской легенды возможно сопоставить 4 колена древних булгар: Купи-булгар, Дучи-булкар, Огхондор-булкар и Чдар-болкар [731] – с четырьмя родами болгар, отмеченными в Именнике болгарских князей IX в.: Дуло, Укуль, Ерми и Угаин [732]. Сюда же вписываются предания о происхождении карачаевцев и балкарцев, в которых также фигурируют по четыре героя. В карачаевском предании это Карча, Будян, Науруз и Адурхай [733], в балкарском – Малкар, Мисака, Басиат и Бадинат. Здесь же надо отметить четыре группы – «Дорт карача» – в Крымском ханстве, выступавшие как отдельное княжество. Князь крымских карачаев Карачей Сулешев в 1615 г. при царе Джанибек-Гирее заключает договор с русским послом, о чем говорится в шертной грамоте Джанибека [734].

С указанными загадочными четырьмя внуками волчицы, жившими в «пещере», есть возможность сравнить наскальные изображения в верховьях реки Тызыл в Баксанском ущелье. Здесь, примерно в 11 км от сел. Кёнделен вверх по реке Тызыл, на левом ее берегу в небольшой пещерке, на потолке, потускневшей тёмно-красной краской нарисованы изображения четырех длинношеих, фантастических птиц, идущих колонной. Рядом с ними, в 15 м, на открытых скалах имеются изображения – всадник с луком, какое-то четырехногое змеевидное чудовище; ломаные линии, изображающие горы; а над всем этим, наверху, нарисован круг с четырьмя перекрещивающимися лучами, т. е. графическое изображение культа солнца и упомянутой клятвы «Къач»[735] (*ил. 88*).

Здесь наше внимание привлекает то, что птицы нарисованы не на открытых скалах, а на потолке пещеры, что заставляет вспомнить ле-

гендарную «пещеру» тюркского рода и родившихся там четырех внуков, один из которых превратился в птицу.

В июле 1909 г. Н. Е. Талицкому на известном средневековом городище Хумара мальчик-проводник рассказал карачаевскую легенду об огромной четырехногой змее с небывалой силой: «Увидев жертву, она берет свой хвост в рот и катится на врага и бьет хвостом, отпустив его с такой силой, что никакая лошадь не в силах устоять или убежать от нее»[736]. Поиски объяснения этой легенды натолкнули Талицкого на карачаевскую легенду об их происхождении и расселении на нынешней территории. В 1896 г. 120-летний Джанкёзов и другие старожилы относили это событие к XIII–XIV вв. (к 1287-му или 1309 г.)[737]. Согласно легенде, родоначальник карачаевцев Карча со своими сподвижниками – Будяном (Будуян), Науруз, Адурхаем – и подданным ему народом первоначально поселился в верховьях реки Зеленчук в местности Загдан и Архыз. Из-за начавшихся столкновений с абазинами, переселявшимися на северные склоны Кавказа (XIV–XV вв. – *И. М.*), Карча вынужден был оставить эти места. В поисках новых земель он со своими спутниками двинулся в путь. «Под одной из гор путники увидели большую змею, которая лежала поперек их пути. Путники испугались и, повернув в сторону, остановились на ночлег. Науруз, как опытный охотник, предложил убить ее в полдень, когда она будет спать на солнце. В полдень 60 всадников с Наурузом подъехали к ней и увидели, что она спит. Спала, и хвост ее лежал в реке, а голова и туловище – в долине»[738]. Охотники убили эту чудовищную змею.

Эта легенда живо напоминает чудовище-змею чувашских легенд – Юху, которая 100 лет живет как змея, затем 1000 лет живет в виде дракона-чудовища, а затем превращается в девицу Юху, но может приобретать и другие формы [739]. С легендарной змеей-чудовищем Юхой А. П. Смирнов связывает различные изображения змееподобных существ и драконов в археологическом материале Поволжья [740]. По нашему мнению, карачаевская легенда о змее находит красноречивое отражение в упомянутых наскальных рисунках из Тызыла, где изображен всадник, стреляющий из лука в змееподобное существо, а поодаль ломаной линией изображены горы, упомянутые и в легенде. Для дальнейшего раскрытия нашей темы стоит еще раз вернуться к циклу о Дебете балкаро-карачаевского эпоса. Один из сыновей Дебета, Алауган, долгое время оставался неженатым. Однажды он отправляется в далекий путь и у берегов Эдила (Волги. – *И. М.*) видит: сидит чудовищная женщина-эмеген. Закинув свои груди за плечи, она штопала огромной иглой-бревном громадную расщелину земли нитками-арканом. Алауган незаметно подкрался к ней сзади и прильнул к ее груди. «Ох, как ты быстро стал моим сыном, не то был бы лакомым кусочком к обеду», – огорчилась эмегенша. «Да, я поторопился стать твоим сыном, не то непременно убил бы тебя», – отвечал Алауган. В итоге, она выдает за него свою дочь, живут они в огромной пещере. Жена Алаугана, молодая эмегенша, как только родит ребенка, тут же его съедает. Так длилось долго. Отец не мог больше этого вынести и, подложив однажды вместо только что родившегося ребенка маленького щенка, которого эмегенша момен-

тально съела, уносит своего младенца-сына к Минги тау (Эльбрусу. – *И. М.*). Здесь он устраивает ребенка в трещинах ледника и со словами: «Пусть эти ледники будут тебе колыбелью», – покидает его. Мальчик Карашауай вырос, питаясь вместо материнского молока ледяными сосульками Эльбруса, и превратился в нарта небывалой силы и отваги [741].

Этот эпизод напоминает, как отмечалось, героиню с закинутыми за плечи грудями из фольклора чувашей, татар и волжских булгар [742]. Кроме того, в нем отражается и мотив гуннской легенды о происхождении гуннов от сожительства со страшными ведьмами-оборотнями. Есть возможность сопоставить волчицу древних тюрков, от брака которой с мальчиком они произошли, с щенком, с помощью которого удалось Алаугану спасти своего сына Карашауая.

Как известно, осетины-дигорцы и балкарцы связывают свое происхождение с двумя родными братьями – Басиатом и Бадинатом. Этим, вероятно, эпическая память народов отражает существующую большую культурную близость между дигорцами и балкарцами, почти полную идентичность распространенных у них одних и тех же патронимических названий и фамилий, общность одного и того же «цокающего» диалекта в их языках и т. п. Дигорские предания говорят о том, что Бадинат (Бадил) женился на карачаевской княжне из рода Крымшаухаловых. От этого брака у него родились семь сыновей: Туган, Кубат, Карачай, Абисал, Кабан, Чегем, Бетуй, от которых пошли все семь княжеских фамилий осетинского народа – Тугановы, Кубатиевы, Карачаевы, Абисаловы, Кабановы, Чегемовы, Битуевы [743]. Поэтому ничего удивительного нет в том, что на территории Северной Осетии, особенно Дигории, имеется более 150 тюркских топонимов, в т. ч. зафиксировано и имя родоначальника карачаевцев – Карча, звучащее на цокающем диалекте дигорцев как *Карца*. Для примера можно привести дигорское звучание названий таких селений, как Чми/Цми [744].

Некоторые историки считают возможным предполагать, что в преданиях о приходе братьев Басиата и Бадината на Центральный Кавказ получило своеобразное поэтическое осмысление историческое событие – переселение на Кавказ 20 тыс. булгар во главе с двумя родными братьями, – о котором повествует хроника Якобитского патриарха Михаила Сирийского (1126–1199). Согласно этой хронике, булгары обосновались у «Каспийских ворот», как в древности часто назывался и Дарьяльский проход [745]. Не лишено оснований также предположить, что в этих преданиях могло отразиться и историческое событие, связанное с походами через Кавказ и обратно двух гуннских братьев – Курсиха и Басиха [746]. Возможно также предположить, что мотивы о двух братьях могут восходить к преданию, переданному Прокопием, о том, что булгары произошли от двух родных братьев-гуннов: Утурку и Кутургу [747].

Много ценной исторической информации по рассматриваемому вопросу содержит балкаро-карачаевский нартский эпос. Обратим внимание на имя первого нартского кузнеца и отца нартов – Дебета. По нашему мнению, оно идентично древнетюркскому этнониму *Дебо* и названию тюркского племени *тобо,* которое в середине V в., покорив гуннов и объединив

все разрозненные племена, создало древнетюркскую империю, названную китайскими авторами *Вэй* [748]. Имя «Дебет» образовано с помощью характерного монгольского суффикса множественного числа «ат», прибавленного к корню «Дебо» или «Тобо». В балкарской среде эти этнонимы сохранились в названии патронимии – *Дебо-улу*. Представляется возможным связать имя нартского героя Ёрюзмека с именем кипчакского предводителя XIII в. – Арджу-мак [749], которое на цокающем диалекте балкарского языка будет звучать как Ардзумак, – очень близко к Ёрюзмек. В цикле о Ёрюзмеке в эпосе балкарцев и карачаевцев повествуется о том, что некий Туас согласился быть слугой у Ёрюзмека [750]. Имя Туас очень близко средневековому этнониму *Тулас/Дахсас*, который, как отмечалось, исследователи связывают с самоназванием балкарцев – *маулу*. Согласие Туаса стать слугой кипчака Арджумака вполне согласуется с историческим фактом покорения кипчаками остатков булгар, хазар и других насельников Северного Кавказа.

В том же цикле карачаево-балкарского эпоса говорится о жестоком притеснителе народа, кровожадном властителе Кызыл-Фуке, требовавшем от нартов непомерных налогов [751]. Быть может, эпический образ Кызыл-Фука сформировался под впечатлением злодеяний золотоордынского эмира Кызыл-Бука, сохранившихся в памяти народной. Известно, что Кызыл-Бук вошел в историю как жестокий вымогатель [752].

Рассмотренные сюжеты, конечно, не охватывают всего многообразия параллелей между фольклором древнетюркских племен и балкаро-карачаевцев, но представляют собой характерные примеры творческого отражения и переосмысления в балкарском и карачаевском фольклоре сказаний и легенд древних тюрков, гуннов, булгар и др. Мы стремились показать, что изучение балкаро-карачаевского фольклора и выявление этих параллелей может способствовать решению слабо разработанной проблемы этнической истории тюркоязычных народов Центрального Кавказа. Хотя привлеченные в этом этюде к сравнительному освещению ограниченные фольклорные материалы достаточны лишь для отдельных гипотетических выводов, становится безусловно очевидным, что этот материал в рассматриваемом вопросе может сыграть далеко не последнюю роль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование приводит к убеждению, что историко-культурное развитие балкарского и карачаевского народов в период между XIII и XVIII вв. оставалось одной из слабоизученных проблем кавказоведения. Настоятельная необходимость комплексного освещения этого чрезвычайно насыщенного различными историческими и этнокультурными событиями периода продиктована не только тем, что она охватывает довольно

существенный отрезок исторического времени – в 500 лет, но и тем, что именно в этот период истории балкарцев и карачаевцев проходит этап, завершающий их многовековое этногенетическое развитие. Кроме того, отмеченные хронологические рамки исследования высвечивают историю и культуру этих народов между такими крупными вехами, как последствия монголо-татарского и тимуровского нашествий и окончательное завершение процесса присоединения Балкарии и Карачая к России. Все эти факторы, вместе взятые, придают исследованной теме особую актуальность.

Результаты исследования позволяют автору надеяться, что в определенной степени удалось сократить весьма ощутимый пробел между археологическими исследованиями, почти не переступавшими границ XIII–XIV вв., и работами этнографов, редко уходящими глубже XVIII в. Всесторонний анализ многочисленных археолого-этнографических памятников XIII–XVIII вв., в подавляющем большинстве исследованных и изученных автором этих строк, дает возможность ретроспективно намного глубже рассматривать традиционную материальную и духовную культуру балкарского и карачаевского народов.

Подробная характеристика существующих источников и историографии этих народов в отмеченных хронологических рамках довольно ярко выявила тот факт, что многие первоисточники либо трактовались слишком поверхностно, либо вовсе не привлекались при освещении их истории дореволюционного прошлого. Проведенный анализ сведений Мотрэ, Витсена, Кемпфера, Купфера, Ибн аль-Асира, Шами, Йезиди и других убеждает нас в том, что многие факты из их трудов имеют непосредственное отношение к истории и культуре изучаемых народов. Сведения письменных источников и путешественников XIII–XIX вв. значительно дополняются и подтверждаются археолого-этнографическими памятниками Балкарии и Карачая.

Эти памятники позволили получить довольно многостороннее представление о планировке балкаро-карачаевских поселений и жилищ XIII–XVIII вв., о их специфических особенностях и дали достаточную информацию о ярко выраженной преемственности поселений и жилищ XIX в. с предшествующими памятниками. Проанализированные материалы говорят о том, что выбор места для поселения, планировка хозяйственного подворья, способы возведения стен, устройство перекрытия, очага, внутренний интерьер жилищ – все это складывалось на протяжении указанных хронологических рамок и в конечном счете стало характерными чертами традиционной культуры балкарцев и карачаевцев XIX века, достаточно изученной советскими этнографами.

При изучении истории формирования традиционной одежды и украшений балкарцев и карачаевцев, нам в большей степени, чем в вопросах о поселениях и жилищах, приходилось оперировать материалом, добытым исключительно археологическими раскопками, проведенными автором в 1961–1976 гг. В результате этих работ удалось достаточно полно охарактеризовать женскую одежду и украшения XIII–XVIII вв. Хотя и в

меньшей степени, чем женская, мужская одежда и ее приклад также получили определенное освещение для ретроспективного изучения одежды XIX в., хорошо известной в этнографической литературе.

Исследования отдельных элементов одежды и украшений показывают, что в них содержится большая потенциальная информация об этногенетической истории балкарского и карачаевского народов. Многие из этих элементов находят уникальные параллели и сходство с одеждой и украшениями древних и средневековых племен, обитавших на Северном Кавказе, в Южно-Уральских степях и сопредельных областях Евразии.

Археологические материалы и сведения путешественников указанного времени дали возможность предпринять попытку осветить балкаро-карачаевскую пищу и утварь XIII–XVIII вв. В материалах, позволяющих судить о пище и утвари того периода, наглядно видны истоки формирования традиционной пищи карачаевцев и балкарцев XIX в. В этих материалах нашли отражение и хозяйственный уклад, и этнокультурные контакты, и изменения в идеологических и религиозных представлениях этих народов.

Привлеченные к исследованию археолого-этнографические памятники в комплексе с письменными сведениями путешественников и ученых XIII–XIX вв. позволили автору в возможной степени подробно осветить один из важнейших вопросов истории балкарского и карачаевского народов – экономическое развитие Балкарии и Карачая в период между отмеченными крупнейшими событиями. Этот раздел работы наглядно высвечивает экономическое положение и жизненный уровень населения этих областей накануне великого и прогрессивного перелома в их истории – вхождения в состав России и вовлечения их в орбиту международных товарно-денежных отношений, проникновения в их быт фабрично-заводской продукции. Материалы свидетельствуют, что извечно практиковавшаяся в Балкарии и Карачае продукция высокоразвитого скотоводства (шерсть, войлоки, домотканые сукна, мясомолочные продукты и пр.) и горно-рудного дела (свинец, серебро, порох и пр.) пользовалась широким спросом как на общекавказском рынке, так и за его пределами.

Вместе с вопросами экономического развития, совершенно неосвещенной оставалась и социальная история балкаро-карачаевского общества в дореволюционном прошлом. Привлеченный в нашу работу материал из археолого-этнографических памятников в сочетании со сведениями русских и грузинских документов XVII–XVIII вв. позволили нам сделать ряд важных заключений.

Археологически изученные поселения и могильники свидетельствуют, что в изучаемое время социальное развитие балкаро-карачаевского общества шло по пути перехода от семейной общины к сельской; выделения малых семейных ячеек с отдельной кухней и очагом, а возможно, и хозяйством; перехода от родственного принципа расселения к территориальному, от моногенной к полигенной форме расселения. Иллюстрацией этого тезиса могут быть поселения и жилища Верхне-Чегемского и Эль-Джуртского поселений, а также одиночные захоронения на могильниках

Байрым, Ташлы-Тала, Карт-Джурт и других, пришедшие на смену широко распространенному коллективному обряду эпохи раннего Средневековья – в коллективных родовых склепах.

Балкарские и карачаевские могильники XIII–XVIII вв. представляют собой и образец существенного имущественного неравенства. Наряду с очень невыразительными, бедными и однообразными захоронениями, встречаются весьма пышные для своего времени погребения отдельных особ, например, на могильниках Байрым, Карт-Джурт, Ташлы-Тала и других, в которых обнаруживаются парчовые, импортные ткани, украшения, монеты и т. п.

Еще более наглядно выраженные сведения о социальной структуре общества можно получить при изучении архитектурно-археологических памятников Балкарии и Карачая.

О родовом принципе проживания свидетельствуют такие родовые укрепления, как Малкар-кала, Усхур-кала, Макка-кая и другие, фиксирующие имена своих основоположников и родоначальников балкаро-карачаевский патронимий.

На этапе выделения экономически и социально более сильных патронимических объединений появляются и мощные частносемейные архитектурные комплексы боевых и жилых башен, крепостей, расположенных на труднодоступных горных вершинах и утесах (Болат-кала, Зылги, замок Джабоевых и др.).

Как и в феодальной Грузии, на следующем этапе социально-экономического развития – при выделении уже отдельных феодальных фамилий – начинают появляться и отдельные, стоящие в центре горского аула на удобных участках княжеские башни. Им всегда сопутствуют и отдельные княжеские мавзолеи-усыпальницы (Абаевых, Балкаруковых, Крымшаухаловых и др.).

Все эти памятники материально запечатлели феодальные отношения в жизни балкарского и карачаевского народов. Тем самым они являются ярким материальным подтверждением сведений русских документов о балкарских и карачаевских мурзах, владетелях земель и т. д. Особенно важно, что они подтверждают и слова выдающегося грузинского историка и географа царевича Вахушти о том, что у здешних «басианов», т. е. в среде балкарцев, существовали и помещики, и крестьяне, подвластные своим князьям-таубиям. Наконец, важным свидетельством существования развитых феодальных отношений является документ, письменно закрепляющий земельную собственность (надпись 1715 г.).

Как и в любом раннефеодальном обществе, в Балкарии и Карачае существовали свои верховные правители, именуемые здесь *олий* (*вали*). При нем функционировали народное собрание и народный суд, в которых участвовали все князья, уздени, а иногда и представители крестьянства. Этот суд носил древнетюркское название – *Тёре*, т. е. «Закон». Заседание Тёре проходило под председательством олия; решения, принятые на Тёре, беспрекословно выполнялись всеми князьями, узденями и крестьянами.

В распоряжении олия всегда находилась военная дружина, во главе отрядов которой стояли подвластные олию князья. Исторически зафиксированным олием Балкарии XVII в. был Сосран Абаев, а в Карачае еще в 1829 г. правил олий Ислам Крымшаухалов, вошедший в историю как подписавший бессмертный документ – Акт о вхождении Карачая в состав России.

Конечно, раннефеодальные отношения в Балкарии и Карачае были чрезвычайно завуалированы пережитками родового строя, и веками практиковавшиеся институты молочного родства, аталычество и другие, искусно приспосабливались к феодальному строю и, как правило, служили на руку горским князьям-таубиям.

Впервые подвергнутая преломлению через призму этногенетической истории материальная и духовная культура балкарцев и карачаевцев открывает перед исследователями широкие перспективы в продвижении вперед вопросов их этногенеза. Эти возможности становятся особо зримыми на общем фоне характеристики историографии этой проблемы, в которой традиционной культуре народов не отводилось должного места. Анализ существующих точек зрения по этому вопросу убеждает в том, что отдельные авторы иногда подходили к нему либо с преднамеренной задачей, либо не совсем верно трактовали первоисточники. В результате сложилась такая ситуация, что в условиях истории младописьменных народов, когда нет письменных сведений о процессе этногенеза, большую роль могут сыграть специфические особенности веками формировавшейся традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Наше исследование приводит нас к солидарности с теми учеными, которые справедливо считают, что традиционная культура народа является таким же этническим определителем, как и язык.

Конечно, в вопросах этногенеза отдать предпочтение культуре народа, а не его языку невозможно. Но когда данные традиционной культуры, хозяйственного уклада и языка находят общие точки соприкосновения, а они, в свою очередь, подтверждаются историческими сведениями, тогда получаемые исследователями выводы приобретают особую значимость. В этом отношении очень важен тот многозначительный факт, что и в языке самих балкарцев и карачаевцев, и в языке соседних иноязычных народов совершенно без каких-либо изменений сохраняются либо как самоназвания балкарцев и карачаевцев, либо как их этнические названия в устах соседей, либо как топогидронимы Балкарии и Карачая – такие древние этнонимы, как *Ас*, *Алан*, *Болкар*, *Басил*, *Басмалы*, *Кутургу*, *Биттургу*, *Балым*, *Хазар*, *Кёнделен* и др.

Правомерность бытования этих, преимущественно тюркоязычных, этнонимов обуславливается многими специфическими элементами традиционной культуры балкарского и карачаевского народов. Среди них на первое место выходят срубные жилища, шапочки – «бокка», плащи-накидки – «гебенек», молочные продукты – «айран», «кумыс», изготовление войлочных ковров и различных изделий из войлока, употребление

мясных блюд из конины, баранины – «къазы», «тёш», «жёрме», «къыйма» и другое, вовсе не встречающиеся или не являющиеся исконно традиционными в материальной культуре соседних кавказских народов.

Такие же отличительные особенности наблюдаются и в духовной культуре балкарцев и карачаевцев. Здесь прежде всего следует отметить не встречающееся у соседних народов божество – *Тейри* (древнетюркское – *Тенгри*); почитание небесной радуги, первой весенней молнии и грома, почитание отдельных деревьев, культ быка, коня, зайца, железа, камня; верования в различных оборотней-обуров, хозяев земли, воды и т. п.

Поиски аналогий с этими элементами идеологических воззрений балкарцев и карачаевцев уводят нас в мир древнетюркских и гунно-булгарских племен.

В таких элементах мировоззрения, как устройство небывалого шума при затмениях солнца и луны с намерением испугать чудовищного зверя, «заглотнувшего» светила; запрет наступать на порог жилища; усматривать дурное предзнаменование в том, что человек сидит опершись щеками на обе ладони, проявляются уникальные и прямые параллели с мировоззрением куманов-половцев XIII в. Большая этногенетическая информация содержится в карачаево-балкарском фольклоре, который, к сожалению, никогда не подвергался исследованию применительно к проблеме происхождения этих народов. Так, например, в эпическом нартском сказании о Дебете и его сыновьях Гу и Цехни, по нашему мнению, удивительно «точно» отражена легенда о происхождении древнейших тюркских родов и взаимном истреблении родов Ку и Цигу.

Мотив древнегуннской легенды о том, как охотникам-гуннам случайно, в погоне за оленем, удалось найти брод через Меотиду и открыть новые земли, находит уникальное повторение в сказаниях балкарцев и карачаевцев о заселении ими нынешних областей, также обнаруженных охотниками Малкаром и Боташем, гнавшимися за оленем. Заслуживает внимания и тот факт, что нартский герой на охоте в погоне за чудо-оленем случайно обнаружил для себя новые земли – некую «Белую крепость».

Неизменно фигурирующих героев *по четыре* в преданиях балкарцев и карачаевцев о своих родоначальниках – Малкаре и Карче – мы склонны связывать с постоянными мотивами о четырех легендарных древнетюркских родах, об исторически зафиксированных четырех коленах древних булгар, о четырех подразделениях крымских Дорт-Карача и т. п.

Особого внимания заслуживают балкаро-дигорские предания о двух братьях, Басиате и Бадинате, – родоначальниках балкарских и дигорских феодалов. Сюжеты об этих братьях не могут не заставить вспомнить известия о двух братьях-гуннах Утурку и Кутургу, положивших начало древнебулгарскому объединению; о походах через Кавказ двух гуннских предводителей – Курсиха и Басиха; наконец, исторические сведения о расселении на Северном Кавказе части булгар под предводительством двух братьев.

Проанализированные в последнем разделе работы материалы приводят к убеждению, что многоплановый и многовековой этногенетический

процесс формирования балкарцев и карачаевцев как окольного самобытного этноса может быть освещен только усилиями всех смежных научных дисциплин. Предложенные этюды, выявляющие важнейшие этногенетические аспекты истории и традиционной культуры балкарского и карачаевского народов, свидетельствуют о том, что их основное этногенетическое ядро было заложено на Северном Кавказе в период проникновения и оседания здесь гунно-булгарских и древнетюркских племен. В различные исторические эпохи, в результате различных исторических событий на это ядро накладывались многие тюркоязычные этнические элементы, связанные с хазарскими и половецкими объединениями, приходившими в непосредственный контакт как с местно-кавказскими, так и с раньше их проникавшими в ущелья Кавказа тюркоязычными сородичами. Сложившаяся историческая ситуация и комплекс научного материала, которым располагают исследователи, говорят о том, что в распоряжении ученых нет достаточных и убедительных оснований считать балкарцев и карачаевцев лишь только потомками половцев, смешавшихся в XIII в. с горно-кавказскими племенами. Половцы, безусловно, приняли самое активное участие в этногенезе этих народов, но только как последняя и более мощная волна, снивелировавшая язык обитавших на Кавказе задолго до них различных тюркоязычных племен домонгольской эпохи.

В наш экскурс об отдельных аспектах этногенеза балкарцев и карачаевцев сознательно не включены данные карачаево-балкарского языка и раннесредневековой археологии IV–XII вв. Оба вопроса выходят за рамки нашего исследования, одна – по характеру специфики, другая – своей сравнительно ранней хронологией.

Завершая работу, считаем необходимым сделать оговорку о том, что рассматриваемые нами хронологические рамки XIII–XVIII вв. остаются столь же проблематичными и для истории и культуры других народов Северного Кавказа – вайнахов, осетин, адыгов, абазин, ногайцев и др.

Когда будут проведены обобщающие исследования по этим народам, тогда можно будет делать общие выводы об истории и культуре северокавказских народов между такими крупными событиями, как последствия монголо-татарского нашествия и завершение процесса вхождения народов Северного Кавказа в состав России.

Нальчик: Нарт, 1991

Примечания

[1] *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда бен Омара ибн Даста. СПб., 1869. С. 16.

[2] *Гаркави А. Я.* Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды IV археологического съезда в Казани. Казань, 1891. Т. 2. С. 243.

[3] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. Вып. 106. С. 73.

[4] *Байчоров С. Я.* Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к булгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1983. С. 135.

[5] *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 117–118.

[6] *Кокиев Г. А. И*з истории русско-осетинских отношений в XVIII в. // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1932. Т. 4. С. 133 (Приложение); *Он же.* Алано-балкаро-карачаевские этнические сближения: Рукопись // Архив Краеведческого музея в г. Владикавказе. Ф. Г. А. Кокиева, № 33; *Он же*. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 28 янв.

[7] *Кулаковский Ю.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 46.

[8] *Бутков П.* О имени «Козак» // Вестник Европы. 1822. Кн. 21. Ч. 1. С. 191.

[9] *Абаев В. И.* Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев: Материалы научной сессии (Далее: МНС). Нальчик, 1960. С. 131.

[10] *Хоренский Моисей*. История Армении / Пер. Н. О. Эмина. М., 1983. С. 62; *Кесарийский Прокопий*. История войн римлян с персами, вандалами и готфами. СПб., 1876. Кн. 1. С. 115–116.

[11] *Ган К.* Известия древнегреческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1890. Ч. 2. С. 208; *Кокиев Г. А.* Указ. соч.

[12] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 122, 182; *Мизиев И. М*. О некоторых оборонительных сооружениях средневековой Балкарии // КСИА. М., 1966. Вып. 113. С. 66; *Он же.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970. С. 51; *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. М., 1969. Вып. 4. С. 86–87; *Хизриев Х. А.* Борьба народов Северного Кавказа с экспансией Тимура: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1982. С. 12.

[13] *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 69; Турецко-русский словарь. М., 1945. С. 59.

[14] *Алексеева Е. П.* Малоизвестные сведения автора XV в. о карачаевцах и черкесах // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. С. 101–103; *Ламберти А.* Описание Колхиды, называемой ныне Мингрелией // СМОМПК. Тифлис, 1913. Вып. 43. С. 122; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX веков. Нальчик, 1974. С. 107; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 222. (Далее: КРО.)

[15] *Байчоров С. Я.* Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1977; *Он же*. Гуннско-протобулгарско-северокавказские языковые контакты // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982. С. 44–61; *Он же*. О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани // Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Черкесск, 1978. С. 103–131; *Он же.* Протобулгарские эпиграфические памятники Кубано-Терского междуречья // Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. С. 87–129.

[16] *Такайшвили Б. С.* Археологические экскурсии, разыскания и заметки // Известия кавказского отделения Московского археологического общества. Тифлис, 1915. Вып. 4. С. 106.

[17] *Вахушти*. География Грузии // ЗКОРГО. Тифлис, 1904. Вып. 24. С. 138, 141–156.

[18] *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 52.

[19] *Кулаковский Ю.* Указ. соч. С. 58, 64.

[20] Ученые записки Императорской академии наук по I и III отд. СПб., 1855. Т. 3. Вып. 5. С. 733.

[21] *Баскаков Н. А.* О происхождении этнонима «башкир» // Этническая ономастика. М., 1984. С. 13, 16; *Юсупов Г. В.* Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник изучения этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 228.

[22] *Немет Ю.* Список слов на языке яссов венгерских аланов. Орджоникидзе, 1960. С. 7.

[23] *Полиевктов М. А.* Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932. С. 9–10; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С. 261–262, 275–276; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. 1. С. 84–86; История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 282–286; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 124–129.

[24] Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1693-го по 1770 г. СПб., 1861. С. 1, 2, 8, 15–22; Покоренный Кавказ. СПб., 1904. С. 59; *Кушева Е. Н.* Указ. соч. С. 276; *Мизиев И. М.* У истоков великой дружбы // Блокнот агитатора Кабардино-Балкарского обкома КПСС. 1982. № 9. С. 14–23.

[25] КРО. С. 119 и сл.

[26] *Полиевктов М. А.* Указ. соч. С. 26.

[27] *Миллер В. Ф.* Терская область. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды // МАК. М., 1888. Вып. 1; *Ковалевский М. М., Иванюков И. И.* У подошвы Эльборуса // Вестник Европы. 1888. Кн. 4; *Надеждин П. П.* Кавказский край // Природа и люди. Тула, 1901.

[28] Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1887. Кн. 2. С. 302 и сл.; *Полиевктов М. А.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. С. 36; *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. Нальчик, 1981. С. 26, 30.

[29] КРО. –Т. 1. С. 222, 242.

[30] *Патканов К.* Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. СПб., 1883. Ч. 225. С. 25.

[31] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 4. С. 159–160; *Караулов Н. А.* Болкары на Кавказе // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 131–149; Международные отношения Грузии с иноземными странами. Тифлис, 1926. Т. 2. С. 32 и сл.; *Кушева Е. Н.* Указ. соч. С. 173.

[32] Переписка на иностранных языках... С. 61.

[33] *Виноградов В. Б.* Время, горы, люди. Грозный, 1980. С. 87–91.

[34] Ученые записки Императорской Академии наук... Т. 2. С. 569–576.

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] Там же.

[38] *Ламберти А.* Указ. соч.

[39] Адыги, балкарцы, карачаевцы... С. 87.

[40] *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 222–225; *Томилов Н. А.* Этнография тюркоязычного населения томского Приобья. Томск, 1980. С. 185–187.

[41] Адыги, балкарцы, карачаевцы... С. 118.

[42] Там же. С. 115–117.

[43] *Кононов А. Н.* Семантика цветообразования в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 г. М., 1976. С. 161–162.

[44] Адыги, балкарцы, карачаевцы... С. 125–129, 131–133, 138, 141, 144.

[45] *Кобычев В. П.* Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа в XIX–XX вв. // КЭС. М., 1972. Вып. 5. С. 157–163; *Он же.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982. С. 83–86.

[46] *Кокиев Г. А.* Материалы по истории Осетии // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1934. Т. 6. С. 34.

[47] Там же. С. 30–31; КРО. М, 1957. Т. 2. С. 188, 141, 199, 205, 281.

[48] *Гюльденштедт Г. И.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 146–151.

[49] Адыги, балкарцы, карачаевцы... С. 212–213.

[50] Там же. С. 214 и сл.

[51] Там же. С. 226.

[52] Там же. С. 214, 226, 244, 255.

[53] *Калоев Б. А.* Ковалевский М. М. и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. С. 172.

[54] *Тизенгаузен В. Г.* Указ. соч. С. 122, 182.

[55] Адыги, балкарцы, карачаевцы... С. 330 и сл.

[56] *Kupver A.* Vouage dans les environs du mont Elborouz dans le Caucase. St.-Pet., 1830. P. 4.

[57] Там же. С. 27.

[58] Там же. С. 43.

[59] *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история народов Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 223.

[60] Адыги, балкарцы, карачаевцы... С. 353 и сл.

[61] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 191.

[62] *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII–XVIII вв.) Нальчик: Эльбрус, 1970. С. 7–14 и сл.; *Он же.* Балкарцы и карачаевцы... С. 3–6.

[63] *Фиркович А.* Археологические разведки на Кавказе // ЗИАО. СПб., 1857. Т. 9. Вып. 2. С. 381–395.

[64] Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (в Сванетию) с археологической целью летом 1867 г. // ИРАО. СПб., 1877. Т. 8. Вып. 3. С. 325–340; *Мизиев И. М.* Указ. соч.

[65] *Миллер В. Ф., Ковалевский М. М.* В горских обществах Кабарды... С. 540–588.

[66] *Калоев Б. А.* Указ. соч. С. 20.

[67] *Иерусалимская А. А.* Аланский мир на «шелковом пути» (Мощевая балка – историко-культурный комплекс VIII–IX веков) // Культура Востока. Древность и раннее Средневековье. Л., 1978. С. 160; *Она же.* О Северокавказском «шелковом пути» в раннем Средневековье // СА. 1967. № 2. С. 55–78.

[68] *Фелицин Е. Д.* Археологическая карта Кубанской области. М., 1882.

[69] ОАК за 1882–1883 гг. С. 290–299; ОАК за 1893 г. С. 32–33, 102–104; Архив. ЛО ИА АН СССР, ф. бывш. Археол. комис., д. 1882/12; д. 1893/74; *Динник Н. Я.* Горы и ущелья Кубанской области // ЗКОРГО. Тифлис, 1884. Вып 1. Кн 13. С. 307–308; *Он же.* Поездка в Балкарию // ЗКОРГО. Тифлис, 1890. Вып. 1. Кн. 14. С. 112–140; *Тепцов В.* По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 93–109.

[70] ОАК за 1897 г. С. 142–143; Архив ЛО ИА АН СССР, ф. бывш. Археол. комис., д. 215/1897, л. 15 и сл.

[71] *Вырубов Д.* Раскопки кургана Хусанты близ поселка Зылги в местности Рахты // Древности: Тр. Императ. Московск. археол. общ-ва. М., 1900. Вып. 16. С. 195–196.

[72] *Сысоев В. М.* Поездка на рр. Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. // МАК. М., 1898. Вып. 7. С. 115–136; *Он же.* Древности по верхнему течению р. Кубани // МАК. М., 1900. Вып. 9. С. 140–166; *Он же.* Дневник поездки и раскопок в Карачае летом 1898 г. // Архив ЛО ИА АН СССР. Д. 38/1898, л. 15–20; *Он же.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях // СМОМПК. Тифлис, 1913. Вып. 43. С. 1–156.

[73] *Ермоленко М. И.* Древние христианские храмы близ Нальчика и мумии балкарских могил // Труды Ставропольской ученой комиссии. Ставрополь, 1910. Вып. 1; *Прозрителев Г. Н.* Мумии балкарских могильников // СССК. Ставрополь, 1904. Т. 9.

[74] *Миллер А. А.* Краткий отчет о работах в Балкарии в 1924 г. // Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. ГАИМК, д. 102/1924; *Он же.* Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924–1925 гг. // СГАИМК. Л., 1926. Т. 1. С. 73–83; *Он же.* К вопросу об охране памятников старины // СГАИМК. Л., 1935. № 4–5. С. 26–30.

[75] *Пивлов Д. М.* Искусство и старина Карачая // СМОМПК. Махачкала, 1927. Вып. 45. С. 247–264.

[76] *Деген-Ковалевский Б. Е.* Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции: Археологические работы на новостройках // ИГАИМК. Л., 1935. Т. 2. Вып. 11. С. 15–17.

[77] *Минаева Т. М.* Отчет об археологических работах в верховьях Кубани в 1939 г. // Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. 35, оп. 1, д. 1939/44; *Она же.* Из истории археологического изучения верховьев реки Кубани // УЗСГПИ. Ставрополь, 1951. Т. 7. С. 229–230; *Миллер В. Ф.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК. М., 1893. Вып. 3. С. 110–111.

[78] *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. М.; Л., 1941. Вып. 3. С. 27–36.

[79] *Акритас П. Г.* Археологические работы в Чегемском ущелье в 1959 г. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1960. Вып. 9; *Алексеева Е. П.* Археологические раскопки у сел. Верхний Чегем в 1959 г. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1960. Вып. 9; *Кузнецов В. А.* Археологические разведки в Балкарии и районе г. Кисловодска в 1959 году // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1960. Вып. 9.

[80] *Ионе Г. И.* Археологические памятники у сел. Верхний Чегем VI–XIV вв. // УЗКБНИИ. Нальчик, 1962. Т. 19. С. 183–207; *Мизиев И. М.* Средневековый могильник «Байрым» у сел. Верхний Чегем // Сборник студенческих научных работ КБГУ. Нальчик, 1964. Вып. 3. С. 15–22; *Он же.* Нижне-Чегемское поселение // УЗКБНИИ. Нальчик, 1967. Т. 24. С. 172–176.

[81] *Алексеева Е. П.* Карачаевцы и балкарцы древний народ Кавказа. Черкесск, 1963; *Кузнецов В. А. О* книге Е. П. Алексеевой «Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа» // УЗКБНИИ. Нальчик, 1965. Т. 23. С. 319–323.

[82] *Мизиев И. М.* Материальная культура Балкарии и Карачая XII–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1967.

[83] *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы…

[84] *Биджиев Х. Х., Гадло А. В.* Исследования на Хумаринском городище в 1974 г. // V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1975. С. 70; *Биджиев Х. Х., Гадло А. В.* Раскопки Хумаринского городища // Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре (Тез. докл.). М., 1976. С. 12–13; *Гадло А. В.* Кавказская археолого-этнографическая экспедиция 1966–1981 гг. // Вестник Ленинградского госуниверситета. Л., 1982. № 2. С. 18–22.

[85] *Лавров Л. И.* О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев // МНС. С. 63–68.

[86] Карачаевцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.

[87] *Робакидзе А. И., Харадзе Р. Л.* К вопросу о свано-балкарских этнокультурных взаимоотношениях // МНС. С. 135–152; *Робакидзе А. И.* Форма поселений в Балкарии // МЭГ. Тбилиси, 1960. Т. 11. С. 103–107.

[88] *Кузнецова А. Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982.

[89] Там же. С. 49–56; *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы... С. 48–52.

[90] *Шаманов И. М.* Хозяйство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX начале XX в.: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1972; *Текеев К. М.* Поселения и жилища карачаевцев в прошлом и настоящем: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1970; *Мусукаев А. И.* Из прошлого и незабытого. Нальчик, 1975; *Он же.* Балкарский тукум. Нальчик, 1980; *Он же.* Об обычаях и законах горцев Нальчик, 1985; *Асанов Ю. Н.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев во второй половине XIX – 40-х годах XX в. Нальчик, 1973; *Азаматов К. Г.* Пережитки язычества в религиозных верованиях балкарцев // Из истории феодальных отношений в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1980.

[91] *Мизиев И. М.* Этнографические данные об этногенезе балкарцев и карачаевцев // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 134–144.

[92] *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. 1; 1968. Ч. 2.

[93] *Абаев М.* Балкария. Исторический очерк // Мусульманин. Париж, 1911. № 14–17. С. 586–627.

[94] *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария... С. 105. Табл. VII. Рис. 509, в.

[95] *Байчоров С. Я.* Карачаево-балкарский арабописьменный памятник... С. 114–117.

[96] Там же. С. 138–139.

[97] *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986. С. 92–93.

[98] *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники... Ч. 2. С. 22, 58–59. № 509. Табл. VII. Рис. 509, а.

[99] *Kupver A.* Указ. соч.

[100] *Ионе Г. И.* Верхне-Чегемские памятники VI–XIV вв. // УЗКБННИ. Нальчик, 1963. Т. 19. С. 183–194; *Кузнецов В. А.* Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 г. // МИСК. Ставрополь, 1954. Вып 6. С. 343–349; *Он же*. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960–1961 гг.) // КСИА. М., 1963. Вып. 96. С. 89–93; *Он же.* Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 году // КСИА. М., 1965. Вып. 98. С. 111–115; *Он же.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1972.

[101] *Мизиев И. М.* Раскопки поселения Эль-Джурт // Археологические открытия 1970 года. М., 1971; *Он же.* О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 243–246; *Он же*. Позднесредневековые поселения и жилища балкарцев и карачаевцев // Тез. докл., посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР: Балкарцы и карачаевцы. С. 7–31, 102–108.

[102] См. Указ. соч. А. И. Робакидзе, В. П. Кобычева, К. М. Текеева, Ю. Н. Асанова.

[103] *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы...; *Он же*. Средневековый могильник «Байрым» у сел. Верхний Чегем // Сборник студенческих научных работ КБГУ. Нальчик, 1964. Вып. 3. С. 15–22; *Он же*. Могильник у сел. Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии // Археологические открытия 1969 года. М.: Наука, 1970; *Он же.* Могиль-

ник, у сел. Ташлы-Тала // Археолого-этнографический сборник КБНИИ. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 110–120; *Он же*. Балкарцы и карачаевцы... С. 32–62.

[104] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 168–169.

[105] *Миллер В. Ф.* Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК. М., 1893. Вып. 3. С. 110; *Минаева Т. М.* Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. М.; Л., 1951. С. 300; *Она же*. Из истории археологического обследования верховьев р. Кубани. Т. 7. С. 227; *Талицкий Н. Е.* Очерки Карачая // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отд. I. С. 5.

[106] *Миллер В. Ф.* Археологические экскурсии в горские общества Кабарды // МАК. М., 1888. Вып. 1; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

[107] *Опрышко О. Л.* Раннехристианский террасовый могильник VI–VIII вв. у сел. Верхний Чегем // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. Вып. 9.

[108] *Ионе Г. И.* Указ. соч.

[109] *Мизиев И. М.* Нижне-Чегемское поселение // УЗКБНИИ. Нальчик, 1967. Т. 25. С. 173.

[110] *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 10–11; *Ионе Г. И.* Указ. соч.

[111] *Мизиев И. М.* Указ. соч. С. 11–14.

[112] *Кокиев Г. А.* Материалы по истории Осетии (XVIII в.) // ИСОНИИ. Владикавказ, 1932. Т. 6. С. 34 ; Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 255; *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 122.

[113] *Миллер В. Ф.* Археологические экскурсии... С. 70–91; *Ковалевский М. М., Миллер В. Ф.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. М., 1884. Кн. 4. С. 562.

[114] *Ионе Г. И.* Указ. соч.; *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 12–14.

[115] *Мизиев И. М.* Указ. соч.

[116] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа... Рис. 34 (3–6); *Дсопик В. Б.* Змейское средневековое селище // Археологические работы в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961. Рис. 5; *Минаева Т. М.* Археологические памятники на р. Гиляч... С. 291. Рис. 19.

[117] *Опрышко О. Л.* Указ. соч.

[118] *Алексеева Е. П.* Материальная культура черкесов в Средние века // ТКЧНИИ. Черкесск, 1963. Вып. 4. С. 239. Табл. XIII (3–4).

[119] *Марковин В. И.* Исследования памятников Средневековья в высокогорной Чечне // КСИА. М., 1962. Вып. 90. С. 45–55; *Он же*. Пещеры – родовые усыпальницы в Шатоевской котловине // КСИА. М., 1961. Вып. 86. С. 101–107. Рис. 44 (6–7); *Он же*. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 244–247. Рис. 1; С. 252. Рис. 3; С. 255.

[120] *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Вып. 8. Табл. 105 (5–6), 109 (3–4), 123, 124 (9); *Кузнецов В. А.* Аланские племена... С. 21–22.

[121] *Мерперт Н. Я.* О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. Вып. 36. С. 25. Табл. 59–60, 92–94; *Ляпушкин И. И.* Памятники салтово-маяцкой культуры бассейна Дона // МИА. Вып. 62. С. 130–131.

[122] *Генинг В. Ф.* Деменковский могильник памятник ломатовской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 105–106. Табл. VII (1–4; 5–7); *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964. Табл. XIV (1–12).

[123] Архив ЛО ИА АН СССР, д. 234/1934, л. 33.

[124] *Мизиев И. М.* Средневековый могильник «Байрым»...

[125] *Кокиев Г. А.* Из истории русско-осетинских отношений в XVIII в. // ИСОНИИ. Т. 6. С. 133; *Иерусалимская А. А.* Указ. соч.

[126] *Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище. Черкесск, 1983; *Мизиев И. М.* Хумара – город древних болгар // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985. С. 200–206.

[127] *Страбон*. География. Кн. 11, 6.

[128] *Прозрителев Г. Н.* Мажары – один из древнейших городов Северного Кавказа // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1906. Т. 1; *Минаева Т. М.* Очерки археологии Ставропольского края. Ставрополь, 1965.

[129] *Кузнецов В. А.* Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1972.

[130] См. сводку сведений: *Гаглойти Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966. С. 62–88, 71–80, 136–140.

[131] *Лавров Л. И.* Нашествие монголов на Северный Кавказ // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 98–107.

[132] Там же.

[133] *Тизенгаузен В.* Сборник сведений, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 144–189.

[134] Отчет гг. Нарышкиных... // ИРАО. Вып. 4. Т. 8. С. 361–366; *Прозрителев Г. Н.* Древние христианские памятники на Северном Кавказе // СССК. Ставрополь, 1906. Т. 1. С. 9–15; *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании... С. 9 и сл.

[135] *Талицкий Н. Е.* Очерки Карачая // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отд. 1. С. 5 и сл.

[136] *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях... С. 137; *Дьячков-Тарасов А. Н.* Заметки о Карачае и карачаевцах // СМОМПК. Тифлис, 1898. Вып. 25. Отд. 1. С. 62–65.

[137] Древнетюркский словарь. С. 266.

[138] *Тизенгаузен В.* Указ. соч. С. 113.

[139] *Динник Н. Я.* Горы и ущелья Кубанской области // ЗКОРГО. Тифлис, 1884. Кн. 8. Вып. 1. С. 348.

[140] *Кузнецов В. А.* Археологические разведки в Зеленчукском районе... С. 348–349; *Он же*. Археологические исследования в верховьях Кубани... С. 89–93; *Он же*. Раскопки аланских городов... С. 111–115; *Мизиев И. М.* Отчет об археологических работах КЧНИИ в 1966 г. // Архив ИА АН СССР.

[141] *Тушинский Г. К.* Ледники, снежники и лавины. М., 1963. С. 271–275. Рис. 65; Информативный сборник по работам географического факультета МГУ по программе МГГ. № 8 (Прикладная гляциология; посвящена Архызу и Домбаю).

[142] *Мизиев И. М.* Верхний Архыз // Ленинское знамя. Черкесск, 1968. 8 авг.

[143] *Динник Н. Я.* Указ. соч. С. 348.

[144] *Хаджилаев Х. М.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970. С. 36–37.

[145] *Федоров Я. А.* Топонимика Западного Кавказа и некоторые вопросы его этнической истории // Из истории Карачаево-Черкесии // ТКЧНИИ. Сер. ист. Ставрополь, 1974. Вып. 7. С. 284.

[146] *Минаева Т. М.* Археологические памятники на р. Гиляч... С. 293. Рис. 21; *Семенов Л. П.* К вопросу о культурных связях грузин с народами Северного Кавказа // МИА. М.; Л., 1951. Вып. 23. С. 303. Рис. 1; *Кузнецов В. А.* Раскопки аланских городов... С. 112. Рис. 32; *Он же.* Зодчество феодальной Алании... С. 122–125. Рис. 19 (1–2); 21 (1, 4).

[147] *Кузнецов В. А.* Археологические разведки в Зеленчукском районе... С. 318–351.

[148] *Кузнецов В. А.* Археологические исследования в верховьях Кубани (1960–1961)... С. 89–93; *Он же.* Раскопки аланских городов... С. 111–115.

[149] *Кузнецов В. А.* Археологические разведки... С. 348.

[150] *Кузнецов В. А.* Средний Зеленчукский храм // СА. 1968. № 3. С. 137–147.

[151] *Кузнецов В. А.* Раскопки аланских городов... С. 112.

[152] *Кузнецов В. А.* Археологические разведки... С. 348.

[153] *Кузнецов В. А.* Раскопки аланских городов... С. 112. Рис. 32.

[154] Там же. С. 113.

[155] *Кузнецов В. А.* Археологические исследования в верховьях Кубани... С. 91.

[156] Там же.

[157] *Кузнецов В. А.* Археологические разведки... С. 348–349; *Он же.* Раскопки аланских городов... С. 113–115.

[158] Там же.

[159] Там же.

[160] *Кузнецов В. А.* Раскопки аланских городов... С. 112. Рис. 32.

[161] Отчет гг. Нарышкиных... С. 361–366; *Бернардации И.* Христианские древности за Кубанью // ЖМВД. 1830. Ч. 3. Кн. 4. С. 187–191; *Дьячков-Тарасов А. Н.* Сентинский храм и его фрески // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 3–9; Дополнительная заметка к статье Дьячкова-Тарасова от редакции в том же сборнике; *Прозрителев Г. Н.* Указ. соч.; *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании...

[162] *Лавров Л. И.* Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды ИЭ АН СССР. Новая сер. 1969. Т. 51. С. 232–233.

[163] *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании...

[164] *Виноградов В. Б.* Тайна Чегемского ущелья // Кабардино-Балкарская правда. 1987. 6 февр.; *Кузнецов В. А.* Указ. соч. С. 126.

[165] Малкъар халкъ жырла (Балкарские народные песни). Нальчик, 1969. С. 89–91. *На балк. яз.*

[166] *Белокуров С. А.* Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639–1640) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1887. Кн. 2. С. 301–318.

[167] Отчет гг. Нарышкиных... С. 332–333.

[168] *Тепцов В.* По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 93–94, 141–142; *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария... С. 117 (рис. из альбома Д. А. Вырубова).

[169] *Лайпанов Х. О.* К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957. С. 19 и сл.; *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы... С. 62. Фото 14; *Он же.* Балкарцы и карачаевцы... С. 30–31.

[170] *Иессен А. А.* Археологические памятники... С. 31.

[171] *Мизиев И. М.* Об одном спорном вопросе истории балкарцев и карачаевцев XVI–XVIII вв. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. С. 104–115.

[172] *Токарев Г.* Поездка на снеговой хребет Северо-Западной цепи Кавказа // Современник. СПб., 1851. Т. 28. Отд. 6. С. 12.

[173] *Сысоев В. М.* Карачай... С. 137.

[174] *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 27–28.

[175] *Иессен А. А.* Указ. соч.

[176] *Мизиев И. М.* Отчет археологической экспедиции КБНИИ за 1965 год // Архив ИА АН СССР. Р-1, д. 3127; Архив КБНИИ, д. 1746, с. 34–35.

[177] *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы... С. 20–22; *Он же.* Балкарцы и карачаевцы... С. 95–96.

[178] *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы... С. 22–23; *Он же.* Балкарцы и карачаевцы... С. 96.

[179] *Мизиев И. М.* Указ. соч.

[180] *Пантюхов И. И.* О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896. С. 132; *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965. С. 24 и сл.

[181] *Мизиев И. М.* О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев... С. 245; Карачаевцы... С. 130.

[182] *Деген-Ковалевский Б. Е.* Сванское поселение как исторический источник // СЭ. 1936. № 4–5. С. 26–28.

[183] Там же. С. 28; *Миллер А. А.* Из поездки в Абхазию // МЭР. СПб., 1910. Т. 1. С. 71.

[184] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 228–229, 249; *Берже А. П.* Записки об археологии Кавказа // Труды археологического съезда. СПб., 1876. Отд. 2. Вып. 1. С. 3; *Zichu E.* Vouages au Caucase et en Asia Central. Budapest, 1897. P. 206–210; *Merzbacher H.* Aus den Hochregionen des Kaukasus. Leipzig, 1901. B. 1. S. 542.

[185] *Кобычев В. П.* Города, селения, жилища // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 104; *Он же.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М.: Наука, 1982. С. 161.

[186] *Алексеев В. П.* К палеоантропологии Кабардино–Балкарии эпохи позднего Средневековья // Археология и вопросы истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980. Вып 1. С. 96–100.

[187] *Полиевктов М. А.* Экономические и политические разведки Московского государства XVII вв. на Кавказе. Тифлис, 1932; *Он же.* Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. С. 7–13; Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 79–89; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. С. 213–214; История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 267–293.

[188] *Мизиев И. М.* Средневековый могильник «Байрым» у сел. Верхний Чегем. С. 16–22; *Он же.* Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории… С. 32–36.

[189] *Никитина Т.* Реставрация и консервация одежды из погребения в КБАССР // Ежегодник Государственного исторического музея. М., 1961, 1962. С. 167–174.

[190] *Мизиев И. М.* Могильник у сел. Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии // Археологические открытия 1969 года. М., 1970; *Он же.* Балкарцы и карачаевцы... С. 36–42.

[191] *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 38.

[192] Археологические раскопки в районе станицы Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960. Т. 1. С. 123–125. Табл. XIII (1–2), XIV (5); *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в Южно-Русских степях // МИА. М., 1958. Вып. 62. С. 178. Рис. 14; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М., 1966. С. 36–37, 53. Рис. 5.

[193] *Левашева В. П.* Белореченские курганы // Труды Государственного исторического музея. М., 1953. Вып. 22. С. 186–188; *Мизиев И. М., Нагоев А. Х.* Отчет об археологических работах КБНИИ в 1970 году // Архив КБНИИИФЭ.

[194] *Федоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч. С. 35–37.

[195] *Татишвили В.* Грузины в Москве. Тбилиси, 1959. С. 32–33. Рис. 3.

[196] *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария... С. 104.

[197] *Калоев Б. А.* Осетины. С. 152.

[198] Народы Кавказа... С. 258; Карачаевцы... С. 162.

[199] *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. С. 94–95; *Сысоев В. М.* Древности по верхнему течению р. Кубань // МАК. М., 1904. Вып. 9. С. 148–150 (рис. 59), 164; *Шульц П. Н.* Прикубанские изваяния скифского времени // Тезисы докладов археолого-этнографической конференции. Тбилиси, 1971. Доп. вып. С. 23–24.

[200] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. М., 1974. Вып. Е4–2. С. 26. Рис. 6 (1–9); С. 39. Рис. 14 (9, 11–12); С. 66. Рис. 33. Табл. 1–83.

[201] *Евтюхова Л. А.* Южная Сибирь в древности // По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 220–221; *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 167.

[202] *Прозрителев Г. И.* Древние христианские памятники на Северном Кавказе // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1906. Т. 1. С. 8.

[203] *Калоев Б. А.* Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 114–115; *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965. С. 191.

[204] *Мизиев И. М.* Позднесредневековые каменные ящики в Кабардино-Балкарии // СА. 1971. № 4. С. 242–250; *Он же.* Могильник Курнаят в Кабардино-Балкарии // Археологические открытия 1968 года. М., 1969.

[205] *Мизиев И. М.* Могильник у сел. Ташлы-Тала // Археолого-этиографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 110–120. Рис. 4; *Он же.* Балкарцы и карачаевцы... С. 52–55.

[206] *Мерцбахер Г.* Указ. соч. С. 544; Карачаевцы... С. 159, рис.; С. 171, рис.; *Кузнецова А. Я.* Указ. соч. С. 120. Рис. 62.

[207] *Федоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч. С. 37.

[208] *Плетнева С. А.* Указ. соч. Табл. 20, 27, 44, 61.

[209] *Уварова П.С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Вып. 8. Табл. 53, 108.

[210] *Никитина Т.* Указ. соч. С. 174.

[211] *Иерусалимская А. А.* Аланский мир на «шелковом пути»... С. 157. Рис. 8; С. 159. Рис. 12.

[212] Там же. С. 157. Рис. 8.

[213] *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. С. 225; Карачаевцы... С. 169, 171; *Кузнецова А. Я.* Указ. соч. Табл. 31, 37.

[214] *Никитина Т.* Указ. соч.

[215] Краеведческий музей Северной Осетии в г. Владикавказе. Инв. № 3609/39, 270/404.

[216] *Рунич А. П.* Аланские катакомбные могильники V–VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях // МАДИСО. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. Табл. IV (16–17); V (6, 41).

[217] *Минаева Т. М.* Могильник в устье реки Теберда // МИСК. Ставрополь, 1955. Вып. 7. С. 276. Рис. 3 (2–3), 4 (3–4), 6 (5–6); *Она же.* Городище на балке Адиюх в Черкесии // СНТСГПИ. Ставрополь, 1955. Вып. 9. С. 137–140. Рис. 6 (2, 8, 9), 11 (3–4).

[218] *Алексеева Е. П.* Материальная культура черкесов в Средние века // ТКЧНИИ. Ставрополь, 1964. Вып. 4. Табл. XIII (10, 12, 13); *Кузнецов В. А.* Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА. М., 1963. Вып. 114. Рис. 4.; Краеведческий музей Северной Осетии... Инв. № 22. Яр. 1. С. 6. П. 6.

[219] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967. Рис. 36.

[220] *Медведев А. Ф.* Новые материалы к истории Городцев на Волге // КСИА. М., 1968. Вып. 113. С. 33. Рис. 7 (7).

[221] Карачаево-Черкесский краеведческий музей в г. Черкесске. ЧЕМ. Инв. № 1730 (2).

[222] *Марковин В. И.* Чеченские средневековые памятники в верховьях реки Чанты-Аргуна... С. 245. Рис. 1 (8); *Минаева Т. М.* Археологические памятники Черкесии // ТЧНИИ. Черкесск, 1954. Вып. 2. С. 291–296. Рис. 14б.

[223] *Мизиев И. М.* Могильник у сел. Ташлы-Тала...; *Он же.* Балкарцы и карачаевцы…

[224] Описываемые типы серег см. в указанных работах И. М. Мизиева.

[225] *Пчелина Е.* Крепость «Зильде Машиг» // СЭ. 1934. № 3. С. 93; Краеведческий музей Северной Осетии. Инв. № 404. Яр. 1. П. 4; *Путинцева Н. Д.* Верхне-Чирюртовский могильник // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 260. Рис. 7–8; *Рунич А. П.* Аланские катакомбные могильники... Табл. V (44, 57).

[226] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам... Рис. 36. Табл. IV; *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге. М., 1964. Рис. 21 (4–9). Табл. XIV (1–12).

[227] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа... Рис. 12 (7–8); *Он же*. Змейский катакомбный могильник... Табл. XI (2); *Махнева О. А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические памятники средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 158–159, 163. Рис. 9 (1–4, 12–13, 21–22).

[228] *Смирнов А. П.* Армянская колония города Болгара // МИА. М., 1958. Вып. 116. С. 355. Рис. 9 (3); *Федоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч. С. 38 (рис.), 39.

[229] *Минаева Т. М.* Археологические памятники Черкесии... С. 288–289. Рис. 11 (2); *Алексеева Е. П.* О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1962. Табл. 16 (4); Карачаево-Черкесский краеведческий музей. ЧЕМ. № 717, 723; 1730; *Милорадович О. В.* Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА. М., 1963. Вып. 114. С. 92. Рис. 5 (4–6, 15); С. 99. Рис. 8 (4–5, 10); С. 114; *Марковин В. И.* Указ. соч. Рис. 1 (2–4).

[230] *Щепинский Л. А.* Средневековые погребения в грунтовых могилах близ Симферополя // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 173–175. Рис. 6 (1, 3–6); *Милорадович О. В.* Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // СА. М., 1954. Вып. 20. Рис. 3 (11); *Мизиев И. М., Нагоев А. Х.* Отчет об археологических работах КБНИИ в 1969 году (Архив КБНИИИФЭ).

[231] *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник // МАДИСО. Т. 1. С. 117; *Он же.* Аланские племена Северного Кавказа... Рис. 17 (15–16); *Деопик В. Б.* Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // МИА. Вып. 114. Рис. 5, 6, 9, 17, 18, 32, 39, 42; *Федоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч. С. 71–77; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам... Табл. V.

[232] *Мизиев И. М.* Могильник у сел. Ташлы-Тала...; *Он же.* Балкарцы и карачаевцы... С. 73, рис.

[233] Там же.

[234] *Кузнецова А. Я.* Указ. соч. С. 124. Рис. 66.

[235] *Мизиев И. М.* Могильник у сел. Ташлы-Тала...

[236] *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария... С. 104.

[237] Карачаево-Черкесский краеведческий музей. Инв. № 1730.

[238] *Прозрителев Г. Н.* Мумии балкарских могильников Терской области Нальчикского округа // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1913. Вып. 5. Отд. 2.

[239] Там же.

[240] *Студенецкая Е. Н.* Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 151–183; *Кузнецова А. Я.* Указ. соч.; Карачаевцы...

[241] *Сысоев В. М.* Указ. соч.; *Шульц П. Н.* Указ. соч.

[242] *Халиков А. Х.* Маклашевская всадница // СА. 1971. № 1. С. 113; *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960; *Он же.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962; *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1953. Рис. 121; Материалы по археологии средневекового Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 138; *Татишвили В.* Грузины в Москве... С. 32–33. Рис. 22; *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. Рис. 24, 38, 65, 66.

[243] *Татишвили В.* Указ. соч.

[244] *Шульц П. Н.* Указ. соч.

[245] См., например: *Уварова П. С.* Указ. соч.; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам...; *Генинг В. Ф., Халиков А. Х.* Ранние болгары на Волге; *Мизиев И. М.* Средневековые каменные ящики в Балкарии…; *Он же.* Могильник у сел. Ташлы-Тала...

[246] *Токарев С. А.* Этнография народов СССР. М., 1958. С. 264–265; *Магометов А. Х.* Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. С. 272, *Студенецкая Е. Н.* Указ. соч.; *Дворникова Н. А.* Русские и украинские традиции в одежде населения бассейна р. Кубани (конец XIX–XX в.) // СА. 1964. № 1. С. 127–132.

[247] *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 223–230; *Потапов Л. П.* Одежда алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1951. Т. 13. С. 24–36; *Каракашлы К. Т.* Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1964. С. 94–112; *Томилов Н. А.* Этнография тюркоязычного населения томского Приобья. Томск, 1980. С. 159, 165.

[248] *Еремеев Д. Е.* Юрюки. М., 1969. С. 69.

[249] Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1858. Т. 14. С. 6–8.

[250] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 23.

[251] *Будагов А. В.* Собр. соч. Т. 2. С. 112.

[252] *Bayri M. H.* Halk adetleri ve inanamalari. Istambul, 1939. B. 90; Turk tarih, arkeologya ve etnografya dergisi. 1940. № 4. B. 215.

[253] *Потапов Л. П.* Пища алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1953. Т. 14. С. 43–51; *Ковальска-Левицкая А.* Пища крестьян польских Карпат в XIX – первой половине XX в. // Труды VII МКАЭН. М., 1964. Т. 5. С. 170–178; *Томилов Н. А.* Указ. соч. С. 181–196.

[254] *Токарев С. А.* К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4. С. 5.

[255] Карачаевцы... С. 183.

[256] Там же.

[257] Кулинария народов Северного Кавказа / Под ред. С. Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1964.

[258] *Мамбетов Г. Х.* Пища в обычаях и традициях кабардинцев, балкарцев // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 102–144.

[259] *Чурсин Г.* Экономическая жизнь Карачая // Кавказ. 1900. № 322; *Грабовский Н. Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 6–7.

[260] *Тульчинский Н. П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 181.

[261] Балкария: Исторический очерк М. И. Абаева // Мусульманин. Париж, 1911. № 14–17. С. 621–623.

[262] *Кобычев В. П.* Изменения материальной культуры народов Кавказа за годы советской власти // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. М., 1971. С. 10.

[263] Там же.

[264] *Потапов Л. П.* Указ. соч.

[265] *Динник Я. Я.* Указ. соч. С. 348.

[266] *Кокиев Г. А.* Материалы по истории Северной Осетии... С. 36.

[267] *Лавров Л. И.* Балкария и Карачай... С. 84.

[268] Там же.

[269] Нарты: Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик, 1970; Дебет Златоликий: Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1972.

[270] *Невская В. П.* Социально-экономическое развитие Карачая в пореформенный период. Черкесск, 1964. С. 70; Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1960. С. 55–56; *Азаматов К. Г.* Экономическое положение и обычное право Балкарии во второй половине XIX в. Нальчик, 1968. С. 31.

[271] Народы Кавказа... Т. 1. С. 257, 287–288; Карачаевцы... С. 182–196.

[272] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа...

[273] *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии...; *Минаева Т. М.* К истории земледелия на территории Ставропольского края // МИСК. Ставрополь, 1960. Вып. 10; *Кузнецов В. А.* Алания в X–XII вв.

[274] Там же.

[275] *Патканов К.* Указ. соч.; *Смирнов А. П.* Волжские булгары // Труды ГИМа. М., 1951. Вып. 19. С. 3–9; *Его же.* О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 133.

[276] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам...

[277] О происхождении балкарцев и карачаевцев... С. 310; *Кузнецов В. А.* Аланы и тюрки в верховьях Кубани // АЭС. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 76.

[278] *Мизиев И. М., Нагоев А. Х.* Отчет об археологических работах КБНИИ в 1969 г. (Архив КБНИИ); *Алексеева Е. П.* Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI–XVII вв. Черкесск, 1957; *Нагоев А. Х.* Материальная культура кабардинцев в XIV–XVI вв. Нальчик, 1981.

[279] *Klaprot J.* Voyage an mont Caucase et en Georgie. Halle; Berlin, 1812. S. 282.

[280] *Мизиев И. М.* Позднесредневековые каменные ящики... С. 242–250; *Он же.* Отчет об археологических работах КБНИИ в 1968 году (Архив КБНИИИФЭ).

[281] *Потапов Л. П.* Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 64–65.

[282] Выражаю глубокую благодарность за консультацию С. О. Шахмурзаеву, ныне покойному.

[283] *Потапов Л. П.* Пища алтайцев...; *Он же.* Особенности материальной культуры казахов...; *Каракашлы К. Т.* Материальная культура азербайджанцев... С. 247; *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961. С. 245; *Борозна Н. Г.* Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 118; *Васильева Г. П.* Туркмены нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник: Труды ИЭ АН СССР. М., 1954. Вып. 21. С. 146.

[284] Приношу глубокую благодарность своим информаторам: Чиппе Джуртубаеву, 1907 г. р., с. Кичмалка, КБР, и Али Шаманову, 1931 г. р., с. Хасаут, КЧР.

[285] Кулинария народов Северного Кавказа...

[286] Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Дортелли д' Асколи, протектором Кафы, Татарии и пр. 1634 г. / Пер. с итал. Н. Пименова // ЗООИД. Одесса, 1879. Т. 24. С. 126.

[287] *Алексеева Е. П.* Очерки по экономике и культуре... С. 50; Описание перекопских, ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка монаха Доминиканского ордена / Пер. с итал. П. Юрченко // ЗООИД. Одесса, 1879. Т. 10. С. 490–491.

[288] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 131.

[289] *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 224–255.

[290] *Потапов Л. П.* Пища алтайцев... С. 52, 58–61; *Каракашлы К. Т.* Указ. соч. С. 248; *Гаджиева С. Ш.* Указ раб. С. 244–245; *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких

орд и степей. СПб., 1832. С. 38; *Борозна Н. Г.* Указ. соч. С. 120; *Васильева Г. П.* Указ. соч. С. 144–149.

[291] *Кононов А. Н.* Сочинение Абул-Гази хана Хивинского. М.; Л., 1958. С. 58.

[292] *Шаманов И. М.* Развитие скотоводства в Карачае в XIX начала XX вв. // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985. С. 156.

[293] Отчет гг. Нарышкиных... С. 333–334.

[294] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 208.

[295] *Токарев С. А.* Поездка к снеговому хребту... С. 9.

[296] *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 220–225; *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 3–6; Очерки истории Карачаево-Черкесии... С. 155–167.

[297] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 110–112, 221–222; *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии... С. 25–26; *Он же.* Отчет о работах Баксанской экспедиции 1934 года // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941. С. 220–236; *Кузнецов В. А.* Алания в X–XIII вв.: Автореф. дис. ... д-ра наук. М., 1970. С. 11–13; *Федоров Я. А.* Аланское городище и могильник Джаширын-кала в верховьях Кубани // МАДИСО. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. С. 115.

[298] *Иессен А. А.* Археологические памятники... С. 25–26; *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 80–82.

[299] *Чеченов И. М.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 119.

[300] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 221–222; *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях... С. 90.

[301] *Тульчинский Н. П.* Пять горских обществ Кабарды... С. 181.

[302] *Батчаев В. М.* Отчет об археологических работах у сел. Былым и Холам в 1977 году // Архив КБНИИИФЭ; *Лавров Л. И.* Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII–XVI вв. // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 4.

[303] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 111; *Лайпанов Х. О.* К истории происхождения карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1957. С. 53.

[304] *Динник Н. Я.* Горы и ущелья Кубанской области. С. 18–20; Карачаевцы... С. 79.

[305] *Алексеева Е. П.* Указ. соч.; *Лайпанов Х. О.* Указ. соч.

[306] *Смирнов А. П.* Волжские булгары... С. 84.

[307] Там же. С. 17; Карачаевцы... С. 73.

[308] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 221; Карачаевцы... С. 75; Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1960. С. 53.

[309] *Алексеева Е. П.* Указ. соч.

[310] *Абаев М. К.* Балкария... С. 586 и сл.

[311] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 221–222; *Боташев Алибек.* Богатырь Ецемей, сын Ецемея // СМОМПК. Тифлис, 1896. Вып. 21. С. 76–77; *Щукин И. С.* Материалы для изучения карачаевцев // Русский антропологический журнал. М., 1913. № 1–2. С. 36.

[312] *Абаев М. К.* Указ. соч.; *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария... С. 105–106; *Байчоров С. Я.* Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к булгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982. С. 114–115.

[313] *Алексеева Е. П.* Указ. соч.; Карачаевцы... С. 72.

[314] *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965. С. 188.

[315] *Миллер В., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Кн. 4. С. 562 и сл.

[316] *Фонберг.* О пережитке культа быка в сел. Карачоле в Крыму // СЭ. 1936. № 3. С. 84–85.

[317] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 32.
[318] Там же. С. 42.
[319] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 111.
[320] Адыги, балкарцы... С. 86.
[321] Там же. С. 114.
[322] Карачаевцы... С. 75–80.
[323] Адыги, балкарцы... С. 128–138.
[324] Там же. С. 135–136.
[325] Там же. С. 249.
[326] Там же. С. 256.
[327] Карачаевцы... С. 80; *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 80. Очерки истории балкарского народа... С. 28.
[328] *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 382–384; *Тургиев Т. Б.* О скотоводстве у аланов // МАДИСО. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. С. 127; *Кузнецов В. А.* Аланы... С. 14; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 304.
[329] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 155; Очерки истории Карачаево-Черкесии... С. 77–78; *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы...
[330] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 112; Очерки истории Карачаево-Черкесии. С. 77;. *Тургиев Т. Б.* Указ. соч. С. 128.
[331] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 155.
[332] Адыги, балкарцы... С. 208, 249–251, 256–257.
[333] *Мизиев И. М.* Указ. соч. С. 84–87.
[334] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 221; Карачаевцы... С. 275; *Лайпанов Х. О.* Указ. соч. С. 32.
[335] *Сысоев В. М.* Карачай... С. 78; Карачаевцы... С. 274.
[336] Адыги, балкарцы... С. 40.
[337] В горских обществах Кабарды...
[338] Адыги, балкарцы... С. 116, 118.
[339] Там же. С. 141–142.
[340] Там же. С. 206.
[341] Там же. С. 249.
[342] Там же. С. 208, 220.
[343] Там же. С. 245.
[344] *Миллер В. Ф.* Археологические экскурсии... С. 78.
[345] *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 24, 35; *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967. С. 12.
[346] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 283; *Дзагуров Гр. А.* Осетинский пастушеский счет // ИОНИИК. Владикавказ, 1925. С. 132; *Калоев Б. А.* Осетины. М., 1971. С. 33.
[347] *Абаев М. К.* Указ. соч.; *Шаманов И. М.* Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – нач. XX в. // КЭС. Вып. 5. М., 1972. С. 91–95.
[348] Адыги, балкарцы... С. 77.
[349] *Шамиладзе В. М.* Альпийское скотоводство в Грузии. Тбилиси, 1964. С. 160–161.
[350] *Мкртумян Ю. И.* К изучению форм скотоводства у народов Закавказья // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. М., 1971. С. 118.
[351] *Шамиладзе В. М.* Указ. соч.
[352] *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. Ереван, 1959. С. 148.
[353] *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 385.
[354] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 221; Очерки истории Карачаево-Черкесии... С. 313.

[355] Карачаевцы... С. 59, 64; *Шаманов И. М.* Указ. соч. С. 67, 73, 75.

[356] Карачаевцы... С. 64–65; *Шаманов И. М.* Указ. соч. С. 71–76.

[357] *Шамиладзе В. М.* Указ. соч. С. 162.

[358] *Варавин П. С.* Летние и зимние пастбища Закавказского края // СМИЭБГКЗК. Тифлис, 1888. Т. 5. С. 10; *Тамашев А. З.* Крупный рогатый скот в Армении в прошлом и настоящем. Ереван, 1947. С. 12.

[359] *Крупнов Е. И.* Указ. соч. С. 307.

[360] *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 155; *Кузнецов В. А.* Алания... С. 15; *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 14; Очерки истории Карачаево-Черкесии... С. 73.

[361] Адыги, балкарцы... С. 35, 51.

[362] Летопись Феофана // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских за 1887 г. М., 1887. С. 262.

[363] Карачаевцы... С. 82–84; *Кузнецов В. А.* Алания... С. 15; *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 112; Очерки истории Карачаево-Черкесии... С. 157.

[364] Карачаевцы.. С. 82–84; *Байчоров С. Я.* Указ. соч. С. 45–46.

[365] *Мизиев И. М.* Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик, 1976. Рис. 29; Отчет гг. Нарышкиных... С. 332–333.

[366] *Сысоев В. М.* Указ. соч. С. 114; *Мизиев И. М.* Указ. соч. С. 46–47.

[367] Там же.

[368] *Байчоров С. Я.* Указ. соч. С. 46.

[369] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 1.

[370] *Байчоров С. Я.* Указ. соч.

[371] Граков Б. Н. *Скифы. М., 1971. С. 83.*

[372] Там же. С. 86.

[373] *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 90.

[374] *Абаев М. К.* Указ. соч.; *Сысоев В. М.* Указ. соч. С. 137; *Щукин И. С.* Указ. соч. С. 12; *Токарев С. А.* Поездка... С. 36.

[375] Дебет Златоликий: Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1973. С. 34.

[376] *Байчоров С. Я.* Указ. соч. С. 45.

[377] *Вирсаладзе Б. Б.* Из истории охотничьего эпоса в Грузии // КСИЭ. Т. 24. 1958. С. 72; *Штернберг Д. Я.* Первобытная религия. М., 1936. С. 415–416.

[378] Карачаевцы... С. 94–97; *Кузнецова А. Я.* Указ. соч. С. 44–46.

[379] *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 114; *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 222; *Иессен А. А.* Археологические памятники... С. 25.

[380] Дебет Златоликий... С. 83; *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 222.

[381] *Кузнецова А. Я.* Указ. соч. С. 34–41, 44–46; Карачаевцы... С. 132–145; *Кобычев В. П.* Указ. соч. С. 83–86; Адыги, балкарцы... С. 128–138; *Алексеева Е. П.* Указ. раб С. 222.

[382] *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 114; *Он же.* Могильник у сел. Ташлы-Тала... С. 120.

[383] *Кузнецов В. А.* Указ. соч. // КСИА. 1998. С. 114.

[384] *Алексеева Е. П.* Указ. соч.

[385] Адыги, балкарцы... С. 117.

[386] Там же. С. 208.

[387] Там же. С. 249–251.

[388] *Купфер А. Я.* Указ. соч. С. 27.

[389] *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 72; *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 222.

[390] *Мизиев И. М.* Могильник у сел. Ташлы-Тала... Рис. 4 (1); *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // Свод археологических источников. М., 1964. Вып. Д1–4. Табл. 15 (1).

[391] *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария... С. 98–104; *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы...; *Кузнецова А. Я.* Указ. соч. С. 134–160.

[392] Адыги, балкарцы... С. 203, 208.

[393] Там же. С. 116.

[394] Там же. С. 132, 135.

[395] Там же. С. 249–251.

[396] Там же. С. 256–257.

[397] *Мизиев И. М.* Могильник у сел. Ташлы-Тала... С. 118.

[398] *Алексеева Е. Л.* Указ. соч. С. 223–224; *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 71–75.

[399] *Дьячков-Тарасов А. Н.* Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ // Новый Восток. 1930. № 28. С. 148–156; *Кокиев Г. А.* К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 28 янв.; *Алексеева Е. П.* Указ. соч. С. 223.

[400] *Купфер А. Я.* Указ. соч. С. 43; *Фелицин Е. Д.* Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 23–24.

[401] *Белокуров С. А.* Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639–1640). С. 301–318 и сл.

[402] *Косвен М. О.* Семейная община и патрономия. М., 1963. С. 92–100, 116.

[403] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Госполитиздат, 1950. С. 15, 57–58.

[404] *Мизиев И. М.* Средневековый могильник «Байрым»; *Он же.* Могильник у сел. Ташлы-Тала...; *Он же.* Балкарцы и карачаевцы... С. 36–42.

[405] Там же.

[406] *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII начале XIX века. М., 1974. С. 98–100.

[407] *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы... С. 56 и сл.; *Он же.* Об одном спорном вопросе истории балкарцев и карачаевцев XVI–XVIII вв. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. С. 104–107.

[408] *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы... С. 81–86.

[409] *Мизиев И. М.* Средневековые каменные ящики... С. 243.

[410] *Кузнецов В. А.* Археологические исследования в верховьях Кубани (1960–1961) // КСНА. Вып. 96. М., 1963.– С. 86–87.

[411] *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы... С. 53 и сл.

[412] *Никитина Т.* Реставрация и консервация одежды...

[413] *Мизиев И. М.* Могильник у сел. Ташлы-Тала...; *Он же.* Балкарцы и карачаевцы... С. 36–42.

[414] *Мизиев И. М.* Могильник у сел. Ташлы-Тала...

[415] Приношу свою глубокую благодарность Т. Никитиной за консультацию.

[416] *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963. С. 75–77.

[417] *Кокиев Г.* Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928. С. 67.

[418] *Марковин В. И.* Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. С. 269.

[419] *Миллер В. Ф.* Археологические экскурсии... С. 82–83; *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы... С. 82–84.

[420] *Прозрителев Г. Н.* Мажары... С. 3–16; *Ртвеладзе Э. В.* Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья // СА. 1969. № 4. С. 262–265.

[421] *Семенов Л. П.* Мавзолей Борга-каш // ИИНИИК. Владикавказ, 1928. Вып. 1. С. 217–232; *Лавров Л. И.* Надписи мавзолея Борга-каш // ИЧИНИИ. Грозный, 1964. Т. 5 . Вып. 1. С. 162.

[422] *Бретаницкий Л. С.* Зодчество Азербайджана XII–XV вв. М., 1966. С. 96–130, 167–201, 240–242.

[423] *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы... С. 56 и сл. Табл. 4.

[424] *Марковин В. И.* О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1982. С. 120–129.

[425] *Бретаницкий Л. С.* Указ. соч.; *Мизиев И. М.* Указ. соч.

[426] *Алексеева Е. П.* О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960. С. 24–27; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа... С. 130; *Он же.* К вопросу о позднеаланской культуре // СА. 1960. № 2. С. 117–118; *Он же.* Аланы // Искусство стран и народов. М., 1962. Т. 1. С. 68.

[427] *Деген-Ковалевский Б. Е.* Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // ИГАИМК. Вып. 148. С. 15.

[428] История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 82–83.

[429] *Мелитаури К. Н.* Крепости феодальной и раннефеодальной Грузин. Тбилиси, 1969. С. 12–15.

[430] *Лавров Л. И.* Нашествие монголов на Северный Кавказ // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 98–102; *Мизиев И. М.* Указ. соч.

[431] *Нагоев А. Х.* К вопросу о расселении кабардинцев // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 121–124.

[432] *Мизиев И. М.* Средневековые башни... С. 46–52.

[433] КРО. Т. 1. С. 120, 125, 242; Посольство дьяка Федота Елчина... С. 302–305, 309–310, 313, 318; *Вахушти.* География Грузии // ЗКОРГО. Тифлис, 1904. Кн. 25. Вып. 5. С. 141–150; *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей... С. 77–78; *Полиевктов М.* Указ. соч.

[434] *Мизиев И. М.* Указ. соч.

[435] *Кушева Е. Н.* Указ. соч. С. 7; *Кокиев Г. А.* Боевые башни и заградительные стены горной Осетии // ИЮОНИИК. Сталинир, 1935. Вып. 2. С. 222, 229; *Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И.* Характер сословных отношений в Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. Вып. 2. С. 162–163.

[436] *Закарая П.* Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969. С. 12.

[437] Там же. С. 16.

[438] *Мизиев И. М.* Указ. соч.

[439] Там же.

[440] *Закарая П.* Указ. соч. С. 18.

[441] *Мизиев И. М.* Указ. соч.

[442] *Закарая П.* Указ. соч. С. 201–202.

[443] *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария... С. 84–85; Очерки истории балкарского народа... С. 29–33.

[444] КРО. Т. 1. С. 120, 125, 242.

[445] *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.

[446] Там же. С. 121 и сл.

[447] Там же. С. 151 и сл.

[448] *Вахушти.* Указ. соч.

[449] *Скитский Б. В.* К вопросу о феодализме в Дигории // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1933. Т. 5. С. 9, XIV.

[450] *Абаев М.* Указ. соч.

[451] *Голицын Н. Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. СПб., 1851. С. 193–194.

[452] *Абаев М.* Указ. соч.

[453] *Баранов Е.* На Голубом озере // Вокруг света. 1913. № 29.

[454] *Абаев М.* Указ. соч.

[455] Уйгуро-русский словарь. Алма-Ата, 1961. С. 196; *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 309.

[456] *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 39, 171.

[457] *Ермолова И. Е.* Общественный строй гуннов последней четверти IV – начала V в. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1982. С. 233.

[458] *Урусбиев С.* Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1880. Вып. 1. Отд. 2. С. 48–54.

[459] *Смирнов А. П.* Указ. соч.

[460] *Багов П. М.* Отражение этнических процессов в языке // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 195.

[461] *Ковалевский С. А.* Книга Ахмеда ибн Фодлана о его путешествии на Волгу в 921–922 годах. Харьков, 1956. С. 137.

[462] *Косвен М. О.* Аталычество // СЭ. 1935. № 2. С. 41–62.

[463] *Кокиев Г.* К вопросу об аталычестве // Революция и горец. 1929. № 3. С. 49–52.

[464] Адыги, балкарцы… С. 50, 145 и сл.

[465] *Тизенгаузен В.* Указ. соч. С. 182.

[466] *Мавродин В. В.* Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 12.

[467] *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986. С. 12.

[468] *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. С. 3.

[469] *Кумыков Т. Х.* Этногенез балкарского и карачаевского народов в исторической литературе // МНС. С. 9–37.

[470] Там же. С. 310.

[471] *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии // МНС. С. 316.

[472] *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы... С. 318; *Он же.* Происхождение народов Кавказа // Краниологическое исследование. М., 1974. С. 195–196.

[473] *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы... С. 322–323.

[474] *Алексеев В. П.* Происхождение народов... С. 26.

[475] *Алексеев В. П.* К палеоантропологии Кабардино-Балкарии эпохи позднего Средневековья // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980. Вып. 1. С. 97–98.

[476] *Робакидзе А. И., Харадзе Г. Л.* К вопросу о свано-балкарских этнокультурных взаимоотношениях // МНС. С. 135–152.

[477] Там же. С. 139–141.

[478] Там же. С. 150–151.

[479] *Алексеев В. П.* Происхождение народов... С. 200–202.

[480] *Джанберидзе Г. К.* Выступление на сессии // МНС. С. 224–225.

[481] *Алексеев В. П.* Происхождение народов... С. 201.

[482] *Ковалевская В. Б.* Местные традиции в домостроительстве Северного Кавказа: (Кобанская культура и этнография балкарцев и карачаевцев) // Конференция по археологии Северного Кавказа: XII Крупновские чтения (Тез. докл.). М., 1982. С. 32.

[483] Там же. С. 34.

[484] *Бернштейн Э. Б.* Народная архитектура балкарского жилища // МНС. С. 186–217.

[485] *Бернштейн Э. Б.* Указ. соч. С. 215.

[486] Там же. С. 215–217.

[487] Там же.

[488] *Абаев В. И.* Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // МНС. С. 127-134.

[489] Там же. С. 128–129.

[490] Там же. С. 130.

[491] *Алиев У. Б.* Выступление на сессии // МНС. С. 242–252.

[492] *Байчоров С. Я.* Карачаево-балкарский арабописьменный памятник...; *Он же.* Гуннско-протобулгарско-северокавказские языковые контакты...; *Он же.* О протобулгарских географических названиях...; *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970; *Он же.* К топонимике Карачая // ТКЧНИИ. Сер. ист. Ставрополь, 1970. Вып. 6. С. 373–395; *Мускаев Б. Х.* Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик, 1981. С. 63–65; *Кубанов А. Х.* К вопросу об этническом составе Западной Алании // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. С. 45 и сл.; *Байрамкулов А. М.* Алано-асские этнические названия, фамилии и имена // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981. С. 76 и сл.; *Хабичев М. А.* Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов // Актуальные проблемы... С. 3 и сл.

[493] *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1986. С. 41–79.

[494] МНС. С. 63–69; 70–80; 228–241; *Дашкевич Я. Р.* «Со ех Си апІси» действительно ли «СимапІси»? // Вопросы языкознания. 1988. № 2; *Мизиев И. М.* Монголы на пороге Европы // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1987. С. 114–119.

[495] *Анчабадзе З. В.* Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // МНС. С. 119.

[496] *Кузнецов В. А.* Очерки истории аланов. Орджоникидзе, 1984. С. 165.

[497] *Анчабадзе З. В.* Указ. соч.

[498] *Робакидзе А. И., Харадзе Р. Л.* Указ. соч. С. 136; *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 178.

[499] *Марр Н. Я.* Предисловие к книге А. Ониани «Сборник сванских наименований деревьев и растений». Пг., 1917. С. 14–15; *Мровели Леонти*. Жизнь картлийских царей / Пер., коммент. и вступит. ст. Г. В. Цулая. М., 1979. С. 11, 69.

[500] *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.

[501] *Патканов К.* Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому... С. 24.

[502] Летопись Феофана // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских за 1887 г. М., 1887. Кн. 1. С. 262.; Никифора, патриарха Константинопольского, краткая история / Пер. Е. Э. Липшица // Византийский временник. 1950. № 3. С. 363; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 157–169.

[503] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // Археология СССР: Свод археологических источников. М., 1974. Вып. Е 4–2.

[504] Ученые записки Императорской академии наук по I и III отд. СПб., 1854. Т. 2. Вып. 5. С. 659 и сл.

[505] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Ч. 2. С. 229; *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 32–33.

[506] *Греков Б., Якубовский А.* Золотая Орда. Л., 1937. С. 37.

[507] Там же. С. 38; *Тизенгаузен В.* Указ. соч. С. 26.

[508] *Плетнева С. А.* Указ. соч. С. 23.

[509] *Иессен А. А.* Указ. соч. С. 30; *Минаева Т. М.* К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1964. Вып. 2. С. 167–194.

[510] Ученые записки Императорской академии наук... С. 779; *Греков Б., Якубовский А.* Указ. соч. С. 151.

[511] *Мизиев И. М.* Средневековые каменные ящики в Верхней Балкарии // СА. 1971. № 4. С. 242–250. Рис. 5–6; *Федоров Я. А.* Половецкое население в Приэльбрусье // Кавказ и Восточная Европа в древности: Сборник, посвященный памяти Е. И. Крупнова. М., 1973. С. 220–225. (Автор по ошибке пишет, что над погребениями в Курнаяте были курганные насыпи. – *И. М.*)

[512] *Хвольсон Д. А.* Указ. соч. С. 73; *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. С. 509; *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 115; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967. С. 185.

[513] *Баскаков Н. А.* Тюркские языки: (Общие сведения и типологическая характеристика) // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2.: Тюркские языки. С. 15.

[514] *Рыбаков Б. А.* Анты и Киевская Русь // ВДИ. 1939. № 1; *Третьяков П. Н.* Анты и Русь // СЭ. 1947. № 4; *Мавродин В. В.* Указ. соч.; Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

[515] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 186.

[516] *Батчаев В. М.* Из истории... С. 133.

[517] *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 174–183, 119–123.

[518] *Батчаев В. М.* Указ. соч. С. 132.

[519] *Мизиев И. М.* Шаги к истокам... С. 97.

[520] *Дашкевич Я. Р.* Указ. соч.

[521] *Иессен А. А.* Указ. соч.; *Минаева Т. М.* Указ. соч.

[522] *Чеченов И. М.* Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. Т. 3. С. 92–94, 100–101.

[523] *Батчаев В.* Биягъы къыпчакъланы юслеринден // Минги Тау. 1988. № 4. С. 112. *На балк. яз.*

[524] *Греков Б., Якубовский А.* Указ. соч. С. 122–124; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов // Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. С. 247–248.

[525] *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы... С. 328–329.

[526] *Алексеев В. П.* Происхождение народов... С. 19, 26.

[527] *Хоренский Моисей.* История Армении. С. 55, 62.

[528] *Патканов К.* Указ. соч.

[529] *Иречек.* История Болгарии. Одесса, 1878. С. 157; *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 157–166.

[530] *Коковцев П. Х.* Европейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 74–75, 92.

[531] *Гадло А. В.* Этническая история... С. 62, 68.

[532] *Соттаев А. Х.* Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка // МНС. С. 81–95; *Алексеев В. П.* Происхождение народов... С. 19.

[533] *Байчоров С. Я.* Указ. соч.

[534] *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы... С. 329.

[535] *Кристанов Ц.* Към вопроса этногенеза на бълкарския народ // Исторический прегляд. София, 1966. № 3. С. 33–51. *На болг. яз.*

[536] *Кузнецов В. А.* Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 34–39.

[537] *Алексеева Е. П.* Карачаевцы и балкарцы...; *Биджиев Х. Х.* Хумаринское городище...; *Гадло А. В.* Этническая история...

[538] *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. М., 1978. С. 174.

[539] *Байчоров С. Я.* Наскальная панорама раннесредневекового художника и писца // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. С. 21; *Биджиев Х. Х.* Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. С. 27–44.

[540] *Алексеев В. П.* Этногенез. М., 1986. С. 135, 164.

[541] Там же. С. 116, 120.

[542] *Сейдимбеков А.* Поющие купола. Алма-Ата, 1985. С. 45–48.

[543] *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае. М., 1974. С. 8.

[544] *Алексеев В. П.* Этногенез. С. 16.

[545] *Рынков Ю.* Свидетельствуют гены // Знание сила. 1986. № 8. С. 41.

[546] *Алексеев В. П.* Этногенез. С. 149; *Никонов В. А.* Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С. 5.

[547] *Алексеев В. П.* Этногенез. С. 135–136.

[548] *Крюков М. В.* «Люди», «настоящие люди»: (К проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика. М., 1984. С. 6.

[549] *Никонов В. А.* Указ. соч.; *Крюков М. В.* Указ. соч.

[550] *Никонов В. А.* Указ. соч. С. 16.

[551] Там же. С. 10.

[552] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1950. С. 93.

[553] *Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934. С. 67.

[554] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 15. С. 368.

[555] *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды... С. 7.

[556] *Ионе Г. И.* Верхне-Чегемские памятники IV–XIV вв. // УЗКБНИИ. Т. 19. Нальчик, 1963; *Ган К.* Первый опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Вып. 39. Тифлис, 1909. С. 17; *Лопатинский Л. Г.* Заметка о народе адыге вообще и кабардинцах в частности // СМОМПК. Вып. 12. Тифлис, 1891. С. 4.

[557] *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. С. 42–43; *Он же.* Кыргызы. Фрунзе, 1943. С. 25; *Гумилев Л. Н.* Указ. соч. С. 259.

[558] «Армянская география VII века», приписываемая Моисею Хоренскому. СПб., 1877. С. 30.

[559] *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности // Живая старина. Вып. 3–4. Год шестой. СПб., 1896. С. 340; *Толстова Л. С.* Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984. С. 187; *Алборов Б. А.* Указ. соч. С. 108.

[560] *Лопатинский Л. Г.* Указ. соч.; *Волкова Н. Г.* Указ. соч. С. 98; *Алборов Б. А.* Указ. соч. С. 108.

[561] *Севортян Э. В.* Указ. соч.

[562] *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 7.

[563] *Мизиев И. М.* Средневековые башни и склепы... С. 28–30.

[564] *Бартольд В. В.* Указ. соч. С. 269.

[565] *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 104. (Пространная редакция.)

[566] Материалы по истории Осетии (XVIII век) // ИСОНИИ. Т. 6. 1934.– С. 31.

[567] *Агафий*. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. М.;Л., 1953. С. 47.

[568] *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 62.

[569] *Европеус Д.* Об угорском народе, обитавшем в Средней и Северной России. СПб., 1874. С. 3–4; *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 62.; *Неру Джавахарлал.* Взгляд на всемирную историю. М., 1981. Т. 1. С. 164.

[570] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами // История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1959. Кн. 5–8 . С. 387.

[571] *Юсупов Г. В.* Болгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 217–231.

[572] Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980; *Санжеев Г. Д.* Изоглоссы в монгольских языках // Монголика. [Памяти академика Б. Я. Владимирцева.] М., 1986. С. 94–95.

[573] *Юсупов Г. В.* Указ. соч. С. 222.

[574] Там же. С. 227.

[575] Блъгарско-русски речник. София, 1960. С. 1156.

[576] *Юсупов Г. В.* Указ. соч. С. 222.

[577] Там же. С. 229.

[578] *Хвольсон Д. А.* Указ. соч. С. 16.

[579] *Тихомиров М. И.* Именник болгарских князей // ВДИ. 1946. № 3. С. 87.

[580] *Юсупов Г. В.* Указ. соч. С. 227.

[581] *Бартольд В. В.* Указ. соч. С. 524, 568–569.

[582] Там же. С. 277; *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе... С. 91–92.

[583] Там же.

[584] *Бартольд В. В*. Указ. соч. С. 586.

[585] МНС. С. 301.

[586] Археологические работы на новостройках в 1932–33 гг. М.; Л., 1935. С. 27.

[587] *Тизенгаузен В.* Указ. соч. С. 144–189.

[588] *Мурзаев Э. М.* Монгольские топонимы в Курдистане // Топонимика Востока.... С. 214–215.

[589] *Соколова Д. П.* О башкирских тамгах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1904. Т. 13. Вып. 13. С. 91.

[590] *Станчев С.* Новый памятник раннеболгарской культуры // СА. Т. 26. 1957. С. 125 (карта).

[591] Альбом // Известия Русского археологического института в Константинополе. Вена, 1905. Т. 10. Табл. 24, 26, 116.

[592] *Миллер В. Ф.* Археологические экскурсии... С. 70.

[593] *Гадло А. В.* Указ. соч. С. 189 и сл.

[594] *Хвольсон Д. А.* Указ. соч. С. 22.

[595] *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 131.

[596] История Армении... С. 131–134, 261.

[597] *Коковцев П. К.* Указ. соч. С. 52. (Краткая редакция.)

[598] *Корнилов Г. Е.* Гидронимический ареал «ахан» в Евразии // Топонимика Востока... С. 190.

[599] *Юсупов Г. В.* Указ. соч. С. 228; *Кузьменков Е. А.* Пассив в монгольском языке // Монголика... С. 53–54.

[600] *Патканов К.* Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. СПб., 1883. Ч. 225. С. 28.

[601] Адыги, балкарцы... С. 407.

[602] *Патканов К.* Указ. соч. С. 29.

[603] *Волкова Н. Г.* Указ. соч. С. 98.

[604] *Морган Л. Г.* Указ. соч. С. 8.

[605] МНС. С. 65.

[606] *Юсупов Г. В.* Указ. соч. С. 222; *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа... С. 403; *Боровков А. К.* Указ. соч. С. 50.

[607] МНС. С. 186–217 и сл.

[608] Карачаевцы... С. 135–136; *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 403 и сл.

[609] Карачаевцы... С. 132–133; Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 93, 99.

[610] *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. С. 15–16; *Бетрозов Р. Ж.* Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и Средние века. М., 1980. С. 113–122.

[611] *Руденко С. И.* Второй Пазырыкский курган. Л., 1948. С. 7, 56; *Он же.* Горно-алтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. С. 224–247; *Смирнов А. П.* Волжские булгары... С. 78; *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы... С. 200; *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 407; *Потапов Л. П.* Указ. соч. С. 78, 240; Народы Сибири. М., 1956. С. 340. Рис. 2.

[612] *Потапов Л. П.* Указ. соч. С. 472–473.

[613] *Плетнева С. А.* Указ. соч.

[614] *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 64.

[615] *Потапов Л. П.* Указ. соч. С. 80–81; *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 80; *Сысоев В. М.* Карачай... С. 66.

[616] *Руденко С. И.* Указ раб.; *Мизиев И. М.* Указ. соч. С. 63; *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 219; *Потапов Л. П.* Указ. соч. С. 226, 227, 256, 309; *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Труды Института этнографии. М., 1954. Т. 21. С. 334; Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 267; Карачаевцы... С. 300–304 (рис.); *Кузнецова А. Я.* Указ. соч.; *Еремеев Д. Е.* Юрюки... С. 69; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей... Т. 2. С. 23.

[617] *Миллер В. Ф.* Указ. соч. С. 94–95.

[618] *Сысоев В. М.* Древности по верхнему течению р. Кубань // МАК. Вып. 9. М., 1904. С. 148–150. Рис. 59.

[619] Там же. С. 164.

[620] *Шульц П. Н.* Прикубанские изваяния скифского времени // Тезисы докладов Всесоюзной археолого-этнографической конференции. Тбилиси, 1971. Доп. вып. С. 23–24.

[621] *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 424; *Потапов Л. И.* Указ. соч. С. 256.

[622] *Студенецкая Е. Н.* Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа... С. 152.

[623] *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 308, 417; *Гаджиева С. Ш.* Кумыки... С. 224; *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. С. 223; *Руденко С. И.* Башкиры. М., 1955. С. 199; *Денисов П. В.* Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 73.

[624] *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 425; *Велева М.* Синтез этнических элементов в бол-

гарской народной одежде // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографичских наук (МКАЭН). М., 1970. Т. 5. С. 87.

[625] *Татишвили В.* Грузины в Москве. Тбилиси, 1959. С. 32–33. Рис. 3; *Руденко С. И.* Башкиры. С. 161; *Халиков А. Х.* Маклашевская всадница // СА. 1971. № 1. С. 113. Рис. 6; *Гаген-Торн Н. И.* Указ раб. С. 24, 38, 65, 68; *Потапов Л. П.* Указ. соч. С. 482; Путешествие в восточные страны... С. 100.

[626] *Студенецкая Е. П.* Указ. соч.

[627] *Тульчинский Н. П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 188.

[628] *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1856. С. 127.

[629] *Мизиев И. М.* Балкарцы и карачаевцы... С. 79–89; *Петров Гр.* Верховья Кубани – Карачай // Памятная книжка Кубанской области на 1880 г. Екатериноград, 1880. С. 143; *Кононов А. И.* Сочинение Абул-Гази хана Хивинского. М.; Л., 1958. С. 58; Путешествие в восточные страны... С. 104–105; *Потапов Л. П.* Указ. соч. С. 80; *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 147; *Гаджиева С. Ш.* Указ. соч. С. 243–244.

[630] *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4. С. 172.

[631] *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. С. 30.

[632] Путешествие в восточные страны... С. 97.

[633] *Латышев В. В.* Известия древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе. СПб., 1904. Т. 2. Вып. 2. С. 337.

[634] *Потапов Л. П.* Указ. соч. С. 157; *Он же.* Пища алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. М., 1949. Т. 12. С. 52–61; *Он же.* Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Там же. С. 61–65; *Каракашлы К. Т.* Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1964. С. 247; *Борозна Н. Г.* Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана. С. 118; *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 309; *Васильева Г. П.* Туркмены нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник: Труды ИЭ АН СССР. Вып. 21. М., 1964. С. 146.

[635] *Хвольсон Д. А.* Известия... С. 23; *Потапов Л. П.* Указ. соч. С. 224; *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 396; Динник Н. Я. Горы и ущелья Кубанской области .– С. 348.

[636] Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Дортели д' Асколи, протектором Кафы, Татарии и пр. 1634 г. / Пер. с итал. Н. Пименова // ЗООЛИД. Т. 24. С. 126; Описание перекопских, ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена / Пер. с итал. П. Юрченко // ЗООЛИД. Одесса, 1879. Т. 10. С. 490–491; Путешествие в восточные страны... С. 95; *Потапов Л. П.* Этнический состав... С. 68.

[637] *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 396; *Потапов Л. П.* Этнический состав... С. 68–69.

[638] *Плетнева С. А.* Указ. соч. С. 204.

[639] *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 192.

[640] Там же.

[641] *Штукенберг А. А.* Земледельческие орудия древних болгар // УЗКГУ. Казань, 1846. Т. 6. С. 5; *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 16, 82.

[642] *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 400–402; *Потапов Л. П.* Очерки... С. 79.

[643] *Алексеев В. П.* Указ. соч. С. 24, 116, 120.

[644] История народов Восточной и Центральной Азии. М., 1986. С. 10, 60; *Сейдимбеков А.* Указ. соч. С. 45–48.

[645] *Лавров Л. И.* О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев // МНС. С. 63–69.

[646] Карачаевцы... С. 278; Дебет Златоликий... С. 81–82.
[647] Карачаевцы... С. 311.
[648] Там же.
[649] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки... С. 80; *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 441–442; *Гаджиева С. Ш.* Указ. соч. С. 324. *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 81; *Потапов Л. П.* Очерки... С. 104.
[650] *Гумилев Л. Н.* Указ. соч. С. 76–77.
[651] *Каганкатваци Моисей*. История агван. СПб., 1861. С. 205.
[652] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам... С. 174–175.
[653] *Гадло А. В.* Указ. соч. С. 147.
[654] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 220.
[655] Карачаевцы... С. 275.
[656] Там же. С. 276.
[657] *Фрезер Дж.* Золотая ветвь. М., 1981. С. 141.
[658] Там же. С. 140–141.
[659] Там же. С. 131.
[660] Там же. С 134.
[661] *Никифор*. Указ. соч. С. 380.
[662] *Бартольд В. В*. Указ. соч. С. 550.
[663] *Федоров А. Я.* Половецкое наследие в Приэльбрусье // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 220–225.
[664] *Гумилев Л. Н*. Указ. соч. С. 78; *Плетнева С. А*. Указ. соч. С. 175.
[665] *Урусбиев С.* Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1880. Вып. 1. Отд. 2.
[666] *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 102.
[667] Там же.
[668] *Фрезер Дж*. Указ. соч. С. 184–186.
[669] Там же. С. 186; *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 154, 184, 441.
[670] *Потапов Л. П.* Указ. соч. С. 104, 260.
[671] *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн Фодлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 137; *Гадло А. В*. Указ. соч. С. 148.
[672] *Каховский В. Ф*. Указ. соч. С. 186–188; *Гаджиева С. Ш*. Указ. соч. С. 322; Карачаевцы... С. 275.
[673] *Миллер В. Ф., Ковалевский М. М*. В горских обществах Кабарды. С. 562–569.
[674] Карачаевцы... С. 275.
[675] *Плетнева С. А*. Указ. соч. С. 275.
[676] *Сысоев В. М.* Древности по верхнему течению р. Кубани... С. 148–150, 164. Рис. 59.
[677] *Мизиев И. М*. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик, 1976. С. 46. Рис. 26–27.
[678] *Холаев А. З.* Карачаево-балкарский нартский эпос... С. 69.
[679] *Иванюков И., Ковалевский М*. У подошвы Эльборуса // Вестник Европы. М., 1886. Кн. 1. С. 83–112.
[680] Путешествие в восточные страны... С. 29; Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. 2. С. 346; *Каховский В. Ф*. Указ. соч. С. 187; *Потапов Л. П.* Указ. соч. С. 105; *Гаджиева С. Ш*. Указ. соч. С. 322; Карачаевцы... С. 275.
[681] *Плетнева С. А*. Указ. соч. С 100–102.
[682] *Алексеева Е. П.* Отчет об археологических работах в Верхнем Чегеме в 1959 г. // Архив КБНИИИФЭ.
[683] *Иванюков И., Ковалевский М.* Указ. соч.; *Гаджиева С. Ш.* Указ. соч. С. 322.

[684] Карачаевцы... С. 275, 313.
[685] *Иордан*. Указ. соч. С. 90.
[686] *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 39–40.
[687] *Бартольд В. В.* Иран. Ташкент, 1926. С. 32; *Плетнева С. А.* Указ. соч. С. 178.
[688] *Гумилев Л. П.* Указ. соч. С. 23.
[689] *Плетнева С. А.* Указ. соч. С. 174.
[690] *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 261; *Гаджиева С. Ш.* Указ. соч. С. 269–270.
[691] *Гумилев Л. Н.* Указ. соч. С. 62, 264.
[692] Там же. С. 9-15.
[693] *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 56.
[694] Приношу свою глубокую благодарность фольклористу М. Джуртубаеву.
[695] *Никифор*. Указ. соч. С. 389.
[696] *Ламберти А.* Описание Колхиды... С. 192.
[697] *Фонберг*. О пережитке культа быка в сел. Карачоле в Крыму // СЭ. 1936. № 3. С. 84–85.
[698] *Холаев А. З.* Указ. соч. С. 45.
[699] Там же. С. 77–79; Дебет Златоликий... С. 95.
[700] В горских обществах Кабарды... С. 562–569.
[701] *Латышев В. В.* Указ. соч.
[702] *Холаев А. З.* Указ. соч. С. 103–104; *Боташев Алибек.* Богатырь Ецемей сын Ецея: (Карачаевская сказка) // СМОМПК. Тифлис, 1896. Вып. 21. С. 82.
[703] *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971. С. 21, 27, 29–31, 81.
[704] *Холаев А. З.* Указ. соч. С. 39.
[705] *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 81; *Гаджиева С. Ш.* Указ. соч. С. 325; Религиозные верования народов СССР. М., 1931. Т. 2. С. 225; Карачаевцы... С. 274.
[706] *Иордан*. Указ. соч. С. 90.
[707] *Каховский В. Ф.* Указ. соч. С. 263.
[708] Путешествие в восточные страны... С. 120.
[709] Там же. С. 176.
[710] Там же. С. 69.
[711] *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1956. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. С. 106–107.
[712] *Горький М.* Доклад на I Всероссийском съезде советских писателей // Советская литература. 1934. № 9–10. С. 21.
[713] *Анисимов А. Ф.* Духовная жизнь первобытного общества. М.; Л., 1966. С. 88.
[714] Там же. С. 89.
[715] *Вардьяш Л. О* некоторых принципиальных вопросах изучения эпических жанров // Труды VII МКАЭН. М., 1969. Т. 6. С. 178–182.
[716] *Холаев А. З.* Указ раб. С. 32; Дебет Златоликий... С. 22.
[717] *Скитский Б. В.* К вопросу о феодализме в Дигории // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1939. Т. 5. С. 9; *Азаматов К. Г., Хутуев Х. И.* Мисост Абаев. Нальчик, 1981. С. 94.
[718] *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
[719] *Токарев С. А.* Поездка на снеговой хребет... С. 12; *Сысоев В. М.* Карачай... С. 137.
[720] Дебет Златоликий... С. 34.
[721] *Иордан*. Указ. соч. С. 90.
[722] *Гадло А. В.* Указ. соч. С. 35.
[723] *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. С. 24, 35, 357, 456; *Гумилев Л. Н.* Указ. соч. С. 12, 23, 81.

[724] *Гумилев Л. Н.* Указ. соч. С. 22.
[725] *Урусбиев С.* Указ. соч.
[726] *Бартольд В. В.* Указ раб. С. 91.
[727] Дебет Златоликий... С. 83.
[728] *Аристов Н. А.* Заметки... С. 5.
[729] *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 85.
[730] Дебет Златоликий... С. 86–87.
[731] *Патканов К.* Указ. соч. С. 29.
[732] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 86–87.
[733] *Абаев М.* Указ. соч. С. 586–589; *Талицкий Н. Е.* Очерки Карачая // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отд. 1. С. 53.
[734] *Лашков Ф.* Памятники дипломатических отношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв. Симферополь, 1891. С. 9–10.
[735] *Иванюков И., Ковалевский М.* У подошвы Эльборуса... С. 97.
[736] *Талицкий Н. Е.* Указ. соч. С. 5 и сл.
[737] *Сысоев В. М.* Указ. соч. С. 137.
[738] *Талицкий Н. Е.* Указ. соч.
[739] *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 81.
[740] Там же. С. 82.
[741] *Урусбиев С.* Указ. соч.
[742] *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 81.
[743] *Скитский Б. В.* Указ. соч. С. 9, XIV.
[744] *Цагаева Т. Дз.* Топонимика Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1. С. 116. 121.
[745] *Сиротенко В. Т.* Основные теории происхождения древних булгар и письменные источники V–VII вв. // УЗПГУ. Пермь, 1961. Вып. 4. Т. 20. С. 78.
[746] *Ган К.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1. С. 214; *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 54; *Гадло А. В.* Указ. соч. С. 48.
[747] *Прокопий из Кесарии.* Указ. соч. С. 386.
[748] *Гумилев Л. Н.* Указ. соч. С. 9–15, 62, 264.
[749] *Рашид ад-Дин*. Указ. соч. С. 39.
[750] *Холаев А. З.* Указ. соч. С. 39.
[751] Там же. С 40.
[752] *Рашид ад-Дин.* Указ. соч. С. 202–206.

История рядом

Беседы краеведа

Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания...

П. Я. Чаадаев

ЧЕЛОВЕК – ТВОРЕЦ ИСТОРИИ

Можно не знать тысячи наук и все-таки быть образованным человеком; но не любить историю может только человек неразвитый умственно.

Н. Г. Чернышевский

Многогранная человеческая деятельность преобразует окружающий мир, создает материальные и духовные ценности, формирует моральные идеалы и мировоззрение общества. Погруженные в сиюминутные заботы, мы еще нередко не отдаем себе должного отчета в том, что и нынешние творения рук и разума человека завтра, через год и десятилетия будут восприниматься потомками как неопровержимые и наглядные свидетельства нашей эпохи.

С этих позиций оценивая дела и помыслы людей, их мировоззрение и нравственные принципы, мы должны признать равнозначными памятниками истории и культуры человечества и первый грубо слепленный горшок и наши межпланетные станции, которые, каждый по-своему, отражают свое время.

Опираясь на совокупный опыт и постоянно совершенствуя свой труд, человечество неуклонно продвигается по пути прогресса в материальной, идеологической, социально-политической сферах. Выдающиеся умы человечества не раз выражали справедливую мысль о том, что, не зная прошлого, нельзя понять настоящее и предвидеть будущее. Наше прошлое сформировало не только сегодняшние проблемы, но и нас самих, обогащенных накопленным человечеством опытом. Без знания прошлого невозможно самосознание и самоощущение человека, выработка надежных ориентиров в бурлящем потоке сегодняшних событий. Все это в наши дни возбуждает небывалый интерес к правде истории, к социальной памяти народов, спрессованной в историческом прошлом.

Далекое прошлое человека и окружавший его мир изучаются археологами, антропологами, палеоботаниками и представителями других смежных областей знания, обращенных в глубь веков. Где бы ни проживал человек, он всегда оставляет после себя следы деятельности в виде созданных его руками изделий и сооружений. В условиях первобытной разобщенности и сравнительной изоляции древних общностей деятельность и дости-

жения отдельных групп долгое время оставались неизвестными другим. На протяжении веков одни оставались собирателями злаков, кореньев и плодов диких растений, другие – охотниками и рыболовами. Каждый из этих видов занятий был продиктован своеобразием среды обитания первобытных людей. С течением времени одни из них научились взращивать зерна, другие приручать и одомашнивать диких животных, третьи загонять зверье, охотиться и т. п.

Таким, примерно, образом происходило становление и постепенное обособление племен – ранних земледельцев, пастухов-скотоводов, рыболовов и охотников. Каждый из них оставил после себя самобытные и оригинальные памятники, которые не перестают привлекать к себе внимание любознательного человека.

Племена, обособленные и в силу географических условий, и по роду занятий, не могли бесконечно оставаться в полной и постоянной изоляции, а постепенно сближались, вступали в продиктованные жизненной необходимостью контакты друг с другом. Происходило взаимное знакомство с достижениями соседей, налаживался естественный обмен продуктами своего «производства», а вместе с ними перенимались и определенные жизненные навыки. Этот обмен и взаимообогащение жизненного опыта росли прямо пропорционально степени развития миграции и смешения различных племен, диффузии их культур. В результате подобных контактов происходило взаимопроникновение и взаимообогащение и в материальной, и в духовной сферах человеческой деятельности. Все это, естественно, сопровождалось языковыми контактами, обогащением словарного фонда соседствовавших племен, так как различного рода материальные и духовные нововведения проникали в соседние общества вместе с их наименованиями.

Если с изложенных позиций подходить к древней истории и культуре Кавказа, то мы еще раз убедимся в правоте давно устоявшегося в науке утверждения, что Кавказ издревле представляет собой уникальный регион Евразийского континента, является «горой языков и культур».

Громадный «водораздел» между Азией и Европой, преграждавший извечные пути миграции племен с севера на юг, с запада на восток, нельзя было миновать или обойти, люди не могли не замечать Кавказ, их не могли не привлекать его плодородные долины и альпийские луга, богатейшая флора и фауна. Подталкиваемые различными историческими событиями с севера и с юга к Кавказу, различные по культуре и языку народы сталкивались здесь как друг с другом, так и с аборигенами края, оседали в его глубоких ущельях, а с течением времени представали перед объективной необходимостью приспособиться к условиям гор. И земля, по образному выражению средневековых авторов, брала верх, многие степные народы в конце концов превращались в горцев Кавказа.

Все эти процессы оставили большой след в истории. Археологическая наука о Кавказе знает множество фактов проникновения культуры южных народов Передней Азии и Ближнего Востока на территорию Армении, Грузии, Азербайджана. А из этих областей культурные достижения древнего Востока

проникали на территорию Дагестана и Прикубанья. Эти контакты хорошо прослеживаются в древнейших памятниках Кабардино-Балкарии. В районы Предкавказья, Прикубанья, Приморского Дагестана проникают носители культур южноевропейских и среднеазиатских регионов. В горах Кавказа происходило столкновение и симбиоз этих культурных течений с культурой древнего населения края. Одновременно древние культурные достижения кавказцев проникали далеко на север в Южно-Русские степи, Приуралье, Поволжье, а также в районы Ближнего Востока и Передней Азии.

Изученные на Кавказе элементы культуры столь далеких областей древнего мира не могли так глубоко укорениться в чужеродной кавказской среде без достаточного этнического обоснования. Накопленные различными областями науки материалы позволяют говорить о том, что взаимораспространение достижений культуры и языка различных регионов зачастую происходит вместе с его создателями и носителями.

В наше время стремление как можно глубже познать историю и культуру народов является составной частью духовных потребностей советских людей, и это стремление в последние годы набирает особую силу и широкий размах. Свидетельством тому является небывалый рост туристических познавательных путешествий по необъятным просторам нашей Родины, стремление «лучше один раз увидеть». Хотя развернувшаяся туристическая индустрия, различные услуги и сервис позволяют широко знакомиться с историко-культурными памятниками многих областей, все же порой для познания исторического прошлого вовсе не обязательно отправляться в далекие края. Всегда можно найти такие маршруты, на которых воочию увидишь, прикоснешься рукой и ощутишь многовековую историю родного края, историю, которая всегда рядом с нами. И отправным пунктом интереса к прошлому всегда является современность, которая непременно задает людям минувших времен многочисленные вопросы, волнующие нас в настоящем, чтобы понять и проследить, как в новых проявлениях сохраняются достижения исторического прошлого и как они обогащают современную культуру народов.

Наши представления о культуре древних племен будут более верны и объективны, если мы будем помнить, что для более ясного понимания отдельных частных вопросов истории и культуры необходимо всегда иметь в виду общие закономерности, на которые постоянно будет натыкаться человек, пытающийся решать конкретные частные вопросы в отрыве от общих. При этом нельзя забывать, что огромные просторы, заключенные между горными грядами Алтая, Карпат, Тянь-Шаня, Урала и Кавказа, представляют собой бескрайние степи Евразии и примыкают к древнейшим земледельческим центрам мировой цивилизации Европы, Южного Кавказа, Ближнего Востока и Средней Азии. Как в зонах стыка и симбиоза культур кочевников и земледельцев, так и в зонах перехода степей в плодородные горные долины и предгорья – везде встает вопрос о смешении, соотношении, взаимовлиянии и взаимопроникновении как элементов культуры, так и отдельных этнических групп.

Отсутствие письменных источников, отражающих начальные этапы древних этнокультурных контактов населения Евразийских степей с горцами Кавказа, выдвигает археологические памятники на первое место. Исследования говорят о том, что материально ощутимые активные контакты степных и горных племен хорошо фиксируются в памятниках предгорий Кабардино-Балкарии.

Предлагаемая книга посвящена одному из древнейших и повсеместно распространенных памятников раннебронзового века Кабардино-Балкарии и сопредельных областей, а именно древним курганам, которые являются живыми свидетельствами интереснейших исторических событий, протекавших как на Кавказе, так и в Евразийских степях. Приглашая читателя предпринять путешествие в глубь веков истории, хочется начать его с живописных окрестностей курорта Нальчика, потому что древнейшие памятники Нальчика вошли в золотой фонд мировой археологической науки и тесно связаны с древнейшими цивилизациями Кавказа и Европейского континента. В таком широком географическом и хронологическом обхвате мы сможем лучше понять их роль и значение в мировой истории.

НАЛЬЧИК В ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

> История людей явилась процессом развития самого человечества, и задача научной мысли свелась к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса...
>
> *Ф. Энгельс*

Горная система Кавказа никогда не была непроходимой преградой для древнейшего населения. Историко-географические исследования свидетельствуют, что через Кавказ еще в древнекаменную эпоху (палеолит) началось заселение Каспийско-Черноморских степей, а в период среднекаменного века (мезолит) уже возникла связь и складывалась определенная культурная близость населения степей и Кавказа. В эпоху новокаменного и раннебронзового веков (неолит и энеолит) Кавказ не без оснований считается одним из важнейших очагов, откуда в Северное Причерноморье и Поволжье проникала культура земледелия и металлургии.

На юге Кавказ примыкает к Передней Азии – древнейшему очагу возникновения и развития мирового земледелия, а на севере предкавказские районы смыкаются со степями Северного Причерноморья, Подонья и Поволжья. Благодаря такому положению Кавказ издревле являлся связующим мостом между Передней Азией и Юго-Восточной Европой. В системе

связей с Юго-Восточной Европой особенно важную роль играла центральная часть Предкавказья, заключенная в географических рамках между Кубанью и Тереком, Эльбрусом и Казбеком. Неудивительно поэтому, что наиболее ранние памятники оседлого населения были обнаружены в самом центре Предкавказья, в пределах нынешнего города Нальчика.

Благоприятные климатические условия этого региона, богатая флора и фауна, насыщенная густой водной сетью, не могли не привлечь внимания древних людей, полностью зависящих от природных условий обитания. В этом регионе густые лесистые хребты предгорий Большого Кавказа в виде огромной подковы окаймляют плодородную долину небольшой речной системы Ак-су, Кенже, Шалушка.

С точки зрения древнейшей истории Кавказа и Юго-Восточной Европы Нальчик примечателен тем, что культура древних племен эпохи неолита и энеолита нашла отражение в археологических памятниках в непосредственной черте города. На первом месте среди этих памятников по праву стоит так называемое Агубековское поселение. Оно было открыто еще в 1924 г., а в 1929-м здесь небольшие раскопки проводил бывший заведующий Нальчикским краеведческим музеем М. И. Ермоленко. Поселение располагалось на участке местного владельца Агубекова и потому вошло в науку под таким названием.

Экскурсанты по городу Нальчику могут посетить район размещения этого уникального археологического памятника – это нынешний район города, именуемый «Затишье», примерно в юго-западном углу земель Кабардино-Балкарской опытной станции садоводства. Поселение размещалось на правом берегу высохшего древнего протока, некогда отделявшегося от реки Нальчик. В 1932–1933 гг. на поселении работали археологи из Академии наук СССР А. П. Круглов и Е. Ю. Кричевский.

Культурный слой поселения, содержащий следы деятельности человека, составлял 40–60 см. Жилища древних поселенцев представляли собой легкие плетеные хижины. Основную группу находок составляли более 1000 экземпляров фрагментов керамических сосудов.

По заключениям специалистов Института исторической технологии Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), ныне Институт археологии АН СССР, «материал для изготовления керамики – глина низкого качества, сильно загруженная вкраплениями слюды и кварца, это, вероятно, зависело от отсутствия подходящих выходов гончарной глины в окрестностях стоянки... Керамика производилась без гончарного круга».

Сосуды Агубековского поселения все без исключения имели плоское дно, выделяется лишь один фрагмент круглодонной чашечки, которая будет привлекать наше внимание по ходу изложения.

Среди керамического материала важное место занимает фрагмент стилизованной глиняной статуэтки, изображающей человека. Сохранившаяся часть статуэтки, длиной 5 см, представляет собой тонкую шею, оканчивающуюся своеобразно моделированной головой, которая имеет форму вытянутого овала. Вдоль обеих сторон овала, по краям «лица», имеются с одной стороны 4, с другой 5 дырочек, расположенных вертикальными рядами.

На поселении в большом количестве встречались разнообразные каменные орудия из кремня и вулканического стекла (обсидиана) местного происхождения. Это были всевозможные скребки, ножевидные пластинки, различные острия, использовавшиеся для обработки кожи, дерева и пр. Авторы раскопок считают существенным обстоятельством наличие на поселении двух каменных топоров с полированной поверхностью. Типичными для Агубековского поселения считаются каменные терки, терочники и песты. Растирание злаков на них производилось вручную.

Завершая обзор добытного материала, археологи писали: «У нас нет оснований предполагать у древних обитателей Агубековского поселения наличие земледелия. Среди всех терок, представленных в наших материалах, нет ни одной, которую можно было бы считать зернотеркой. Все они слишком незначительны по своим размерам, для того чтобы употребляться для растирания зерна. Этому также противоречит пористая структура камня. С другой стороны, эти терки могли быть удобными для растирания съедобных корений, диких плодов, орехов или желудей. Набор терок Агубековского поселения дает, следовательно, возможность говорить не о земледелии, а о собирательстве».

На поселении встречались кости дикой свиньи, которые также не давали авторам основания говорить о домашнем скотоводстве, а скорее свидетельствовали об охоте на диких животных.

Весь набор найденного материала позволяет датировать поселение неолитическим временем – второй половиной IV тыс. до н. э.

Такие предметы, как полированные топоры и навершия булав, дают археологам право связать этот памятник с неолитическими культурами Моравии, Югославии, Южной Украины, с так называемой трипольской культурой Восточной Европы. На Правобережной Украине каменные булавы «в виде креста с шаровидными оконечностями» были найдены на поселении древнего этапа трипольской культуры и в погребениях древнейшего слоя Мариупольского могильника на Нижнем Дону. Глиняная статуэтка с оригинальной моделировкой лица очень похожа на статуэтку из кургана Катарагач-тапа в Дагестане (А. А. Русов). Статуэтки, с которыми сопоставляли А. П. Круглов и Е. Ю. Кричевский найденный ими экземпляр, представляли собой изображения женщин, что могло, по их мнению, олицетворять охотничье-собирательское хозяйство при матриархально-родовом строе.

Агубековское поселение до сих пор привлекает пристальное внимание ученых-кавказоведов. Современные исследователи несколько пересматривают взгляды первооткрывателей 30-х гг. и считают жителей поселения ранними земледельцами и скотоводами Северного Кавказа (Р. М. Мунчаев). Об этом может свидетельствовать каменный жернов от ручной мельницы, найденный будто бы на поселении и тогда еще хранившийся в Нальчикском краеведческом музее.

Каменные орудия из Агубеково в общих чертах похожи на соответствующий инвентарь из закавказских памятников, в частности с поселения Тетрамицы. Такую же близость эти орудия проявляют и с Гинчинским

поселением в Дагестане. Все это позволяет ученым говорить о близости агубековцев с оседлым населением Дагестана и Грузии (Р. М. Мунчаев, М. Г. Гаджиев, Р. Ж. Бетрозов). Вместе с тем анализ всего комплекса находок из Агубековского поселения, особенно керамика, позволяет ведущим специалистам по неолиту и энеолиту Кавказа считать, что неолитическая или поздненеолитическая культура Центрального Предкавказья имела свои некоторые, ярко выраженные локальные особенности. При этом они ссылаются и на упомянутую статуэтку. Подобные антропоморфные изделия в памятниках Кавказа чрезвычайно редки, причем агубековская находка относится к числу наиболее древних. Поэтому внимание к ней со стороны специалистов не ослабевает и поныне.

Подводя итог сказанному об Агубековском поселении, можно несколько развить мысль выдающегося советского археолога лауреата Ленинской премии Е. И. Крупнова и сказать, что, перекликаясь с памятниками трипольской культуры Восточной Европы, с Мариупольским могильником и другими находками на севере от Кавказа и с поселениями Тетрамицы в Грузии и Гинчи в Дагестане, а через них и с культурными достижениями Древнего Востока, Нальчикское поселение имеет решающее значение при изучении истории всего степного юга нашей страны и Кавказа. Эта значимость еще более подчеркивается тем, что рассмотренный памятник свидетельствует о том, что уже в середине IV тыс. до н. э. население Центрального Предкавказья было знакомо с достижениями так называемой неолитической революции, т. е. начинало переходить от присваивающего (охотничье-собирательского) к производящему способу хозяйствования, т. е. к земледелию и скотоводству.

Вторым очень важным памятником, почти одновременным с описанным поселением, является Нальчикский могильник, также прочно вошедший в арсенал «золотого» фонда советской археологической науки о древней истории Кавказа и Восточной Европы.

Могильник располагался сравнительно недалеко от Агубековского поселения, в том же районе города Нальчика, примерно там, где ныне размещены корпуса Кабардино-Балкарской республиканской клинической больницы. В 20-х гг. эта западная окраина города была занята огородами горожан и потому называлась «Базки». В 1923 г. владелец одного из огородов, проводя межевую канаву вокруг своего участка, прорезал ею южную полу находившейся здесь расплывшейся возвышенности, высота ее едва достигала 67 см при диаметре более 30 м. В обрезе канавы были обнаружены человеческие кости, обломки глиняных сосудов. В том же году М. И. Ермоленко раскопал на могильнике 26 погребений.

В 1929–1930 гг. археологические экспедиции ГАИМК исследовали этот памятник и раскопали здесь еще 121 погребение. Раскопки А. П. Круглова, Б. Б. Пиотровского, Г. В. Подгаецкого как академически изученные погребения и вошли в археологическую литературу.

По описаниям авторов раскопок могильник имел плоскую и низкую насыпь, резко отличающуюся в этом отношении от сравнительно высо-

ких насыпей курганов эпохи бронзы. Именно поэтому этот могильник некоторые не считают курганом, хотя дошедшие до нас древнейшие курганы были высотой 40, 60, 70 см и редко превышали 1 м (Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов, Н. Я. Мерперт).

Раскопанные экспедицией погребения (121) размещались небольшими группами, от 5 до 8 могил в каждой. Можно предположить, что первоначально это были близко расположенные друг к другу мелкие курганчики, впоследствии оплывшие и образовавшие общую возвышенность. Ученые полагают, что каждая семейно-родовая ячейка имела здесь свой участок. Захоронения в таких группах производились неодновременно, на что указывает разница в глубине залегания, а также случаи перекрытия одной могилы другой.

В тех случаях, где удалось проследить очертания могил, они представляли несколько расширяющиеся в изголовьях овальные ямы. Мужские захоронения покоились на правом (36 могил), женские – на левом боку (27 могил), в 5 случаях погребенные лежали ничком, на груди. Для нашего дальнейшего повествования очень важно отметить, что 12 погребенных: № 7, 10, 29, 34, 36, 38, 79, 84, 86, 105, 117, 120, т. е. почти 10 %, покоились на спине с подогнутыми в коленях ногами.

Из 121 погребения 80 имели следы окрашенности красной охрой. Иногда краска лежала под скелетом сплошным слоем, иногда же были окрашены только конечности и черепа погребенных. Исследователи подметили, что сильная окрашенность была свойственна более древним погребениям, ориентированным головой на восток.

На могильнике был собран большой археологический материал, включающий изделия из кремня, обсидиана, поделки из клыков кабана, медведя, мелкие каменные и пастовые бусы, каменные браслеты и пр. Бросается в глаза, что наиболее бедными оказывались погребенные, лежавшие на спине с подогнутыми ногами. В 6 таких погребениях не было ничего, в погребении № 10 обнаружен череп кабана, в № 29 – коренной зуб дикого быка или зубра, в № 36 – пластинка из кабаньего клыка, на которой было изображение змеи, в № 117 – осколок кремня, а в № 120 – кусок мела. Исключение из этих 12 погребений представляет по «богатству» погребение № 86. В нем был обнаружен скелет женщины 25–30 лет, покоившейся на спине с подогнутыми в коленях ногами. Весь костяк и подстилающий грунт были сильно окрашены красной охрой. В могиле было найдено большое количество мелких бус цилиндрической формы, рубленных из белой пасты, небольшая медная сережка в виде колечка и два каменных браслета. У костей левой ноги погребенной лежали 16 подвесок из просверленных клыков оленя и 31 подвеска из просверленных резцов быка.

Если говорить об инвентаре Нальчикского могильника, то надо отметить частые находки подвесок из коренных зубов быка, клыков кабана, медведя, лисы, фрагменты оленьих рогов. В погребениях № 46, 83, 86 и вблизи могил № 54, 55 были найдены каменные браслеты, которые вырезались из плиток сланца острым орудием, в качестве которого служили,

вероятно, всевозможные скребки, отщепы, пластинки из кремня, обсидиана. Подобные браслеты были найдены на поселении в местности Тетрамицы близ города Кутаиси, у сел. Криволучье-Ивановка на Волге в Куйбышевской области, в кургане между станицами Тульской и Севастопольской в Краснодарском крае и других местах.

При раскопках могильника было найдено много фрагментов глиняной посуды, однако исследователи «с полной уверенностью утверждают, что они попали в погребения случайно, а не преднамеренно». Исходя из этого утверждения первооткрывателей современные археологи считают, что керамики в Нальчикском могильнике не было. Однако наше внимание привлекает «маленькая глиняная плошка в виде круглодонного бокальчика» из раскопок М. И. Ермоленко, которая, судя по его словам, находилась рядом со скелетом.

Большой интерес представляет и найденная Ермоленко в одном из погребений статуэтка из мергеля, изображающая женщину. Голова ее имеет вид шарообразного утолщения, в то время как остальные части уплощены. Два округлых выреза на середине ее длины подчеркивают талию фигурки. Руки у статуэтки отсутствуют, а ноги не расчленены. При изготовлении ее мастер хотел придать изображению вид сидящего человека, что отчетливо видно при рассмотрении статуэтки в профиль.

По большинству археологического инвентаря ближайшей аналогией Нальчикскому могильнику А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий считали могильник у города Мариуполя (Мариупольский могильник). Однако последний, по их мнению, относился к несколько более ранней эпохе, так как в нем не было медных предметов и пастовых бус. Отличительной особенностью того могильника, на наш взгляд, является и вытянутое положение погребенных, чего не было в Нальчикском могильнике. В поздних погребениях Мариупольского могильника наблюдается такое же, как и в Нальчикском, положение покойников на спине с подогнутыми коленями, которое получает распространение и в районах Донца и Волги.

Касаясь идеологических представлений и анализируя в этой связи различные изделия из клыков и зубов диких животных, авторы раскопок писали: «Нам кажется, что мы не ошибемся, если подчеркнем особую значимость в представлениях изучаемого общества двух животных – кабана и оленя... Именно на обработанном кабаньем клыке нанесены изображения двух змей. Говорить о том, что кабаний клык в данном случае был лишь подходящим поделочным материалом, и тем самым отрицать органическую, смысловую связанность между предметом и нанесенным на нем изображением, было бы неправильно».

О социальной структуре общества, оставившего Нальчикский могильник, по предположениям авторов, кое-что могут сказать обнаруженные ими на могильнике группировки могил, несомненно, отражающие определенные семейно-родовые общественные отношения. В этой связи важно подметить, что подобные группировки кровно-родственных ячеек соблюдались на могильниках народов Северного Кавказа вплоть до недавнего времени и неоднократно фиксируются этнографами и сегодня.

В археологическом инвентаре могильника есть очень архаичные предметы, прежде всего каменные браслеты, аналогии которым имеются в памятниках Месопотамии VI тыс. до н. э. (Джармо, Телль-Магзалия, Телль-Сотто). На Кавказе же эти изделия доживают вплоть до времени Нальчикского могильника. Данные, полученные в нальчикских памятниках, наглядно свидетельствуют о тесных связях Северного Кавказа в IV тыс. до н. э. с культурами Передней Азии, Южного Кавказа и степного юга европейской части нашей страны.

Завершая наш первый экскурс, следует отметить, что до IV тыс. до н. э. ни в Европе, ни в Передней Азии, Иране и Индии, ни в Евразийских степях археологические культуры не содержат курганов, которые позднее можно встретить почти повсеместно. Мы отмечаем эту деталь, потому что в дальнейшем повествовании нам часто придется вслед за распространением древнейших курганов затрагивать историко-культурную ситуацию в различных областях Евразийского континента. Отправным пунктом и причиной поиска истоков «курганной» культуры являются упоминавшиеся 12 погребений Нальчикского могильника, относящихся, к так называемой древнеямной археологической культуре древнейших кочевых, скотоводческих племен Восточно-Европейских степей. Одновременно с Нальчикским могильником и позднее в окрестностях города Нальчика и в ближайших районах Северного Кавказа появляются неоспоримые археологические «паспорта» кочевого степного населения, т. е. курганы. Это обстоятельство и заставляет нас обратиться теперь к вопросу о том, где и когда впервые стали появляться курганы – эти замечательные памятники, повсюду украшающие степной пейзаж.

Во второй половине IV тыс. до н. э., возможно ближе к ее концу, в междуречье низовьев Дона, Волги, Урала и Эмбы, в бассейнах небольших речек – Еруслан, Узень, Большой и Малый Иргиз, Таргун – формируется новая археологическая культура, содержащая в своем внутреннем развитии большую потенциальную силу. Эта культура, первоначально занимавшая степные районы Южного Урала, охватывая южные окраины нынешней Башкирии и сопредельных регионов, была сформирована древним населением, преимущественно занятым скотоводством, главным образом овцеводством. В силу специфики своего хозяйства эти племена были чрезвычайно подвижными из-за необходимости постоянных поисков все новых и новых сезонных пастбищ для своих стад. Поэтому на древнейшей прародине этой культуры археологи до сих пор не располагают сведениями о поселениях древних кочевников. Лишь в прибрежных долинах изредка обнаруживаются небольшие кратковременные стойбища пастухов. Поселения этих племен выявлены только в тех районах, где они приходили в долгосрочные контакты с древними земледельческими племенами, смешивались с ними и оседали.

Многолетние исследования видных русских и советских археологов – А. В. Городцова, С. В. Киселева, К. Ф. Смирнова, И. В. Синицина, Н. Я. Мерперта – установили основные черты этой культуры.

Для погребения усопших вырывалась обширная подквадратная, овальная или прямоугольная яма, ее стены облицовывались деревянными брусьями или плахами, дно ямы устилали камышом, травой, корой дерева, грубой рогожей, циновкой или войлоком. Умершего клали на спину, головой ориентировали на восток, ноги в коленях подгибали вверх. Подстилающий грунт и самого покойника обильно обсыпали красной охрой. Погребальную яму сверху перекрывали накатом из деревянных бревен, брусьев, плах, застилали камышом или древесной корой и пр. Поверх всего этого возводили курганную насыпь. Так впервые стали появляться курганы. Родиной их были степи в междуречье Волги и Урала. В наиболее ранних курганных погребениях вместе с умершим клали очень бедный инвентарь, чаще всего это были ножевидные кремневые пластинки с ретушированными краями, поделки из трубчатых костей и рогов животных. Как правило, в изголовье клали части туши жертвенной овцы или барана – в основном это были черепа, лопатки, астрагалы. Иногда в могилах обнаруживались круглодонные с широким туловом или остродонные, яйцевидные глиняные сосуды грубой ручной лепки из низкокачественного теста. Поверхность таких сосудов заглаживалась пучком травы, покрывалась сплошными нарезками, насечками. В более поздних погребениях обнаруживают изделия из меди – ножи, кинжалы, стрелы, шилья и пр. Из-за характерной погребальной ямы вся культура получила в литературе название – древнеямной. Подвижной характер жизни «ямников» вызвал необходимость использования населением этой культуры тягловой силы домашних животных и распространения в их быту повозок. Они же явились и первыми создателями курганов, чтобы при частых перекочевках с места на место не терялось место захоронения их сородичей в степных просторах.

По наблюдениям О. А. Кривцовой-Граковой, наиболее древние погребения были перекрыты поперечными и продольными бревенчатыми накатами. В одной из могил под городом Никополем она проследила весь накат из 10 бревен, под которыми и над ними был выявлен тлен от тростника и камыша.

Таким образом, основными археологическими, этнокультурными признаками культуры древнейших кочевников-овцеводов были:

- курганная насыпь;
- погребальная грунтовая яма, облицованная и покрытая деревом, устланная камышом, рогожей, циновкой, войлоком, травой;
- наличие в могиле костей мелких животных – астрагалов, костей лопаток, черепов;
- умершего клали на спину с подогнутыми в коленях ногами или в скорченном состоянии на боку.

Эти признаки являются своего рода лакмусовой бумажкой, которая позволяет выделить памятники древнейших кочевников на больших территориях, далеко отстоящих от района их зарождения.

Характеризуя энеолитическую культуру Евразийских степей, Н. Я. Мерперт приходит к заключению, что различные группы скотоводческих племен, «соприкасаясь с древнейшими центрами производящего хозяйства и подвергаясь их влиянию, приспосабливали достижения последних к специфике естественных условий своего существования. В степных, горных, полупустынных областях появились коллективы, ведущей отраслью хозяйства которых было скотоводство в подвижных его формах (отгонное, полукочевое, а далее кочевое), резко ограничивающих или даже исключающих возможности одновременной земледельческой практики». К наблюдениям Мерперта стоит добавить, что и земледельческие племена, сталкиваясь со скотоводами, не чурались перенимать у последних новейшие достижения их культуры, навыки разведения и ухода за скотом, пользоваться их способами передвигаться на значительные расстояния и т. п.

Такое дополнение само собой напрашивается, если вспомнить важное замечание Ф. Энгельса: «В Азии они (древние пастухи-скотоводы. – *И. М.*) нашли животных, которых можно было приручить и в дальнейшем разводить в прирученном состоянии. За самкой дикого буйвола нужно было охотиться, прирученная же – она ежегодно приносила теленка и, кроме того, давала молоко. У некоторых наиболее передовых племен – арийцев, семитов, может быть, уже и у туранцев – главной отраслью труда сделалось сначала приручение и лишь потом уже разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров: это было первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимые ими средства к жизни были другие. Они имели сравнительно с теми не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен». Поскольку первоначальное приручение, а позднее уход за скотом были делом мужчины, поэтому, продолжает Энгельс, скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Так в скотоводческой среде стали появляться патриархально-родовые вожди, в руках которых концентрировались огромные богатства.

Численность скота увеличивалась, стада росли, и скотоводы осваивали все новые участки степи. Так вслед за расширением пастбищ расширялись и основные территории скотоводческих племен, и на огромных просторах от Эмбы на востоке до Днестра на западе сложилась в конце IV – начале III тыс. до н. э. наиболее древняя из культурно-исторических областей, получившая название древнеямной (Н. Я. Мерперт).

Огромная степная полоса, занятая этой культурно-исторической областью, непосредственно соприкасалась с тремя раннеземледельческими центрами – Европой, Передней и Средней Азией. С этого момента, как справедливо подметили советские археологи, степные пространства из

фактора, разделяющего древние общества, превратились в фактор соединяющий их. Они способствовали значительным перемещениям больших групп скотоводов, облегчали процесс смешения и ассимиляции древних племен, а также давали возможность для быстрого распространения экономических и культурных достижений как самих скотоводческих племен, так и населения других областей, с которыми соприкасались древние кочевые племена. Именно поэтому первая и древнейшая культурно-историческая область знаменовала собой первую ступень широкого освоения степных просторов, распространение в них производящих видов экономики, т. е. разведение скота и выработку подвижных, кочевых форм ведения хозяйства. История этой историко-культурной области предстает перед нами как длительный, сложный и многообразный этап развития и взаимодействия ряда племен Каспийско-Черноморских степей.

На такой огромной территории эта культура не могла оставаться единообразной и видоизменялась в соответствии с миграцией или диффузией из древнейшего очага зарождения (Волго-Уральского междуречья), обогащаясь новейшими достижениями культуры и экономики иных племенных групп, с которыми вступала в контакт. В силу этих причин древнеямная (или курганная) культура в период своего наивысшего расцвета распадалась на девять локальных вариантов, имеющих свои общие и специфические особенности. Исследования показали, что это были: Волжско-Уральский (наиболее древний), Предкавказский, Донской, Северско-Донецкий, Приазовский, Крымский, Нижнеднепровский, Северо-западный и Юго-западный варианты, которые, имея свои отдельные отличительные черты, объединялись единством погребального обряда и общностью керамики.

Исходя из общей характеристики этой культуры, теперь можно попробовать проследить различные этапы и пути миграции ее и выяснить вопрос, в каких позднейших культурах продолжали бытовать ее основные этнокультурные компоненты и как далеко они проникали в соседние общности древних племен. Но прежде чем пуститься в это путешествие, надо иметь в виду, что когда речь заходит о перемещениях древних племен, необходимо в каждом конкретном случае выявлять не отдельно вырванные из общего комплекса культуры элементы, а сумму возможно полного набора этнокультурных признаков той или иной древней культуры. Но и в этом случае необходимо выяснять: было ли обнаружение тех или иных черт отдельной культуры вдали от основной территории ее бытования связано с миграцией носителей этой культуры или же это результат культурных, соседских контактов? Дело в том, что одни утверждают, что вследствие общего единообразия человеческих умов любое общество на соответствующей стадии технологического, экономического, культурного и социального развития должно сделать те же самые открытия. Другие же убеждены в том, что каждое крупное открытие или изобретение было сделано лишь однажды на протяжении истории, и относят, таким образом, зарождение, скажем, металлургии, гончарного круга, земледелия, изобретение лука, приручение и оседлание коня и т. п. к одному

определенному району земли. Хотя некоторые считали, что археологи не смогут разрешить этот спор (Г. Чайлд), тем не менее современные достижения науки могут внести существенный вклад в его прояснение. Так, например, находки морских раковин, изделий из минералов в местах, где этот минерал в природе не встречается и куда они не могли быть занесены естественными путями, или же обнаружение изделий человека вдали от места их изготовления – гончарный круг, повозки на колесах, вращающиеся мельницы, или обычай возведения курганной насыпи, использование верхового коня и пр. – является неоспоримым доказательством межплеменных связей, а может быть, и миграций племен, освоивших эти изобретения. Конечно, передача предметов быта, так же как и распространение идей, служит в определенной степени указаниями на перемещение людей с места на место. Но поскольку чисто археологические предметы, взятые в отдельности, слишком сомнительны в решении этих вопросов, археологи давно придерживаются того мнения, что если «движение вещей» в эпоху неолита и бронзы не сопровождается керамикой, которую за редчайшим исключением вряд ли когда могли экспортировать в древности (по причине ее хрупкости), тогда говорить о перемещениях этнических групп нет достаточных оснований. Если даже наблюдаются отдельные сходные черты в профилировке и орнаментации сосудов, все же остается большой риск видеть за этим сходством этнические перемещения, так как эти детали нередко могут оказаться результатом культурных связей и изучения технологических навыков соседей. Поэтому есть опасность делать выводы о генетических связях населения только на основе сходства керамики. «Сходство керамики нередко может говорить, – писал П. Н. Третьяков, – лишь о том, что население заимствовало у своих соседей неизвестные ему ранее способы выделки и орнаментации сосудов». Живым примером может быть знаменитая майкопская культура раннебронзового века Северного Кавказа с ее курганным погребальным обрядом и массой предметов переднеазиатского происхождения. Вот этот феномен – сочетание степного погребального обряда и материальной культуры древнего земледельческого мира Передней Азии – и не дает возможности ученым до сих пор до конца раскрыть происхождение и суть майкопской культуры.

А между тем когда и легкоподвижный археологический инвентарь – украшения, оружие и прочие предметы, чаще всего являющиеся предметом обмена, – сочетается с керамикой, а все это вместе поддерживается еще и погребальным обрядом – самым стойким этническим показателем, тогда говорить об этнических перемещениях можно достаточно обоснованно.

Руководствуясь этими соображениями, мы и попытаемся теперь рассмотреть, в каком окружении находились древние племена Северного Кавказа – носители курганного обряда.

ДРЕВНЕЙШИЕ КУРГАНЫ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ РАССКАЗЫВАЮТ...

> Мировоззрение «всадничества» было основным элементом любой кочевнической культуры, элементом, который всех их объединял в своеобразную «культурную общность», раскинувшуюся по всей Евразийской степи.
>
> *С. А. Плетнева*

Предгорные районы Кавказа составляют естественное продолжение Волго-Донских степей Евразийского континента. Процесс внедрения сюда древнейших курганов ученые отмечали уже давно (Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, Р. Ж. Бетрозов). Касаясь этого раздела наших экскурсий в глубь веков, мы затрагиваем очень интересную тему, которую можно было бы назвать: древние кочевники и Кавказ, степи и горы.

О первом столкновении степной и местно-кавказской культур говорит сам факт появления здесь курганных насыпей – существенно новых, прежде нехарактерных элементов в этнокультурном комплексе погребального обряда кавказских племен. Отсутствие курганного обряда в неолитическую эпоху на севере и юге Кавказа, а также в прилегающих к Кавказу с юга, юго-востока и юго-запада территориях является свидетельством нововведения курганов в традиционную культуру древних кавказских племен. Археологическая наука установила, что древнейшие курганы появляются на Северном Кавказе еще в эпоху раннемайкопского (если не сказать *домайкопского*) времени. По словам ведущих археологов, сама майкопская культура Северного Кавказа целиком связана своим появлением с курганным, т. е. степным погребальным обрядом и испытывала заметные степные воздействия, в том числе и в погребальном обряде. Поздний этап древнеямной курганной культуры смыкается с ранним этапом майкопской культуры (Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев).

Очень раннее соприкосновение древнеямных кочевых племен с Кавказом документируется достаточно четко. Приведем хотя бы несколько фактов:

1. Находки весьма архаичных, не свойственных неолитической и энеолитической керамике Северного Кавказа яйцевидных, шаровидных круглодонных сосудов древнеямного типа в курганах у станиц Кубанской, Казанской, Тифлисской, Усть-Лабинской.

2. Упоминавшиеся 12 погребений из Нальчикского могильника с явным древнеямным погребальным обрядом и круглодонной чашечкой.

3. Курган у сел. Верхний Акбаш, в котором майкопское захоронение (№ 10) оказалось впускным в курганную насыпь, сооруженную над могилой древнеямника (погребение № 11). Это погребение датируется XXVII–XXVI веками до н. э. (Р. Ж. Бетрозов), т. е. оно намного древнее, чем ранние Майкопские курганы, не уходящие глубже XXV в. до н. э. (Р. М. Мунчаев).

4. Такая же картина, наблюдается в Большом Кишпекском кургане, в котором майкопское захоронение (№ 3) было совершено на вершине кургана, возведенного над ямным захоронением № 8 (И. М. Мизиев).

Особенно активными становятся контакты степняков-кочевников с кавказцами в период существования майкопской культуры, прежде всего на ее развитом этапе, т. е. в XXV–XXIII вв. до н. э. С этого времени уверенно можно говорить о двустороннем характере воздействия друг на друга степной и кавказской культур, о подлинном взаимодействии древнеямных племен со значительным культурным очагом Северного Кавказа. Кавказский металл именно в данный период начинает широко распространяться в Восточной Европе, и в этом решающую роль стали играть степные племена, связывавшие Кавказ с восточно-европейскими областями и Поволжьем. Основная роль в процессе взаимодействия степного и кавказского миров сохраняется за древнеямными племенами. Об этом хорошо говорят их культурные элементы, проникавшие на Кавказ. Так, например, в ряде погребений и в слоях майкопской культуры найдены типичные древнеямные сосуды, орудия, украшения (Н. Я. Мерперт). Более того, нередко под майкопскими погребениями, как в случае Верхне-Акбашского, Большого Кишпекского курганов, или в одних стратиграфических горизонтах с майкопскими захоронениями открыты древнеямные погребения.

Достижения советской археологии «позволяют говорить и о более сложных, глубоких, прежде всего о безусловно единых чертах в погребальном обряде древнеямных и майкопских племен: от положения погребенного и оформления могилы до самой курганной насыпи» (Н. Я. Мерперт, А. А. Формозов). Может быть, из этого исходила в свое время М. Гимбутас, когда говорила об этническом и культурном единстве степного и северокавказского населения эпохи энеолита. Другими словами, можно сказать, что древнеямные степные племена привнесли на Кавказ курганный обряд погребения и специфические образцы керамики, являющиеся этнокультурным «паспортом» древнейших овцеводов-кочевников IV–III тыс. до н. э.

Для того чтобы этот тезис стал более наглядным, стоит привести общие черты погребального обряда ранних «майкопцев» и «древнеямников»:

- просторные грунтовые ямы с округлыми углами, стены укреплены деревянными плахами, бревнами, дно устлано камышом, корой дерева, органической подстилкой (рогожей, циновкой, войлоком);
- сверху яма перекрывалась накатом из деревянных бревен, затем насыпался земляной курган;
- усопший покоился в скорченном положении на боку, либо на «спине с подогнутыми ногами, ориентирован головой преимущественно на восток, северо-восток;
- кости погребенного и дно могилы обильно обсыпались красной охрой.

Но погребальный инвентарь майкопских захоронений имеет уже явно иной облик:

- красноглиняные, шаровидные и округлые сосуды из хорошо отмученного теста без примесей;

■ массивные медные топоры, кинжалы, тесла, шилья;

■ украшения из золота, серебра с инкрустацией, чаще всего переднеазиатского происхождения.

Все эти предметы ничего общего не имеют с бедным инвентарем древнеямников, проникавших на Кавказ на самых ранних этапах формирования майкопской культуры:

■ грубые, лепные, остродонные, яйцевидные сосуды плохого теста и обжига;

■ кремневые ножи и ножевидные пластины;

■ поделки из кости – шилья, проколки;

■ мелкий рубленый бисер из бесцветной пасты и пр.

Вот этот симбиоз ямно-майкопского погребального обряда с нехарактерным для ямников инвентарем развитого «майкопа» и необходимо всегда иметь в виду при этнокультурной интерпретации майкопских древностей Северного Кавказа.

Проникшие на Северный Кавказ древнейшие и очень бедные курганы ко времени самого Майкопского кургана, давшего культуре свое имя, превращаются в захоронения крупных патриархальных вождей, сосредоточивших в своих руках крупные стада и утопавших в роскоши заморских, переднеазиатских украшений из драгоценных металлов и камней. Ярчайшим примером сказанному служит Майкопский курган, раскопанный Н. И. Веселовским в 1867 г. Курган высотой 10,65 м находился на одной из улиц города Майкопа, которая теперь носит название Курганной. В центре под насыпью кургана была открыта четырехугольная яма с закругленными углами. Стены ямы были укреплены деревом, по углам были врыты четыре деревянных столба, поддерживавших, вероятно, погребальное перекрытие – балдахин. Могильная яма перегородками из камыша или дерева разделена на северную и южную половины, а северная, в свою очередь, еще на две равные части. Таким образом, могила была трехкамерная.

В более обширной южной половине в позе спящего, скорченно на боку лежали останки мужчины, густо засыпанные красной охрой. На мужчине найдено было 68 золотых штампованных пластинок, изображающих львов, 19 пластинок с изображениями быков и 38 массивных колец, 10 двойных пятилепестковых розеток. Здесь же лежала богатейшая низка бус из золота, серебра, сердолика, лазурита, морской пены и бирюзы. Уже эти находки бус свидетельствуют о южном привозе (лазурит из Бадахшана, бирюза из Ирана, морская пена из Малой Азии).

На голове погребенного была коническая тиара с золотыми обручами, украшенными цветками из золотых лепестков. И по рисунку, и по технике выполнения эти цветы совершенно аналогичны украшениям короны царицы Шубад и знатных женщин из могилы. «74 скелетов» царского некрополя I династии Ура в Месопотамии (XXV в. до н. э.). Перед погребенным, параллельно друг другу, лежали шесть серебряных стержней длиной по 1,03 м. На концы четырех из них насажены массивные статуэтки быков: два отлиты из серебра и два – из золота. Их стиль также ближе всего сто-

ит к шумерским скульптурам середины III тыс. до н. э. Поразительно схож с этими скульптурами медный бык, найденный в одной из древнейших могил Аладжа Эйюка (Центральная Турция), датируемой XXV–XXIV вв. до н. э. Автор раскопок и позднейшие ученые полагают, что эти стержни поддерживали балдахин во время погребального шествия (Н. И. Веселовский, Р. М. Мунчаев).

Вдоль стен могилы были расставлены 17 сосудов: два золотых, один каменный, шаровидной формы с накладным горлом и крышкой из золота; 14 серебряных, в т. ч. один с золотыми ручками-ушками, а другой с золотым ободком у горловины.

На одной из серебряных ваз отчеканен прекрасный пейзаж, изображающий цепь Кавказских гор с двугорбыми вершинами Эльбруса и Казбека. С гор стекают две реки, вливающиеся в море. Ученые полагают, что эти реки можно сопоставить с двумя крупными реками Северного Кавказа, либо с крупнейшими реками Передней Азии – Тигром и Евфратом. Последнее более вероятно, потому что художник видел хребет с юга: двуглавая вершина Эльбруса изображена слева, а не справа, как она видится, если, смотреть на горы с Северного Кавказа.

Обнаруженные в Майкопском кургане вещи говорят о том, что перед нами захоронение крупнейшего патриархального вождя племени, хорошо знакомого с достижениями переднеазиатской цивилизации. Зона контактов древнеямников с кавказскими племенами охватывает значительную территорию от Калмыцких степей до Кубани и Терека, почти вплотную подходя к входам в глубокие горные ущелья. Чтобы в этом убедиться, достаточно перелистать несколько страниц истории, отраженной в новейшей археологической ситуации на Северном Кавказе вообще, и в Кабардино-Балкарии в частности.

Огромным степным плацдармом древнеямников для освоения Предкавказья являлись районы Кумо-Манычского междуречья – степные просторы нынешней Калмыкии, имевшие более чем благоприятные условия для развития кочевого овцеводства.

Только в последние годы исследованиями И. И. Старостина, У. Э. Эрдниева, Е. В. Цуцкина, Е. В. Шнайдштейна на Маныче изучено 556 ямных захоронений с ярко выраженными чертами культуры и в погребальном обряде, и в археологическом инвентаре. В этих захоронениях очень часто обнаруживаются остатки древнейших деревянных повозок со сплошными колесами. Вероятно, колесный транспорт в степях Калмыкии достаточно был освоен еще в III тыс. до н. э. Судя по найденным остаткам, колеса повозок изготовлялись либо из трех скрепленных штифтами брусьев, либо из цельных сплошных дисков, спиленных из больших бревен. По мнению лесоводов, повозки, найденные в Калмыкии, сделаны из бука, который произрастает вблизи только на Кавказе.

Ученые полагают, что с этого плацдарма «ямники» продвигались на территорию Среднего и Нижнего Прикубанья. По подсчетам В. А. Сафронова, только в Среднем и Нижнем Прикубанье на позднем этапе майкопской

культуры (новосвободненский этап) более чем в 40 случаях обнаружены остатки повозок с древнейшими сплошными колесами. Вкупе с находками в Калмыкии, Дагестане, Грузии это число во много раз превосходит весь «мировой запас» подобных находок.

Древние кочевники активно продвигались и овладевали предгорьями Кавказа как в Прикубанье, так и на Центральном и Северо-Восточном Предкавказье. Это продвижение археологически документируется отмеченными погребениями из Нальчикского могильника, захоронениями в курганах у станицы Мекенской в Чечено-Ингушетии, а также упоминавшимися курганами у сел. Кишпек и Верхний Акбаш.

В кургане у сел. Верхний Акбаш было обнаружено 11 погребений. Основное из них, в честь которого был возведен первоначально курган, находилось в прямоугольной яме с округлыми углами. Погребенный лежал на спине с подогнутыми в коленях ногами и был ориентирован головой на восток, под останками прослежен тлен, возможно, от войлока. В могиле найдены медные полусферические бляшки, кремневый нож, полированный клиновидный каменный топор. Е. И. Крупнов отнес это погребение к энеолиту, а А. А. Формозов включил его в раннюю группу майкопских памятников.

Р. М. Мунчаев же пишет по этому поводу следующее: «Нам, однако, думается, что, несмотря на безусловно ранний возраст погребения, относить его без всяких оговорок к майкопской культуре нельзя. Оно по ряду особенностей (как в обряде, так и в инвентаре) выпадает из общей группы всех известных майкопских захоронений».

Вероятно, он прав, потому что единственным фактором, связывающим это захоронение с майкопской культурой, является сама курганная насыпь, привнесенная, кстати, в майкопскую культуру, как отмечалось, древнеямниками. Точку зрения Р. М. Мунчаева поддержал Р. Ж. Бетрозов, который более определенно вынес этот курган за пределы майкопской культуры и связал его с первым проникновением курганов на Северный Кавказ в XXVII–XXVI вв. до н. э.

Характерный для древнеямников погребальный обряд многократно прослеживался в Прикубанье у ст-цы Усть-Джегутинской; не имеет аналогий в памятниках майкопской культуры и костяная булавка с расширяющимся грибовидным навершием, найденная здесь же (А. Л. Нечитайло, Р. М. Мунчаев). У станиц Келермесской, Новолабинской, хут. Зубовского в курганах, не имевших даже признака ритуала «майкопцев», еще в 1899, 1904 гг. были найдены типичные древнеямные предметы из бронзы, кости, керамики.

Не менее явно прослеживается археологический комплекс древнеямной культуры в Центральном Предкавказье. Верхне-Акбашское захоронение здесь далеко не единственное. Раскопки последних лет в бассейне рек Баксана и Чегема значительно дополнили этот список. Здесь в 1972–1976 гг. выявлены 8 комплексов, неоспоримо связанных со степняками-кочевниками. Эти комплексы обнаружены в курганах у селений Чегем I,

Кишпек, Кызбурун III, Лечинкай, Былым (И. М. Мизиев, И. М. Чеченов, Р. Ж. Бетрозов, В. М. Батчаев). Захоронение у сел. Былым, в местности Шилтрак, особенно ценно, потому что оно является, пожалуй, самым высокогорным захоронением степняка-кочевника – на подступах к перевалу Донгуз-Орун.

Таким образом, новейшие исследования выделяют ряд древнеямных комплексов, сочетающих и погребальный обряд, и характерный археологический инвентарь. Вместе с 12 захоронениями Нальчикского могильника они отражают довольно ощутимое внедрение древних кочевников в Центральное Предкавказье, вплоть до самых высокогорьев Баксанского ущелья.

Кроме уже сказанного, в результате раскопок 1972–1976 гг. в Кабардино-Балкарии в разных курганах, в различных погребениях III тыс. до н. э. выявлено достаточное количество отдельных проявлений степной древнеямной культуры, иногда в виде некоторых элементов погребального обряда, иногда в виде специфических предметов степного происхождения. Чтобы раскрыть этот тезис, достаточно отметить такие предметы, как:

- уникальные каменные полированные «клювовидные» топоры-молотки (кург. № 5, погр. 2 у сел. Чегем I; кург. № 27 у сел. Чегем II). Аналогии этим оригинальным предметам имеются только в захоронениях древних ямников у хут. Степана Разина в Нижнем Поволжье. Молоткообразные предметы из рогов оленя (кург. № 27 у с. Чегем II);
- круглые в сечении костяные шилья с уступом для черенка (кург. № 31 у сел. Чегем I);
- большая ножевидная кремневая пластина (кург. № 31 у сел. Чегем II);
- бронзовый черенковый наконечник стрелы ромбовидной формы (кург. № 2 у сел. Кишпек);
- наличие костей мелкого скота (овцы), скопление астрагалов и пр.

Исследователи отмечают, что все эти предметы не находят аналогий в майкопских памятниках и связаны с ямной культурой Нижневолжского района и Приманычья (Р. Ж. Бетрозов, В. М. Батчаев).

Специалисты по бронзовому веку считают: «Установлено, что отличительной особенностью ранней группы Майкопских курганов является отсутствие камней в их насыпи и сооружение в материковом слое больших прямоугольных ям, ориентированных по линии В–З (восток–запад. – *Изд.*), а также частая засыпка их красной охрой». К этому следует добавить, что к таким отличительным особенностям относятся и деревянные накаты, перекрывающие могилы, облицовка их стен деревянными плахами, наличие подстилки из камыша, рогожи, войлока.

В Северо-Восточном Предкавказье захоронения древнейших кочевников известны с конца 50-х гг. в курганах у сел. Бамут, Новый Аршти и у ст-цы Мекенской, которые, по словам Р. М. Мунчаева, совершенно не характерны для неолитических местных погребений региона и находят прямые аналогии с ямными погребениями Нальчикского могильника.

Курганы у станицы Мекенской, Наурского района, Чечено-Ингушской АССР, были исследованы в 1956 и 1959 гг. Е. И. Крупновым и Н. Я. Мерпертом. Было раскопано 48 погребений в курганах, из которых основными были: погр. 5 кург. № 1, погр. 4 кург. № 2, погр. 16 кург. № 4, погр. 9 кург. № 6. Исследователи писали, что «особенностью мекенской группы является восточная ориентировка погребенных в отличие от южной ориентировки основной группы майкопских курганов». Керамический материал говорит о сочетании здесь образцов северного и южного происхождений. Так, например, маленькие тонкостенные сосуды с чернолощенной поверхностью (кург. № 4, погр. 16) хотя и близки к керамике из майкопской культуры по своим формам, но прямых аналогий не обнаруживают в ней. Зато они почти тождественны сосудам первой половины III тыс. до н. э. из Закавказья. А грубый круглодонный сосуд из погребения 11 кургана № 6 «резко отличается от кавказской керамики эпохи энеолита и ранней бронзы. Этот сосуд с короткой цилиндрической шейкой, несомненно, связан с древнеямной керамикой. Прямые аналогии ему можно видеть среди различных групп памятников древнеямной культуры как в курганах на Волге, Северском Донце, Молочной, Днепре, так и в культурных слоях поселений, относящихся к первой половине III тыс. до н. э.».

Стратиграфические данные кургана № 6 мекенской группы доказывают синхронность определенного этапа ямной культуры с майкопской.

Таким образом, по нашим подсчетам, на Северном Кавказе, на пространстве между станицами Мекенской и Усть-Джегутинской к культуре древнейших кочевников относятся 33 непотревоженных комплекса. Любопытно сравнить, что этих памятников в 2,5 раза больше, чем известных погребений первого этапа среднеднепровской культуры, почти столько же, сколько погребений второго этапа той же культуры, в 1,5 раза больше, чем памятников раннего этапа кобанской культуры Центрального Кавказа, в 11 раз больше, чем известных катакомбных захоронений эпохи бронзы на территории Кабардино-Балкарии. Следовательно, говорить о значительном внедрении степных племен в кавказскую среду еще в домайкопское время более чем резонно.

Завершая экскурс о ямно-майкопском симбиозе и кавказско-степном синкретизме культуры периода ранней бронзы, необходимо напомнить, что майкопская культура не имеет местно-кавказских истоков ни в погребальном обряде, прямо восходящем к древнеямной культуре, ни в материальной культуре, преимущественно связанной с цивилизациями Южного Кавказа, а через них с Передней Азией, особенно с месопотамскими городами.

В связи с этим уместно привести справедливые слова М. В. Андреевой, которая пишет, что до сих пор не выяснен вопрос о предшественниках «майкопцев» на Северном Кавказе, так как «нет оснований считать, что эта культура существовала на Северном Кавказе в течение тысячелетий». Исследовательница права, потому что майкопская культура появляется здесь практически неожиданно в XXV в. до н. э. и существует до XXIII–XXII вв. до н. э. – до так называемого новосвободненского этапа своего развития, который некоторые исследователи считают уже новой культурой.

Даже если считать, по-прежнему, новосвободненскую культуру определенным этапом майкопской, то и тогда майкопская культура существует лишь до XVII в. до н. э., то есть до начала уже новой северокавказской культуры развитой бронзы Северного Кавказа. Таким образом, в любом случае время существования майкопской культуры определяется не более чем восьмью веками (XXV–XVII вв.). К сказанному следует добавить, что курганному обряду и культуре нет истоков ни на Южном Кавказе, ни в Передней Азии, ни в Европейском Причерноморье, ни в Центральной Азии или на Иранском нагорье. К сожалению, этот феномен не только не изучен, но, по существу, даже не поставлен в науке в широком историко-культурном и этногеографическом планах.

Теперь обратимся к вопросу о том, как древнейшие курганы, проникали в Закавказье и Переднюю Азию с территории северокавказских предгорий. Но прежде отметим несостоятельность попытки обосновать обратный скачок высокоразвитых земледельцев Передней Азии в первобытную «невинность» и превращение их в кочевников (Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов). Есть много примеров превращения кочевников в оседлое и полуоседлое население, а вот обратное развитие – явление достаточно феноменальное, вряд ли это можно исторически обосновать.

ДРЕВНЕЙШИЕ КОЧЕВНИКИ НА ПУТИ В ЗАКАВКАЗЬЕ И ПЕРЕДНЮЮ АЗИЮ

> Ни в инвентаре своем, ни в погребальном обряде ни Кюль-тепе, ни последующая куро-аракская культура никаких связей с культурой древнеямных племен не имеют.
>
> *Н. Я. Мерперт*

На этом пути первое место занимают древние курганы Краснодарского края и Приморского Дагестана:

Курган у станицы Новотитаревской. Особый интерес представляет основное погребение № 12 одного из курганов высотой 8 м, диаметром 90 м. Оно было совершено «в большой прямоугольной яме, перекрытой большим овальным покрывалом из кожи или войлока». Поверх нее, плотно примыкая друг к другу, лежали не менее 30 тонких деревянных планок. В. И. Козенкова предполагает, что планки и покрывало являлись каким-то надмогильным сооружением-перекрытием, опиравшимся на деревянные колья. По словам исследователя, дно погребальной ямы было покрыто войлоком коричневого цвета, на котором прослеживался орнамент из ярко-красных полос и спиралей.

В могиле были обнаружены четыре колеса от деревянной повозки.

«Дно повозки, – пишет В. И. Козенкова, – представляет прямоугольную раму, связанную из четырех тонких досок. Колеса состоят из четырех отдельных кусков каждое и имеют односторонние выпуклые ступицы. Диаметр колеса – 72 см». Вторая повозка была найдена в другом погребении того же кургана. Вокруг ямы и здесь выявлены темные отпечатки покрова. Поверх ямы поперек были положены пять деревянных досок, плотно пригнанных одна к другой и орнаментированных резными кругами.

Несмотря на массивные повозки, инвентарь погребений отличается крайней бедностью, в основном это были скопления астрагалов, кости челюсти и конечностей жертвенной овцы. Как отмечалось, эти детали обряда совершенно чужды раннемайкопским погребениям. Новотитаревские курганы датируются последними веками III – началом II тыс. до н. э.

Для выяснения путей продвижения «курганников» на Юг Кавказа большого внимания заслуживают **курганы у сел. Утамыш** Каякентского района Дагестана. Как пишут В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов, «сосредоточенные в основном на узкой полосе приморской равнины и прилегающем к ней предгорье, они свидетельствуют о многократно имевших место проникновениях сюда в разные периоды древности и Средневековья более или менее значительных групп иноэтнического степного населения». Сочетание здесь курганов ранней бронзы и гуннского времени говорит о том, что районы эти издавна служили дорогой степняков на Юг Кавказа.

В разрушенном кургане в урочище Токачи, к северо-востоку от сел. Утамыш, механизаторы совхоза «Утамышский» обнаружили погребальное сооружение, перекрытое двумя накатами крупных бревен. Под ним в сильно деформированном срубе находилась четырехколесная повозка с помещенным на ней массивным саркофагом, изготовленным из двух половинок толстого (до 1 м) ствола, распиленного вдоль. Колеса повозки были составлены из трех массивных брусьев, соединенных внутренними шипами.

В одном из курганов (высота – 1 м, диаметр – 18 м) исследователи раскопали подпрямоугольную погребальную яму с закругленными углами. В ней находился сруб из крупных дубовых плах. Вдоль южной стены сруба стояла повозка, а на ней – погребальный саркофаг, состоящий из двух выдолбленных половинок чрезвычайно толстого бревна, диаметром не менее 1,2 м. Каждое колесо повозки изготовлено из трех плоских брусьев, соединенных внутренними шипами. В другом кургане такая же просторная погребальная яма была перекрыта девятью плотно подогнанными одна к другой плахами. Под перекрытием находился деревянный сруб, в центре которого находился аналогичный погребальный саркофаг.

Среди археологического инвентаря следует отметить серебряные и золотые подвески, бронзовые ножи-клинки, браслеты, бусы из горного хрусталя, сероглиняный, плохо обожженный сосуд яйцевидной формы.

Авторы раскопок датируют эти погребения концом III – началом II тыс. до н. э. и сближают погребальный обряд с ранними курганами майкопской культуры, в которых особенно четко прослеживается влияние древнеямной культуры древних кочевников.

Таким образом, еще во времена Нальчикского могильника древние степные племена стали проникать на Северный Кавказ, принесли сюда прежде не характерный курганный погребальный обряд. Важно, что этот обряд повсюду сопровождается и специфическими предметами материальной культуры степных племен: яйцевидной формы круглодонными сосудами, бронзовыми листовидными ножами-клинками, костяными проколками, булавками, иглами. Отдельные археологические предметы быта, украшения, оружие и пр., не подкрепленные стойкими признаками погребального обряда, еще не могут непременно говорить об этнических перемещениях. А вот в сочетании с обрядом погребения эти вещи говорят о подобных перемещениях достаточно аргументированно. И в этой связи весьма уместно вспомнить утверждение Р. М. Мунчаева о том, что керамика майкопской культуры не находит никаких аналогий в куро-аракской культуре древних кавказских племен.

Достаточно хорошо изученная майкопская культура и многочисленные «импортные» вещи переднеазиатского происхождения в захоронениях этой культуры говорят лишь о тесных культурно-экономических связях «майкопцев» с Передней Азией и Южным Кавказом, при полном сохранении всего комплекса погребального обряда «ямников», совершенно чуждого указанным регионам.

Прочно овладев Северным Кавказом в центре и на окраинах, носители курганной культуры проникли и на Южный Кавказ.

Курганы Южного Кавказа. Ранние курганы на Южном Кавказе известны во многих районах и относятся к различным эпохам, но самые древние из них раскопаны в урочище Уч-тепе (Три холма), что находится в Мильской степи, в 4–6 км к югу от реки Каркарчай, в Азербайджане. Известный советский археолог А. А. Иессен, раскопавший один из трех уч-тепинских курганов, отнес его к концу, или ко второй половине III тыс. до н. э. А К. Х. Кушнарева, определяя место и этнокультурную атрибуцию этих курганов, писала: «В конце III тыс. до н. э. в Закавказье «внезапно» появляются крупные курганы со сложными конструкциями внутри, предназначенные для погребения одного лица и отражающие какие-то новые веяния в социальной жизни древнего общества. Мы говорим «внезапно», – продолжает она, – сопоставляя их с известными могилами предшествующего периода, лепящимися тут же, среди жилых построек. Камень или черепок под голову, а в лучшем случае низка бус, грубый горшок или примитивный обсидиановый нож, сопровождавший усопших в V–IV тыс. до н. э.» – вот и весь археологический инвентарь древних погребений Закавказья до проникновения сюда курганной культуры.

По описаниям А. А. Иессена, в Уч-тепе на месте предстоящего захоронения прежде всего была выровнена площадка, на которой затем вырыли огромную яму (14 х 2,6 м). Эту яму перекрыли двумя накатами крупных бревен (80–100 штук, длиной 7,5–8 м, диаметром 50–70 см). Бревна были уложены вперемежку с камышовым настилом. На бревенчатом накате в ходе раскопок были обнаружены фрагменты керамики, которым, по словам А. А. Иессена. и Р. М. Мунчаева, в закавказской керамике аналогий нет.

Поверх бревен был насыпан каменный курган в объеме 700 м³ с «широким использованием камыша», – как пишет Иессен. Затем уже была возведена земляная насыпь, которая неоднократно наращивалась в процессе позднейших впускных захоронений.

«В 30-х годах VII века, – пишет Кушнарева, – первоначальное захоронение со всем реквизитом было вынесено через специальную штольню, а на его месте оказался похороненный хазарский воин».

Интересно отметить, что первоначальная насыпь кургана, включая каменную, составляла 6500 м³, вторичная – еще 1700 и в третий раз было насыпано столько же. Таким образом, только для возведения кургана потребовалось 16,4 тыс. м³ земли и камня, что ярко характеризует тот социальный аспект курганов майкопского времени, о котором мы упоминали.

В историко-культурном осмыслении уч-тепинских курганов безусловно прав Р. М. Мунчаев, который не внес их в круг памятников куро-аракской культуры кавказских племен, так как курганная культура, впервые отраженная в Закавказье в Уч-тепе, для этих районов явление новое, не имеющее местных истоков, проникшее сюда с Северного Кавказа.

Аналогичные Уч-тепе курганы обследованы и на высокогорном плато Тетрицкаро у сел. Бедени в Грузии. В этих курганах в огромную грунтовую яму, объемом 343 м³ были впущены деревянные срубы. Погребенный в одном из курганов лежал на разукрашенных золотом носилках, покоящихся на четырехколесной повозке. Г. Ф. Гобеджишвили, открывший и изучивший курганы, пишет, что погребальные ямы облицованы и перекрыты бревнами. Пол срубов был устлан циновками и войлоком. Исследователь отнес эти памятники ко второй половине III – началу II тыс. до н. э. и одновременно отмечает, что в погребальном инвентаре обнаруживается переднеазиатский характер, а в обряде, орнаментальных узорах и в отдельных вещах явно видна связь с майкопской культурой. Он справедливо полагает, что курганы продвигаются в Закавказье с севера.

В беденских погребениях обнаружены фрагменты деревянной мебели, деревянной посуды – плоские блюда, подносы. Носилки и повозки были украшены (увешаны) войлочными коврами, шкурами животных. Рядом с одним из женских погребений, сопровождавших мужчин, лежало одно из древнейших женских орудий труда – веретено. Г. Ф. Гобеджишвили и К. Х. Кушнарева отмечают, что «обряд погребения у этого племени был совершенно иным, чем у племен Мильской степи».

Однако со времен Уч-тепе и Бедени курганный обряд отныне надолго сохраняется в Закавказье и получает блестящее продолжение в знаменитых курганах II тыс. до н. э. на плато Триалети, Зуртакети, Лчашени и др. Только в этих курганах вместо огромных, просторных грунтовых ям со срубами третьего тысячелетия постепенно появляются каменные залы с коридорами, а позднее вместо них приходят относительно небольшие каменные ящики, то есть происходит постепенное перерождение курганного погребального обряда, от которого остается всего лишь насыпь, но уже с совершенно иным этнокультурным содержанием.

Исследования установили, что курганы проникают в Закавказье на финальном этапе развития куро-аракской культуры (2500–2000 гг. до н. э.). Поскольку каменные курганчики непосредственно над погребальной ямой характерны только для новосвободненского этапа майкопской культуры, т. е. 2300–2100 гг. до н. э., то Уч-тепе с его 700-кубометровым каменным набросом над могилой явно синхронно этому этапу майкопской культуры. Именно на этом этапе культура начинает распространяться на восток, вплоть до Дагестана, районов Нальчика. Вероятно, в эти же века курганная культура переваливает через хребет.

В связи с этим интересно обратить внимание читателя на одно обстоятельство. Дело в том, что в XXIII в. до н. э. целый ряд ведущих куро-аракских поселений (Амиранис-гора, Хизанаат-гора, Бешташени, Квацхелеби, Караз, Ахалцихское, Ахалкалакское, Коруку-тепе) постигает грандиозная катастрофа, жизнь на них прекращается внезапно, но спустя некоторое время вновь они возрождаются. Исследователи устанавливают, что катастрофа настигает эти поселения в конце XXIII – начале XXII в. до н. э. Но любопытно, что в верхних, вновь возникших слоях в глаза бросается резкое возрастание костей мелкого рогатого скота (овец) и лошадей, чего не было прежде. В Алазано-Беденских курганах появляются мощные деревянные конструкции и повозки, «что совершенно не характерно для памятников куро-аракской культуры и не вяжется с оседло-земледельческим характером хозяйственного уклада». В поздних слоях куро-аракских поселений Грузии исчезают роговидные очажные подставки – атрибут культа быка; глиняные фигурки быков заменяются фигурками овец и собак, происходит значительное скопление различных антропологических типов (В. Л. Ростунов). Устанавливается, что богатый инвентарь в курганах, повозки и кости лошадей, обилие украшений и оружия скорее всего свидетельствуют о новом этнокультурном клине кочевых племен в среде древнейших оседлых земледельцев.

Курганный обряд, войлок, срубы, кости овец и лошадей, не имеющие истоков в древнейших земледельческих культурах на юге и юго-западе Кавказа, позволяют предполагать участие в упомянутой катастрофе куро-аракских поселений племен, носителей курганной культуры, нахлынувших в Закавказье с Северного Кавказа именно в тот период.

Незадолго до III тыс. до н. э. курганная культура проникает через Закавказье в Восточную Анатолию. По мнению М. М. Уинн, Ш. Бекенаи и др., в районах Коруку-тепе, Норсун-тепе, Тепесик появляется «культура чужеродного облика, неместного характера». Она не имеет местных истоков, не фиксируется в прежних анатолийских памятниках и свидетельствует об инфильтрации нового населения в эти районы в конце энеолитического периода.

Продвижение «курганников» в Восточную Анатолию и Переднюю Азию, вероятно, вызвали соответствующие этнокультурные изменения в данном регионе. Об этом говорят не только отмеченные новации в самой Анатолии. Об этом свидетельствуют результаты многолетних раскопок Леонар-

да Вулли в долине Амук на северо-западе Сирии, у подножий гор Аманус и сопредельной турецкой провинции Хатай. По его наблюдениям, черная, груболепная и неорнаментированная керамика в этот период появляется на поселениях северо-запада Сирии, а на Юге Сирии и в Палестине ее нет. Этот факт приводит Вулли к выводу о том, что «самые ранние поселенцы пришли на равнину Амук и к подножию Аманус с севера, возможно, с нагорий Анатолии; они явно отличаются по происхождению и культурным традициям от своих южных соседей. Вся история этого района свидетельствует, – пишет он, – что развитие культуры шло здесь под влиянием севера». В племенах, нахлынувших с севера в долину Амук в конце IV тыс. до н. э., Вулли видит представителей племен, продвинувшихся в Анатолию с Южного Кавказа, а оттуда массой переселившихся в долину Амук. Причину тому, почему эти племена массой хлынули в долину Амук – на чужбину, вместе с гончарами, детьми, женами, т. е. большой миграционной волной, а не отдельной военной дружиной, автор конкретно не объясняет. Он предполагает голод, засуху, вторжение более сильных племен. Мы склонны предположить тесную связь указанных событий с внезапным вторжением племен древнеямной, курганной культуры на Южный Кавказ, а оттуда в Восточную Анатолию, что вызвало передвижение местных племен далее на юг – в Сирию, в долину Амук. Та же примерно картина происходит и в Месопотамии. Там период Урук (3400–3100 гг. до н. э.) был временем бурного развития и процветания, а следующий период Джемдет-Наср (3100–2900 гг. до н. э.) становится более скучным в области искусства, лишен творческого порыва, и «население в этот период, безусловно, составляли пришельцы, теми или иными способами подчинившие страну и, по крайней мере поначалу, не усвоившие более высокую культуру коренных жителей... Со временем они достигли определенного развития и, возможно, подготовили почву для замечательных достижений шумеров раннединастического периода» (2900–2350 гг. до н. э.) (Л. Вулли). Любопытно подметить, что этот период упадка примерно совпадает с экспансией «курганников» в южном направлении.

Итак, дорогой читатель, мы прошли по древним маршрутам движения курганов с первоначальной территории их зарождения на Кавказ и далее в Переднюю Азию. Но наши знания о древнейших племенах, создавших курганный обряд, будут односторонними, если мы не будем учитывать и другие маршруты движения «курганников», веерообразно расселявшихся с Волго-Уральского междуречья в различных направлениях: на Алтай и в Минусинскую котловину, в Среднюю Азию и на Юг Туркмении, вверх по Волге и в Приднепровье. Во всех этих направлениях древнейшие «курганники» – степняки-кочевники сталкивались с различными племенами и культурами, вступали с ними в разносторонние контакты.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ КУРГАНЫ

> Исторический путь – не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болото, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность.
>
> *Н. Г. Чернышевский*

Кажется, Туру Хейердалу принадлежит мысль о том, что представители смежных отраслей науки, каждый в отдельности, углубляются в недра своей области и выдают оттуда «на-гора» бесценные факты. А исследователю, пользующемуся этим материалом, вовсе не обязательно каждый раз вновь опускаться в эти шахты. Вполне достаточно собрать и систематизировать уже признанные в науке положения и приложить их к разрабатываемой проблеме. По этому принципу собранный и систематизированный материал наших экскурсов позволяет сделать важные наблюдения, группирующиеся по ряду аспектов.

Археологический аспект

1. Об этнических перемещениях на основании археологического материала можно говорить лишь при неразрывном сочетании триединого комплекса: погребального обряда, типического археологического инвентаря, характерных культовых, ритуальных предметов. Судить о подобных перемещениях только по отдельным предметам быта и культуры рискованно.

2. Возникновение нового производящего хозяйства – кочевого скотоводства (прежде всего овцеводства) обусловило появление над могилой курганной насыпи, чтобы не затерялось в степях место погребения сородичей при частой смене кочевнических стоянок. В появлении подобных насыпей в древних оседло-земледельческих обществах не было необходимости, так как умерших здесь хоронили в самих жилищах, на многовековых поселениях. Курганы появились в степи и являются ее этнокультурным паспортом на протяжении многих тысячелетий.

Дошедшие до нас древнейшие курганы, едва достигавшие в высоту 40–60–70–100 см, содержат очень скудный, бедный инвентарь. Этот факт не позволяет связывать первое появление курганов с причинами социального расслоения общества, выделения из общей массы бедных или богатых.

3. На крайнем востоке Евразийских степей происходит смешение древних культур курганников-европеоидов и неолитических племен Забайкалья и Саяно-Алтайского нагорья, имевших в своем облике монголоидные черты. Процесс синкретизма и интеграции названных племен протекал на протяжении многих веков. Поэтому еще в карасукских и пазырыкских по-

гребениях I тыс. до н. э. встречаются европеоидные типы. Устоявшийся, но ничем не обоснованный стереотип представлений о тюркоязычных племенах Средней Азии как об извечных монголоидах давно себя не оправдывает.

4. В Южной Туркмении и северных предгорьях Капу-Дага (Копет-Дага) степная культура сталкивается с древним земледельческим миром. Скрещение этих культур вызывает особый интерес в истории Древнего Востока. Антропологи прочно обосновали положение о том, что демаркационная линия между северными и южными представителями европеоидных типов на территории Средней Азии в эпоху неолита и доземледельческого хозяйства проходила намного южнее, чем в эпоху энеолита и бронзы, когда эта линия продвинулась на Юг Туркмении (В. П. Алексеев).

В конце V–III тыс. до н. э. воздействие южного очага цивилизации на материальную культуру населения Южного Приаралья в определенной степени проявилось в типах керамики, орнаментальных узорах, окраске поверхности в кельтеминарских комплексах.

«Южные черты в керамике кельтеминара связаны, – пишет М. А. Итина, – не с прямым, а опосредствованным воздействием. Достаточно сказать, что предметов южного происхождения здесь не найдено». Свидетельством существования прочных контактов с севером служит могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении, краниологический материал из которого связан с памятниками Куйбышевского Заволжья и Восточного Прикаспия. Сочетание северного (кочевого) и южного (земледельческого) культурных течений во II–I тыс. до н. э. дает в Южном Приаралье тазабагьябскую культуру пастухов-овцеводов и земледельцев (М. А. Итина).

5. Раскопанные на реке Сумбар у пос. Кара-кала в Южной Туркмении 200 бескурганных катакомб IV–II тыс. до н. э. приводят исследователей к выводу, что «теперь вопрос о путях проникновения индоариев и иранских племен на территорию Ирана и Средней Азии можно считать решенным: в погребальных камерах середины IV тыс. до н. э. найдены красноангобированные расписные, светлоангобированные нерасписные и сероглиняные сосуды одной формы, что свидетельствует о сугубо местном происхождении серой керамики (с которой обычно связывают движение индоариев. – *И. М.*). Если эта серия керамики впоследствии и распространялась по значительной территории Среднего Востока, то ее исходным пунктом следует считать район Юго-Восточного Закаспия» (Н. И. Хлопин).

6. Открытие сумбарской культуры вновь поставило вопрос о происхождении катакомбной культуры.

«Анализ всей совокупности фактов, – пишет И. Н. Хлопин, – показал, что катакомбы в эти места не привнесены извне, а все этапы их формирования представлены на месте, начиная с самых древних периодов. Более того, в долине Сумбара есть весь эволюционный ряд данного погребального сооружения вплоть до современности». Таким образом, бытование катакомб с IV тыс. до н. э. и до наших дней в долине Сумбара и у современных таджиков доказывает принадлежность катакомб ираноязычным племенам и заставляет «радикально пересмотреть многие вопросы хронологии, ге-

незиса, взаимосвязей и др., касающиеся не только культур Средней Азии, но и Ирана, а может быть, и Закавказья», – продолжал И. Н. Хлопин. Здесь можно добавить, что этот вопрос столь же важен и для истории северокавказских племен. Исследователь сумбарской культуры убежден в том, что «могильники среднего течения Сумбара представляют собой отдельную культуру, в определенной степени родственную однотипным культурам Северного Ирана и входящую с ними в одну культурно-историческую провинцию, которая спустя несколько веков стала местом формирования мидийско-иранского этнического объединения». По справедливому мнению Н. Л. Сухачева, катакомбы Сумбара играют огромную роль в вопросах происхождения катакомбной культуры Юга СССР, «поскольку катакомбы связаны с поисками прародины индоевропейцам, которым эта культура приписывается».

7. В этот сложный узел вплетается и проблема проникновения на Северный Кавказ средневековых катакомб ираноязычного населения региона. Если проникновение катакомб II тыс. до н. э. в этот край из Поднепровья доказано, то пути средневековых катакомб в Предкавказье не исследованы.

Одно можно констатировать определенно: продвижение средневековых катакомб на Северный Кавказ с востока, из-за Каспия, археологически не документируется. В этом вопросе, кажется, по верному пути идет М. П. Абрамова, нащупывающая связь между древними и средневековыми катакомбами Северного Кавказа посредством памятников IV–III вв. до н. э. Крыма и Таманского полуострова. Заслуживает внимания вновь повторенное ею утверждение, что «рассматривать предкавказские катакомбные могильники как памятники ираноязычных сармато-аланов у нас нет оснований», так как они не находят аналогий «среди погребальных памятников сарматов». Исследовательница, вероятно, имеет в виду так называемую прохоровскую сарматскую культуру Нижнего Заволжья. Неудачная ссылка В. А. Кузнецова на Ю. В. Готье, будто бы доказавшего принадлежность средневековых катакомб аланам, не подкрепляется исследованиями сарматологов. Следовательно, мнения Ю. В. Готье и В. А. Кузнецова надо считать уже устаревшими. Впрочем, точка зрения В. А. Кузнецова с самого начала была построена на искажении мыслей Готье. Последний доказывал *лишь сходство катакомб на Харьковщине* (Верхнее Салтово) *и в Северной Осетии,* но не принадлежность катакомб аланам, как это воспринял В. А. Кузнецов.

Вот слова Ю. В. Готье, на которые ссылается автор: «Все, что я хочу сказать, это то, что в IV–V вв. на всем Юге России от Оренбургской и Черниговской губерний и Изюмского уезда Харьковской губернии, и от Северного Кавказа до Курской губернии господствовала единая культура, которую Ростовцев и другие исследователи называют *сарматской*, а сарматы в лице аланов существовали на Северном Кавказе до XIV в. ... *Сходство культуры Верхнего Салтова* и сходных с салтовскими могильниками городищ по среднему Дону и Донцу с такими могильниками Осетии *можно считать доказанным*».

Вот эти слова оказались достаточными для В. А. Кузнецова, чтобы заявить: «Принадлежность катакомбных могильников эпохи раннего Средневековья потомкам ираноязычных сарматов – аланам доказана». Однако теперь становится очевидным, что подобная уверенность была преждевременна и не находит подтверждений в новейших исследованиях сарматологов.

Изучение археолого-этнографических и письменных источников приводит к определенному выводу: катакомбы, древние и средневековые, принадлежали индоиранским племенам, но назывались ли последние аланами – весьма и весьма сомнительно хотя бы потому, что среди массы первоисточников об аланах нет ни единого упоминания об их ираноязычии.

8. Южные районы Туркмении и горные проходы хребта Капу-Даг (букв.: «Воротные горы») извечно служили той воронкой, по которой на север и на юг взаимопроникали носители двух различных культур: кочевников-северян и земледельцев-южан. Именно этот проход, по словам греков, закрыл Александр Македонский железными оковами. Возможно, те же проходы в Гиссарском ущелье назывались в Орхоно-Енисейских надписях VII–VIII вв. «Железными воротами» – Темир-капу (И. В. Стеблева). О смешанности языков и народов именно в этой зоне стыка двух различных культур говорят античные авторы Эратосфен, Страбон, Арриан. А Юстин, например, прямо писал о скифских изгнанниках-парфянах: «...язык у них средний между скифским и индийским, помесь того и другого» (В. В. Латышев). То же самое, как мы уже знаем, о языке аланов и асов, переселившихся сюда с севера, говорил выдающийся энциклопедист Востока Аль-Бируни. Возникновение «Железных ворот» – явный памятник извечной борьбы Ирана и Турана. Любопытно, что напротив тех, восточных, на западном берегу Каспия, сасаниды построили такие же ворота у Дербента.

9. На Средней Волге носители курганной культуры вступают в контакт с угро-финнами, на западе – в Приднепровье – с поздними трипольцами. На кавказском направлении они оставили свой отчетливый след еще в Нальчикском могильнике.

Археологи-кавказоведы постоянно пользуются терминами: «степное влияние», «степные элементы», «предметы степного типа» и т. п. Этими терминами изобилуют почти все работы, касающиеся майкопской, северокавказской, прикубанской, кобанской, каякенто-хорочоевской культур Северного Кавказа III–I тыс. до н. э. К сожалению, никто из авторов не раскрывает подлинного лица этих аморфных «степняков». А ведь для «майкопцев» это были ямники, для северокавказской, прикубанской культур это были катакомбники и срубники, для позднекобанской культуры – скифы.

Вместе с ямниками на Северный Кавказ впервые приходят курганы и характерный погребальный обряд под курганной насыпью. На базе симбиоза и синкретизма культуры северокавказских автохтонных племен и степняков-древнеямников сложилась знаменитая майкопская культура середины III тыс. до н. э. По словам Н. Я. Мерперта, эта культура испытывала заметные степные воздействия, в том числе в погребальном обряде.

Но автор тут же замечает, что в материальной культуре майкопская очень отличается от древнеямной культуры.

На ранних этапах формирования майкопской культуры еще сохранялись степные традиции: могильная яма облицовывалась деревом, дно устилалось корой, чистой желтой глиной, камышом; умерших сопровождали прежде не характерные для туземного населения кости конечностей, лопаток, астрагалов-альчиков овец и пр. (Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев, В. М. Батчаев). Позднее все более проявляются кавказские черты: каменные наброски над могильной ямой, галечная вымостка дна могил и др. (Р. М. Мунчаев). Меняется и хозяйственный облик племен.

Вот что пишет по этому поводу Н. Я. Мерперт: «Что касается характера скотоводства стационарных майкопских поселений (типа Мешоко) с характерным для него преобладанием свиней в стаде, то и он заметно отличается от древнеямного... Если в наиболее ранних слоях майкопских поселений кости мелкого рогатого скота составляют лишь 18 % (при 50 % свиньи), то позднее – под явным воздействием самих степных племен – число их возрастает до 48 %».

10. С Северного Кавказа курганы проникают на Южный Кавказ (Уч-тепе, Бедени, Лчашени и др.) и далее в Переднюю Азию и Восточную Анатолию, где в курганах впервые появляются кости домашней лошади и характерный древнеямный погребальный обряд (Корук-тепе, Норсун-тепе, Тепесик). Древнейшие курганники растворились в земледельческой среде, и в позднейших курганах Закавказья от их первоначального этнокультурного содержания почти ничего не сохранилось, кроме утилитарной насыпи самого кургана. Слияние кочевнической и земледельческих культур представляет первую интеграцию земледельцев и кочевников на далеком юге. В таких случаях, как говорил Ибн аль-Асир, «земля берет верх» и кочевники превращаются в оседлых и полуоседлых земледельцев и скотоводов.

11. Территориально локальные варианты древнеямной культуры почти полностью совпадают с территорией локальных вариантов салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата и половецкой культуры Восточно-Европейских степей:

Древнеямные	**Хазарские**	**Половецкие**
Волжско-Уральский	Средневолжский	Поволжский
Предкавказский	Дагестанский	Предкавказский
Приазовский	Приазовский	Приазовский
Крымский	Крымский	Крымский
Донской	Нижнедонской	Нижнедонской
Северско-донецкий	Верхнедонской	Донецкий
Северо-западный	Дунайский	Приднепровский
Юго-западный		Лукоморский
Нижнеднепровский		

Как видно, степные просторы Восточной Европы с конца IV тыс. до н. э. по XI–XII в. н. э. занимали племена примерно с одинаковым хозяйственно-

экономическим укладом, сформировавшие стойкое кочевое общество, удачно и прочно приспособленное к степному ландшафту. В связи с этим выводом очень уместно вспомнить слова Н. Я. Мерперта: «Курганы являют разительный контраст погребальному обряду раннеземледельческих обществ, где мертвые оставались в пределах своего поселка, даже своего дома... В степи же курганы являются определенной закономерностью, обусловленной и естественными, и психологическими предпосылками. Здесь курганы насыпались в самые различные периоды и самыми различными племенами: от древнеямных до половецких и татарских – во времени, от монгольских на востоке до паннонских на западе и южно-нубийских на юге – в пространстве».

Палеоэтнографический аспект

Хорошо известно, что при этнокультурной атрибуции археологических культур, как пишет В. Файрсервис, важную область составляет то, что обычно называют «этнографической реальностью». Речь идет об изучении живых культур современного мира, который свидетельствует, что определенные типы поведения реализуются не в отдельных культурных чертах, а в их комплексах. Этнографы знают, что если мы сталкиваемся с определенным типом жилья вкупе с определенным способом погребения, а также с определенными экономическими зависимостями, тогда весьма высока будет вероятность определения этносоциальной организации той или иной культуры. Таким ретроспективным методом, как мы уже отмечали, установлена генетическая связь ямной, срубной, скифской культур. Но преднамеренно остановив ретроспективный разрез культур, ученые искусственно прервали эволюционный ряд развития, не проследив дальнейшую эволюцию курганной культуры после скифов.

Хотя некоторые уважаемые авторы и «запрещают» искать истоки традиционной культуры тюрко-монгольских племен в скифской культуре (С. Л. Тихвинский, И. Алиев), однако, вопреки их желаниям, в перспективном развитии скифская культура продолжает бытовать лишь только исключительно в культуре тюрко-монгольских народов. Ретроспективное изучение традиционной культуры этих народов вновь ведет исследователей к культуре скифов. И здесь имеются в виду не отдельные черты, а *весь* без исключения *этнокультурный комплекс:* уклад ведения кочевого хозяйства, покрытые войлоком шатры и повозки, юрты, доение кобылиц, изготовление и употребление кумыса, конины, почитание коня, погребальные срубы, деревянные колоды-саркофаги, захоронения лошадей, курганная насыпь, специфические обряды, обычаи, навыки и пр.; обычай побратимства, способы гадания, доения кобылиц, варки мяса и т. п. Ни один из этих элементов не характерен для «катакомбников» ни древней, ни средневековой эпох. Попытки объяснить этот феномен ссылками на то, что ираноязычные кочевые племена с переходом на оседлый образ жизни потеряли необходимость продолжать развитие элементов кочевой культуры, не проясняет ситуацию, потому что об этих элементах культуры, как отмечалось, не сохранилось следа даже в фольклоре и словарном фон-

де, например, у осетин, считающихся «прямыми потомками» скифов. Кроме того, и ныне известны кочевые ираноязычные племена в Афганистане, Иране, но и им чуждо употребление кумыса, конины, коневодство вообще.

И тем не менее, оказавшись в безвыходном положении, даже некий В. Н. Каминский (СА. 1988. № 4) пытается ухватиться за известную соломинку, что будто бы пили кумыс, ели конину все кочевые народы. Но он, как и многие его покровители, в пылу гнева «забыл» подкрепить свои слова хотя бы перечнем древних и средневековых кочевников и указанием среди них бесспорно ираноязычных доителей кобылиц, пьющих кумыс, употребляющих в пищу конину.

Осознав безнадежность в подборе подобной конкретики, мой оппонент вопиет к небу и мечет молнии. Оно и понятно, ничего другого для него не остается уже потому, что ни в языке, ни в фольклоре индоиранских народов (будь то оседлые или кочевые) не отложился термин, адекватный понятию «кумыс», начертанный на известной новочеркасской фляжке VII–VIII вв., известный еще Эсхилу и Страбону (если это не вторжение переводчиков в оригинал их трудов). Его не удручает даже то обстоятельство, что у осетин кумыс именуется не иначе как «молоко лошади-самки», у других индоевропейцев – просто «кобылье молоко», хотя кобылье молоко и кумыс – это такие же совершенно различные вещи, как молоко и кефир, айран и простокваша и т. д. Не смущает запальчивого оппонента и тот факт, что и индоевропейцам-цыганам, которым не откажешь в вековых кочевнических традициях и любви к лошади, также чужды эти элементы культуры. Чужды они и кабардинцам-коневодам XIV–XVI вв.

Неразрывная территория обитания курганников-кочевников в Евразийских степях от Алтая до Карпат на протяжении 6 тысяч лет породила определенную и очень стойкую социальную организацию – кочевое общество, оптимально приспособленное к физико-географическим условиям и использованию пастбищ – основной базы своей экономики (Д. Кшибеков).

Аспект исторической лингвистики

1. Курганная насыпь, как серьезный индекс погребального обряда степной этнокультуры уже с конца IV тыс. до н. э., глубоко внедрилась во многие инокультурные общности, надолго в них прижилась. Но странно, что ни на одном из индоевропейских, индоиранских, угро-финских, кавказских языков термин «курган» не имеет смысла и не этимологизируется. Семантика слова раскрывается только на тюркских языках:

Карач.-балк., татарск.: *кур* – строить, создавать, возводить. Киргизск., алтайск.: *кюр, гюр* – грести землю, окапываться землей. Отсюда: *курган* – построенный, созданный, возведенный (Н. А. Баскаков).

Такая же картина наблюдается с десятками названий древнейших земледельческих поселений VIII–III тыс. до н. э. в Передней и Средней Азии, в которых непременно присутствует не объяснимое ни на каком другом языке, кроме тюркского, слово *тепе* – холм, восходящее к таким общетюркским терминам, как: *теппе* – макушка; *топ* – шар, мяч; *тебе/тепе* – бугор, холм.

Заставляет задуматься такой факт. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов доказывают, что лошадь впервые была одомашнена индоевропейскими племенами в Древней Передней Азии. Тогда непонятно, почему же у расселившихся с этого очага индоевропейских племен и народов нет единого корня для обозначения этой особи? Более того, как могло так случиться, что многие индоевропейские языки пользуются тюрко-монгольскими терминами «лошадь» (алаша), «мерин»? Трудно уповать на то, что представители множества языков все разом «забыли» столь характерные в их жизни явления и термины «лошадь», «мерин», «курган», «тепе» и ждали, чтобы им вновь о них напомнили в Восточной Европе гунны через 4 тыс. лет, а в Передней Азии – огузы 50 веков спустя, даже в таких регионах, где они не оседали (например, Ирак).

2. Вероятно, эти факты вкупе с рассмотренными выше археологическими данными о расселении курганников подтверждают точку зрения тюркологов о глубоких исторических корнях теснейшего контакта тюркских языков с языками Древнего мира (М. Ш. Ширалиев, А. М. Демирчизаде, З. Ямпольский, Н. З. Гаджиева). Эти контакты, как пишет К. М. Мусаев, прослеживаются на всех уровнях как в тюркских, так и в нетюркских языках – в лексике, фонетике, грамматике, причем более древние контакты отражены во всех тюркских языках, что может свидетельствовать о едином очаге и времени распространения тюркских языков. По мнению специалиста, на востоке – это контакты, прослеживаемые в тюркизмах санскрита, палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских языках; на юге – это контакты с иранским языком; на Кавказе – с картвельскими, абхазо-адыгскими, нахско-дагестанскими языками; в Европе – с праславянскими языками; на севере – с угро-финскими и т. д. Во всех этих языках остались влияния контактов с тюркскими. Этот вывод тюрколога как нельзя лучше корреспондирует с древнейшим распространением курганной культуры и интеграцией ее во всех отмеченных направлениях с культурами названных народов. Эти события совпадают с периодом распада и расселения индоевропейской этнокультурной общности в конце IV тыс. до н. э., по теории Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова.

3. Особый интерес представляет обилие тюркизмов на всех уровнях иранских языков, которые никогда не учитываются иранистами при их этногенетических или этнокультурных построениях.

По поводу постоянно наблюдающегося преувеличения одностороннего влияния иранского языка на тюркский, К. М. Мусаев справедливо приводит одно важное замечание А. Мейе своим коллегам по индоевропеистике: «Одна из самых грубых и чаще всего встречающихся ошибок, – пишет Мейе, – состоит в убеждении, что всякое слово санскритского, германского и других языков, не заимствованное из известных нам языков, должно быть индоевропейским; никто прямо не выставляет такого нелепого принципа, но искать, как это часто делается, индоевропейского объяснения всех слов, каждого слова – это значит рассуждать так, как будто этот принцип принимается». К сожалению, опасения А. Мейе дают о себе

знать и в наши дни. Этот принцип взят на вооружение многими иранистами. Живой пример тому – попытки современных иранистов обосновать поголовную ираноязычность скифов, ссылаясь на Авесту, тексты которой наука знает лишь по списку 1274-го или 1324 г., т. е. канонизированного в период повсеместного распространения тюрко-монгольских кочевников в Евразийских степях и Передней Азии. В такой исторической ситуации вряд ли можно надеяться, что тексты Авесты были записаны в «ираноязычном» вакууме. Прямым опровержением такого мнения являются обоснованные этимологии, семантические параллели, символические совпадения в тюрко-монгольских, бурятских языках и сказаниях с авестийскими терминами: «гаты» – *хат, хут*; Ахура Мазда – *Хурмуста;* «хара» – *кара* и мн. др. (С. Ш. Чагдуров).

4. Очень раннее внедрение курганов в среднестоговскую, среднеднепровскую культуры, вероятно, оставило древнейшие тюркизмы в общеславянском языке. И. Г. Добродомов выделяет слова, заимствованные еще в праславянский период, во время распада праславянского единства. Он справедливо подчеркивает, что роль тюркского вклада в славянские языки, «как правило, недооценивается по чисто априорным соображениям: кочевники-де не могли оказать влияние на оседло-земледельческое население». К сожалению, и этот постулат чрезвычайно живуч и наносит науке большой вред, и не только тюркологии.

5. Исследования Г. И. Рамстедта, Н. Поппе, Б. Мункачи, М. Рясянена, Д. Фокош-Фукса, Б. Я. Владимирцева, Н. А. Баскакова приводят тюрколога Дж. Г. Киекбаева к выводу, что тюрко-монгольский язык – основа (если таковой был) существовал приблизительно до IV тыс. до н. э., затем распался на монгольские и тюркские языки. Хронологически это совпадает с бытованием близкородственных, генетически и культурно тесно связанных между собой древнеямной и афанасьевской культур, объединяемых археологами в ямно-афанасьевскую этнокультурную общность. Позднее на западе и востоке Евразийских степей их сменили во II тыс. до н. э. такие же родственно-близкие племена срубной и андроновской культур, объединяемых в срубно-андроновскую этнокультурную общность. Их разделение в исторический период дает два близкородственных этнических массива: на западе – скифов, на востоке – сако-массагетов. Вероятно, к такой же глубине, к периоду срубно-андроновской общности, уходит разделение тюркских языков во II тыс. до н. э. на западно-тюркские и восточно-тюркские языки (Дж. Г. Киекбаев). С таким же разделением мы склонны связывать извечное деление тюркского этноса на западные и восточные «дома».

Древнейшие пратюркские или праалтайские племена (древнеямники, афанасьевцы, андроновцы, срубники) индоевропейского антропологического типа по мере продвижения на восток, в глубь Азии, приобретали монголоидные черты, особенно при интеграции с окуневцами. А те, которые перемещались в западном и кавказском направлениях из своего древнейшего очага, сохранили свой древний, европеоидный облик. Этим

обстоятельством, вероятно, объясняется тот факт, что древние авторы отмечали среди скифов и европеоидные, и монголоидные типы. Ведь еще даже в карасукских погребениях обнаруживаются и те и другие типы. Сказанное прекрасно иллюстрируется подсчетами известного антрополога Л. В. Ошанина: «Монгольская складка (эпикантус) верхнего века среди настоящих монголоидов имеется в 80–90 %. *Процент людей с этой складкой уменьшается с востока на запад,* причем лучше держится у женщин, чем у мужчин. У киргизов она есть примерно у 85 % женщин и 50 % мужчин; у казахов ее имеют 35 % женщин и 22 % мужчин; у узбеков – 18 % женщин, 13 % мужчин; у туркмен, считающихся биологически стопроцентными массагетами, – 10 % женщин и 6 % мужчин; у азербайджанцев лишь 2 % с эпикантусом, а у турок его практически нет» (цитирую по И. М. Дьяконову).

6. Древнейшая история прототюркских или протоалтайских племен начинается с появлением курганной культуры со всем комплексом ее специфики. С этого времени мы можем говорить о полнокровном характере их хозяйства, культуры и языка. Исследования показывают возможность пересмотреть вопрос о древнейшей прародине древнейших тюркских племен в пользу Волго-Уральского междуречья, где в конце IV тыс. до н. э. появились первые курганы. Если верны выводы языковедов о том, что тюркские языки обособились в IV тыс. до н. э., тогда эта точка зрения получает в прямом и переносном смыслах материальное «заземление» посредством археологических памятников древнеямной и афанасьевской культур, оставленных ямно-афанасьевской общностью, представлявшей, по нашему мнению, прообраз древнейших прототюрков или протоалтайцев.

7. На Северном Кавказе древнейшие тюрко-иранские смешения и синкретизм их культур уходят в глубь истории смешения древнеямной, катакомбной, срубной культур. Археологические исследования и картографирование памятников говорят о том, что древнейшие курганы, а позднее и катакомбы, вклиниваются между протоабхазо-адыгским массивом на северо-западе и протонахско-дагестанским массивом на северо-востоке Предкавказья. Древних «курганников» и «катакомбников» есть возможность рассматривать как праоснову позднейших клиньев в указанный промежуток далеких предков тюркоязычного и ираноязычного населения Центрального Кавказа.

Переднеазиатско-тюркский аспект вызывает у отдельных ученых особую щепетильность (С. Л. Тихвинский, И. Алиев, В. А. Кузнецов, Ю. С. Гаглойти, В. И. Марковин и др.). Однако, когда имеются письменные источники, на которых обосновывали свои труды Г. Винклер, Ф. Гоммель, Б. Грозный, В. В. Струве, А. И. Тюменев, Б. А. Тураев и другие видные востоковеды, следует, вероятно, несколько умиротворять свои амбиции и подчинять их объективной исторической действительности, зафиксированной в фактах. В самом деле, наверное, необходимо предпочитать трезвый взгляд, если в клинописных текстах III–II–I тыс. до н. э. значатся:

племена – «турукки», «су», «Субир», «ку-ту»;

реки – «Балих», «Кара-су»;

страны – «Субарту», «Мелухха»;

горы – «Кара-Даг», «Ак-Даг» и т. д.

или же если Геродот называет в языке скифов такие явные тюркские слова, как «ойр» – муж, мужчина; «асхи» – горький; «жюн» – шерсть, а византийский автор добавляет еще и «балык» – рыба.

Всякого рода амбициозные нападки должны учитывать и нижеследующие факты.

В. В. Струве писал: «Согласно одному из наиболее правдоподобных истолкований, термин «арий» восходит к слову «харри» – названию многочисленных неиндоевропейских племен, разбросанных на большой территории и подвергавшихся в течение веков сильнейшему воздействию со стороны различных племен и смешавшихся с ними. Если это лингвистическое истолкование правильно, из него следует, что племена ариев, пребывавшие некогда в близком соседстве с племенами «харри», настолько смешались с ними, что приняли их этническое название, хотя сохранили свою языковую систему.

Но в таком случае, – продолжает В. В. Струве, – арии Вед не могут претендовать на «честь» быть представителями чистой, несмешанной расы. Точно так же неправильно считать представителями «чистой» расы и носителей древнейшей известной нам культуры Индии. Раскопанные в поселениях долины Инда костные останки свидетельствуют о таком расовом смешении в этот период истории Северной Индии, датируемый XXV–XV вв. до н. э., что какие-либо определенные антропологические выводы о расовой принадлежности древнего населения Хараппы и Мохенджо-Даро невозможны. Специалисты относят обнаруженные здесь костные останки к четырем антропологическим типам: протоавстралоидному, средиземноморскому, монголоидному и альпийскому».

В связи с этими неиндоевропейцами-«харрами», жившими на Иранском нагорье и в Северной Индии, нельзя не вспомнить, что индийцы, именовавшие себя *мадаями*, называли свою армию термином «кара» – «народ-войско». Тюрко-монгольская этимология слова «хара»/«кара» в его социальном аспекте, как «простой», «простолюдин», «невежественный», «темный» и т. п., объясняет, почему индийцы называли своих солдат этим термином. Для раскрытия этого тезиса необходимо исходить из того, что основным занятием у мидян было коневодство, что многие имена мидян IX–VIII вв. до н. э. были неиранскими и, самое главное, что основная масса топонимов Мидии остается неиранской в продолжение всего ассирийского периода. Этногенез мидян сводится к постепенному распространению у «каспийского (?) населения иранского языка со второй половины VIII в. до н. э. Для имени мидян «мадай» нет индоевропейского объяснения. Это слово не иранское» (И. М. Дьяконов). Следовательно, вполне приемлемы сопоставления С. Ш. Чагдуровым этого этнонима с эпическим героем алтайского эпоса «Маадай Кара», с этнонимами *мади* – среди енисейских татар, *маттар* – среди сойотов и с другими историческими именами.

В этот же ряд становится имя скифского царя Мадия, ворвавшегося в Переднюю Азию.

Завершая этюд о мидийско-ассирийской эпохе, хотелось бы отметить, что на глиняных табличках I тыс. до н. э. у ассирийцев и мидян упоминаются долины рек Хабур, Карасу, Аджи, Джегуту, Хар-Хар, а в еще более ранних источниках II и даже III тыс. до н. э. известны топонимы: Харши, Харан, Хандари, Урук, Сибар, Сибур и т. п. Вряд ли эти названия можно правдоподобно объяснить, не прибегнув к тюрко-монгольским языкам. Для нас особенно интересно отметить тождественные названия рек «Джегуту» в Мидии и Карачаево-Черкесии.

Несколько слов необходимо сказать и о термине «кара», употребляемом мидянами. С. Ш. Чагдуров пишет: «Вообще говоря, использование мидянами слова «кара» выходит далеко за рамки значений «грубый», «простой», «простонародный». Обратимся к топонимам. По территории Центральной Мидии текла река *Карасу* – южный приток Аракса. Удивляет даже не то, что это название зафиксировано на глиняных табличках в I тыс. до н. э. (быть может, оно возникло там еще раньше). Удивляет больше то, что оно в разных вариантах (Карасу, Караус, Кара усу, Кара-кол, Кара-гол, Кара-чай и т. п.) поразительно широко распространено во всем ареале расселения тюрко-монгольских племен и народов... Изоглоссы тянутся через всю Азию с запада на восток. Между прочим, индийская Карасу протекала у подножий хребта Кара-Даг, ее огибали горы Херем-Даг, Саваланн-Даг, Ак-Даг. Совсем недалеко от нее в эпоху ассирийского господства располагались города и крепости Каринташ, Каркемиш, Карибту, Каркарихундур, Кар-Иштар и др. ... Страбон сообщает о племени КАРЫ. Были известны царство Кар-Дуньяш (II тыс. до н. э.), а также Кардухи – жители гор к северу от Ассирии, которые, как и касситы, не входили в мидийский контингент Атропатены (по И. М. Дьяконову). Во всех этих топонимах и этнонимах содержится корень КАР (А) или другие тюрко-монгольские корни. Как не сравнить их, – продолжает С. Ш. Чагдуров, – хотя бы с топонимами и этнонимами Кара-Тау (правого берега Сырдарьи) – родины библейского Булджахана или страны мифического Огуз-хана, сына Кара-хана». Исследователь справедливо сопоставляет этот распространенный в Передней Азии топоним с первозданной мифической горой ХАРА – обителью Ахура Мазды.

Пути проникновения «курганников» с их прародины – с Северо-Прикаспийских степей через Приморский Дагестан (Утамышские курганы), Азербайджан (Уч-тепинские курганы), Грузию (Веденские курганы) в Переднюю Азию и через Армянское нагорье в Восточную Анатолию – хорошо документируются известными клинописными текстами из Таргимского городища Дагестана, недавними находками в Енотаевском районе Астраханской области таких же текстов и изображения Гильгамеша, сражающегося со львами. Имя божества и героя Гильгамеша, или Билгамеша, открывает еще одну параллель между древними шумерами и прототюрко-монгольскими племенами. Несомненно, что в основе этого эпического имени лежит древнейшее шумерское слово *билга* – предок, старец, герой, богатырь (И. М. Дьяконов). Окончание *-мес,* по мнению И. М. Дьяко-

нова, могло указывать на принадлежность героя к народному собранию. С. Ш. Чагдуров считает более обоснованной точку зрения Г. И. Пелих, которая, ссылаясь на П. Деймеля, возводит эту часть слова (*меш*) к шумерскому названию Маш, Муш, Меш – к имени духов, связанных с почитанием солнца, огня и т. д. И. М. Дьяконов пишет, что «акт размножения был священен – шумерам смутно казалось, что от него зависит не только плодородие семьи, но каким-то образом и общее плодородие страны; и вождь-правитель, олицетворявший общину перед лицом бога, гордился не только своим богатством, отвагой в бою и мудростью, но и своей мужской силой». В развитие этой мысли С. Ш. Чагдуров приводит следующие факты:

- словом *бэлгэ* буряты, калмыки, монголы уважительно обозначают мужской половой орган;
- в арабо-персидско-тюрко-монгольском словаре Ал-Замахшари «Мукаддимат ал-Адаб», в «Сокровенном сказании» слова *белге/белке* употребляются в значении «свидетельство», «знак», «знамение»;
- в древнетюркских языках слова *белги / билиг / билга* означают «признак», «примета», «мудрый», «знахарь», «разум»;
- в Орхонских надписях значатся исторические имена: *Билги-бек*, *Билги*-хан;
- в монгольском сказании «Алтын тобча» есть герой по имени *Сэнгум-Бэлгэ*, в переводе означающему «Мудрый полководец»;
- Рашид ад-Дин именует одного из монголоязычных найманов титулом *инанч-бильге*.

Интерес представляет и вторая часть имени – «мес/меш». Предположение И. М. Дьяконова, что это окончание могло указывать «на принадлежность», как нельзя лучше корреспондирует с утверждением тюркологов, что «в енисейских памятниках представлена во всех сферах языка форма на «мыш / миш» (Н. З. Гаджиева, И. А. Батманов). Примеров этой формы словообразования множество: «тегмиш» – коснувшись, «эрмиш» – было, «гетмиш» – ушедший, «кельмиш» – пришедший и т. д. Подобные словообразования отмечены и в сочинении Абул-Гази хана Хивинского. Таким образом, можно предположить, что имя *Бильгамес / Бильгамеш* означает: «Знающий», «Мудрый», «Разумный» и т. п. и образовано оно от слова *билга* с помощью словообразовательного аффикса «мес / меш / миш». Такому предположению не противоречит ни мнение И. М. Дьяконова, ни показания тюркологов.

Шумеро-тюркским сопоставлениям определенную силу придают работы профессора Ю. Б. Юсифова, в которых серьезное внимание уделяется приурмийской стране Субарту, по которой протекает река *Балих*. Название этой реки трудно не сравнить с тюркским словом «Балык» – река, «Булак» – родник, с балкарской рекой «Балык» – река Малка и т. д. В приурмийской стране Субарту жили племена *су,* давшие стране свое имя, которое ученые отождествляют с шумерским названием Северной Месопотамии – *Субир*, а это название, в свою очередь, возводится к этнонимам «сапир», «сабир», «савир», «сувар».

Исследования показывают, что в южных и юго-восточных районах Урмийского озера шумерские тексты упоминают «горную страну» – *Алатейа / Аратейа*, название которой характерно для алтайской географической номенклатуры и стоит в ряду таких топонимов, как *Ала-тоо, Ала-тау, Алтай* и др. Ю. Б. Юсифов справедливо сопоставил алтайское слово *Аратта* – «гора» с шумерским *Алатейа / Аратейа* – «горная страна». Более того, автор уверен в том, что жившие в этой стране в III–II тыс. до н. э. и поддерживавшие тесные контакты с шумерами племена, известные под названием *су, ку-ту, турук-ки, лулу-ви*, «были разноназванными жителями страны Аратта и, вероятно, принадлежали к алтайской языковой общности».

В связи с подобным предположением весьма уместно вспомнить следующий этнонимический факт из работы З. Ямпольского: «В XIV в. до н. э., т. е. почти три с половиной тысячи лет тому назад, ассирийская клинопись отмечает в районе озера Урмия «турукков»... После этого, в начале первого тысячелетия до н. э., т. е. около трех тысяч лет тому назад урартийская клинопись из Калаграна отмечает в зоне Азербайджана область, население которой по нормам урартийского языка именовалось «турухи». Археолог И. Г. Нариманов археологически документировал в Азербайджане отгонное (яйлажное) скотоводство эпохи бронзы (II–I тыс. до н. э.). Но в Азербайджане в районе Мингечаура наши археологи обнаружили в слоях эпохи бронзы глиняные макеты кибиток на колесах, т. е. жилищ кочевников. Вероятно, эти кибитки свидетельствуют об архаических проникновениях кочевников в Азербайджан. Среди них могли быть и тюрки».

Если эти лингвистические и археологические сопоставления верны, то, по нашему мнению, необходимо вспомнить и этноним волжских татар, чувашей: *сувар* (*сув-ар*, т. е. «речные люди»; вар.: *сув-аз*) и связать проникновение этого этнонима в Переднюю Азию с рассмотренными нами в предыдущих разделах путями проникновения древних курганов и носителей курганной культуры из Поволжья через Кавказ и Юг Туркмении в Переднюю Азию. Ведь недаром источники, повествующие о продвижении шумеров в Двуречье с севера, северо-востока, со стороны гор, стали давно уже хрестоматийными (В. И. Авдиев). По сведениям С. Крамера, у самих шумеров существовала легенда о том, что они пришли откуда-то с северо-востока. Академик В. А. Тураев связывал происхождение шумеров с Дальним Востоком, большинство зарубежных и советских ученых сходятся на том, что шумеры пришли в Двуречье откуда-то с восточных нагорий.

Большой интерес представляет мнение чешского ученого Б. Грозного, который еще в 1940 г. писал: «Кажется, всё свидетельствует о том, что в более древний период, в VI тыс. до н. э. и раньше, шумеры жили где-то в Туркестане или в Казахстане (Киргизии) и, вероятно, в их восточных частях... Шумерское название «Arali», на аккадском языке «Arallu», употребляемое для ада и для так называемых *пределов мира* – места, в которых родились боги, которое, по Исайе (гл. 14/13), находилось на Крайнем Севере, – является, по нашему мнению, по всей вероятности, шумерским названием Урала; гласные А и У часто чередуются в шумерском языке. Горы Arall и

ассирийцы называли «горами золота», так же как и горы Kabchüsi, в имени которых я вижу ассирийское название Кавказа. Золото имеется и на Урале, и на Кавказе. Наоборот, – продолжает Грозный, – имя Аральского озера, кажется, киргизского происхождения и значит «озеро островов»... Шумерский язык содержит, с одной стороны, некоторые алтайские и тюркотатарские черты (например, агглютинацию и склонность к гармонии гласных), с другой стороны, некоторые индоевропейские черты (например, в местоимениях). Кажется, что шумерский язык является смесью индоевропейских и тюрко-татарских элементов».

Эту мысль значительно дополнил выдающийся лингвист Н. С. Трубецкой, который по поводу агглютинативности тюркских языков писал: «Правда, в большинстве индоевропейских языков принцип флективности выступает уже не в таком гипертрофированном виде, как в языках кавказских, но до технического совершенства агглютинирующих алтайских языков индоевропейским языкам еще далеко. О том, что, вопреки утверждениям индоевропейских лингвистов, агглютинирующий строй по сравнению не только с гипертрофированно-флектирующим, но и с умеренно-флектирующим представляется некоторым идеалом, – свидетельствуют опыты создания искусственных языков. Шарль Балли совершенно верно заметил, что эсперанто, который состоит исключительно из индоевропейских лексем, тем не менее является языком чисто агглютинативным. Таким образом, когда индоевропейцы хотят «исправить природу» и создать более совершенный искусственный язык, они невольно упраздняют флективность и прибегают к агглютинации. Между тем обратное явление было бы немыслимо: нельзя представить себе финна, эстонца, венгра, турка или японца, который, желая создать более совершенный искусственный язык, стал бы упразднять принцип агглютинации и вводить принцип флексии. Итак, – продолжает Н. С. Трубецкой, – индоевропейские языки возникли в процессе преодоления гипертрофии флексии, стремясь к рациональной агглютинации как к идеалу. В этом процессе они, однако, не дошли до конца, не успели создать в «доисторический период» устойчивый тип языкового строя, подобного, например, строю алтайскому. А потому они и продолжают эволюционировать все в том же направлении, однако не порывая с некоторыми элементами своей «переходной» структуры. Это и делает их столь изменчивыми, особенно по сравнению с языками алтайскими».

Возражая Н. С. Трубецкому, Вяч. Вс. Иванов все же пытается отстоять тот самый обратный скачок, о котором говорил Трубецкой и о котором, повествуя о «превращении» древних земледельцев в древнейших кочевников, говорили мы выше. Оппонент Н. С. Трубецкого пишет: «...развитие, скорее всего, происходило циклически: от агглютинации к флексии и далее опять к агглютинации».

Вряд ли в истории когда-либо была необходимость, чтобы для продолжения прогресса и эволюции, культуры и языка бросаться в бездну первобытности и все начинать заново, как это происходит в трудах ученых-индоевропеистов на примере археологии, когда цивилизованные народы,

достигнув вершин культуры, превращаются в первобытных пастухов, или, на примере языка, когда для достижения совершенства агглютинации народы бросаются в изначальную колыбель флективной речи.

В заключение хочу привести один пример агглютинации в карачаево-балкарском языке:

ЗАН – бок, сторона.

ЗАН + ы – его бок, его сторона.

ЗАН + ы + м – мой бок, моя сторона.

ЗАН + ы + м + да – у моего бока, с моей стороны, рядом со мной.

ЗАН + ы + м + да + гъы – тот, кто (что) рядом со мной, сбоку, с моей стороны.

ЗАН + ы + м + да + гъы + н – то, что (кто) рядом со мной, сбоку...

ЗАН + ы + м + да + гъы + н + а – тому, кто (что) рядом, сбоку, со стороны...

ЗАН + ы + м + да + гъы + н + а + н – от того, кто (что) рядом со мной, сбоку, с моей стороны (шел, сидел, стоял и т. п.).

Большого внимания заслуживает тот факт, что И. М. Дьяконов, найдя почти эту же фразу ЗА-МУН-ДА-ГИН-АМ на статуе Гудея (XXIII век до н. э.), перевел ее «рядом шел».

Вполне допустимо, что некоторые из вышеприведенных сопоставлений покажутся спорными. Но если их сравнить с весьма популярной в науке теорией о том, что слова *Дунай, Днестр, Днепр* и схоже звучащие названия европейских рек трактуются как индоевропейские лишь на основании одного-единственного упоминания слова *дану* в Ригведе [I, 32(9)] в выражении «Дану лежит словно корова с теленком», в котором «Дану» лишь предположительно возможно возвести к значению «река», тогда наши сопоставления находятся в значительно более выгодном положении. Последняя мысль подкрепляется еще двумя заслуживающими внимания фактами:

1. Во времена Геродота, когда на берегах упомянутых рек жили будто бы ираноязычные скифы, эти реки именовались совершенно иначе – Истр, Тирас, Борисфен, Гиппанис и т. п. Почему бы?

2. Ни в Индии, ни в Иране, Афганистане, вообще в Передней, Средней, Центральной Азии – нигде нет ни одной реки, в названии которой можно было бы отыскать корень «дану», «дуна» или «дон». Почему бы?

Плодотворные дискуссии и борьба мнений – это нормальное состояние науки, они лишь продвигают науку вперед.

Именно с этих позиций мы предлагаем обсудить следующие таблицы соотношения культур Передней Азии и Евразийских степей.

Таблица 1

Древнеямники, срубники и их наследники	Древние индоевропейцы Передней Азии
1. Курганная насыпь	–
2. Могила, облицованная деревом, подстилка из коры травы, камыша, бревенчатый накат над могилой	–
3. Погребальный сруб и колода	–
4. Жертвенная пища: в могилах кости лошади, овцы	–
5. Круглодонная, остродонная, яйцевидной формы керамика	–
6. Костяные и медные псалии	–
7. Кости лошади на поселениях	–
8. Захоронения лошади с человеком	–

Таблица 2

Индоевропейцы Передней Азии	Древнеямники
1. Государство, цари, жрецы, храмы	–
2. Храмовое хозяйство, налоговая система, войско	–
3. Земледелие, культ земледелия	–
4. Ирригационные сооружения	–
5. Многослойные, многовековые поселения	–
6. Дома, общественные здания из глинобита, сырца и обожженного кирпича	–
7. Высокий уровень металлургии	–
8. Высокий уровень гончарного ремесла	–
9. Могилы под полом жилища	–
10. Могилы на поселениях	–
11. Захоронения в плетеных, глинобитных гробах, кувшинах	–
12. Погребальные гробницы из сырцовых и обожженных кирпичей	–
13. Печатки, титулы, штандарты	–
14. Царские гробницы	–
15. Трупосожжение	–

ВСЕ ЛИ МЫ ЗНАЕМ О СКИФАХ?

> Давайте выяснять наше прошлое без предвзятых убеждений, без «ретроспективного империализма».
>
> *И. М. Дьяконов*

Наши экскурсии подвели нас к одному из самых важных вопросов: с каким древним народом связывается рассмотренная в предыдущих разделах курганная культура древнейших кочевников? В историко-археологической литературе сложилось мнение, что все без исключения археологические культуры Евразийских степей: древнеямная, афанасьевская, катакомбная, срубная, андроновская, суяргинская, тазабагъябская со всеми многочисленными вариантами на огромном пространстве от Саяно-Алтайского нагорья до Днепра и Карпат, от Среднего Поволжья до Приаралья, от Средней Азии до Предкавказья и на всем протяжении от IV до конца I тыс. до н. э. – являются историко-культурным наследием одних только индоевропейских племен. Это и есть тот самый «империализм», о котором мы упомянули.

В наиболее концентрированном виде эта концепция отражена в упомянутом труде Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. А в археологической литературе это же попытался сделать Н. Я. Мерперт на страницах первого тома (из 12-томной серии) «Истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» (М.: Наука, 1966).

Ретроспективно прослеживая действительно имеющее место генетическое родство между археологическими культурами скифов, срубников и древнеямников (курганная насыпь; могильная яма, устланная камышом, корой, войлоком, обрамленная деревом, плахами, перекрытая бревенчатым накатом; погребальный саркофаг-колода и пр.), сформулирован другой постулат: все известные миру племена Евразии с глубокой древности до распада Римской империи были индоевропейцами, индоариями (в т. ч. 15 «скифских» племен Геродота, несколько сако-массагетских, четыре сарматских, три аланских племени), полонившими огромный регион от Алтая до Карпат (В. И. Абаев, Н. Я. Мерперт, Е. Е. Кузьмина и др.). Такая предвзятая трактовка истории огромного региона и множества племен порождает закономерные вопросы:

1. Почему в таком случае «курганно-скифский» погребальный обряд, успешно развивавшийся четыре тысячи лет, передававшийся из поколения в поколение, переходивший от племени к племени, вдруг прекращает свое существование на скифах и не получает дальнейшего развития ни у одного из ираноязычных племен и народов?

2. Почему же на огромном пространстве от Алтая до Дона нам приходится искать индоиранские, индоевропейские топогидронимы, что называется, под микроскопом? Ведь такие горы, реки, как Алтай, Енисей, Чу, Иртыш, Ишим, Тобол, Яик, Капу-Даг и др., должны были попадаться на гла-

за столько тысячелетий жившим здесь индоевропейцам. Не случайно ведь Птоломей в период расцвета сарматской прохоровской культуры назвал реку Урал его древним тюркским именем Джаик (Даик, Яйык, Яик), а Плиний именовал реку Терек почти тем же его тюркским названием – Дирик?

Откровенно говоря, эти вопросы в историко-археологической литературе даже не ставились, а эволюционный ряд развития древних культур был искусственно прерван на скифах, будто бы являвшихся ираноязычными.

Однажды высказанная и весьма заманчивая идея об индоевропейском ираноязычном содержании древних культур без надлежащей проверки на научную обоснованность была радушно воспринята в определенных кругах и, кочуя из книги в книгу, из статьи в статью, к настоящему времени превратилась в непреложную аксиому. И страшнее всего для науки то, что некоторые авторитетные ученые почти запрещают не только изучать, но и затрагивать эти концепции (С. Л. Тихвинский, И. Алиев). Нижеследующие высказывания академика С. Л. Тихвинского трудно воспринимать иначе, как диктат и указку, что и как писать об истории народов.

Вот его слова: «Имеют место попытки искать тюрок в Передней Азии уже в глубокой древности и приписывать им ведущую роль в создании древнейших передневосточных цивилизаций, а также местных закавказских культур и государств (прежде всего Кавказской Албании, скифов и т. д.)...».

«В Армении в последние годы писатели объявляют Урарту армянским образованием...»

«Среди части грузинских археологов бытует концепция раннего Колхидского царства, отрицание роли греческой колонизации в Колхиде, точка зрения о более раннем, чем считалось до сих пор (а разве верно только то, что считалось до сих пор? – *И. М.*), возникновении грузинского государства Картли и т. п.».

Далее идут упреки, что в Казахстане преувеличивают или искажают роль великого казахского ученого Чокана Валиханова; что в Татарии почему-то не согласны с тем, что Казанское ханство преподносилось до сих пор как осколок Золотой Орды; что в Якутии преувеличивают роль своих просветителей и представителей общественной мысли и т. д. (см.: Вопросы истории. 1986. № 9). Вот таким образом, с высоты птичьего полета, академик С. Л. Тихвинский указал, какому народу, какой историей заниматься, что им можно, что нельзя. Такой всеуказующий перст вряд ли украшает советскую науку. Попробуем разобраться. Прежде всего, наверное, ученому-неархеологу не стоило так уверенно упрекать специалистов, археологов-кавказоведов, а во-вторых, хочется спросить у почтенного академика: почему попытки, зачастую баснословные, искать корни истории и культуры одних народов в Передней Азии поощряются, а попытки для других расцениваются не иначе как «имеют место...». Не менее интересно узнать, а чьим же историко-культурным образованием является Урарту с одним из центров в Еребуни; почему верно только то, что считалось до сих пор о Картли и Колхиде, почему нельзя вести дальнейшие исследования, искать уточнения? Историки знают много того, что считалось «верным» в прошлом и во что это обходится теперь советскому обществу. Наконец,

почему Ч. Валиханов и представители общественной мысли Якутии хуже таких же восхваляемых, «безгрешных» деятелей науки и культуры других народов?

Совершенно очевидно, что статья Тихвинского писалась так, будто бы не существует этих вопросов. Редакция журнала должна была их задать автору статьи, прежде чем обвинять всех и вся. Сегодня всем нам хорошо известно, к чему приводит «писание» истории по указке, из-под палки, по трафарету. Коммунистическая партия все настойчивее требует совершенствовать методы, активизировать резервы в вопросах воспитания правдой истории, правдой накопленного историко-культурного опыта всех народов нашего многонационального государства. И если мы сегодня все чаще говорим о «белых пятнах» истории, то это для того, чтобы впредь не было в истории «запретных зон» для изучения, чтобы мы не преподносили подрастающему поколению слащаво приукрашенную, ложно поблескивающую, одностороннюю историю. Только правда истории, правда жизни сближает и укрепляет дружбу как отдельных людей, так и многих советских народов, представляющих уникальное явление в мировой истории, новую историческую общность – советский народ. И в связи с этим требует не голой декларации и запрета, а толкового, членораздельного ответа вопрос: почему нельзя искать (если материал более чем позволяет) переднеазиатско-тюркские параллели, идти дальше и глубже в исторических исследованиях о Колхиде и Урарту, чем это было «принято считать»? Что в этом плохого, кому это мешает, чью историю и культуру это обкрадывает и искажает, чье национальное чувство оскорбляет?

Как хорошо сказал однажды Расул Гамзатов: «Изучение истории своего народа не мешает изучению истории других народов... Я с подозрением гляжу на людей, которые высокомерно говорят про историю других народов: «Приукрашение». В Узбекистане – древняя история. В Грузии – древняя история. В Армении – древняя история. Разве можно в этом сомневаться? Да и зачем? Что есть, то есть. Чья-то история моложе, чья-то древнее, глубже. Надо изучать друг друга. А не завидовать. Это прекрасно, когда народы будут знать историю друг друга. Ведь столько еще не познанного в любой истории».

Односторонняя правда есть правда искаженная, выборочная, а распространение, пропаганда и требование признания только такой правды есть порочная практика отдельных авторов, привыкших диктовать народам их историю, не зная ни языка, ни культуры, ни этнопсихологии, ни этнографии, ни археологии этих народов.

Мне уже приходилось выступать с обоснованием того, что прошло то время, когда исторические факты и явления рассматривались только с одной, заранее выбранной и очень удобной, а кому-то, может быть, и приятной для глаза стороны, что настала пора начинать изучать их всесторонне. Только в таком случае мы можем стряхнуть с этих фактов искусственно наводившийся на них лоск и ложный блеск и заставить их засверкать действительными гранями историко-культурного значения.

Очень показательна мысль молодого чеченского историка Х. Бакаева: «Но разве искажением действительности будет, к примеру, если человек, взяв музейную медаль, всегда повернутую к публике одной стороной, покажет людям и другую ее сторону – ведь так мы узнаем об этой медали еще больше, у нас сложится более полная картина?»

На мой взгляд, именно нежелание нарушать музейную тишь да гладь в истории, плотно упакованной в глянец безвоздушных, сверкающих витрин, да еще оберегаемых строгим «Руками не трогать!», и порождает всякого рода искажения исторической действительности путем диктаторского вмешательства в науку. При этом совершенно забывается, что на новом этапе развития социализма рост национального самосознания, особенно бурно идущий в последние годы, придал новый импульс повсеместно растущему интересу к историко-культурному наследию братских народов нашей страны. Поэтому документы КПСС подчеркивают, что «у нас может быть только один путь: укрепление единства общества не через административный «зажим», а, наоборот, через всемерное развитие демократии». Именно так ставил вопрос В. И. Ленин, когда писал: «Национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку». А следовательно, и никаких привилегий ни одному народу в изучении своей истории.

Разве не поэтому говорил М. С. Горбачев в докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается»: «Мы должны быть предельно внимательными и тактичными во всем, что касается национальных интересов или национальных чувств людей...» О каком внимании, такте и равноправии можно говорить, когда одним ученым можно искать древние корни своей истории в недрах древнейших цивилизаций Передней Азии, а другим нельзя; когда не во всем удачные поиски одних поднимаются на щит, а исследования других расцениваются не иначе, как проявление местничества и пр.

Боязнь, что новый разворот исторических фактов и выявление новых данных может сломать сложившийся стереотип, вызывает подобные нападки на поиски исторических корней, например, древнетюркских племен. Объективный анализ скифской истории и культуры показывает, что они не укладываются в уготованное для них прокрустово ложе сплошного ираноязычия скифских племен. При первой же научной проверке обнаруживаются и нарочитый блеск, и действительная нищета скифо-иранской теории. Вот тому примеры.

Немного истории

Почти все древнегреческие и латинские писатели: Гомер, Гесиод, Эсхил, Гиппократ, Пиндар, Гекатей, Геродот, Страбон, Птолемей и другие – в один голос называли скифов и сарматов конеядами, доителями кобылиц, пьющими кумыс, «из кумыса сыр едящими» и т. п. (В. В. Латышев). Это был своего рода этнокультурный «паспорт», выданный им древнегреческой и латинской традицией при первом же знакомстве с ними. Ясно, что потом-

кам древних индоевропейцев бросилась в глаза совершенно чуждая для них и неслыханная культура прямых потомков древнеямников.

Отец медицинской науки, чьи антропологические характеристики особенно важны, неоднократно отмечал монголоидные черты в облике скифов. А предшественник Гиппократа – Пиндар (522–442 гг. до н. э.) указывал, что «некоторые скифы, притворяясь, открыто на словах гнушаются лежащей убитой лошадью, а тайком обдирают кривыми челюстями ноги и головы». Эти слова привлекательны еще и тем, что они специально подчеркивают особенность: конину ели не все скифы, а *некоторые*, значит, окружавшие их народы лошадей не ели, и скифам приходилось скрывать это от других, скажем, от эллино-скифов, скифов-пахарей и земледельцев – алазонов, каллипидов и пр.

Что скифы пили кумыс, доили кобылиц, ели конину – прекрасно документируется и другими материалами. Среди большого количества данных особо привлекателен недавний факт обнаружения в скифском захоронении на Днепре «большого деревянного блюда с остатками конины». Прекрасной аналогией скифскому погребальному обряду является погребальный обычай кипчаков-половцев, описанный Плано Карпини.

Вот что писал об обычае татар побывавший в 1246 г. в ставке Бату-хана на Волге итальянский путешественник: «Перед ним (усопшим. – *И. М.*) ставят стол и корыто, полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают и набивают кожу соломой, и ставят ее повыше на двух или четырех деревяшках, чтобы у него была в другом мире ставка, где жить, кобыла, чтобы получать от нее молоко и даже иметь возможность умножать себе коней, и кони, на коих он мог бы ездить, а кости того коня, которого они съедают за упокой его души, они сжигают».

Наконец, о явных тюрко-монгольских чертах некоторых скифских племен пишет и сам Геродот. В 22-й строфе IV книги он говорит, что «выше иирков живут другие скифы», а в 23-й, тут же, поясняет, что «выше иирков живут люди (т. е. те самые «другие скифы». – *И. М.*), которые, как говорят, все плешивые от рождения, как мужчины, так и женщины курносые и с большими подбородками». Из этих слов совершенно ясно, что Геродот называет «другими скифами» аргиппеев и почти дословно повторяет антропологическую характеристику Гиппократа. В. В. Латышев объяснял «плешивость» этих скифов принадлежностью к тюрко-монгольской расе.

Первый же русский переводчик Геродота Андрей Лызлов – великолепный знаток почти всей европейской историографии XV–XVI вв., хорошо знавший древнегреческую и античную литературные традиции, труды Гомера, Вергилия, Овидия, Юстина, Курция Руфа, Диодора Сицилийского и др., – еще в 1692 г. пришел к убеждению, что татары и турки восходят по своей культуре к древним скифам-кочевникам. Точку зрения А. Лызлова поддержали в разное время и развили такие крупные ученые, как Байер, Шафарик, В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, Э. И. Эйхвальд, А. С. Лаппо-Данилевский и др. Изучив всю доступную к тому времени литературу и

древности скифов, Лаппо-Данилевский пришел к выводу: «Пока еще трудно сказать, к какой ветви арийских народов они действительно принадлежали, если эти племена и были арийского происхождения, то уже в древнейшие времена они смешались с чуждыми им монгольскими элементами». Особенно глубокими были обоснования тюрко-монгольской гипотезы скифов-кочевников крупнейшего филолога, профессора Киевского университета Ф. Г. Мищенко, известного знатока древнегреческих реалий и литературы, блестящего переводчика Геродота, Фукидида, Полибия, Демосфена и других корифеев древнегреческой культуры. Мищенко считал оседлых скифов-земледельцев и пахарей ираноязычными индоевропейцами, а царских скифов-кочевников – представителями тюрко-монгольских племен. Он писал, что «наличность в Европейской Скифии арийского и, частнее, иранского элемента установлена убедительно профессором В. Ф. Миллером; только следует искать его не в господствующей части скифского населения Южной России, а в тех зависимых от царских скифов пахарях и каллипидах, которые, будучи оттеснены сюда более воинственными завоевателями, представляли много общего с сарматами, также, вероятно, принадлежавшими к иранской ветви». Эту же точку зрения поддержал и другой выдающийся специалист по древнегреческой литературе о скифах В. В. Латышев в своей докторской диссертации. Принадлежность оседлой части скифов – пахарей и земледельцев – к иранской ветви доказывали М. И. Ростовцев, А. И. Соболевский и др. Наиболее полно и убедительно это сделал В. Ф. Миллер, который провел в своих исследованиях проверку сделанных предшественниками наблюдений путем анализа скифских имен царей и божеств.

«Сравнение этих слов со словами осетинского языка, – пишет А. А. Нейхардт, – привело автора к выводу об иранском происхождении исследованного им материала (правда, по признанию В. Ф. Миллера, часть слов все же не поддается объяснению). Следует отметить, что свои выводы он считал возможным распространить только на оседлых скифов».

Однако, когда теория об ираноязычности скифов была еще в зародыше, Ф. Г. Мищенко предупреждал: «Если греческие писатели позднейшего периода нередко искажают до неузнаваемости названия тех народов, в соседстве с которыми они жили продолжительное время, свои наблюдения над которыми они могли легко проверить многократными показаниями очевидцев, то, разумеется, тем менее можно полагаться на их лингвистические данные о народах, совершенно им не известных, каковыми были и скифы для Геродота, Фукидида, Страбона и др. Вот почему немногие свидетельства языка о скифах, находимые по преимуществу у Геродота, подают повод в наше время к самым разноречивым толкованиям... Брун сожалеет, – продолжал Мищенко, – что берлинский академик К. Мюлленгоф, главный авторитет в решении вопроса о национальности скифов в смысле иранства их, не подвергает критической оценке этимологии тех же имен, приводящих других исследователей к заключению о монгольстве или вообще о туранстве скифов».

Кстати сказать, упоминавшийся Геродотом скифский термин «асхи» в значении напитка даже Мюлленгоф, Эрман, Томашек не смогли объяснить иначе, как признать его тюркским словом «ачы» – горький.

Г. Кипперт, один из авторитетнейших ученых того времени в области исторической географии, не придавал выводам Мюлленгофа об иранстве скифов никакого значения: «Что скифские имена, тождественные с фракийскими и персидскими, просто заимствованы из этих языков и потому не имеют никакой доказательной силы в вопросе о национальности скифов, это доказывается вполне совершенным отсутствием диалектных особенностей: с таким же успехом, – пишет Кипперт, – можно было бы признать семитическое происхождение нынешних османов и других тюркских племен на основе почти исключительного употребления у них арабских личных имен».

«Гораздо большее значение в решении этнического вопроса скифов, – утверждал Мищенко, – имеют свидетельства древних писателей о быте народа и особенностях его физического строения». Разбирая подробно доводы В. Ф. Миллера, он писал о следующих просчетах его концепции:

1. Миллер указывал на то, что в нартских осетинских сказаниях сохранились следы скальпирования, напоминающие тот же обычай у скифов.

«Но между двумя народами, – отмечает Мищенко, – замечается в этом отношении и немаловажная разница, опускаемая почтенным ученым: в сказаниях об осетинском герое Сосрыко шубы сшиваются из кож ближайших родственников, отцов, братьев, мужей, тогда как у скифов (добавим: и у аланов, по Аммиану Марцеллину. – *И. М.*) жертвами скальпирования были только враги. Подобный обычай не чужд и урало-алтайским народам, а также дикарям Северной Америки».

2. Миллер пытался обосновать свой вывод и на скифском способе гадания на ивовых прутьях. Ф. Г. Мищенко указывал, что «скифский способ гадания известен калмыкам и гораздо ближе стоит к способу гадания шаманов, записанному Гмелиным».

В своем путешествии по Сибири Гмелин писал: «После непродолжительного бормотания шаман-колдун брал пучок мелких прутьев, как бы серных лучинок. В таком пучке содержится 49 палочек, подобно тому, как гадатели черемисские, чувашские и вотякские имеют для этой цели 49 бобов. Вскоре после этого он выбирал из пучка пять прутиков и клал их особо. С остальными он играл, бросая их то туда, то сюда, а затем вытягивал то одну, то другую. Процедура длилась недолго, и колдун произносил гадание».

Современные ученые также свидетельствуют, что «наиболее древнее археологическое свидетельство культового использования прутьев таволги дает Кенкольский катакомбный могильник в Киргизии. Этнографически различные проявления культа таволги отмечены *прежде всего* в среде тюркоязычных народов (алтайцы, чуваши, казахи, киргизы, узбеки, тувинцы) и их ближайших соседей. Древность связанных с таволгой религиозных представлений подтверждает магическая формула шаманистской по содержанию рунической «Книги гаданий» IX в.: «Одна таволга становится сотней таволг» (А. И. Семенов).

3. Миллер ссылался на коллективный обряд погребения, когда собираются на похороны жители всего осетинского аула, а не только родственники умершего, а также на обычай поминок у осетин. А Мищенко указывал, что все эти черты, разумеется, близко напоминают скифские похороны (Геродот. Кн. 4. С. 71–73). «Но дело в том, что аналогии, более многочисленные и более полные, содержатся в трудах ученых о монгольских народах». Подобный обычай характерен для многих кавказских народов.

4. По мнению Мищенко, «главнейшие черты быта осетин, сближаемые Миллером со скифскими обычаями, заимствуются им из сказаний о богатырях Сосрыко и Батразе, известных у кабардинцев, балкарцев и осетин. Автор сам (т. е. Миллер. – *И. М.*) предостерегал исследователей делать обобщения относительно прошлой истории осетин на основании их эпоса... – и завершая спор, Ф. Г. Мищенко писал: – Трудно, если не сказать совсем невозможно, отрицать многообразные влияния урало-алтайских народов на иранских осетинов; тем менее возможно полагаться на некоторые отдельные черты сходства между геродотовыми скифами и нынешними осетинами в доказательство иранства первых».

Под натиском таких неопровержимых сопоставлений фактов из тюркомонгольского и скифского быта В. Ф. Миллер, как крупный ученый, имевший смелость признавать свои ошибки, в конце концов вынужден был написать следующее: «Из всех догадок, предложенных о национальности сарматов и скифов, до сих пор наибольшего внимания заслуживает гипотеза Цейсса и Мюлленгофа, которые на основании данных языка (разбор собственных имен) видят в этих народах иранцев, некогда тронувшихся вместе с другими индоевропейскими народами в Европу и затем затертых в Южной России другими, уже не индоевропейскими народами, постоянно надвигавшимися с востока. Мы думаем, что гипотезу эту следует ограничить в том смысле, что имена «*скиф*» и «*иранец*» *не покрывали друг друга*; *мы считаем вероятным* только то, что *под именем скифов* скрывались племена европейские, и в числе их в восточных частях Скифии, по северному побережью Понта, главным образом в *бассейне Дона, были и иранцы* (курсив мой. – *И. М.*)». А завершая свои знаменитые «Осетинские этюды», В. Ф. Миллер признавался, что он «не считает доказанным факт иранства скифов».

Именно о наличии только «элемента» иранского среди геродотовых скифов говорил и такой знаток истории скифо-сармато-аланских племен, как Ю. Кулаковский, когда писал: «Если новые исследователи не всегда решаются признать в скифах Геродота племена иранской ветви арийской расы, то во всяком случае в настоящее время никто не отрицает *присутствия иранского элемента* в сколотах Геродота». Действительно, наличие иранского элемента в массе скифских племен невозможно отрицать. Речь (вернее, спор) может идти лишь о том, что некоторые ученые этот «элемент» пытаются превратить в поголовную ираноязычность всех скифов, сарматов и аланов! Еще Ф. Браун подметил, что «разногласия между учеными по поводу пресловутого «скифского вопроса», как и в «варяжском вопросе», не столько от неточности или неясности материала, сколько от

методологических ошибок некоторых ученых, бравшихся за исследование, а часто и от тех предвзятых идей и тенденций, с которыми они приступали к нему и которые заставляли их мириться с явными натяжками. Новый труд по «скифскому вопросу» должен будет носить характер по преимуществу полемический». Далее он приходит к выводу, что «весь вопрос в том, можем ли мы считать скифов Геродота народом этнографически цельным или этому имени уже в V в. до н. э. присуще такое же собирательное, чисто географическое значение, какое оно имеет впоследствии, например, у Страбона и Плиния? Известно, что многие ученые, начиная с Шафарика, держались и держатся именно этого мнения, указывая на особенности в образе жизни, религии, антропологического типа, отличающие будто бы западных от восточных скифских народностей, и усматривая в скифах западных – предков славян либо считая их иранцами в противоположность к скифам восточным, якобы монголам. В пользу последнего мнения высказался недавно еще Мищенко, и с ним соглашается, по-видимому, В. Ф. Миллер».

Таким образом, два крупнейших представителя русской науки о скифах и их культуре, Ф. Г. Мищенко и В. Ф. Миллер, пришли почти к одному и тому же мнению, которое широко вошло в тогдашнюю науку. Оба признавали, что среди скифов, вместе с двумя хозяйственно-культурными укладами, были и две этнические группировки: пахари-земледельцы – это ираноязычные индоевропейцы и кочевники, представители тюрко-монгольской расы.

К сожалению, эти выводы теперь уже почти забыты и порой даже считаются почему-то неуместными, хотя такой полемический труд о скифах, которого ожидал Браун, так и не появился. Напротив, после выхода в свет труда В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» (М.; Л., 1949. Т. 1) зачастую приходится сталкиваться с утверждением, будто бы все скифские племена были ираноязычными.

Но все же более серьезные ученые всегда исходят из того, что скифы в разных аспектах: географическом, политическом, этнографическом – это далеко не одно и то же (М. И. Артамонов). Да и сам Геродот основным отличительным признаком множества скифских племен считал их различные языки. Отличая одно племя: от другого по языку, он нигде ни словом не обмолвился о мидийском, персидском характере языка скифов. Это обстоятельство приобретает особую ценность, если мы вспомним, что отец истории, заметив где-то в Подунавье неких сигиннов, тут же отметил, что они говорят на индийском языке. Ионийский грек Геродот, страна которого представляла в его времена отдельную сатрапию Персидской державы, не мог не распознать язык персов и мидян, если бы скифы были ираноязычны. Исследователи-специалисты вообще считают, что «скифский язык, как нечто единое, цельное и монолитное для всех племен, известных у греков и римлян под именем «скифских», есть фикция» (К. М. Колобова).

Многочисленные данные и анализ IV книги Геродота, сравнение ее с другими античными источниками приводят ученых-скифологов к убеждению, что почти все основные вопросы истории и культуры скифских племен остаются (как и во времена Брауна) по-прежнему дискуссионными.

Так, например, А. П. Смирнов пишет: «Если говорить откровенно, то спорными, дискуссионными продолжают оставаться все основные вопросы истории скифов».

Подводя итог своему капитальному историографическому труду, А. А. Нейхардт говорит: «Таким образом, вопрос о том, кого, собственно, следует считать «подлинно скифами», далеко не решен. По существу, в современной науке он до сих пор является дискуссионным, и единственной точки зрения не существует».

И наконец, тщательный анализ античных источников приводит И. В. Куклину к следующему заключению: «Таким образом, почти все проблемы современной скифологии остаются спорными и ни одна из них не получила еще однозначного решения. Насколько глубоки разногласия, могут продемонстрировать попытки некоторых современных исследователей восстановить начальную историю скифов».

О скифском языке В. И. Абаева

Несмотря на подобные заключения специалистов-скифологов, основная ставка приверженцев поголовного ираноязычия скифских племен делается только на сохранившуюся в античных источниках ономастику, которая дошла до нас с безусловными искажениями, ввиду ее «варварского» происхождения. Поэтому уже давно указывалось на опасность воссоздавать на таком шатком языковом материале скифский язык, да еще его диалекты (Г. Кипперт, К. М. Колобова, Ф. Г. Мищенко).

В упомянутом труде В. И. Абаев выявил 196 скифо-сармато-аланоосетинских лексических схождений. Но из них 48 терминов, хотя и имеются в Авесте, древнеиранском, древнеперсидском, древнеиндийском и других источниках В. И. Абаева, в самом осетинском, по его же словам, «не оставили никакого следа». Следовательно, надо полагать, что нет никакого научного права включать их в число осетино-скифских параллелей. Из оставшихся 148 слов 101 имеет явные, прозрачные тюркские значения, не требующие никаких изменений оригиналов (дополнений, сокращений, замены букв и звуков), к которым постоянно прибегает В. И. Абаев. И тем не менее он приходит к весьма оригинально звучащим объяснениям. На целый ряд подобных разъяснений мне уже приходилось указывать в своей книге «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа» (Нальчик, 1986), однако есть необходимость привести еще несколько примеров:

Скифские слова	**Тюркские значения**	**Этимология В. И. Абаева**
АТАСАС – имя	АТА – отец, АТАСЫЗ – без отца, т. е. СИРОТА	*Древнеиран.*: А + ТАРС, т. е. БЕЗОПАСНЫЙ *

* Объяснение В. И. Абаева неправдоподобно, потому что «без» по-скифски, как отмечает сам В. И. Абаев в другом месте, будет не «А», а «АНА». Кроме того, в геродотовском термине нет звука «Р», чтобы читать «ТАРС».

Скифские слова	Тюркские значения	Этимология В. И. Абаева
ТОРЕКАДАИ – сарматск., племя	ТЁР – почет, ТЕРГЕ – на почет, ТАЙ – суф. уподобления. Отсюда: ПОЧЕТНЫЕ	ТУРА – суп, АД – есть, т. е. СУПОЕДЫ *
САРАГАС – имя	САРЫ – желтый, КАШ/КАС – бровь: ЖЕЛТОБРОВЫЙ	САР – голова, АКАС – невредимый: ИМЕЮЩИЙ НЕВРЕДИМУЮ ГОЛОВУ
ОССИГАС – имя	АШЫГЪЫШ – расторопный	ИМЕЮЩИЙ ЗДОРОВУЮ ЖЕНУ
САУКАС – имя	САУАГЪАЧ – крепкий станом	НЕВРЕДИМЫЙ УТРОМ, ПОРАЖЕННЫЙ УТРОМ
ГУАР – аланский царь V в.	КУАР – преследующий	ДОБЫВАЮЩИЙ КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ
БЕОРГУС – аланский царь	БУЮРГУЧ/БУЮРГУС – правитель	ИМЕЮЩИЙ МНОГО КРУПНОГО РОГАТОГО СКОТА
САГАР – имя	САКЪ – осторожный, АР/ЭР – мужчина: ОСТОРОЖНЫЙ, СТОРОЖЕВОЙ	НАХОДЯЩИЙ ОЛЕНЕЙ
ЖАУНА – шерсть	ЖЮН – шерсть	*Авест.*: МАСТЬ, ЦВЕТ
КАРСА – резкий, строгий	КАРШЧЫ – резкий, строгий	*Осет.*: ХУДОЙ
ОД – душа, жизнь	ЁТ – смелость, дух жизни	*Осет.*: ЗАПАХ
СОЗИРСОУ – имя	СОЗАРЧЫ – растягивающий	СМУГЛЫЙ СОЗИР (?)
ОУАРАЗБАЛА – имя	ОРОЗ – рок, судьба, БАЛА – дитя: ДИТЯ СУДЬБЫ	ПРИНАДЛЕЖАЩИЙ К КАБАНЬЕЙ СТАЕ
ДАНАРАЗМАК – имя	НЕУЗНАВАЕМЫЙ	ДОНСКОЙ ВАРАЗМАК (?) ВАРАЗМАК С ДОНА (?)
ОЙУРБАЗЫ – имя	ОЙ, ЮЙ – дом, ЮЙЮР – семья, БАСЫ – голова: ГЛАВА СЕМЬИ, ДОМА	ВОЛКОПЛЕЧИЙ (?)

* Во-первых, у В. И. Абаева теряется удвоенный звук «КК»; во-вторых, у нас нет никаких сведений о том, знали сарматы такое блюдо, как «суп», зато хорошо известно, что Птолемей, очевидец и современник сарматов, называл их не «супоедами», а «конеядами».

Даже этот краткий перечень показывает, что скифо-сармато-аланские имена и термины находят совершенно прозрачные тюркские значения, совпадающие с оригиналами, либо очень легко находят такие толкования, которые весьма близко подходят к их первоначальному смыслу. Тюркские их значения и оригиналы конечно же не сравнить с такими ираноосетинскими толкованиями, как: «С невредимой головой» (будто бы у всех остальных они были поврежденными), «Пораженный утром», «Невредимый утром», «Имеющий здоровую жену» (будто бы младенец уже при наречении имел такую жену); или же: «В нем нет дыхания жизни», «Принадлежащий к кабаньей стае», «Волкоплечий», «Волкоед», «Супоед», «Варазмак с Дона», «Смуглый Созир», «Находящий шерсть оленей» и др. От подобных этимологий В. И. Абаев не отказался и через 30 лет при повторной публикации «Скифо-сарматских наречий». В последней редакции особого внимания заслуживают его слова о том, что «выявление и определение неиранских элементов должно производиться на основе точных и продуманных методов, а не путем произвольных домыслов и догадок. Первым шагом на этом пути должно быть выделение, путем тщательного лексического, фонетического и словообразовательного анализа, всех бесспорно иранских элементов. Таким путем будет расчищена почва для анализа и определения остальных элементов. Вместе с тем, можно надеяться, будет положен конец легковесным и безответственным спекуляциям на скифском материале, не имеющим ничего общего с наукой». Эта фраза ученого как нельзя справедлива во всех отношениях и как нельзя лучше всего подходит к только что отмеченным его собственным толкованиям скифских имен и терминов, не имеющим ничего общего ни с наукой, ни с логикой, а иллюстрирующим «спекуляцию на скифском материале». Трудно верить в твердо продуманное научное обоснование наличия плеч у биологических особей семейства волков. О каком научном обосновании можно говорить, если какой-то скиф с момента рождения и наречения принадлежал к кабаньей стае, тогда как скифы (по Геродоту) не разводили даже домашних свиней; или же другой скифский молодец должен был искать и находить «шерсть оленей». Шерсть бывает у овец, баранов, верблюдов, а у оленей шерсти нет. Как можно говорить о строго научном подходе, когда в первоисточниках о скифах нам неизвестно употребление слов «ману», «вира», «нар» в значении «муж», «мужчина», как часто это делает В. И. Абаев? Наоборот, Геродот прямо поясняет, что у скифов слово «муж» обозначается термином «ойор». Наконец, очень важным заявлением В. И. Абаева является то, что «у скифов собака называлась не *спан, спак,* а *кути,* как у многих тюркских народов.

Строго продуманные и научно обоснованные методы анализа лексического наследия, по нашему мнению, не могут базироваться на таких утверждениях: «Слово «йава» в других арийских языках означает «ячмень». Для скифского мы даем значение «просо», опираясь на осетинское предание, по которому культура проса преобладала над всеми другими». Вероятно, надо опираться не на осетинское предание и навязывать его

скифам, а надо опираться на науку, которая давно доказала, что ячмень был одной из самых древних культур и для скифов, и для других племен, включая древнейших земледельцев Передней Азии VI–V тыс. до н. э.

В контексте строго продуманных научных методов анализа следует остановиться еще на одном моменте: как В. И. Абаев обосновывает свое мнение. «Имя скифского царя «Таксакис» Юсти и Миллер переводят как «плотник» (*древнеинд.*: Таксака). При этом даже не ставится вопрос, – удивляется он, – могли ли существовать у кочевников профессионалы-плотники. Мы переводим «Быстрый олень» (а бывают «медленные олени»? – *И. М.*). Мы думаем, что *плотник* – мало подходящее имя для вождя воинственного племени, снимавшего скальпы с врагов. Ни один индейский вождь, насколько мы знаем, не назывался «плотником». Прежде всего, трудно верить в научную обоснованность права одинаково судить о вождях индейцев и вождях скифов, и потом, можно спросить у Абаева: а много ли вождей именовались «Находящими шерсть оленей», «Невредимый утром» и т. д.? Вопрос, обращенный к Юсти и Миллеру, справедливо можно поставить и перед В. И. Абаевым, который, объясняя скифское слово «аз», связывал его у кочевников с корабельным кормчим. Знакомый с реалиями скифского быта и культуры хорошо знает, какими великолепными плотниками были скифы. Превосходные повозки с каркасами для войлочных покрытий, служившие им «домами на колесах», тщательно сработанные погребальные саркофаги из дерева, скрепленные посредством шипов и пазов, отлично выдолбленные погребальные колоды из продольно разрубленных стволов дерева, великолепные деревянные блюда и чаши, облицованные золотом и считавшиеся божественным даром для каждого скифа, и многое другое – все это красноречивое свидетельство высокого уровня плотницкого искусства у скифов. Плотники в скифской среде были одними из самых необходимых для общества людей. А вот что касается «корабельных кормчих» для кочевников-скифов и для их будто бы прямых наследников – осетин, то В. И. Абаеву, справедливости и научной точности ради, давно надо было «обнародовать» тот поразительный факт, что у осетин нет в их словарном фонде термина для обозначения «море». Для этого они даже в своем нартском эпосе используют тюркский термин «тенгиз» – море (В. И. Абаев).

В заключение этого раздела хочется обратить внимание читателя на необъясненный до сих пор греческий термин «скут» или русский «скиф». Библейское название скифов – *ашкуз* по широко известной закономерности перехода в тюркских языках *з/с* в *д/т* мог легко образоваться в чужеродной среде из *ашкут*. Переход *з/д*, *с/т* является закономерностью башкирского, татарского, карачаево-балкарского и других тюркских языков. Этому факту можно привести множество примеров из топогидроэтнонимии: Тарка – Сарка, Тын – Сын, Казыр – Кадыр, Барзым – Бардым, Кырзас – Кырдас, Орус – Оруд, Ыргыз – Ыргыт, Ыргайзы – Ыргайды и др. Такой же перебой указанных согласных не был чужд, вероятно, и греческому: Фазис – Фазид, Гиппанис – Гиппанид, Танаис – Танаид и т. д. При от-

сутствии шипящих звуков греки не могли написать термин *ашкут* иначе, чем *аскут*. Начальный гласный звук «А» варварского термина легко мог потеряться в иноязычной среде, как, например, он теряется в терминах: *Ыстамбул – Стамбул, Ысхаyат – Схаyат – Хасаут, Ышканты – Шканты* и др. Таким образом, устанавливается, что термин *ашкут* легко превращается в *скут*, превращенное в русском переводе в *скиф*. Следовательно, есть все основания предположить, что термин *скут* является порождением греко-латинской книжной традиции в результате искажения тюркского *ашкуз/ашкут*. Тем самым мы находим подтверждение словам Ф. Г. Мищенко о том, что термин «скут» может быть искажением туземного слова. Подтверждается и мнение Н. Я. Марра, что имя «скиф» было изобретено греками и должно было действительно иметь народное, туземное происхождение, и притом широко распространенное.

Однако в 1965 г. В. И. Абаев выступил с объяснением термина «скут» как германского слова «скот» – стрелок из лука. Такое толкование не может быть приемлемо по целому ряду причин:

1. Автор не объяснил возможность перехода скифского «скут» в германское «скот». Это не бросалось бы в глаза, если бы Геродот четко не различал скифские термины «скут» и «сколот», ни разу не заменив «у» на «о».

2. История не знает германских информаторов Геродота. Чаще всего он сам бывал среди скифов или же пользовался сведениями жителей причерноморских греческих колоний. История не знает и германских племен на территории геродотовой Скифии, которые могли бы перевести этот термин.

3. Переход германского «Schütze» в «Skot», как свидетельствуют германисты, не мог произойти ранее XII–XIII вв., т. е. ранее, чем две тысячи лет после скифов. Еще П. Услар выступал против отождествления этих понятий.

4. Постоянно присутствующему в скифских терминах звуку *ск* или *шк* (ср.: *скут, скили, сколот, эксампай* и др.) В. И. Абаев не смог отыскать аналогии в индоиранских языках и опрометчиво отнес его за счет кавказских языков. Необоснованность такого объяснения достаточно наглядно доказана в работах С. Я. Байчорова.

5. Европейские племена еще задолго до скифов в эпоху неолита знали и отлично владели и луком, и стрелами. Они хорошо знали и других стрелков из лука, скажем, киммерийцев, нисколько не уступавших скифам в этом искусстве. Так что европейским племенам, в том числе и германским, незачем было «специально» беречь этот термин для объяснения только названия скифов.

Суммируя все изложенное, можно уверенно говорить, что явные тюрко-монгольские особенности в антропологических характеристиках скифов находят столь же явные тюрко-монгольские следы в их языке. Существующая установка на «безукоризненную» ираноязычность скифов, базирующаяся на трудах В. И. Абаева, не выдерживает никакой критики.

Из этнографии скифов

Нарочитый блеск и действительная нищета скифо-иранской теории еще более очевидными становятся, если мы обратим внимание на быт, домашний уклад, повседневный обиход скифов, т. е. на их этнографию. Изучающему историю и культуру скифских племен при обзоре литературы не может не броситься в глаза сложившийся парадокс, или диспропорция, в исследованиях о скифах. Мы знаем множество работ о географии Скифии, реках, археологических памятниках Скифии, об идеологических воззрениях, социальном строе скифов и т. д. Но мы очень затруднимся назвать хотя бы одно цельное исследование, посвященное бытовой культуре скифов. Вероятно, это обстоятельство объясняется тем, что при первом же прикосновении к домашнему быту, утвари, пище скифов ломается сложившийся стереотип и обнаруживаются «ножницы» между их будто бы иранским языком и явным тюрко-монгольским бытом и традиционной культурой. И лишь только безудержный полет фантазии может свести эти «ножницы» воедино. Возможно, боязнь нарушить устоявшееся мнение и заставляет многих исследователей ходить в темных повязках в огромном историческом и культурном наследии скифских племен.

В историко-археологической литературе хорошо известна продуктивность и почти полная безошибочность ретроспективного метода при анализе археологических и этнографических материалов (С. В. Киселев, Н. Я. Мерперт, Е. Е. Кузьмина и др.). Пользуясь этим методом, как отмечалось, в советской археологии установлена непрерывная генетическая связь и родство древнеямной, срубной, скифской культур. К сожалению, ученые неоправданно остановились на скифах, искусственно прервав эволюционный ряд развития культуры. Попробуем разобраться, почему это было искусственным разрывом.

Если мы на протяжении четырех тысячелетий (от скифов до древнеямников) прослеживаем, ретроспективное этнокультурное родство, значит, есть возможность проследить и дальнейшее перспективное развитие, продолжение скифского этнокультурного комплекса? Можно сформулировать вопрос и иначе. Если на протяжении четырех тысяч лет можно проследить генетическое и этнокультурное родство скифов, то нельзя ли ретроспективно проследить истоки традиционной культуры народов на протяжении двух тысячелетий новой эры, скажем, от традиционной культуры тюрко-монгольских кочевников Евразийских степей до скифов? Может всплыть и третий вопрос: получила ли скифская культура, вобравшая в себя итоги 4-тысячелетнего развития евразийских племен, дальнейшее развитие или же она бесследно заглохла на скифах?

В поисках ответов на эти вопросы, представители тюрко-монгольских народов, наверное, особенно ощущают, что история действительно рядом, так как их повсеместно окружают те же предметы, та же утварь, та же традиционная пища, что и у скифов.

Многие аспекты этой темы мы уже вскрывали в своей упоминавшейся книге. К тем материалам, можно добавить еще многое.

1. Геродот описал весьма оригинальный скифский способ доения кобылиц при помощи костяной трубочки в виде флейты. Точно такой способ фиксирует у калмыков известный путешественник и ученый XVIII в. академик Паллас (В. В. Латышев).

2. Об интересном способе варить мясо Геродот писал: «Содрав с животного кожу, очищают от мяса, затем кладут его в котлы туземного изделия, зажигают кости животного и на них варят мясо; если котла не окажется, то вкладывают все мясо в желудки животных, подливают воды и зажигают кости; они горят отлично, а очищенное от костей мясо легко умещается в желудке. Таким образом бык сам себя варит» (Геродот. Кн. 4. С. 59–60). А. П. Смирнов писал, что «описанный Геродотом скифский способ варки мяса никем, по нашим сведениям, экспериментально не проверялся». Однако способ варки мяса в желудках животных просуществовал у казахов, балкарцев, карачаевцев вплоть до недавнего времени, особенно в условиях летних пастбищ, среди чабанов и пастухов (Д. Кшибеков, Ф. Бозиева).

3. У Геродота записана интересная скифская легенда о том, как некогда на их землю с неба упали (или были сброшены) золотые творения: плуг, ярем, бердыш и чаша. К этой легенде обращаются многие поколения ученых-индоевропеистов, строят на ее основе различные концепции о религиозных верованиях, мировоззрении, хозяйственном укладе, социальном строе скифов (Б. А. Рыбаков, Д. С. Раевский, А. Хазанов и др.). Но до сих пор никто не смог обнаружить и увязать прообразы этих предметов в астронимах индоевропейских народов. Ведь прежде чем упасть с неба, там должны были пребывать прообразы легендарных золотых предметов? Тем более отрадно недавнее открытие балкарского фольклориста М. Джуртубаева, раскрывшее астрологическую суть скифской легенды. По исследованиям фольклориста и собранному им полевому материалу созвездие Малой Медведицы балкарцы именуют МЫРЫТ ЖУЛДУЗЛА (в краткой форме: МЫРЫТЛА). МЫРЫТ – это сошник, лемех; возможно, что прежде так назывался и сам плуг.

Созвездие Ориона называется ГИДА ЖУЛДУЗЛА (кратко: ГИДАЛА). ГИДА – это боевой топор, бердыш; так же называется небольшой топор с обоюдоострым лезвием. Подобные топоры – довольно частая находка в археологических памятниках скифов.

Группу из семи звезд в созвездии Северной Короны, напоминающую по своей конфигурации чашу, балкарцы называют ЧЕМЮЧ ЖУЛДУЗЛА (или ЧЕМЮЧЛЕ). ЧЕМЮЧ – это небольшая чаша.

Созвездие Весов балкарцы именуют БОЮНСАЛА ЖУЛДУЗЛА (или БОЮНСАЛА), т. е. «созвездие Ярма». БОЮНСА – это ярмо.

Таким образом, в астронимах балкарцев мы обнаруживаем пока что единственные небесные праобразы легендарных скифских святынь.

4. Полевые изыскания М. Джуртубаева существенно дополняют сведения и об упоминавшемся скифском гадании на ивовых прутьях. Балкарцы в прошлом брали для гадания тонкие прямые ветки красного цвета ку-

старника «сипи». Срезать эти ветки для забавы не дозволялось, старались оберегать эти кустарники и от коз. Для гадания срезали 9 или 12 прутьев длиной в 40–50 см. Гадатель держал их в руке и предлагал желающему получить у него предсказание выдернуть не глядя один из прутьев, а потом говорил, что его ожидает. Отголоски этого гадания сохранились и поныне в гадании, именуемом ЧЕП ТАРТЫУ – «выдергивание прутьев».

5. Геродот писал, что скифы гадают и на липовом мочале, которое они раздирают натрое, перепутывают им пальцы и, разрывая, произносят предсказание. Параллелью этому гаданию, по материалам М. Джуртубаева, служило балкарское гадание: кусок новой шестяной нити (шинтагы) складывали несколько раз с промежутками, образующими кольца, потом продевали в них конец нити и дергали за оба конца. Прорицание выносили в зависимости от того, сколько узелков образовалось на нити, или не образовалось ни одного, или нить обрывалась.

6. Из предыдущих обзоров мы уже знаем, что курганы были привнесены на Алтай пастушеским населением, занявшим все пригодные для кочевого хозяйства степные и горные долины. Промерзшие курганы Горного Алтая дают исключительно важные сведения для дальнейшего раскрытия нашей темы. Сравнение скифских древностей с находками на Горном Алтае тем интереснее, что скифские памятники здесь датируются VIII–VII вв. до н. э., а значит, почти на два столетия древнее, чем в Северном Причерноморье. Обратимся к этим параллелям.

7. Известный скифский обычай сопровождать умерших чуть ли не табунами лошадей (до 360 останков лошадей в некоторых скифских курганах) существовал и у горноалтайцев. Огромное значение лошади в жизни горноалтайцев подчеркивается обязательным ее захоронением во всех могилах, независимо от возраста, пола и общественного положения захороненного (С. И. Руденко).

8. Хорошо известно, что войлок играл исключительно важную роль в быту скифов. Такое же место он занимал и в жизни горно-алтайских племен того времени. В курганах скифского времени на Алтае найдено множество изделий из овечьей шерсти. Из нее катались настенные и растилавшиеся на полу черные и белые кошмы. Войлочными были все потники, чепраки и покрышки конских седел, а также самые разнообразные одежды: мужские кафтаны, чулки, головные уборы и т. п. Войлоком был покрыт пол в погребальной камере одного из курганов, а подошва одной из пар женской обуви из того же кургана была покрыта узором из бисера и кристаллов пирита. В такой обуви можно было ходить по полу, только устланному войлоком или коврами.

9. В горно-алтайских курганах обнаружены сложной конструкции оборонительные щиты. Они были двух типов: большие и малые. Малые щиты прямоугольной формы (28 х 36 см) состоят из лоскута кожи с вплетенными в него в среднем 34 тщательно выструганными палочками. По краям лоскут кожи загнут на обратную сторону щита и там закреплен. На обратной же стороне щита сделана широкая петля из ремня, пропущенного с

лицевой стороны. Такие щиты найдены во многих курганах Алтая. Щиты больших размеров были 53 х 69 см, в них вплеталось до 52 выструганных палочек. Помимо кожи, связывающей палочки, щиты скреплялись еще двумя поперечными палочками: одной внизу, другой – несколько отступая от верхнего края.

По свидетельству археологов точно такого рода щиты были типичным скифским оборонительным оружием. Такой именно конструкции щит мы видим в руках сражающихся скифов на золотом гребне греческой работы из кургана Солоха (С. И. Руденко).

10. Геродот описал скифский способ скальпирования врагов: вокруг головы на уровне ушей делался надрез кожи (Кн. 4. С. 64). Точно такой способ скальпирования был обнаружен в одном из курганов Горного Алтая: прежде чем снять скальп с убитого, кожа спереди над лбом была надрезана от одного уха до другого, затем кожа была содрана с черепа (Второй Пазырыкский курган на Алтае).

11. В 71-й строфе IV книги Геродот пишет, что тело скифских вождей-базилевсов подвергалось бальзамированию. Для этого умершему разрезали живот, убирали внутренности и наполняли толченым кулером, ладоном, семенами сельдерея и аниса, потом сшивали и покрывали воском. Во многих алтайских курганах обнаружен в деталях повторяющийся способ бальзамирования и мумификации трупов не только вождей, но и рядовых членов общества.

12. Исключительно ценные параллели обнаруживает погребальный обряд горно-алтайских племен. Геродот писал, что тело умершего вождя скифы укладывали на повозку и возили от одного племени к другому. Кроме того, мы уже знаем с вами, дорогой читатель, что древнейшие погребальные повозки были обнаружены во многих курганах эпохи бронзы на юге Калмыцких степей, в Краснодарском крае у станицы Новотитарево, у сел. Утамыш в Дагестане. Много погребальных повозок найдено в курганах Горного Алтая. Одни из них были очень тяжелыми телегами, другие более легкими, но сложными по своей конструкции, с многоспицными колесами. Первые повозки имели колеса высотой до 40 см, толщиной до 30 см. Такие колеса вращались на осях длиной до 3 м. Второй вид повозок имел очень высокие колеса – до 150 см. Повозки имели крытые кузова, на гнутых прутьях держался войлок, покрывавший повозку. Над платформой одной из повозок было по четырем углам закреплено по одному шесту, на которых были укреплены войлочные фигурки лебедей. Погребальные повозки рассчитаны на дышловую запряжку четверки коней.

13. Как мы отмечали, погребальные камеры древних «ямников», «срубников» и скифов представляли собой срубы, покрытые бревенчатым накатом, настилом из коры и пр. Такие же бревенчатые дома представляли собой погребальные камеры горно-алтайских курганов. Площадь таких камер достигала 40 м^2, высота 4–6 м. Рубились эти срубы из толстых бревен, иногда камеры были покрыты войлоком, в других случаях перекрывались слоем спрессованных стеблей кустарника, порой несколькими слоя-

ми (до 40 слоев) бересты старых берез. Рядом с камерами укладывались штабелями трупы жертвенных лошадей (до 16 голов).

14. Скифы, как и древние срубники (Новотитарево, Утамыш), хоронили своих умерших на погребальных повозках в специальных колодах-саркофагах, выдолбленных из толстых стволов деревьев. Горно-алтайские саркофаги-колоды сравнительно однотипны, но двух вариантов: с двумя и четырьмя парами проушин на концах колод для их скрепления. Колоды выдалбливались из продольно распиленных толстых бревен лиственницы. Часто колоды и их крышки оклеены полосками бересты, снятой с молодых березок. Крышки колод украшались различными рисунками из войлока, бересты, медными бляшками, нарезными изображениями животных. На одном из саркофагов были изображены четыре тигра, идущих один за другим. Под ними изображения двух лосей, двух кабанов, трех горных баранов в различных позах.

15. Как известно, после похорон скифы совершали очистительные обряды. Геродот писал об этом следующее: «Окончив погребение, скифы очищают себя таким способом: головы они смазывают, а потом обмывают себе волосы; с телом поступают так: после того как они поставят три древка, наклоненных одно к другому, они покрывают их шерстяным войлоком и, создав круговую защиту как можно лучше, бросают раскаленные на огне камни в посуду, поставленную внутри этого шатра... В Скифии произрастает конопля... И вот после этого скифы, взяв семена конопли, подлезают под войлок и раскидывают затем семена поверх раскаленных на огне камней; брошенное курится, и получается такой пар (дым), что никакая уж эллинская парильня не превзойдет этого... Это служит им вместо омовения...» (Кн. 4. С. 73–76).

По заверениям исследователей, «во всех Пазырыкских курганах нами были найдены связанные между собой вверху не три древка, как писал Геродот, но шесть древков... Эти шестиноги были расставлены над медными сосудами прямоугольной формы, на четырех ножках и в форме скифского котла на поддоне. Оба сосуда были наполнены побывавшими в огне камнями, в них же были обнаружены семена конопли, частично обуглившиеся... К древку одной из шестиног была привязана кожаная фляга с семенами конопли. Эта шестинога была покрыта кожаным покрывалом художественной работы, а другая – войлочным» (С. И. Руденко).

Все без исключения отмеченные детали скифо-алтайских параллелей почти без изменений находят ближайшие аналогии в культуре и быту многих средневековых кочевников Евразийских степей: гуннов, половцев и др., почти полностью доживают до традиционной культуры тюрко-монгольских народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Кавказа и Алтая.

Для более наглядной иллюстрации соотношения культуры скифов с древними и средневековыми «катакомбниками», индоиранскими народами и тюрко-монгольскими племенами обратимся вновь к таблице:

Скифы	Древние и средневековые катакомбники, индоиранские народы	Тюрко-монг. племена и народы
Курганная насыпь	–	+
Погребальные повозки, срубы, колоды	–	+
Захоронения лошадей	–	+
Войлок в могилах и в быту	–	+
Употребление кумыса, конины	–	+
Способ доения кобылиц	–	+
Способ варки мяса	–	+
Гадание на прутьях	–	+
Бальзамирование трупов	–	+
Способ скальпирования	–	+

Приведенные в этом разделе факты позволяют сделать следующие выводы:

1. В исторической литературе о скифах незаслуженно забыты мнения и аргументированные доводы многих видных ученых прошлого о наличии среди массы «скифских» племен тюрко-монгольского элемента.

2. Нет в этой литературе и сколько-нибудь аргументированного отрицания присутствия среди этих племен представителей тюрко-монгольской расы. Этот вопрос попросту игнорируется.

3. Наличие среди «скифских» племен ираноязычного элемента отрицать невозможно. Оспаривается лишь утверждение о поголовном ираноязычии всех скифских племен.

4. Весь комплекс скифского погребального обряда (курганная насыпь, погребальная колода-саркофаг, захоронения лошадей, погребальные срубы) и бытовой культуры (доение кобылиц, употребление в пищу конины, кумыса и пр.) неразрывно сохраняется вплоть до наших дней в традиционной культуре тюрко-монгольских народов.

5. Тюркские языки находят прямые, совпадающие грамматически и семантически, параллели с языком скифов.

6. Бросается в глаза неправдоподобность массовой «забывчивости» всех без исключения индоиранских народов, не унаследовавших ни одного специфически скифского элемента культуры.

7. Такую «забывчивость» не может оправдать ссылка на переход к оседлости бывших кочевых племен, вследствие чего якобы могли отпасть условия, необходимые для сохранения элементов прежнего образа жизни.

8. Подобная ссылка не оправдывает потому, что эти элементы культуры не сохранили следа даже в фольклорном наследии и словарном фонде ираноязычных осетин, считающихся «прямыми потомками» скифов.

9. Выводы Ф. Брауна, А. А. Нейхардта, А. П. Смирнова, И. В. Куклиной и других скифологов о том, что все основные вопросы истории скифов

остаются дискуссионными, не потеряли своего значения и в наши дни. Проблема скифской истории и культуры требует тщательного, объективного, комплексного исследования с применением историко-сравнительного, культурно-типологического, ретроспективно-этнографического методов.

КТО ТАКИЕ АЛАНЫ И АСЫ?

Факты – это воздух ученого. Без них вы никуда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» – пустые потуги.

И. М. Павлов

В широких кругах любителей истории Северного Кавказа большой интерес всегда вызывает указанный в заголовке вопрос. Аланы и асы сыграли огромную роль в истории многонационального Северного Кавказа. На протяжении 1000 лет, с IV по XIV в. эти племена расселялись по Предкавказью, их археологические памятники изучены во многих районах края.

При беседах по этнокультурному наследию в таком густонаселенном регионе, каким является Северный Кавказ, с особым, вниманием надо относиться к словам М. И. Калинина: «С каким восторгом раскованные народы восстанавливают в памяти образы своих этнических и исторических героев. Каждый из них хочет как бы сказать всем народам СССР: «Смотрите, я являюсь не из чьей-то милости членом великого Союза народов, я не человек без роду и племени – вот моя родословная, которой я горжусь, хочу, чтобы вы, мои братья по труду и по защите лучших идеалов человечества, полюбовались моей родословной». Именно поэтому требуется большой такт и уважение к историческому достоянию каждого из народов, в истории которого аланы и асы оставили заметный след. К такому подходу в оценке исторического прошлого советских народов нацеливают нас новейшие документы КПСС.

В каждой беседе по затрагиваемой теме непременно должна присутствовать мысль о том, что однобокое, предвзятое толкование историко-культурного наследия наносит ощутимый урон важному делу интернационального воспитания трудящихся, подрывает исторические корни многовековых этнокультурных контактов наших народов. Одним из примеров однобокого толкования является глубоко укоренившееся мнение, что аланы и асы – это один и тот же народ, говоривший на одном, иранском, языке. Предлагаемые материалы позволяют проверить «на прочность» тот научный багаж, на основе которого укоренилось такое мнение. Подобное тождество, высказанное 180 лет тому назад академиком Г. Ю. Клапротом, никем и никогда не подвергалось сомнению, а после того, как 100 лет назад его поддержал другой академик – В. Ф. Миллер, идея стала чем-то вроде

безукоризненной аксиомы, кочующей из книги в книгу без всякого анализа аргументов этих видных ученых. Накопленный с тех пор научный материал заставляет усомниться в непогрешимости названных исследователей. Обратимся к фактам.

Что означают слова «ас» и «алан»?

Ответ можно начать с того, что этноним «ос» (овс) впервые встречающийся в грузинских источниках, исследователи считают видоизменением «ас» и отождествляют его с этнонимом русских летописей «ясы» (В. А. Кузнецов). Однако надо иметь в виду, что эти слова ни на грузинском, ни на русском, ни на ирано-осетинском языках не имеют смысла. Следовательно, надо искать ответ на закономерный вопрос: может ли какой-либо народ именовать других такими терминами, которые отсутствуют в его словарном фонде, если эти термины не заимствованы? А если заимствованы, то надо искать – откуда.

Слово «ас» на тюркских языках имеет множество значений, но «из большого перечня значений старейшими являются: *переходить, переваливать, перебираться через гору, возвышенность*» (Э. В. Севортян). Можно отметить такие топонимы, как «Ас-пах-таг», что на хакасском означает: «гора, имеющая перевал»; или же вспомнить название знаменитого горного массива близ города Алма-Ата «Ким асар», означающее «Кто преодолеет?».

На чувашском языке «ас» означает: *беситься, шалить, озорничать*. В таком же значении оно употребляется у балкарцев и карачаевцев применительно к шаловливому, непослушному подростку.

Встает вопрос: каким же образом термин «ас» превратился в этноним? На наш взгляд, на этот вопрос проливает свет одна древнетюркская легенда. После кровопролитного сражения был уничтожен весь древний род. Чудом оставшемуся в живых мальчику враги отрубили руки, ноги и выбросили в реку. Его спасла волчица, унесла в горы Алтая и родила от него несколько сыновей. Род этот постепенно разросся, и из пещер Алтая в долину переселился род одного из сыновей, именовавший себя «Асян». Этот термин состоит из двух слов: «ас» и «ян». Смысловый перевод его с тюркских языков означает: «сторона горного перевала», «душа горного перевала». В любом случае этноним очень близок к понятию «горец», «горцы». Так из географического термина «ас» родился этноним, как, например, от слова «тау» – *гора* происходит «географическое» самоназвание балкарцев – «таулу». Следовательно, этноним «ас» восходит к понятию «горный перевал», «переваливать через горы» и легко увязывается с тем, что говорили о своем происхождении сами древние тюрки: о горных массивах Алтая, перевалив которые, они очутились на равнине.

Вполне возможно и другое объяснение: от слова «озорничать», «беситься», т. е. быть непокорным, непослушным, по аналогии употребления термина «ас» в чувашском и карачаево-балкарском языках. Для полноты ответа надо сказать и о том, что в этнониме «асян», «ашин» отразился и тотемный волк древнетюркского рода. Эти слова на арабском языке означа-

ют «благородный волк», а, согласно китайским источникам, у тюрков слова «хан» и «волк» суть синонимы. Древние тюрки нередко говорили, что «хан по своим свойствам есть волк».

При разъяснении слова «алан» ученые, как правило, ограничиваются упоминанием мнения В. И. Абаева о том, что это слово есть не что иное, как авестийское «арйа», т. е. «арийский», или же точкой зрения Г. Вернадского, возводящего слово «алан» к древнеиранскому «елен», т. е. олень. Эти точки зрения весьма оригинальны, но беда в том, что из множества античных, византийских, арабо-персидских, армянских и грузинских авторов ни один не сохранил за аланами подобные имена – «арйа» или «елен». Наоборот, все без исключения сведения, исходящие из уст современников аланов, неизменно именуют их только термином «алан», ни разу его не исказив.

Возникает и другое препятствие. Дело в том, что В. И. Абаев декларативно приписывает древнеиранскому языку отсутствующее в нем слово «сака» для обозначения того же оленя. Видимо, иранист должен был выяснить свои отношения с мнением Г. Вернадского, прежде чем вводить читателей в заблуждение многочисленными натяжками в этимологиях скифо-аланской ономастики посредством мифического «древнеиранского» слова «сака» (В. И. Абаев).

Необходимо попытаться найти более достоверное и правдоподобное толкование термина «алан». Попытки карачаевских авторов связать его с термином «оглан» или «улан» также неубедительны.

На алтайском, татарском, турецком языках слово «алан», «йалан» означает: *долина, опушка, поляна* и, вероятно, восходит к тюркскому корню «ал», т. е. «низ» (Р. А. Агеева). Словообразовательный аффикс «ан» (варианты: «нан», «гъан», «дан») во многих тюркских языках указывает на привязанность, принадлежность к чему- или кому-либо. Отсюда можно предположить, что слово «алан» применительно к населению означает понятие: «долинный», «равнинный», а в буквальном смысле – «из низины», т. е. *степняк, степной*. Аффикс «ан» присутствует и в термине «асян», указывая на привязанность к горе, возвышенности, перевалу.

Таким образом становится возможным предположить, что два тюркских географических термина «ас» и «ал» послужили основой образования двух этнонимов – асы и аланы. В таком случае могут оказаться близкими к истине и слова Аммиана Марцеллина, автора IV в., что название народа алан происходит от названия гор, и точка зрения Э. Шерпантье, К. Мюлленгофа о том, что «название народа *алан* происходит от названия горного массива на Алтае». Как видим, взгляды этих ученых совпадают с тем, что говорилось о роли Алтайских гор в легендарном происхождении древнетюркских племен. Важно учитывать, что эту точку зрения высказал и поддерживал К. Мюлленгоф, один из ярых сторонников ираноязычности аланов.

Со своей стороны можно лишь добавить, что не исключена возможность того, что этноним «алан» происходит не от названия гор, а что он был дан горцами Алтая населению, покинувшему горы или жившему в долинах, тем самым противопоставляя асов-горцев и аланов-степняков.

Как часто это бывает в истории, вероятно, покинувшие горы и расселившиеся в долинах асы быстро начали смешиваться с иными этническими группами. А это в конечном итоге ведет к языковой и этнокультурной ассимиляции. На равнине этот процесс идет значительно быстрее, чем в горах. Собственно говоря, на этот процесс откровенно намекают китайские источники, повествующие о том, что асы, переселившись с гор на плоскость, «сделались подданными жужжаней и стали плавить для них железо» (Н. Я. Бичурин). Можно добавить, что подданными народ никогда не становится без военного насилия и притеснения. Не об этих ли военных столкновениях с некими степными асами многократно говорят древние надписи тюрков, живших на берегах Орхона и Енисея?

Что говорили об асах и аланах древние авторы?

Аланы и асы на исторической арене появляются одновременно и примерно в одних и тех же районах, где ранее обитали скифо-сарматы. У Аннея Лукана и Сенеки повествуется, как в 65 г. до н. э. Помпей при своих походах в Закавказье сталкивается с аланами. На рубеже двух эр Дионисий соединяет аланов с даками в устье Дуная. Страбон в 18 г. н. э. писал, что «самые северные племена, занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, называются роксоланами». В 72 г. н. э. Плиний также размещал аланов «подле роксоланов к северу от устья Дуная». Кроме того, он говорил, что «к северу от Истра вообще все племена считаются скифскими», и среди них перечислял аланов и роксоланов.

Поэт I в. н. э. Валерий Флакк помещает аланов на Кавказе, рядом с гениохами (т. е. кучерами). Он же называет их правителя по имени *Анавси* (очень близкое к балкаро-карачаевскому *Оноучи* – руководитель, советник, распорядитель). Современник Флакка и коллега по перу Лукиан писал, что боспорский царь Левканор был женат на аланке по имени *Мастира*, братья которой жили в Алании. Выдающийся античный картограф Клавдий Птолемей (120–170 гг. н. э.) писал, что «заселяют Сарматию (Европейскую) очень многочисленные племена», в числе которых указывал: «...по всему берегу Меотиды – языги и роксоланы; за ними далее в глубь страны – гамаксобии (кибиткожители. – *И. М.*) и скифы-аланы». Профессор Ю. Кулаковский считал, что в этом отрывке Птолемея термин «алан» не носит понятия отдельного народа, а используется как приставка к имени скифов. В связи с этим очень интересна такая же приставка к имени сарматов у автора IV в. Маркиана – «алан-сармат».

Если признать мысль Ю. Кулаковского, а сомневаться в его знаниях первоисточников трудно, есть возможность предположить, что в упомянутых терминах «скиф-алан», «алан-сармат» (с учетом отмеченных выше значений слова «алан»), можно видеть степных, равнинных скифов и сарматов, т. е. кочевых подразделений этих племен.

В своем описании «Европейской Сарматии» Птолемей, определив ее восточные границы рекой Танаис (Дон) и берегами Меотиды (Азовское море. – *И. М.*), уточняет месторасположение так называемых Аланских

гор, по соседству с которыми размещались у него аланы и гамаксобии. К. Мюлленгоф и И. Томашек видели в горах южные отроги Уральского хребта, а Гильом Рубрук в 1256 г. определенно намекает на то, что Аланские горы – это Западный Кавказ.

Хотя еще во времена Лукана римляне знали аланов как народ прикавказский и Валерий Флакк в поэме «Аргонавты» называл их *народом кавказским*, все же наиболее конкретные сведения об участии аланов в кавказских событиях имеются у Светония, Диона Кассия, Иосифа Флавия и Аммиана Марцеллина.

Светоний (75–100 гг. н. э.) писал, что парфянский царь Вологез III просил римского императора Виталиана (69–79 гг. н. э.) прислать ему на помощь войска против вторгшихся аланов. А Дион Кассий, описывая события 135–136 гг., сообщает, что иберийский царь Фарасман II подговорил аланов напасть на Мидию против парфянского царя Валарша (Вологеза?) и пропустил их через свои земли. Набег этот был главным образом на Мидию, пишет В. Ф. Миллер, но так как римляне предприняли ряд военных операций в Каппадокии (Малая Азия), то боязнь римского войска спасла Армению и Каппадокию от разграбления аланами. Аланы вынуждены были отступить в свои земли, пользуясь огромными дарами, которыми их осыпал Вологез/Валарша.

Более полные сведения об участии аланов в событиях Закавказья оставил Иосиф Флавий (37–100 гг. н. э.). Он писал, что в 68–71 гг. аланы, «живущие вокруг Танаиса и Меотийского озера, замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию (Иран и Азербайджан. – *И. М.*) и еще дальше ее, они вступили в переговоры с царем ирканцев, ибо он владел проходом, который Александр запер Железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну, причем никто не осмеливался им противиться, ибо и царствующий в этой стране Пакор, убежав от страха в неприступные места, отступился от всего остального и лишь с трудом выкупил сотнею талантов жену и наложниц, попавших в плен. И так, производя грабеж с большою легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении, все опустошая. Царем Армении был Тиридат, который, выйдя к ним навстречу и дав битву, едва не попал живым в плен во время самого боя, а именно: некто издали набросил ему на шею аркан и готовился уже притянуть его, если бы он не успел, перерубив мечом веревку, убежать. Аланы, еще более рассвирепели вследствие битвы, опустошили страну и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычи из обоих царств» (В. В. Латышев). Поскольку Иосиф Флавий довольно точно знает места обитания аланов в устье Дона и у Азовского моря, значит, домой они вернулись именно в эти места.

Не совсем ясным остается вопрос о том, где локализовать «Железные ворота». Дело в том, что такими воротами древние авторы называли и Дербентский проход, и проход Бузгала (Ледяная крепость) в юго-западной части Гиссарского хребта. Последний в древнетюркских надписях VII–VIII вв. именуется «Темир-капу», т. е. *Железные ворота*, точно так же именовали тюркские народы и Дербентские ворота.

О расселении аланов на территории Предкавказья рассказывает Аммиан Марцеллин (род. в 330 г. н. э.).

Вот как он описывает события 353–378 г., касающиеся покорения аланских племен гуннами: «Вокруг этих болот (Меотиды. – *И. М.*) живут разные по языку якзаматы, меоты, языги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны, агафирсы и другие неизвестные, вследствие того что живут вдали от всех... Семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий, которые возбудили воинственную ярость... послужила, как нам известно, следующая причина: племя гуннов живет за Меотийскими болотами у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости... Их потому называют самыми яростными воителями, что издревле сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашном рубятся очертя голову, уклоняясь от ударов, набрасывают на врага аркан и опутывают... (вспомните, как аланы набросили аркан на Тиридата. – *И. М.*). Этот подвижный, неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до аланов, прежних массагетов. Раз коснувшись их, нелишне будет объяснить, откуда они происходят и населяют земли, показав при этом запутанность географической науки. Истр (т. е. Дунай. – *И. М.*) со множеством притоков течет мимо земли савроматов, простирающейся до Танаиса, составляющего границу между Азией и Европой. За нею тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое имя от гор. Они малопомалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них свое имя подобно персам». Далее Аммиан Марцеллин рассказывает, что аланы были некогда разделены «по обеим частям света. Их владения приближались к Азиатским землям и простирались, как я узнал, до самой Ганги, пересекающей Индийские земли и впадающей в южное море. Однако с течением времени они приняли одно имя и теперь вообще называются *аланами* за свои обычаи, дикий образ жизни и одинаковое вооружение». А прежде, повествует автор, они представляли множество племен и, «живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывали на огромные пространства». Описав способ перекочевки с места на место, пастушеский образ жизни аланов, Аммиан говорит, что аланы «во всем похожи на гуннов и по варварскому обычаю втыкают меч в землю и поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют». Этот варварский обычай, перенятый аланами, очень напоминает скифский и гуннский обычай поклонения мечу.

Как и многие другие авторы, Аммиан Марцеллин не считает аланов только одним в языковом и этническом отношении народом, а признает за термином «алан» собирательное, географическое понятие. К такому же выводу пришел в свое время крупнейший знаток истории аланов профессор Ю. Кулаковский.

Он писал: «...считаем вероятным, что национальное имя *алан* имело в ту пору очень широкое распространение и обнимало кочевые племена по обеим берегам Танаиса». Этот вывод и в наши дни признается подавля-

ющим большинством ученых. Мнению Марцеллина придавали большое значение Н. Нейман, К. Мюлленгоф – известные сторонники ираноязычности аланов.

Почти у всех перечисленных авторов I–II вв. наряду с аланами примерно в тех же районах отмечаются и *асы*. Страбон писал, что среди скифских кочевых племен на Яксарте (Сырдарье. – *И. М.*) живут племена *асии*. Есть у него упоминания и о племени *ассиак, аттасии,* которых исследователи отождествляют со средневековыми асами (В. А. Кузнецов).

В середине I в. поэт Лукан писал, что асы – это скифское племя, живущее у Танаиса и Меотиды, а Плиний отмечает в 72 г. *ассиев* в устье Дуная, где размещал и аланов. У Птолемея значатся племена *ас-саи,* также расположенные у Танаиса и Меотиды, т. е. там же, где он размещал и аланов.

Из этих фактов становится очевидным, что племена аланов и асов в первых же ранних европейских источниках размещаются в одних и тех же местах – у берегов Танаиса и Меотиды, в устье Дуная и Предкавказье.

По мнению ряда ученых, асы античных источников – это *усуни* китайских авторов (Н. А. Аристов). В таком случае весьма уместно напомнить, что родоплеменные группы асов и усуней сохранились в различных подразделениях современных ногайцев (И. Х. Калмыков, Р. Х. Керейтов, А. И. Сикалиев). Эта информация приобретает особое звучание в сопоставлении с тем, что «потомки усуней в Западном Тянь-Шане и поныне именуют себя кыргызами» (Н. А. Аристов). В связи с этим необходимо вспомнить упоминавшуюся древнетюркскую легенду о тюрках-асах. Л. Н. Гумилев полагает, что описанные в ней события относятся к кровопролитной войне гуннов в середине или в конце I в. н. э. А, как известно, один из сыновей мальчика-гунна и волчицы был родоначальником кыргызов Енисея и Абакана.

Если признать правильным мнение Л. Н. Гумилева о том, что описанные в древнетюркской легенде события могли относиться к войне гуннских племен, то получается, что асы – это потомки того легендарного гуннского мальчика и представляют, по эпически переработанным представлениям тюрков, одно из подразделений гуннов. Вероятно, поэтому вместе с массовым движением гуннов на запад становятся известными Страбону, Плинию, Птолемею и другим античным авторам имена племени асов в форме «ассиак», «аттасии», «асии» и т. п.

Гонимые воинственными гуннами степные, кочевые племена, обитавшие в «аланье», т. е. в долинах, получили со временем в устах их современников название «аланы», которое стало в письменных источниках их этнонимом.

Примерно так могло сложиться образование этнонимов «алан» и «ас».

Мощные события рубежа нашей эры, связанные с разделением гуннов на восточных (эфталитов) и западных (кидаритов), активные военные действия предводителя и объединителя гуннов Модэ, образование могущественного объединения в степях Приаралья и Сырдарьи – все это вызвало большие этнические перетасовки, в движение пришли все обитатели Евразийских степей. Результатом и последствием великого переселения народов могли быть зафиксированные в X в. на Иртыше племена *ас-киши,*

аш-дигоры в VII в. на Северном Кавказе, тюркоязычные *асы* в Крыму, Западном Предкавказье и у Дарьяльского прохода в XIV в.

Теснимая с насиженных мест у берегов Сырдарьи и Арала многочисленная пестрая масса племен сако-массагетского круга устремляется на европейские равнины. Сюда проникает множество кочевого населения. Для европейцев, и особенно для эллинов, все они по сходству нравов, хозяйственного уклада, способу передвижения на повозках, с массой скота и прочего скарба, были одинаково варварами. Все они по старой памяти скифо-сарматского времени именовались «номады» – кочевники, «кибиткожители» (гамаксобии), «гениохи» (кучера) и пр.

В связи с этим положением все еще остается неразработанной проблемой и ждет своего исследователя один интересный момент: когда Иосиф Флавий и Аммиан Марцеллин называют аланов «прежними массагетами», то этого порой отдельным авторам достаточно, чтобы признать «ираноязычное» родство скифов и аланов. А когда Дионисий Периегет (90 г. н. э.), Клавдий Клавдиан (395 г. н. э.), или Приск Панийский (V в.), Зозим (V в.) называют гуннов скифами, то здесь многие ученые пытаются объяснить этот факт тем, будто бы древние авторы объединяли их исключительно только по образу жизни, кочевому быту, и ни в коем случае не допускают мысли об этноязыковом родстве гуннов и скифов. Вот этот феномен еще нуждается в тщательном и всестороннем изучении.

Теперь вернемся к событиям, связанным с аланами и асами на Кавказе. Аланы и асы расселяются на Кавказе одновременно. Мы уже отмечали, что аланы в I в. участвуют в больших закавказских событиях. Грузинские источники повествуют об участии в этих событиях и асов. Как правило, они именуются здесь термином «овс», в основе своей восходящим к этнониму «ас» (Леонти Мровели, В. А. Кузнецов).

В древнегрузинских хрониках повествуется, как в 70-х гг. I в. цари Азорк и Армазел призвали на помощь в борьбе с армянами овсов во главе с их предводителями по имени Базук и Анбазук. Имена этих богатырей на тюркских языках означают «Толстый» и «Наитолстый» и тем самым оправдывают их богатырскую силу, которую отмечали источники.

В 182–186 гг. овсы предпринимают вторжение в Грузию с целью взять город Мцхети. Интересно, что в этой войне упоминается битва царя Амзаспа с богатырем-овсом по имени Хуан-ху.

В 262–265 гг. грузинский царь Асфагур открыл ворота Кавказа (вероятно, Дарьяльский проход) и пропустил овсов, леков и хазар, чтобы вместе с ними воевать против персов (В. Ф. Миллер).

Очередное нашествие овсов/осов на Грузию было совершено при малолетнем царе Вахтанге Горгасале (446–499). Когда ему было десять лет от роду, напали овсы и угнали много пленных, и в их числе его трехлетнюю сестру Михрандухт. Совершив свое опустошение, они вернулись к себе через Дербентские ворота (а не через Дарьял), что свидетельствует о том, что земли овсов были севернее Дербента. В те же районы помещает царство гуннов и их столицу Варачан Мовсес Хоренаци, автор V в.

Через шесть лет юный Вахтанг снаряжает огромное войско и идет на овсов. Преодолев Дербентский проход, Вахтанг разгромил войска овсов, забрал свою сестру, выменяв ее на 30 тысяч плененных им овсов. Исследователи единодушны в том, что овсы, воевавшие с Вахтангом, – это гунны Северного Кавказа V в. Кроме того, они считают, что вторжение овсов в Грузию в точности совпадает со сведениями о походе гуннов в Закавказье и Переднюю Азию во времена Приска Панийского.

Один из добросовестных авторов V в., неоднократно гостивший в ставке гуннского царя Аттилы, специалист по кочевническим вопросам римской дипломатии – Приск – подробно описал поход гуннских витязей Басиха и Курсиха через кавказские перевалы и их обратный путь через Дербентский проход. В его сообщениях особенно важно, что указанных предводителей-гуннов он называет скифами «из царского дома». Со своей стороны, нам хотелось бы высказать предположение, что имена Басих и Базук представляют собой одно и то же имя гуннского воителя. В контексте с сообщениями Приска приобретают еще большую силу слова Прокопия Кесарийского, писавшего в 527 г., что Дарьяльским проходом до 507–508 гг. владели гунны под предводительством Амбазука. Встает вопрос: не эти ли имена и события зафиксированы во «Вставке» в хронику Леонти Мровели?

В VI в. учащаются сведения о кавказских аланах, особенно о прикубанских. Прокопий Кесарийский помещает их между сванами, абхазами и гуннами Терско-Кумских степей, владевших Дербентским проходом. В 558 г. через земли этих аланов проходил византийский посол Земарх, возвращавшийся от восточных тюрков после переговоров с их царем Дизибулом. Царем верхнекубанских аланов в эти годы был Саросий. В 576 г. аланы Прикубанья были разбиты и подчинены тюркам, а в 40-х гг. VII в. на Кубани образовалось государство болгар, так называемая *держава Кубрата*. После этих событий почти на целое столетие аланы исчезают со страниц письменных источников.

Судя по археологическим памятникам, они покидают районы Прикубанья и Кавминвод и сосредоточиваются в бассейне Терека, Центральном Предкавказье. В Прикубанье остаются небольшие островки «аланов – носителей земляных катакомб», известные нам по могильнику Мокрая Балка, Байтал-Чапкан и некоторым другим, еще не до конца изученным захоронениям VII–VIII вв.

«Армянская география» VII в. довольно четко очерчивает территорию аланов в центре Северного Кавказа. В этом документе сказано: «За дигорами, в области Ардоз Кавказских гор, живут Аланы». В. Ф. Миллер отождествил область Ардоз с Владикавказской равниной. По данными письменных и археологических источников, устанавливается, что с VII в. в Западном Предкавказье, включая районы верховьев Кубани, Малки, Баксана, по соседству с абхазо-адыгами жили асы, а восточнее, по соседству с вайнахскими племенами – предками чеченцев и ингушей, в бассейне Терека, т. е. примерно в «области Ардоз», обитали аланы. В этом районе получила

концентрацию и развитие эталонная аланская археологическая культура, так называемый «восточный вариант аланской культуры» (В. А. Кузнецов).

В период господства болгар и хазар в VII–IX вв. имя аланов редко фигурирует в письменных источниках. Есть, например, сведение Феофана о том, что посол Юстиниана II по пути в Абхазию посетил аланов, царем которых в то время был некий *Итас*.

В IX–X вв. имя аланов вновь начинает пестрить в сообщениях византийских и арабских авторов. Эти известия хорошо освещены в литературе (В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов). Мы хотим напомнить одно сведение Масуди (985), на которое, как нам кажется, не обращено еще серьезного внимания. Речь идет о его словах о том, что «царство аланов представляет беспрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов». Это сведение часто цитируется, но исследователи не обратили внимания на тот факт, что в них явно дается намек на то, что аланы жили в предгорьях и на равнине. В горах такое размещение поселений невозможно. О том, что аланы во времена Масуди действительно жили на равнине, говорят его следующие слова: «*Между царством Аланов и горами Кабх есть крепость и мост, перекинутый через громадную реку. Эта крепость называется «Крепость Алан»... Там размещается стража для защиты от аланов дороги к горам Кабх*». Н. А. Караулов, комментируя эти слова, пытается доказать, что эта крепость идентична башне у Дарьяльского прохода. Его мнение нашло отражение в литературе, хотя сам Масуди совершенно однозначно пишет, что в этой крепости размещалась стража для охраны от аланов дороги к горам. В другом месте своего трактата автор подчеркивает, что крепость эта находилась в устье большой реки, в которой трудно не узнать Терек. Вот его слова: «Большая река по имени Курк-руд, что означает Волк-река, принимает в себя все воды, стекающие с гор Кабк, и впадает в море недалеко от Бабуль-Абваба. Большой мост пересекает ее устье – замечательное сооружение, подобное мосту Санджа». Один из рукавов Терека до сих пор именуется *Берючюк*, т. е. «Волчонок».

В сообщениях арабского автора бросается в глаза и такой факт: река Терек сопровождается определителем «руд», как и реки в Иране, Афганистане, а не термином «дон».

В XI–XII вв. имя асов все чаще начинает фигурировать в русских и грузинских документах. Между асами Северного Кавказа и царствующими дворами Грузии устанавливаются тесные родственные связи, заключаются династические браки. Видным политическим деятелем асов, поддерживавшим тесные политические связи с Грузией и Византией, был асский царь Дургулель Великий. Грузинский царь Баграт IV (1027–1072) был женат на сестре Дургулеля, княжне Борене. На дочери Баграта и Борене, Марии, женился византийский император Михаил Дука.

Царь Грузии Георгий III (1156–1184) был женат на прекрасной Бурдухан – дочери асского царя Худдана.

Русские летописи одиннадцать раз упоминают асов/ясов. В этих сообщениях интересно, что князь Андрей Боголюбский был женат на ясыне

родом из болгар. У этой ясыни и Андрея Боголюбского родился сын Юрий. После смерти отца Юрий был вынужден бежать из Киева на Северный Кавказ к родственникам своей матери – к кипчакам и хазарам (П. Бутков). Здесь, на Кавказе, Юрий женится на дочери Георгия III и Бурдухан – царевне Тамар, которая после смерти отца села на царский престол в Грузии. В Грузии Юрий был переименован в Георгия, брак его с Тамар был недолгим, всего несколько лет (с 1185-го по 1187 г.). В 1189 г. Тамар вторым браком выходит замуж за Давида Сослана – сына асского царя. Давид воспитывался при царском дворе Грузии у бездетной тети Тамар – асской принцессы Русудан, т. е. у сестры Бурдухан.

В 1222 г. аланы в союзе с кипчаками/половцами первыми из народов Восточной Европы испытали на себе удары монголо-татарских полчищ. Ибн аль-Асир рассказывает, как монголы обманным путем расторгли союз аланов и кипчаков, а затем разграбили их по отдельности в степях Предкавказья, Подонья и в Крыму.

В XIII–XIV вв., как и прежде на протяжении более тысячи лет, аланы и асы живут в тесном соседстве в горах Центрального Кавказа, в Крыму, Подонье. В XIV в. асов-тюрков в Крыму, Западном Предкавказье и у Дарьяльского прохода знают выдающиеся арабские географы Инб Саид и Абу-л-Фида. В горах Балкарии и Карачая отмечают асов в 1395–1396 гг. Знают об этом и летописцы Тимура. По словам Шереф ад-Дина Йезиди и Низам ад-Дина Шами, отряды войск Тимура вели очень длительную борьбу с «правителями народа асов» в горах Эльбруса (Г. Тизенгаузен).

Интересные сведения об асах Подонья, Приазовья и Волжской Болгарии содержатся в русских летописях. Так, Ипатьевская, Воскресенская, Троицкая, Киевская и другие летописи под 1116 г. повествуют, что князь Ярополк Владимирович «ходи на половецкую землю к реце зовомой Дон и ту взя полон землю, грады Суров, Шарукан и Балин... и приведе с собой *ясы* и жену полони *ясыню* красну вельма». В этом сведении нельзя не обратить внимания на тот факт, что русский князь **ходил войной на половцев/кипчаков,** разгромил их города, **а в плен привел асов** и жену себе полонил ясыню.

В связи с этими фактами уместно напомнить, что монголы, по словам Г. Рубрука, кипчаков, живущих на Дону и Донце, называли *ак-асами* (П. Бутков). Если к этим сведениям добавить, что жена Андрея Боголюбского была «ясыня родом из болгар», то нельзя не допустить, что древние асы-гунны входили составной частью в этническое объединение болгарских племен, а затем, при господстве в Южно-Русских степях кипчаков, влились в их состав, как, впрочем, и все другие тюркские племена бывшего Хазарского каганата. Такие явления – вполне реальная историческая закономерность. Имя скифов позднее покрывалось именем савроматов и сарматов, а те, в свою очередь, были поглощены именем аланов, имя гуннов было заслонено их потомками-болгарами, а те, покорившись хазарам, перестали фигурировать в письменных источниках. Прежние родовые или племенные имена, поглощенные более сильными и политически более активными племенами, лишь изредка могли всплывать на поверхность исторических событий и документов.

Значительные переселения половцев/кипчаков в Венгрию были в 1237 г. под предводительством хана Котяна и позднее, в 1241 г. Венгерские летописцы, описывая эти переселения, называют половцев – *куманы, куны*. Сербский архимандрит Руварц писал, что, гонимая татарами, «вместе с половцами или куманами пришла и толпа ясов из Молдавии в Венгрию, и что от них происходят те, которые называются в грамотах и законах венгерскими «яссонес» и почти всегда упоминаются заодно с куманами». Земли, где расселялись эти куманы в Венгрии, всегда значатся вместе с «яссами», входят в одну административную единицу и именуются одним и тем же этническим названием «Ясскунок», т. е. Ясс-Куман (Ю. Немет). В контекст этих сведений весьма удачно вписываются события, связанные с борьбой между сыновьями Ногая – Текой и Джеке. Как повествуют Пахимер и Рукнеддин Бейбарс, Джеке после неудачи бежал в свои владения на Дунае, «в страну асов», где находился предводитель его 10-тысячного войска (Г. Тизенгаузен, Ю. Кулаковский).

В Молдавии имя асов закреплено в названии города Яссы, в названии области или «господства» Яшко.

В жизнеописании архиепископа Даниила II (1323–1337) упоминается: «Яси или език яшьски в товариществе с Татарами и Турками. И как език яшьски около 1313 г. помогал кралю Милутину (сербскому королю. – *И. М.*) против его неприятелей, так точно в 1330 г. мог сражаться за царя болгарского против краля сербского».

Дело в том, что в 1330 г. против сербского короля была создана коалиция венгерских, болгарских, молдавских и других князей.

В связи с этим Копривицкая летопись под этим годом сообщает: «В лето 6838 (1330 г. – *И. М.*) изиде начальник скифский, глаголемый Михаил царь, с силою многою, и с ним окрестные езицы, глаголю же Татари, Басараби с прочими...» Очень важно заметить, что в «Краткой истории болгарского народа» этот Михаил-царь назван болгарским царем. Так же именуют его и другие исторические документы, в т. ч. и указанная летопись. Следовательно, налицо отождествление понятий: скифский и болгарский.

Из приведенного обзора становится очевидным, что этнонимы «алан» и «ас» появились в письменных источниках в одно и то же время – на рубеже первых веков. Оба народа на протяжении 14 веков жили в тесном общении и постоянном соседстве и в Подунавье, и на Алтае, и на Кавказе, и в Южно-Русских степях.

Что мы знаем о языке, ономастике и топонимике аланов?

Многочисленные средневековые авторы, жившие во времена аланов, близко их знавшие, оставили достаточное количество сведений об их образе жизни, нравах и местах обитания, но ничего буквально не сказали об их языковой принадлежности. Все, что нам преподносится об их языке, строится на ирано-осетинской этимологии отдельных аланских личных имен и терминов, содержащихся в нескольких документах.

Но в последние годы выдвигаются весьма серьезные тюркские альтернативы ирано-осетинским толкованиям этого материала (В. И. Абаев, М. А. Хабичев, М. З. Закиев, А. М. Байрамкулов, Х. -М. И. Хаджилаев, С. Я. Байчоров, И. М. Мизиев и др.).

Для наглядности можно привести хотя бы некоторые явно тюркские имена аланов, которые с ирано-осетинского языка либо вовсе не объясняются, либо объясняются с невероятными натяжками. Вот всего несколько иллюстраций к сказанному:

Аланские	По В. И. Абаеву	Тюркско-балкарские
Алда	Встречается в осетинском фольклоре	Впереди, передовая, т. е. предводитель
Адах	–	Обет, обещанный
Аспар	«Асп» – лошадь, конь	Гордый, благородный
База	«Базу» – плечевая кость	Сила, мощь, опора
Буюргур	«Бева» – много, «корун» – правящий	«буюр» – приказывать; «буюргур» – повелитель
Еохар	«Ей» – есть, «хвар» – просо, т. е. просоед	«Ав» – один из родов огузов; «гур» – народ, племя. Эпоним огузского рода
Кандак	«Кан» – конопля, отсюда: холст, холщовый	«Кан/хан» – князь; «Кандык» – будущий хан;
Хаскар	–	«Каскыр» – волк

Возможно, и приведенные тюркские значения могут вызвать отдельные возражения, но вполне очевидно, что они представляют более правдоподобное смысловое соответствие именам царствовавших особ, нежели «просоед» или «холст». Сомнительно, чтобы утопавший в роскоши аланский царь V в. Кандак мог носить имя «Холщовый».

В европейских местах обитания аланы оставили о себе память на картах XIII в. – более 20 топогидронимов, содержащих явный термин «алан». Поэтому определенный интерес вызывает тот факт, что на территории основной интеграции аланских племен в осетинский народ – в Северной Осетии – мы не имеем ни одного топонима, содержащего этот этноним.

Когда речь заходит о языке аланов, как правило, ученые ссылаются на так называемое аланское приветствие византийского поэта и писателя Иоана Цеца (1110–1180). Выдающийся поэт своего времени передал аланское приветствие в поэтической форме. Этот факт признается всеми учеными. Следовательно, можно предполагать, что буквальный перевод, как правило, бывает далеко не связным текстом. Так получилось и в данном случае. Для эпохи XII в. приветствие звучит довольно странно: «Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты? Тебе не стыдно, госпожа моя?» Надо полагать, что подобное приветствие, вероятно, было послед-

ней фразой в жизни того самого алана, который так опрометчиво приветствовал свою повелительницу. Видимо, так искажена фраза из-за дословного перевода.

Это приветствие осетиноведы считают неоспоримым свидетельством того, что аланы были ираноязычными, так как пытаются объяснить его из ирано-осетинского языка. Нам уже приходилось писать, что, пытаясь подогнать текст приветствия к осетинским терминам, ученые прибегают к очень большим искусственным вариациям. Однако текст Иоана Цеца все еще нуждается в тщательном изучении. Достаточно обратить внимание на следующие прямые параллели, чтобы убедиться в этой необходимости:

Иоан Цец	В. И. Абаев	Тюркско-балкарские
Та	«Та» – твой	–
Пан	«Бон» – день	–
Мас	«Ма» – мой, моя	«Маз (д)» – величие, благородство; «Мазаз» – поклонение, поклоняющийся
Фули	«Эфсин» – хозяйка, госпожа	«Вали» – правитель, повелитель; «Фал» – предзнамение
Коина	«Хсина», «Эхсина» – госпожа	«Хоина» – расположенный где-то, откуда-то
Хотн	–	«Хатын» – госпожа
Хос	«Хорз», «хварз» – хороший, добрый	«Хош» – добрый, хороший, приятный, радушный
Кордин	«Кордигай кайфисэ» – откуда ты идешь	«Кординг» – увидел
Фарнетчу	«Фарн» – благодать (частица «тчу» не объяснена)	«Фэрр» – блеск, великолепие, пышность, изумительная прелесть (частица «тчу»/«чу» указывает причастность).
Каитериф	–	«Каитарыф» – вернув обратно, вернувшись, вновь
Кинжи	«Кинзэ», «чунз» – невестка, молодуха	«Кенже/Генже» – молодуха, молодая, младшая
Оюнгнге	–	«Оюнгнге» – карачаево-балкарская идиоматическая фраза: «Как же так? Что могло случиться? Ну что же?» и т. п.

Приведенные сопоставления не нуждаются в особых комментариях. Они показывают, что ирано-осетинскими здесь могут быть только два первых слова. Вряд ли по одному этому всю фразу правомочно считать ирано-осетинской. Очень соблазнительное «фарн», искусственно вычлененное из слова «фарнетчу», имеет такую же альтернативу с тюркских языков и вполне соответствует приветствию господина или госпожи: «блеск», «великолепие» и пр.

Наличие в подавляющем большинстве прозрачных тюркских слов, особенно идиоматической фразы «оюнгнге», которая оставалась вообще не понятой учеными, да и самим поэтом переданная: «Как тебе не стыдно...»,

дает полное основание считать фразу Иоана Цеца тюркской. Нет никаких аргументов, чтобы считать этот документ аксиомой для утверждения ираноязычности аланов.

Вторым письменным источником, считающимся у некоторых ученых неопровержимым фактом ираноязычности аланов, является так называемая Зеленчукская надпись. Надпись была высечена довольно глубокими и четкими буквами на каменной плите высотой 2,8 м. Она была найдена в 1888 г. Д. М. Струковым на древнем городище в верховьях Зеленчука, известном карачаевцам под названием «Эски-Джурт» (Старая родина), а в литературу вошедшем как городище Верхний Архыз.

Текст плиты написан греческими буквами на каком-то туземном языке. Расшифровкой этой надписи занимались многие ученые, однако в осетиноведении признается только чтение В. И. Абаева. Имеющиеся альтернативные прочтения с кабардинского, вайнахского, карачаево-балкарского языков уже сами по себе не дают возможности считать эту надпись безукоризненным историческим документом в пользу ираноязычности. Эта оценка еще более усиливается, если иметь в виду, что в отличие от других ученых осетиноведы игнорировали одни буквы, дополняли текст другими и т. п.

В. Ф. Миллер, предпринимая попытку прочесть надпись с позиции осетинского языка, добавил в надпись восемь новых букв, которых там не было и без которых он не мог ее прочесть. Поправки Миллера были взяты на вооружение всеми последующими осетиноведами. Таким образом дополненный текст читается с позиций осетинского языка так: «Исус Христос святой (?) Николай Сахира, сын Х... р, Х... ра сын Бакатар Бакатара сын Анбал Анбалана сын Лаг их памятник». Следовательно, мы имеем дело с родовым захоронением, усыпальницей, где погребены последовательно четыре человека. Но подобная трактовка надписи наталкивается на ряд серьезных, труднопреодолимых препятствий:

1. Даже если согласиться с тем, что осетиноведы узрели в слове ИФОУРТ осетинское ФЫРТ – сын, в переводе оно встречается четыре раза, а в оригинале только дважды. Недостающие два дописаны авторами перевода.

2. Со времен Струкова на месте обнаружения плиты велись многократные экспедиционные, поисковые работы вплоть до наших дней, но нигде в округе радиусом почти в 50 км не найдено ни одного «аланского» захоронения – ни коллективного, ни одиночного. Плита найдена в районе обитания асов и болгар.

3. По заключению В. Ф. Миллера, две последние строки надписи, несмотря на все попытки, остаются «совершенно гадательными». И именно эти две строки представляют собой безукоризненные тюркские слова *итинир* – стремится, *те* – скажи, *отзл* – год быка.

4. В. Ф. Миллер сам признал, что слово *бакатар* явно тюркское. Если к этому добавить такие тюркские слова текста, как *ата* – отец, *бек* – владыка, *ой/юй* – дом, то становится понятным, что и этот памятник не дает ничего утешительного в пользу ираноязычности аланов.

И наконец, последним аргументом в пользу ираноязычности аланов всегда используется так называемый глоссарий венгерских яссов. Небольшой словник 1422 г., содержащий 40 слов, был обнаружен в марте 1957 г. в судебных бумагах об имении Батиановых (можно сравнить с балкарскими и болгарскими Басиановыми). В 1960 г. глоссарий был опубликован в городе Орджоникидзе под редакцией В. И. Абаева венгерским ученым Ю. Неметом. Из 40 слов венгерские ученые не смогли правдоподобно разъяснить 11 слов, удачно объясняются с дигорского диалекта осетинского языка 14 слов, а 15 слов имеют явные тюркские значения:

Неразъясненные слова

«капкен» – икра
«забар» – овес
«одок» – ложка
«ере» – ягненок
«до кега» – ?
«буха» – ?
«кевеф» – хлеб
«каза» – вареное
«гишт» – творог
«кюнге ат еф» – ?
«гуза» – изделие из теста

Дигорские слова

«дэ» – твой
«хорз» – добрый
«бэх» – лошадь
«гал» – бык
«сано» – вино
«манауона» – пшеница
«чариф» – масло
«бан» – день
«хесау» – хозяин
«фуз» – овца
«дан» – вода
«асса» – дикая утка
«карак» – курица

Теперь обратимся к тем словам, которые имеют прозрачные тюркские значения:

Ясские	**Тюркско-балкарские**
«буха» – ?	«бугъа» – бык
«арпа» – ячмень	«арпа» – ячмень
«гусса» – изделие из теста	«геже» – ритуальная кашица из злаков
«газ» – гусь	«къаз/гъаз» – гусь
«кевеф» – хлеб	«кебаб», «Баппу» – хлеб
«база» – похлебка	«боза» – напиток
«йаука» – яйцо	«гаккы» – яйцо
«хуваз» – сено	«хуер» – скошенная, высохшая трава
«каса» – вареное	«кочо» – кашица
«боза» – теленок	«бузоу» – теленок
«табак» – тарелка	«табакъ» – тарелка
«чуган» – кастрюля	«чоюн» – чугун
«гишт» – творог	«хушт» – творог
«фит» – мясо	«Ит», «Эт» – мясо

Как видно, и эти материалы не позволяют считать указанный глоссарий безупречным свидетельством ираноязычности аланов.

Что мы знаем о языке, ономастике и топонимике асов?

В отличие от аланов о языковой принадлежности *асов* имеются определенные сведения письменных источников и авторов, живших во времена асов. Выдающийся ученый-энциклопедист Востока Аль-Бируни (973–1050), описывая изменения русла Амударьи, сообщает, что в первый раз река изменила русло – и «вода уклонилась к краям страны гузов». Вторично изменившееся русло этой реки «запрудилось, и вода повернула налево, вплоть до земли печенегов... она затопила много местностей на долгое время и разрушила [их] также; жители их переселились на побережье Хазарского моря. Это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского». Слова великого ученого, отлично знавшего языки и народы Востока, имеют огромное значение. Они свидетельствуют о том, что из страны огузов (гузов) и печенегов в районы Хорезмского государства переселились аланы и асы и что их язык стал смешанным из тюркского и иранского языков. Это сообщение отдаленно напоминает сведения китайских хроник первых веков о том, что из гор Алтая на равнину переселились отдельные роды тюркских племен и стали смешиваться с иными народами, а также сообщение Юстина (III в. до н. э.) о том, что язык парфян – смешанный из скифского и мидийского, помесь того и другого.

О том, что язык асов/ясов сродни печенежскому, говорят и древнерусские письменные источники, гласящие: «язык же ясеськый ведомо есть яко от печенеженьска рода родяси». Трудно уповать на то, что Бируни не знал языков народов Средней Азии, а русские летописцы не ведали о языке печенегов.

Косвенным свидетельством о тюркском языке асов является и упоминавшееся сообщение о жене Андрея Боголюбского – «ясыне родом из болгар». Сюда же ложится тот факт, что сын Ногая, Джеке, бежал не куда-либо, а к асам на Дунае.

Однозначные сведения о тюркоязычности асов не ограничиваются приведенными сведениями. В 847–848 гг. Ибн Хордадбех, а затем и Махмуд Кашгарский (XI в.) называют среди тюрков-тогузогузов племя *ас-киши* и помещают его между Алтаем и Балхашем. А Ибн Саид ал-Магриби (1214–1274) писал: «Из кавказских народов самыми западными были народ *каса*, далее к востоку жили *аз-киши, абхазы и аланы*. Все они были христианами; **кроме абхазов, все считались тюрками**». Его слова подтвердил другой выдающийся арабский историк и географ XIV в. Абу-л-Фида (1273–1331), писавший: «К востоку от абхазов на берегах моря находится город Алан. Этот город назван так по имени народа алан, который его населяет; **аланы суть тюрки, которые приняли христианство**».

Везде, где только обитали прежде асы, сохранилось множество топонимических названий с этим этнонимом. В Молдавии о них говорят название города *Яссы*, название упоминавшегося государства или области «Яшко». В Венгрии, в местах обитания асов/яссов сохранились названия семи пунктов «Ясслар». По справедливому мнению венгерских ученых, эти названия образованы от этнонима «ас», к которому прибавлен тюрк-

ский суффикс множественного числа «лар». Такие топонимы, как «Яссжаг», т. е. «Сторона яссов», «Ясс-базар», «Ясс-фали», т. е. «Ясское село» (Ясс-эли), говорят о том, что венгерским яссам был свойствен и тюркский язык. На наш взгляд, интересно отметить, что венгерское «Яссжаг» идентично осетинскому Асс-иаг (осетинское название Балкарии). Оба термина восходят к тюркскому и означают «Сторона асов».

В Крыму, в местах расселения асов, сохранились топонимы: *Биюк-ас*, т. е. Большой ас, и *Кичикас* – Малый ас. В Балкарии об асах напоминает название средневековой крепости Ас-кала в Чегемском ущелье.

И вновь, как и в случае с аланами, мы должны заметить, что на территории Осетии нет ни одного топогидронима с термином «ас».

О языке асов свидетельствует их ономастика. В письменных источниках известны многие имена асов, которые имеют прозрачные тюркские значения, полностью соответствующие социальному статусу их носителей:

Имена асов	**Их тюркские значения**
Базук (I в.)	Базык – толстый, мощный
Амбазук (I в.)	Эмбазык – наитолстый, наимощный
Хуанхуа (II в.)	Хунхар – кровожадный, лютый, жестокий
Урдур (XI в.)	Урдур – бьющий, поражающий
Бурд ухан (XII в.)	Бурди – благоухать + *хан*. Отсюда: благоухающий хан
Дургулэл (XI в.)	Тургу – тюркск. этноним + *эл* – народ, племя
Борене (XI в.)	Боре – строгий + *ана* – мать. Отсюда: строгая мать
Худдан (XII в.)	Худа'а – обман, хитрость
Алтун (XIII в.)	Алтун – золото
Сатхи (XIII в.)	Сатхи – поверхностный
Узур-бек (XIII в.)	Озар – обгоняющий + *бек*
Параджан (XIII в.)	Пара – деньги + *джан* – душа
Ачав (XIII в.)	Ачыу/Ачув – зло, боль
Хан–Ху-Сы (XIV в.)	Хусэ-лу – древнетюркский род
Арыслан (XIV в.)	Арслан – лев
Матарша (XIV в.)	Батырча – как батыр
Бурикан (XIV в.)	Бури – волк + *кан* – кровь
Буригберди (XIV в.)	Бури – волк + *берди* – дал. Отсюда: волком данный

Вот этим конкретным ономастическим материалом может оперировать исследователь при языковой характеристике древних асов, обитавших на территории Кабардино-Балкарии.

Сохранилась ли народная память об асах и аланах?

Древнетюркский этноним «ас» сохранился у киргизов, казахов, узбеков, ногайцев, алтайцев как название отдельных родоплеменных групп. У одних только ногайцев бытуют подразделения: «Шомишли-ас», «Дорт-улу-ас», «Кара-ас», «Ак-ас», «Култы-ас», «Тар-ту-уллу-ас». Имя асов осетинский на-

род сохранил за названием своих извечных соседей – балкарцев и карачаевцев. Этот этноним, как указывалось, сохранился в топонимах Молдавии и Венгрии. На Алтае этноним «ас» сохранился в названии реки, административного района «Ас-кизи», восходящем к понятию «Ас-человек», что идентично отмеченному Ибн Хордадбехом этнониму «Ас-киши». У алтайских тюрков сохраняются этнонимы «Дорт-ас», «Ассын». В Балкарии асы отражены в наименовании патронимического объединения-фамилии: Асан-улу, а также сохранились в народной поговорке: «Асдан туугъан ас» – «Ас, рожденный от аса», с которой обращаются к шаловливому, непослушному подростку. В этом смысле значение этнонима совпадает с чувашским значением.

В связи с этой поговоркой необходимо иметь в виду, что она всегда относится только к подростку или к человеку, младшему по возрасту. С распространением ислама эту поговорку нередко применяют к человеку, проявляющему непокорность Аллаху: «Аллахгъа асы болма» – «Не будь непокорным Аллаху».

Подводя итог народной памяти об асах, надо обратить внимание на то, что древнегрузинский этноним «ос» или «овс», под которым во времена Вахтанга Горгасала (V в.) имелись в виду гунны, уже в XVIII в. выдающийся историк и географ Грузии царевич Вахушти прямо относит к балкарцам.

Достаточно привести следующие его слова: «Басиани (т. е. Балкария. – *И. М.*) граничит с севера горою Черкесскою, отделяющей Басиани от Черкесии, с востока – горою Кавказом, лежащим между Басиани и Дигорией. С юга – горою Кавказом, лежащим между Рачой и Басианом, и с запада – горою Кавказом, лежащим между Сванетией и Басианом...

Здешние овсы знатнее всех прочих овсов, и между ними попадаются помещики, имеющие закрепощенных крестьян. Басианская река, вступая в Черкесию, впадает в Терек».

Переходя к этнониму «алан», можно сослаться на тот факт, что на древней территории почти всех тюркских племен – в горах Алтая – до сих пор сохранились родоплеменные группы: «Аландан келген» – «Пришедшие с равнины» и «Алан/Ялан». Необходимо напомнить и аланов, проживающих в Туркмении, Узбекистане, Таджикистане. В Туркмении, например, они известны в составе племени *салыр* как отдельная родовая группа – ветвь «караманов». Язык этих аланов туркменский, схожий с диалектом «сарыков». По сообщению старожилов, в сороковых годах их насчитывалось до 1500 хозяйств. Интересно назвать и родовые имена этих аланов: Мирши-Кар, Болук-аул, Аяк-чак, Кара-мугул, Токуз, Кер, Бельке, Эшек. По народным преданиям, лет за 250 до переселения в Туркмению они проживали на Мангышлаке, имели свою крепость Алан, о которой писал еще выдающийся советский исследователь Средней Азии и Хорезмского государства С. П. Толстов. Я думаю, что вряд ли без определенного насилия над словами можно будет эти родовые имена аланов объявить ираноязычными. Народные предания о переселении аланов с Мангышлака, на мой взгляд, очень напоминают слова Аль-Бируни о переселении рода аланов и асов в устье Амударьи.

Древние и средневековые авторы Аланией называли верховья Кубани. Так же именовали эти районы и военно-топографические карты Кавказа XVIII–XIX вв. В кратком описании Абхазии неизвестного автора первой половины XIX в. говорится, что «от Сухума имеется дорожка через нижние горы в Цебели и к аланам». Цебели, или Цебельда, лежит по правую сторону от реки Кодор, к северу от Сухума. В смежности с Цебельдой, к северу, у верховьев Кубани, сплошной массой живут карачаевцы. В примечаниях Гербера к «Географии Российской X века», составленной профессором Байером, говорится: «От аланов есть остаток, они живут подле авазгов в ближайших горах к северо-востоку». А ближайшими соседями авазгов/абхазов к северо-востоку являются карачаевцы.

На «Генеральной карте Грузинских царств – Карталании, Кахетии и смежных земель», составленной не позднее 1784 г., **названы все горские общества** Осетии, Чечено-Ингушетии, Сванетии; названы **Куртатинское, Алагирское, Дигорское, Кобанское ущелья;** нанесены реки: Гизельдон, Ардон, Урух и пр. Но интересно, что к западу от сванов, в горах **между Кубанью и Лабой,** т. е. приблизительно в тех же местах, где сейчас проживают карачаевцы, на карте **нанесены аланы,** далее за ними расположены зихи, предки адыгов.

Показания этих карт и географических известий подкрепляются тем, что в устах соседних народов, например мегрелов, аланами называются карачаевцы (В. И. Абаев).

Все сказанное можно подкрепить тем, что этноним «алан» сохранился только у балкарцев и карачаевцев в значении: «человек», «соплеменник». Этим термином именуют друг друга супружеские пары, табуизируя свои личные имена. Очень важно учитывать, что этноним «алан» употребляется у них только применительно к людям, понимающим их язык, к иноязычному человеку подобным образом не обращаются.

На чем основано отождествление аланов и асов?

Первыми это тождество высказали Ян Потоцкий и Г. Ю. Клапрот. Они исходили из слов путешественников XIII–XV гг. Описывая в 1246 г. земли и народы, покоренные монголами, П. Карпини перечисляет: «Аланы или Асы, Обезы или Георгиане... Малая Индия или Эфиопия». Если вслед за Клапротом мы признаем тождество аланов и асов, тогда будем вынуждены признать и все другие невероятные тождества итальянского путешественника.

Клапрот пытается подтвердить свое отождествление словами другого путешественника – Г. Рубрука, который в 1253–1255 гг., будучи в степях между Крымом и устьем Дона, писал: «Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие Аланы, которые именуются там Аас». Само слово «некие» свидетельствует о скудости его познаний в пестрой этнической среде Приазовья. К тому же мы не знаем, откуда к ним пришли эти «некие», которые «там», на местах, называются асами. Но, как теперь известно, на Кавказе

асами назывались многие родоплеменные группы ногайцев, а сами осетины по сей день именуют асами балкарцев. Если еще учесть, что Рубрук часто путал черкесов и киргизов, тогда очень трудно принимать слова путешественника за чистую монету.

Не могу не отметить еще один момент. Недавно В. А. Кузнецов, упомянув эти сведения, писал, что термин «ас» – это самоназвание аланов. Вероятно, в данном случае с ним трудно спорить, так как ему самому остается полшага до признания идентичности: *алан – ас – балкарец*, потому что асами алано-осетины называют не себя, а балкарцев.

Комментируя слова Гильома Рубрука, исследователи почему-то не обращают внимания на такие факты: аланы спрашивали у Рубрука, могут ли они считаться христианами, если они прежде пили кумыс; говоря об аланах, путешественник пишет, что в пищу им давали только очень кислое коровье молоко. Эти сведения о кумысе и айране, специфических атрибутах традиционной культуры тюркских народов, начисто отсутствующих у ираноязычных, говорят сами за себя в вопросе об этническом облике аланов.

Идею Клапрота поддержал и попытался обосновать другой русский академик – В. Ф. Миллер. Для этого он сопоставил армянские и грузинские источники. Но результаты такого сопоставления были заранее спланированы, иначе нельзя было не заметить, что в «Истории Армении» говорится о нашествии на Армению **аланов, горцев и иберов,** а в древнегрузинской хронике повествуется о том, как опустошали Армению **картлийцы, овсы, джики, пачаники, дзурдзуки, дидои, леки.** Следует пояснить, что картлийцы – это грузины, названные в армянском источнике иберами; леки и дидойцы – это горцы Дагестана, дзурдзуки – это вайнахи, джики – это адыги. Остаются для отождествления аланы, овсы и пачаники. Из этих трех народов можно еще вычленить «овсов», которые входят в число тех, которые по армянским документам называются «горцами», так как Вахушти, по приведенным выше его словам, овсами называл горцев Центрального Кавказа, обитавших между сванами, дигорами и черкесами. Следовательно, для отождествления остаются только аланы и пачаники/печенеги. А В. Ф. Миллер выборочно отождествил именно аланов и асов.

Из этого предвзятого отождествления в науке сложилось ложное мнение, будто бы грузинские источники не знают этнонима «алан» и везде именуют их *асами/овсами*. Обратимся к фактам.

Грузинский царь Баграт IV был женат на сестре асского царя Дургулеля. Ему «приносили дары и братались с ним многие цари, служили ему скифы, хазары и *аланы*». Бывая на охоте, он «доходил до Понтийского моря и в страну *аланов*». «В страну аланов» приезжал и отец Тамар – Георгий III, женатый на прекрасной Бурдухан – дочери асского царя Худдана. Я думаю, трудно уповать на то, что Баграт и Георгий не могли знать разницы между овсами и аланами, если оба были женаты на «ясынях».

Еще более конкретно очерчивает земли аланов Вахушти: «Алания находится на западе от Сванетии и по севернее от Бедии. С восточной стороны она упирается о Кавказский хребет и доходит до границ Сванетии, с южной стороны ее находится гора Бедийский Кавказ, проходящая между

Одией (Мегрелия. – *И. М.*) и Аланией...» Трудно не доверять выдающемуся историку и географу Грузии, который подробно описывает в своем труде почти все ущелья Осетии, Дигории, Балкарии и других областей Центрального Кавказа.

Из всего сказанного вытекает, что древнеармянские и древнегрузинские исторические документы не дают обоснованных доводов для отождествления хорошо им известных аланов и асов, с которыми у армян и грузин складывались историко-политические и кровно-родственные связи. Не дают такого права и рассмотренные выше материалы о венгерских яссах, которых в литературе усиленно именуют аланами, а сами они этого имени не ведают. Этот случай перекликается с тем, как в литературе осетинам навязывается этноним «ас», а сам осетинский народ называет этим именем балкарцев.

В заключение напомним незаслуженно забытые выводы одного из видных осетиноведов профессора Г. А. Кокиева: «Изучение имеющегося в нашем распоряжении материала приводит нас к заключению, что насколько сомнительно отождествление предков осетин с аланами, настолько основательно отождествление балкарцев и карачаевцев с кавказскими аланами».

Изученные нами материалы свидетельствуют, что осетины, балкарцы и карачаевцы являются чуть ли не самыми близкими между собой по культурному облику народами Северного Кавказа. Между ними имеются весьма существенные языковые, этнотопонимические, антропонимические, ономастические схождения, которые красноречиво подкрепляются дигорскими и карачаево-балкарскими народными преданиями о происхождении этих народов от двух родных братьев – Бадината и Басиата.

Близость этих народов питалась многовековыми тесными этнокультурными контактами как в глубинах Евразийских степей, так и в ущельях Кавказа. К сожалению, эти контакты еще объективно не исследованы.

О ЧЕМ И КАК СПОРЯТ УЧЕНЫЕ?

Юпитер, ты берешься за молнию вместо ответа, значит, ты не прав.

Прометей

Проделанный в книге «Шаги к истокам...» специальный анализ **«источников, породивших традиционное толкование наследия скифо-сармато-аланских племен в этнической истории Северного Кавказа»**, вызвал большой резонанс. Только за два года появилось 17 рецензий, официальных отзывов, публичных оценок, в которых приняло участие 18 авторов, в т. ч. девять докторов наук, шесть кандидатов наук, – архео-

логи, этнографы, историки, тюркологи, философы. Вероятно, это объясняется тем, что вскрыты серьезные **противоречия в стержневых работах** Г. Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, **заложивших основу теории** о сплошном ираноязычии всех скифо-сармато-аланских племен.

Суть теории можно выразить следующими положениями:

1. Все скифо-сармато-аланские племена были ираноязычной массой.

2. Аланы и асы тождественны как между собой, так и с современными осетинами.

3. «Учение» В. И. Абаева, базирующееся преимущественно на ономастике названных племен, «является аксиомой для исторических исследований» (В. Н. Каминский).

4. Грунтовые могилы, каменные ящики, скальные захоронения, склеповидные сооружения, земляные катакомбы – все суть наследие **только «ираноязычных» алан** (В. Н. Каминский).

5. Башенно-склеповые соружения позднего Средневековья на территории Балкарии и Карачая – это памятники «исторической Алании – т. е. Осетии» (Б. А. Калоев).

Последовательно проанализировав **все аргументы** Г. Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, прежде **никогда не подвергавшиеся** комплексной **проверке и сомнениям,** мы пришли к несколько иным выводам:

1. Не все поголовно скифские племена были ираноязычны, среди них были и тюркоязычные группы.

2. Участие ираноязычных и тюркоязычных племен в этногенезе карачаевцев, балкарцев, осетин изучено недостаточно глубоко и продолжает порождать споры.

3. Аланы, судя по приписываемым им земляным катакомбам, никогда не занимали всю территорию Северного Кавказа.

4. Этнонимом «ас», усиленно навязываемым в литературе осетинам, сам осетинский народ, как указывалось, издревле называет своих извечных соседей – балкарцев и карачаевцев (Г. Ю. Клапрот, В. Ф. Миллер, Н. Г. Волкова).

5. Западный и восточный варианты аланской археологической культуры настолько различаются, что можно предположить, что они оставлены различными этническими группами (В. А. Кузнецов).

В подавляющем большинстве упомянутых откликов, как и подобает научным отзывам, поддерживаются одни, ставятся под сомнение другие положения, отмечаются позитивные и спорные подходы, предлагаются конструктивные альтернативы. Такой подход к работе вполне закономерен, и высказанные мной идеи и положения уже вошли в научный оборот в различных аспектах (С. С. Алияров, Ю. Б. Юсифов, А. Нурмагамбетов, Ф. Г. Гарипова, Е. И. Нарожный, А. Зумакулов, М. Кучуков, М. Ч. Джуртубаев).

Однако встает вопрос: историю какого народа мои выводы могут ущемить, можно ли в них усмотреть «неуважение к истории осетинского народа», кто может расценить их как подрыв «интернациональной дружбы народов», можно ли в них узреть «националистические», «порочащие исто-

рию», «пантюркистские» выпады? (Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецов, В. И. Марковин, В. Н. Каминский). «Нельзя, но если очень хочется (защитить свои работы и оскорбить оппонента. – *И. М.*), то можно», – ответил бы известный пародист. Именно на позициях «обиженных» нашли общую платформу для своих нападок названные выше авторы, от «рецензий» и выступлений которых несет злопыхательством и амбициозностью, оригинальным «академическим» тоном, сродни уличной брани.

Личные оскорбления в адрес И. М. Мизиева, научное бессилие перед конкретными фактами до такой степени выпирают из каждой строки их «рецензий», что известный балкарский писатель Э. Гуртуев окрестил подобные расправы меткой формулой: «С топором на оппонента!».

Верно оказано, что спор – ключ к истине. Но когда один, подобно Юпитеру, хватается за молнию, вместо спокойного ответа и анализа исторических фактов, другой впадает в амбицию, претендуя на обладание истиной в последней инстанции, а третий забрасывает оппонента ярлыками, тогда в споре смысла нет.

Спорных, нерешенных вопросов в истории народов Северного Кавказа еще много. Особо острые диспуты всегда возникают вокруг работ, касающихся историко-культурного наследия средневековых племен – асов и аланов, принимавших самое активное участие в формировании культуры современных народов края.

Поскольку письменные и иные первоисточники об этих племенах труднодоступны широкому кругу читателей, а имеющаяся литература не всегда объективно отражает историческую действительность о них, постольку есть необходимость специального обзора дискутируемых в науке вопросов. Эта необходимость продиктована тем, что недостаточная разработанность, а тем более проявляемые при освещении наследия указанных племен субъективистские утверждения нередко порождают тенденциозную оценку, следовательно, негативно отражаются и на освещении позднейших межэтнических отношений на Северном Кавказе.

При знакомстве с дискуссионными вопросами этой проблемы читатели непременно должны исходить из ленинского указания, что «национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку», а следовательно, и никаких привилегий ни одному народу в изучении историко-культурного наследия. Ленинские указания получили дальнейшее развитие в новейших документах – в решениях XXVII съезда, XIX Всесоюзной конференции КПСС. Особенно ярко эта мысль отражена в докладе М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», в котором он подчеркнул: «Национальные отношения в нашей стране – это живой вопрос жизни. Мы должны быть предельно внимательными и тактичными во всем, что касается национальных интересов или национальных чувств людей, обеспечивать самое активное участие трудящихся всех наций и народностей в решении многообразных задач жизни нашего многонационального общества».

Когда речь заходит о выяснении роли и места древних племен в формировании истории и культуры современных народов, научные диспуты

и разработки в духе гласности и демократизации, плюрализма мнений и идей особенно должны соответствовать положениям новой редакции Программы КПСС: «Партия поддерживает смелый поиск, соревнование идей и направлений в науке, плодотворные дискуссии. Науке противопоказаны как схоластические рассуждения, так и пассивная регистрация фактов, чурающаяся смелых теоретических обобщений, конъюнктурщина, отрыв от реальности». Однако некоторые алановеды не только продолжают усиленно пропагандировать именно схоластические рассуждения о будто бы сплошном ираноязычии массы скифо-сармато-аланских племен и их тождестве только с предками современных осетин, но и в отрыве от реальной средневековой исторической обстановки в регионе отрицают участие названных племен в процессе формирования традиционной культуры других народов. Подобный отрыв от реальности преднамеренно «украшает» историю одних и обкрадывает историю других народов, предки которых на протяжении тысячелетий находились в тесных контактах как между собой, так и со скифо-сармато-аланскими племенами. Попытки рассмотреть исторические факты со всех сторон, вкупе с данными смежных наук, вступить в дискуссию с традиционно устоявшимися, но научно неоправданными положениями воспринимаются в кругах отдельных ученых не иначе как посягательство на безупречность их научных построений.

Академическая дискуссия продвигает науку вперед только тогда, когда в ней властвует факт, а не топор мясника. Однотипные окрики, единогласное отрицание буквально всей моей книги «от корки до корки» по известному принципу: «Этого не может быть...» – являются «визитной карточкой» указанной выше группы моих оппонентов. Без специальной координации сил вряд ли можно было бы каждому в отдельности с первых же слов начинать лихо забрасывать автора одинаковым набором дежурных ярлыков: тенденциозный, предвзятый, порочащий историю, фальсификатор, вульгаризатор, националист, пантюркист, подрывающий дружбу народов, страдающий провалом памяти и т. п. В этом ряду, действительно, не хватает только топора.

Запланированный и «в ногу» взятый старт, в полной «боевой выкладке» печально известных ярлыков, не оставляет сомнений в том, что они стараются лишь об одном: общими усилиями, любыми путями и методами сохранить пошатнувшийся личный престиж, любой ценой реанимировать рухнувшие научные построения, спасти «честь мундира». Но, увлеченные обывательским принципом «лишь бы облить грязью», мои запальчивые оппоненты упустили одну «маленькую» деталь, вернее, подтвердили старую истину, что в спорах и дискуссиях еще со времен Прометея оскорбления и ярлыки вскрывают лишь беспомощность и бессилие. Уверенный в своих аргументах и знакомый с законами логики человек никогда не перешагнет и другую мудрость: для оправдания себя вовсе не обязательно оскорблять других. Для моих оппонентов уместно дополнение: для этого вовсе не обязательно приносить в жертву правдивую историю осетинского народа, которому на протяжении многих лет из корыстных целей некоторые ученые вместо действительной истории

преподносили откровенные фальшивки. Подтверждению этого тезиса, по существу, и посвящается этот раздел.

Как бы изощренно и на какой бы лад ни склоняли мои «титулы», оппонентам не стоит забывать, сколь бесплодно повторение: «Халва, халва...». Не потому ли настоящие ученые в спорах отдают предпочтение не кулакам, а нежному букету фактов – воздуху ученого. В усиленной пропаганде скифо-сармато-иранской теории некоторые ученые не прислушались ни к предупреждениям самого В. Ф. Миллера, о которых мы упоминали выше, ни к предостережениям других специалистов по скифо-сарматской проблеме. Напротив, они активно стали всячески «доращивать» эту легковесную идею. Во главе такой целеустремленной работы стал В. И. Абаев, заранее будучи уверенным в том, что его «дополнения» будут более чем положительно восприняты в отдельных кругах индоевропеистов. Но даже в этом случае серьезные и осторожные ученые предупреждали, что «вместо более или менее ограниченных по территории и частью разобщенных племен скифов и сарматов ираноязычной группы в Причерноморье, автор (т. е. В. И. Абаев. – *И. М.*) создает грандиозную скифо-сарматскую народность, предков осетин, включая сюда любое племя, получившее у греков одно из этих имен; их историю он отождествляет с историей древних осетин (вопреки предостережениям В. Ф. Миллера. – *И. М.*), ищет корни осетинского эпоса в этой истории, т. е. впадает в ряд явных преувеличений» (Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова).

Более того, любые попытки представителей других народов Северного Кавказа коснуться скифо-сармато-аланской проблемы встречаются некоторыми осетиноведами буквально в штыки, расцениваются не иначе как проявление неуважения к истории осетинского народа. Именно в таком ключе построили свои «рецензии» Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецов и их единомышленники и ученики на книгу, в которой предпринята попытка развенчать традиционно устоявшуюся, но безнадежно устаревшую теорию.

Поскольку современное состояние проблемы алано-асских племен в основном сконцентрировано в работах В. И. Абаева, Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецова и И. М. Мизиева, есть необходимость рассказать широкому кругу читателей и любителей истории Северного Кавказа о сути научных дискуссий между этими учеными.

Начать следует с того, что в последние годы даже в специальной литературе (*Кузнецов В. А.* Очерки истории аланов. Орджоникидзе, 1984) стали встречаться утверждения, что осетины «осознают свои родственные связи с этим древним народом» (с. 6). Конечно, было бы весьма забавно узнать, каким таким образом это может «осознаваться» с таким древним народом? Но мысль эта насаждается в обывательских кругах всевозможными методами. Например, с 1956 г. вдруг усиленно стали переименовываться и называться термином «Алан» различные творческие коллективы, производственные и культурные учреждения. Все чаще стало имя «Алан» (кстати, ни разу не встречающееся даже у Коста Хетагурова) фигурировать в литературе, кино, театре, на радио и телевидении. В связи с этим давно

хотелось спросить, а теперь оппоненты дали прямой повод: а найдется ли в обеих Осетиях хотя бы один старожил по имени Алан, столь культивируемому в последние годы, и имеет ли этот термин какой-нибудь смысл в осетинском языке, фольклоре, топогидроэтнонимике?

В своей «рецензии» (скорее, нападках на мою книгу) Ю. С. Гаглойти пытается выдать себя за весь народ, а критику его личных научных построений преподносит как проявление неуважения к истории осетинского народа, запамятовав, что его научные труды – это еще далеко не вся история осетинского народа! Ему попросту кажется, что таким образом ему легче защитить себя.

А между тем, следуя логике, принятой на вооружение при оценке книги И. М. Мизиева, оппоненты ради защиты своих работ готовы объявить «фальсификаторами», «вульгаризаторами» осетинский и мегрельский, сванский и абхазский народы, которые, как и Мизиев, наименования «ас», «алани», «овс», «ас-е», вопреки стараниям некоторых, относят к балкарцам и карачаевцам (Г. Ю. Клапрот, В. И. Абаев, Н. Я. Марр, Н. Г. Волкова и др.).

Меня, например, радует, что при столь целенаправленном, придирчивом «анализе» книги все оппоненты «в упор» не видят и оставили без ответа основной вопрос: почему этнонимом «ас» сам осетинский народ, в отличие от соседних адыгов, кабардинцев, вайнахов, называет балкарцев и карачаевцев, а не себя? Причем не просто называет, а каждый раз уточняет: один балкарец – «Ас + он», т. е. асский человек; вся Балкария – «Ас + иаг», т. е. Асия; а Карачай – «Стур-Ассиаг» – Большая Асия. Молчат, значит согласны с моей трактовкой!

По логике оппонентов, вообще «вне закона» должны быть объявлены чуваши, «фальсификаторски» именующие себя речными асами – «Су-ас», и марийцы, «беззастенчиво» относящие этот этноним к волжским татарам (М. З. Закиев). А может быть, ногайцам необходимо «убрать» из своего состава пять древнейших родоплеменных групп с именем «ас» ради успокоения моих оппонентов?

Меня обвиняют в тенденциозности и предвзятости без единого на то примера. Могу помочь оппонентам «открыть глаза»:

1. Когда осетины называют кабардинцев «кашк + он» – это служит бесспорным аргументом связи последних с косогами (Ю. С. Гаглойти).

2. Когда источники называют «гаргареи», «глигви» – это бесспорно признается за вайнахское «галгаи» (Е. И. Крупнов). А что же случается с «объективными» оппонентами, когда я, вслед за многими народами и учеными, напоминаю, что асами и аланами на Северном Кавказе именуются балкарцы и карачаевцы?

А вот другой пример. Когда В. Ф. Миллер на примере 11 терминов, очень смехотворно притянув их значения к ирано-осетинским понятиям, объявил Карачай и Балкарию территорией расселения «ираноязычных» аланов, этого оказалось достаточно, чтобы заявить: «...в ущельях Черекском, Безенгийском, Чегемском, Баксанском, Верхнекубанских слышалась когда-то осетинская, именно дигорская речь» (В. И. Абаев). «Не видя в сво-

ем глазу дерева», оппоненты хватаются за топор, когда я, сославшись на осетинских лингвистов, напоминаю 147 тюркских топогидронимов на территории Северной Осетии, содержащих этнонимы гуннов, хазар, огузов, басмалы, басилов и др. И таких примеров чем дальше, тем больше. Но я не буду навешивать ярлыки, так как хорошо знаю им цену по опыту своего детства.

Изменяют мои оппоненты логике, не назвав «пантюркистом» Геродота, опрометчиво отметившего у скифов тюркские слова (К. Мюлленгоф). Будто бы по сговору молчат они и о словах Юстина: «Язык парфов средний между скифским и мидийским, помесь того и другого». Потому и молчат, что знают, как из чего-то однообразного вряд ли можно получить помесь. Для этого, как минимум, необходимы два разных языка – скифский и мидийский. Оппонентам проще обвинить И. М. Мизиева в предвзятости, чем вникнуть в суть источника и объявить Юстина «вульгаризатором». Вот ведь о каких вещах, подкрепленных этнографией и лексикой скифов, я предлагал дискуссию, от которой, всё так же «в ногу», увиливают «объективные» оппоненты, увлекая за собой читателей эффектными выпадами по мелочам, чтобы «поставить двойку» не за содержание книги, а за чистописание И. М. Мизиева.

Действительно, я принимаю упреки за множество погрешностей, допущенных по моей вине в верстке книги. Особенно это относится к указателям литературы на с. 30, 37, 47–51, 53, 54, 95, в т. ч. и на с. 89, откуда приведена В. Н. Каминским цитата. В ней не убраны кавычки, двумя строками выше над цитатой также имеется опечатка. Ссылка на работы М. И. Артамонова и В. А. Кузнецова дана для ознакомления широкого круга читателей с алано-хазарской историко-политической ситуацией, для конкретизации которой у меня не было возможности из-за лимита объема книги. Кстати, здесь можно было бы указать и другую работу В. А. Кузнецова, которую я упоминал выше.

А между тем мои «титулы» должны разделить еще Дионисий Периегет, Зозим, Приск Панийский, Феофилакт Симмоката, которые «тенденциозно» называют скифами именно гуннов, авар, а не аланов V–VII вв., еще не испытавших хазарских погромов, а следовательно, сохранивших свое «чистое» этническое лицо (Ф. Симмоката, В. В. Латышев). По логике оппонентов, «националистически» подошел к истории кавказских народов и Леонти Мровели, отождествив со скифами именно хазар в период бурной алано-хазарской войны на Северном Кавказе VIII–IX вв., «тенденциозность» проявил и Иоан Цец, великолепно зная и аланов, и куманов, но включив в свое «Аланское приветствие» тюркские слова. Вновь показательно, что ни один из оппонентов даже не упомянул имя выдающегося византийского писателя – один из основных «козырей» в созданной В. И. Абаевым «аксиоме». Воспринимаю единогласное молчание таких разъяренных оппонентов, как знак согласия с моей трактовкой источника.

Не должен остаться обделенным «титулами» и Аммиан Марцеллин, указавший, что «аланы – прежние массагеты», а последние являются сто-

процентными туркменами (И. М. Дьяконов). Непростительно и его утверждение, что у аланов «не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть покрытого соломой жилья», так как это противоречит трудам этнографа Б. А. Калоева.

Обыкновенным «контра» должен выглядеть в глазах моих оппонентов известный арабский географ Мухаммад ибн Муса ял-Хварезми (780–847), который, прекрасно зная и аланов, и Аланские горы, пишет: «Скифия – страна тюрков»; «Скифия – страна тогузгузов».

Проявляют «неуважение» к истории и культуре алано-осетин Плиний, Птолемей, потому что один говорит, что сарматы «питаются сырой мукой, примешивая к ней кобылье молоко», а другой, вопреки Абаеву, считает сарматов не «супоедами», «просоедами», а «конеядами» – гиппофагами.

Наконец, порочно звучат слова «пантюркистов» Гомера, Геродота, Эсхила, Страбона, Пиндара и других, писавших, что скифы доят кобылиц, живут в войлочных шатрах, пьют кумыс, из кумыса делают сыры, едят конину, не обратив внимания, что у их «прямых потомков» не только в языке отсутствует индоевропейский термин для обозначения понятия «лошадь» (М. И. Исаев), но даже в нартском эпосе, в котором В. И. Абаев, Ж. Дюмезиль, В. А. Кузнецов видят чуть ли не постраничную историю скифо-сармато-алано-осетин, не отложилось ничего из отмеченных элементов этнокультуры скифов. В осетинском языке, как и у несведущих народов, «кумыс» именуется «конское молоко», а другой специфический и жизненно необходимый предмет скифского быта – шатер – называется тюркским термином «цатыр».

Скифы жили на берегу моря и в Крыму, а потому не могли не знать слово «море», а их «прямые потомки» даже в своем фольклоре для обозначения «моря» используют тюркский термин «тенгиз» (В. И. Абаев).

Не слишком ли многое «забыли» потомки, «осознающие свои родственные связи с этим древним народом»?

Совершенно прав Карл-Генрих Менгес, когда говорит, что «преобладание иранских собственных имен не является достаточным доказательством, если имена нарицательные скифского языка не подтверждают иранских или индоевропейских этимологий, как, например, для обозначения кочевой повозки и шатра – предметов, очень важных для кочевых народов». Такие нарицательные имена скифского языка, кстати, почему-то неучтенные Абаевым, как: *ойор* – муж, мужчина; *асхи* – горький, *апи* – мать, *балык* – рыба, *жюн* – шерсть, а также необходимый для кочевой жизни предмет – «телега», бесспорно тюркского происхождения; надлежащие присутствовать у ираноязычных потомков термины: «море», «лошадь», «кумыс», «шатер», «сколот» – прекрасно иллюстрируют верность тезиса американского исследователя.

Голая ономастика, а в трудах В. И. Абаева оно так и есть, действительно очень шаткий аргумент в определении языковой принадлежности носителей личных имен. Живым примером могут быть имена моих осетинских оппонентов: Юрий Сергеевич, Василий Иванович, Борис Александрович

и т. д. Нетрудно представить, в какие дебри уведет ученого тюркоязычная ономастика русских или арабо-персидская восточных народов.

Я очень почитаю великого осетинского поэта и просветителя Коста Хетагурова, поэтому не могу следовать логике Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецова, В. Н. Каминского и иже с ними и навесить на него ярлыки «фальсификатор», «вульгаризатор» и прочие за то, что он в своем «Этнографическом очерке об осетинах» писал следующее: «**Лошадь** была **прежде** роскошью. Она применялась только для верховой езды и перевозки вьюков. **Ни мясом, ни молоком, ни кожей ее осетины не пользовались**» (выделено мною. – *И. М.*).

Хотелось бы услышать, как В. Н. Каминский и его учитель. В. А. Кузнецов с «критическим разбором» будут подходить к перечисленным источникам и ответят на вопрос: почему римские, византийские, арабские, грузинские историки, географы, писатели, оставившие так много сведений об аланах, «фальсификаторски» и выборочно продолжали называть скифами именно гуннов, авар, хазар, тогузогузов, тюрков, ни разу даже не ошибившись по поводу аланов, даже в пору их кочевой жизни? А ведь аланы были интимно-родственными партнерами византийского и грузинского дворов? (В. А. Кузнецов).

Однако у моих оппонентов весьма оригинальный метод «критического» подхода к источникам: если они мешают их научным построениям, – значит, автор «все путал» (Ю. С. Гаглойти, В. Н. Каминский). И все же у них есть «хорошая» возможность еще раз отличиться: оспорив слова Юстина, усомнившись в сообщении римского посла Приска к Аттиле, продолжив обвинение древних авторов в невежестве. Приск Панийский сообщает, что гуннский царь Руа послал в Рим своего посла по имени Эсли, а римляне направили к гуннам Плинта, «который был родом скиф». Нужно быть на очень высокой «кочке» зрения Ю. С. Гаглойти, чтобы следом за арабо-персидской традицией обвинить и римскую дипломатию в некомпетентности, в незнании – кого и к кому посылать. Уж кто-кто, а римский двор наверняка знал, кого Гомер, Геродот, Страбон, Птолемей и другие греческие и римские историки и географы называли «доителями кобылиц» и «конеядами».

Не стоит уповать на расхожие домыслы, что римлянам, арабам и персам достаточно было увидеть или услышать о кочевниках, чтобы назвать их скифами или тюрками. Ведь и поныне хорошо известны многие кочевые племена в Афганистане, Иране, Аравии с четкой этнической и культурной номенклатурой...

Думаю, что критический подход к источникам – это не голое их отрицание с позиции амбициозных капризов сегодняшних ученых по принципу: «подходит, не подходит» к скифо-иранской теории, а сопоставление с археолого-этнографическими, историко-лингвистическими, этнотопонимическими данными. А в таком случае в отстаиваемой оппонентами теории многое не только не вяжется, но и явно противоречит традиционной этнокультуре скифов.

Если бы я не уважал историю осетинского народа, как это мне пытаются приписать оппоненты, я бы последовал примеру Ю. С. Гаглойти и В. Н. Каминского и назвал бы «тенденциозными», «вульгаризаторами» осетинских нартов, которые, «повторяя историю скифо-алано-осетин», почему-то называли свой эпос и главных героев тюркскими именами (В. И. Абаев).

Я не сомневаюсь, что, следуя методу голословного отрицания и просто отмахиваясь от всего, что требует доказательств, очень трудно будет моим оппонентам объявить «фальсификаторами» географии Кавказа авторов грузинских, русских топографических карт XVIII–XIX вв., которые даже в период строительства Военно-Грузинской дороги Аланией называли не окрестности Владикавказа, а верховья Кубани – Карачай (Г. А. Кокиев).

Беспомощность оппонентов в навязанной мне дискуссии иллюстрирует весьма поучительную мудрость, кстати, хорошо известную и осетинам. Некогда у одного бедняка утонула в реке лошадь. В безысходном отчаянии хозяин принялся истерично хлестать реку плетью. Естественно, что бурной реке, как и книге, плеть не помеха. Тем не менее объятые злобой за критику своих работ «рецензенты» придали «хлестанию реки» организованный, сценарно расписанный характер, жертвуя ради личной корысти богатейшей историей осетинского народа, восходящей к древней истории Ирана, Мидии, Кавказа и Восточной Европы. Для меня, например, совершенно очевидно, что за всем этим явно проглядывают и рука, и слог, и методика расправы, присущие авторам, идеи которых я подверг серьезным сомнениям.

Удивляет та уверенность, с какой Ю. С. Гаглойти запрещает кому бы то ни было, кроме осетиноведов, заниматься историей и культурой скифо-сармато-аланских племен.

Следует напомнить, что еще Н. Я. Марр писал: «Аланы – это уже история не только Кавказа, но и Юга России. В них заинтересованы представители различных областей отечественной истории». И более всего все народы Северного Кавказа.

Поскольку в «рецензиях» названных авторов часто фигурируют термины: *неуважение, тенденциозность, бестактность* и пр., хочется обратить внимание читателей на ряд фактов:

1. В «Русско-осетинском словаре», составленном В. И. Абаевым и изданном в 1970 г. в издательстве «Советская энциклопедия», нет слов «балкарец» и «Балкария», т. е. осетинских эквивалентов: «Асс + он» и «Ассиаг». Здесь ларчик открывается просто: автор словаря, явный защитник тождества аланов и асов с осетинами, не может «обнародовать» всем известный факт, что термином «ас» осетинский народ на своем языке называет не себя, вопреки стараниям Абаева и его единомышленников, а своих исторических соседей – балкарцев и их страну. Этот факт, как отмечалось, не могли скрыть ни Клапрот, ни Миллер, не укрывает его и сам осетинский народ!

2. К словарю приложен указатель географических терминов. Кабардино-Балкарская АССР здесь названа: «Касаг-Балхъары АССР». Как толь-

ко ни изощряется почтенный ученый: кабардинцев называет их осетинским именем, отказывая в этом балкарцам. Все это для того, чтобы не вскрыть свою ложь, т. е. боится назвать балкарцев асами, как это делает сам осетинский народ. Вот такие методы и есть откровенное обкрадывание богатства словарного фонда осетинского народа.

3. В приводившемся выше аланском приветствии Иоана Цеца нет ни дигорского слова «хварз», ни иронского «хорз», а есть широкоизвестное тюркское «хош» – добрый, приятный.

Усиленное навязывание народу отсутствующего в источнике слова и есть откровенный обман народа.

4. Многие ученые, вслед за П. К. Усларом, пытались объяснить термин «Кавказ» с ирано-осетинского как «Хох-аз», т. е. Гора азов, а «Днепр», вслед за В. И. Абаевым, трактуют как «Дон-апр», т. е. «Вода глубокая». Однако все это не согласуется с законами ирано-осетинского языка, вернее сказать, прямо им противоречит. Как пишет сам В. И. Абаев, в осетинском языке определяемое слово всегда должно стоять на первом месте. Следовательно, должно быть «Аз-хох» и «Апр-дон» по примеру: Адай-хох, Джимарай-хох, Зилга-хох, Генал-дон, Гизель-дон, Хазни-дон и мн. др. При этом очень важно не забывать заявление В. И. Абаева: «...обратный порядок слов совершенно немыслим». Вот такие «перевертыши» и искажают историю народов Северного Кавказа.

5. Пытаясь найти хоть какой-то след термина «алан» в осетинском языке и фольклоре, В. И. Абаев прибегает к пространному рассуждению по поводу выражения «Аллон-беллон» из дигорской сказки. Но беда в том, что создатель «аксиомы» «не заметил» самую малость. На почве осетинского языка к этнонимам всегда прибавляется окончание «он», как в названиях: Кашк + он, Асс + он, Дигор + он, Ир + он и т. д. Согласно такой закономерности должно быть «Алл + он», т. е. этнонимом является слово «алл». Спрашивается, кто из историков знает такое племя на Кавказе или в Евразии? Вряд ли «Алл» можно связать, превратить в «алан». Может быть, последовать за Каминским и признать попытки В. И. Абаева за аксиому, и согласиться с существованием мифических «аллов»? Скорее всего, уместно вспомнить слова самого Абаева, сказанные им по адресу одного из его оппонентов: «Серьезная наука пройдет мимо этих любительских упражнений, не представляющих никакого значения».

6. Некоторые ученые распространяют в народе и литературе убеждение, что именно аланы построили башни, замки и крепости, которыми так богата земля Осетии (Б. А. Калоев). А археологическая наука считает прочно установленным фактом, что аланы бассейна Терека в VII–XII вв. именно тем и отличались, что вообще не имели навыков каменного зодчества (В. А. Кузнецов). Как отмечалось, Аммиан Марцеллин (IV в.) прямо писал, что у аланов «нигде не усмотреть даже покрытого соломой жилья».

Вот такая явная ложь, преподносимая вместо действительной истории, и есть оскорбление чувства любви к истории своего народа.

7. В известной «Зеленчукской надписи» большинство ученых, начиная с В. Ф. Миллера, видели якобы осетинское слово «Лаг» – человек, юноша. Но оказывается, по утверждению осетинского языковеда, что это слово «перешло в осетинский не из индоевропейских языков» (М. И. Исаев), т. е. не является осетинским или иранским. Более того, и этот факт мы отмечали, любое прочтение надписи с осетинского представляет бессмысленный набор личных имен, для прочтения которых приходилось вставлять в текст отсутствующие в надписи лишние буквы. И в этой ситуации весьма оригинально звучат слова В. А. Кузнецова: «Хотелось бы обратить внимание на то, что к традиционному чтению Зеленчукской надписи по-осетински (а кто доказал, что традиционное чтение единственно верное? – *И. М.*) добавились чтения по-кабардински, по-чеченски, по-тюркски. Таким образом, один и тот же текст с одинаковым успехом дешифруется на языках, относящихся к разным языковым группам! Парадоксальность этого невероятного положения (в т. ч. и осетинского прочтения. – *И. М.*) свидетельствует о низком филологическом уровне дешифровок и порождает мысль о субъективистском подходе исследователя к дешифровке. А это может привести ученого (в т. ч. и осетиноведа. – *И. М.*) к серьезной ошибке». Оригинальность такого мышления заключается в следующем:

а) почему-то успешным и верным считается только традиционно принятое прочтение по-осетински, когда путем замены одних, добавлением других, игнорированием третьих букв получается бессмысленный набор имен, заканчивающихся неосетинским словом «Лаг»;

б) «объективность» В. А. Кузнецова бросается в глаза: текст, содержащий явные неиндоевропейские, тюркские слова, две строки которого оставались гадательными, когда при дешифровке были добавлены 8 букв, он считает достоверным ирано-осетинским документом. Однако, чтобы оставаться последовательным и объективным, В. А. Кузнецову вообще следовало бы вычеркнуть такой «разночитаемый» текст из списка источников по истории аланов;

в) рассуждения ведущего алановеда странно выглядят еще и потому, что «единственная ираноязычная» надпись обнаружена в таком археологически «неаланском» районе. Я ведь настаивал на объяснении этого парадокса?

Вот такие явные натяжки вводят в заблуждение народные массы, старающиеся вникнуть в правду своей истории.

Рассуждая об этой надписи, ученик В. А. Кузнецова – соискатель В. Н. Каминский – впадает в очередное наивное мальчишество. Это особенно проявилось в его удивлении: «...достаточно было И. М. Мизиеву взглянуть на этот единственный в своем роде эпиграфический памятник, как проблема сразу же разрешилась». Дело куда проще: сколько бы ни старались, скажем, испанцы прочесть китайскую надпись, проблема сразу разрешится, если к тексту обратится китаец.

Историк, если он объективно относится к истории, обязан четко различать две категории фактов:

■ факт действительной истории, подтвержденный письменными свидетельствами и другими первоисточниками;

■ факт историографический, рожденный голым цитированием из книги в книгу однажды кем-то неосторожно высказанного, не подтвержденного первоисточниками предположения. Разрастаясь, как снежный ком, он с годами воспринимается обывательской средой (и отдельными учеными) как непреложная истина и нередко заслоняет собой и отводит на задний план факты первой категории.

Книга «Шаги к истокам...» была посвящена анализу фактов действительной истории, а не историографических. На основе первоисточников была предпринята попытка проверить аргументы Клапрота, Миллера, Абаева, которые породили огромную литературу, т. е. создали так называемые историографические факты. А мои оппоненты – Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецов, В. Н. Каминский и др. – сетуют на то, что я не разбираю всю выросшую на идеях тех ученых литературу. Однако нет труда убедиться в том, что, подрубая корни ложной теории об исключительном ираноязычии всех скифо-сармато-аланских племен, незачем заниматься ее многочисленными историографическими ветвями и отростками, они иссохнут сами.

Выстроенные в логический ряд исторические факты и вскрытые противоречия, долго замалчивавшиеся сторонниками сплошного ираноязычия названных выше племен, объявлены моими оппонентами «подтасовкой фактов», потому что они напрочь разрушают много лет культивируемое мнение. «Фальсификацией» они называют то, что преподносимые в их трудах будто бы ираноязычные термины, имена, тексты оказываются тюркскими и более соответствуют исторической действительности. При их тюркском прочтении не требуется никаких хитроумных и головоломных изысканий и искажений оригиналов.

Факты так называемого историографического порядка породили ставшую весьма популярной в литературе идею об ираноязычии аланов, хотя историческая наука не располагает ни единым сведением из первоисточников, подтверждающим эту идею. Тем не менее приходится только удивляться, как многие авторы машинально ставят перед именем «алан» бездоказательное – «ираноязычные».

Это тем более странно потому, что некоторые ученые попросту не хотят замечать, что о тюркоязычности аланов имеется достаточно неопровержимых данных:

■ родоплеменные группы «алан» и «аландаи келген» у туркмен и алтайцев;

■ аланами мегрелы называют карачаевцев;

■ последними носителями этнонима «алан», по Миллеру, были балкарцы и карачаевцы;

■ тюркское значение термина «алан» – долина;

■ в XVIII–XIX вв. Аланией назывался Карачай;

■ этноним «алан» сохранился только у карачаевцев и балкарцев;

■ масса топонимов, содержащих термин «алан», везде, где прежде обитали тюркские племена;

■ упоминавшийся выше вывод Г. А. Кокиева о генетическом родстве балкарцев и карачаевцев с кавказскими аланами.

Указанным фактам особый колорит придают сведения Ю. Кулаковского, собранные из античных и византийских источников. Они хорошо фиксируют аланов на Дунае в IV, VI–VIII, XIII вв:

■ область Алания значится на карте 776 г. у устья Дуная;

■ Конрад Миллер говорит, что на карте Иеронима (IV в.), сохранившейся в Кодексе XII в., значится приток Дуная, содержащий в своем названии этноним «алан»;

■ на карте Ричарда Гольдингамского (XIII в.), на карте Эрбсторфского монастыря в Ганновере (1284) на Нижнем Дунае также значатся топонимы, содержащие этноним «алан».

Все перечисленное вскрывает довольно странную картину: аланы оставили о себе память и на Алтае, и в Туркмении, и в Карачае, и в Балкарии, и даже на Дунае, в гуще южно-славянских и фракийских племен, где в свое время «растворились» и ославянились даже тюркоязычные болгары. Одним словом, аланы оставили следы своего пребывания везде, где только обитали в IV–XIII вв. Спрашивается, что же с ними случилось на так называемой «основной территории их миграции», т. е. в Осетии, где они не оставили даже намека ни в фольклоре, ни в топогидронимии, ни в языке? Кстати, в том самом языке, который аланы якобы навязали кавказцам – двалам, тагаурам, куртатам и др.

И тем не менее некоторые ученые, начиная со времен Клапрота, часто прибегая к толкованию термина «дон», означающего на осетинском языке «вода», «река», не замечают на пути своих рассуждений серьезное препятствие. Их должен был насторожить еще один вопрос: почему же расселившиеся по всему Северному Кавказу будто бы ираноязычные скифо-сармато-аланы не назвали подобным термином ни одну маломальски заметную реку этого края – Лаба, Кума, Кубань, Зеленчук, Малка, Баксан, Чегем, Черек, если на берегах Кубани, Зеленчуков, Терека еще в XII–XIII вв. находились крупные резиденции аланских царей, их культурно-административные центры и города, типа Нижний Архыз, Джулаты и др.? (В. А. Кузнецов). Наконец, даже «колыбельная» для «алано-осетии» – река Терек – именуется у них тюркским ее названием – «Терк», т. е. «Быстрая».

Пыл моих оппонентов несколько должен был охладить и такой факт: гора, откуда истекает река Терек, называется осетинами «Зилги-хох», т. е. «Зилги-гора», а слово «Зылгъы» является распространенным по всему тюркоязычному ареалу термином «Зылгъы-Жылгъы-Йылгъы» – «проток», «русло» (С. Алимов, Ф. Гарипова). Этот гидроним отражен и в русском названии речек – «Золка».

В контексте топогидронимов Осетии уместно отметить, что один из крупнейших ледников Казбека – Кельский – берет свое название от тюркского «таль» – озеро (С. Понамарев), а река Терек еще у Плиния значилась под тем же почти именем, что и сейчас, – «Дирик» (А. Муравьев).

Когда речь заходит о тюркоязычности аланов, следует вспомнить и некоторые письменные источники, которые прямо или косвенно отражают

эту тему. Напомним, что при необходимости различить множество племен, обитавших вокруг Меотиды, Аммиан Марцеллин подчеркивал – «*разные по языку*». Затем он подробно характеризует образ жизни и культуру гуннов, агафирсов, меланхленов, гелонов, аланов, которых только что категорически различал по языку друг от друга. Но когда автор переходит к сопоставлению характеристик аланов и гуннов, он пишет, **что аланы «во всем похожи на гуннов, только с более легким и более культурным образом жизни...»**. Из этого сопоставления может быть только один вывод: основным отличительным признаком для упомянутых народов у Марцеллина был язык. А если он подчеркивает, что аланы и гунны «во всем похожи», и в данном случае отличает их только более легким и культурным образом жизни, значит, он имеет в виду похожесть языка и этнических обычаев. Такому выводу способствует и последующее сведение Аммиана Марцеллина. Он продолжает: «...аланы по варварскому обычаю втыкают меч в землю и поклоняются ему... гадают о будущем по ивовыми прутьям». Следовательно, не может быть сомнения в том, что автор связывает эти племена и по общим этническим обычаям. Вряд ли кто всерьез может отказать Марцеллину, что под «варварами» в сравнении с аланами (с более легким и культурным образом жизни) он имел в виду гуннов. Стало быть, «варварские» гунны гадали по ивовым прутьям и поклонялись мечу. Очень уместно здесь вспомнить сведения Иордана о мече Марса, упавшем с неба, которому поклонялись гунны.

Второй письменный источник – это Иордан (VI в.), который писал, что после смерти Аттилы произошло перераспределение земель подвластных ему племен «и часть аланов со своим вождем по имени Кандак получила Малую Скифию и Нижнюю Мезию». Эта часть аланов названа Иорданом «керти аланорум», т. е. *керти аланы*, что означает на карачаево-балкарском языке «истинные аланы» или «настоящие аланы». Кстати, надо учесть, что переводчики труда Иордана слово «керти» не переводят и не объясняют его смысла (Е. Ч. Скржинская). Ошибки в написании этнонима и имени вождя исключаются, потому что нотарием у Кандака был дед Иордана, а нотарием у его племянника, по имени База, был сам Иордан. Встречающиеся в труде Иордана имена сарматского вождя – Баба и, аланского – Кандак, племянника последнего – База не могут оставить сомнений в том, что перед нами тюркские термины. По признанию Е. Ч. Скржинской, «имя *База* не поддается пока объяснению». А не поддается оно потому, что исследователи не обращались к тюркскому его значению: «сила», «мощь», «опора». А слово *бабай* – это «дед», «предок», «старший». Имя *Кандак,* как указывалось выше, образовано из тюркского слова *кан/хан* с прибавлением словообразовательного аффикса *дык/лык* и означает: «Сменяющий хана», «Будущий хан» (М. З. Закиев). В связи с разъяснениями этих имен очень важно одно замечание: при этимологии скифо-сармато-аланских имен и терминов иранисты никогда не прибегают к тюркским значениям и беспардонно заявляют: «Все, что не поддается объяснению из иранского, вообще не поддается объяснению» (В. И. Абаев). Такая беспардон-

ность достаточно полно обнажена на многих примерах, приведенных в этой книге.

В качестве третьего письменного источника мы приведем сведение знаменитого Абу-л-Хасана Али ал-Гарнати, обычно известного под именем Ибн Саид ал-Магриби (1214–1274). Он занимался в 36 багдадских библиотеках, много путешествовал, бывал в Армении, Сирии, Турции, Тунисе, Египте. В науке преимущественное внимание уделяется историческим трудам Ибн Саида, в которых он продолжал традиции своего рода и заканчивал некоторые работы, начатые еще его отцом и дедом. Он хорошо знает русов на Дону и около Азовского моря, отлично разграничивает буртасов, узов, команов-кипчаков, упоминает народы Кавказа.

«Из кавказских народов, – пишет он, –самым западным был народ *каса*, далее к востоку жили *азкиши, абхазы* и *аланы*. Все они были христианами; **кроме абхазов, все считались тюрками**». Очень важно заметить, что автор отличает абхазов от тюрков, а значит, отличал их и от других соседей.

Четвертый . источник – это известный историк и географ Исмаил ибн Али ал-Аййуби, чаще всего именуемый Абу-л-Фида (1273–1331). Он писал, что «к востоку от абхазов на берегах моря находится город Алан. Этот город назван так по имени народа алан, который его населяет; **аланы суть тюрки,** которые приняли христианство. Аланы в большом количестве обосновались в этой стране так же, как к западу от «Ворота Ворот» (Дербент. – *И. М.*). Поблизости живет **народ тюркской расы по имени *Ассы***».

Для продолжения конструктивного научного разговора и диспута хотелось бы порекомендовать оппонентам без излишней суеты и окриков, без ярлыков и оскорблений спокойно выстроить такой же ряд фактов из этнонимии, топонимии, письменных источников об ираноязычности аланов.

Однако вместо этого некоторые ученые, например Ю. С. Гаглойти и его сторонники, не имея других доводов и аргументов, начинают обвинять в некомпетентности не только выдающегося историка и географа Средневековья Абу-л-Фиду, но и всю арабо-персидскую и западно-европейскую литературную традицию, якобы не отличавших народы друг от друга и именовавших всех подряд тюрками. Такое обвинение ничем не обосновано, ведь отличал же Ибн Саид, прямой предшественник Абу-л-Фид, абхазов от тюрков и аланов!

Как только источники сообщают об асах и аланах что-либо не угодное построениям Ю. С. Гаглойти и его единомышленникам, незамедлительно и автор источника, и исследователь, использующий эти сведения, тут же обвиняются и в некомпетентности, и в неуважении к истории, и в фальсификации.

Утверждая, что Абу-л-Фида термин «тюрки» использовал в довольно расплывчатом смысле, Ю. С. Гаглойти пишет: «...под этими словами я полностью подписываюсь и теперь». Конечно, своя рука – владыка, но прежде, может быть, все же стоило, наверное, проверить свои источники, натолкнувшие на такой приговор?

Прежде всего Ю. С. Гаглойти ссылается на слова Йозефа Маркварта, представителя ортодоксальной школы, о принадлежности аланов и асов к индоарийокой расе. Маркварт писал, что под термином «тюрки» у Абул-Фиды «следует подразумевать возвратившихся в степи аланов, в отличие от аланов на Кавказе». Более странного заявления трудно отыскать. Во-первых, у географа речь идет исключительно только о кавказских аланах – на Западном и Центральном Кавказе, по соседству с абхазами и Дербентом. О каких степях здесь можно говорить? Во-вторых, историки, изучающие аланов по письменным источникам и археологическим данным, вряд ли могут ответить: в какие степи и откуда, о каком возвращении аланов и куда может идти речь? Одним словом, беспочвенная фраза Маркварта вообще не имеет никакого научного смысла!

Следующий источник Ю. С. Гаглойти – это слова Б. Н. Заходера: «Подобно тому как Северные горы (Гималаи), по описанию ал-Бируни, отделяли культурную Мидию от *тюрок*, так и Каспий в арабо-персидской географии был по преимуществу областью «чужих» народов, также объединенных в так называемой мусульманской литературе понятием *тюрки*.

Из этой фразы ученого вытекает лишь один вывод, а именно тот, что мусульманская литература иногда переносила термин «тюрки» на «чужие» племена, имея в виду чужую для арабов религию и культуру, а не потому, что арабо-персидская наука путала языки, нравы и обычаи, прочие этнические особенности народов. Живым примером тому могут быть многочисленные сведения этих ученых о булгарах, гузах, кипчаках, кимаках, тургешах, тогузогузах, татарах, туркменах, хазарах, карлуках со всеми их подразделениями и мелкими родовыми названиями, не путая их ни с кем (Ибн Хордадбех, Масуди, Марвази, Ибн Рустэ и др.).

Третий источник Ю. С. Гаглойти – это мнение Н. Л. Гумилева. Слова видного ученого о том, что «в VIII–X вв. арабы называли тюрками всех воинственных кочевников», являются одним из самых уязвимых мест в построениях Гаглойти. В самом деле, а кого же еще можно было назвать тюрками в VIII–X вв., если не кочевников – потомков гуннов: кутургуров, утигуров, булгар, хазар, торков, берендеев, клобуков, печенегов, тургешей, кимаков, гузов, огузов, тогузогузов, кипчаков, карлуков и массу их различных подразделений? Кого в этом ряду воинственных кочевников не хватает? Кого из них можно назвать ираноязычными? И вообще, есть ли письменный источник, отмечающий ираноязычных кочевников в указанный период на просторах Евразийских степей?

И последнее, на что пытается опереться Ю. С. Гаглойти, – что Константин Багрянородный будто бы называет тюрками венгров. В таком отождествлении нет ничего удивительного для автора X в., поскольку венгры своими этническими корнями уходят в глубь урало-алтайской общности и в угро-тюркский синкретизм эпохи Средневековья. В Венгрии растворилась масса гуннских племен державы Аттилы. Даже венгерский языковед Янош Карой Бешш (Жан Шарль Бессе) писал в 1830 г., что нет другого наро-

да, так близко похожего на венгров, как карачаевцы и дигорцы (последние мне представляются обыранившимися тюрками).

Таким образом, ни слова И. Маркварта, ни слова Б. Н. Заходера, ни мнение Н. Л. Гумилева, ни сведения Константина Багрянородного не дают ни малейшего повода подписывать такой серьезный приговор арабо-персидской и западно-европейской литературной традиции. Единственным оправданием может служить лишь тот факт, что они противоречат идеям Ю. С. Гаглойти. Однако ему следовало бы не только проверить свои источники, но и согласовать свой «приговор» с общемировой оценкой арабо-персидской историко-географической науки.

Например, академик И. Ю. Крачковский писал, что «иногда для отдельных стран за некоторые периоды их истории арабская географическая литература является или единственным, или важнейшим источником». В XVII в. историк Испании ал-Маккари, приводя справку об арабских путешественниках из Андалузии на Восток, которые имели в виду научные цели, насчитывает, помимо купцов, около 200 человек. Именно арабская историко-географическая наука X–XIV вв. впервые оставляет массу многообразных и ценнейших сведений о хозяйстве, быте, культуре и границах расселения древних саклабов (тюрков), русов и ал-Русйа (русских и России). Еще в начале 80-х гг. XIX в., когда арабская литература была известна далеко не в таком объеме, как сейчас, историк Крестовых походов Прутц писал: «Лучшим их трудам литература на Западе того времени не может указать никакой параллели. Стоит перечитать арабских историков и сопоставить с ними лучшее, что создала в то же время историография Запада, – ни минуты не придется колебаться в определении того, где больше действительно исторического чувства, больше политического понимания, больше вкуса в форме и искусстве изложения».

По словам И. Ю. Крачковского, «арабы дали полное описание всех стран от Испании до Туркестана и устья Инда с обстоятельным перечнем населенных пунктов, с характеристикой культурных растений, мест нахождения полезных ископаемых. Их интересовали не только физико-географические или климатические условия, но в такой же мере и **быт**, промышленность, **культура, язык,** религиозные учения. Сведения их выходят далеко за пределы известного грекам мира. Последние плохо знали страны к востоку от Каспийского моря, не имели почти никакого представления о восточных берегах Азии к северу от Индокитая». Возможно, поэтому асов и аланов путали и отождествляли именно только европейские авторы, плохо знавшие Азию (В. А. Кузнецов).

В географической науке XIV в. Абу-л-Фида, конечно же, был звездой первой величины. Он на себе испытал власть кипчаков, а потому имел представление о тюркском языке, неоднократно участвовал в торжествах при дворе монгольского хана. Последнее обстоятельство также может свидетельствовать о том, что он мог различать тюркский и другой язык. Оплошности в отношении языков для знаменитого географа и историка исключаются хотя бы потому, что он в своих трудах широко пользовался

всей арабо-персидской историко-географической литературой. Из классических трудов это были прежде всего работы Ибн Фодлана, Масуди, Марвази, ал-Истахри, Ибн Хордадбеха, ал-Идриси, ал-Бируни, Ибн Саида и др. Вряд ли такому кругу ученых можно отказать в знании хотя бы персидского языка, чтобы они могли не различать иранскую речь аланов от тюркского языка.

Абу-л-Фида также широко пользовался устными источниками – сведениями купцов. Уж кто-кто, а купцы наверняка могли различать языки в пределах орбиты своих торговых операций.

К приведенным фактам следует добавить, что, описывая крепость Кирк-иер (ныне Чуфут-кале в Крыму), Абу-л-Фида сообщает, что она лежит в области народа *асы*. Безымянный автор «Сокращенной истории Крыма», сочинение «Семь планет» Сеид Мухамеда-Ризы и предания о взятии Кирк-иера татарами подтверждают свидетельства географа. В этих трудах население Кирк-иера названо асами, а по религии отнесено к христианам. Мухамед-Риза называет асов «могульским племенем» (монгольским?), а автор «Сокращенной истории» – татарским. Как видим, Ибн Саид и Абу-л-Фида были далеко не одинокими в своих суждениях об асах.

«Выдержки из этих произведений, – пишет Ю. Кулаковский, – приводит Смирнов в своем труде «Крымское ханство до половины XVIII века» (СПб., 1887. С. 104). – И в связи с этим Ю. Кулаковский продолжает: – Григорович в своей «Записке антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус, в корсунскую землю и южные побережья Днепра и Днестра» (Одесса, 1874) отмечал, что среди выселившихся из Горного Крыма в прошлом веке, известных под именем «мариупольских греков», были две группы: одна – таты, говорившие на греческом, и другая – базариане, говорившие на татарском языке. Григорович полагал, – отмечает Кулаковский, – что базариане – потомки аланов, и сослался на поселение аланов в местах, указанных в «Аланском послании епископа Феодора».

Нам кажется, что упомянутые Григоровичем «базариане» несомненно есть инновация или иноязычная транскрипция имени народа «база», указанного хазарским царем Иосифом в X в. Этот этноним заставляет вспомнить и имя аланского вождя База, названного Иорданом.

Коль скоро речь зашла об этнических названиях и исторических именах, следует отметить одну парадоксальную ситуацию. Дело в том, что в своих работах В. И. Абаев, В. А. Кузнецов, Ю. С. Гаглойти и другие осетиноведы часто спекулируют на очень важной и серьезной теме – древних культурных и кровно-родственных связях «алано-осетин» с грузинами, армянами, абхазами, сванами. Оставляя на их совести, что в трактовке, например, имени «Осбагатар» они никогда не упоминают, что тюркский титул «батыр» – *смелый* – был широко распространен у сабиров, булгар и других тюрков, подчеркну другое. Разбирая Зеленчукскую надпись, В. Ф. Миллер писал: «Считаю нелишним сказать еще несколько слов по поводу имени *Бакатар*, встречающемуся в рассматриваемой надписи. Это несомненно тюрко-татарское слово вошло, как и многие другие слова

тюрко-татарские, в осетинский язык весьма рано, гораздо раньше окончательного водворения тюркских племен в западных частях осетинской территории» (?). Но самое главное в том, что при таких тесных и интимно-родственных отношениях осетины, казалось бы, должны были хорошо знать своих исторических партнеров. Однако им вообще незнакомо самоназвание грузин, абхазов, которых они именуют их «книжными» этнонимами, а не самоназваниями. И уж совсем непонятно, что армян, с которыми аланы породнились еще в первых веках, выдав за Арташеса свою красавицу Сатиник, «потомки аланов» знают по их грузинскому этнониму «Сомех», которым армяне сами себя не называют. Эти факты, отраженные в словарном фонде осетинского народа, говорят сами за себя и свидетельствуют о глубине исторических контактов.

Особого внимания заслуживает интерпретация термина «овс». Известно, что он был внесен в «Картлис Цховреба» во «Вставке» XVIII в. (Г. В. Цулая). А в том же веке Вахушти, несомненно имевший отношение к этой «Вставке», овсами именует балкарцев. Ничего удивительного нет, если вспомнить, что термин «овси» сваны закрепляют за карачаевцами (Н. Т. Волкова). И уж совсем выбивает почву из-под ног авторов, отождествляющих «книжное» *овси* грузинской хроники Леонти Мровели с нынешними осетинами, слова Н. Я. Марра: «Термин осский (осетинский) у сванов означает не иронский язык, как мы это понимаем, иранского происхождения, а карачайский, относящийся к турецкой семье. Для иронского у сванов термин «дигорский». У лашхцев, во всяком случае по объяснению О. Арсена, **сави-ар асы** или **осетины** означает и карачаевцев-татар и других осетин, т. е. выходит так, что термин имеет территориальное значение, и все, кто проживает на обозначаемой им территории: турки ли, карачаевцы, – они или народ иранского племени – ироны (наши «ос»-и, обычно – *осетины*), у сванов, по крайней мере лашхцев, они называются одинаково – *сави-арами*, т. е. осами-осетинами. Кстати, по личному сообщению А. Г. Шанидзе, так обстоит дело и в гебском подговоре рачинского говора грузинского языка: здесь *ос-и*, кстати, звучащее в глольском говоре иногда, как и в древнегрузинском, – *овс-и* (ср. *мингр.* офс-и), означает обыкновенно карачайца, а *осури* – карачайский язык, что же касается переноса и распространения этого этнического термина, – продолжает Н. Я. Марр, – также и на иронов-осетин, т. е. употребление его вместо племенных названий *дигорел-и* «дигорец» и *двал-и* «двал», то в этом надо видеть плод влияния грузинского литературного языка или, точнее, грузинской речи интеллигенции». Вероятно, той самой ученой интеллигенции, которая и внесла в XVIII в. «Вставку» в хронику Леонти Мровели.

Считаю нелишним отметить очень важный момент в словах Н. Я. Марра. Имеется в виду ссылка на рачинский говор грузинского языка. Дело в том, что здесь ошибка исключается потому, что, по сообщению И. Гюльденштедта, балкарцы постоянно ходили на еженедельные базары в Рачи, и они, рачинцы, не могли их язык перепутать с кем бы то ни было, так как неизменно пользовались их торговыми услугами.

В своих суждениях об аланах и асах не были последовательными и европейские ученые XIX в. Например, Г. Ю. Клапрот писал, что «эти ассы являются или самими осетинами, или живущими в их стране (Алании) татарскими племенами *балкар* и *чегем*, которых и теперь осетины, называют ассами». Такая же неуверенность чувствуется в работах современных авторов, которые в одном случае пишут о неоднородных в этническом отношении аланах и асах, а в другом называют их «ираноязычными аланоасами» (И. М. Чеченов).

К весьма странному рассуждению прибегает и В. А. Кузнецов, пытаясь найти лазейку при помощи следующей формулировки: «Но даже если допустить, что этноним «ас» имеет тюркское происхождение, это не значит, что он принадлежал тюркам и не имел отношения к осетинам».

Во-первых, этноним «ас» имеет прямое отношение к осетинам в том именно смысле, что этим древнетюркским термином они называют на своем языке не себя, а своих многовековых соседей – балкарцев. По нашему мнению, это соседство уходит в глубь веков соседства древних «курганников» и «катакомбников» эпохи бронзы. Во-вторых, если еще в XV в. (И. Барбаро) термин «ас» был самоназванием алано-осетин (В. А. Кузнецов), то странность рассуждений этого автора не требует комментариев. В-третьих, этноним «ас» не просто имеет тюркское происхождение, а поныне существует как родоплеменное имя среди ногайцев, алтайцев, казахов, киргизов, узбеков, каракалпаков. Бытование асов среди средневековых тюрков уже признается отдельными авторами (Е. П. Алексеева).

А между тем в вопросах об аланах и асах путается и Ю. С. Гаглойти. В своей «рецензии» на мою книгу он пишет, что под именем аланов, овсов, ясов, асиев, ассианов, асов «древние и средневековые авторы обозначали один и тот же этнос, основной территорией обитания которого, начиная с последних веков до н. э. и вплоть до нашествия тимуровских орд, были центральные районы Северного Кавказа и потомками которого являются современные осетины». Это утверждение, культивируемое всеми средствами, представляет собой верх фальсификации истории, потому что историческая наука не знает ни одного источника, позволяющего говорить о том, что перечисленные племена были ираноязычными предками осетин. Именно подобное утверждение Ю. С. Гаглойти и его сторонников подвергалось критике в моей книге. На с. 57–93 я подробнейшим образом показал всю беспочвенность стремлений Г. Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева и других отождествлять аланов и асов, считать и тех и других ираноязычным племенем. Пункт за пунктом я рассмотрел несостоятельность всех их аргументов, начиная с сообщений Г. Рубрука, П. Карпини, И. Барбаро. Подобный подробный анализ всех моих аргументов и будет объективной рецензией моих оппонентов, а не их голые окрики и ярлыки.

В результате становится очевидным, что усиленное навязывание осетинскому народу чужого имени «ас», от которого сам народ, на своем родном языке отрекается в пользу своих соседей, и есть более чем неуважение к исторической памяти народа.

Как бы ни изощрялись Ю. С. Гаглойти и его сторонники, им никак не удается ответить на прямой вопрос, вытекающий из первоисточников: можете ли вы хоть одним-единственным фактом письменного источника аргументированно доказать тождество аланов и асов? Можете ли указать одного-единственного древнего или средневекового автора, который пишет или хотя бы намекает на ираноязычность аланов и асов? Ведь об аланах и асах написано много!

Ю. С. Гаглойти конечно же знает, но грешит перед истиной, забывая, что «локализация асов в первой половине I тыс. н. э. в пределах узкоограниченной территории (как это хочется Гаглойти. – *И. М.*) маловероятна: Ю. Кулаковский и Томашек пытались их разместить выше излучины Дона, а А. Д. Удальцов – у Тилигульского лимана. В. Тарн размещал их в Средней Азии, к этому же мнению присоединился С. П. Толстов» (В. А. Кузнецов).

Таким образом, в дискуссию об асах хочется вступить со следующими фактами:

1. Ас – это древнетюркский этноним, известный по китайским источникам первых веков.
2. Ас – это древнетюркский этноним, известный по Орхоно-Енисейским надписям VII–VIII веков.
3. Ас-киши – это тюркский этноним, означающий «асский человек», зафиксированный в X веке Ибн Хордадбехом, в XIV веке Ибн Саидом, Абу-л-Фидой. Ас-киши – это то же самое, что осетинское название балкарцев – Ас + он.
4. Ас – это татарское племя, по анонимному автору XIV века.
5. Аас (Агъ-ас) – Белые асы – монгольское название половцев.
6. Ас – родоплеменные группы у каракалпаков, ногайцев, алтайцев, узбеков, казахов и др.
7. Ас, Ишбай-Ас, Хусин-Ас – топонимы в Каракалпакии.
8. Ас-кала – топоним в Балкарии.
9. Ярополк ходил войной на половцев, а в плен приводил ясов.
10. Жена Андрея Боголюбского была болгарка – родом из асов/ясов.
11. «Язык же ясеськый яко ведомо от печенеженьска рода...»
12. Су-ас, т. е. «речные асы», – марийское название волжских татар.
13. Су-ас – самоназвание чувашей.
14. Биюк-ас, Кичик-ас – две волости в Крыму, населенные асами и означающие Большой Ас, Малый Ас.
15. Ас + он – асский человек – осетинское название балкарцев.
16. Стур-Ассиаг – Большая Асия – осетинское название Карачая.
17. В сказках балкарцев людоед говорит: «Ас ийис, адам ийис!», т. е. «Асский дух, человеческий дух!».

Вновь хочется пригласить своих оппонентов выстроить такой же ряд фактов об ираноязычии аланов и асов, об их тождестве как между собой, так и с современными осетинами. Неплохо было бы одновременно получить ответ и на вопрос: почему же асами марийцы называют татар, а осетины – балкарцев? Мне кажется, что здесь есть над чем подумать, прежде чем просто отмахиваться от очевидного.

Беспомощной декларацией, сродни пасквилю, действительно свидетельствующему и об отсутствии чувства меры и чувства такта, является утверждение Ю. С. Гаглойти, что я доказываю тюркское происхождение дигорцев, «основываясь исключительно на одном более чем сомнительном сообщении автора XVIII века, полностью игнорируя при этом существующую литературу и источники». Насколько тактичен оппонент в таком заявлении и насколько я «исключительно» пользуюсь только словами Я. Рейнеггса, читатель может убедиться сам, сравнив слова Гаглойти со с. 78–94 моей книги. Но если оппонент хочет исключительности, то он может оказаться единственным, кто мог бы указать мне хоть один источник, который свидетельствовал бы об изначальном ираноязычии дигорцев!

Что касается Я. Рейнеггса, то ничего удивительного нет в том, что, проверяя его сведения, Клапрот, ярый сторонник ираноязычности аланоасов, обуреваемый поисками индоариев, не мог, да и не хотел согласиться с Рейнеггсом, не мог не поставить под сомнение его слова.

Ю. С. Гаглойти, вслед за В. Ф. Миллером и В. И. Абаевым, пытается связать сарматский воинственный клич «Маржа!» с осетинским словом «убивать» или же с иранским «яд». Однако у балкарцев и карачаевцев этот клич употребляется во многих значениях: «Кел, маржа, кел!» (Приходи, маржа, приходи!); «Кет, маржа, кет!» (Уходи, маржа, уходи!); «Къой, маржа, къой!» (Оставь, маржа, оставь!); «Бер, маржа, бер!» (Дай, маржа, дай!) и т. п. Думаю, что только очень пылкая фантазия может объявить или связать эти понятия со словами «убивать», «яд», а тем более увидеть в них грузинское «марджва» – успех.

Когда речь заходит о древних племенах, некоторые ученые в своих спорах часто прибегают к утверждению, что частица «та» во многих этнонимах – это только осетинский показатель множественного числа. Не забыл прибегнуть к этому и Ю. С. Гаглойти. Однако эти ученые не учитывают, что частица «та» и «ат» – это распространенные показатели множественности во многих тюрко-монгольских языках (М. З. Закиев, Н. А. Баскаков). С позиции осетиноведов весьма трудно объяснить такие этнонимы, как: *Ойрат, Онгут, Юрмат, Дулат, Конграт, Тангут, Телеут, Якут, Бурят* и т. д. К тому же, оппоненты вновь утаивают от читателей одно очень привлекательное замечание В. Ф. Миллера, всячески старавшегося доказать ираноязычность аланов и асов. Заметив неясность происхождения осетинского суффикса множественного числа «та», он вынужден был признать, что «вследствие фонетической утраты древнего праиранского суффикса мн. ч., осетинский язык должен был приискать новый знак множественности, и найдя таковой в загадочном для нас – «та», переделал свое склонение на урало-алтайский или угро-финский лад», и что, «быть может, не слишком смело предположение, что этому приему научился Иран от соседнего Турана» (т. е. тюрков. – *И. М.*).

В своих спорах мои оппоненты часто искажают и сведения такого авторитетного и общепризнанного источника, как «Армянская география» VII в. В данном случае можно позавидовать «смелости» Ю. С. Гаглойти и его

друзей. Судите сами: источник однозначно гласит – «народ АГВАНОВ (не АЛБАН)...». Такая серьезная оговорка для Ю. С. Гаглойти ничего не значит, и он пускается в пространные рассуждения о том, что в армянском языке звуки «г» и «л» часто чередуются и взаимозаменяют друг друга. Все верно, с этим никто не спорит. Но все это в данном случае война с ветром, так как в источнике специально подчеркнуто, чтобы не путали «Агван» и «Албан» (К. Патканов). Здесь не может быть и речи о взаимозаменяемости отмеченных звуков. Следовательно, неуместны и никакие подтасовки и подгонки типа: Агван-Алван-Алуан-Алан и т. п., к которым прибегает Гаглойти. Неуместно все это еще и потому, что строкой ниже и под отдельным номером источник ясно и четко фиксирует самих «аланов». Впрочем, все это не имеет отношения к истории осетинского народа: ни аланами, ни асами ни сами осетины себя, ни их соседи осетин не называют, хотя на протяжении более тысячелетия хорошо знали эти племена.

Разбирая «погромные» рецензии оппонентов на мою книгу, специалисты, наверное, убеждаются в том, что в порыве гнева некоторые отказываются от того, что долгие годы преподносили осетинскому народу в качестве исторических фактов. Например, В. А. Кузнецов, одобривший «труд» ученика Каминского, отказывается от следующего своего вывода: «Подводя итоги, мы можем прийти к заключению, что в эпоху раннего Средневековья на Северном Кавказе, по-видимому, существовали два больших племенных союза, составляющих историческую Аланию. **Западный племенной союз** был связан с наименованием **асы, Восточный** – с наименованием **аланы**». Или же: «Наличие двух локальных вариантов внутри аланской культуры (которые я рассматривал на с. 139 и сл. своей книги. – *И. М.*) свидетельствует о неоднородности аланской этнической среды и наличии в ней двух родственных племен». Не спасает В. А. Кузнецова и такая «соломинка», как предпринятая им в 1988 г. попытка навязать аланам политический, культурный, этнический дуализм при едином иранском диалекте языка.

Ю. С. Гаглойти готов отказаться от своего заявления, потому что подобное же говорю и я на с. 89 своей книги. Сравните, пожалуйста: «Предельно четкая локализация (К. Багрянородным. – *И. М.*) асов в районе Дарьяльского прохода, который являлся восточной границей аланов (вспомним хотя бы Прокопия Кесарийского), показывает, что асы располагались на территории исторической Алании, граничащей на западе, по данным того же автора, с адыгами, а на севере – с Хазарией».

Перед алановедами, если они хотят действительного анализа фактов, должен встать давно напрашивавшийся вопрос: почему 1000 лет проживавшие на Северном Кавказе, имевшие свою государственность и даже письменность – аланы и их имя после XIII–XIV вв. вдруг исчезают бесследно и из памяти самих осетин, которые якобы помнят даже скифо-сарматскую речь и обряды, а с аланами осознают и свое родство, и из памяти соседних народов по отношению к осетинам. Ведь народы Северного Кавказа поддерживали с аланами тесные контакты на протяжении всего этого тысяче-

летия. Ведь не забыли же мегрелы, что аланами именуют карачаевцев, не забыли и осетины, что асами назывались балкарцы.

В действительности, вряд ли кто другой на месте Ю. С. Гаглойти осмелился бы цитировать Аммиана Марцеллина. И не потому, что он солгал читателям, исказив мою мысль, а потому, что он всегда искажает этот источник. Он никогда не цитирует приводившиеся мной выше слова Марцеллина о том, что вокруг Азовского моря живут РАЗНЫЕ ПО ЯЗЫКУ множество племен. Источник перечисляет как раз те племена, которые Ю. С. Гаглойти в своих работах постоянно пытается объявить ЕДИНОЯЗЫКИМ этносом.

Передергивает он и другую фразу источника: «Истр со множеством притоков течет мимо земли савроматов, простирающейся до Танаиса, СОСТАВЛЯЮЩЕГО ГРАНИЦУ между Азией и Европой. За нею тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор...» Но оппонент, который всегда цитирует только второе предложение этой фразы, идет-таки дальше и, не взирая на слова: «Танаис, составляющий границу между Азией и Европой» (а аланы живут за Танаисом, т. е. за Доном), утверждает, что у Аммиана Марцеллина «речь идет о Европейской Сарматии и частично Азиатской». Читатель, вероятно, убедился, что у Марцеллина речь идет только об Азиатской Сарматии, так как Танаис в представлениях древних писателей, в т. ч. и самого Аммиана, считается границей между Азией и Европой. Именно эту тенденциозность и критиковал я на с. 131 своей книги. Однако Ю. С. Гаглойти утаил от читателей, что на этой странице слова Аммиана Марцеллина были приведены мной для того, чтобы уличить оппонента в искажении сведений первоисточника.

Для отрицания тюркоязычности аланов некоторые авторы часто прибегают к сведениям Ибн ал-Асира о том, что в 1222 г. монгольский полководец Субудей передал кипчакам следующее послание: «Мы с вами один р о д, а эти аланы не из вас (не из вашего рода, а не народа. – *И. М.*), чтобы вы помогали им, и вера их не похожа на вашу веру...»

Важно иметь в виду, что других отличий, кроме веры, они не замечают между кипчаками и аланами. Однако, разбирая это послание, отдельные авторы, в т. ч. и Ю. С. Гаглойти, «забывают» учесть весьма серьезные обстоятельства:

1. Это был обычный дипломатический прием монголов, многократно используемый ими для того, чтобы разбить союзнические отношения своих противников. Таким же образом они хотели поступить с половцами и русскими накануне битвы на Калке, но, наученные горьким опытом, кипчаки на сей раз не поддались провокации. Так же монголы намеревались поступить с Хорезм-шахом в Мавераннахре, послав к нему несколько купцов и отряд тюрков из своего войска.

2. Слова монгольских дипломатов «мы с вами один род» объясняются тем, что, по словам А. Казембека, «под кипчаками Ибн ал-Асир разумеет кочевой народ половцев, которые, как обнаруживается из разнородных остатков языка, свидетельства византийцев и других признаков, были тюркского происхождения. **Войско же Чингисхана, вторгнувшееся в их**

землю (т. е. отряд Субудея. – И. М.) **состояло, как известно, не столько из монголов, сколько из татар-тюрков»**. Подобное обращение к кипчакам косвенно оправдывают и слова Хорезм-шаха: «Двинулся на нас враг со стороны тюрков во множестве неисчислимом, со стороны реки Сихуна (Джейхуна? – *И. М.*), разделяющей земли тюрков от стран ислама». Наличие тюрков в войсках Субудея подтверждает и сам Ибн ал-Асир, утверждающий, что при походе на страны ислама войска монголов «составляли большое племя тюрков».

3. Другой аспект монгольского послания к кипчакам вскрывает Троицкая летопись, подметившая, что монголы имели в виду зависимое положение кипчаков от монголов: «Мы приидоша на *холопи* наши и на *конюси* свои, на поганыя Половци, а возьмите с нами мир, а нам с вами рати нету».

4. Акцент на то, что «и религия их не похожа на вашу», прямо указывает, что аланы, к тому времени почти пять веков исповедовавшие христианство, имевшие свою епархию и пр., в корне отличались от язычников-кипчаков, монголов и других тюркских племен, состоявших на службе у Субудея. Именно о такой разнице позволяют судить следующие слова Ибн ал-Асира: «Что же касается до веры его (т. е. монголов. – *И. М.*), то он поклоняется солнцу, во время восхода, и ничего не считает для себя запрещенным».

5. Наконец, самым серьезным аргументом монгольских дипломатов, не оставляющим никакой надежды моим оппонентам в данном споре, является то, что среди кипчаков все еще были живы их этнокультурные и этнородовые связи на востоке Евразийских степей с монгольскими племенами. Субудей точно рассчитал эти этнические мотивы. Сам Субудей-баадур (*батыр*) происходит из кипчакского *рода* Уранкатов (Уранхайцев). Поэтому у него был прямой повод обратиться к кипчакам со словами: «мы с вами из одного *рода*».

Первая часть этнонима Уранкат (слово «уран») означает по тюркско-арабскому глоссарию 1245 г., составленному на основе кипчакских и огузских слов, понятие «змея». Кипчакское племя «уран» упоминается в 1181 г. в письме Хорезм-шаха Текиша (родом тюрка) к правителю области Гура. Во главе этого кипчакского рода стоял Алп-Кара и его сын Кыран. Племянник Кырана Алп-Дерек был владетелем тюркского города Отрара, очень хорошо известного монголам. Вот как далеко уходило родство кипчаков с Субудеем и его отрядом.

По источникам VIII в., вторая часть этнонима (слово «кай») означает на монгольском языке то же понятие – «змея» (З. М. Буниятов, С. М. Ахимжанов, М. Ф. Кепрюлю).

Вот на этих древних родственных чувствах кипчаков сыграл так уверенно Субудей, а не потому, что кипчаки и аланы были разными по языку и этническому происхождению. И действительно, ведь дипломаты Субудея отмечали *только* разность их родов и веры.

Думаю, не будет слишком смелым заявление, что приведенные материалы в достаточной степени свидетельствуют о том, как многие факты умалчиваются некоторыми авторами, вступающими в спор об аланах и асах. В связи с подобным подходом к исторической действительности очень уместно вспомнить, как, переворошив массу источников об Отечественной войне 1812 г., Л. Н. Толстой сказал: «Эпиграф к истории я бы написал: «Ничего не утаю». Мало того, чтобы прямо не лгать, надо стараться не лгать отрицательно-умалчивая».

Еще в рукописи книги В. Б. Виноградов, И. Х. Ахматов и я предвидели и знали, кто из «ура-патриотов» осетинского народа и как будет писать о ней. Первым, как и ожидалось, откликнулся Ю. С. Гаглойти, затем В. А. Кузнецов и его друзья В. И. Марковин, И. М. Чеченов и, наконец, с их подачи, «не глядя» подмахнул заранее подготовленный пасквиль некий ученик В. А. Кузнецова – соискатель В. Н. Каминский (Советская археология. 1988. № 4). Не берусь судить, какая безысходность заставила и насколько украшает научного руководителя использование своего доверчивого ученика в роли «подсадного», даже не прикрыв свои давно известные пассажи по поводу древнебулгарских рун и тамг в верховьях Кубани, привив ему манеру прикрываться авторитетом упоминавшегося С. Л. Тихвинского. Зато совершенно ясна безнравственность заманивания еще не во всем разобравшегося соискателя в свой давний спор с карачаево-балкарскими учеными (У. Б. Алиев, М. А. Хабичев, Х. А. Хаджилаев, И. М. Мизиев и др.).

В связи с этой ситуацией хотелось предупредить своего молодого оппонента, чтобы впредь, прежде чем позволять водить себя «на ниточке», даже за такую цену, как публикация в солидном журнале, он серьезно вникал в суть дискутируемой проблемы и рецензируемой книги.

В. Н. Каминский, на рецензию которого, как мне известно, возлагались особо радужные надежды в кругу моих оппонентов, обрушился на меня с позиций «абаевской аксиомы». В отличие от оппонентов, я располагаю куда более острым и действенным оружием – фактами, которые могут остудить их пыл.

Прежде чем, «не зная брода», ввязываться в давний и сложный спор в незавидной роли защитника безнадежно устаревших постулатов, Каминский обязан был, по совету учителя, «благословившего» работу, ознакомиться со специальным томом «Степи Евразии в эпоху Средневековья» (М.: Наука, 1981). Сколько-нибудь объективный учитель непременно бы указал 89-ю страницу этого труда, на которую, кстати, указывал и я (Шаги к истокам... С. 155). Там ясно сказано, что скальные захоронения можно связать с тюрками-болгарами. Однако у них не хватило духа ни прочесть это место, ни назвать «пантюркистами» солидный авторский и редакционный коллектив капитального тома. Побоялись они применить свои ярлыки и к В. Б. Ковалевской, работу которой я также рекомендовал прочесть. Увы, манера передергивать факты и двурушно подходить к оценке одних и тех же высказываний заслонила им здравый рассудок, и они «не заметили»,

как известный ученый, завершая свой труд «Кавказ и аланы» (М., 1984), писала, что в скальных гробницах «погребали своих умерших **не только** (а может, и не столько!) ираноязычные аланы, но и тюркоязычные народы, **очевидно болгары, генетическая связь которых с балкарцами и карачаевцами безусловна**».

Кому непонятен страх В. Н. Каминского и его руководителя назвать националистом И. Е. Саратова, идеи которого питают расхожие «байки» типа: «Сколоты – праславяне» (Б. А. Рыбаков). Праславянами могли быть скифы-земледельцы, каллипиды, алазоны, но не сколоты – потомки Таргитая. Но в то же время В. Н. Каминский хорошо усвоил царящий в индоевропеистике «ретроспективный империализм», преградивший путь изучению древнейшей истории тюркских народов, самовольно установив для них «день рождения» – эпоху хунну в Азии и гуннов в Европе.

В кругу моих оппонентов в последние годы стало особенно модным прикрывать этот «империализм» авторитетом С. Л. Тихвинского, который, как указывалось, объявляет любую попытку заглянуть глубже этого «рубикона» истории тюркоязычных народов формулировкой: «имеют место попытки...» Разве это не повторение оценки исторического значения тюркских народов в Императорской академии наук (Ученые записки Императорской академии наук по I и III отделениям. СПб., 1855. Т. 3. Вып. 5. С. 714). Подобное отношение к истории тюркских племен и народов особенно показательно в сравнении с тем, что **все без исключения накопленные человеческим разумом достижения** в Передней Азии и Евразии на протяжении VII–II тыс. до н. э. – амбициозно **объявляются наследием только индоевропейских народов,** хотя «никаких реальных следов пребывания древнейших индоевропейцев в Передней Азии нет» (И. М. Дьяконов).

Двурушный подход к истории народов позволяет В. Н. Каминскому и ему подобным безнаказанно жонглировать беспардонным заявлением академика С. Л. Тихвинского и бравировать терминами «националистический», «пантюркистский», навешивать их, как правило, на представителей малых народов и нацменьшинств Советского Союза.

Искусство размахивать вырванными из контекста цитатами еще в 30-х гг. умело использовалось в грязных руках как испытанное оружие для расправы с оппонентами. Как тогда, так и теперь это делается под спекулятивным прикрытием – дескать, «работа противоречит ленинскому пониманию национального вопроса» (В. Н. Каминский). Чтобы не разоблачать себя, демагоги как тогда, так и теперь не удосуживаются даже вникнуть в одно из самых основных требований В. И. Ленина: «...никаких привилегий ни одной нации, ни одному языку», – и исследование истории. Далее Ленин указывал, что любое нарушение этого принципа уголовно наказуемо. Ленинские принципы получили дальнейшее развитие в новейших документах КПСС. Например, в Обращении ЦК КПСС «К партии, советскому народу» от 10 января 1989 г. сказано: «Партия выступает за уважительное отношение к национальным интересам, своеобразию и достоинству каж-

дой нации и народности... для решения назревших вопросов культуры и языка, исторического наследия».

Через всю «рецензию» В. Н. Каминского проходит его очевидная близорукость в историко-материалистическом учении, упоительная вера в безгрешность В. И. Абаева, а в результате этого и непростительная удаленность от затрагиваемых в моей книге проблем, источников и литературы. В своих философских познаниях он не пошел дальше школярских штудий «Кратких курсов», последствия которых сегодня комментариев не требуют. Если бы его научный руководитель вместо подстрекательства подсказал бы ему, что марксизм-ленинизм, в отличие от «учения» Абаева, не догма, что его надо изучать не по отдельно вырванным цитатам, а в комплексе и в соответствии с диалектикой развития общественных формаций, предостерег бы его, чтобы, не познав общие закономерности, он не спотыкался о частности, тогда В. Н. Каминский не стал бы так опрометчиво доказывать, что «союз племен» не может быть «определенной ступенью исторического развития со своеобразным отличительным характером» (*Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 148–149, 168–170). Потрудись он проработать указанные им же работы В. И. Ленина и Ф. Энгельса, он бы понял, что «союз племен» не только «определенная», но и высшая ступень первой общественно-экономической формации человеческого общества. Прочти он вдумчиво с. 132–133 рецензируемой им книги, он не смог бы узреть там утверждений, что «союз племен» и «общественно-экономическая формация» суть синонимы, точно так же, как не могут быть таковыми понятия: «здание» и «крыша».

Подобные уровню Каминского теоретические обоснования истории народов Северного Кавказа явились в 1949 г. поводом навесить ярлык «фальсификатор истории» и «съесть» выдающегося советского историка профессора МГУ дигорца по происхождению Г. А. Кокиева (У. А. Улигов). Очень сомнительно, чтобы в доносе на него не были использованы (в свете свежего тогда труда В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор») его «вульгаризаторские», «пантюркистские» высказывания, что балкарцы и карачаевцы являются потомками аланов и относятся к числу древнейших обитателей Кавказа. Разве не показательно, что даже теперь, при столь придирчивом «разносе» моей книги, ни один из оппонентов не упоминает ни имени, ни аргументов Г. А. Кокиева, на которые я ссылался на с. 135 своей книги. Отчего бы такое молчание?

Испытанный в те годы прием был применен В. А. Кузнецовым и его единомышленниками и по отношению ко мне, благо, что в соответствующих органах знают цену фактам и умеют с ними обращаться.

Таким образом, верный ученик продолжает «прославленные» традиции своего учителя – как расправляться с неугодными оппонентами.

Вместо ознакомления ученика с достижениями археологической науки В. А. Кузнецов откровенно одобряет и прививает ему навыки двурушничества. Вот только три примера:

1. В. А. Кузнецов всегда считал, что западный вариант аланской культуры связан с асами, а его ученик за это упрекает меня.

2. В своей рецензий на книгу С. А. Плетневой «От кочевий к городам» В. А. Кузнецов не оспаривал принадлежности «солнечных» амулетов тюркам. Умолчал, а значит, признал культ волка в религиозных воззрениях тюркских племен (Советская археология. 1969. № 2), а теперь доверчивыми руками соискателя пытается все это обернуть выборочно для оскорбления меня и дискредитации моей книги, «забыв» прочесть в работе С. А. Плетневой следующее: «Возможно, что в аланские могильники волчьи клыки, не попадали потому, что **волк был символом и тотемом тюрок**» (с. 174). Далее: «Итак, «**солнечные» амулеты,** широко распространенные в Хазарском каганате, **были символами Тенгри-хана** – бога неба, которого, кроме того, называли «чудовищным героем» (с. 178).

3. Вот как демонстрирует свою «объективность» В. Н. Каминский (Советская археология. 1988. № 4. С. 274), преднамеренно разорвав мою фразу, завершающуюся словами: «...волк являлся тотемным животным, прародителем и божеством древних тюрок, **как, впрочем, и у многих других народов**» (Шаги к истокам... С. 38).

В связи с этими высказываниями можно допустить, что сюжет волка мог попасть в Рим такими же путями, как и сюжеты о Прометее, Кентаврах, о пастухе Кавказе в древнегреческую мифологию. Однако вопрос требует специального изучения. Но у Каминского в данном контексте проскользнула весьма заманчивая мысль, что «судьба сарматов может быть предрешена...». Да, он близок к истине, если не удастся отыскать в ираноязычном мире продолжателей хоть какого-нибудь элемента традиционной, этнокультурной специфики сарматов – «конеядов», употреблявших кобылье молоко, «из кумыса сыр едящих». Или же, если не удастся опровергнуть данные сарматского погребения I в. н. э. – «Соколовой могилы» на Южном Буге. По крайней мере, судьба тех сарматов предрешена следующими фактами:

- погребальное сооружение с бревенчатым накатником и подстилкой из травы;
- наличие войлочных изделий;
- захоронение лошади;
- скульптурные изображения мужчин с приплюснутыми носами.

Вот как характеризует Г. Т. Ковпаненко одну из скульптур – золотую ручку сарматского зеркала: «...выполнена в виде фигурки мужчины восточного типа, сидящего со скрещенными ногами... одет в стеганый халат, доходящий до колен... узкие, чуть раскосые выпуклые глаза... с широкими крыльями нос слегка приплюснут».

Интересно бы спросить, на чью чашу весов оппоненты кладут тот факт, что, защищая ираноязычность скифо-сармато-аланов, **все они остаются** в своих аргументах **только** на уровне 1802–1887 гг., которые я и подвергал сомнению. Где же накопленный наукой новый материал? Ведь за истекшие годы фактическая база археолого-этнографической науки о народах Се-

верного Кавказа неизмеримо выросла, и тюркологи черпают все новые и новые факты в споре с иранистами.

Проанализировав все аргументы Ю. Г. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, я подвергаю сомнению научную безупречность их **трудов, послуживших основой зарождения теории** о сплошном ираноязычии всех скифо-сармато-аланских племен. Достаточно было обосновать и поставить перед каждым из них по одному из вопросов:

- почему переселенцы из Картель-Сомхети превращены в «иранцев», а потомки хазарского царя Уобоса в осетин? (Клапроту);
- почему выборочно отождествили аланов армянских источников именно с асами? (Миллеру);
- почему осетины асами называют не себя, а балкарцев? (Абаеву), – и эйфорическая аксиома рухнула, как карточный домик.

Однако под прикрытием громких окриков и ярлыков мои оппоненты уводят читателя от анализа аргументов, лежащих в основе теории, и продолжают по-прежнему:

- машинально ставить перед этими племенами голословный определитель – «ираноязычные»;
- продолжают считать работы В. И. Абаева безусловной аксиомой;
- мимоходом бросают обвинения, что мои аргументы «несерьезные», «необоснованные»...

Ослепленные оппоненты даже не допускают мысли, что их могут спросить: почему ираноязычные? почему аксиома? почему необоснованные? почему никто из них не остановился именно на моем анализе аргументов указанной «тройки»? Ведь это же главная линия книги, через которую нельзя безоглядно перешагнуть. Вновь предлагаю: давайте спокойно обсуждать именно те факты, которые легли в основу теории. Этому была посвящена книга. Поэтому не надо лукавить, в ней не было надобности рассуждать о множестве работ, рожденных голым повторением идей «основоположников», превративших эти идеи в библейские истины. Я могу обрадовать оппонентов, назвав еще десятки источников и работ, в т. ч. В. И. Абаева, В. А. Кузнецова и др., которые я не использую, как не имеющие отношения к формированию фундамента теории. Предлагаю говорить по существу книги, посвященной анализу «корней дерева», а не ее многочисленных ветвей. Возвращая оппонентов в русло книги, вновь напоминаю:

1. Историческая наука не располагает ни одним бесспорным первоисточником об ираноязычии названных племен, хотя о них написано очень много древними и средневековыми авторами.

2. Не надо наивно заслонять основной вопрос об их языке общими сведениями о территории, политике, хозяйстве, связях...

3. Аргументы Г. Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абаева не выдерживают критики, так как они подходили к источникам **только с позиций индоевропеистики.**

4. Характерно, что ни один оппонент ни одного нового довода не приводит об ираноязычии этих племен, оставаясь в гипнотическом упоении идеями Абаева.

Коленопреклонное положение Каминского, заявившего, не зная ни осетинского, ни тюркского, ни вайнахского языков, что этимологии В. И. Абаева «являются аксиомой для исторических исследований», достойно сожаления еще и потому, что он в своем усердии перепутал статус соискателя и «заискивателя»...

Как известно, аксиома не вызывает сомнений, а спор рождается там, где нет аргументированных ответов и положений. Вряд ли кому придет в голову сомневаться в русском прочтении Новгородских берестяных грамот, в дешифровке надписи на Бехестунской скале. А выдерживает ли «аксиома» Абаева какие-нибудь вопросы? Как, например:

1. Решены ли на сегодня главные вопросы культуры и истории скифов? – Нет, они остаются спорными (Ф. Брун, А. А. Нейхардт, И. В. Куклина. А. П. Смирнов).

2. Сомневаются ли оппоненты в «учении» Абаева об ираноязычии названных племен? – Нет, это «аксиома» (В. Н. Каминский, Ю. С. Гаглойти, В. А. Кузнецов).

3. Есть ли среди массы письменных источников, хотя бы намекающие на ираноязычность аланов? – Нет.

4. Сомневаются ли оппоненты в их ираноязычности? – Нет.

5. Можно ли считать каменные ящики, грунтовые могилы, скальные захоронения наряду с земляными катакомбами наследием **только** аланов? – Нет.

6. Сомневается ли в этом мой молодой оппонент и его учитель? – Нет.

Я не берусь из этих «нет» выводить аксиому, оставлю это на совести оппонентов, но не могу не заметить, что в «аксиоме» Абаева Зеленчукская надпись вызывает столько кривотолков потому, что ее осетинское прочтение никого, кроме осетиноведов, не убеждает, так как читали ее «грязными руками», как отмечалось, игнорируя одни, добавляя другие буквы и т. п.

Откровенной демагогией звучат слова В. Н. Каминского, что я связываю балкарцев и карачаевцев с родом Дуло. Не знаю, что хотел видеть оппонент, глядя в книгу, но уверен, что он не держал в руках «Материалы по археологии Кавказа», вып. 3, иначе на с. 116 он прочел бы попытку В. Ф. Миллера датировать надпись 692 г., а если бы отнесся честно к рецензируемой им книге, прочел бы, как я (с. 116) осторожно начал: «Если верна датировка, предложенная В. Ф. Миллером...».

В своих нападках на оппонентов В. И. Абаев очень любит термин «кочка зрения». А нельзя ли спросить у Абаева: с какой такой «кочки» ему померещились скифо-сармато-аланские имена – «Волкоплечий», «Просоеды», «Варазмаг с Дона», «Находящий шерсть оленей» и т. п.? Вряд ли наука знает волчьи плечи или оленью шерсть. Это могли узреть только «абаевские» ираноязычные нарты-великаны, плечи которых, видимо, не отличались «косой саженью».

Научные построения В. И. Абаева, не подкрепленные историко-этнографическим, этнотопонимическим материалом, сведениями из письменных источников, вне круга осетиноведов никогда не считались аксиомой, их и раньше серьезные ученые скорее называли фикцией (Б. Н. Граков, А. А. Мелюкова, К. М. Колобова, Б. В. Миллер). Не признают его штудии и тюркологи У. Б. Алиев, М. З. Закиев, М. А. Хабичев, С. Я. Байчоров, А. Ж. Будаев, Б. Х. Мусукаев, Ф. Гарипова, Х.-М. И. Хаджилаев, А. М. Байрамкулов.

Однако в глазах В. Н. Каминского все эти ученые выглядят «отъявленными националистами» и лишь В. И. Абаев – сама невинность.

Как бы ни усердствовал Каминский, как бы ни «выворачивали» письменные источники его покровители, какие бы оскорбления по моему адресу ни сыпались, неизменным остается главное: многое в «аксиоме» Абаева притянуто за волосы, а потому выпирает во все стороны из прокрустова ложа, уготованного для этнической истории Северного Кавказа.

Поскольку этимологии В. И. Абаева давно и всерьез оспариваются видными учеными: индоевропеистами, тюркологами, вайнаховедами, адыговедами, то уместно поздравить моих оппонентов с тем, что они в лице соискателя В. Н. Каминского получили очень «серьезную» поддержку. Правда, многие его попытки оправдать «доверие» иллюстрируют одну красочную балкаро-карачаевскую мудрость: «Не умеющий бросать камень непременно попадет себе по голове». Крепко бьет себя по голове Каминский, когда опирается на статью своих коллег (А. О. Наглера, Л. А. Чипировой), не имеющую достаточной аргументации для сопоставления термина «тюрк» и этнонима «алан». Сомнительную услугу оказывает ему и абаевская «вариация»: «Беллон – балц – балцон – амбал – бар». Не перестает он бить себя по голове и когда опирается на упомянутую выше навязчивую идею превратить мифическое «аллон» в этноним «алан».

Вместо того чтобы отыскать источники об ираноязычности аланов, В. Н. Каминский принялся упрекать меня работами путешественников XIII–XV вв., преднамеренно «не заметив», как и его единомышленники, что все эти работы были мной разобраны на с. 86–87, когда речь шла об отождествлении аланов и асов. А разве в их трудах есть хоть что-либо о языковой принадлежности аланов? Плано Карпини вообще не был на Северном Кавказе, а Гильом Рубрук, возвращаясь из Азии в устье реки Итиль (Волги), называет аланский город Суммеркент, у которого находились зимние ставки Бату и Сартаха. Вряд ли без целенаправленного насилия над фактами эти сведения можно использовать в пользу ираноязычности аланов, назвавших свой город «Суммеркент». Увлеченный оппонент не устает бить себя, вспомнив работу И. С. Чичурова. Для него и его руководителя должно быть мало утешительного в том, что имя «Итаз», переводимое Абаевым как «Вдовец», звучало в оригинале «Хотакси». С учетом передачи звуков *Ч, Ш* в греческом через *КС* (Э. Эйхвальд), это имя, «оставшееся без внимания комментаторов», звучит в действительности «Хотачи». Этот термин образован от тюркского слова *кут/гут* (благо, благодать,

счастье, успех, величие) с помощью характерного словообразовательного аффикса «чи» (В. В. Бартольд; Древнетюркский словарь).

В расчете «сразить наповал» оппонент обнаружил, что я использую источники через «вторые руки». Я не знаю, через которые руки дошли до меня Илиада, трагедии Эсхила, «История» Геродота, но уверен, что суть их от этого мало изменилась. Эпитеты «доители кобылиц», «конеяды» до сих пор приемлемы только к тюрко-монгольским народам. Сколько бы алановеды ни пытались в различных изданиях искать сведения об ираноязычии аланов и асов – попытки тщетны. Вот в чем второй основной гвоздь проблемы, которую я предлагал обсудить без каприз.

Мой оппонент был плохо информирован: «Армянская география» еще до издания Сукри издавалась трижды: в Марселе – 1683 г.; в Эчмиадзине – 1698 год; в Лондоне – 1736 г. И если бы Каминский работал с этим источником, он знал бы, что выдающийся армянист К. Патканов не придавал изданию Сукри никакого значения, хотя уже много лет Ю. С. Гаглойти тщетно пытается «реанимировать» это издание, чтобы любой ценой прочесть «алан» вместо написанного в источнике «албан». Дело не в том, сколько раз издавался источник, а в том, что он не дает возможности для подобного отождествления, ибо под специальным номером, как указывалось, названы и «алан», и «агван», а не «албан», как это подмечено К. Патковым.

Вероятно, оппонент не держал в руках и работу К. Багрянородного «Об управлении империей», иначе не исказил бы до неузнаваемости титульный лист, указал бы полные исходные данные, назвал бы указанные там имена подготовивших труд к изданию. Не знает он, что у этого автора были три книги, и вовсе не обязательно, чтобы во всех упоминались одни и те же этнонимы. Надо было прочесть «Церемонии византийского двора», «О фемах и народах», на которые я ссылался. В них оппонент нашел бы и «ассиев», и «аланов», и «узов», и «турок». Причем понял бы, что асов он помещает южнее аланов, у Дарьяльского прохода, что заметил и Ю. С. Гаглойти. Так что упрек оппонента равносилен упованию на то, что Пьера Безухова нет в «Анне Карениной».

Касаясь деликатных вопросов исторического наследия народов, ученый всегда обязан держать на острие своего пера слова Г. П. Разумовского: «Никак не годится подменять защиту собственной позиции навешиванием ярлыков, доказательство своей правоты – ее декларированием». И в этой связи сомнительную услугу оказал своему ученику маститый ученый-алановед, навязав устаревшую трактовку (уровня 1935–1938 гг.) Галиатского могильника из каменных ящиков и склеповидных сооружений. Невежество, конечно, достойно сожаления и пощады, но когда человек знает и преднамеренно декларирует ложь – это преступно. В. А. Кузнецов и его ученик не могли не знать, что подобные Галиату погребения не аланские, поскольку последним приписываются земляные катакомбы. Не могли они не знать, что галиатское деревянное седло давно вошло в типологическую классификацию тюркских седел (А. А. Гаврилова) и что в этом погребении было захоронение коня. Знают, что ни в одной катакомбе «эталонной»

аланской культуры Восточного варианта (В. А. Кузнецов) не найдено ни одного скелета коня, но лукавят, утверждая, что «обычай сопровождать умерших конем присутствовал и у аланов» (Советская археология. 1988. № 4. С. 277). Сколько можно прикрываться голыми декларациями? Назовите хотя бы одну земляную катакомбу на территории обеих Осетий с тушей коня – и спору конец! Может, теперь отыщутся?

Говоря словами В. И. Абаева, только с их «кочки» зрения можно спекулятивно утверждать, будто бы низкие столики трех-четырехножки принадлежат исключительно только алано-осетинам. Подобные «подношения» осетинскому народу – это односторонняя правда – хуже лжи. Такие столики ни разу не найдены в земляных катакомбах Осетии: Мощеная Балка – это не катакомбы. Эти столики в основном известны из скальных захоронений, о которых мы говорили выше, и сильно «тюркизированных» катакомб окрестностей Кисловодска (А. А. Иерусалимская, А. П. Рунич). Аналогичные столики обнаружены в курганах алтайских тюрков скифского времени, подобный столик выставлен в чуме шамана в Этнографическом музее Прибайкалья (З. Соколова, С. И. Руденко). Столики – «тепсей» и «ючаякъ» – широко бытовали в традиционной культуре карачаевцев и балкарцев XIX в. (Карачаевцы. С. 185, 241). На с. 41 своей книги я приводил слова Г. Рубрука, что куманы/половцы вместе с умершим клали в могилу столик с кониной. Интересно было бы знать, какой, с позиции Каминского, столик имел в виду путешественник? Неужто современный – столовый?

А вот еще образчик декларативной амбиции: «Но позвольте, ведь любой кочевник, разводивший лошадей, независимо от этнической принадлежности употреблял в пищу аналогичные продукты» – кумыс, конину, сыр из кумыса. Непозволительно, пока не назовете хотя бы одно неурало-алтайское племя «доителей кобылиц». Попробуйте назвать – и дело с концом! Могу подсказать. Чуждо это индоевропейцам-цыганам, которым трудно отказать в кочевой жизни и любви к лошадям. Чужды эти продукты и северокавказским коневодам адыго-кабардинцам, даже перенявшим кочевой курганный обряд захоронения, соблюдавшим подвижный образ жизни еще в XIV–XVI вв. (А. Х. Нагоев). Не употребляли кумыс и узбеки-дурмены, потому что на протяжении многих веков испытывали большое культурное влияние соседних ираноязычных таджиков (Н. Г. Борозна).

Вполне объяснимо двойственное положение Каминского между алановедами и «тюрковедами» и стремление «набрать очки» за счет одобрения работ Я. А. Федорова, А. В. Гадло и др. Важную значимость их трудов мы отмечали, и это трудно переоценить. Но они пока затрагивают «крышу» здания, а не его «фундамент», говорят о бесспорном гунно-болгарском пласте, а не о древнейших истоках тюркского этноса на Кавказе и в Европе.

В который раз из «рецензии» В. Н. Каминского выпирает явное двурушничество: термин «алан» переводил не Мизиев, а Н. Г. Чернышевский, Л. П. Потапов, О. Т. Молчанов, Г. Ф. Саттаров и др. (Шаги к истокам... С. 85). Кому непонятна ситуация, в которой оппонент не может показать

свою «объективность», убоявшись распространить свою злобу и на этих авторов. Еще полшага – и великий Чернышевский становится «тенденциозным вульгаризатором».

Передергивание вырванных из контекста фраз по поводу терминов «ас» и «таулу» говорит лишь о высоком уровне «искусства» ученика В. А. Кузнецова. Хотелось бы услышать их удивление по поводу того, как образованы этнонимы: «тавлин» – горные, «мешари» – лесные, «буряты» – лесные, «брежане» – береговые, «дреговичи» – болотные и т. п. (В. А. Никонов). Не правда ли, странные, с «кочки» зрения Каминского, этнотопонимические метаморфозы?

Вопреки усилиям оппонента извратить мои слова, термин «алан» я трактую не только по голой тюркской этимологии, а вкупе с археолого-этнографическими, этнотопонимическими, этнолингвистическими данными. Если бы не чрезмерное желание оскорбить автора, оппонент прочел бы на с. 160 моей книги, как я отношусь к голым этимологиям. Не секрет, что там моя фраза была направлена против В. И. Абаева, который строит всю свою теорию-аксиому только на насильственных натяжках.

В наши дни правдивая история – это одно из главных требований каждого народа. Спекулятивные выпады в этой области, подношения в виде черным по белому «заштопанной» истории вряд ли кому угодны. Я долго искал термин, спасибо за подсказку. Коллективными усилиями и откровенным насилием над историко-этнографическими фактами, всякого рода дефинициями, переполняющими работы ряда алановедов, «потомки аланов» в пору нарастающего поиска правдивой истории оказываются в незавидном положении и с легкой руки своих ученых-апологетов предстают в пестрой гамме народов Северо-Кавказского региона в виде эдаких страдающих «провалом» культурно-исторической, этносоциальной памяти:

1. Народ не помнит: в языке, в фольклоре, этнотопонимике не отложились этнонимы «ас» и «алан» применительно к самому себе.

2. Где-то в верховьях Кубани, как старую рухлядь при переселении, народ «забыл» свое имя «ас», которое будто бы еще в XII–XV вв. ему принадлежало, и называет своим именем балкарцев и карачаевцев.

3. Даже в нартском эпосе, будто бы отражающем скифо-алано-осетинскую историю (В. И. Абаев, Ж. Дюмезиль, В. А. Кузнецов), как отмечалось, не отложилась специфическая скифская этнокультура: кумыс, конина, способ доения кобылиц; не нашлось ираноязычного термина для обозначения понятий: «море», «лошадь», «шатер», «кумыс» и т. п.

4. Как могло случиться, что в осетинском языке и фольклоре не нашлось иранского термина для обозначения «льва», на которого охотились скифы, изображения которого занимали большое место в скифском искусстве (С. И. Руденко).

5. Аланы, с которыми «осетины осознают свои родственные связи» (В. А. Кузнецов), оставили о себе память, как указывалось в этнотопонимике Подунавья, Алтая, Туркмении, Балкарии, Карачая, а на основной тер-

ритории интеграции в осетинский народ – в обеих Осетиях – начисто все забыли. Но в то же время «вспомнили» и зафиксировали в 147 тюркских топогидронимах имена гуннов, огузов, басмалы, басилов и др.

6. Что могло случиться с этнопсихологической памятью ираноязычных скифо-сармато-аланов, когда они, только перешедшие через Дон и Азов, «забыли» назвать иранским термином хотя бы одну мало-мальски значимую реку Северного Кавказа. В отношении иранской гидронимики Скифии очень важно еще раз напомнить, что Геродот, во времена скифов, не знает рек Днепр, Дунай, Днестр, Дон. Над этим стоит подумать сторонникам сплошного ираноязычия скифских племен.

7. Если асы – это те же аланы, жившие в верховьях Кубани (В. А. Кузнецов), или их второе имя, как объяснить наличие там сотен скальных гробниц и ни одного подобного захоронения в горах Осетии. Вероятно, и эту традицию аланы забыли вместе со своим именем в верховьях Кубани.

8. Что могло случиться с памятью народа, особенно иронцев, что *со скифо-сармато-аланами* обнаруживаются параллели *только на дигорском материале*. А дигорцы, как известно, в своей народной памяти отлично сохранили кровно-родственные связи с балкаро-карачаевцами.

Этот ряд можно продолжать долго, но стоит ли? Ни один из оппонентов не замечает этих неувязок в ложной аксиоме В. И. Абаева. Не замечает потому, что нет ответов. А ведь я предлагал дискуссию именно об этом – и это третий главный гвоздь книги.

Сложившейся ситуацией осетинский народ обязан вовсе не мне, а В. И. Абаеву, В. А. Кузнецову, Ю. С. Гаглойти и др., которые теперь, ради спасения своих трудов, вместо спокойного анализа фактов, вынуждены спекулировать на книге И. М. Мизиева, где все эти неувязки выстроены в стройный логический ряд и вскрыли истинное значение трудов указанных авторов для истории осетинского народа.

Как ни насилуй источники, сколько раз их ни переиздавай, как бы «тенденциозно» к ним ни относился Мизиев, осетинскому народу даже с топором в руках не прикажешь именовать себя асами, доить кобылиц, есть конину. Не заставить и мегрелов именовать аланами не карачаевцев, а осетин.

Мягко говоря, «чудаковатыми» кажутся в работах моих оппонентов и все соседние народы, которые на протяжении двух тысяч лет были тесно связаны с аланами и их предками (до XIV в.), а уже к XVI в. (времени появления первых русских документов) не помнят имени аланов применительно к осетинам. «Хуже всех» здесь выглядят сами осетины, мегрелы и сваны, именующие асами, аланами, овсами балкарцев и карачаевцев. В этом отношении выгодно отличаются древние болгары и их соседи, сохранившие этноним «болгар», несмотря на языковую и культурную ассимиляцию сравнительно небольшой Аспаруховской Орды. А на Северном Кавказе ираноязычные племена ассимилировали кавказцев – тагауров, куртатов, двалов, а свое имя «забыли». Очевидно, северокавказцы в своем «умственном» развитии очень отставали от южно-славянских и фракий-

ских племен, поскольку не замечали (даже в пределах Кубани и Терека), кто, когда, как и куда переселялся. Разве не парадоксально, что болгары замкнулись в южно-славянском мире в VII в. и сохранили свое имя, а «ираноязычные» аланы, замкнувшиеся в кавказских ущельях в XIV в., ассимилировавшие соседние племена, ничего не помнят?

Я положу бальзам на сердца своих оппонентов: допустим на мгновение, что я принимаю буквально все замечания, неприкрытые угрозы, оскорбления и пр. Помогает ли это объективной истории Северного Кавказа? В отличие от амбициозных оппонентов, я могу отказаться от своих идей, но искоренит ли эта жертва всю нелепость последствий априорного утверждения о сплошном ираноязычии скифо-сармато-аланских племен?

- Как заставить Геродота и Иоана Цеца отказаться от тюркских слов?
- Как заставить римских, византийских, арабских, грузинских авторов хоть однажды, хотя бы по ошибке, назвать скифами «ираноязычных» аланов?
- Что делать с Юстином, который «беззастенчиво» намекает, что язык скифов и мидян разный?
- Как заставить хотя бы одно иранское племя или народ «вспомнить» хоть что-нибудь из этнокультуры скифов?

Вопросов этих не счесть, просто мои оппоненты увиливают от ответа.

В заключение следует отметить, что в трудах В. И. Абаева и его последователей четко просматриваются попытки приукрасить историю своего народа и принизить историю балкарцев и карачаевцев, пользуясь тем, что последние были лишены автономных прав с 1944-го по 1956 г. Вся беда в том, что «исторический кафтан» с чужого плеча не украшает богатейшую историю осетинского народа. Я не случайно сказал «принизить», судите сами:

1. В 1949 г. В. И. Абаев при интерпретации староосетинских терминов «кам», «дан», при толковании Аланского приветствия Иоана Цеца, в других аспектах своего труда постоянно прибегал к помощи карачаево-балкарского языка, но одновременно заявлял: «...культурное и языковое влияние балкарцев на осетин в силу объективного соотношения сил было и не могло не быть совершенно ничтожным. Следовательно, осетинский должен был соседствовать в прошлом с какими-то другими северотюркскими языками». Неужто, с якутским?

2. В. И. Абаев хорошо знает двухтысячелетнее соседство и теснейший контакт аланов и осетин с гуннами, болгарами, хазарами, кипчаками, балкарцами и карачаевцами, знает, что Прокопий Кесарийский писал о гуннах, владевших Дарьяльским проходом, однако даже в 1987 г. по примеру тех же мифических «северотюркских» языков 1949 г., все, что есть тюркского в языке, культуре, фольклоре осетин, объявляет «монгольским», чтобы ни за что не увидеть извечных тюркоязычных соседей, буквально живущих на «том берегу речки», – балкарцев. Трудно допустить, чтобы молниеносный, «сабельный» удар монголов мог заменить столь долгий контакт и раз-

носторонние связи с древнетюркскими племенами – предками балкаро-карачаевцев. Сомнения эти имеют основание:

а) монголы никогда не жили на Северном Кавказе большой и сплошной массой. Ставки ордынских ханов в северокавказских городах – это лишь иллюстрация власти Золотой Орды, а не монголо-аланской языковой и культурной интеграции;

б) за какие-то 150–160 лет (от монгольских походов до погромов Тимура) вряд ли можно было изменить и название, и имена главных героев эпоса, культивировавшегося со времен скифов;

в) если даже допустить эту «монголо-аланскую» метаморфозу, ее трудно применить к адыгам, вайнахам, у которых бытовали те же «монгольские» имена нартов;

г) а как же быть с абхазскими и сванскими нартами, которые не имели понятия ни о монголах, ни о Золотой Орде?

д) наконец, почему же более чем 430-летнее адыго-русское, 200-летнее осетино-русское культурное и языковое общение не привнесли ничего русского в нартский эпос? Неужто контакты были слабее, чем с монголами?

3. Если добавим сюда абаевские ухищрения в словарях, тогда картина получается достаточно однозначная.

4. Не отстает от В. И. Абаева и В. А. Кузнецов, не сумевший сказать, что у балкарцев и карачаевцев есть свой вариант нартского эпоса, ограничившись «подачкой» в виде того, что эпос этот «известен также балкарцам и карачаевцам».

В вопросах истории и культуры северокавказских народов В. И. Абаев и его последователи часто противоречат главной идее ленинского понимания национального вопроса – быть предельно тактичными и внимательными.

В этом отношении известному ученому очень уместно вернуть его же слова, сказанные им в упрек адыговедам: «Если национальная принадлежность ученого диктует ему его научные позиции и решения, то это уже не наука. Такой «наукой» можно пренебречь как субъективной писаниной, не имеющей никакого научного значения».

Оказавшись между «молотом и наковальней» – книгой И. М. Мизиева и требованием своего народа правдивой истории, группа оппонентов предпринимает отчаянный «бросок» на книгу и ее автора, изощряясь в подборе ярлыков. Вероятно, знают «чье мясо съели», иначе не стали бы упражняться в бесплодном и бесстыдном фарсе, вместо того чтобы «убить» мои идеи комплексом фактов. Например, такими, какие я указывал выше относительно аланов и асов.

Отсутствие подобного (далеко не полного) ряда конкретностей заставляет их любое прикосновение к скифо-сармато-аланской проблеме со стороны представителей соседних народов воспринимать так же, как воспринимается красное полотнище быками в корриде. Вместо трезвого анализа постоянно нарастающих возражений они яростно набрасываются

на своих оппонентов с набором устаревших доводов и ярлыков, а потому чаще всего промахиваются и воюют с воздухом. Печальный исход опрометчивых бросков общеизвестен. Озлобленность наглядно вскрывает самую болевую точку в алановедении, в которую попала книга И. М. Мизиева. Если в рецензиях В. Н. Каминского, В. А. Кузнецова, Ю. С. Гаглойти сосредоточено все, что могли мне противопоставить, я уверенно могу сказать, что ни одно из стержневых положений книги не поколеблено. Эти рецензии представляют собой последнюю агонию, вскрывшую весь искусственный блеск и действительную нищету скифо-иранской теории.

* * *

Хорошо сказала Мэри Анн Эванс (Элиот), что «факты – упрямая вещь». От них можно действительно только отмахнуться, либо умолчать и не признавать их, как это делают мои оппоненты. Но беда в том, что они настолько упрямы, что от этого не перестают оставаться фактами.

В книгу, которая лежит перед Вами, дорогой читатель, я ровным счетом ничего от себя не внес, кроме нити, связующей множество историко-археологических и этнокультурных фактов в стройную логическую цепь. Поэтому желаю своим будущим оппонентам таким же образом исходить из фактического материала. И рекомендую: «разорвите «нить» на куски, или расщепите ее, если желаете. Что же до букета фактов, то вы никогда не сможете уничтожить их. Вы можете лишь не признавать их, но не более» (Е. Блаватская).

Вероятно, настала пора говорить на языке фактов, на языке первоисточников, особенно, когда речь идет о таких болезненных вопросах, как история и культурное наследие народов. Давайте в плодотворных дискуссиях двигать науку вперед, а не толкаться в амбициозной сутолоке.

Нальчик: Эльбрус, 1990

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБКИЕА – Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.
АИСК – Античные историки о Северном Кавказе.
АЭС – Археолого-этнографический сборник.
ВДИ – Вестник древней истории.
ВЕ – Вестник Европы.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ДТС – Древнетюркский словарь.
ЕГО – Ежегодник Русского горного общества.
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ЗИАО – Записки Императорского Археологического общества.
ЗКОРГО – Записки Кавказского отдела Русского географического общества.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗООЛИД – Записки Одесского общества любителей истории и древностей.
ЗРАО – Записки Русского археологического общества.
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР.
ИА – Институт археологии АН СССР.
ИАК – Известия археологической комиссии.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИИНИИ – Известия Ингушского научно-исследовательского института.
ИИНИИК – Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения.
ИИРАО – Известия Императорского Русского археологического общества.
ИКОРГО – Известия Кавказского отдела Русского географического общества.
ИОНИИК – Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения.
ИРАО – Известия Русского археологического общества.
ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института.
ИЧИНИИ – Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института.
ИЭ – Институт этнографии АН СССР.
ИЮОНИИК – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения.
КБАССР – Кабардино-Балкарская АССР.
КБГУ – Кабардино-Балкарский государственный университет.
КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.
КБНИИИФЭ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
КЧНИИ – Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт.
КЭС – Кавказский этнографический сборник.

ЛО АН СССР ИА – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.

МАД – Материалы по археологии Дагестана.

МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.

МАК – Материалы по археологии Кавказа.

МГГ – Международный геофизический год.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края.

МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук.

МНС – Материалы научной сессии.

МЭГ – Материалы по этнографии Грузии.

ОАК – Отчет археологической комиссии.

РАЖ – Русский антропологический журнал.

РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук.

СА – Советская археология.

СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.

СКАЭ – Северо-Кавказская археологическая экспедиция.

СМИ-ЭБГКЗК – Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края.

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

СНТСГПИ – Сборник научных трудов Ставропольского государственного педагогического института.

СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.

ССК – Сборник сведений о Кавказе.

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.

СССК – Сборник сведений о Северном Кавказе.

СТ – Советская тюркология.

СЭ – Советская этнография.

ТВОИРАО – Труды Восточного отделения Императорского Русского архео-логического общества.

ТКЧНИИ – Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.

ТЧНИИ – Труды Черкесского научно-исследовательского института.

УЗКБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

УЗКГУ – Ученые записки Казанского государственного университета.

УЗПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета.

УЗСГПИ – Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института.

ЧИАССР – Чечено-Ингушская АССР.

ЭПСК – Эпиграфические памятники Северного Кавказа.

ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков.

ЮОНИИ – Юго-Осетинский научно-исследовательский институт.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 5
В. Б. Виноградов. Незаменимое культурное наследие 6
А. Д. Койчуев. Взгляд, приоткрывающий завесу над прошлым 9

БАЛКАРЦЫ И КАРАЧАЕВЦЫ В ПАМЯТНИКАХ ИСТОРИИ

Введение 12
Поселения 14
Могильники 33
Грунтовые могильники 33
Каменные ящики 41
Средневековые полуподземные склепы 52
Об одежде балкарцев и карачаевцев 58
О средневековой пище балкарцев и карачаевцев 70
Архитектурное наследие балкарцев и карачаевцев 78
О чем говорят описанные памятники 87

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БАШНИ И СКЛЕПЫ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ (XIII–XVIII вв.)

И. Е. Крупнов. Предисловие 102
Введение 105
Глава I. Позднесредневековые оборонительные сооружения Балкарии и Карачая 109
1. Общие сведения 109
2. О географии размещения башенных сооружений Балкарии и Карачая 111
3. Описание и типология башенных сооружений Балкарии и Карачая 112
4. Сравнения 128
5. О времени и причинах возникновения башенных сооружений Балкарии и Карачая 130
Глава II. Позднесредневековые склеповые памятники Балкарии и Карачая 135
1. Общие сведения и география размещения 135
2. Описание и типология надземных склепов Балкарии и Карачая 137
3. Хронология надземных склепов 147
4. Сравнения 150
5. О причинах появления надземных склепов Балкарии и Карачая 154
Заключение 157
Примечания 160

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ XIII–XVIII веков
Важнейшие этногенетические аспекты

Глава I. Источники и историография 170
1. Письменные источники о балкарцах и карачаевцах 170
2. Археологические источники темы 179

3. Этнографические источники темы 182
4. Эпиграфические данные по теме 183
Глава II. Поселения и жилища балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII веков 185
Глава III. Одежда и украшения балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII веков 203
Глава IV. Пища и утварь балкарцев и карачаевцев XIII–XVIII веков 215
Глава V. Об экономическом развитии Балкарии и Карачая в XIII–XVIII веках 226
Глава VI. О социальной истории Балкарии и Карачая XIII–XVIII веков 236
1. Поселения и жилища о социальной структуре Балкарского и Карачаевского общества XIII–XVIII веков 236
2. Могильники и погребальные сооружения XIII–XVIII веков о социальной структуре Балкарского и Карачаевского общества 240
3. Архитектурно-археологические памятники о социальной истории Балкарии и Карачая XIII–XVIII веков 247
4. Традиционные общественные институты балкарцев и карачаевцев в свете социальной истории Балкарии и Карачая 251
Глава VII. Некоторые замечания об этногенезе балкарцев и карачаевцев 256
Общие замечания 256
1. Современное состояние изученности этногенеза балкарцев и карачаевцев 258
2. Некоторые этнотопонимы в свете этногенеза балкарцев и карачаевцев 274
3. Традиционная материальная культура балкарцев и карачаевцев в свете их этнической истории 283
4. Традиционная духовная культура балкарцев и карачаевцев в свете их этногенеза 289
5. Некоторые фольклорные сюжеты в свете этнической истории балкарцев и карачаевцев 298
Заключение 306
Примечания 312

ИСТОРИЯ РЯДОМ. *Беседы краеведа*
Человек – творец истории 342
Нальчик в древнейшей истории Юго-Восточной Европы 345
Древнейшие курганы Кабардино-Балкарии рассказывают... 356
Древнейшие кочевники на пути в Закавказье и Переднюю Азию 363
О чем поведали курганы 369
Все ли мы знаем о скифах? 388
Кто такие аланы и асы? 406
О чем и как спорят ученые? 427

Список сокращений 467

Научное издание

ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ
В ТРУДАХ ИСМАИЛА МИЗИЕВА

В трех томах
Том I

Редактор В. Н. Котляров
Художник Ж. А. Шогенова
Корректоры: Н. В. Лысенко, Н. В. Римская

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99
Сдано в набор 09.10.09. Подписано в печать 20.01.10. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Myriad. Усл. печ. л. 32,76. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-93680-336-9

Издательство М. и В. Котляровых.
360051, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19.
Тел./факс (8662) 42-62-09
e-mail elbrus@mail.ru www.elbruss.ru

Отпечатано: ООО «Кубаньагитпечать».
350059, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2.
Тел.: (861) 274–10–74. Заказ №